

Средневековый Лондон, том 1. Исторический и социальный

Уолтер Безант

MEDIÆVAL LONDON

VOL. I
HISTORICAL & SOCIAL

BY
SIR WALTER BESANT

The Project Gutenberg eBook of Mediæval London, Volume 1: Historical & Social.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Mediæval London, Volume 1: Historical & Social

Автор: Walter Besant

Дата выхода: 29 августа 2018 [eBook #57803]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Курноу, Лесом Галлоуэем и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MEDIÆVAL LONDON, VOLUME 1: HISTORICAL & SOCIAL ***

Примечания транскриптора

Обложка была создана путем добавления текста на обычный фон и является общественным достоянием.

Очевидные опечатки исправлены. Вариации дефиса и орфографии оставлены без изменений, за исключением случаев, когда они противоречат указателю.

Номера страниц были добавлены к записям в указателе для городской полиции и для Кингстона-на-Халле.

Исследование Лондона

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛОНДОН ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ

В КОМПЛЕКТЕ С ЭТИМ ТОМОМ

ЦЕНА 30/НЕТТО ЗА ШТУКУ

ЛОНДОН ВО ВРЕМЕНА ТЮДОРОВ

Со 146 иллюстрациями и репродукцией карты Агаса, изображающей Лондон в 1560 году.

"Для студента, а также для тех случайных читателей, которых редкое очарование Лондона привлекает к чтению ее страниц, эта книга будет иметь ценность и очарование, не превзойденные ни одним из ее предшественников" - Pall Mall Gazette.

"Яркая и увлекательная картина жизни Лондона в XVI веке - картина романиста, полная жизни и движения, но с точными деталями антикварного трактата" - Contemporary Review.

ЛОНДОН ВО ВРЕМЕНА СТЮАРТОВ

Со 116 иллюстрациями и репродукцией карты Огилби, изображающей Лондон в 1677 году.

"Это шахта, в которой студент, изучающий как топографию, так и нравы и обычаи, может копать и копать снова с уверенностью найти что-то новое и интересное" - The Times.

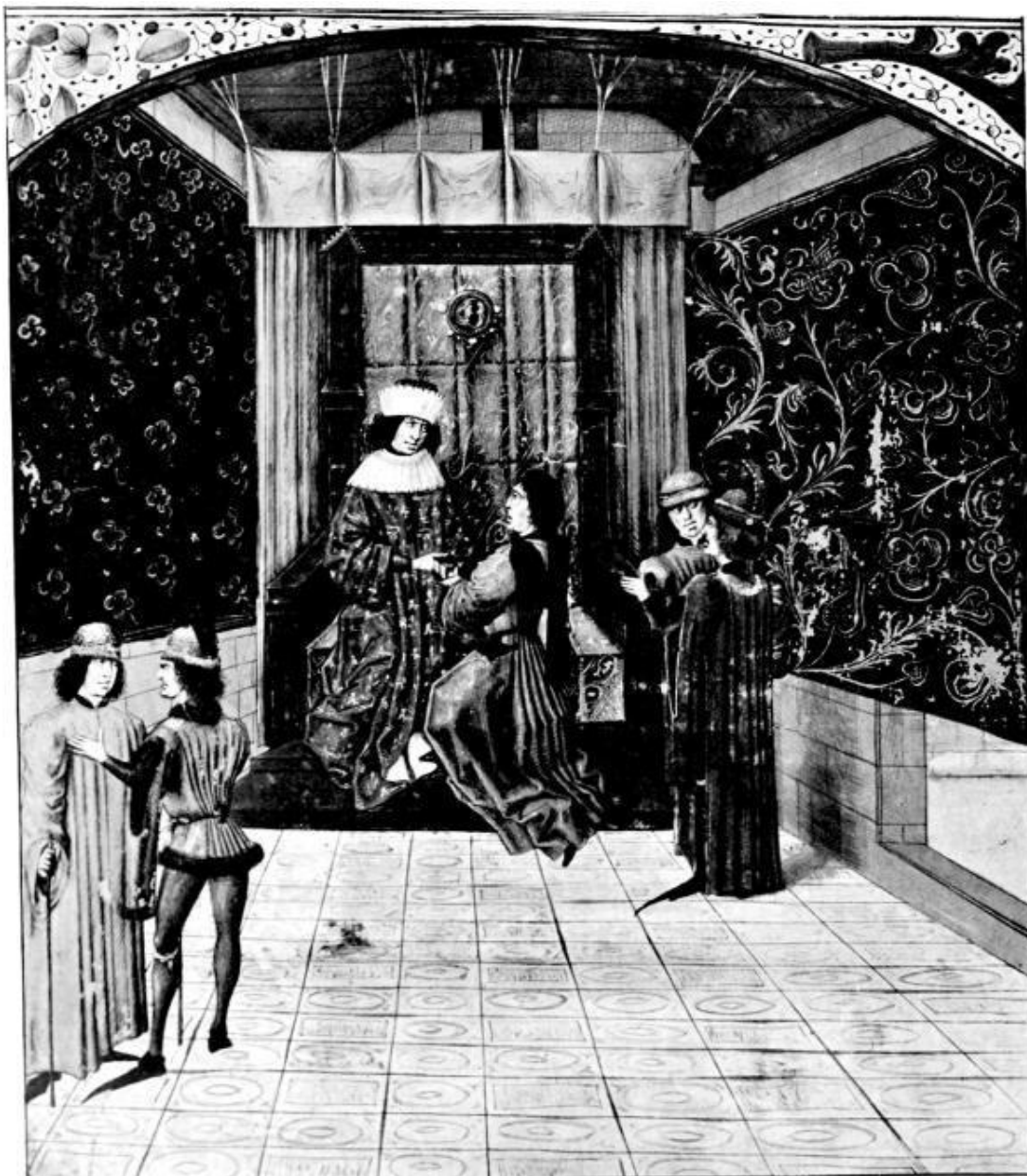
"Перо готового писателя здесь бегло; картина не нуждается в полноте. Записи города и королевства были перерыты в поисках фактов и документов, и они собраны с непревзойденным мастерством" - Pall Mall Gazette.

ЛОНДОН В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Со 104 иллюстрациями и репродукцией карты Лондона 1741-5 годов, выполненной Рокком.

"Книга увлекательна, а ее манера изложения восхитительна" - The Times.

"Фактами и цифрами, подобными этим, эта ценная книга будет полна до краев, и поэтому она рассчитана на то, чтобы заинтересовать всех типов читателей, от студента до дилетанта, от романтика в поисках материи до самого прожорливого изучающего "сиськи-письки" - The Athenæum.

ЭДВАРД IV. И ЕГО ПРИДВОРНЫЕ.
Из MS. в Британском музее. Royal 15 E4.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛОНДОН

VOL. I

ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ

СЭР УОЛТЕР БЕЗАНТ

ЛОНДОН
АДАМ И ЧАРЛЬЗ БЛЭК
1906

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРИ

ГЛАВА.	ПЕЙДЖ
1. Генрих II.	3
2. Ричард I.	9
3. Джон	13
4. Генрих III.	20
5. Эдуард I.	35
6. Эдуард II.	48
7. Эдуард III.	58
8. Ричард II.	78
9. Генрих IV.	92
10. Генрих V.	103
11. Генрих VI.	111
12. Эдуард IV.	138
13. Ричард III.	152

ЧАСТЬ II

СОЦИАЛЬНАЯ И ОБЩАЯ

1. Общий взгляд	159
2. Порт и торговля Лондона	185
3. Торговля и дворянство	216
4. Улицы	226

5. Здания	240
6. Мебель	255
7. Богатство и состояние знати и горожан	259
8. Нравы и обычаи	264
9. Еда	294
10. Спорт и отдых	307
11. Литература и наука в Лондоне	
§ I. Библиотеки Лондона	327
§ II. Лондон и литература	330
§ III. Врач	336
12. Огонь, чума и голод	341
13. Преступление и наказание	349
14. Христианские имена и фамилии	372
ПРИЛОЖЕНИЯ	379
ИНДЕКС	405

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	СТРАНИЦА
Эдуард IV и его придворные	<i>Фронτισпис</i>
Генрих II.	3
Коронация "Молодого короля"	5
Бекет в споре с королем	7
Большая печать Генриха II.	8
Первая печать Ричарда I.	10
Рыцарский крест тамплиеров	12
Король Джон	13
Генри Фитцайлвин, Кнт., первый лорд-мэр Лондона	14
Охота короля Джона	16
Часть Великой хартии	17
Коронация Генриха III.	21
Пасха евреев	27
Папа в консистории	29
Эдуард I.	35
Королева Элеонора Кастильская	36
Чаринг-Кросс	41
Парламент Эдуарда I.	<i>Лицевая сторона</i>

	44
Большая печать Эдуарда I.	46
Голова Эдуарда II.	48
Усыпальница короля Эдуарда II, Глостерский собор	56
Эдуард III.	58
Поединок или турнир того периода	63
Сэр Генри Пикард развлекает королей Англии, Франции, Шотландии, Дании и Кипра	<i>Столкновение 70</i>
Джон Уиклиф	76
Ричард II.	78
Король Ричард II и его совет спускаются на барже по Темзе, чтобы посоветоваться с мятежниками	83
Уот Тайлер за свою дерзость убит Уолвортом, и король Ричард ставит себя во главе мятежников	85
Король Ричард II в большой опасности в лондонском Сити	87
Генрих Ланкастерский возвращает короля Ричарда в Лондон	90
Как Ричард II передал корону герцогу Ланкастеру	<i>Лицо 90</i>
Генрих IV.	92
Похоронная процессия Ричарда II.	<i>Лицевая сторона</i>
	94
"Правдивый портрет Ричарда Уиттингтона, трижды лорд-мэра Лондона"	98
Крыльцо церкви Святого Альфага, Лондонская стена, бывшая часовня приорства Элсинг-Спиталь	99
Генрих V.	103
Корабли в Ла-Рошели	106
Брак Генриха V и Екатерины Французской	108
Генрих VI в младенчестве	111
Герцог Бедфордский	115
Генрих VI.	119
Генрих VI в храме святого Эдмунда	123
Таверна "Белый харт", Бишопсгейт-стрит	130
Лондонский камень	131
Генрих VI и его придворные	133
Эдуард IV.	138
Корабли того периода	141
Бастард из Фальконбриджа атакует Лондонский мост	143
"Иерархия наук" в представлении средневековой мысли	149
Ричард III.	152
Северо-восточный вид на Кросби-холл	153
Интерьер комнаты Совета, Кросби-холл	153
Карта-эскиз Лондона в пятнадцатом веке	159

Белая башня	160
Собор Святой Катерины у Тауэра	161
Чосер	163
Старый фонтан в Минорисе, построен около 1480 года, снесен в 1793 году	175
Вид на северо-запад старинного здания Мерчант-Тейлорс-Холла и прилегающих к нему домов милосердия на улице Треднидл	179
Вид на юго-восток Лондона до разрушения шпиля Святого Павла пожаром, 1560 г.	181
Церковь Темпл, Лондон	183
Обед в доме	203
The Steelyard, Темз-стрит	207
Купец	213
Рыцарь	219
Суд королевской скамьи. Темп. Генрих VI.	221
Вид на руины части поздней церкви Святого Леонарда	229
Вид на склеп на месте бывшего колледжа Святого Мартина ле Гранда	229
Арка приорства Блэкфрайерс, обнаруженная в результате сноса здания в Ирландском дворе, май 1900 года	238
Мэтью Пэрис умирает	241
Посольство от короля Англии, просящее руки леди Изабеллы Французской для заключения брака	243
Зал рыцарей Святого Иоанна	247
"Дамская беседка"	249
Дом Уиттингтона в проезде Свитина, Мур-лейн	250
Строители за работой	252
Свита графа Уорика	260
Домашний слуга и портье, начало XIV века	261
Граф Риверс вручает свою книгу Эдуарду IV.	262
Рыцари готовятся к передаче оружия	265
Королева Изабелла и ее дамы на прогулке верхом	269
Изготовление гобелена	271
Honi Soit qui mal у Pense	Лицо 274
Вестминстерский зал	276
Прощание святого Фомы и двух королей	277
Нищий, пристающий к благородной даме	285
Банкет в Лондоне. Темп. Эдуард IV.	Лицо 296
Банкет	301
Охотничья вечеринка	311
Типы персонажей Чосера	313

Банкет	315
Король и шут	316
Типы персонажей Чосера	317
Турнир графа Уорика	321
Коронация Генриха IV.	<i>Лицо</i> 322
Путешествие английских рыцарей	323
Турнир в Лондоне	325
Джон Лидгейт представляет свою "Жизнь святого Эдмунда" Генриху VI.	328
Страница из Библии Плешивого	331
Лидгейт за работой	335
Доктор физики	336
Операция	337
Хирург, оперирующий на черепе	337
Лаборатория алхимика	338
<i>Кувр-фей</i>	341
Заклученный, которому вынесли приговор и ведут на казнь	349
Тюрьма, Корнхилл	355
Уздечка для ругани в церкви Уолтона-на-Темзе	356
Нищий	363
Рукопашный бой	367

ЧАСТЬ I СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРИ

ГЛАВА I ГЕНРИХ II

[Рассматривая по порядку царствующим королей, я счел необходимым оставить для глав о средневековом управлении городом хартии, последовательно дарованные горожанам, и их значение].

ГЕНРИХ II. (1133-1189)

С его чучела в Фонтевро.

Вступление в должность молодого короля, которому тогда было всего три с половиной года, принесло городу, как и стране, долгожданный период отдыха, мира и процветания. Эти драгоценные дары были обеспечены неусыпной бдительностью короля, чей маршрут

показывает, что он был самым неутомимым путешественником, с решительной целью и упорством бульдога. С самого начала он дал понять всему народу, баронам и бюргерам, что намерен быть королем. Для начала он приказал всем чужеземцам покинуть город. Земля и Сити были полны ими; их узнавали как по походке, так и по речи; добрые жители Лондона на следующий день после провозглашения изгнания искали на улицах этих непрошенных гостей, чье насилие они так долго терпели. Они исчезли, "словно фантомы", - пишет Холиншед. За время своего долгого правления, с 1154 по 1189 год, Генрих, который редко задерживался в одном месте более чем на несколько дней, был в Лондоне или Вестминстере двадцать семь раз, но во многих из них всего на день или два. Эти случаи имели место в марте 1155 года; в апреле 1157 года; в марте, июле и октябре 1163 года; в апреле и сентябре 1164 года; в сентябре и октябре 1165 года; в апреле и июне 1170 года; в июле 1174 года; в мае, августе и октябре 1175 года; в марте и мае 1176 года; в марте и апреле 1177 года; в июле 1178 года; в августе, ноябре и декабре 1186 года; в марте 1185 года; в июне 1186 года и в июне 1188 года. И все эти визиты вместе составили менее трех месяцев за тридцать пять лет. Можно отметить, что свое первое Рождество Генрих провел в Бермондси, а не в Вестминстере. Напрасно спрашивать, какая была причина проводить суд в монастырском доме посреди болота, гораздо более труднодоступном, чем Вестминстер. Именно здесь было принято решение о том, что фламандцы, нахлынувшие сюда в прошлое правление, должны покинуть страну. Среди них был Вильгельм Ипрский, которого Стефан сделал графом Кента. Мы очень мало слышим о личных отношениях короля с горожанами, которых он уважал, как и подобает тому, о ком пишут, что он был "жалостлив к бедным, либерален ко всем людям, что он брал со своих подданных лишь изредка большие дани, и, кроме того, он заботился прежде всего о том, чтобы законы исполнялись должным образом, а правосудие справедливо отправлялось во всех инстанциях".

В 1170 году Генрих II короновал своего старшего сына Генриха; но "молодой король", как его называли, так и не дожил до того, чтобы занять место своего отца; после бунтарской карьеры он умер от лихорадки в 1183 году.

Хартия Генриха давала горожанам привилегии и вольности, не уступающие тем, что были дарованы Генрихом I, - за одним или двумя важными исключениями. Вступительная статья прежней хартии гласила.

"Знайте, что я даровал моим лондонским гражданам владение Мидлсексом за триста фунтов стерлингов в придачу им и их наследникам, так что указанные граждане будут ставить шерифом того, кого пожелают сами, а юстициаром того, кого пожелают сами, для ведения дел короны и ходатайств о ней, и никто другой не должен вершить правосудие над теми же лондонскими людьми".

За исключением нескольких лет в двенадцатом веке шерифы всегда избирались короной. Говорят, что в правление Стефана горожане выкупили право избирать шерифов. Отсутствие столь важного пункта указывает на политику короля. В его намерения входило поставить город под непосредственный контроль короны. Поэтому он сохранил назначение шерифа в своих руках; он называет его "мой шериф", *meus Vicescomes*; так было и при нем, и при его преемнике Ричарде Первом. Когда Иоанн вернул городу право избирать шерифа, эта должность уже утратила свое значение, поскольку была введена коммунальная система управления городом под руководством мэра. В основном благодаря твердой руке короля, который обеспечивал мир и порядок во всей стране, процветание Лондона значительно возросло во время его правления. Пока же Сити управлялся аристократией - олддерменами из приходов, которые поначалу были поместьями или частными владениями. Они пытались управлять Сити, как барон управляет своим народом, каждый в своем приходе: однако

приходилось считаться с народной молью. Люди понимали, что означает собрание и открытое обсуждение: право на объединение было лишь следствием.

Именно в это время мы впервые слышим о лицензиях гильдий. Мы можем считать признаком процветания, когда люди одного ремесла начинают объединяться в корпорации и устанавливать правила в общих интересах.

В 1180 году записано, что несколько гильдий, созданных без лицензии, были оштрафованы: "Гильдия, в которой Госселин был олдерменом или президентом, Радульф Флаэль, олдермен, сорок марок.

"Гильдия, в которой Госселин был олдерменом или президентом, тридцать марок; Гильдия Аурифаброрум, или золотых дел мастеров, Радульф Флаэль, олдермен, сорок пять марок; Гильдия де Холивелл, Генрих сын Годр. Олдермен, двадцать шиллингов; Гильда Бочейорум, Уильям ла Фейт, олдермен, одна марка; Гильда де Понте, Томас Кокус, олдермен, одна марка; Гильда Пиперариорум, Эдвард, олдермен, шестнадцать марок; Гильда де Понте, Алвин Финк, олдермен, пятнадцать марок; Гильда Панариорум, Джон Маурус, олдермен, одна марка; Роберт Рошефолет, его гильдия, одна марка; Ричард Федр. Фельтрариус, олдермен, две марки; Джильда де Санкто Лазаро, Радульф де Барре, олдермен, двадцать пять марок; Джильда де Понте, Роберт де Бозио, олдермен, десять марок; Гильда Перегринорум, Уорнер ле Тернер, олдермен, сорок шиллингов; Одо Вигил, олдермен, его гильдия, одна марка; Гуго Лео, олдермен, его гильдия, одна марка; и Гильда де Понте, Питер, сын Алана, олдермен, пятнадцать марок." (Maitland, vol. i. p. 53.)

КОРОНАЦИЯ "МОЛОДОГО КОРОЛЯ"

Из Vie de St. Thomas (французский MS., 1230-1260).

Если существовали нелицензированные гильдии, то должны были существовать и лицензированные. К сожалению, неизвестно, сколько их было и какого рода они были. Среди них, однако, была важная и влиятельная гильдия ткачей, которые в то время были для Лондона тем же, чем "драпировщики" были для Ипра во Фландрии. (См. с. 201.)

Достаточно отметить притязания короля на лицензирование каждой гильдии. Что касается штрафов для нелегализованных гильдий, то, поскольку деятельность гильдии заключается в регулировании торговли, хотелось бы знать, как регулировалась торговля, когда гильдий не было. Но на сегодня хватит об этом.

В это царствование происходит ранний случай ереси, упрямой до смерти. Еретики пришли из Германии. Их было тридцать человек, мужчин и женщин. Они называли себя мытарями; один из них, их предводитель Герард, обладал некоторой ученостью, остальные были невежественны. Они высмеивали брак, таинства Крещения, Вечери Господней и другие предметы. Когда они предстали перед королем, на них давили Писанием, "но они упрямно держались за свою веру и отказывались быть убежденными". Тогда было приказано прижечь их раскаленным железом по лбу, а вождю еще и по подбородку, выпороть, выгнать в поле и не давать им ни еды, ни огня, ни ночлега; что и было сделано, причем страдальцы все время пели: "Блаженны вы, когда люди ненавидят вас" - и так они вышли на открытую местность, где все и умерли от холода и голода. Жалкая история!

Вот странная история, рассказанная Стоу. Она значительно дополняет историю Роджера из Ховедена, но, возможно, Стоу почерпнул материал и из других источников.

"Брат графа Феррерса был ночью частным образом убит в Лондоне, и когда король понял это, он поклялся, что будет отомщен горожанам: Ибо тогда в городе было принято, что сто или более человек в компании молодых и старых совершали ночные вторжения в дома богачей, чтобы ограбить их, и если они находили кого-нибудь, кто шевелился в городе в течение ночи, они тут же убивали его, причем так сильно, что с наступлением ночи никто не смел приключиться, чтобы ходить по улицам. Когда это продолжалось долго, случилось так, что толпа молодых и богатых горожан, собравшись ночью вместе, напала на каменный дом одного богача и проломила стену, а добрый человек из того дома приготовился с другими в углу, когда он увидел, что один из Тевесов по имени Эндрю Буквинте прокладывает путь, с горящим клеймом в одной руке и горшком с углями в другой, который он пытался зажечь клеймом, он налетел на него и отрубил ему правую руку, а затем с низким голосом закричал "Тевес", услышав который, Тевесы обратились в бегство, все, кроме того, кто потерял руку, которого добрый человек на следующее утро доставил к Ричарду де Люси, королевскому судье. Этот Тееф под страхом жизни обратился к своим единомышленникам, из которых многие были схвачены, а многие бежали, но среди оставшихся был задержан некий гражданин с прекрасным лицом, авторитетом и богатством, по имени Иоанн [Старый1](#), который, не сумев оправдаться перед судом, предложил королю за свою жизнь пятьсот марок, но король велел повесить его, что и было сделано, и город стал более спокойным". (Howe's edition of Stow's Chronicles, p. 153.)

Итак, перед нами случай, когда испытание водой считалось доказательством вины человека. В другом месте описывается метод испытания водой. В результате, конечно же, несчастному ошпарило руку. Однако в Сити стало тихо, что было некоторым преимуществом.

В 1164 году Лондонский мост был "заново сделан из дерева" Питером из Коулчерча, который впоследствии построил его из камня.

В 1176 году было начато строительство каменного моста через реку. Он был завершен только в 1209 году, после смерти архитектора.

Генрих I наказал монетчиков за их поддельную монету. Генрих II также должен был наказать их за тот же проступок, но он выбрал метод, возможно, более эффективный. Он оштрафовал их.

БЕКЕТ В СПОРЕ С КОРОЛЕМ

Из MS. в Британском музее - Claudius D2 (Cotton).

Отношения Томаса Бекета с королем: их дружба, ссоры и трагический конец архиепископа - относятся к истории страны. Однако этой книги касается тот факт, что Томас по рождению был жителем Лондона. Его отец, Гилберт, чей род происходил из Кана, был горожанином с хорошим положением, главным магистратом, или портье, во времена правления Стефана. Гилберт Бекет запомнился в городе не только историей своего прославленного сына, но и тем, что именно он построил часовню на церковном дворе Пардон, на северной стороне собора Святого Павла, где были похоронены многие почетные лица. В Средневековье было принято делать одно место более священным, чем другое, так что если было благословенно быть похороненным в определенной церкви, то еще благословеннее было лежать перед алтарем. Старая история о том, что жена Гилберта была сирийкой, повторяется историками, и очень возможно, что она правдива. Холиншед говорит, что она была "сарацином по религии", что, конечно, неправда. Томас Бекет родился в браке; его отец точно не был женат на магометанке, а место рождения будущего мученика находилось в доме на месте нынешней часовни Мерсерс, которая сама стоит на месте часовни святого Фомы Аконского.

Гилберт Бекет умер, оставив после себя значительную собственность в виде домов и земель. Вступил ли архиепископ во владение этим имуществом как сын своего отца или же подарил его своей сестре, я не знаю. Несомненно, что после его смерти его сестра Агнес, которая в то время была замужем за Томасом Фитц Теобальдом де Хейли, отдала все семейных владений, чтобы основать госпиталь, посвященный ее брату Святому и Мученику. Ничего не должно

быть утаено: все должно быть отдано: мы видим, с какой любовью, скорбью, гордостью относились к новому святому члены его семьи. У алтаря святого Томаса а-Бекета не могло быть более набожного поклонника, чем его родная сестра. (См. также с. 278.)

БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ ГЕНРИХА II.

ГЛАВА II

РИЧАРД I

Коронация короля Ричарда 3 сентября 1189 года была опозорена резней евреев - первым примером антиеврейских настроений. Возможно, когда они только приехали, эти несчастные надеялись, что в Англии не существует традиционной ненависти к этой расе. Увы, опыт мог научить их, возможно, и научил, что ненависть вырастает вокруг ног неверного так же быстро, как чертополох в поле. Когда еврей прибыл в Англию, что он мог делать? Он не мог торговать, потому что у купцов были свои гильдии, а у каждой гильдии была своя церковь, свой святой, свои священники, свои святые дни. Он не мог владеть землей, потому что каждый акр имел своего лорда и мог быть передан только по акту, включающему декларацию веры; он не мог стать адвокатом или врачом, потому что путь к этим профессиям также лежал через церковь. Если человек хотел строить мост, он должен был состоять в Святом братстве мостостроителей-пontiфиков. Если нужен был архитектор, его искали в монастыре. Ученые, врачи, художники были людьми монастыря. Даже менестрели, глеманы, жонглеры, куклы, танцоры, шуты и мимы, хотя Церковь и не благословляла их призвание, не потерпели бы среди себя еврея. Таково было положение еврея. Все призвания были для него закрыты, все двери заперты. Был, однако, один путь, но путь презренный, проклятый Церковью, невозможный для христианина. Он мог заниматься ростовщичеством. Церковь категорически запрещала давать деньги в долг с целью получения прибыли. Тот, кто занимался этим делом, считался отлученным от церкви. Если он умирал, занимаясь этим, то его имущество конфисковывалось и переходило к короне. В вопросе ростовщичества Церковь всегда была тверда и последовательна. Церковь, через одного или двух Отцов, даже осуждала торговлю. Святой Августин прямо говорил, что при продаже товаров не следует добавлять к цене, за которую они были куплены, и этот метод, если бы он был осуществлен, уничтожил бы всю торговлю, кроме бартера. Поэтому, хотя ростовщик был проклят

церковью, для короля он стал крупным и очень ценным капиталом. Каждый еврей, ставший богатым, своей смертью обогащал короля. Было подсчитано (см. Joseph Jacobs, *The Jews of Angevin England*), что евреи ежегодно приносили двенадцатую часть доходов короля. Проценты, взимаемые ростовщиком, были в те времена чрезвычайно высоки, сорок процентов и даже больше: так что легко понять, насколько богатым мог стать еврей и как силен был соблазн его прижать.

ПЕРВАЯ ПЕЧАТЬ РИЧАРДА I.

Что касается ненависти народа к евреям, то я думаю, что она не имеет никакого отношения к их денежному кредитованию по той простой причине, что они не имели с ними никаких дел. Простые люди никогда не занимали денег у иудеев, потому что у них не было никакого обеспечения, и им не нужны были деньги, кроме как на хлеб насущный. Занимали у евреев бароны, укреплявшие, ремонтировавшие или перестраивавшие свои замки; епископ, желавший достроить свой собор или возвести церковь; аббат, которому нужно было выполнить работы в монастырских владениях или благоустроить церковь. Великие лорды церкви и королевства были заемщиками; и мы не находим, чтобы они убивали евреев. Народная ненависть была чисто религиозной. Еврей был неверующим: когда на него никто не смотрел, он плевал на Крест; когда он осмеливался, он похищал детей и распинал их; именно он распял нашего Господа и сделал бы это снова, если бы мог. Король собирался отправиться на Восток, чтобы убивать неверных, а здесь были неверные дома. Почему бы не начать убивать их первыми? Так рассуждали люди, вполне логично исходя из этих предпосылок.

Вернемся к коронации Ричарда I. Из страха перед магией было приказано не допускать в церковь аббатства ни евреев, ни женщин во время торжества. К сожалению, евреи, надеясь примирить нового государя подарками, собрались у ворот и попытались получить вход. Для евреев, особенно во времена гонений, всегда было характерно то, что они ни на йоту не понимали, с какой ненавистью к ним относится весь мир. Можно было бы подумать, что в такой ситуации обычное благоразумие заставило бы их оставаться дома. Но не тут-то было: во время коронационного банкета они попытались прорваться в зал, но их грубо оттеснили, и прошел слух, что король приказал предать их смерти; тогда их стали бить дубинами, камнями, ножами, гнать в дома, которые затем поджигали. С середины дня до двух часов следующего дня толпа продолжала убивать, грабить и разрушать.

Отмечается, что на коронационном банкете Ричарда главный магистрат Лондона, еще не ставший мэром, исполнял обязанности дворецкого - должность, которая в последующие царствования перешла от этого прецедента.

Когда Ричард готовился к крестовому походу, он приказал городу предоставить определенное количество доспехов, копий, ножей, палаток и т.д. для использования его армией, а также вино, шелковые вещи и другие предметы для его собственного использования.

После отъезда Ричарда в Палестину его канцлер, Уильям Лонгчамп, епископ Эли, поселился в Тауэре. Власть вскружила ему голову; он вел себя как человек, чье положение надежно, а власть безгранична. Он раздражал горожан, соорудив вокруг Тауэра ров и включив в его внешнюю стену то один участок земли, то другой, мельницу, принадлежавшую госпиталю Святой Екатерины, и сад, принадлежавший городу. Он оскорбил епископов, схватив своего брата-регента, епископа Падси; а баронов - Джеффри, архиепископа Йоркского, сына прекрасной Розамонды. После этого, когда Джон во главе многочисленной армии вызвал его для оправдания в Рединг, Лонгчамп закрыл ворота Тауэра.

Джон приступил к выяснению нравов ведущих жителей Лондона. С одной стороны, Лонгшамп был представителем короля, назначенным королем, которому следовало подчиняться. С другой стороны, он до крайности раздражал горожан. Они были готовы, но за редким исключением, передать свою верность Иоанну - всегда как представителю короля. И тут они увидели возможность договориться с Иоанном в свою пользу. Почему бы не попросить о коммуне? Они так и сделали. Они поставили предоставление Коммуны условием допуска Джона в город, а значит, и позора Лонгшама. Если Джон откажется, они закроют ворота и поддержат канцлера. Но Джон согласился.

Из Рединга он поехал в Лондон в сопровождении архиепископа Руанского и множества епископов, графов и баронов. Его встретили горожане. Ворота были распахнуты, и армия Джона уселась осаждать Тауэр из города и снаружи. После этого он созвал совет в часовне Святого Павла и там торжественно признал Коммуну, после чего горожане принесли ему присягу в повиновении с соблюдением прав короля. Значение этой уступки будет более подробно рассмотрено позже. Сейчас же достаточно отметить, что за ней последовало избрание первого мэра Лондона, что другие города поспешили получить такое же признание и что Коммуна, хотя и не была официально отозвана самим Ричардом, так и не была им разрешена.

Ричард выдал городу две хартии. Первая, датированная 23 апреля 1194 года, была точной копией хартии его отца, с тем же упущением, касающимся выборов шерифа и юстициара. Она адресована не мэру, поскольку Ричард никогда не признавал эту должность, а, как в хартиях Генриха II и Генриха I, "архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, судьям, шерифам, министрам и всем остальным его верным друзьям и английскому народу".

Вторая хартия от 14 июля 1197 года разрешала убрать все плотины на реке: "Ибо нам ясно... что из-за этих плотин в нашем лондонском городе и во всем королевстве возникли большие затруднения и неудобства".

Теперь мы видим первый намек на явное недовольство народа. Во все времена те, кто "не имеет", относились к тем, кто "имеет", с завистью и презрением; время от времени, как правило, когда условия общества, казалось бы, позволяли разделить, эта ненависть проявлялась открыто. В 1195 году в народе впервые появился лидер, ставший выразителем его недовольства: некоторое время он процветал, пользуясь их благосклонностью; в конце концов его постигла обычная участь тех, кто рассчитывает на благодарность и поддержку народа. (См. т. II. ч. I. гл. VI).

В 1198 году король приказал шерифам Лондона и Мидлсекса предоставить эталоны веса, длины и мер для отправки во все графства.

По возвращении из плена Ричард был принят в городе с величайшим ликованием; дома были так украшены, что привели в изумление "лордов Алмейна", ехавших с королем.

КРЕСТ РЫЦАРЯ-ТЕМПЛАРА

"Когда они увидели великое богатство, - пишет Холинshed, - которое лондонцы продемонстрировали при триумфальном приеме своего суверенного лорда и короля, они очень изумились, так что один из них сказал ему: "Конечно, о король, твой народ мудр и умен, что не сомневается в прекрасном блеске своих богатств теперь, когда они приняли тебя дома, тогда как раньше они, казалось, не замечали своей нужды и нищеты, пока ты оставался в плену. Ибо если бы император понял, что богатства королевства были такими, он бы не был убежден, что Англия может быть обделена богатством, и вы бы не смогли так легко вырваться из его рук без выплаты более огромного и неподъемного выкупа". (Vol. iii. p. 142, издание 1586 года).

Весь период пребывания Ричарда в Лондоне, да и вообще в Англии, ограничивался несколькими неделями после коронации и несколькими неделями после возвращения из плена.

ГЛАВА III ДЖОН

Иоанн даровал городу пять хартий.

Первой из них, от 17 июня 1199 года, он подтвердил права города на свободу, которыми они пользовались при короле Генрихе II.

КОРОЛЬ ДЖОН (1167(?)-1216)
С чучела в Вустерском соборе.

Третьей хартией от 5 июля 1199 года он пошел дальше: он вернул горожанам права, полученные ими от Генриха I, а именно: ферму Мидлсекс за ежегодную выплату 300 фунтов стерлингов и право избирать собственных шерифов. Это казалось большой уступкой, но на самом деле она была не очень значительной, так как существование мэра несколько снижало значимость шерифов.

Вторая хартия подтвердила предыдущие законы о сохранении Темзы и ее рыбных запасов.

Четвертая хартия от 20 марта 1202 года лишила гильдию ткачей права голоса.

Пятая хартия, от 9 мая 1215 года, предоставляла городу право назначать мэра. В городе уже много лет существовал мэр, но он не был официально признан королем, а эта хартия признала его существование. Это право подразумевало создание Коммуны, то есть объединения всех горожан для защиты их общих интересов. Это уже не была, например,

купеческая гильдия, которая регулировала торговлю в целом; не было объединением торговых гильдий; не было объединением городских баронов; не было трибуналом правосудия: это было просто объединение мещан как единого целого.

Однако сейчас мы приближаемся к тому периоду истории города, когда шла долгая борьба между аристократической партией и ремесленниками за власть. В этом месте необходимо лишь указать на начало борьбы. Сторонами были, во-первых, бароны и олдермены, владельцы городских поместий; во-вторых, купцы, некоторые из которых принадлежали к городской аристократии; и, наконец, ремесленники. Главный магистрат Коммуны обладал огромной властью и значимостью. Различные партии должны были стремиться к тому, чтобы этот пост занял человек с их стороны.

ГЕНРИХ ФИЦАЙЛВИН, ПЕРВЫЙ ЛОРД-МЭР ЛОНДОНА
Со старой гравюры.

Лишение ткачей права голоса, безусловно, является важным моментом в этом конфликте. Оно показывает, что аристократическая партия на время одержала победу. Гильдия ткачей, как мы уже видели, стала очень влиятельной. Гильдия объединяла в себе всех торговцев, связанных с производством или использованием текстильных тканей: ткачей, сукноделов, швей, фуллеров, торговцев тканями, портных, драпировщиков, льняных оружейников, чулочников и других, образуя мощный по численности, богатству и организации орган. Разрушение этого органа было равносильно уничтожению власти ремесел на долгое время.

Бытовые происшествия в городе во время этого правления не имеют большого значения.

Очень любопытная история произошла в 1209 году. Королевский поставщик купил в Сити определенное количество кукурузы. Два шерифа, Роджер Винчестер и Эдмунд Харделл, отказались позволить ему вывезти ее. Король Джон, никогда не отличавшийся кротостью, пришел в королевский гнев, когда ему об этом доложили, и приказал Совету города разжаловать и заключить в тюрьму указанных шерифов, что и было сделано. Но Совет послал депутацию к королю, который в то время находился в Лэнгли, чтобы заступиться за шерифов. Их поведение, объяснили они, было вынужденным. Если бы они не остановили вывоз кукурузы, начался бы мятеж, который мог оказаться опасным. Это заставляет нас задуматься, возмущались ли жители города отправкой кукурузы за пределы города? Если да, то почему? Или была какая-то другая причина, чтобы помешать этому?

После возвращения короля из ирландской экспедиции состоялся парламент или совет, проходивший в Сент-Брайдс на Флит-стрит. Джону нужны были деньги. Он настоял на том, чтобы взять их не у Сити, а у религиозных домов. Это был поступок, достойный анжуйца. Факт и способ его достижения описаны Холиншедом следующим образом.

"Отсюда он поспешил в Лондон и, прибыв туда, посоветовался, как возместить большие расходы, которые он понес в этом путешествии, и по совету Уильяма Брюера, Роберта де Тернхема, Рейгнольда де Корнхилла и Ричарда де Мариша он заставил всех светлейших прелатов Англии собраться перед ним в соборе Святой Невесты в Лондоне. Туда прибыли все аббаты, аббатисы, тамплиеры, госпитальеры, хранители ферм и владений ордена Клугни, а также другие форренгеры, у которых были земли в пределах этого королевства, принадлежащие их домам. Все они были обложены таким непомерным налогом, что вся сумма составила сто тысяч фунтов стерлингов. Лунаки ордена Кисто, иначе называемые Белыми Лунаками, в это время были обложены 40 тысячами фунтов серебра, несмотря на все их привилегии в противном случае. Более того, аббаты этого ордена не могли получить разрешение на проведение общего собора в тот год, который обычно проводился, хотя бы их жалоба и вызвала нарекания всего мира на короля за его слишком суровое и жесткое обращение с ними". (Holinshed, vol. iii. p. 174, издание 1586 года).

Этот акт разорения относился к периоду шестилетнего интердикта. Интердикт был объявлен в Страстное воскресенье, 23 марта 1208 года, "который, - говорит Роджер Вендоверский, - поскольку он был объявлен властью нашего Господа Папы, был нерушимо соблюден всеми без различия лиц и привилегий". Поэтому в Англии перестали совершаться все церковные службы, за исключением исповеди, причастия в крайних случаях и крещения детей: тела умерших также выносили из городов и поселков и хоронили на дорогах и во рвах без молитв и присутствия священников".

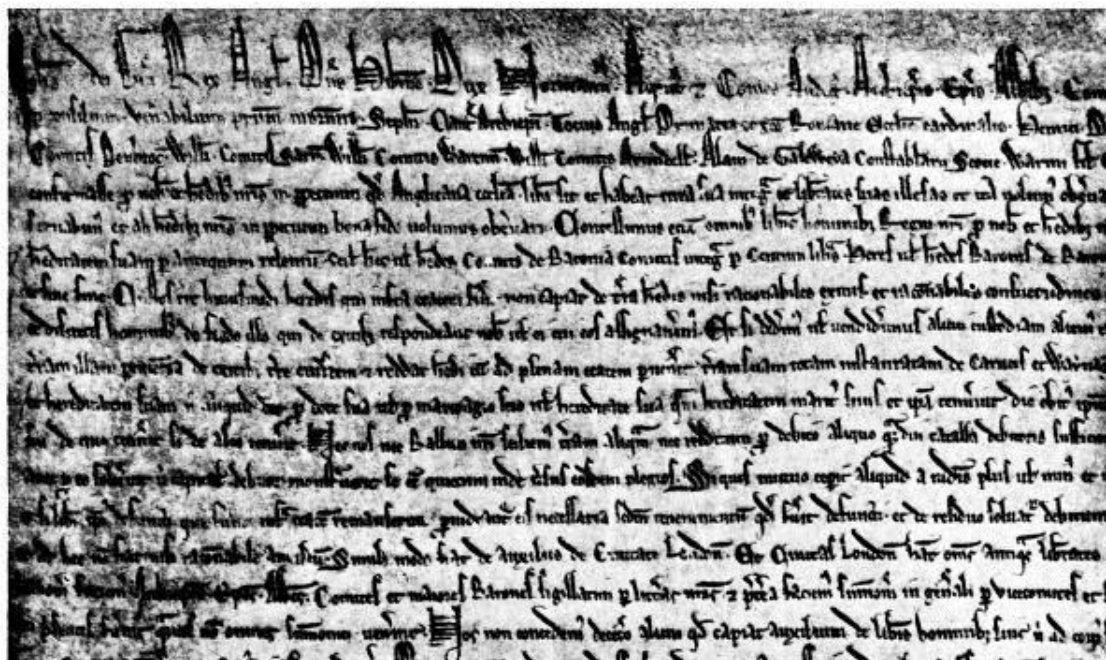
ОХОТА КОРОЛЯ ДЖОНА

Из MS. в Британском музее - Клавдий D2 (Коттон).

В начале Интердикта торжественное молчание церковных колоколов, закрытие церковных ворот, прекращение всех религиозных обрядов в то время, когда ничто не делалось без участия религии, вселяло ужас в умы людей. Но со временем, когда люди привыкли жить без религии, этот ужас улетучился. Мы прекрасно понимаем, что слишком долгое и неукоснительное соблюдение интердикта может привести к уничтожению самой религии. Следует также помнить, во-первых, что Интердикт во многих местах соблюдался лишь частично, а в других местах не соблюдался вовсе. Некоторые епископы оставались на стороне короля; некоторые священнослужители были вознаграждены за неповиновение Интердикту. А в Лондоне и других местах были сделаны послабления. Так, браки и венчания совершались у церковных дверей; детей крестили в церкви; подношения можно было делать у алтаря: в монастырских домах соблюдались канонические часы, но пения не было. Одним словом, хотя тесная связь религиозных обрядов с повседневной жизнью делала интердикт тягостным, можно не сомневаться, что его бремя ощущалось все меньше и меньше, чем дольше он сохранялся. Более того, король предоставил городу доказательство того, что чем дольше продлится интердикт, тем богаче и могущественнее он станет: факт, который, несомненно, ослабил бы ужас перед Церковью, в то время как подданные короля могли бы быть обеспокоены своими свободами; ведь Иоанн конфисковал все имущество Церкви, на которое он мог наложить руки. "Королевские агенты, - рассказывает Роджер Вендоверский, - обратили имущество епископов в пользу короля, предоставив им лишь скудное довольствие на еду и одежду из их собственного имущества. Монета духовенства была повсеместно заперта и разграблена в пользу доходов: наложницы священников и церковников были

захвачены слугами короля и вынуждены были выкупать себя за большие деньги. Священнослужителей и других посвященных в сан людей любого рода, когда они попадались на дороге, стаскивали с лошадей, грабили и жестоко обращались с ними спутники короля, и никто не мог поступить с ними по справедливости. Примерно в это время слуги некоего шерифа на границах Уэльса пришли к королю, приведя с собой разбойника со связанными за спиной руками, который ограбил и убил священника на дороге; и когда они спросили короля, что, по его мнению, следует сделать с разбойником в таком случае, король немедленно ответил: "Он убил моего врага. Освободите его и отпустите!"

В 1210 году для укрепления города был вырыт городской ров.

ЧАСТЬ ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ

С копии оригинала в Британском музее. Коллекция Ришгитца.

Более крупное изображение доступно [здесь](#).

В 1213 году знаменосец города Роберт Фиц-Уолтер, один из недовольных баронов, бежал во Францию вместо того, чтобы дать гарантию своей верности королю Иоанну, после чего Иоанн приказал разрушить его замок - замок Байнард. Этот замок стоял под углом в месте слияния Темзы и Флита. Второй замок Байнарда, возведенный герцогом Глостерским, находился на небольшом расстоянии к востоку, также на берегу реки.

Предводителем баронов был Роберт ФицУолтер, "маршал армии Бога и Святой Церкви". Он был кастеляном Лондона, главным баннеретом города, бароном Данмоу, владельцем замка Байнард и участка, который сейчас образует приход Сент-Эндрю у Уордроб. В качестве кастеляна и баннерета в его обязанности входило руководить казнью предателей путем утопления в Темзе. В суде Хустинга его место было по правую руку от мэра. Во время войны кастелян направлялся к западным воротам собора Святого Павла в сопровождении девятнадцати конных и вооруженных рыцарей, перед ним несли его знамя. Навстречу ему вышли мэр и олдермены, все в оружии, мэр нес городское знамя, которое он передал в руки ФицУолтера, одновременно подарив ему полностью снаряженную колесницу стоимостью в 20 фунтов стерлингов. ФицУолтеру также была вручена сумма в 20 фунтов стерлингов для

оплаты его расходов. Затем зазвонили в колокол Мот, и все поскакали в Приорат Святой Троицы, чтобы там согласовать меры по обороне города.

События, приведшие к уступке Magna Charta, относятся к истории страны. Но нельзя обойти вниманием и ту роль, которую сыграл Лондон в этом памятном событии.

Бароны под командованием ФицУолтера осаждали Нортгемптон, когда от некоторых жителей Лондона пришли письма с предложением принять их в Сити, несомненно, на определенных условиях. Шанс заполучить главный город страны под свою власть был слишком велик, чтобы от него отказываться. Большая рота солдат доставила ответ баронов. Они были допущены в стены тайно; согласно одной хронике, ночью и путем взлома стены; согласно другой - днем и в воскресенье утром, когда народ был на мессе; согласно третьей - открыто и через Олдгейт. Однако, оказавшись в Сити, они захватили и удержали ворота, провозгласили восстание против короля и убили его сторонников. Затем бароны сами вошли в Лондон. Из этой крепости они угрожали уничтожением тем лордам, которые не присоединились к их конфедерации. И на некоторое время все управление прекратилось; в судах не слушались дела; шерифы больше не пытались исполнять свои обязанности; никто не платил налогов, пошлин и таможен. Король, в одно время сократившийся до полудюжины человек, оказался не в состоянии оказать какое-либо сопротивление, и 15 июня 1215 года была подписана Магна Чарта.

Бароны, удерживавшие Лондон в качестве гарантии, вернулись в Сити и оставались там в течение двенадцати месяцев, но в сомнениях и тревоге по поводу того, что король будет делать дальше. На то, что он будет лояльно выполнять свои обещания, никто не рассчитывал. Он отправлял послов в Рим, прося помощи у Папы; жил с несколькими сопровождающими на острове Уайт или на морском побережье вблизи Чинк-Портс, заискивая перед моряками.

Остальное - национальная история. Бароны, судя по всему, проводили время на пирах, пока король действовал. Вскоре они обнаружили, что король снова стал достаточно силен, чтобы встретиться с ними. Он попытался осадить Лондон, но был вынужден отказаться от этого предприятия благодаря мужеству горожан, которые распахнули свои ворота и вышли вперед. Бароны были отлучены от церкви, на город вновь был наложен интердикт; эти меры не дали никакого результата, но бароны ясно понимали, что их единственная надежда заключается в том, чтобы поставить другого короля. Поэтому они пригласили к себе Людовика, сына французского короля, и тогда Иоанн умер.

Вернемся к дарованию Магна Чарты. Джордж Нортон в своем "Историческом очерке Лондона" так охарактеризовал ее влияние на свободу народа: "Эта хартия стала самым настоящим алфавитом.

"Эта хартия стала самой азбукой языка свободы и стала пословицей в устах англичан..... Купцы теперь могли вести свои дела, не подвергаясь произвольным пошлинам: суд общей юрисдикции короля больше не должен следовать за его персоной, а должен быть стационарным в одном месте; что судебные процессы должны быть установлены и проводиться каждый год; и что низшие местные суды должны проводиться только в их обычное и назначенное время..... чтобы шерифам не разрешалось в своих округах вести дела короны: чтобы от народа не требовали никаких пособий, кроме как с согласия парламента и в трех случаях: пленение короля, посвящение его сына в рыцари и брак его дочери. И, наконец, в качестве

предмета национальной заботы было прямо предусмотрено, что Лондон и все города и округа королевства должны сохранять свои древние свободы, иммунитеты и свободные обычаи".

Слова, которые Нортон называет азбукой свободы, следующие:.

"Nullus liber homo capiatur vel imprisonetur, aut disseisiatur de libero tenemento suo, vel libertatibus, vel consuetudinibus suis, aut utlagetur aut exulet aut aliquo modo destruatur: nec super eum ibimus, nec super eum mittimus, nisi per legale iudicium parium suorum vel per legem terrae. Nulli vendemus: nulli negabimus, aut differemus rectum vel Justitiam."

ГЛАВА IV

ГЕНРИХ III

Иоанну наследовал его сын Генрих, которому тогда было девять лет. Смерть врага вернула баронов к верности: сорок из них сразу же перешли на сторону юного короля, остальные последовали за ними один за другим. Людовик остался в Лондоне почти один со своими французами. Гордость и высокомерие иностранцев вызвали у англичан отвращение и склонили их к возвращению верности. После поражения при Линкольне Людовик оказался заблокированным в стенах Сити, не имея возможности выбраться наружу, и, если не придет помощь, скорее всего, будет уморен голодом. Это второй случай в истории, когда Сити был блокирован как по суше, так и по морю: первым была осада, во время которой Кнут привел свои корабли к мосту. Темза была перекрыта, дороги закрыты: ни по реке, ни по дороге в город нельзя было доставить провизию. А когда флот, посланный французским королем на помощь своему сыну, был разбит Юбером де Бургом у Дувра, все шансы принца, которые он мог иметь по прибытии, исчезли. Людовик пошел на условия. Он оговорил амнистию для жителей Лондона: под эту амнистию или в качестве платы за нее он занял у них 5000 марок (или, возможно, 1000 фунтов стерлингов) и таким образом вернулся во Францию.

Молодой король был принят горожанами с обычной демонстрацией буйной радости. Если бы они знали, какие ужасные полвека их ожидают, они были бы менее демонстративны.

Как только Людовик уехал, в Лондоне был созван парламент: забота о юном короле, мать которого уже вышла замуж, была возложена на епископа Винчестерского.

Новые здания в Вестминстере были начаты епископом Винчестерским в качестве одного из первых деяний Генриха.

История борцовского поединка, относящаяся к 1221 году, проливает некоторый свет на внутреннюю обстановку в Сити. Сама по себе она не имела никакого политического значения, разве что показывала, с какой готовностью толпа может подняться на небольшую провокацию и к каким бедам это может привести. Именно в День святого Джеймса на Сент-Джайлз-филдс возле больницы прокаженных проводились спортивные состязания. Молодые люди Лондона состязались с юношами из пригородов, особенно из Вестминстера. Те, кто был свидетелем большого футбольного матча на севере Англии, поймут, с каким напряженным и страстным интересом следили за каждым "событием" массы зрителей.

Гладиаторский бой не был более воинственным, чем борьба этих молодых людей. В этом поединке лучше всех выступили лондонцы, после чего Вестминстерский стюард, как гласит история, решил отомстить, и отомстил очень неспортивно. Он пригласил лондонских юношей на ответный поединок. Те согласились, ничего не подозревая; они отправились без оружия на Тотилл Филдс, готовые возобновить бескровный поединок: их встретили не борцы, а вооруженные люди, которые набросились на них, тяжело ранили и прогнали обратно в Сити. Чувствуется, что эта история неполная и, на первый взгляд, невозможная. Холиншед рассказывает о том, что произошло в результате, следующее:-

КОРОНАЦИЯ ГЕНРИХА III.

Из MS. в Британском музее - Вителлий A. XIII.

"Горожане, оскорбленные тем, что их людей так плохо используют, поднялись в беспорядке и звонили в общий колокол, чтобы собрать больше компаний. Роберт Серль, мэр города, утихомирив бы их, уговаривая оставить обиду в прошлом, пока не будет принято постановление, что они могут получить возмещение, как положено по закону и справедливости. Но некий крепкий мужчина из города по имени

Константин Фиц-Арнульф, пользующийся среди них большим авторитетом, посоветовал народу не прислушиваться к миру, а мстить из рук вон плохо (при этом он показал себя настолько далеким от истинной мужественности, что остерегал себя скорее иметь женское сердце), - ...

... Quod vindicta

Nemo magis gaudet quam fœmina...

все еще продолжая вражду зубами и ногтями и раздувая как бы колос раздора, чтобы дома, принадлежащие аббату Вестминстерскому, а также дом его управляющего были низвергнуты и сбиты вровень с землей. Этот развратный совет был вскоре принят и исполнен возмущенным народом, и сам Константин, будучи главным их предводителем, воскликнул низким голосом: "Гора Радости! Гора Радости! Да будет Бог нам в помощь и наш государь Люэс! Об этом безобразии стало известно Хьюберту де Бургу, лорду-чифу юстиции, и он собрал вооруженных людей, прибыл с ними в город и, допросив виновных, обнаружил, что Константин так же постоянно утверждал, что это его дело, как и раньше постоянно применял его на практике, после чего он был задержан, а с ним еще двое горожан. На следующий день утром Фукс де Брент был назначен вести их на казнь, и так по Темзе он спокойно привел их к месту, где они должны были страдать. Когда Константину надели на шею удавку, он предложил пятьдесят тысяч марок серебра, чтобы его помиловали, но этого не произошло. Вместе с ним был повешен его племянник, также названный Константином, и некто Геффри, который сделал объявление, придуманное упомянутым Константином". (Holinshed, vol. iii. p. 204, издание 1586 года).

В этом необычном инциденте мы ясно видим существование французской партии в Сити. Прошло всего два или три года с тех пор, как принц Людовик был призван сюда: не было никакой любви к советникам или опекунам молодого короля: память об Иоанне все еще мучила: крики "Гора Радости!" исходили от людей французской партии: партия была настолько сильна, что они считали себя уверенными в том, что их будут уважать: Константин полностью ожидал, что будет оправдан, если его будут судить равные. К тому же в партии было несколько - возможно, большинство - самых богатых купцов, поскольку один из них смог предложить за его освобождение 15 000 марок, что равнялось 10 000 фунтов стерлингов и примерно в шесть раз больше по нашему современному курсу. Эта история также позволяет нам понять как преувеличенную веру в свои силы, которую питали жители Лондона, так и негодование, с которым король воспринял бы признаки этой веры. Потребовалось пятьдесят лет Генриха и тридцать Эдуарда, чтобы горожане отбросили веру в то, что королевство - одна из привилегий, дарованных исключительно Сити.

Между тем негодование молодого короля, который никогда не забывал и не прощал этого дела, проявилось в аресте многих горожан по обвинению в участии в этом деле и их наказании в виде лишения рук, ног или зрения. Король также сместил всех городских чиновников. Так были посеяны семена вражды и недоверия между королем и городом.

В 1227 году Генрих объявил себя совершеннолетним. За этим заявлением последовали пять хартий, пожалованных Лондонскому Сити.

В первой из них, от 8 февраля 1227 года, король дарует горожанам шерифство Лондона и Мидлсекса, все их вольности и свободные обычаи, выборы шерифов, которых они должны представлять королевским судьям, но не выборы мэра. Вторая хартия, датированная той же датой, дает им право избирать своего мэра "каждый год". Она адресована архиепископам,

епископам и т. д., а также всем верным подданным; в ней говорится о "баронах" короля в его городе. Третья хартия предписывает убрать все плотины на Темзе и Медуэе, перечисляет привилегии, дарованные хартией короля Иоанна, а также "все прочие вольности, которые они имели во времена Генриха I". (Примечательно, что Эдуард Исповедник больше не фигурирует ни в хартиях, ни в законах). В пятой хартии, датированной 18 августа 1227 года, упоминается варрен Стэйнс.

В 1229 году в Англию прибыл Стефан, папский нунций, с приказом взимать десятую часть со всего имущества, духовного или мирского, в пользу папы. После долгих колебаний и только для того, чтобы избежать отлучения, епископы и аббаты согласились; но мирские лорды отказались, в некоторых случаях уступив, когда их к этому принуждали, а в других - устояв. Граф Честер, например, не позволил взимать налог ни с части своих земель, ни со священника, ни с религиозного дома. Нунций стал одиозным, отчасти из-за своих придирчивых требований, даже забирая золотые и серебряные чаши, когда не было денег; отчасти из-за самого налога, который отдавал, как казалось, всю страну в руки Папы; а отчасти из-за того, что нунций привез с собой неких "Coursines", или Coursini, агентов Папы, которые собирали налог. Эти иностранцы остались и, как мы увидим, с каждым годом увеличивали свое богатство и ненависть народа.

В это царствование деревенские жители получили и другие уроки о том, как нужно относиться к папе, благодаря появлению среди них иностранцев, вторгшихся в их бенефиции из Рима; эти священники не знали английского языка и не могли обучать народ. Беды, возникшие из-за этих бед, вошли в историю страны.

Несмотря на хартии, поборы короля становились все более тяжкими. Он взимал налог на опрос в городе и налог на приход, а после пожара, уничтожившего большую часть города, потребовал 20 000 фунтов стерлингов. В 1231 году евреи построили синагогу "очень любопытно", но горожане, с разрешения короля, завладели ею и, шутя, посвятили ее Деве Марии. Примерно в то же время король построил "прекрасную церковь, примыкающую к ней, в Лондонском Сити рядом со старым храмом", например, *Domus Conversorum* или Дом обращенных. Стоу говорит, что там было много новообращенных, которые были крещены и наставлены в законах Христа и "жили достойно под руководством ученого человека, назначенного управлять ими". Справедливой церковью" была часовня Роллс, которую безжалостно разрушили в 1896 году.

Хроники этой даты содержат много информации о погоде. Я не считал нужным упоминать о сильных морозах, приливах и бурях, которые отмечались в Лондоне и других местах. Похоже, что погода в этой стране во все времена была одинаковой. Время от времени переживает шторм, более сильный, чем обычно. Например, 25 января 1230 года, когда епископ совершал Высокую мессу в соборе Святого Павла, разразилась страшная буря с громом и молниями, и таким ужасным "ароматом и зловонием", что людей охватила паника, и они бросились из церкви сломя голову, падая друг на друга, священники и хористы и все остальные, спасся только епископ и один дьякон. Когда буря утихла, все вернулись обратно, и епископ продолжил мессу. В 1233 году было дождливое лето с наводнениями во всех частях страны и неурожаем. Мы еще не вышли из эпохи чудес и чудовищ. На небе одновременно появились четыре солнца, а также большой круг кристаллического цвета; на юге Англии видели двух драконов, которые сражались в воздухе, пока один не одолел другого, и тогда они оба упали в море. На севере Англии, а также в Ирландии из-под земли появлялись тела вооруженных людей, которые сражались в боевых порядках, а затем снова погружались в землю. Чтобы показать, что это не было простым наваждением, землю на

месте сражения утапывали. А однажды появилась странная звезда с огненным хвостом. Что могли предвещать эти чудеса?

В 1236 году город принял новую королеву со всеми внешними признаками радушия и, к несчастью для себя, богатства. Что было Элеоноре Прованской, что молодому королю думать о ресурсах города, который принял их с таким бравым видом? Вот что пишет Стоу об этой поездке: "Город был украшен.

"Город был украшен шелками, а ночью - лампами, крескетами и прочими огнями без числа, кроме того, было показано множество зрелищ и странных приспособлений. Горожане выехали навстречу королю и королеве, будучи одеты в длинные одежды, расшитые золотом и шелком разных цветов, их лошади были прекрасно запряжены в арраи, числом триста шестьдесят, каждый нес в руках золотые или серебряные кубки, а перед ними трубили королевские трубачи. Жители Лондона подавали вино в качестве дворецких". (Howe's edition of Stow's Chronicles, p. 184.)

В 1236 году в Сити впервые провели воду по трубам из Тайберна или из колодцев или источников в районе Тайберна, который сейчас называется Мэрилебон. Эти трубы были сделаны из свинца и спускали воду в цистерны, которые впоследствии были облицованы камнем. Самой важной из них была труба в Чепе: всего их было девятнадцать, когда были проложены другие трубы, и раз в год мэр и олдермены отправлялись на прогулку, чтобы осмотреть головы, из которых поступала вода, после чего они охотились на зайца до обеда и на лису после обеда в полях вокруг Мэрилебона.

В 1238 году необычная процессия вышла из собора Святого Павла по Флит-стрит и Стрэнду до Дарем-Хауса, тогдашнего дворца легата. Процессия состояла из большого количества церковников, докторов богословия и права, за которыми следовала (или предшествовала) компания молодых людей: они были не подпоясаны, без мантии, с голой головой и босыми ногами. Здесь были главы домов, магистры и студенты Оксфордского университета во главе с Адо де Килкенни, знаменосцем ученых: они направлялись просить у легата прощения за недавнюю прискорбную вспышку в Оксфорде. Все началось с того, что один ирландский студент зашел на кухню легата, чтобы попросить еды. В ответ повар взял кастрюлю, наполненную горячим бульоном, и выплеснул ему в лицо. Уэльский студент, также пришедший с тем же поручением, был настолько разъярен видом этого безобразия, что убил повара на месте. После этого студенты поднялись все вместе и напали на дом. Легат спасался бегством, укрывшись на церковном шпиле, откуда он сбежал под покровом ночи. Как только он оказался в безопасности, он запретил занятия в университете и отлучил от церкви всех, кто был причастен к бунту. Но после их покорности он даровал им прощение и снял интердикт.

В 1250 году король послал за главными горожанами и заверил их, что больше не будет притеснять их налогами. Этому обещанию не суждено было сбыться. По легкомысленной жалобе Ричарда, брата короля, городские свободы были конфискованы и назначен *кустос*, который оставался на своем посту до тех пор, пока город не выплатил штраф в шестьсот марок. Еще пятьсот марок потребовали за новую хартию, по которой приходящий мэр мог ежегодно представляться баронам Казначейства вместо короля. Старая ревность, с которой горожане смотрели на Тауэр, была возрождена и усилена возведением стены вокруг Тауэра. Лонгшамп сделал ров, но его работа осталась незавершенной. Генрих решил продолжить ее и сделать независимую крепость, окруженную собственными стенами и имеющую собственные коммуникации с рекой и внешней страной. Горожане смотрели на возведение этой стены с подозрением и опаской. Не успели они закончить работу, как стена рухнула. Ее

поставили снова, и она снова упала, к великой радости жителей, которые рассматривали это как прямое вмешательство Небес в их дела. О том, что так оно и было на самом деле, свидетельствует ходившая по городу история о том, что свержение стены совершил сам святой Томас а-Бекет.

"Ночью некоему священнику, человеку мудрому и святому, явилось видение, в котором архипрелат, облаченный в понтификальные одежды и держащий в руке крест, подошел к стенам, которые король в то время возвел возле лондонского Тауэра, и, окинув их хмурым взглядом, сильно и яростно ударил по ним крестом, говоря: "Зачем вы их восстанавливаете?". После этого нововозведенные стены внезапно рухнули на землю, как будто их обрушило землетрясение. Священник, испугавшись этого зрелища, сказал клерку, появившемуся вслед за архиепископом: "Кто этот архиепископ?", на что клерк ответил: "Это святой Фома Мученик, лондонец по происхождению, который считает, что эти стены были построены как оскорбление и во вред жителям Лондона, и поэтому непоправимо разрушил их". Тогда священник сказал: "Каких только затрат и труда строителей они не стоили". Клерк ответил: "Если бы бедные ремесленники, ищущие и нуждающиеся в жалованье, добывали себе пропитание этой работой, это было бы терпимо; но поскольку они были построены не для защиты королевства, а лишь для угнетения безобидных горожан, если бы святой Фома не разрушил их, святой Эдмунд Исповедник и его преемник еще более безжалостно низвергли бы их с основания". Увидев это, священник пробудился от сна, встал с постели и в мертвой тишине ночи рассказал о своем видении всем, кто был в доме. Рано утром по Лондону разнеслась весть, что стены, возведенные вокруг Тауэра, на строительство которых король потратил более двенадцати тысяч марок, рухнули, к удивлению многих, объявивших это дурным предзнаменованием, поскольку годом ранее, в ту же ночь, в день святого Георгия, и в тот же час ночи эти стены рухнули вместе с бастионами. Жители Лондона, хотя и были поражены этим событием, но не сожалели о нем, ибо эти стены были для них как бельмо на глазу, и они слышали насмешки людей, которые говорили, что эти стены были построены как оскорбление для них, и что если кто-либо из них осмелится отстаивать свободу Города, то он будет заключен в них и обречен на заточение; А для того, чтобы, если несколько человек будут заключены в тюрьму, они могли находиться в нескольких разных тюрьмах, в них было построено множество камер, расположенных отдельно друг от друга, чтобы один человек не мог общаться с другим." (Матфей Париж.)

О богатстве евреев - или, по крайней мере, одного еврея - свидетельствуют поборы короля с Аарона Йоркского. Он заставил этого человека - одного из "своих" евреев - заплатить ему 14 000 марок за себя и 10 000 марок за королеву. Перед этим он заставил несчастного Аарона отдать ему 3000 марок и 200 марок золота для королевы, всего около 60 000 марок или 40 000 фунтов стерлингов, что в наших деньгах равнялось бы примерно полумиллиону стерлингов. В 1252 году король конфисковал половину всего имущества, которым владели евреи. Но для евреев были и более серьезные неприятности, чем просто грабеж. В 1225 году евреи Норвича были брошены в тюрьму по обвинению в обрезании мальчика с намерением распять его на Пасху. Их обвинили, осудили и "наказали" - повесили или сожгли. В 1255 году сто сорок три еврея были доставлены в Вестминстер по обвинению в распятии ребенка по имени Хью де Линкольн. Восемнадцать из них были повешены, остальные долгое время находились в тюрьме. В 1239 году их обвинили в убийстве, совершенном "тайно", и они были рады, что им удалось спастись, потеряв третью часть своего имущества. Папского нунция Стефана сменил некто Мартин, который продолжал те же поборы, невзирая на ропот и угрозы. Короля убедили провести расследование количества и стоимости привилегий,

которыми владели иностранцы, предпочитаемые Папой. Оказалось, что ежегодная стоимость составляет 60 000 марок, или 40 000 фунтов стерлингов, - огромная сумма по тем временам. Задержание гонца с письмами от Папы к его нунцию, поставило точку в этом деле. Однажды, когда в Данстейбле собралось большое количество лордов, рыцарей и джентльменов, они объединились и послали Мартину сообщение о том, что он должен покинуть королевство. В то время он проживал в Храме. История показывает отчаяние народа и беспомощность короля, чья власть была таким образом узурпирована: -

ЕВРЕЙСКИЙ ПРАЗДНИК ПАСХА
Из миссала пятнадцатого века.

"Мейстер Мартин, услышав это, привел его ко двору и, объявив королю, какое послание он получил, потребовал объяснить, был ли он посвящен в это дело, или же его люди так опрометчиво взяли его на себя без его разрешения или нет? На что король ответил, что он не давал им никакого права так приказывать ему за пределами королевства; но, действительно, (сказал он) мои бароны запрещают мне восставать против меня, потому что я поддерживал и терпел твои пиллинги и вредительство в пределах этого моего королевства, и мне пришлось немало потрудиться, чтобы удержать их от набега на тебя, чтобы растащить тебя по кускам. Мейстер Мартин, услышав эти слова, со страхом в голосе просил короля, чтобы тот ради любви к Богу и почтения к папе мог свободно выйти из королевства; на что король в великом неудовольствии ответил: "Дивилль, который тебя привел, выведет тебя даже в адскую яму за меня". Однако в конце концов, когда те, кто был рядом с королем, утихомирили его, он назначил одного из маршалов своего дома, по имени Роберт Норт или Норес, проводить его к морю, что тот и сделал, но не без большого страха, так как боялся каждого куста, как бы люди не поднялись на него и не ранили его. После этого, придя к папе, он подал гневную жалобу на короля и других". (Holinshed, vol. iii. p. 237, издание 1586 года).

После тщетных переговоров с папой бароны и лорды решили, что больше не будут платить дань Риму. Поэтому папа приказал епископам приложить свои печати к хартии, в которой Иоанн давал согласие на выплату дани. Они так и сделали, после чего король, который всегда был силен в словах, поклялся, что пока он жив, дань Риму выплачиваться не будет. Позиция страны по отношению к Папе была рассмотрена на парламенте, созванном в Лондоне Великим постом 1246 года. Что касается Лондона, то достаточно отметить ссору и вспомнить, что отношение страны за триста лет до Реформации было враждебным по отношению к притязаниям Папы.

В 1241 году состоялось избрание Бонифация, избранного епископа Базеля и дяди королевы, архиепископом Кентерберийским. Это избрание стало величайшим и худшим из многочисленных вторжений иностранцев на английские должности. Мэтью Пэрис рассказывает об этом избрании так:...

"Тогда монахи Кентербери, обнаружив, что папа и король поочередно снисходят к ним и взаимно удовлетворяют просьбы друг друга, призвав благодать Святого Духа и благосклонность короля, избрали пастырем своих душ Бонифация, избранного епископа Базеля, дядю леди Элеоноры, прославленной королевы Англии, но совершенно неизвестного вышеупомянутым монахам в отношении его знаний, нравственности и возраста, и (как было сказано) совершенно неспособного, по сравнению с архиепископами-предшественниками, к столь достойному положению. Однако они избрали его, исходя из этого соображения, а именно: если бы они избрали кого-нибудь другого, король, который во всем добивался благосклонности папы, придумал бы какие-нибудь основания для возражений, отверг бы и аннулировал избрание. А чтобы папа не отверг избранного епископа как некомпетентного, или, скорее, чтобы он оказался компетентным и подходящим для столь высокого сана, король, всеми силами старавшийся содействовать делу и поднять славу Бонифация, ныне избранного или собирающегося быть избранным, приказал составить бумагу, в которой личность Бонифация превозносилась сверх меры, и в доказательство истинности этого приложил к письму свою королевскую печать. Затем он разослал ее епископам и аббатам, повелевая или настоятельно умоляя их также приложить к ней свои печати и подтвердить его утверждение; некоторые, однако, не желая нарушать целостность своей совести и боясь нарушить заповедь Господа "Не лжесвидетельствуй",

решительно отказались повиноваться ему. Однако некоторые представители высшего духовенства, а именно несколько епископов и аббатов, были встревожены угрозами короля и, отбросив благочестивый страх и проявив почтение к человеку больше, чем к Богу, приложили к нему свои печати в качестве гарантии и свидетельства своей веры и с готовностью приняли этого Бонифация в качестве своего настоятеля. Хотя он был благородной крови и самым близким другом принцев обоих королевств, и сам был хорош собой и достаточно квалифицирован, тем не менее монахи Кентерберии очень сожалели, что были побеждены уговорами короля и согласились на его просьбу в этом вопросе; и некоторые из них, поразмыслив внутри себя, зная, какие страдания их ожидают, отделились от своей церкви и, чтобы совершать постоянное покаяние, перешли в картузианский орден".

ПАПА В КОНСИСТОРИИ

Из MS. в Британском музее. Add. 23,923.

Девять лет спустя, в 1250 году, произошел церковный скандал весьма необычного рода, вызванный и спровоцированный высокомерием этого прелата. Стоу рассказывает о нем следующим образом

"Бонифаций, архиепископ Кентербургский, во время своего визита прибыл в приорство святого Варфоломея в Смитфилде, где, будучи принят с процессией самым торжественным образом, он сказал, что не отказывается от чести, но пришел посетить их, на что чанонцы ответили, что они, имея ученого архиепископа, не должны в знак неуважения к нему посещать кого-либо другого, и этот ответ так не понравился архиепископу, что он тут же навалился на субприора и ударил его кулаком по лицу, говоря: "В самом деле! Неужели вам, английским трейторам, подобает так отвечать мне? Разбушевавшись так, что не пересказать, он разорвал в клочья богатый плащ Подприора, растоптал его ногами и прижал к колонне канцелярии, так что едва не убил его, но чанонцы, видя, что их Подприор почти мертв, подбежали и с такой силой оторвали Архиепископа, что опрокинули его

назад, и тогда они смогли увидеть, что он вооружен и готов к бою. Люди архиепископа, увидев, что их господин упал (все они были чужаками, а их господин - земляк, живущий в Провансе), набросились на чанонцев, избили их, растерзали и повергли под ноги: В конце концов, Шаноны, как могли, убежали, бежали в бладди и мири, арендованные и разорванные, к епископу Лондона, чтобы пожаловаться, который велел им пойти к королю в Вестминстер и рассказать ему об этом: тогда четверо из них пошли туда, остальные не смогли, они были так сильно ранены: но когда они пришли в Вестминстер, король не хотел ни слышать, ни видеть их, поэтому они вернулись без потерь. В это время весь город был в волнении, и готовы были звонить в общий колокол и разорвать архиепископа на мелкие кусочки, но его тайно увезли в Ламбет". (Howe's edition of Stow's Chronicles, p. 188.)

На заседании парламента, состоявшемся в 1246 году, был составлен меморандум об обидах, нанесенных Англии Папой Римским, особенно в связи с передачей английских бенефиций иностранцам. Документ представляет большой интерес, но относится к национальной истории. За чтением и принятием этого меморандума последовала отправка писем от (1) "всех англичан"; (2) аббатов Англии; (3) всего английского общества; (4) короля - все они были адресованы Папе Римскому, и, наконец, от короля - кардиналам. Третье из этих писем, которое было отправлено с печатью Лондонского Сити, было самым откровенным. Его можно процитировать следующим образом.

"Святейшему Отцу во Христе и возлюбленному Господу Иннокентию, по милости Божией верховному понтифику Вселенской Церкви, его преданные сыновья: Ричард, граф Корнуолл; Симон де Монфорт, граф Лестер; де Бохун, граф Херефорд и Эссекс; Р. ле Бигод, граф Норфолк; Р., граф Глостер и Херефорд; Р., граф Винчестерский; У., граф Альбемарль; Г., граф Оксфордский; и другие по всей Англии, бароны и дворяне, а также дворяне портов, живущие у морского побережья, а также духовенство и народ в целом, здравствуют и оказывают должное почтение во всех отношениях столь сильному понтифику. Мать-Церковь обязана так лелеять своих детей и собирать их под своими крыльями, чтобы они не ослабевали в своем долге перед матерью, но в случае необходимости могли прилагать более сильные усилия для ее защиты и, взяв в руки меч и пряжку, могли противостоять любой опасности в ее защиту, из молока которой они черпают утешение, пока висят на груди ее материнской ласки: Ибо мать должна помнить о детях своего чрева, чтобы, поступая иначе и лишая их питания своим молоком, не показаться мачехой. Отец, который отстраняется от своих сыновей, тоже не отец, но с полным основанием должен называться отчимом, поскольку считает своих родных детей незаконнорожденными, или пасынками. По этой причине, преподобный отец, "колесница Израиля и ее возница", мы с уверенностью прибегаем к убежищу вашей привязанности, громко взывая к вам, смиренно и благочестиво моля вас, в надежде на божественное возмездие, с состраданием прислушаться к голосам взывающих к вам и применить спасительное средство против тягот, обид и притеснений, постоянно налагаемых и практикуемых на королевство Англии и нашего господина короля: В противном случае неизбежно возникнет скандал, к которому нас, как и короля, побуждают крики народа; поскольку нам придется, если король и королевство не будут в скором времени освобождены от притеснений, практикуемых в отношении него и королевства, выступить стеной за дом Господень и за свободу королевства. Это, правда, мы из уважения к Апостольскому Престолу до сих пор откладывали; но мы не сможем откланяться после возвращения наших посланников, отправленных по этому вопросу к Апостольскому Престолу, или

воздержаться от оказания помощи, насколько это в наших силах, духовенству, а также народу королевства Англия, которые ни за что не потерпят подобных действий: И ваше святейшество может быть уверено, что, если вышеупомянутые дела не будут вами быстро исправлены, будут разумные основания опасаться, что над римской церковью, а также над нашим господином королем нависнет такая опасность, что нелегко будет применить к ней средство, что не дай Бог."

Правление Генриха III должно было преподать гражданам великий урок, что хартия - это только признание и обещание: признание древних прав и вольностей и обещание уважать эти права и вольности. Когда же на трон взошел король, которому не было дела до клятв и хартий, и который был достаточно силен, чтобы навязать свою волю, что стало с правами и свободами? Городу пришлось понять, что необходимо нечто большее, чем слово короля. "Издайте закон" - это крик слабых и невежественных. "Давайте защищать те законы, которые у нас есть", - крик сильных. На протяжении большей части этого долгого правления Лондон был слабым и невежественным. Слабость Лондона - чередование приступов ярости и апатии, когда один за другим у него отнимали свободы, - объясняется тем, что Сити был разделен внутри себя. Объединенный и единодушный Лондон мог бы диктовать условия королю или баронам. Секрет успешного и продолжительного угнетения Сити - внутренний разлад в народе.

Я должен оставить для другой главы историю посягательств короля и внутренних разногласий. Они являются частью роста гражданских свобод, хотя, по всей видимости, сдерживают или мешают им.

В то же время город вместе со страной переживал тяжелые испытания. Произвольный и экстравагантный король; иммиграция иностранцев; поборы итальянских ростовщиков, санкционированные папой; непрерывная и почти безнадежная борьба с господством и притязаниями папы; потеря внешней и внутренней торговли из-за внутренних раздоров и бесконтрольного пиратства - все это вместе взятое делает долгое правление Генриха III самым разрушительным во всей истории Лондона. Борьба с Папой Римским относится скорее к истории страны, чем Лондона. Непопулярность короля распространялась и на королеву. Возможно, именно Элеонору считали главной причиной вторжения в страну этих иностранцев - епископов и ростовщиков. Ненависть народа проявилась в один злополучный день, когда королева решила отправиться на лодке из Тауэра в Виндзор. Когда она приблизилась к мосту, по словам Холиншеда, "развратные наглецы, подкатившие к мосту, с шумом и криками "Утопи ведьму!", бросали в нее камни, дубины, грязь и другие вещи, так что она спаслась с большой опасностью для своей личности, бежала в Ламбет и, опасаясь дальнейшего преследования, высадилась там, и так оставалась до тех пор, пока мэр Лондона, с большими хлопотами умиротворяя опасность народа, не пришел к королеве и не вернул ее в безопасности в Тауэр."

Лондон пострадал еще больше, чем страна, потому что его жители протяжении всего этого долгого правления были объектом неустанной жадности, тирании и ненависти короля. Он лишил Сити мэра и шерифов, заменив их кустосом и бейлифами; он штрафовал их без устали и под самыми незначительными предлогами; он обложил их более тяжелыми налогами, чем они когда-либо знали; он заставил их платить за свои хартии; он пытался перевести торговлю Сити в Вестминстер; но время от времени он, кажется, понимал необходимость примирения: он встречался с горожанами на народных молебнах; он прощался с ними, прежде чем отправиться за границу. В другой раз он сократил расходы своих домочадцев, даже убавил несколько лампад на своем алтаре, так что он не всегда был экстравагантным монархом. В другой раз мы видим, как он проводит день и обедает с монахами-доминиканцами, так что он

не всегда был роскошным монархом. А вот памятная сцена в Вестминстер-холле, которую можно передать словами Мэтью Вестминстерского:...

"Через две недели после Пасхи собрался большой парламент, почти все прелаты собрались вместе и просили, чтобы король, соблюдая их уставы и вольности, как он часто обещал, также позволил Святой Церкви пользоваться своими вольностями, особенно в вопросе выборов прелатов соборных церквей и церквей монастырей: все это король заявил, что будет соблюдать нерушимо, и таким образом получил от них и от других вельмож согласие, которого он желал, на субсидию, которую он требовал для своего паломничества. Соответственно, королю была пожалована десятая часть всех церковных доходов на три года, а с рыцарей в течение этого года взималась пошлина в размере трех марок за каждый щит. И король добросовестно пообещал, что будет неукоснительно соблюдать все то, в чем он неоднократно клялся в других случаях и что было изначально даровано его отцом Иоанном. А чтобы они могли еще больше увериться в его обещании, он приказал публично произнести в его присутствии приговор на этот счет, что и было сделано следующим образом.

Соответственно, третьего мая, в большом королевском дворце в Вестминстере, в присутствии и под властью лорда Генриха, милостью Божьей, короля Англии, и т. д., и т. п. И после того как это было сделано, перед собранием была предъявлена грамота его отца Джона, в которой упомянутый король Джон даровал то же самое по своей собственной воле, и из этой грамоты они заставили перечислить вышеупомянутые вольности. Но пока король слушал вышеупомянутый приговор, он прижимал руку к груди с безмятежным и волевым лицом; и наконец, когда все огарки были брошены и задымились, каждый сказал: "Да будут все, кто нарушит этот приговор, погашены и смердят в аду"; и король со всеми, кто стоял рядом, ответил: "Аминь, аминь"".

Когда началась гражданская война, Сити встал на сторону баронов. Лондон предоставил контингент в 12 000 человек. В Льюисе лондонцы были разбиты принцем Эдуардом в ответ на оскорбления, которыми они поносили королеву, его мать; в Эвешеме их партия была разгромлена, и король вновь вернулся к власти. Он сместил мэра; поставил на его место кустоса; отказался принять горожан, когда они пришли в Лондон просить пощады; пожизненно заключил в тюрьму Томаса Фицтомаса; конфисковал имущество шестидесяти богатейших горожан; оштрафовал Сити на 20 000 марок, а поскольку именно с моста горожане оскорбили королеву, подарил ей мост и пошлины с него. Она оставила его у себя на несколько лет, не заботясь о его ремонте, а затем вернула его городу.

В 1257 году Генрих выпустил новую монету из золотых пенни, каждый из которых весил два стерлинга, *то* есть два серебряных пенни, и каждый из которых должен был представлять двадцать стерлингов. Он попросил совета у Сити по этому вопросу. По общему мнению, золотой пенни был не нужен, и что он приведет к снижению стоимости золота. Король приказал продолжать чеканку монет, но никого не заставлять их принимать.

Теперь мы подошли к запутанному эпизоду истории. Речь идет об оккупации города графом Глостером (Гилбертом де Клером). Как рассказывает Арнольд ФицТедмар, граф прибыл в Лондон по приказу легата, который держал Тауэр. Легат сообщил горожанам, что Глостер - друг короля и что они должны впустить его и его людей в город. Однако горожане умоляли графа не размещаться в их стенах из-за большого количества народа, который с ним находится. Тогда он проехал со своим отрядом и остановился в Саутварке. Но на следующий день граф вернулся, чтобы провести совещание с легатом, и там остались он и все его люди. Перед городом появились бродячие отряды "отступников", которые опустошали Норфолк из

своей штаб-квартиры в Эли. Граф взял ключи от ворот, впустил этих опасных мародеров и принял на себя командование всем городом. Многие из лучших людей ушли, и граф приказал конфисковать их имущество для собственных нужд или позволил своим солдатам разграбить их. К его людям присоединились некие "низкие люди", называвшие себя "Общинами города" - очевидно, это были ремесленники, - которые воспользовались возможностью заявить о себе: Они арестовали многих главных горожан, испортили и растратили их имущество; сместили мэра и шерифов; выбрали троих из себя в качестве кустодов и бейлифов; посадили в тюрьму некоторых олдерменов; пригласили обратно всех тех, кто был изгнан из Сити за нарушение мира против короля Генриха; и освободили тех, кто был заключен в Ньюгейт, Ладгейт, Крипплгейт и другие тюрьмы. Некоторые из беспорядочной компании "изгнанных" отправились в Вестминстер и там натворили столько бед, сколько смогли, разбив стеклянные витрины, выпив вино и испортив здания. Папский легат тем временем находился в Тауэре. С ним находились многие друзья короля - представители аристократической партии - и множество евреев; мы также можем полагать, что в Тауэре укрывались Курсини и иностранцы. Евреям, у которых были жены и дети, а также все их имущество, было поручено защищать одно из отделений Тауэра, которое, как приятно читать, они доблестно защищали. В конце концов был заключен мир, и Сити избежал штрафа, за исключением 1000 марок за разрушение дома брата короля Ричарда в Айлворте.

В 1267 году король передал лондонский Сити своему сыну Эдуарду, чтобы тот мог управлять им и пользоваться его доходами. Эдуард назначил кустоса, некоего Хью Фиц-Отон, который также был констеблем Тауэра.

В 1271 году принц восстановил мэра и шерифов и получил хартию подтверждения для Сити. После этого он принял крест и отправился в крестовый поход.

О сумме доходов, полученных королем от лондонского Сити в 1268 году, свидетельствует следующая декларация, представленная бейлифами Уолтером Херви и Уильямом де Даремом.

	£	s.	d.
По количеству туннажей (королевских весов) и мелких прядок	97	13	11½
По сумме таможенных пошлин с иностранных товаров и пошлин с разных пассажиров	75	6	10
Метраж кукурузы и таможи в Биллингсгейте	5	18	7
Таможня рыбы и т.д., привезенной на Лондон Бридж Стрит	7	0	2
Выдача полей и баров в Смитфилде	4	7	6
За счет пошлин, взимаемых у городских ворот, и пошлин на реке Темзе к западу от моста	8	13	2
За счет сборов, пошлин, взимаемых с рынков Уэстчип, Травяного дешевого и Шерстяного церковного, Хоу и ежегодного общества мясников Лондона	42	0	5
С продукции Квиншита	17	9	2
Имущество иностранцев, конфискованное за торговлю в городе	10	11	0
По местам и привилегиям в городе	86	5	9
Продукцией вайдарийских и амбианских или корбейских и нильских французских купцов из этих городов	9	6	8
Итого	£364	13	2½

В 1267 году произошел серьезный бунт, показавший, что ремесленники еще не усвоили урок братства по отношению друг к другу. Он возник из-за ссоры между ювелирами и портными. К ней присоединились и другие ремесла: например, тавры, которые готовили тонкую кожу, и парментеры, торговавшие широкой тканью. В течение нескольких дней улицы были заполнены компаниями представителей этих конфликтующих профессий, которые дрались и убивали друг друга. В конце концов бунт был подавлен, а зачинщики казнены.

ГЛАВА V

ЭДУАРД I

ЭДУАРД I. (1239-1307)

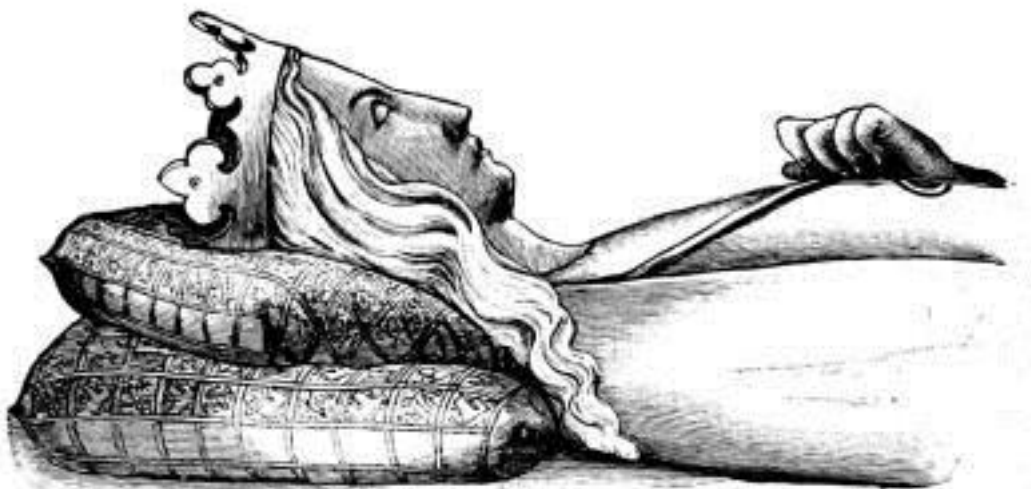
Новое царствование началось с урегулирования давней ссоры. Фландрия была главной страной, производящей ткани, и, как таковая, она всегда была главным покупателем шерсти в Англии, в торговле которой было заинтересовано так много лондонских купцов. В 1270 году, когда графиня Фландрии решила прибрать к рукам шерсть и другие товары, принадлежащие английским купцам в ее владениях, Генрих издал указ мэру и шерифам, запрещающий вывозить шерсть за пределы королевства. Эта мера не принесла желаемого результата. Поэтому в 1270 году король конфисковал все товары фламандцев, гайнольтеров и других подданных графини; он приказал лондонским купцам составить смету своих товаров, которые должны были быть заменены товарами фламандцев, и изгнал всех фламандцев из

страны. Арестованное имущество с лихвой покрыло убытки. Когда старый король умер во время отсутствия Эдуарда в Святой земле, канцлер, Уолтер де Мертон, продолжил изгнание фламандцев.

По дороге домой Эдуард получил посольство от графини и послал за четырьмя осмотнительными гражданами, чтобы они посовещались с ним. Ими оказались Генри Уэйлис, впоследствии мэр Бордо, а также Лондона; Грегори де Роксли, ювелир и торговец шерстью; Джон Хорн, очевидно, фламандского происхождения; и Люк де Баттенкур, шериф. Мир был заключен и подписан в том же году - 1274.

По возвращении Эдуарда из Святой земли город принял его со всем видом радости: все дома были увешаны шелками и гобеленами, а по каналам текло вино.

Он был коронован в Вестминстерском аббатстве вместе со своей королевой Элеонорой 19 августа 1274 года. Церемония проходила в церкви аббатства в том виде, в котором мы ее видим, хотя и без поздних пристроек часовни и западных башен. Аббатство было перестроено Генрихом III, хотя еще не было закончено. На церемонии присутствовала королева-мать, Элеонора Прованская. На следующий день после коронации Александр III Шотландский принес дань уважения. В честь этого события среди толпы было выпущено пятьсот лошадей, чтобы каждый мог взять их себе. Хотелось бы увидеть картину последовавшей за этим суматохи и перечислить убитых и раненых, когда все лошади ускакали.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА КАСТИЛЬСКАЯ
С чучела в Вестминстерском аббатстве.

В Сити продолжалась борьба между двумя партиями. Старая партия пыталась добиться избрания своего человека Филиппа ле Тайлура, но была побеждена простыми людьми, избравшими Уолтера Херви. Было принято обращение к королю: комитет из десяти человек, по пять от каждой стороны, должен был согласовать кандидатуру мэра. Имена членов этого комитета с обеих сторон довольно ясно показывают истинную природу ссоры. С одной стороны - Уолтер Мертон, Уильям ле Полтер, Джон Адриан, Генри де Ковентри и Томас Басинг, все члены старых городских семей; с другой - Роберт Грейпфидж, Алан Капмейкер и Бартоломью Бакалейщик. Когда спор еще не был решен, старый король умер, и Уолтер Мертон сообщил жителям Полс-Кросс, что у них должен быть свой мэр. Новый мэр и шерифы

взялись регулировать городскую торговлю, особенно продажу хлеба, муки и провизии в целом, а также принять законы о наказании тех, кто продает некачественную или фальсифицированную пищу. Когда законы были приняты, отцы города, как это было принято в те времена, сели на свои места с сознанием выполненного долга. Назначение исполнительной власти, которая должна была настаивать на соблюдении законов, было целесообразным решением, еще не изобретенным человеческой смекалкой.

Однако еще одной иллюстрацией волнения и недовольства народа служит тот факт, что на третьем году правления присяжные палаты подали королю жалобу на то, что, хотя город не может быть обложен табором иначе как по приказу короля, он уже несколько раз был обложен табором мэром; и что, хотя все горожане были равны в отношении их свободы и привилегий, некоторые олдермены и другие получили хартии от Генриха III. освобождающие их от уплаты талляжа, так что весь талляж пал на средний род и бедняков, к их большому ущербу и угнетению.

Далее король рассмотрел жалобы на евреев за ростовщичество. Им было запрещено заниматься своим ремеслом; и в знак позора было постановлено, чтобы каждый ростовщик носил на груди значок "шириной в павлин" в знак своего ремесла. Этот закон был направлен против итальянских купцов, людей Папы, которые торговали деньгами и отказывались подчиняться любым законам против этой практики, кроме папских. Что касается несчастных евреев, то, лишившись единственной открытой для них торговли - если их действительно лишили, но я думаю, что эдикт так и не был приведен в исполнение, - они принялись обрезать и уменьшать королевскую монету - если они действительно это делали, но кто-то сомневается, - и в один день все были схвачены и заключены в тюрьму: из всех арестованных в городе двести восемьдесят были казнены. Увы, бедные евреи!

О том, до какого плачевного состояния довел Лондон последний катастрофический период правления, свидетельствует тот факт, что в 1281 году королю доложили, что Лондонский мост стал настолько разрушенным, что в любой момент может обрушиться. Это произошло из-за того, что королева Генриха III потратила доходы и ренту на себя, а строение оставила разрушаться, причем настолько, что в 1282 году случился сильный мороз, и пять опор унесло льдом. Эдуард приказал взимать пошлину в размере одного пенни с каждого всадника и одного полупенни с каждого продаваемого груза, пересекающего мост, и эта пошлина должна была действовать в течение трех лет. Гранты на землю, выданные городу Эдуардом I и последующими королями на ремонт моста, доказывают, что горожане восстановили свои древние права на его содержание.

Городские ворота также находились в гораздо лучшем состоянии, чем мост. Так, ганзейские купцы пользовались привилегией торговать в Сити при условии поддержания одних из ворот - Бишопсгейт - в исправном состоянии и защиты их в случае осады. Это условие было навязано Генрихом III, но купцы пренебрегали воротами, так что к тому времени они пришли в упадок. Когда их призвали к выполнению договора, они сначала отказались, но когда суд казначеев принял решение не в их пользу, они с усердием выполнили свой долг, а через сто пятьдесят лет, когда ворота снова пришли в упадок, они снесли их и отстроили заново.

Жестокость того времени иллюстрирует прием, оказанный голове Ллевелина, принца Уэльского. Он бежал в замок Буилт после того, как проиграл свою последнюю битву. Здесь он был предан в руки Роджера ле Стренджа, который отрубил ему голову мечом и отправил ее королю. Эдуард приказал доставить ее в Лондон. Поэтому голову мертвого воина пронесли на копье, увенчанную серебряной чашей, по улицам города в сопровождении кавалькады вооруженных людей, с трубами и барабанами, под крики народа. Затем его

водрузили на Тауэр, увенчав шуточной диадемой. Вспоминаются также невыразимые издевательства над мертвым телом Симона де Монфора.

Во всех историях Лондона упоминается примечательный случай с Лоренсом Даккетом, о котором говорит Фабиан. Оно произошло в 1284 году и таит в себе множество загадок. Лоренс Дакет был ювелиром, который во время какой-то ссоры ранил некоего Ральфа Крепина в Вестчепе. Сразу же после содеянного, видимо, убегая от толпы, он укрылся в башне церкви Боу. Но некие друзья Крепина, проникнув ночью в башню, повесили Лоуренса на одном из окон так, что казалось, будто он совершил самоубийство. Коронерское жюри, проводившее дознание, вынесло вердикт о самоубийстве, после чего тело бросили в телегу, вывезли из города и закопали в канаве. Однако затем появился мальчик, который заявил, что спал в башне вместе с Лоуренсом Даккетом и что он был свидетелем убийства, совершенного некими людьми, которых он назвал, из угла, где он спрятался. Были произведены аресты и получена дополнительная информация, в результате чего выяснилось, что это убийство и святотатство подстроила и задумала женщина. Ее сожгли заживо. Шестнадцать человек были повешены, а многие другие, уважаемые люди, были оштрафованы. Примечательное убийство.

Вспоминается ссора между золотых дел мастерами и портными за пятнадцать лет до этого. Было ли это возобновление этой или какой-то другой старой вражды? Только так можно объяснить столь решительную и дерзкую месть.

Две вещи примечательны в 1285 году. Во-первых, в этом году был построен большой водовод в Чипсайде. Он представлял собой свинцовую цистерну, обложенную камнем и обнесенную кастетом. За пятьдесят лет до этого воду привозили из Паддингтона, но это была первая попытка создать резервуар; свинцовые трубы, которые использовались изначально, были заменены деревянными, выдолбленными из стволов деревьев. Было три участка: один - 510 прутьев от Паддингтона до "Головы Джеймса"; другой - 102 прута от "Головы Джеймса на холме" до Мьюсгейта; от Мьюсгейта до Креста в Чипе - 484 прута. Долгое время этот канал был единственным источником воды, поступавшей извне, для всего города, за исключением нечистых вод Флота и Уолбрука. Однако в городе было множество частных колодцев и источников, и вода из них поступала в изобилии.

Вторым заметным событием года стал приказ архиепископа Кентерберийского о том, что все еврейские синагоги в городе должны быть разрушены. Ненависть к евреям, как видно, быстро становилась непреодолимой.

В 1285 году, также через тринадцать лет после смерти короля Генриха, на свет появляется событие, которое можно назвать либо актом мести, либо любопытным проявлением духа недовольства, поставившего лондонцев на сторону баронов. Гражданин по имени Томас Пивилсдон (? Уиллесден), который во времена баронов был великим "делателем, возбуждающим народ против короля Генриха", был арестован по обвинению в подготовке новых беспорядков. Несомненно, это было связано с усилиями ремесленников. Кустос арестовал его и вместе с пятьюдесятью другими пожизненно изгнал из города.

Последовавшая за этим уступка купцам была, по-видимому, уступкой. Раньше иностранные торговцы были вынуждены селиться в домах горожан и продавать свои товары через лондонских купцов. После того как им разрешили занимать дома и использовать их для хранения и продажи, их обвинили в злоупотреблении этой привилегией различными способами; они взвешивали свои товары на своих частных весах вместо королевских, а также использовали фальшивые гири. Двадцать из них были арестованы и отправлены в

Тауэр; их фальшивые гири были публично уничтожены в Вест-Чепе, а сами они, после длительного заключения, были оштрафованы на тысячу фунтов.

Город пришел в ужасное состояние из-за плохого управления мэрами и шерифами, внутренних разногласий и всеобщей анархии. Улицы по ночам кишели компаниями грабителей и убийц; ремесленники, особенно те, чья работа пересекалась друг с другом, вечно ссорились; повсюду царил раздор; старый порядок разрушался. На какое-то время в Лондоне перестали избирать мэра. Более того, примеры такого деспотичного решения были и при Генрихе III. Шерифом в 1285 году был Грегори Роксли, золотых дел мастер. Вместе со своим другом Генри Уэйлисом он по очереди занимал главный пост в Сити. Уэйлис был виноградарем. Оба были богатыми людьми и пользовались хорошей репутацией у короля. В 1275 году Генри Уэйлис перешел из мэрии Лондона в мэрию Бордо. В 1274 году Роксли не занимал никакой должности в Лондоне, поскольку был отправлен с посольством во Фландрию. Следующая таблица иллюстрирует положение в Сити этих двух купцов.

- 1264. Грегори Роксли - один из шерифов.
- 1271. Шерифы Грегори Роксли и Генри Уэйлис.
- 1274. Мэр, Генри Уэйлис.
- 1275. Мэр, Грегори Роксли.
- 1276. Мэр, Грегори Роксли.
- 1277. Мэр, Грегори Роксли.
- 1278. Мэр, Грегори Роксли.
- 1279. Мэр, Грегори Роксли.
- 1280. Мэр, Грегори Роксли.
- 1281. Мэр, Грегори Роксли.
- 1282. Мэр, Генри Уэйлис.
- 1283. Мэр, Генри Уэйлис.
- 1284. Мэр, Генри Уэйлис.
- 1285. Мэр, Грегори Роксли.
- 1286-1297. Мэра нет.
- 1298. Мэр, Генри Уэйлис.

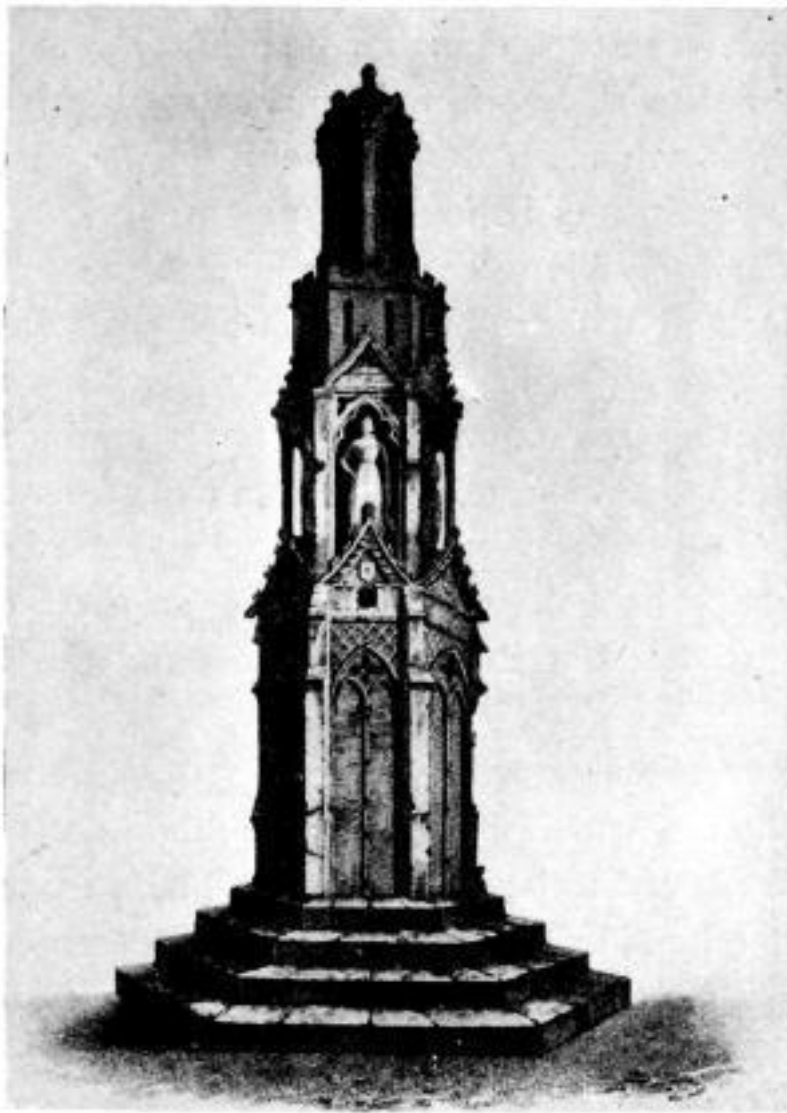
Таким образом, за тринадцать лет ни один горожанин не выдвигался на пост мэра, кроме этих двух, а когда город через двенадцать лет вернулся к своей старой конституции, один из этих двух - вероятно, оставшийся в живых - снова стал мэром.

В 1285 году Эдуард взял город в свои руки следующим образом. В праздник святых Петра и Павла (29 июня) лорд-казначей вызвал мэра в Тауэр, чтобы тот дал отчет о своей работе по поддержанию мира. Вызов был нарушением свобод города (см. также т. ii. ч. i. гл. iv.). Грегори Роксли, однако, не отказавшись официально подчиниться, прошел в процессии вместе с городскими отцами до церкви Баркинга. Здесь он отбросил мантию, воротник, кольца, отпустил своих офицеров и вошел в Тауэр как частное лицо, представ перед судьями. Они спросили его, что он имеет в виду. Он ответил, что как мэр он не обязан представлять перед судом за пределами городских владений. Думаю, можно предположить, что этот вопрос и этот ответ были подготовлены заранее, поскольку маловероятно, чтобы казначей не знал городских хартий. Роксли было позволено удалиться. На следующий день его и главных

горожан арестовали и посадили в тюрьму. Король, "обнаружив, что город остался без мэра", взял дело в свои руки и назначил кустосом сэра Ральфа Сэндвича. После этого все были отпущены, а кустос остался за главного.

Вся эта история свидетельствует о прежней договоренности. Единственные два человека, которые, казалось, могли бы занять пост мэра, старели; должность была более обременительной, чем они могли вынести; город с каждым днем становился все более незаконным; насилие совершалось все чаще; ссоры ремесленников происходили все чаще; уличные драки случались все чаще; рука закона была слабее. Но король был силен, в этом не было сомнений. Еще задолго до своего воцарения Эдуард доказал горожанам, что он силен, справедлив и непреклонен. Пусть король захватит город и владеет им до восстановления порядка. Но не путем попрания хартий. Пусть это будет сделано с помощью юридических пререканий.

Так все и было решено, и Грегори Роксли, освободившись из тюрьмы, отошел от дел, чтобы спокойно заниматься своими собственными делами. Поскольку мы больше ничего не слышали о нем, можно предположить, что он, вероятно, был уже мертв, когда горожане вернулись к выборам мэра. И король, обнаружив, что город остался без мэра, назначил кустоса от своего имени. Одного из горожан, Асви, олдермена Чепе, продержали в тюрьме еще немного, по какой-то другой причине, которую мы не можем узнать. Новый кустос, как видно, был сильным человеком. Он не только знал, как принимать законы, но и следил за их исполнением. Он не разрешал иностранцам носить оружие и находиться за городом после комендантского часа; а поскольку беспорядки в последнее время происходили в основном по ночам, все люди, бродившие по улицам после наступления темноты, подлежали аресту и заточению в тун Корнхилла. Ни виноторговцы, ни торговцы вином не должны были держать свои лавки открытыми после комендантского часа; а поскольку многие развратники обучались искусству фехтования, чтобы помочь своему беспорядочному поведению, все школы фехтования были закрыты; олдерменам было предписано обследовать свои кварталы, арестовывать негодяев и предавать их наказанию. В качестве практического примера Кустос арестовал пятьдесят восемь человек и изгнал их из города. Тогда сердца честных людей обрадовались. У них появился справедливый и сильный король, который назначил справедливого и сильного кустоса. Законы будут соблюдаться. Что касается городских свобод, то они, несомненно, будут восстановлены, когда город очистится и будет готов жить чистой и достойной жизнью. Был сделан еще один важный шаг. Было приказано, чтобы король имел армию для защиты в случае необходимости, чтобы каждый человек имел оружие и доспехи в соответствии со своим рангом, и чтобы доспехи проверялись дважды в год; и, кроме того, для лучшей безопасности города, чтобы каждые ворота охранялись шестью людьми и были закрыты от заката до восхода солнца.

Гроув и Боултон.

ЦАРСКИЙ КРЕСТ

Спроектирован Пьетро Кавалини.

Этот сильный король еще одним актом правосудия, совершенным в то же время, вселил ужас в души высокопоставленных преступников. Это было наказание королевских юстициаров за задержки и коррупцию, с которыми они вели свои суды. Двенадцать судей были признаны виновными и приговорены различным наказаниям и штрафам. Верховный судья был лишен всего имущества и сослан в ссылку. Другой судья был оштрафован на 32 000 марок, огромную сумму денег; остальные были оштрафованы на сумму от одной тысячи до семи тысяч марок.

Уважение к закону после долгого периода беззакония стало тем уроком, который должен был усвоить народ. В Лондоне его сурово преподавал горожанам королевский кустод, сэр Ральф Сэндвич. Сначала на примере иностранных купцов: обнаружив, что они справедливо обвинены в короткой мере и ложном весе, он заключил их всех в Тауэр и оштрафовал на тысячу фунтов. Это наказание вселило спасительный ужас в сердце многих честных торговцев: квартовые горшки, например, повсеместно возвращались к своим первоначальным размерам путем удаления смолы, которая поднимала дно. Еще один полезный урок был получен при попытке спасения. Шериф вел преступника в тюрьму, когда

трое заблуждающихся граждан напали на него и насильно освободили человека. Их немедленно арестовали, судили и приговорили к отрубанию правой руки. Это наказание, которое не хотелось бы возрождать; в то же время можно признать, что зрелище этих несчастных обрубков должно было ежедневно напоминать горожанам об уважении, которое полагается оказывать магистрату. Это был наглядный урок, который продолжался до самой смерти последнего из оставшихся в живых троих. И еще один урок был преподан им, когда некоторые из главных горожан вскрыли тюрьму Туна и освободили заключенных. Их самих посадили в тюрьму, а город оштрафовали на 20 000 марок.

В 1295 году произошло событие, к счастью, самое необычное в летописях страны - преднамеренное подлое предательство рыцаря, считавшегося благородным и верным, поскольку он уже доказал свою храбрость. Об этом случае рассказывается в книге Холиншеда; кратко о нем упоминают Стоу и другие; наиболее полный рассказ, однако, принадлежит Бартоломею Коттону, цитируемому в приложении к "Хроникам старого Лондона" (ФицТедмар):-.

"В том же году (1295 г. н.э.) некий рыцарь, Томас Турбевиль по имени, который был взят французами при осаде Реймса и заключен в тюрьму королем Франции, прибыл в Англию с изменническими намерениями и сказал, что бежал из тюрьмы короля Франции; после этого он был любезно принят нашим господином королем Англии и удостоился большой чести. Но после того как он пробыл некоторое время при дворе вышеупомянутого короля Англии, он попытался отправить некое письмо королю Франции, после чего его посланник отнес его королю Англии и дал ему полный и открытый отчет о предательстве его нанимателя. Предатель, заподозрив это, обратился в бегство, но вскоре был схвачен. Суть его предательского письма была такова:.

Нет необходимости приводить здесь весь текст письма. Оно доказывает измену этого человека до мозга костей.

"И знайте, что король посылает в Гаскойн двадцать кораблей, груженных пшеницей и овсом, а также прочим провиантом и большим количеством денег; туда же отправятся брат короля сэр Эдмунд, граф Николь, сэр Хью ле Деспенсер, граф Варвик и многие другие добрые люди; и это вы можете рассказать высокому лорду. И знайте, что мы думаем, что у нас достаточно дел против шотландцев, и если шотландцы восстанут против короля Англии, то восстанут и валлийцы. И это я хорошо придумал, и Морган заключил со мной договор на этот счет. Поэтому я советую вам немедленно послать в Шотландию великих людей, ибо, если вы сможете туда войти, вы овладеете ею навсегда".

Упомянутый Томас был схвачен в ближайшую субботу перед праздником Святого Михаила и доставлен в лондонский Тауэр, а в ближайшую субботу после праздника Святой Веры (6 октября) он предстал перед судом и ушел, как было описано ниже:-Он выехал из Тауэра, сидя на бедной лошади, в плаще из луба и обутый в белые башмаки, голова его была покрыта капюшоном, ноги связаны под брюхом лошади, а руки связаны перед ним; вокруг него ехали шесть мучителей, одетых в форму дьявола, один из которых держал его за поводья, а палач - за недоуздок, ибо на лошади, которая везла его, были они оба: И таким образом его провели из Тауэра через весь Лондон в Вестминстер, и осудили на помосте в Большом зале, и сэр Роджер Брабазун произнес над ним приговор, что он должен быть схвачен и повешен, и что он должен висеть до тех пор, пока от него останется хоть что-то целое; и его провезли на

свежей бычьей шкуре из Вестминстера в Лондонский кондуит, а затем обратно к виселице, и там он висит на железной цепи, и будет висеть до тех пор, пока от него что-то останется.

В 1290 году Эдуард потерял свою королеву, Элеонору Кастильскую, и чтобы показать свою скорбь по поводу ее смерти, он воздвиг кресты красивого дизайна на всех остановках похоронной процессии на пути из Ноттингема в Лондон. Можно вспомнить, что одно из предполагаемых производных от Чаринг-Кросс - это "Chère reine", в знак уважения к кресту на этом месте. Нынешний крест во дворе вокзала установлен по образцу древнего, хотя и не совсем похож на него.

В том же году оставшиеся евреи были изгнаны, их земли и дома были конфискованы, хотя им разрешили взять с собой переносное имущество. О тяготах, выпавших на долю этих несчастных людей, рассказывается в другом месте (см. [с. 9](#)). Холинshed (т. ii.) рассказывает следующую простую историю жестокого убийства: - "Род богатейших людей.

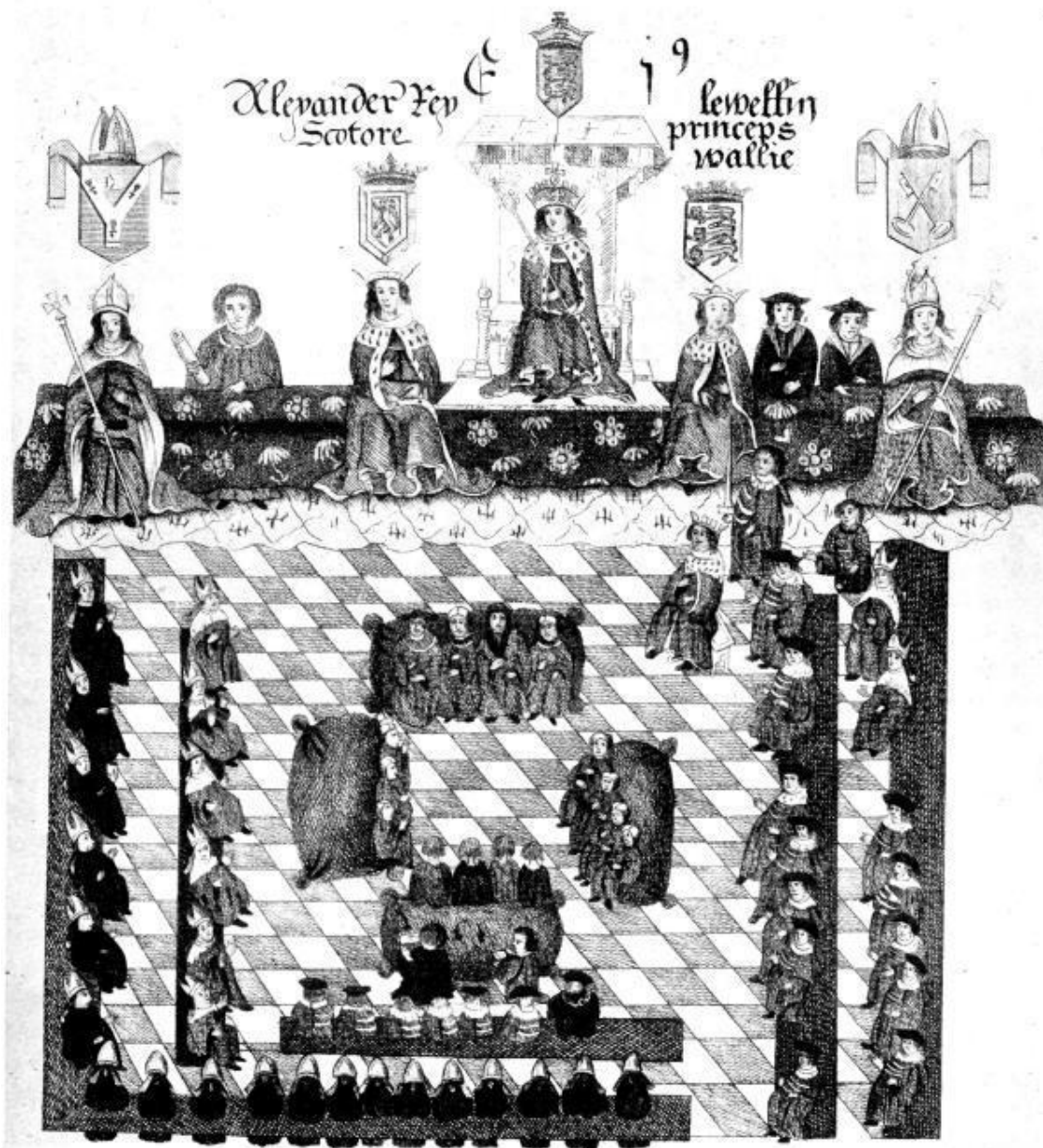
"Несколько самых богатых из них, отправляясь со своими сокровищами на нанятом ими могучем высоком корабле, когда тот шел под парусами и спустился по Темзе к устью реки за Квинбороу, господин моряк придумал хитрость и велел своим людям бросить якорь, и так гребли на нем, пока корабль не остался на сухом песке из-за отлива течения. При этом господин уговорил евреев выйти с ним на сушу, чтобы отдохнуть. И наконец, когда он понял, что наступает прилив, он вернул его на корабль, куда его притянули за веревку. Евреи не так спешили, как он, потому что не понимали опасности. Но когда они поняли, как обстоят дела, то стали взывать к нему о помощи; он же сказал им, что они должны взывать скорее к Моисею, под руководством которого их отцы прошли через Чермное море, и поэтому, если они будут взывать к нему о помощи, он в состоянии помочь им из тех бушующих потоков, которые теперь обрушились на них; они взывали, но помощи не последовало, и они были поглощены водой. Вернувшись с кораблем, господин рассказал королю, как он распорядился делом, и получил благодарность и награду, как пишут некоторые. Другие же утверждают (и, как кажется, более правдиво), что разные из тех мореплавателей, которые так злодейски поступали с евреями, были повешены за свою нечестивую практику и таким образом получили справедливое вознаграждение за свои мошеннические и злонамеренные действия".

В итоге изгнание евреев не принесло облегчения тем, кто хотел занять денег. Ломбардцы и карсини оказались столь же непримиримыми в вопросах процентов, как и любой еврей.

Эдуард выдал городу только одну хартию. Это произошло в 1298 году, когда в городе был восстановлен мэр. Это просто Хартия подтверждения. Горожане получили все свои прежние вольности, а также право избирать мэра и шерифов. Избрание Генри Уэйлиса первым из новой серии показало, что перевес сил по-прежнему оставался за аристократическим классом. Финансовые затруднения Эдуарда и его войны вошли в историю страны. Что касается Сити, Эдуард занимал деньги у итальянских компаний (см. [с. 212](#)); он создавал рыцарей по сто человек; он обыскивал монастыри и церкви в поисках сокровищ; он конфисковал мирские сборы духовенства; он получил 2000 фунтов из Сити в знак признания его посвящения в рыцари мэра; и он убедил или приказал лондонцам предоставить ему три корабля, сорок человек конных и снаряженных и пятьдесят арбалетчиков для обороны южного побережья.

После победоносного похода короля в Шотландию его возвращение было встречено великолепной процессией и зрелищем. Дома были увешаны алыми тканями; появились ремесленники, каждый из которых предлагал какое-нибудь приспособление или "тонкость",

демонстрирующую его род деятельности. Так, рыботорговцы шествовали с четырьмя позолоченными осетрами и четырьмя серебряными лососями на лошадях; они также снарядили сорок шесть рыцарей в полном вооружении, верхом на лошадях, "сделанных как морские луки"; за рыцарями следовал Святой Магнус - его церковь находится в нижней части Фиш-стрит - с тысячей всадников.

ПАРЛАМЕНТ ЭДУАРДА I.

Из Пинкертон, Iconographia Scotica.

10 августа 1305 года в Вестминстере состоялся суд, по интересности и важности превосходящий немногие, - суд над патриотом сэром Уильямом Уоллесом, который был захвачен в плен во время отступления из горных районов в результате предательства и доставлен в Лондон. В это время Уоллесу было не более тридцати лет: он находился в полном расцвете сил и гениальности. Его короткая жизнь была наполнена битвами и набегами. Как герой романа, идеальный патриот, вокруг его имени накопились всевозможные легенды и истории. Все, что мы знаем о нем наверняка, - это то, что он стоял во главе армии, собранной из той части Низменности, что лежит к северу от реки Тэй; что без помощи шотландских

графов и баронов он разбил англичан при Стирлинге и изгнал их из страны; и хотя он был разбит при Фалкирке, он пробудил в сердцах шотландцев дух независимости: он сделал их нацией. По прибытии в Лондон прославленного узника отвезли в дом частного лица, Уильяма де Лейра, жившего в приходе Оллхоллоуз Великий. Неизвестно, почему его не отвезли в Тауэр. Возможно, хотели придать этому делу как можно меньше значения.

"Однако, по словам Стоу, "множество людей, как мужчин, так и женщин, вышло поглазеть на него..... На следующий день, в канун дня св. Варфоломея, его привезли на лошади в Вестминстер: Джон Сегрейв и Джеффри, рыцари, мэр, шерифы и олдермены Лондона и многие другие, как верхом, так и пешком, сопровождали его: И в Большом зале Вестминстера он был посажен на южную скамью, увенчанный короной - ибо в прошлом он говорил, что должен носить корону в том зале, как было принято говорить, - и был призван в изменники сэром Питером Мэллори, королевским судьей, он ответил, что никогда не был изменником короля Англии, но за другие вещи, в которых его обвиняли - что это были за другие вещи? - "он признал их". Фактически он утверждал, что не может быть изменником, потому что не был предан королю Англии. Из этого заявления ясно, что имя и слава Уильяма Уоллеса разнеслись по всей Англии; и что человек, который изгнал англичан, опустошил Нортумберленд и бросил вызов завоевателю, был отправлен в Лондон как пленник, обреченный на смерть. Сеньоры бегали и кричали; женщины выглядывали из верхних покоев - жаль, что столь галантный мужчина, ехавший как на свадьбу, а не на смерть, должен был умереть смертью предателя. Что касается способа его смерти, то она прошла в соответствии с обычной церемонией: сначала его потащили под уздцы лошадей к месту казни, Элмс в Смитфилде; его положили на препятствие, иначе он умер бы задолго до того, как добрался до места, ведь от Вестминстер-холла до Элмс в Смитфилде не менее двух миль. В Смитфилде собралось множество людей, ожидавших смерти этого галантного шотландца. Сначала его повесили на высокой виселице, но только ради позора, а не для того, чтобы убить; затем сняли веревку с его шеи, уложили на землю, вынули кишки и совершили другие увечья, которые, как можно надеяться, были сделаны, когда из него ушла жизнь. Затем они разрубили его тело и разделили его на части: некоторые - чтобы порадовать сердца англичан на Лондонском мосту, в Ньюкасле, в Бервике, а шотландцев - в Перте и Абердине. Все это было настолько варварским, насколько это возможно, но такова была мода того времени.

Двести пятьдесят лет спустя, в царствование королевы Елизаветы, то же самое наказание во всех подробностях было применено к Бабингтону и его друзьям. Триста восемьдесят лет спустя почти такое же наказание постигло приверженцев Монмута. Сама казнь, не считая жестокого способа ее проведения, который соответствовал тому времени, обычно осуждается как пятно на жизни и правлении великого Эдуарда. Однако, возможно, история этого дела покажет некоторые причины для поступка, совершенно противоположного по духу обычному отношению короля к неукротимым шотландцам. После уговоров Баллиола шотландские лорды присягнули на верность Эдуарду. Один лишь Уоллес - простой рыцарь - отказался признать капитуляцию, призвал народ к оружию, вопреки желанию знати и священников, изгнал англичан из Шотландии и возглавил поход в Нортумберленд. В битве при Фалкирке шотландцы были разбиты и изрублены на куски, а сам Уоллес с трудом спасся. Это было в 1298 году. Но борьба продолжалась. В течение шести лет Эдуард был занят другими проблемами. Когда в 1304 году он снова вторгся в страну, шотландские лорды сложили оружие, и завоевание Шотландии завершилось без дальнейшего кровопролития. Всем была объявлена всеобщая амнистия. Но имя Уоллеса было исключено - "пусть он покорится милости короля, если это покажется ему благом". Уоллес не покорился: он отступил в Горные горы, где и был схвачен.

БОЛЬШАЯ ПЕЧАТЬ ЭДУАРДА I.

В любой цивилизованный век война регулируется определенными правилами, и играть нужно в соответствии с ними. Одно из них гласит: когда король принимает мир, должен быть мир. Можно предположить, что Уоллес нарушил это правило. Его страна формально подчинилась, и только он один выстоял. Несомненно, он был патриотом. Как и Андреас Хофер; но нерегулярные военные действия везде рассматриваются как измена или мятеж. Поэтому король, который вполне мог бы проявить великодушное милосердие, в своих собственных глазах был оправдан, предав сэра Уильяма Уоллеса позорному концу.

Мнение английского народа об Уоллесе можно понять из слов Мэтью Вестминстерского, который выливает на его голову целый ушат оскорблений. Уильям Уоллес - "изгой, лишенный жалости, разбойник, святотатец, поджигатель, убийца, человек более жестокий, чем жестокость Ирода, более безумный, чем ярость Нерона". Он заставлял мужчин и женщин на севере Англии танцевать перед ним голыми, убивал младенцев, сжигал мальчиков в школах "в огромных количествах" и, наконец, сбежал и бросил свой народ.

Остается добавить, что голова Уоллеса была первой из многих, украшавших Лондонский мост.

Знаменательное ограбление королевской казны Поделикотом произошло в 1305 году.

В том же году король показал отличный пример послушания законам, отправив своего сына, принца Эдуарда, в тюрьму за буйство в парке Уолтера Лэнгтона, епископа Честерского, и одновременно изгнав из королевства компаньона и недостойного друга принца, Пирса Гавестона.

7 июля 1307 года король Эдуард умер, когда направлялся исполнить свою клятву отомстить Брюсу.

ГЛАВА VI

ЭДУАРД II

Наименее достойный или наиболее никчемный из всех английских государей был первым, кто сел на священный камень Скоуна, привезенный в Англию Эдуардом I. Коронация состоялась 25 февраля 1308 года, королева была коронована вместе с королем. Мэр и олдермены приняли участие в церемонии и в последующем банкете.

ГОЛОВА ЭДУАРДА II.

С чучела в Глостерском соборе.

История этого несчастного царствования в основном состоит из неприятностей, вызванных фаворитками короля. Лондон, однако, сыграл большую роль в событиях, вызванных их ссорами. Осенью 1308 года, в первый год правления короля, баронам удалось добиться изгнания Пирса Гавестона. Однако в 1309 году он снова вернулся и стал графом Корнуолла, "к большому ущербу для королевства" (Французская хроника). Негодование баронов с каждым днем возрастало против фаворита, который расточал богатства, которые на него сваливали, с показным размахом. Мы должны помнить, что в то время существовало сильное чувство, что ранг должен быть отмечен таким показом, который мы сегодня называем показным. Граф, например, должен был иметь при себе большую свиту, носить дорогие доспехи, одевать своих последователей в богатые ливреи и содержать знатный дом. Но Пирс Гавестон, какой бы ранг ни присвоил ему король, был иностранцем и выскочкой, сыном простого гасконского рыцаря. То, что он мог демонстрировать подобающую древнему дому выправку, заставило дворян вспомнить о его происхождении. Кроме того, он обладал острым умом и острым языком. Он дал каждому из баронов прозвище. Ланкастер был "старым боровом" или "чурбаном", Глостер - "рогоносцем" или "бастардом", Линкольн - "Бурстеном Белли", Пемброк - "Джозефом Евреем", Уорик - "Черной гончей Ардерна", и так далее.

В последнее царствование короля с этим фаворитом были проблемы. В 1305 году, как мы видели, Эдуард посадил своего сына в тюрьму за буйство, ворвавшись в епископский парк, "и поскольку принц совершил этот поступок с помощью развратного и распутного человека, некоего Пирса Гавестона, эскайра из Гаскойна; король изгнал его из страны, чтобы принц, который очень любил его общество, не мог, по его дурному и распутному совету, попасть под дурное и вздорное правление". (Холиншед.)

Первое, что сделал новый король, - отозвал своего фаворита и сделал его графом Корнуолла. Он также выдал его замуж за свою племянницу, дочь своей сестры Джоан и Гилберта де Клера, графа Глостера.

Фаворит отплатил за эти милости, как и следовало ожидать. По словам Холиншеда, он снабдил двор "компаниями шутов, грубиянов, льстивых паразитов, музыкантов и прочих мерзких и гадких рибальдов, чтобы король мог проводить дни и ночи в шутовстве, играх, одеяниях и прочих грязных и бесчестных занятиях".

О том, как бароны перессорились с королем; как они взяли Гавестона в плен, пообещав доставить его королю; как они нарушили это обещание и обезглавили его, можно прочитать в любой истории Англии.

Шарп отмечает в качестве одной из причин ненависти, которую жители Лондона, а также бароны испытывали к этому и следующим фаворитам, то, что они постоянно выпрашивали у горожан мелкие услуги для своих собственных друзей. "В одно время, - пишет он, - Пирс Гавестон хотел получить должность для своего камердинера: в другое время Хью ле Деспенсер просил Малую балку для своего друга".

Однако еще до этого бароны назначили "ординарцев", чтобы те разработали постановления для лучшего управления городом. Когда их работа была завершена, они были представлены парламенту, собравшемуся в Блэк Фрайерс, и здесь получили одобрение. После этого ордонансы были провозглашены на Кресте Святого Павла.

В марте 1311 года город подарил королю 1000 марок. Мэр Ричард де Рефхэм, принадлежавший к народной партии, устроил проверку всех хартий и документов, касающихся городских вольностей. Затем он публично зачитал их и спросил жителей, намерены ли они сохранить свои вольности. Он также принял меры, чтобы очистить улицы от ночных гуляк и "рореров", которые долгое время бесконтрольно совершали убийства и грабежи. Записи в "Мемориалах Лондона" Райли за 1311 год свидетельствуют о деятельности этого мэра. Он не терпел оскорбительных выражений в своем суде; он не позволял заниматься на улице такими неприятными ремеслами, как снятие шкур с убитых лошадей, выделка меха и т. д.; он арестовывал и отправил в тюрьму множество плутов, преступников и прохвостов. Он укреплял и охранял ворота, неся ночной дозор из шестнадцати человек на каждые. Возможно, его деятельность нажила врагов, так как он был свергнут до истечения срока полномочий. Французская хроника, однако, ничего не говорит ни о каком низложении.

В ноябре 1312 года у короля родился сын, которого называли Эдуардом Виндзорским. О том, как это событие было воспринято и отпраздновано лояльными гражданами, рассказывает следующий рассказ.

Сама королева отправила письмо горожанам.

"Изабель Божьей милостью, королева Англии, леди Ирландии и герцогиня Аквитанская, приветствует наших возлюбленных, мэра, олдерменов и лондонское содружество. Поскольку мы верим, что вы охотно выслушаете добрые вести о нас, мы сообщаем вам, что наш Господь по Своей милости родил нам сына, 13-го дня ноября, в безопасности для нас самих и для ребенка. Да хранит вас Господь наш. Дано в Уиндесоре в вышеупомянутый день".

"Предъявителем этого письма был Джон де Фалез, портной королевы; он прибыл во вторник, следующий после праздника святого Мартина (11 ноября) в 6-й год правления короля Эдуарда, сына короля Эдуарда. Но поскольку весть об этом была принесена Робертом Оливером в понедельник, мэр и олдермены, а также большая часть населения собрались в Гилдхолле во время вечерни и колядовали, выказывая при этом великую радость; и так прошли по городу, при свете факелов, с трубами и прочей чеканкой.

А в следующий вторник, рано утром, по всему городу было объявлено, что в этот день не должно быть никакой работы, труда или дел в магазинах, но что каждый должен одеться самым приличным образом, каким только сможет, и прийти в Гилдхолл в час, назначенный для Прайма: готовый отправиться с мэром и другими добрыми людьми в собор Святого Павла, чтобы воздать хвалу и жертву в честь Бога, который оказал им такую милость на земле, и выразить уважение к родившемуся ребенку. А после этого они должны были вернуться все вместе в Гилдхолл, чтобы сделать все, что будет предписано.

В следующую среду мэр, с согласия олдерменов и других членов общества, выдал упомянутому Джону де Фалезу, предъявителю вышеупомянутого письма, десять фунтов стерлингов и кубок серебра весом в четыре марки. А на следующий день тот же Джон де Фалез отослал обратно вышеупомянутый подарок, поскольку тот показался ему слишком маленьким.

В следующий понедельник мэр был богато наряжен, а олдермены одеты в такие же мантии; драпировщики, торговцы и виноградари были в костюмах; и они поехали верхом в Вестминстер и там совершили жертвоприношение, а затем вернулись в Гилдхолл, который был превосходно gobelen и наряжен, и там они пообедали. А после ужина весь остаток дня и большую часть ночи они ходили с колядками по всему городу. И в тот же день в Кондуите в Чепе для всех, кто решил там выпить, не было ничего, кроме вина. А у Креста, что у церкви Святого Михаила в Западном Чепе, посреди улицы стоял павильон, в котором был установлен кувшин с вином, чтобы все прохожие могли пить из него, кто пожелает".

В 1313 году в Королевском совете, заседавшем в Уайт Фрайерс, рассматривалось важное дело. Король издал приказ об уплате пошлины, которую Сити отказался платить по разным причинам, но особенно на том основании, что их хартии освобождали их от уплаты пошлины. Одолжив королю 1000 фунтов стерлингов, они добились того, что отложили решение вопроса до заседания парламента. Когда парламент все же собрался, восемнадцать месяцев спустя, они получили еще одну отсрочку, одолжив 400 фунтов стерлингов, часть которых была направлена на снаряжение 120 человек для шотландской войны.

В 1314 и 1315 годах был голод, и многие умерли от голода. "За этим голодом последовала "Хроника Стоу" - "ужасная смертность людей, так что люди могли не успевать хоронить мертвых". Звери и каттеллы от испорченного грасса, которым они питались, окрасились, так что в поедании плоти стали подозревать всех людей, ибо плоть зверей, не испорченную, было трудно найти. Лошадиная плоть считалась большим деликатесом; бедняки крали жирных догов, чтобы полакомиться ими; некоторые (как говорили), вынужденные из-за голода, в укромных местах ели плоть собственных детей, некоторые крали других, которых пожирали. Воры, сидевшие в тюрьмах, разрывали на куски тех, кого только что привели к ним, и с жадностью пожирали их полуживыми". В 1315 году также был шторм, который повредил мост Холборн и мост Флит.

В 1316, 1317 и 1318 годах при мэре Джоне де Венграве, регистраторе и коронере города и олдермене Чепе, в городе происходили раздоры.

Французская хроника возлагает вину на мэра, который, по его словам, "в свое время сделал много зла общинам". Они разрабатывали для представления королю определенные статьи для более регулярного управления городом. Поскольку Джон де Венграв был обязан королю своим третьим избранием, было небезосновательно предположить, что он действовал в интересах короля, а не горожан. Тем не менее, статьи были подтверждены королем, который получил взамен 1000 фунтов стерлингов. Хартия затрагивает множество моментов, большинство из которых приводили к ссорам и беспорядкам. Анализ хартии, приведенный в Liber Albus, выглядит следующим образом

"Мэр и шерифы Лондона должны выбираться гражданами этого города в соответствии с положениями их хартий, и никак иначе.

Мэр указанного города не должен оставаться в должности мэра более одного года за раз.

Также, чтобы ни один шериф города не имел более двух клерков и двух сержантов по причине своей должности, и тех, за кого он будет готов отвечать.

Также, что мэр упомянутого города, пока он будет мэром, не должен занимать никакой другой должности, относящейся к этому городу, кроме должности мэра.

Кроме того, мэр не должен требовать, чтобы к нему приводили или чтобы он держал в руках какое-либо дело, принадлежащее суду шерифа.

Также, чтобы олдермены того города ежегодно сменялись и были смещены в день святого Григория (12 марта), а в последующий год не переизбирались, но вместо них избирались другие и т.д.

Также, что тальи, после того как они будут оценены назначенными для этого людьми из приходов, не могут быть увеличены или повышены мэром и олдерменами, кроме как с общего согласия мэра и простолюдинов.

Кроме того, денежные средства, получаемые от таких сборов, должны храниться у четырех уважаемых людей, простолюдинов упомянутого города.

Кроме того, ни один посторонний не должен быть допущен к свободе указанного города, кроме как на слушаниях.

Также, чтобы житель, особенно англичанин по рождению, торговец определенными тайнами или ремеслами, не допускался на свободу вышеупомянутого города иначе, как под поручительство шести авторитетных людей, обладающих такими тайнами или ремеслами, и т.д.

Кроме того, каждый год должно проводиться расследование, не торговал ли кто из лиц, пользующихся свободой Города, чужим имуществом, не имеющим свободы, выдавая это за свои товары. И те, кто будет законно осужден за это, должны лишиться свободы.

Также, чтобы все, кто желает пользоваться свободой Города, были в Лоте и Скоте и несли все тяготы для (поддержания) состояния Города и т.д.

Также, что все лица, обладающие свободой Города и живущие за пределами упомянутого Города, которые сами и их слуги занимаются ремеслом в пределах Города, должны быть в лоте и шотландце вместе с простолюдинами того же Города и т.д., или должны быть удалены от его свободы.

Также, чтобы общая печать хранилась у двух олдерменов и двух простолюдинов, которых выберут простолюдины, и чтобы в ней не было отказано ни бедным, ни богатым.

Также, чтобы вынесение решения в судах города, после вынесения приговора, не откладывалось, если только не возникнет какая-либо трудность. А если такая трудность возникнет, то такие приговоры не должны откладываться до третьего суда.

Также, чтобы гири и брусья для взвешивания товаров между купцами и торговцами, вопросы которых принадлежат общине, находились у авторитетных людей, которых выберет община.

Кроме того, шерифы могут поручать сбор пошлин и других таможен в своих владениях, а также другие общественные обязанности, принадлежащие им самим, достаточным людям, за которых они будут готовы отвечать.

Также, чтобы купцы, которые не являются свободными и т.д., не продавали вина или другие товары в розницу в пределах указанного города.

Также, чтобы в будущем в указанном городе не было никаких маклеров по продаже товаров, кроме тех, кто был выбран для этого торговцами их тайн; и чтобы они приводились к присяге перед мэром.

Также, чтобы обычные постояльцы, хотя они и не могут быть свободными того же города, были причастны ко всем (тяготам), относящимся к указанному городу и т.д. Сохраняя при этом, что купцы Гаскойна и другие чужестранцы могут жить и содержать общежития друг для друга в упомянутом городе, как они это делали до сих пор.

Также, что содержание моста должно быть поручено двум авторитетным людям вышеупомянутого города, кроме его олдерменов.

Также, чтобы ни один сержант Палаты в Гилдхолле не брал плату с простолюдинов и т.д. и не совершал казни, если только он не избран простолюдинами для этого.

Также, что камергер, общий клерк (и) общий сержант города должны выбираться и смещаться общиной, по воле той же общины.

Также, чтобы мэр, регистратор, а также вышеупомянутые камергер и общий клерк довольствовались своими гонорарами, издавна назначенными и выплаченными.

Также, что имущество олдерменов упомянутого города должно облагаться налогом в виде пособий, тальянсов и взносов людьми тех округов, в которых эти олдермены будут проживать, таким же образом, как и имущество других граждан тех же округов.

Также, что олдермены и простолюдины, для нужд и выгод упомянутого города, могут между собой оценивать и взимать таллаги со своей собственности в пределах упомянутого города, ренты, а также других вещей." (Riley's Trans. pp. 127-129.)

Согласно этой Хартии, единственным способом получить гражданское право было вступление в гражданские гильдии: "Ни один житель, принадлежащий к какой-либо тайне или ремеслу, не может быть допущен к свободе города, если не поручится за него шестью честными и достаточными людьми той тайны или ремесла, к которому он принадлежит" - факт, доказывающий важность гильдий. "В это время, - пишет французская хроника, - многие представители лондонских профессий были одеты в ливреи, и вот-вот должно было начаться хорошее время". Но лишь немногие из ремесел были еще объединены.

История этого несчастливого царствования, касающаяся Сити, в значительной степени занята обвинениями, претензиями и посягательствами на права жителей Лондона. В этих делах королю помогали или руководили им люди, которые понимали, как уклониться от закона и игнорировать его. Эдуард II, как и его предшественник Генрих III и преемник Ричард II, постоянно нуждался в деньгах и никогда не оставался без советников, которые подсказывали ему, как вымогать деньги у Сити, богатства которого они считали неисчерпаемыми. Среди последних таких попыток была одна, предпринятая в 1321 году с помощью итера. Об этом деле умалчивают Мейтланд, Холиншед и Французская хроника. Его историю описывает Р. Р. Шарп ("Лондон и королевство"). Он сказал:

"Его предполагаемой целью было изучение незаконных сговоров, конфедераций и конвенций под клятвой, которые, как было известно (или предполагалось), были созданы в городе. Раздражение, вызванное этим итером, общее прекращение торговли и коммерции, помехи муниципальным делам, становятся понятны, если учесть, что в течение шести месяцев не только мэр, шерифы и олдермены, но и все, кто занимал какую-либо должность в городе со времени проведения последнего итера - а это почти полвека - а также двенадцать представителей от каждого округа, должны были постоянно присутствовать на заседаниях. Все хартии должны были быть предъявлены, а лица, имеющие какие-либо претензии, приглашались явиться. Получив предписание короля, горожане пришли в большое волнение и сразу же занялись изучением процедуры, применявшейся на прежних итерах". ...

"Открытие Итера не предвещало ничего хорошего для города. Джеффри ле Скроп, королевский сержант-руководитель, с самого начала нашел виноватых в том, что шерифы не явились на заседание так быстро, как должны были. Оправдание, что они действовали только по обычаю, ожидая выдачи конвоя, было признано неудовлетворительным, и ничто не могло его удовлетворить, кроме того, что город должен быть немедленно передан в руки короля.

Когда же горожане потребовали записать свои вольности и обычаи из уст в уста, не прибегая к письменному изложению, как предписали судьи, им ответили лишь, что они делают это на свой страх и риск. Три дня ушли на предварительное обсуждение этикета и вопросов второстепенной важности.

На четвертый день мэр и горожане выдвинули свои требования о вольностях, которые они подкрепляли различными хартиями. Юстициары потребовали ответов по трем пунктам, которые были даны должным образом, и дело, казалось, продвигалось, когда от короля пришел приказ о том, чтобы юстициары поинтересовались древним правом олдерменов устно излагать свои вольности в королевских судах. Выслушав мнение горожан по этому вопросу, юстициары получили указание воздержаться от вынесения решения, а этот и другие вопросы, касающиеся вольностей города, отложить на будущее.

На девятый день Итера в каждый приход города было доставлено длинное расписание, содержащее более сотни статей, по которым Корона хотела получить информацию. Дни и недели уходили на рассмотрение различных представлений, помимо частных исков и ходатайств Короны. Судебные дела рассматривались в Большом зале Тауэра, выходящем на Темзу, а прошения короны - в Малом зале, расположенном под восточной башней. Юстициары иногда затягивали заседания до сумерек, что вызывало недовольство горожан, чьи дела поневоле замирали, а обвинительных заключений еще не было. Но они должны были появиться".

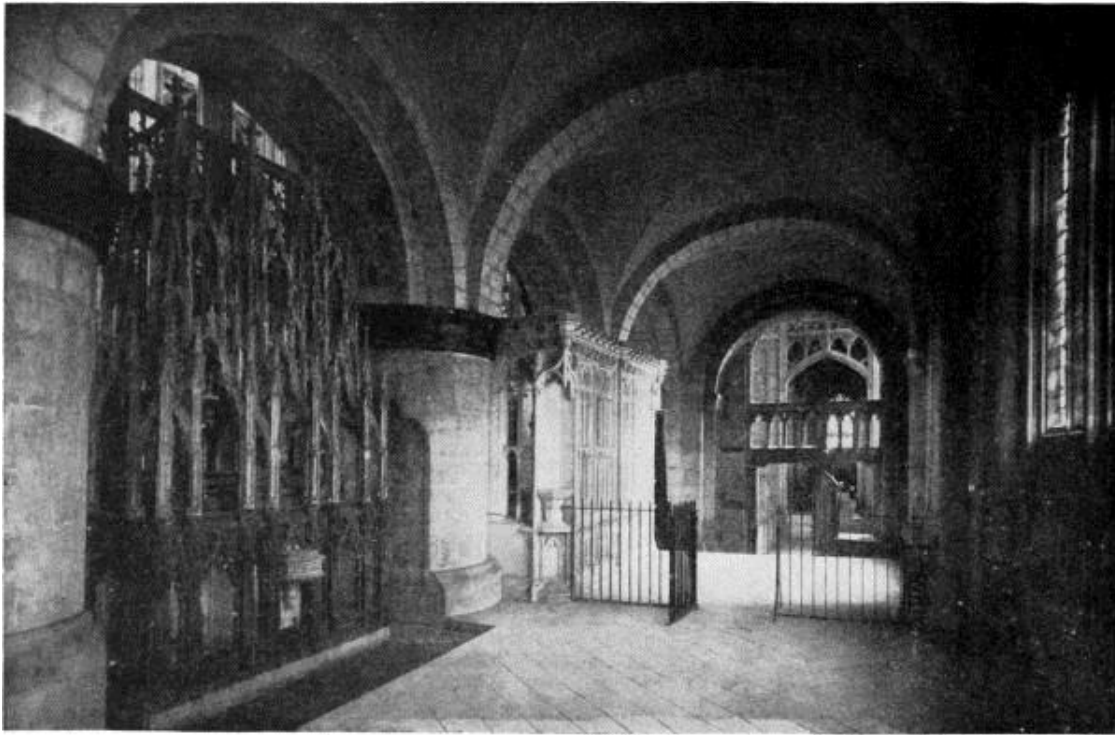
Сначала под предлогом нерасторопности шерифов упрекнули, и город перешел в руки короля; затем, когда горожане выдвинули свои требования и отстаивали свои права, все было оспорено, обсуждено и отложено. Мэр был смещен, и его место занял Ричард де Кендоль в качестве уполномоченного короля; под тем или иным предлогом были выдвинуты обвинения против некоторых ведущих горожан; и через пять утомительных месяцев Итер был резко завершен, так ничего и не добившись. Причиной тому стало восстание графа Херефорда, из-за которого было опасно слишком сильно раздражать горожан. Уполномоченный короля ушел в отставку, и был избран новый мэр.

Граф Херефорд написал письмо в город с просьбой о встрече. Мэр, Хамо де Чигвелл, дипломат высокого класса, сумел сохранить отношения и с королем, и с лордами. Он пообещал, что не будет ни помогать спенсерам, ни выступать против лордов: одним словом, Сити провозгласил нейтралитет. Мэр поддерживал порядок с помощью патруля из тысячи человек. Последовавшие за этим события относятся к истории Англии; Лондон сыграл свою роль: отправил с королем контингент, чтобы наказать сэра Бартоломью де Бэдлсмера за оскорбление, нанесенное королеве; дал королю 500 лучников для сражения при Бороубридже, когда граф Ланкастер попал в плен. После участия в поражении Ланкастера жители Лондона причислили его к лику святых: они заявили, что на его могиле происходят чудеса. Эдуард пытался заставить лондонцев принять "Хартию службы", обязывающую их идти с ним на войну, но Сити устоял: Время Эдуарда было почти завершено. Королева приехала с явным намерением изгнать Спенсеров. Король бежал из Лондона, и Лондон поднял открытый бунт. Перед отъездом Эдуард передал город в руки сэра Джона де Вестона, передал управление городом Уолтеру Стэплтону, епископу Эксетерскому, а затем отправился в западную часть королевства, чтобы защитить своих любимцев и, как оказалось, встретить свою смерть. Решимость, с которой принц постоянно поддерживал своих фаворитов, говорит об упрямстве, по крайней мере, как о качестве, которое можно было бы использовать в лучших целях.

Хамо де Чигвелл, торговец рыбой, похоже, возглавлял одну партию, а Николас Фаррингдон, ювелир, - другую; но король, похоже, поочередно и беспристрастно назначал и смещал обоих. В 1326 году, когда королева находилась во Фландрии, а ее земли были конфискованы, мэром был Хамо де Чигвелл. На улицах Лондона каждый день происходили беспорядки и драки; торговцы воевали друг с другом; сторонники королевы сражались со сторонниками короля. Когда королева приехала, взяв с собой сына, она отправила в Лондон письмо с прокламацией, осуждающей Спенсеров. Эта прокламация под одобрительные возгласы народа была прикреплена к кресту в Чепе. Хамо де Чигвелл оставил свой пост и бежал в Черные монахи в поисках безопасности. Туда пришли общинники и заставили его провозгласить врагов короля и королевы и их сына. И они показали, что имеют в виду то, что говорят, схватив Уильяма Маршалла, приверженца Спенсеров, и убив его. Это любопытная история дикого правосудия. Некоторое время город был полностью в руках простолюдинов, которые грабили и убивали всех, кого подозревали в благосклонности к королю и Спенсерам. Французская хроника описывает эти события следующим образом:...

"В это время в Сент-Майкле леди Изабель, королева, и сэр Эдуард, ее сын, отправили свои письма лондонским общинам, чтобы те оказали помощь в уничтожении врагов страны, но не получили в ответ никакого ответа о своих желаниях по этому поводу, опасаясь короля. Тогда королева и ее сын отправили в Лондон письмо, которое было вывешено на рассвете на кресте в Чепе, а копия письма - на окнах в других местах, в четверг, то есть в праздник святого Диониса (9 октября), о том, что общинники должны всеми силами содействовать уничтожению врагов земли, и особенно Хью ле Деспенсера, для общей пользы всего

королевства, и чтобы общинники прислали им сведения о своих желаниях на этот счет. Поэтому в среду перед праздником святого Луки (18 октября), который тогда выпал на субботу, в лондонском монастыре Братьев Проповедников собрались все жители города и ждали мэра и других знатных людей: так что мэр, взывая к милосердию с воздетыми руками, отправился в Гилдхолл и удовлетворил требование общинников, а в Чепе, соответственно, прозвучал клич, что враги короля, королевы и их сына должны покинуть город на случай опасности, которая может возникнуть. В тот же день, в полдень, некие люди прибегли к оружию и схватили в своем доме близ Уолброка некоего Джона ле Маршала, городского бюргера, которого считали врагом города и шпионом сэра Хью ле Деспенсера; его привезли в Чепе и там разгромили и обезглавили. Сразу после этого, в тот же день и час, некий сэр Уолтер де Степелтон, тогдашний епископ Эксестра и казначей короля за год до этого, ехал к своему общежитию в Элдедеанеслейн, чтобы пообедать там; и как раз в это время его объявили изменником; узнав об этом, он обратился в бегство и поскакал к церкви Святого Павла, где его встретили, мгновенно стащили с лошади и повезли в Чепе; там его разграбили и отрубили голову. Также один из его эсквайров, энергичный человек, Уильям Уолл по имени, обратился в бегство, но был схвачен на Лондонском мосту, привезен в Чепе и обезглавлен; а Джон де Паддингтон, другой, который был смотрителем поместья упомянутого епископа, недалеко от Темпл-Бара, и пользовался дурной славой, был обезглавлен в тот же день в Чепе. В тот же день, ближе к вечеру, пришел хор собора Святого Павла, взял безголовое тело упомянутого епископа и отнес его в церковь Святого Павла, где им дали понять, что он умер по приговору: после чего тело отнесли в церковь Святого Климента без Темпл-Бара. Но жители той церкви вынесли его из здания: после чего некоторые женщины и люди в самой крайней нищете взяли тело, которое было бы совсем голым, если бы одна женщина не дала кусок старой ткани, чтобы прикрыть середину, и похоронили его в другом месте, не сделав могилы, а его оруженосец рядом с ним, весь голый, и без всякой должности священника или дьячка: и это место называется "Беззаконная церковь". В ту же ночь был ограблен один бюргер, по имени Джон де Шарлтон. Кроме того, в следующий четверг в поместьях Файнсбери и Ивилане, принадлежавших магистру Роберту Балдоку, канцлеру короля, были похищены вина и все находившиеся в них вещи, и в городе было совершено много других грабежей. Кроме того, в тот же день лондонские общинники вооружились и собрались в Леде-холле на Корнхилле, и констебль Тауэра договорился с общинниками, что выдаст им сэра Джона де Элтхема, сына короля, а также детей сэра Роджера Мортимера, сэра Мориса де Беркли, сэра Бартоломью де Бургаша и других лиц, которые были заключены в Тауэр по причине раздоров, за которые сэр Томас де Ланкастер и другие великие люди были преданы смерти: Те, кто был освобожден, поклялись общинам, что будут жить и умрут вместе с ними в этом деле, и что они будут поддерживать благосостояние города и его мир. Также присягнули и приняли под защиту города декан собора Святого Павла, чиновник Кентербери, декан Арки, аббаты Вестминстера и Стратфорда и все религиозные, а также все судьи и клерки, чтобы нести такую вахту и стражу, какая им положена. В то же время на бдение святого Луки (18 октября) табличка, которую святой Томас де Ланкастер написал и повесил в церкви святого Павла, была заменена на столбе: эта табличка была снята со столба по строгому приказу короля. В то же время монахи-проповедники обратились в бегство, опасаясь, что их подвергнут жестокому обращению и уничтожат: они видели, что простонародье питает к ним большую вражду из-за их надменного поведения, а они сами не ведут себя так, как должны вести себя монахи. В это время повсюду говорили, что если бы Стефан де Сегрейв, епископ Лондона, был найден, то его бы предали мечу вместе с другими обезглавленными, а также с некоторыми юстициарами и другими, которые скрывались в других местах, чтобы их не могли найти".

Г. У. Уилсон и Ко.

УСЫПАЛЬНИЦА КОРОЛЯ ЭДУАРДА II, ГЛОСТЕРСКИЙ СОБОР

Состояние Лондона в последние годы правления Эдуарда II было плачевным. Власти не было: король смещал одного мэра и ставил другого; ремесленники ссорились и воевали друг с другом; народные симпатии были на стороне королевы Изабеллы: мы видели, как эти симпатии закончились грабежами и убийствами; Черные монахи, которые, как считалось, благоволили королю, должны были спасать свою жизнь.

15 ноября 1326 года королева послала в город епископа Винчестерского. Он встретился с олдерменами в Гилдхолле, получил свободу города, поклялся поддерживать его права, а затем вручил письмо от королевы, возвращающее горожанам право избирать мэра - право, которого они лишились со времен Итера 1321 года. Они продемонстрировали свое чувство долга, избрав двух горожан, Ричарда де Бетойна и Джона Гизорса, которые активно помогали бежать Мортимеру из Тауэра в 1322 году.

В начале 1327 года Мортимер с архиепископом Кентерберийским и многочисленной свитой прибыл в Гилдхолл и поклялся поддерживать свободу Сити. Через несколько дней несчастный Эдуард был зверски убит.

ГЛАВА VII

ЭДУАРД III

ЭДУАРД III. (1312-1377)

С гравюры, хранящейся в Британском музее.

Письмо королевы в ноябре 1326 года, визит Мортимера в 1327 году и его клятва перед мэром и камергером, а также первые акты нового правления - не нового короля, который еще не достиг совершеннолетия, - все это вместе доказывает, какое значение имел Сити в сознании новых правителей. Ведь первыми актами были выданы сразу три хартии.

В Liber Albus содержится краткий обзор содержания первой из этих хартий, которую Мейтланд справедливо называет золотой. Она датирована 6 марта 1327 года: - "Что граждане Лондона имеют право

"Граждане Лондона должны иметь свои вольности в соответствии с формой Великой хартии и т. д.; и что препятствия, чинимые им в этом отношении, должны быть отменены и аннулированы.

Также, чтобы мэр Лондона на время стал одним из юстициаров для (доставки) Ньюгейтской тюрьмы.

Также, что граждане Лондона должны иметь младенцев и детей, и имущество всех преступников, которые будут признаны ими таковыми в пределах свобод вышеупомянутого города.

Кроме того, в то время как жители Лондона были обложены шерифом Лондона и Мидлсекса четырьмястами фунтами в казну его светлости короля, в будущем указанным гражданам будет возвращено сто фунтов из этой суммы.

Также, что граждане Лондона могут передавать свои владения в пределах либерти как в заклад, так и любым другим способом.

Чтобы шерифы Лондона, если случится так, что они будут арестованы за какое-либо преступление, были арестованы в соответствии с масштабом этого преступления, таким же образом, как и другие шерифы королевства.

Также, чтобы за побег воров лондонские шерифы ни в коем случае не взыскивали и не наказывали иначе, чем другие шерифы по эту сторону Трента; которые за такие побегі наказываются, как сказано, суммой в сто шиллингов.

Также, чтобы с граждан Лондона не взималась иная плата, нежели та, что взималась с давних пор, за содержание тех, кто бежит в церкви за неприкосновенностью и т. д.

Также, чтобы лондонские граждане изымали и конфисковывали всех кидал в водах Темзы и Медевея, и имели бы за это полагающиеся нам наказания.

Также, чтобы иностранные купцы, прибывающие в Англию, продавали свои товары в течение сорока дней после прибытия и размещались за столами свободных хозяев города.

Также, чтобы ни стюард, ни маршал, ни клерк рынка не находились в пределах свобод города и не занимали там никаких должностей.

Также, чтобы мэр на время исполнял обязанности эсквайра в пределах вышеупомянутого города.

А также, что жители Лондона не должны быть принуждены идти или отправляться на войну за пределы вышеуказанного города.

И еще, чтобы констебль лондонского Тауэра не делал приписок ни на суше, ни на воде, ни в отношении провизии, ни в отношении любых других вещей.

Также, чтобы граждане Лондона имели надзирателей из числа своих сограждан для проведения судебных процессов на всех хороших ярмарках Англии, за исключением земельных и королевских.

Также, чтобы шерифы в настоящее время не были вынуждены приносить присягу в нашем Казначействе, кроме как при предоставлении своих счетов.

Также, чтобы граждане имели все свои вольности и свободные обычаи, какими издревле пользовались, несмотря на то, что упомянутые граждане при итере Генриха де Стентона и его соратников и т.д. были оспорены в том же отношении.

Также, чтобы в Казначействе и во всех местах его светлости короля было достаточно одного письма для разрешения их хартий.

Также, что никакие повестки, аресты или казни не должны производиться в пределах свобод Сити никаким офицером его светлости короля, с предписанием или без предписания, но только офицерами упомянутого (Сити).

Также, чтобы шерифы Лондона полностью обладали конфискацией продовольствия и других предметов и товаров, в соответствии с положениями хартий и т.д.

Также, что с жителями Лондона в будущем на их итерах будут поступать по тем же законам, по которым поступали на итерах, проводившихся во времена их светлостей Джона и Генриха, покойных королей Англии, и других их предшественников.

Также, что ничто в вышеупомянутом Итере, сделанное или предпринятое против вольностей и свободных обычаев граждан, не должно действовать во вред им или препятствовать тому, чтобы с ними поступали, как в старину.

Также, что граждане Лондона в виде пособий, субсидий и взносов должны облагаться налогом и вносить взносы вместе с общиной королевства, как жители графств, а не как жители городов и округов; и что они должны быть освобождены от всех других повинностей.

Также, чтобы вольности Лондонского Сити не были взяты в руки его светлостью королем за какое-либо личное нарушение или личное суждение любого чиновника упомянутого Сити; и чтобы ни один надзиратель не был назначен в нем под таким предлогом.

Также, чтобы ни один офицер его светлости короля не делал никаких приступов в пределах вышеупомянутого города или за его пределами над имуществом граждан против их воли, если он немедленно не внесет должную плату за него.

Также, чтобы ни один слуга (наш), ни наши наследники, ни любое другое лицо не делали приписок к винам упомянутых граждан против их воли, то есть приписок на один тун перед мачтой и на один тун за мачтой.

Также, чтобы ни один чиновник или поставщик короля или его наследников не торговал, сам или с помощью других, в пределах упомянутого города или за его пределами, ничем, что касается их должностей.

Также, что земли, лежащие за пределами Сити тех граждан Лондона, которые были или в будущем станут должностными лицами вышеупомянутого Сити, должны нести ответственность за то, чтобы не причинять вреда Сити и т.д. в вопросах, касающихся их должностей, так же, как и их владения в пределах того же Сити.

Также, чтобы впредь ни один рынок не проводился в радиусе семи миль от вышеупомянутого города.

Также, чтобы все инквизиции, которые будут проводиться юстициарами и другими должностными лицами короля в отношении жителей указанного города, проводились в соборе Святого Мартина ле Гранд, а не где-либо еще, за исключением инквизиций, проводимых на итерах в Тауэре и для доставки в Ньюгейтскую тюрьму.

Также, чтобы ни один гражданин не был привлечен в качестве обвиняемого и не подвергнулся беспокойству в Казначействе или где-либо еще по векселю; за исключением тех дел, которые касаются его светлости короля или его наследников.

Также, что граждане Лондона будут иметь все свои свободы и свободные обычаи в полном объеме и без ущерба, так же свободно, как они когда-либо имели их (несмотря на это, Статут для купцов, в ущерб свободам вышеупомянутого города,

принятый парламентом в Йорке в девятом году Эдуарда Третьего), и т.д.". (Riley's Trans. pp. 129-132.)

Следует заметить, что эта хартия не только подтверждает все древние привилегии и свободы, но и создает новые. (1) Мэр был назначен одним из судей *Oyer and Terminer* для суда над преступниками в Ньюгейте; (2) горожане должны были иметь право *Infang-thefe* и *Outfang-thefe*, *то есть* право судить каждого вора или разбойника, взятого в городе, и право возвращать в город для суда каждого горожанина, задержанного в другом месте. (3) Право на имущество и вещи всех преступников, осужденных в пределах города. (4) Снятие 100 фунтов стерлингов в год с арендной платы Мидлсекса. (5) Право завещания недвижимого имущества. (6) Шерифы Лондона должны быть обложены амуницией не иначе, чем их братья к югу от Темзы. (7) Все иностранные купцы должны продавать свои товары в течение сорока дней. (8) Горожанам не поручать опеку над теми, кто захватывает убежище. (9) Королевский маршал, стюард или домашний клерк не должны иметь никакой власти в городе. (10) Мэр должен быть королевским вымогателем имущества преступников. (11) Горожане, посещающие сельские ярмарки, должны иметь при себе суд пирожников. (12) Горожане должны быть свободны от пошлин, кроме тех, что взимаются в других местах. (13) Городские свободы не должны быть конфискованы из-за личных преступлений любого магистрата. (14) Королевский поставщик не должен иметь права устанавливать цены на что-либо. (15) И ни один рынок не должен проводиться в пределах семи миль от города.

Хартия выглядела так, словно горожанам просто предложили брать все, что им заблагорассудится, в виде вольностей.

По другой хартии Саутварк, *то есть* королевское поместье, а не весь Саутварк, был предоставлен в качестве части Сити. Третья грамота даровала общее помилование за все совершенные ранее преступления.

Мейтленд говорит об опасном восстании представителей некоторых профессий и о том, что они ходили по улицам вооруженными и убили многих. Так называемое "восстание", похоже, было не более чем продолжением незаконных потасовок; люди вкусили радость уличных драк и хотели продолжить это развлечение. Король обратился с письмом к мэру, призывая его следить за порядком. Было произведено несколько арестов и казнено немало людей, но беспорядки в городе продолжались. Главной причиной беспорядков были постоянные ссоры между торговцами. Так, в это самое время, то есть в первые годы правления Эдуарда III, мэр уладил спор, который привел к драке на улицах, между грузчиками одной части города и столярами, малярами и лоринерами другой части.

"Да будет вам известно, что в последнее время произошла драка между людьми из ремесла шорников Лондонского Сити, с одной стороны, и людьми из ремесла столяров, маляров и лоринеров, как медных, так и железных, того же Сити, с другой стороны, по причине некоторой злобы и разногласий, возникших между ними в последнее время, а именно в четверг, в праздник Вознесения Господа нашего (20 мая) прошлого года: в этот день некоторые из них, с обеих сторон, снабженные вооруженной силой, обменялись ударами и начали ожесточенно драться, как в Чепе, так и на улице Крепелгейт, и в других местах того же города; по этому случаю некоторые из них были злобно и против мира нашего Господа Короля убиты, а многие другие смертельно ранены; из-за этих раздоров и обмена ударами большая часть города была в тревоге, к большому позору и скандалу всего города, и к очевидной опасности для него; и эти раздоры и обмен ударами стали настолько серьезными и возмутительными, что их едва ли можно было утихомирить вмешательством мэра, шерифов

и чиновников города; Однако, когда мэр, шерифы и другие должностные лица города наконец утихомирили эти разногласия, указанные мэр и шерифы назначили день, когда представители вышеупомянутых профессий должны были предстать перед ними в Гилдхолле, а именно в пятницу, следующую за днем Вознесения Господа нашего, чтобы они могли изложить свои доводы в пользу той или иной стороны.

В указанный день в Гилдхолл пришли люди указанных профессий и в присутствии мэра, шерифов и олдерменов изложили свои претензии в письменном виде, после чего столяры, маляры и лоринеры подали мэру некую петицию. Причины ссоры слишком длинны, чтобы описывать их здесь. Достаточно сказать, что все эти профессии пытались тогда делать то же, что и сейчас, и кричали друг на друга за нечестие".

Прием леди Филиппы из Хайно, которая приехала, чтобы обвенчаться с молодым королем, стал поводом для демонстрации и великолепия, которые всегда любил город.

Как только король был коронован, он отправился на поле боя против шотландцев. Лондонцы подарили ему сотню всадников, полностью экипированных, и сотню пеших, заверив, что этот дар не будет воспринят как прецедент. Экспедиция не принесла особых результатов, и война была закончена Нортгемптонским договором, который сильно разозлил лондонцев против Изабеллы и Мортимера.

В ноябре 1328 года граф Ланкастер поднял восстание против королевы-матери. Чем закончилось это восстание, мы знаем. Мортимер вышел из него, по-видимому, сильнее, чем когда-либо.

Трудно сказать, что происходило в Лондоне во время и после восстания Ланкастера. Горожане считали, что в неудаче шотландской экспедиции виноваты Мортимер и королева. Но между гневом и восстанием может лежать широкая пропасть. Были приверженцы Ланкастера, были сторонники королевы; имя короля использовалось обеими партиями.

В предыдущее царствование мы уже слышали о Хамо де Чигвелле: теперь он предстал перед судом не за благосклонность к покойному королю, а по обвинению в незаконном присвоении двух серебряных тазов, принадлежавших аббату Бери-Сент-Эдмундс. Его признали виновным, но он потребовал от священнослужителей, и был препровожден в тюрьму епископа Лондонского. Его характер не самый ясный для расшифровки, но он был одним из самых выдающихся граждан того времени, а это было время, когда требовались большая сила и решительность. Через год ему разрешили выйти на свободу. Но когда горожане приготовились устроить демонстрацию ликования и приветствия, королева с тревогой приказала его арестовать. Однако ему удалось бежать, и больше о нем в городе не слышали. В 1332 году он передал часть имущества декану и капитулу собора Святого Павла для основания костела.

Перед отъездом из Англии в 1329 году король направил в Сити общее воззвание. Никто не должен был носить оружие в городе, кроме городских чиновников. Никто не должен был ходить по городу после комендантского часа; не должно было быть никаких ковин или общин; ни одна таверна не должна была оставаться открытой после комендантского часа; никто не должен был распространять ложь о городе; никто не должен был укрывать незнакомца дольше одной ночи и одного дня, если он не хотел нести за него ответственность.

Вопрос, который занимал город в это время, практически сводился к свободной торговле. Существовали определенные города, в которых устанавливалась "скоба", то есть рынок, с

которого можно было вывозить шерсть. Шерсть нельзя было экспортировать, пока она не пролежала в штапеле в течение сорока дней. Правило было смягчено Эдуардом II в пользу всех городов, кроме Лондона: купцам разрешили вывозить шерсть через пятнадцать дней. Лондонские купцы, естественно, жаловались на это исключение, но поначалу безуспешно.

ПОЕДИНОК ИЛИ ТУРНИР ТОГО ВРЕМЕНИ

Из книги Стрэтта "Нравы и обычаи".

Далее Эдуард предложил перенести скобу на континент, но противодействие купцов заставило его отказаться от этого проекта. После этого он отменил все скобы и установил свободную торговлю шерстью. Он также пригласил фламандцев приехать, поселиться в Англии и заниматься здесь ткачеством.

Казалось бы, Чипсайд представляет собой узкое и тесное место для маневров и сражений конных рыцарей, однако король Эдуард провел здесь большой турнир в 1331 году. Мы

должны помнить, что между церковью Святого Петра на западе и домом Святого Томаса Аконского на востоке улица была гораздо шире, чем впоследствии: при длине 750 футов на восток и запад ее ширина составляла около 150 футов; это пространство было занято в основном лавками. С восточной стороны она сужалась у Птицефермы, а с западной - у церкви Святого Петра, часть захоронения которой сохранилась до сих пор. Стоу рассказывает о том, что произошло на турнире, следующим образом

"В центре лондонского Сити на улице под названием Чейп, каменная мостовая которой была покрыта песком, чтобы лошади не скользили, когда они сильно упираются ногами в землю, король три дня подряд проводил турнир с участием знати, доблестных людей королевства и других незнатных рыцарей. А чтобы зрителям было удобнее наблюдать за этим, через улицу возвели деревянный эшафот, похожий на башню, на котором королева Филиппа и многие другие дамы, богато одетые и собранные со всех концов королевства, стояли, чтобы наблюдать за поединками: Но верхняя рама, на которой находились дамы, разломилась, и они с некоторым стыдом были вынуждены упасть вниз, отчего рыцари и те, кто находился внизу, сильно пострадали; поэтому королева проявила большую заботу, чтобы спасти плотников от наказания, и своими молитвами (которые она совершала на коленях) умиротворила короля и совет и тем самым приобрела большую любовь народа. После этого король приказал построить из камня навес для себя, королевы и других представителей сословия, чтобы они могли стоять и смотреть на поединки и другие представления, когда им заблагорассудится, у церкви Святой Марии Боу, как это показано на Кордвейнер-стрит Уорд".

Каменный "селде" или навес, как называл его Стоу, все еще стоял в его время. "На северной стороне Сент-Мэри-Боу в направлении Вест-Чип стоит каменное здание, называемое в записях Селдам: сарай, который сильно затемняет упомянутую церковь, поскольку с его помощью все окна и двери на той стороне закрыты". Генрих IV пожаловал это место неким торговцам, которые устроили там лавки, но не стали сносить или переделывать его, и оно оставалось до Великого пожара местом, с которого великие персоны наблюдали за городскими представлениями. Для проведения турниров чаще всего использовались Смитфилд и Тотилл Филдс. На первом был проведен очень большой турнир тридцать лет спустя, в присутствии короля и королевы, а еще через сорок лет после этого был другой, когда старый король привез туда, чтобы украсить спорт, свою любовницу Алису Перрерс, сидящую в триумфальной колеснице, как "Леди Солнца".

Пример анархии и беспорядков, наблюдавшихся в прошлое царствование, делает менее удивительным известие о новых беспорядках в Лондоне, очевидно, среди ремесленников. Король направил мэру города строгое письмо, в котором призвал город подавить эти беспорядки. Были приняты дальнейшие меры против нарушителей порядка в Сити, но безуспешно, так как король был вынужден вновь обратиться с письмом по этому вопросу. В среду, 12 апреля, сэр Роберт де Эшби, клерк короля, вызвал мэра и олдерменов на заседание королевского совета в Вестминстере. Здесь им сообщили, что король собирается на войну; что это дорогостоящее развлечение; и что он просит город одолжить ему 20 000 фунтов стерлингов. Мэр попросил дать ему время и созвал собрание олдерменов и лучших людей не в Гилдхолле, а в Вестминстерском капитуле. Они начали с того, что предложили королю 5000 марок, что составляет 3333 фунта стерлингов 6:8. Король отказался, намекнув, что если они не могут сделать ничего лучше, то он должен попросить список главных горожан. Поэтому они провели еще одно собрание и предложили одолжить королю 5000 фунтов стерлингов - "хотя это было трудно и сложно сделать". Это предложение было

принято. Чтобы собрать эту сумму, весь Сити был обложен налогом, не щадя никого. Самым богатым человеком в Сити был Уильям де Каустом, олдермен, которого оценили в 400 фунтов стерлингов; то есть его доля в займе была установлена в 400 фунтов.

В 1338 году возникла угроза французского происхождения. Король приказал "строго закрыть" Сити и укрепить его против внезапного нападения с воды. В этой работе должны были помогать все, независимо от того, принадлежат ли они к религиозной общине или нет.

В 1339 году была составлена опись боевых припасов. Из нее следует, что в доме возле Тауэра, называемом "Бреташи", было 7 спрингалдов (больших арбалетов); 380 кварелей или болтов, оперенных леатеном или латоном (смешанный металл); 500 кварелей дерева; 29 шнуров; и 8 луков из ясеня для спрингалдов. В Олдгейте 1 спрингалд и 40 кварелей; в палате Гилдхолла 6 двигателей из латона, обычно называемых "гоннами", и 5 вальцов для них; также гранулы свинца весом 4½ фунта и 32 фунта пороха". Это самое раннее упоминание о пушках в Англии, следующее по времени упоминание встречается пятью годами позже. Райли предполагает, что они были привезены в эту страну Барди из Флоренции, чьи пушки использовались в войне уже в 1326 году. Он цитирует Чосера, "Дом славы", книга iii:

"Стремительный, как пулька из гончарной пушки.

Когда огонь в порохе ронен".

Король и горожане были в дружеских отношениях на протяжении всего времени: но время от времени мы видим отпечаток Плантагенетов.

Оценка показывает сравнительное богатство различных подопечных:

	£	s.	d.
Тауэрский приход	365	0	0
Приход Биллингсгейт	763	0	0
Приход Бридж	765	6	8
Приход Даугейт	660	10	0
Приход Лэнгберн	352	6	8
Уоллбрук	911	0	0
Приход Бишопсгейт	559	6	8
Приход Лаймстрит	110	0	0
Приход Корнхилл	315	0	0
Дешевое отделение	517	10	0
Бродстрит Уорд	588	0	0
Приход Винтри	634	16	8
Приход Хлебной улицы	461	16	8
Приход Квинхит	435	13	4
Кордвейнер Стрит Уорд	2195	3	4
Фарингдонский приход в пределах	730	16	8
Фарингдонский приход без	114	13	4
Приход Крипплгейт	462	10	0
Приход Коулманстрит	1051	16	8

Приход Кэндлвикстрит	133	6	8
Олдгейтское отделение	30	0	0
Приход Портсокен	27	10	0
Приход Касл-Бейнард	63	6	8
Приход Бассишоу	79	13	4
Приход Олдерсгейт	57	10	0
Сумма Итого	£12,385	13	4

Беспорядки на улицах между рыботорговцами и скорняками привели к результатам, гораздо более полезным, чем письмо короля, так как двое бунтовщиков были казнены - пример крайне необходимый и чрезвычайно полезный.

Среди кораблей флота Эдуарда было три, принадлежавших Лондону: "Ла Жонетт", "Ла Когге" и "Ла Сент Мари Когне". Последний корабль принадлежал Уильяму Хаунсарду, бывшему шерифу. Лондон также отправил на борт этих кораблей контингент из почти 200 человек, полностью вооруженных. Эти корабли были в числе тех, что сражались во время великой победы при Слюйсе. Французская хроника так описывает это сражение: "В этом году все моряки были в Слюйсе.

"В этом году все мореплаватели Англии, по поручению нашего господина короля, быстро собрали и снабдили продовольствием все свои корабли, а выносливые и энергичные мужчины со всех частей хорошо снаряжены и вооружены во всех точках, в каждом месте, чтобы сражаться на жизнь или смерть. И когда флот кораблей Англии был собран вышеупомянутым образом, сэр Эдуард, наш король, и его люди находились в окрестностях Бэри-Сент-Эдмундс, а оттуда он перешел в Орвелл, где вышел в море со своими людьми, которых было немерено, в четверг, следующий перед Рождеством Святого Иоанна Крестителя (24 июня), который был в субботу: И на следующее утро, в пятницу, наш король увидел своих врагов на море и сказал: "Поскольку Господь наш Иисус Христос был предан смерти в пятницу, мы не будем проливать кровь в этот день."

До того как король вышел в море, ветер целую две недели дул восточный, но по милости Всемогущего ветер сразу же переменился на западный, так что по милости Божьей король и его флот имели и ветер, и погоду. И так они плыли до восхода солнца на рассвете, когда он увидел, что его враги так сильно оснащены, что это было самое ужасное зрелище: ведь флот кораблей Франции был так крепко связан массивными цепями, замками, брегетами и решетками. Но, несмотря на это, сэр Эдуард, наш король, сказал всем, кто был рядом с ним во флоте Англии: - "Прекрасные лорды и братья мои, не тревожьтесь, но будьте все бодры, и тот, кто за меня начнет бой и будет сражаться с добрым сердцем, получит благословение Бога Всемогущего; и каждый сохранит то, что он получит".

И как только наш король сказал это, все с горячим сердцем принялись мстить ему за его врагов. И тогда наши мореплаватели подняли паруса на полмачты и подняли якоря так, как будто собирались лететь; и когда флот Франции увидел это, он освободился от своих тяжелых цепей, чтобы преследовать нас. И тотчас же наши корабли повернули к ним задом, и началось побоище под звуки труб, накернов, скрипок, таборов и многих других видов менестрелей. И тогда наш король с тремя сотнями кораблей энергично атаковал французов с их пятью сотнями больших кораблей и галер, а наши люди с великим усердием принялись за сражение с французами. Наши лучники и арбалетчики стали стрелять так густо, как зимой падает град, а наши инженеры метали так метко, что у французов не было сил ни смотреть,

ни поднять голову. А тем временем, пока длился этот штурм, наши англичане с большими силами взойшли на борт своих галер, и сражались с французами врукопашную, и вышвырнули их из своих кораблей и галер. И всегда наш король побуждал храбро сражаться со своими врагами, сам он был в зубах под названием "Томас из Винчелси". А в час тирса к ним подошел лондонский корабль, принадлежавший Уильяму Хаунсарду, и он принес много пользы в упомянутой битве. Ибо битва была столь ожесточенной и с таким трудом одолеваемой, что штурм продолжался с полудня весь день и всю ночь, а наутро - до часа расцвета, и когда битва была окончена, ни один француз не остался в живых, кроме Спаудефисса, который обратился в бегство с четырьмя и двадцатью кораблями и галерами".

За битвой при Слюйсе последовала осада Турнэ, которая оказалась безрезультатной: король вернулся домой без денег и в ярости на своих министров, которых он отправил в тюрьму. Было приказано провести расследование о способе сбора доходов короля в городе. Горожане возражали против того, чтобы судьи проводили это заседание в городе; они отказались отвечать на вопросы, если не будут соблюдены их свободы; они собрали специальный фонд для защиты прав города. В ответ король приказал провести итер, но, не желая отчуждать город, который был так полезен во время войны, он уступил и дал горожанам новую хартию (26 марта 1341 года). В то же время им было предложено предоставить двадцать шесть кораблей, полностью оснащенных и снабженных продовольствием, а король, со своей стороны, получил еще тысячу фунтов для себя. После трехлетнего перемирия война возобновилась. В марте 1346 года лондонский контингент из 600 лучников, 100 оруженосцев и 200 всадников был вызван на парад на Тотилл-Филдс. Они отплыли вместе с флотом короля, состоящим из тысячи кораблей, 10 июля 1346 года.

После битвы при Креси король послал мэру весть о том, что многие из его людей дезертировали и что все, кого удастся найти, должны быть схвачены и отправлены обратно, будь то рыцари, эсквайры или представители низших сословий. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что они уходили на короткую службу, срок которой истекал. Это также показывает, что не существовало никакой полиции, чтобы предотвратить дезертиров от переправы через Ла-Манш. Был сформирован еще один флот, в который Сити выделил два корабля. Все корабли в порту также были конфискованы.

После сдачи Кале король вернулся домой, его армия была нагружена добычей. "И вот, - говорит Холиншед, - английскому народу показалось, что после долгого облачного сезона выглянуло солнце, как из-за большого количества вещей, так и из-за воспоминаний о недавних славных победах: ведь в этой земле было мало женщин-домохозяек, но у них была домашняя мебель, привезенная из Франции как часть добычи, полученной в Кане, Калисе, Карентене или каком-нибудь другом хорошем городе. А кроме домашней утвари, английские служанки и матроны были одеты и украшены драгоценностями и одеждой французов, так что как француженки оплакивали потерю этих вещей, так наши женщины радовались полученной выгоде".

На двадцатом году правления Эдуард издал указ, предусматривающий изгнание всех прокаженных из города. "Поскольку, - начинал он, - нам стало известно, что многие люди, как жители вышеупомянутого города, так и другие, прибывающие в этот город, будучи поражены проказами, публично поселяются среди других горожан и здоровых людей и постоянно пребывают там; и не стесняются общаться с ними как в общественных местах, так и наедине: и что некоторые из них стараются заразить других этим отвратительным пороком (чтобы, к своему собственному жалкому утешению, иметь больше собратьев по страданию), а также при взаимном общении и через заражение своего загрязненного дыхания, а также половыми сношениями с женщинами в тушках и других тайных местах, которые

отвратительно часто посещают, и таким образом портят здоровых людей, как мужчин, так и женщин, к большому ущербу людей, живущих в вышеупомянутом городе, и к явной опасности для других людей, прибегающих в тот же город...." И он приказывает удалить всех таких людей из города в течение пятнадцати дней и запрещает на будущее укрывать в своем доме любого, кто "поражен пятном проказы". Этот приказ, судя по всему, был выполнен.

К сожалению, нам неизвестно число несчастных прокаженных, которые были таким образом изгнаны. Сама болезнь, опустошительная по своим последствиям, постепенно исчезала: за двести лет с этого момента она практически исчезла. О том, что в Лондоне еще оставалось немало прокаженных, свидетельствует тот факт, что горожане, повинувшись закону, начали строить дома для лазарей за пределами Сити. Их было уже три: Сент-Джайлз-ин-Филдс, основанный королевой Матильдой, женой Генриха I; Сент-Джеймс-ин-Филдс, основанный для прокаженных девственников; и Грейт-Илфорд в Эссексе, основанный королем Стефаном, - единственный, оставшийся от прокаженных фундамент. Были возведены новые дома для лазарей: один в Лок без Саутварка на Кент-стрит; один между Майл-Энд-роуд и Стратфорд-ле-Боу; один в Кингсленде между Шордичем и Сток-Ньюингтоном; и один в Найтсбридже. Еще один упоминается двадцать лет спустя в Хакни. Еще один был основан сто лет спустя Уильямом Йоменом из Короны, который сам был прокаженным, на большой дороге между Хайгейтом и Холлоуэем. Двадцать шесть лет спустя Джону Мэйну, пекарю и прокаженному, "которому мэр и олдермены неоднократно приказывали покинуть город" (неоднократно! вот доказательство слабости исполнительной власти!), наконец, было приказано немедленно уехать. Неизвестно, послушался ли он.

В 1348 году разразилась Черная смерть. Об этом мы еще услышим. Здесь же достаточно отметить, что, вероятно, две трети всего населения Лондона погибли от этой напасти. Церковные дворы были переполнены и не вмещали больше тел. Епископ Лондона выделил один участок земли, а сэр Уолтер Мэнни - другой, в общей сложности более 13 акров земли для погребения умерших: за короткое время там лежало 50 000 человек. Другой участок земли, предоставленный священником по имени Джон Кони для той же цели в восточной части Сити, также был быстро заполнен тысячами тел.

Едва город оправился от этого бедствия, как его призвали принять участие в подавлении пиратов, которые во время войн и беспорядков всегда проникали в Ла-Манш. Город предоставил два корабля, один с сорока воинами и шестьюдесятью лучниками под командованием Эндрю Турка, а другой с тридцатью воинами и сорока лучниками под командованием Госселина де Клива. Флот уничтожил испанскую флотилию и захватил двадцать четыре корабля, груженных товарами.

Возвращение Черного принца с королевской пленницей после битвы при Пуатье стало поводом для такого зрелища, которое всегда любил город. Тысяча горожан, богато одетых и хорошо одетых, встретили принца в Саутварке: король Франции ехал на великолепном коне: рядом с ним на маленьком галлоуэе ехал принц-победитель. У подножия Лондонского моста их встречали мэр, олдермены, шерифы и несколько ремесленников в своих ливреях и цветах. На всех улицах дома были увешаны гобеленами и сверкали оружием и доспехами всех видов. Это был, пожалуй, самый великий день национальной гордости и ликования, который когда-либо видел город.

По истечении двухлетнего перемирия война разгорелась с новой силой. Французский флот пронесся вдоль побережья Сассекса, высадив армию из 20 000 человек, которые совершали зверства, свойственные захватчикам: сжигали города, уничтожали посевы, убивали людей.

Лондонский Сити снарядил флот из 80 судов с 14 000 человек, включая лучников, но они опоздали, чтобы встретить врага.

Именно в это время Генри Пикард, винодел, устроил самый знаменитый из всех городских банкетов, на котором присутствовали король Англии, король Франции, король Шотландии, король Дании, король Кипра, а также Черный принц.

Война продолжалась еще несколько лет, но славных побед больше не было, и в 1375 году был заключен мир. Была предпринята попытка изменить конституцию города: выборы мэра, шерифов и общего совета были переданы в руки гильдий, а не вардов, но через десять лет оказалось, что новый план работает не так хорошо, как старый, к которому город вернулся.

В 1365 году был принят важный ордонанс, касающийся того, какие вещи арендатор, покидая дом, может забрать с собой: - "Постановлено, что если кто-либо из арендаторов покидает дом, то он может забрать его с собой.

"Постановлено, что если кто-либо нанимает квартиру, дом или дома в городе Лондоне или в пригородах этого города, чтобы держать их на срок жизни или на годы, или только из года в год, или из квартала в квартал: Если упомянутый арендатор сделает или сделает так, что сделает, какие-либо пентисы или другие сервитуты в упомянутых помещениях, домах, пристройках, прикрепленные железными или деревянными гвоздями к помещениям или к их почве, то для такого арендатора не будет законным убрать такие пентисы или сервитуты в конце срока или в любое другое время уничтожить их; но они всегда будут оставаться за хозяином упомянутых помещений, как их часть."

Этот ордонанс был переведен с латыни на английский язык со следующим пояснением

"Whereas nowe of late amonge divers people was sprongen Matter of doute upon the most olde custome had and used in this Cyte of London, of suche thyngys which by tenauntys terms of lyfe or yerys were affixyd to houses, без указания владельца сойла, должны ли они быть возвращены владельцу сойла, как часть того же самого, или будет ли законно для таких арендаторов по истечении ее срока все такие прикрепленные тинги снять.

После того, как были просмотрены старые книги и многие записи, старые процессы и решения упомянутого Сайта, Майр и олдермены объявили, что все такие простоты закреплены за домами или за такими tenants, без особого и явного согласия владельца сои, если они будут скреплены с ирневыми или древесными листьями, как пентисы, стекла, замки, скамейки или другое, или если они будут скреплены с мортером или лаймом, или другим мортером, как форнеи, ледисы, кандальные хеминеи, карнизы, павеметтисы или другое: или если растения будут высажены на участке, как виноградные лозы, деревья, грасс, фруктовые деревья и т.д., они не должны быть отмыты в такие десятины в конце ее срока, или в любой другой срок, или только из них, чтобы убрать больше, или загромоздить в любом случае, но они всегда должны возвращаться к владельцу земли, как части той же земли или арендованного участка."

На Хорошем парламенте 1376 года три городских олдермена были обвинены в злоупотреблениях. Все трое были лишены своих должностей: один был заключен в тюрьму, другой бежал во Фландрию, чтобы избежать суда, третий был лишен патента на монополию.

Желая заручиться благосклонностью юного наследника короны, город решил устроить ему развлечение и преподнести подарки. Принц с матерью и свитой жил во дворце Кеннингтон.

СЭР ГЕНРИ ПИКАРД РАЗВЛЕКАЕТ КОРОЛЕЙ АНГЛИИ, ФРАНЦИИ, ШОТЛАНДИИ, ДЕНМАРКА И КИПРА

С фрески в Королевской бирже в Лондоне, с разрешения художника А. Шевалье Тейлера.

"С этой целью в воскресенье перед Кандлемасом сто тридцать два горожанина верхом на маскараде, сопровождаемые трубами, множеством других музыкальных инструментов и огромным количеством фламбо, проследовали от Ньюгейта через город и район Саутварк к вышеупомянутой резиденции принца. В первом отделении ехали восемь и сорок человек, одетых в костюмы эсквайров, с красными плащами, платьями [сай2](#) и красивыми визави. Затем следовало столько же человек, одетых как рыцари, в тех же ливреях, что и первые. Затем ехал один в очень пышном императорском одеянии, за ним на некотором расстоянии следовал человек, похожий на папу римского, в сопровождении четырех и двадцати кардиналов; за ним следовали десять человек в отвратительных черных одеяниях, как легаты от адского понтифика. Прибыв во дворец, эта кавалькада маскарадщиков сошла с места и вошла в зал, куда тотчас же направились принц, принцесса Уэльская и сопровождающие их дворяне. Их приветствовали маскарадщики, которые, достав пару игральные кости, показали свое желание поиграть с принцем. Кости были так искусно приготовлены, что, когда бы принц ни бросал, он непременно выигрывал, и, бросив три раза, он выиграл чашу, кубок и кольцо, все из чистого золота: после чего упомянутые маскарадщики поставили принцессе, герцогу Ланкастерскому и всем остальным лордам по золотому кольцу, которые они также выиграли; затем их самым роскошным образом развлекали за ужином, и, удостоившись чести танцевать с принцем и дворянами, они с радостью вернулись в город".

В 1371 году король издал хартию, предписывающую не разрешать посторонним, *то есть* никому, кроме свободных людей, торговать в розницу в Сити и пригородах. Эта привилегия всегда вызывала недовольство горожан, которые больше выступали за свободную торговлю.

Правление Эдуарда III примечательно тем, что были изданы правила ремесел и компаний, а также создавались компании по правилам и с королевской лицензии. В "Мемориалах Райли" мы находим хартии, уставы и ордонансы, выданные следующему длинному списку в период с 1327 по 1377 год. Список приводится в хронологическом порядке:-

Пеллиперы, или скорняки, гирдлеры, хостлеры и сенокосы, тапикеры, мясники, пекари, тавернщики, виноградари, резчики, пивовары, шпоры, уиттаверы, токари, камеристы, шляпники, оловянщики, гловеры, шеманники, фурнитурщики, брайлиры, Каменщики, фарцовщики, воскобойники, инопланетные ткачи, тайлеры, красильщики, водопроводчики, тауеры, фламандские ткачи, боуиры, флетчеры, изготовители мешочков, кузнецы, продавцы кожи, пултеры, кордвейнеры, парикмахеры, фулеры, хюеры и сыровары. Некоторые из статей новых компаний будут рассмотрены в другом месте.

Черная смерть 1349-50 годов вызвала нехватку рабочей силы, что привело к огромному росту заработной платы.

Некоторая попытка противостоять влиянию спроса на предложение была предпринята вскоре после моровой язвы: по распоряжению мэра, Уолтера Турка, олдерменов и Общины (24 ред. III. 1350) был издан указ, в котором устанавливалась заработная плата, "которая должна быть установлена и твердо соблюдаться навечно". Согласно этому указу, ремесленники получали 6 ден. в день в летние месяцы и 5½ ден. в день зимой. Любой работодатель, плативший больше, подвергался штрафу в 40 фунтов стерлингов, а ремесленник, бравший больше, отправлялся в тюрьму на 40 дней. Кажется странным, что в

торгово-промышленном городе можно было предполагать возможность регулирования зарплат и цен "навечно" или на неделю. Как и во многих других средневековых законах и постановлениях, здесь нет никаких доказательств их соблюдения, в то время как в последующих судебных процессах не было зафиксировано ни одного случая неповиновения. Можно утверждать, не боясь противоречий, что прокламация провалилась, а ремесленники продолжали извлекать из ситуации максимум пользы.

Об отношениях Эдуарда III и Сити, в целом сердечных, свидетельствуют некоторые документы из "Мемориалов" Райли. Так, в ноябре 1328 года, когда король и королева находились в Вестминстере, Сити решил послать им подарок, и вот какие сезонные дары они отправили

"Нашему лорду королю: 10 туш бивней, цена 7 фунтов 10 шиллингов; 20 свиней, цена 4 фунта; их купил Николас Дерман: 24 лебедя, цена 6 фунтов; 24 горлицы и цапли, цена 4 фунта 4 шиллинга; и 10 дюжин каплунов, цена 50 шиллингов. У Джона Брида и Джона Скотта куплено: 5 камней воска, цена 19 фунтов 19 шиллингов; 4 бочки осетрины, цена 12 фунтов; 6 щук и 6 угрей, цена 10 марок; куплено у Хью Медефрея.

Нашей Леди Королеве: -5 туш бивней, цена 75 с.; 12 свиней, цена 48 с.; - куплены у упомянутого Николаса Дермана: 12 фазанов, цена 48 с.; 12 лебедей, цена 60 с.; - куплены у упомянутых Джона Брида и Джона Скота: -3 камня воска, цена £11: 19: 5¼; 2 бочки осетра, цена £6; также, 3 щуки и 3 угря, цена 66 с. 8d.

Общая сумма, уплаченная за вышеупомянутый подарок, 95 фунтов 13 шиллингов 6 шиллингов".

Девять лет спустя, на заседании парламента, проходившем в Лондоне, Сити выделил большое количество подарков королю, королеве, архиепископу Кентерберийскому, епископам Лондонскому и Даремскому и многим великим лордам. Одним дарили деньги, другим - серебряные тарелки, шелковые ткани, перчатки для держания марок. По всей видимости, эти подарки были призваны купить их расположение, так как Сити получил хартию, которая закрепила их вольности, хотя они, казалось, были в опасности из-за новых статутах о скобе.

Упомянув об этих подарках, мы можем сказать, что в 1363 году дюжина торговцев объединилась, чтобы послать королю небольшой денежный подарок, в общей сложности не более 40 фунтов стерлингов. Четыре компании также преподнесли королю Иоанну Французскому, находившемуся тогда в плену, деньги на общую сумму 24 фунта 6 шиллингов 8 шиллингов; а в 1371 году великолепный подарок из пластин, стоивший, по тем временам, огромную сумму денег, был вручен Черному принцу по возвращении из Гаскони.

В 1357 году король, очевидно, исходя из собственных наблюдений, обратил внимание на лавки и грязь, которые скапливались на берегах реки, и отдал приказ, чтобы все это было немедленно убрано. В том же году он приказал очистить улицы от подобных препятствий. И, что свидетельствует о проблеске санитарной науки, он приказывает складывать этот мусор в телеги и вывозить из города или в навозные лодки, которые, вероятно, предназначались для перевозки мусора вниз по реке; но ничего нельзя было бросать в реку. Если вспомнить, как использовались Уолбрук и Флит, а также берега Темзы, легко понять, что нужно было что-то делать. В то же время Темза - широкая река, способная очиститься от большого количества коррупции.

В некоторых случаях грабежа или насилия король вмешивался сам. Так, в 1359 году король приказал мэру провести расследование ограбления, совершенного в доме монахов-крестоносцев на Харт-стрит в Олдгейте, и прислать ему результаты расследования. Дело любопытное, в нем замешаны некоторые братья Дома. Похищенные вещи состояли из потира, двух комплектов облачений, множества ценных книг и других товаров, все это оценивалось в 87 фунтов 13 шиллингов 4 шиллинга, *то есть* более 1200 фунтов наших денег. Грабителями были Роберт де Стэнноу, Джон де Данмоу и Ричард де Ившем, все братья Святого Креста. Свидетели, Джон Бретун и еще одиннадцать человек, поклялись, что все эти трое были злоумышленниками и нарушителями мира нашего господина короля, и что они украли эти вещи и "совершили другие бесчинства". Что стало с тремя святотатцами, неизвестно. Возможно, тайну могла раскрыть епископская тюрьма.

Есть также прокламация против крепких бродяг, которые получают милостыню, "которая в противном случае досталась бы многим беднякам, таким как прокаженные, слепые, немощные и люди, угнетенные старостью и различными другими недугами". Их приказано посадить в колодки, а затем навсегда отлучить от города. О порке бродяг на улицах пока ничего не говорится.

Провозглашается запрет на вечерние рынки. После захода солнца нельзя было ничего продавать, потому что в темноте легко выдать старые вещи за новые.

Еще один испуг, связанный с французским происхождением, произошел в 1370 году, когда стало известно, что у берегов Танета лежат галеры. Было приказано каждую ночь нести дозор между Тауэром и Биллингсгейтом, состоящий из 40 оруженосцев и 60 лучников. Роты должны были выстраивать дозор в следующем порядке:

- Воскресенье. Железячники, оружейники и кузнецы.
- Понедельник. Тауиры, шпороносцы, лукисты и гирлеры.
- Вторник. Драпировщики и портные.
- Среда. Торговцы и аптекари.
- Четверг. Рыботорговцы и мясники.
- Пятница. Окуловщики и виноделы.
- Суббота. Золотых дел мастера и грузчики.

О том, как плохо управлялся Лондон в это время, свидетельствует упадок стрельбы из лука. Недавние победы во Франции доказали огромное превосходство лучников над конными рыцарями в бою: однако лондонская молодежь пренебрегала оружием, которое могло быть полезным только в том случае, если его практика поощрялась и упорядочивалась. По этому поводу мы узнаем, что в 1365 году король направил шерифам Лондона следующее письмо: "Король - шерифам Лондона.

"Король - шерифам *Лондона*, приветствие.

Поскольку жители нашего королевства, как хорошего, так и плохого качества, в спорте до этих времен обычно упражнялись в умении стрелять из лука; хорошо известно, что это приносило честь и прибыль всему нашему королевству, а нам, с Божьей помощью, немалую помощь в наших военных действиях; А теперь, когда упомянутое мастерство как бы полностью отброшено, те же самые люди развлекаются метанием камней, дерева и железа; а некоторые - рукопашным, футбольным, бенди-болом и камбэком, или петушиными боями; а некоторые также

занимаются другими бесчестными играми, менее выгодными и полезными; таким образом, упомянутое королевство в скором времени может остаться без лучников:

Мы, желая применить к этому своевременное средство, повелеваем вам, чтобы в местах в вышеупомянутом городе, как в пределах свобод, так и вне их, где вы сочтете это целесообразным, вы сделали публичное объявление, чтобы каждый житель упомянутого города, сильный телом, в свободное время, в праздники, использовал в своих развлечениях луки и стрелы, или пули, или болты, и учился и упражнялся в искусстве стрельбы; Запрещая всем и каждому от нашего имени, чтобы они ни в коем случае не занимались метанием камней, дерева, железа, рукопашным, футбольным, бенди-болом, камбэком или петушиными боями, а также другими подобными напрасными играми, не приносящими никакой пользы, и не занимались ими под страхом тюремного заключения. Свидетель король в Вестминстере, двенадцатый день июня".

В том же году город посетила компания флагаеллантов. Они были голландцами и насчитывали сто двадцать человек. Они маршировали по улицам, раздетые до пояса, в шапках с одним красным крестом впереди и одним сзади: в руках у них были кнуты. На ходу они пели литанию, а затем стали бичевать друг друга, пока кровь не потекла по их телам. Говорят, что они делали это дважды в день - либо на улицах, либо в соборе Святого Павла.

В беспорядках и ссорах, которыми ознаменовалось завершение правления третьего Эдуарда и начало правления Ричарда, трудно выделить роль, которую сыграл Лондон в общей истории страны. Это было мрачное время как для Лондона, так и для всей страны: завоевания и огромные владения, приобретенные Эдуардом, терялись быстрее, чем завоевывались. В 1372 году английский флот был уничтожен у Рошели: в 1373 году был потерян Пуатье и уничтожена английская армия: в 1374 году была потеряна Аквитания: наши владения во Франции сократились до некоторых сильных мест, таких как Бордо и Кале: король впал в уныние: Черный принц умирал: не только гордость страны была унижена, но и ее богатство обеднело, а торговля уменьшилась.

Со всех сторон поднимались новые идеи, предвестники Реформации. Уиклиф хотел вернуться к более простым внешним формам и уменьшить гордость, богатство и власть церкви. Пирс Плаумен выступал от имени невнятных людей: Чосер показывает добродушное и сдержанное презрение зажиточных буржуа к монахам и монахиням: общинники требовали увольнения духовенства с гражданской службы: несколько лет спустя они обратились к королю (Генриху IV) с ходатайством об упразднении всех монашеских домов. А самый могущественный дворянин в стране, Джон Гонтский, встал на сторону народа и выступил защитником Уиклифа и Джона Нортгемптонского.

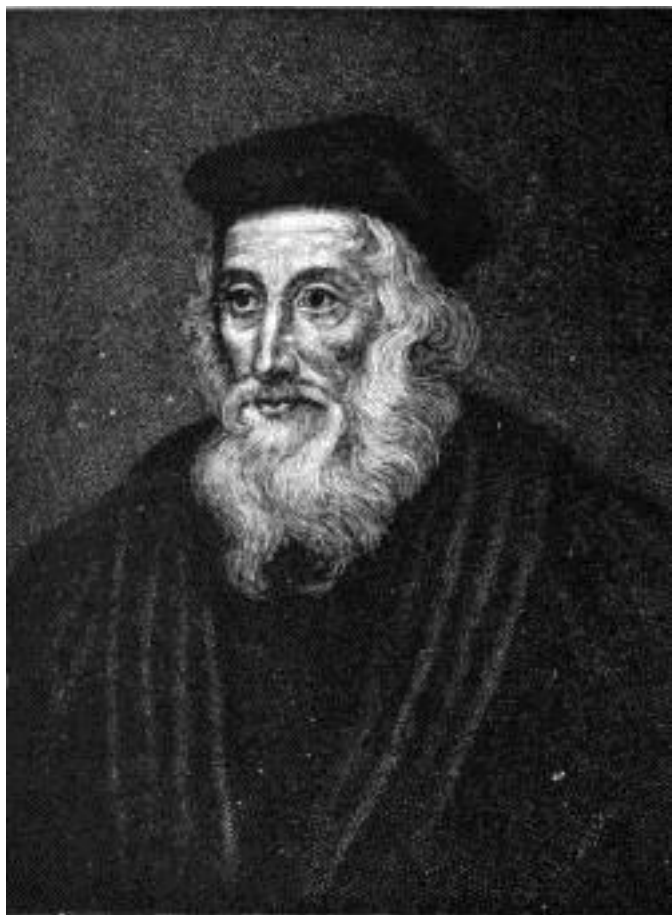
К сожалению, Джон Гонтский вмешивался в торговлю. Вероятно, не понимая, что делает, он отдал себя в руки купца по имени Ричард Лайонс, которому, судя по всему, очень доверял. Лайонс явно был предшественником многих, кто последовал за ним в стремлении сколотить состояние короткими путями; он получил от Джона разрешение отправлять шерсть, не доставляя ее сначала в Штапель, и таким образом избегать налога; он стал таможенным фермером в Кале и взимал более высокие пошлины, чем те, что были установлены парламентом; он скупал долги короля с большой скидкой и заставлял Совет платить ему сполна; он устраивал углы, получал и продавал монополии.

В 1376 году, за год до смерти старого короля, состоялось заседание Доброго парламента. Его спикер, Питер де ла Маре, от имени общин отказался от всех поставок до тех пор, пока герцог Ланкастер, лорд Латимер и сэр Ричард Стурри оставались советниками короля, а Алиса Перрерс - наложницей короля. Обвинение было разрешено. Затем парламент рассмотрел некоторые злоупотребления в Сити. Во-первых, они обвинили Ричарда Лайонса "в различных обманах, вымогательствах и других проступках, как в то время, когда он посещал некоторых членов королевского совета, так и когда он был фермером по субсидиям и таможене; и особенно за получение лицензий на вывоз больших партий шерсти и штапельной посуды; за установление новых пошлин на штапельную посуду; за организацию размена денег; за то, что заставил короля за один шевизант в двадцать марок заплатить тридцать фунтов; за покупку долгов разных людей, причитающихся королю, за небольшие суммы; за получение взяток в виде залога для уплаты справедливых долгов короля. Во всем этом, как кажется, он был виновен, подтасовывая Совет.

На часть этих статей Ричард ответил, а на остальные сдался на милость короля; после этого он был заключен в тюрьму, а его имущество, как недвижимое, так и личное, конфисковано, и за эти преступления он также был лишен гражданских прав.

Вскоре после этого Джон Пич из Лондона был привлечен к суду за получение лицензии за Большой печатью на единственную привилегию продавать сладкое вино в Лондоне; было сказано, что, пользуясь этим разрешением, он брал с каждого виноторговца по четыре шиллинга и четыре пенсы за каждый проданный им тун. Он оправдывал это, как и полагается по закону; тем не менее, его приговорили к тюремному заключению и возмещению ущерба всем пострадавшим. После этого решение было отменено, и горожанам вернули их древнее право продавать такое вино, с ограничением, что цена на него всегда регулируется мэром". (Maitland, vol. i. p. 134.)

Парламент, однако, закончился. Джон Гонт вернулся к власти; Ричард Лайонс и Джон Пич были выпущены из тюрьмы; покойный спикер Питер де ла Маре был заключен в Ноттингемский замок; Алиса Перрерс вернулась к королю.

ДЖОН УИКЛИФ (ум. 1384)
Из MS. Harl. 4866.

В эту историю не входит попытка оценить характер и политическую карьеру Джона Гонта. Однако можно упомянуть, что к нему относились с глубочайшей ревностью и подозревали в замыслах на корону; считалось, что ему будет легко вытеснить молодого принца Ричарда. Тем не менее он был, несомненно, самым великим и могущественным дворянином в стране. Более того, в вопросах религии он встал на сторону Реформации, особенно в том, что касалось богатства и власти высшего духовенства. В этом отношении он, несомненно, пользовался общим мнением Сити, как со стороны лучших людей - Уиттингтон, среди прочих, считался склоняющимся в эту сторону, так и со стороны ремесленников, среди которых монахи и их учение имели большое влияние. К сожалению, он оскорбил Сити до невозможности, предложив отменить мэрию и еще больше ущемить их свободы. А затем состоялся знаменитый суд над Уиклифом в соборе Святого Павла. Уиклифа вызвали в собор Святого Павла к архиепископу Кентерберийскому и епископу Лондонскому, чтобы он ответил на некоторые обвинения в своих взглядах.

Он подчинился, но с ним пришли его защитник, Джон Гонтский, и граф Маршал, и, можно не сомневаться, достаточное количество людей, чтобы защитить их лица. Собор был заполнен людьми, привлеченными желанием увидеть и услышать этого бесстрашного поборника реформ. С трудом удалось пробиться к месту слушаний, где находилась часовня Леди. Граф Маршал использовал свою власть, возможно, громко, чтобы сдержать людей. Епископ Лондонский, возмущенный тем, что в его собственном кафедральном соборе действует только его власть, заявил, что если бы он знал, как будет вести себя лорд Перси, то запретил бы ему вход. Герцог Ланкастерский с не меньшим пылом заверил епископа, что лорд-маршал будет поддерживать порядок, несмотря на него. Когда они добрались до дамской

часовни, граф-маршал потребовал предоставить Уиклифу место. Епископ отказался. Тогда в ход пошли гневные слова и упреки; ходили слухи, что Джон Гонт грозился вытащить епископа из церкви за волосы на голове. Ссора переросла в беспорядки; суд был распущен; Уиклиф, который ничего не сказал, удалился, а герцог со своим отрядом покинул церковь и поскакал к дому некоего Джона де Ипра.

Кроме этого оскорбления епископа, герцог Ланкастерский был озлоблен и по другим причинам. Ходили слухи, что он задумал упразднить мэра и назначить на его место кустоса; кроме того, он считал, что маршал Англии должен иметь право арестовывать преступников как в Лондоне, так и в других частях королевства. Ссора в соборе Святого Павла была лишь последней каплей в чаше. Тот странный пожар, который охватывает толпы, зарождаюсь неизвестно где и распространяясь неизвестно как, вспыхнул на лондонских улицах. Толпа хотела отнять у герцога жизнь. Его, находившегося в доме Джона де Ипра в Сити за ужином, напугал один из его рыцарей, пришедший предупредить его. Нельзя было терять времени; он поднялся из-за стола и, поспешив к ближайшей лестнице, переправился на лодке через реку и отправился во дворец в Кеннингтоне. Когда толпа обнаружила, что его нет, они пришли в его Савойский дворец, где убили священника, и разгромили бы дворец, если бы не вмешательство епископа Лондонского.

Мэр и олдермены добились беседы с королем и выразили свою скорбь по поводу случившегося: они сказали, что это дело рук нескольких беззаконников, которые должны быть найдены и наказаны, и на этом герцог, казалось, был удовлетворен. Но оскорбления со стороны населения продолжались; они повесили его щит в обратном направлении, чтобы показать, что он предатель; они вывешивали на него пасквилы и оскорбления, пока он не потребовал отлучения от церкви города. Лондонский епископ отказался; тогда епископ Бангорский произнес отлучение. Имел ли тогда один епископ право отлучать людей в епархии другого епископа? Мэр, Адам Стейпл, был смещен, и на его место был избран Никола Брембре. Конечно, кажется, что Адам Стейпл показал свою слабость, не сумев поддержать порядок. Наконец, город попытался умиротворить герцога, предложив ему восковой тапер с его оружием в соборе Святого Павла. И тут старый король умер.

ГЛАВА VIII

РИЧАРД II

РИЧАРД II. (1367-1399)

С картины в Вестминстерском аббатстве. Художник неизвестен.

Никто из тех, кто рассматривает жизнь и правление Ричарда II, не может не заметить и в какой-то мере не понять ту удивительную личную привязанность, которую он внушал людям, особенно жителям Лондона, чью преданность он так позорно вознаградил. Его необыкновенная красота, царственность, обаяние манер, великолепие и роскошь его двора, любовь к искусству и музыке, его личное поведение - все это ослепляло и завораживало народ. Никогда не было более галантного принца, на которого можно было бы смотреть. Что он был горд, почти как Генрих III, горд до такой степени, которая в наши дни совершенно непонятна; что он был расточителен и расточителен; что его вели недостойные фавориты почти так же, как его прадеда; что он был мстителен; что он всегда хотел денег и не заботился о хартиях, правах и свободах, по которым он бесцеремонно топтался, чтобы получить деньги, - эти вещи жители Лондона собирались выяснить к своей цене. А пока они любили прекрасного мальчика, сына Черного принца. С самого начала дворяне прозвали Ричарда королем лондонцев. Мы увидим, что Сити терпел удар за ударом, прежде чем окончательно отказался от него. В основном, я думаю, Сити относился к Ричарду с благодарностью и привязанностью за тот отчаянно смелый поступок, когда он столкнулся с толпой, сам будучи еще мальчишкой, и убедил их разойтись по домам. Каждый горожанин,

помнивший те несколько ужасных дней, когда самая дикая толпа, которую когда-либо видели на лондонских улицах, владела Сити, и помнивший, что пришлось пережить людям лучшего сорта - грабежи, пожары и убийства, - считал этот поступок спасением как для себя, так и для Сити. Последовавшее за этим отчуждение города было вызвано исключительно постоянными поборами короля и его произвольным игнорированием хартий.

Новое царствование - Ричарду было всего одиннадцать лет - началось для Лондона счастливым примирением города с герцогом Ланкастерским. На коронационном банкете мэр и горожане заявили о своем праве помочь главному дворецкому, но получили отказ от Роберта Белкнапа, главного судьи суда общей юрисдикции, который сказал им, что они могут прийти и вымыть кастрюли и сковородки, если им угодно. Тогда горожане установили чучело Белкнапа на одной из арок, возведенных в Чипсайде для процессии. Фигуру заставили непрерывно извергать вино. Это ранний пример карикатуры на политические темы. Роберт Белкнап отказался от своей оппозиции, чучело было убрано, а мэр и олдермены сыграли свою привычную роль в коронационном банкете. Шарп (*London and the Kingdom*, p. 213) отмечает, что на должность городского коронера мог претендовать обычный дворецкий короля.

Город выдал Совету аванс в размере 5000 фунтов стерлингов под залог таможи. Когда собрался Парламент, он предоставил тальяж в размере двух десятых и двух пятнадцатых и назначил двух горожан, Уолворта и Филпота, казначеями. В это время, едва ли не худшее в наших летописях, французы почти беспрепятственно преследовали южное побережье; шотландская армия находилась на границах; шотландский флот был в Северном море, совершая набеги на порты и приморские города. Аббат Бэттл отогнал французов, и уничтожить шотландский флот выпало на долю частного лондонского купца.

Этим флотом командовал человек по имени Мерсер, которого называли пиратом. Как и его соотечественники на границе, он, вероятно, называл свои действия законными актами войны. Сэр Джон Филпот, узнав, что этот морской капитан, или пират, Мерсер грабит английские города и захватывает английские корабли, снарядил за свой собственный счет флот кораблей, укомплектованный тысячей хорошо вооруженных людей, взошел на борт в качестве адмирала или командующего, отплыл на север, встретил флот Мерсера у Скарборо, доблестно атаковал его, убил его и забрал все его корабли; затем с ними и пятнадцатью испанскими судами с большим грузом, которые были захвачены Мерсером, он вернулся в Лондон. Совет послал за ним и попросил объяснить, почему он решил вступить в войну по собственному почину. Но горожане выразили одобрение его деятельности, избрав его мэром в следующем году.

Покойный король умер в то время, когда петиция горожан о подтверждении их свобод еще не была удовлетворена, и они возобновили ее после вступления на престол Ричарда. Палата общин также молила короля, чтобы город продолжал пользоваться всеми франшизами и обычаями, дарованными его предками. В ответ на это была издана Хартия подтверждения, которая гласила.

"В то время как упомянутые граждане в своей петиции, представленной нам в парламенте, заявили, что, хотя они в течение долгого времени пользовались и пользуются определенными свободными обычаями, до последних лет к ним несправедливо притесняли; эти обычаи таковы, а именно: ни один иностранец не может покупать или продавать другому иностранцу какие-либо товары в пределах свобод упомянутого города под страхом лишения права собственности на эти товары. Тем не менее, желая на будущее время устранить все разногласия по этому

поводу, мы, с вышеупомянутого согласия, завещаем и предоставляем, и этими документами, от нашего имени и от имени наших наследников, подтверждаем указанным гражданам и их наследникам, что на будущее время ни один иностранец не будет продавать другому иностранцу никаких товаров в пределах свобод указанного города: и чтобы ни один иностранец не покупал у другого иностранца никаких товаров под страхом лишения оных; привилегии наших подданных Аквитании во всех вещах исключены, так что такая купля-продажа будет осуществляться между купцом и купцом."

В это время город все еще раздирали внутренние разногласия. Партия, возглавляемая Иоанном Нортгемптонским, представлявшая народное дело ремесленных гильдий, постоянно стремилась к большей власти и неизменно встречала самое решительное сопротивление; несомненно также, что в город проник новый и очень важный дух, который учил новым идеям относительно личной святости, богатства священника и монаха, истинного учения Христа, изложенного в Евангелиях и распространенного за границей проповедниками Уиклифа. Другая сторона, возглавляемая Филпотом и Брембре, представляла старую аристократическую партию с великими гильдиями по распространению, импорту и экспорту. Герцог Ланкастерский по собственным причинам поддержал Джона Нортгемптонского и народную партию. К нему присоединился его брат Томас Вудстокский, граф Бекингем, который трижды обвинил Брембре перед парламентом: сначала в попустительстве бунтарскому нападению на его дом, а затем в государственной измене. Граф еще больше выказал свое негодование, удалившись из Сити со всеми своими приближенными и друзьями. А друзей у него, должно быть, было много, потому что удар по торговле был настолько болезненным, что более богатые купцы подписывались и подкупали его, чтобы он вернулся снова. Историю городских фракций вы найдете в другом месте.

В 1379 году был введен налог на голосование. Каждый человек должен был платить в соответствии со своим рангом и положением. Мэр Лондона был приравнен к графу и платил 4 фунта стерлингов. олдерменов, приравненных к баронам, платили по 2 фунта стерлингов. Самые низкие рабочие должны были платить гроат-четыре пенса. Налог на голосование в Сити составлял не более 700 фунтов стерлингов. По оценкам, население города составляло около 46 000 человек. Но расходы на сбор налога не учитываются. Для обложения всего населения, мужчин, женщин и детей, должно было быть задействовано огромное количество клерков и сборщиков. Возможно, на эту работу тратилось 25 процентов. Это дало бы нам население в 56 000 человек. В следующем году снова был введен налог на голосование, но на этот раз наименьшая сумма, которую нужно было заплатить, составляла три крупы, и это с каждого мужчины, женщины и ребенка старше пятнадцати лет. Что означал бы этот налог в наши дни? Это означало бы, что каждый работающий мужчина должен был бы платить полкроны за себя, полкроны за свою жену и полкроны за каждого, кто в его доме старше пятнадцати лет, то есть четыре полкроны, или десять шиллингов в общей сложности. Как долго продержится правительство, которое введет такой налог? Только в Лондоне этот налог приносил не более 1000 фунтов стерлингов. Это был роковой налог для страны, поскольку он стал причиной восстания, самого грозного восстания крестьянства, с которым когда-либо приходилось сталкиваться этой стране, - восстания, названного в честь Уота Тайлера. История этого восстания относится скорее к истории Англии, чем к истории Лондона, но более поздняя и драматичная его часть произошла в Сити. Пожалуй, я не могу сделать ничего лучше, чем пересказать краткий и наглядный рассказ современника, приведенный в книге Райли "Мемориалы" (стр. 449):- "Среди чудесных событий, которые произошли в Лондоне, были и такие, как

"Среди самых дивных и доселе неслыханных чудес, когда-либо случавшихся в Лондонском Сити, то, что произошло там в праздник Тела Христова, 13-го дня июня, в 4-й год правления короля Ричарда Второго, кажется, заслуживает того, чтобы быть записанным, дабы оно не осталось неизвестным для грядущих.

Ибо в тот день, когда король проводил свой совет в лондонском Тауэре, бесчисленные компании простолюдинов и людей низшего сословия из Кента и Эссекса внезапно подошли к упомянутому городу, одна из них - к городу Саутварк, а другая - к месту под названием Милинде, без Алгейта. С помощью вероломных простолюдинов, находившихся в городе и принадлежавших к их сословию, которых там собралось несметное количество, они вместе внезапно вошли в город и, пройдя прямо через него, направились к особняку сэра Джона, герцога Ланкастера, называемому "Ле Савойе", и полностью сравняли его с землей, а затем сожгли. Затем они повернули к церкви госпиталя святого Иоанна Иерусалимского, расположенной за Сметфельдом, и сожгли и сравняли с землей почти все дома, за исключением церкви.

На следующее утро все люди из Кента и Эссекса собрались в указанном месте, называемом "Милинде", вместе с некоторыми вероломными людьми из вышеупомянутого города, число которых не поддавалось исчислению. И тут к ним из Тауэра вышел король в сопровождении многих рыцарей и эсквайров, а также горожан верхом на лошадях, а за ним в колеснице ехала и его мать. Где, по мольбе разгневанных рутов, наш Господь король разрешил им взять тех, кто был изменником против него, и убить их, где бы они ни были найдены. Оттуда король поскакал к своему гардеробу, расположенному неподалеку от замка Байнард, а вся разъяренная толпа направилась к Лондонскому Тауэру, войдя в который, они силой вытащили из него сэра Саймона, архиепископа Кентерберийского, канцлера нашего господина короля, и брата Роберта Хейлза, настоятеля упомянутого госпиталя св. Иоанна Иерусалимского, казначея короля, а вместе с ними брата Уильяма Апплетона, члена ордена монахов-миноров, и Джона Лега, оружейного сержанта короля, а также некоего Ричарда Соменура из прихода Стебенхут; всех их они обезглавили в месте, называемом "Турхилл", за пределами упомянутого Тауэра, а затем, пронеся их головы через весь Сити на копьях, установили на Лондонском мосту, закрепив их там на кольях.

В тот же день в Сити произошло не мало резни, как местных жителей, так и пришельцев. Ричард Лайонс, гражданин и виноградарь этого города, и многие другие были обезглавлены в Чепе. В Винтри также была очень большая резня фламандцев, и в одной куче лежало около сорока безголовых тел людей, которых вытащили из церквей и их домов; и едва ли в городе была улица, на которой не лежали бы тела убитых. Некоторые дома в городе были снесены, а другие в пригородах разрушены, а некоторые и сожжены.

Такое бедствие, более великое и ужасное, чем могли бы поверить те, кто его не видел, продолжалось до часа вечерни на следующий день, а это была суббота, 15 июня; в этот день Бог послал средство от него и свою милостивую помощь от руки самого известного человека, сэра Уильяма Уолворта, тогдашнего мэра; который в Сметхемфелде, в присутствии нашего господина короля и стоящих рядом с ним людей, лордов, рыцарей, эсквайров и горожан на лошадях, с одной стороны, и всего этого разгневанного народа - с другой, самым решительным образом сам бросился на капитана упомянутой толпы, по имени Уолтер Тайлер, и, когда тот препирался с королем и дворянами, сначала ранил его в шею своим мечом, а затем сбросил с лошади, смертельно пронзив в грудь; и далее, по милости божественной, так защищался от тех, кто пришел с ним, как пеших, так и конных, что вышел оттуда невредимым и поскакал дальше с нашим господином королем и его людьми к полю, расположенному недалеко от источника, который называется "Виттевеллебеке"; В этом

месте, в то время как вся разъяренная толпа по-военному готовилась к выступлению против нашего господина короля и его людей, отказываясь заключить мир только при условии, что им сначала отдадут голову упомянутого мэра, сам мэр, который отправился в город по приказу нашего господина короля, в течение получаса послал и вывел оттуда столь большую силу гражданских воинов в помощь его господину королю, что вся толпа безумцев была окружена и зажата; и ни один из них не спасся бы, если бы наш господин король не приказал им уйти.

КОРОЛЬ РИЧАРД II. И ЕГО СОВЕТ ОТПРАВЛЯЮТСЯ ВНИЗ ПО ТЕМЗЕ НА БАРЖЕ, ЧТОБЫ ПОСОВЕЩАТЬСЯ С МЯТЕЖНИКАМИ
Из "Хроник" Фруассара.

Поэтому наш господин король вернулся в лондонский город с величайшей славой и почестями, а вся эта оскверненная толпа в смятении тут же скрылась в своем ужасе.

За это же деяние наш государь король под своим штандартом на упомянутом поле своими руками наградил рыцарским орденом упомянутого мэра, а также сэра Николаса Брембре и сэра Джона Фелипота, которые уже были мэрами упомянутого города; а также сэра Роберта Лаунде".

"Джек Солома" перед казнью сделал полное признание. Сомневались, является ли это признание подлинным, но оно кажется возможным и даже вероятным. Они обещали отслужить мессу за его душу (что уверило его в том, что это чистилище, в которое его отправят), и на основании этого обещания он заявил, что они намеревались захватить

короля, провести его, чтобы успокоить народ, и в конце концов убить его и всех, кто был поставлен у власти. Они собирались пощадить только монахов-подвижников. А по всей стране они собирались создать отдельные королевства.

Доктрины проповедников Уиклифа и "простых священников", безусловно, сделали это восстание возможным: они наполнили умы деревенских жителей новыми идеями равенства и права; они заставили их усомниться в авторитете; они сделали возможным их объединение. Что касается Лондона, то в ходе расследования после восстания было доказано, что двести человек покинули город в связи с этим, что, по-видимому, не показывает, что лолларды были продвинуты повстанцами или что лолларды города им сочувствовали. В это время Лондон, по словам Уолсингема, был полон лоллардов - они все были лоллардами. Чуть позже даже Уиттингтона обвинили в том, что *он - мужчина-лоллард*. Что касается слова лоллард, то его истинное значение выяснил профессор Скит (Piers the Plowman, Early Eng. Text Soc., vol. iv. p. 86). В Брабанте еще до рождения Уиклифа существовала секта, которую называли лоллардами..... "Sive Deum laudantes", - говорит один из авторов. "Mussitatores", *то есть* бормочущие молитвы, говорит другой. Название "лолларды", укоризненное выражение в Брабанте, было заимствовано из этой страны и применено к последователям Уиклифа, чтобы сделать их непопулярными. Слово *lollere* или *loller - том*, кто слоняется, праздный человек - не имеет ничего общего со словом лоллард: как и латинское *lolium* - плевелы, которое также было заимствовано, чтобы сделать новые мнения непопулярными.

После убийства архиепископа Садбери архиепископом Кентерберийским стал Уильям Кортеней: он был человеком высокого происхождения, ученым, не терпящим возражений, придерживающимся самых твердых взглядов на авторитет и власть Церкви. Он, естественно, видел в недавнем опасном восстании народа удар по власти, который он также вполне обоснованно приписывал учению и влиянию Уиклифа. Однако доктрины лидеров мятежа были преувеличением и извращением тех, которым учил Уиклиф. И мы должны помнить, что Джек Строу с нетерпением ждал того времени, когда францисканцы унаследуют всю землю, и это стремление, конечно же, не разделял Уиклиф. Дважды Уиклифа вызывали в церковный суд. Кортеней созвал суд и снова вызвал Уиклифа на заседание. Вероятно, ему помешал приступ паралича, так как он не пришел. В его отсутствие суд проходил в Большом зале Черных монахов. На нем присутствовали (см. Milman's Latin Christianity, v. 509) восемь епископов, четырнадцать докторов гражданского и канонического права, шесть бакалавров богословия, четыре монаха, пятнадцать монахов-мендикантов, причем ни один не был францисканцем, что немаловажно. Из сочинений Уиклифа было собрано двадцать четыре статьи, и все они подлежали осуждению. Чтобы придать этим сценам большую торжественность, процессия духовенства и мирян прошла босиком до собора Святого Павла, чтобы услышать проповедь на эту тему. (См. Приложение I.).

Эстамп. По. Дж. Харрис

ВАТ ТАЙЛЕР ЗА СВОЮ ДЕРЗОСТЬ УБИТ УОЛВОРТОМ, А КОРОЛЬ РИЧАРД СТАВИТ СЕБЯ ВО ГЛАВЕ МЯТЕЖНИКОВ

Из "Хроник" Фруассара.

Примечателен тот факт, что в 1393 году архиепископ Йоркский и епископ Лондонский официально пожаловались королю на мэра, олдерменов и шерифов - Уиттингтон был тогда одним из шерифов - как *на приверженцев мужского пола, сторонников лоллардов, оскорбителей религиозности, отнимателей десятины и обманщиков бедных*. "Добрая королева Анна" Ричарда II была виклифиткой. Она сама читала Евангелия на английском, богемском и латинском языках. Дворяне и рыцари, среди которых сэр Джон Олдкасл, иногда называемый лордом Кобхэмом, и граф Солсбери, были заядлыми уиклифитами. Даже среди самих монахов были лолларды. Питер Патишулл, монах-августинец, фактически один из капелланов Папы, проповедовал откровенный виклифизм в церкви Святого Кристофера, расположенной неподалеку от монастыря Святого Августина. И он прикрепил к дверям собора Святого Павла письменный документ, в котором говорилось, что "он сбежал от общения с худшими из людей" - имея в виду своих братьев из собора Святого Августина - "к самой совершенной и святой жизни лоллардов". И еще одна примечательная петиция лондонских лоллардов в парламент. Помните, что эти слова были написаны за сто пятьдесят лет до роспуска религиозных домов. Это было мнение простых людей, выраженное в членораздельной речи такими людьми, как Питер Патишулл. Этот документ, как говорит декан Милман, "яростно антипапский, антиримский".

"С тех пор как Англиканская церковь, фатально следуя за Римской, была наделена мирскими благами, Вера, Надежда и Милосердие покинули ее причастие. Их Священство - не Священство: люди в смертном грехе не могут передавать Святой

Дух. Духовенство исповедует безбрачие, но из-за своей изнеженной жизни не может его соблюдать. Мнимое чудо Пресуществления ведет к идолопоклонству. Экзорцизм или бенедикция - тщетны, обманчивы и дьявольски опасны. Царство не может процветать до тех пор, пока духовные лица занимают светские должности. Тот, кто соединяет эти два понятия, является гермафродитом. Все песнопения с молитвами за умерших должны быть пресечены: ста религиозных домов будет достаточно для удовлетворения духовных потребностей королевства. Паломничества, поклонение Кресту, изображениям или реликвиям - это идолопоклонство. Ушная исповедь, индульгенции - озорство или насмешка. Смертная казнь должна быть отменена как противоречащая Новому Завету. Женские монастыри осквернены развратом и самыми ужасными преступлениями. Все ремесла, которые служат гордости или роскоши, особенно ювелиры и мастера по вырезанию мечей, являются незаконными." (Латинское христианство.)

Лондон был обклеен этими манифестами, наполовину мудрыми, наполовину глупыми. Архиепископ Йоркский и епископ Лондонский поспешно вызвали Ричарда из Ирландии, получив информацию о том, что лолларды находятся на грани восстания. Вероятно, страх и ненависть преувеличили опасность. Затем последовало низложение Ричарда, воцарение Генриха и его заявление о том, что он будет поддерживать Церковь. На некоторое время лолларды затихли.

Возвращаясь к истории города, возможно, в надежде повысить популярность короля, Брембре в 1383 году издал прокламацию "о вольностях, недавно дарованных жителям Лондона лордом-королем в его парламенте".

Суть хартии изложена в Liber Albus. Она была получена частично благодаря добрым услугам королевы, а частично - в виде аванса, займа или дара в размере 4000 марок.

КОРОЛЬ РИЧАРД II. В БОЛЬШОЙ ОПАСНОСТИ В ЛОНДОНЕ

Из "Хроник" Фруассара.

В 1392 году король, как обычно, нуждаясь в деньгах, приказал каждому жителю Лондона, владеющему поместьем стоимостью не менее 40 фунтов стерлингов, принять рыцарское звание, за которое нужно было платить большие деньги. Однако шерифы доложили, что все поместья и ренты в Сити "находятся у короля *в капитальном владении*, как бургадж за плату (*ad feodi firmam*); что поместья постоянно нуждаются в ремонте, и что невозможно сделать такой доход, какой желает король". Король был вынужден отозвать приказ. Но у него возникла новая ссора с городом: он предложил несколько драгоценностей в качестве обеспечения займа; горожане сказали, что они слишком бедны, чтобы дать деньги; тогда король послал к некоему лангобарду, который обещал найти деньги; чтобы получить их, он сам занял у горожан. По другой версии, горожане, узнав, что этот ломбардец, один из лицензированных папой ростовщиков, дал деньги, набросились на него и жестоко избили. Если эта история правдива, то причиной тому, вероятно, было общее недоброжелательное отношение к иностранцам, всегда существовавшее в городе, а затем особая ярость от того, что этот человек стал таким богатым. Ричард узнал об этом, но пока ничего не сказал, так как в некоторых отношениях был сдержанным принцем, хотя в любое время был очень мстительным. К тому же он снова поссорился с Сити из-за того, что они заняли его сторону в недавней смуте. И вот ему выпал шанс. Все началось с того, что слуга епископа Солсберийского по имени Роман на Флит-стрит стащил с лотка булочника буханку хлеба. Булочник, как рассказывают, естественно, возмутился грабежом и попытался вернуть свою буханку: в потасовке он был ранен упомянутым Романом - вероятно, они оба достали ножи. Собралась толпа; сослуживцы Романа спасли его, затащили в дом и не хотели отдавать. Толпившиеся у ворот люди кричали, что подожгут дом, лишь бы вытащить человека. Мэр и шерифы поспешили на место и с некоторым трудом уговорили людей разойтись по домам, пока не было совершено насилие. На этом инцидент, в сущности, пустяковый, должен был бы закончиться. Но епископ Солсберийский, который, как говорят, желал получить возможность сделать Сити гадость, поспешил к королю и спросил, можно ли позволить лондонцам безнаказанно оскорблять церковь и бросать вызов государству". "Конечно, нет, - ответил Ричард, - если понадобится, я сравняю город с землей". Он приказал мэру, шерифам, олдерменам и четырём-двадцати главным людям города отправиться с ним в Ноттингем, чтобы там ответить за эти ужасные беспорядки.

Очень скоро выяснилось, что король задумал недоброе. Горожане бросились к нему на милость как к самому короткому и, возможно, самому дешёвому выходу из ссоры. Он отправил мэра в тюрьму в Виндзоре, а шерифов - в Одишам и Уоллингфорд. Затем он назначил комиссию за Большой печатью - его дяди, герцоги Йоркский и Глостерский, были комиссарами - для расследования неправильного управления городом. Заключенные должны были заплатить штраф в 1000 марок за первое преступление, в чем бы они ни были признаны виновными; 2000 марок - за второе; а в третьем случае король конфисковал городские свободы, вопреки хартиям. Мэр был разжалован, шерифы и олдермены смещены и назначены на их место другие, а в город был назначен кустос - сэр Эдуард Далингридж. Затем Ричард созвал олдерменов в Виндзор и наложил на город штраф в размере 100 000 фунтов стерлингов. Но, судя по всему, он не собирался его выплачивать, поскольку в следующем месяце объявил о своем намерении проехать по городу верхом. Тогда горожане смирились и предприняли очень дорогостоящие усилия, чтобы вернуть расположение короля. Они подготовили для него самый пышный прием. Сначала в церкви Святого Георгия в Саутварке его встречали епископ Лондонский, все духовенство и пятьсот хористов в сюртуках; на Лондонском мосту ему подали великолепный зарядный ящик, богато обшитый

золотой тканью, а королеве - величественную белую площадку с богатой мебелью; улицы, по которым он проезжал, были выстроены в ряд городскими компаниями: по каналам бежало вино, а народ кричал. У штандарта в Чипсайте стоял мальчик в белом одеянии, изображавший ангела, который преподнес королю золотую корону, а королеве - другую: он также поднес вино из золотого кубка. Затем мэр и отцы города поехали с королем в Вестминстер. На следующий день, чтобы завершить эту демонстрацию лояльности, они послали королю два серебряных позолоченных таза, в каждом из которых лежало по тысяче золотых вельмож, и картину Троицы, которая, как говорят, оценивалась в восемьсот фунтов - нельзя поверить, что в то время в мире существовала какая-либо картина, оцененная в такую сумму. Король отменил штраф в 100 000 фунтов стерлингов и восстановил хартии.

Получив обратно свои хартии, горожане приступили к проведению некоторых реформ. Они постановили, что олдермены должны избираться пожизненно, а не из года в год: эта мера уменьшила ожесточенные ссоры из-за выборов. Они также разделили округ Фаррингдон на два.

В 1394 году умерла королева Анна Богемская. Она имела репутацию доброго друга Сити. В латинской поэме "Ричард из Мейдстона" (Камденское общество, Изложение Ричарда Второго) королева представлена как ходатайствующая перед королем за Сити:...

Ingreditur Regina suis comitata puellis,

Pronaque regales corrui ante pedes.

Erigitur, mandante viro, "Quid," ait, "petis Anna,

Exprime, de votis expedire tuis".

Supplicatio Reginae pro eisdem civibus.

"Dulcis," ait, "mi Rex, mihi vir, mihi vis, mihi vita,

Dulcis amor, sine quo vivere fit mihi mors.

Regibus in cunctis similem quis possidet urbem?

Quae velut haec hodie magnificaret eum?

Et rogo constanter per eum quem fertis amorem

Ad me, condignum si quid amore gero,

Parcere dignemini plebibus, qui tanta dedere

Munera tam prompte nobis ad obsequia.

Et placeat veteri nunc urbem reddere juri,

Ac libertates restituisset suas".

Два года спустя король заключил брак с французской принцессой Изабель, которую привезли в возрасте восьми лет. Мэр и олдермены вышли встречать "маленькую королеву" в Блэкхите и проводили ее в Кеннингтонский дворец, а на следующий день из этого дворца в Тауэр, причем дороги и улицы были переполнены бесчисленной толпой.

Расточительность короля теперь стала невыносимым бременем для страны, особенно для Лондона. Говорят, что он содержал при своем дворе 10 000 человек. Только на кухне

работало 300 человек. Не было ни одного принца, который одевался бы более роскошно: один плащ, сшитый им из золотой и серебряной ткани, усыпанной драгоценностями, обошелся ему в 2000 фунтов стерлингов, или около 40 000 фунтов наших денег. Похоже, он не понимал ни значения денег, ни связи между желаемыми вещами и налогооблагаемым богатством страны. Последний способ вымогательства заключался в выдаче пустых хартий, которые купцы должны были подписывать, а он заполнять по своему усмотрению. Это оказалось слишком сложным для многострадального Сити. Джон Гонт, герцог Ланкастерский, недавно умер, поэтому они послали за его сыном Генрихом, герцогом Ланкастерским.

ГЕНРИХ ЛАНКАСТЕРСКИЙ ВОЗВРАЩАЕТ КОРОЛЯ РИЧАРДА В ЛОНДОН
Из MS. в Британском музее. Harl. 1319.

Остальное - история; Генрих приехал, был принят с восторгом в Сити, для него была собрана рота из 1200 лондонцев, полностью вооруженных; он вышел с ними и с другими и захватил короля, которого привез с собой в Лондон. По дороге отряд хотел убить своего бывшего кумира. Рекордер с большим количеством рыцарей и эсквайров вышел навстречу Ланкастеру и его пленнику. От имени города этот чиновник умолял Генриха обезглавить короля. Возможно, однако, что эта история не соответствует действительности. Холинshed просто говорит о безмерной радости народа и утверждает, что "многие злонамеренные люди, собравшись в большом количестве, намеревались встретиться с ним и отнять его у тех, у кого он был в руках, чтобы убить его".

КАК РИЧАРД II. ПЕРЕДАЛ КОРОНУ ГЕРЦОГУ ЛАНКАСТЕРУ
Из "Хроник" Фруассара.

На заседании парламента, созванного по прибытии короля в Тауэр, были составлены тридцать три статьи, доказывающие, что он достоин низложения. Эти статьи были зачитаны в Гилдхолле. Король, доставленный в Вестминстер, публично зачитал отречение от короны.

ГЛАВА IX ГЕНРИХ IV

Теперь нам предстоит рассмотреть редкое событие в истории Лондона - воцарение государя, который честно поддерживал дружеские отношения с лондонским Сити и уважал его свободы. Нота примирения прозвучала на коронационном банкете, на котором мэр и олдермены потребовали и получили почетные места и право помогать главному дворецкому. Давайте окажем помощь на одном из многочисленных средневековых банкетов - мы можем сделать это с помощью Фэбиана:...

ГЕНРИХ IV (1367-1413)

С портрета, хранящегося у графа Эссекса.

"В понедельник, после дня рождения Сейнта Эдварда и хііі дня октября, король был коронован в Вестминстере из архебисшопа Кентербери: после чего в большом зале Вестминстера был проведен почетный праздник, на котором король был посажен за стол, а архиепископ Кентерберийский с тремя другими прелатами был посажен за тот же стол по правую руку от короля, а архиепископ Йоркский с тремя другими прелатами был посажен по другую руку от короля, и Генрих, старший сын короля, стоял по правую руку с пойнтлесс мечом, держа его справа, а эрл Нортумберленда, новоиспеченный констебль, стоял по левую руку с острым мечом, держа его справа, а по другую из этих мечей стояли два других лорда, держа их в петлицах. А перед кингом стояли все динары герцогов Аморарла, Суррея и Экзетира с другими двумя лордами. А эрл Вестмерландский, новоиспеченный маршал, скакал по залу со многими тифлисными шестами, чтобы видеть, как поддерживается порядок в зале, чтобы офицеры могли с легкостью обслуживать столы. Из столов главный на правой стороне зала был начат баронами из V портов, а за столом рядом с кубком на левой руке сидели мэр и его брат олдермен Лондона, который в то время был Древе Барентин, златокудрый, за службу, которую он в тот день оказывал, как и другие мэры на каждой

коронации, имели обыкновение делать, там была стоячая кубышка золота. Затем, после того как второй ход был отслужен, сир Томас Дыммок, рыцарь, вооруженный в полном спокойствии и сидящий на хорошей стеле, поскакал в высшую часть зала и там перед королем заставил глашатая сделать прокламацию, что если кто скажет, что король Генрих не по праву владеет английской короной, а корона принадлежит ему по праву, то он будет готов вступить с ним в бой до тех пор или до того времени, когда королю будет угодно вступить в бой. О чем он провозгласил в разных местах галеры в Англии и во Франции, и еще много других наблюдений в его единоличном упражнении и делах, которые было долго перечислять".

Правление началось с весьма примечательного заговора, составленного аббатом Вестминстера и лордами Албемарла, Суррея, Эксетера, а также Солсбери и Глостера. Это восстание было быстро подавлено с помощью лондонцев, а его главари были обезглавлены. Аббата Вестминстера разбил паралич. Вероятно, именно из-за этого восстания и осознания того, что восстания будут продолжаться, пока жив Ричард, он был убит в Понтефракте. Но его смерть не положила конец заговорам.

В начале второго года правления Генриха были казнены за измену сэр Роджер Кларингтон, двое его слуг и восемь францисканских монахов. Лондонский мост и ворота Сити были украшены головами предателей. В 1404 году один из убийц покойного герцога Глостера в Кале был арестован и доставлен в Лондон, где его судили, признали виновным и потащили в Тайберн, чтобы повесить и четвертовать. В следующем году архиепископ Йоркский и лорд Моубрей подняли восстание, потерпели поражение и были взяты в плен. Архиепископ был обезглавлен наравне с благородным. О всеобщем ужасе, вызванном этой казнью прелата, свидетельствует выросшая история. "Архиепископ, - говорилось в ней, - поклоняясь пяти ранам Христа, просил палача нанести ему пять ударов. При каждом ударе король, сидевший в своей опочивальне, чувствовал этот удар точно так же, как если бы какой-то человек ударил его. Вскоре после этого он был поражен проказой, так что узнал руку Божью. А вскоре после этого Бог явил множество чудес для сказанного епископом, что привело к еще большему раскаянию".

В 1407 году в Смитфилде состоялось испытание боем между "неким валлийским клерком" и рыцарем, сэром Персивалем Соуданом. Последний был обвинен клерком в измене. Они сражались в течение "сезона", но клерк оказался рецидивистом: тогда с него сняли доспехи, положили на плетень и отправили в Тайберн, где он встретил обычную смерть. В том же году Лондонский мост получил головы графа Нортумберленда и лорда Бардольфа. И после этих примеров земля на короткое время отдохнула от мятежей.

Возвращаясь к отношениям города и короля. Генрих даровал Хартию, положения которой перечислены в Liber Albus. Они подтверждают самые полные вольности и привилегии, предоставляемые городу. Он также отменил закон (27 ред. III.), по которому мэры, олдермены и шерифы подлежали суду иностранного дознавателя из графств Кент, Сассекс, Эссекс, Хартфордшир, Бакс и Беркс, а также штрафы и неустойки, связанные с этим законом; он предоставил лондонским купцам такую же свободу упаковки своих тканей, какой пользовались иностранцы; и он завоевал расположение простонародья, разрешив всем рыбакам, иностранцам или нет, при условии, что они принадлежат к странам, находящимся в дружбе с королем, продавать рыбу на лондонском рынке. Первое появление свободной торговли, как видно, было направлено на удешевление провизии. Сити смог продемонстрировать свою готовность поддержать короля в деле упомянутого выше заговора. Когда Генрих отправился навстречу мятежникам, это была армия из двадцати тысяч человек, среди которых был сильный контингент из шести тысяч лондонцев. Они были

вознаграждены хартией, дававшей им в управление все ворота и крепости города, сбор пошлин и таможен в Дешевом, Биллингсгейте и Смитфилде, а также тронаж или взвешивание свинца, воска, перца, квасцов, мадры и т. д.

ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ РИЧАРДА II.

Из "Хроник" Фруассара.

Честно или нет, но многие верили, что покойный король Ричард жив, и некий Уильям Серль активно распространял это убеждение за границей. Однако Генрих приказал обнажить лицо мертвого короля, когда тело привезли в Лондон, чтобы не оставалось никаких сомнений. Серль был арестован и доставлен в Лондон, где его казнили в Тайберне. Но заблуждение продолжало существовать. Шестнадцать лет спустя некто Томас Уорд, прозванный "Трампингтоном", выдал себя за короля, а двое лондонцев по имени Бенедикт Вулман и Томас Бикеринг организовали заговор с целью изготовления лже-Ричарда. Однако их арестовали: один из них умер в тюрьме, другой был казнен. Четыре года спустя, когда Уорд был уже мертв, еще двое лондонцев были арестованы за продолжение злосчастной истории. Одного из них выпустили, другого оставили в тюрьме.

Церковь и духовенство в то время имели серьезные основания для беспокойства. Дух недовольства витал во всем мире. Об этом свидетельствовало недавнее восстание эссексов и кентишцев; об этом свидетельствовало падение числа завещаний, пожертвований и оснований для песнопений, некрологов и юбилеев; об этом свидетельствовала всеобщая ненависть к мендикантским орденам, и особенно к францисканцам, прежде столь широко и заслуженно любимым; она проявлялась в ропоте, глубоком и низком, против богатства Церкви, против лени и роскоши религиозных служителей, против общей безнравственности, вменяемой, справедливо или нет, церковникам всех видов - в 1400-1440 гг. было шестьдесят клириков в Святом Ордене, пойманных на акте прелюбодеяния: известны женщины, которые содержали беспорядочные дома для священников и покупали для них девушек (см.

"Мемориалы Райли"). Дух бунта проявился в действиях города, когда он молился о ликвидации святилища Святого Мартина на том основании, что это место было просто вместилищем убийц, воров и банкротов; наиболее решительно и безошибочно он проявился в замечательной молитве парламента о том, чтобы король взял в свои руки все церковные земли. Это прошение требует более подробного рассмотрения. Ниже приводится рассказ Фабиана:.

"В этом году (xi Генрих IV.) король провел свой парламент в Вестминстере, во время которого общины этой земли подали королю прошение, чтобы он взял временные земли из рук или владения духовных особ. Следствием этой грамоты было то, что временных земель, расточаемых людьми церкви, могло хватить на то, чтобы найти для короля xv эрлов, xv С кникгетов, xi М и CC эсквайров и С домов альмов, для освобождения бедных людей, больше, чем в эти дни было в Англии. И на все эти вышеупомянутые расходы кинг мог бы положить в свою казну xx миллионов фунтов стерлингов. Предусмотрено, что каждый эрл должен иметь безвозмездную ренту в iii М марок, каждый кнайг - С марок и ii пахотных земель, каждый эсквайр - xl марок в год, с ii плаг земли, и каждый дом альмеса - С марок и сверх того - ii trewe секулеров в каждый дом. И также с условием, чтобы каждый город содержал всех бедных людей из их собственных жителей, которые не могут работать для их ливинга, с условием, что если в городе будет больше людей, чем может быть в городе, то упомянутые дома альмеса должны освободить такие города. И для того, чтобы укрепить ваши обвинения, они утверждали в своих словах, что временные владения, находящиеся во владении духовных людей, составляют CCC и xxii М марок на год, из которых они утверждали, что находятся в Кантербери, с аббатствами Кристес Черч, Сейнт Августинс, Шроусбери, Коггешэйл и Сейнт Осийс xx М марок на год.

В Даремском и других аббатствах, xx М марке: в Йоркском и аббатствах, xx М марке: в Уинчестерском и аббатствах, xx М марке: в Лондонском с аббатствами и другими домами, xx М марке: в Линкольнском с аббатствами Питерборт, Рамсей и другими, xx М марке: в Норвиче, с аббатствами Бьюри и другими, xx М марке: в Хели, с аббатствами Хели, Спалдинг и другими, xx М марке: в Бате, с аббатством Окинборн и другими, xx М марке: в Уорсете, с аббатствами Юишам, Абингдон и другими, xx М марке: в Честерском соборе с участком того же собора, с соборами Сейнт-Дэвид Солсберийским и Эксетерским, с их участками, xx М марке: аббатства Воронов, или Реванов, Фаунтейнов, Геруонов, и диверов других, числом еще пять, xx М марке: аббатства Лейсетер, Уолтэм, Гисборн, Мертон, Цирцеир, Осни и другие, в количестве еще vi, xx М марке: аббатства Доверс, Бателл, Льюис, Ковентр, Давентри и Турни, xx М марке: аббатства Нортгемптон, Торнтон, Брайстоу, Келингворт, Уинчкомб, Хейлс, Парчиссор, Фредисвайд, Нотли и Гримсби, xx М марке.

Эти вышеупомянутые суммы составляют полную сумму в CCC М марке: и для одной xxii М марке, они назначили Herdford, Rochester, Huntynghdon, Swyneshede, Crowlande, Malmesbury, Burton, Tewkesbury, Dunstable, Shirborn, Taunton, & Bylande.

И над этим они утверждали, что сверх указанного количества CCC и xxii М марок диверсионных домов религии в Англии, обладают столькими временными владениями, сколько может быть достаточно для того, чтобы финансировать xv М преэстов и клерков, каждый преэст должен быть допущен к его стипендии в размере vii марок за год.

На это не было дано никакого ответа, кроме того, что король этого матира примет решение и совет, и с этим ответом он закончил".

Эта оценка доходов различных религиозных домов в огромную сумму 322 000 марок, или 216 000 фунтов стерлингов, сумму, которую мы должны умножить на пятнадцать или двадцать,

чтобы получить приближение к нашим деньгам, была бы эквивалентна доходу от трех миллионов до четырех миллионов с четвертью. Если учесть, что огромная часть страны в то время лежала пустой, необработанной и нерасчищенной, представляя собой лишь лесные угодья, то можно понять, какую огромную долю составляли церковные земли по отношению к остальным обрабатываемым землям. Религиозные дома Лондона (не считая Вестминстера) были обложены 20 000 марок или 13 333 фунта стерлингов в год, что эквивалентно 200 000 фунтов стерлингов в год на наши деньги.

В следующее царствование (2 Генриха V.) общины вернулись к этому вопросу и представили тот же законопроект. И это на фоне недавней суровости по отношению к лоллардам. Фабиан утверждает, что, опасаясь, как бы король не дал этому биллю "удобную аудиенцию", некоторые епископы и другие главы церкви напомнили ему о его претензиях на Францию, и он также говорит, что этот билль стал причиной последовавших за ним французских войн. Возможно, это была одна из причин; Генрих V был последним человеком, который ссорился с Церковью или лишал ее земель; в то же время его титул на престол считался неполноценным - существовало много элементов проблем; были дворяне, которых нужно было примирить; были города, которым нужно было угодить. Он не хотел создавать новых врагов; успешная внешняя война всегда наиболее популярна; то, чего добился Черный принц, - та же популярность, та же великолепная репутация - может быть достигнуто и им. Поэтому король мягко отложил билль в сторону и немедленно приступил к войне с Францией.

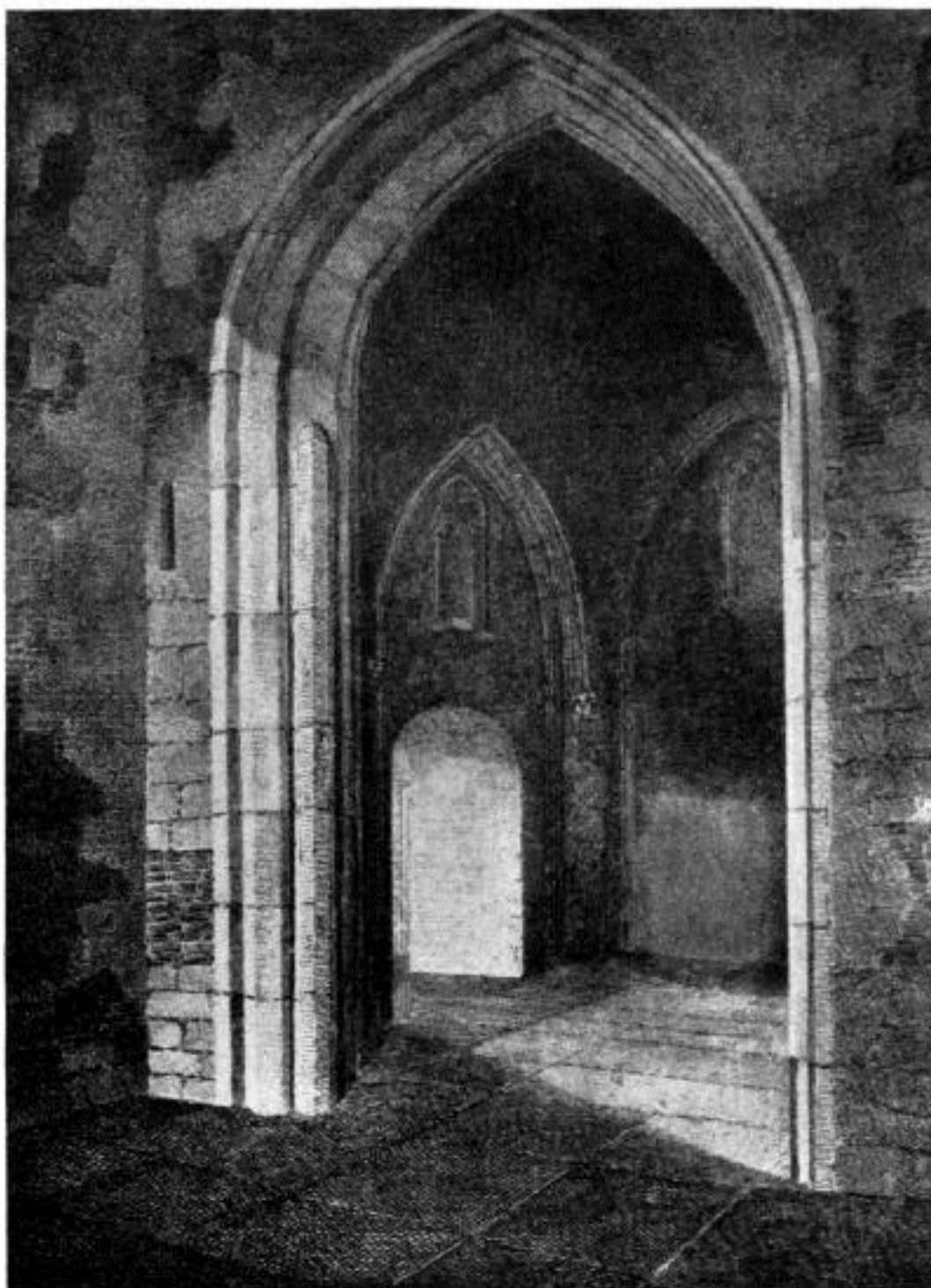
Духовенство прекрасно понимало, что главной причиной национального недовольства существующими формами и институтами религии было учение виклифитов.

"Правдивый портрет Ричарда Уиттингтона, трижды лорда-мэра Лондона" (ум. 1423)
С гравюры Р. Элстрака.

В самом деле, следовало ожидать, что его проповедь будет популярна во всех сословиях, вплоть до самых скромных. Да и как могло быть иначе? Он обращался ко всем, кто мог быть движим благородными и щедрыми побуждениями. Он проповедовал против огромного богатства духовенства и религиозных домов, богатства, которое заглушало и уничтожало источники благочестия; против пороков, которые слишком многие из духовенства нагло выставляли напоказ перед лицом мира: лени, роскоши, обжорства, неумеренности и недержания: Он проповедовал в пользу личной праведности, чистоты и веры: примечательно, что не было основано ни одного нового монашеского дома; с другой стороны, такие люди, как Уиттингтон, Карпентер, Нил и Севенок, в Сити основывали школы, библиотеки, перестраивали тюрьмы, возводили богадельни, но никогда не основывали

монастыри. Например, Уиттингтон подарил библиотеку Серым монахам: построил и одарил богадельню под названием Дом Бога: основал Колледж Святого Духа для пяти стипендиатов, клерков, кондукторов и слуг: восстановил госпиталь Святого Варфоломея: обеспечил "боссы" или краны с пресной водой в разных частях Лондона: перестроил Ньюгейт: дал деньги на библиотеку в Гилдхолле. Из других гражданских благотворителей XIV и XV веков следует упомянуть имена сэра Джона Филпота, уничтожившего пиратов: сэра Уильяма Севенока, основавшего грамматическую школу в своем родном городе: сэра Роберта Чичела, давшего деньги на обед и два пенса раз в год 2400 бедным домовладельцам: сэра Джона Уэллса, который провел воду из Тайберна: сэра Уильяма Эстфрида, который построил водовод от Хайбери до Крипплгейта: Джона Карпентера, городского клерка, который подарил нам Liber Albus и основал небольшую благотворительную организацию, которая со временем превратилась в школу Лондонского Сити: сэра Джона Нила, мастера госпиталя св. Томаса Акона в Чепе, который предложил основать четыре новые городские школы: Уильяма Бингама, который основал в Кембридже небольшой колледж под названием Дом Бога на двадцать четыре ученика, который впоследствии превратился в прославленный и почтенный Колледж Христа: Уильяма Элсинга, который основал Шпиталь для ста бедняков, который впоследствии стал Сионским колледжем: Джона Барнса, оставившего деньги в долг начинающим бизнесменам: Филипа Малпаса, оставившего большую по тем временам сумму в 125 фунтов стерлингов в год на помощь бедным заключенным, а также большие пожертвования бедным и сумму денег, приносящую 25 фунтов стерлингов в год на проповедников в три Пасхальных праздника в Св. Mary Spital. Если вспомнить, что священник в то время мог прожить на 6 фунтов стерлингов в год - включает ли это его жилье? - то вознаграждение за три проповеди кажется действительно щедрым. Роберт Лардж относится ко второй половине XV века: он оставил большую сумму денег в различных завещаниях, включая очень полезную благотворительность в виде брачного *дота* для бедных девиц. Были и другие, но этих вполне достаточно. Они в достаточной степени доказывают богатство дарителей, потому что человек в первую очередь думает о собственных детях или племянниках: когда он обеспечит их, а не раньше, он может подумать, как лучше распорядиться остатком. Они также подтверждают то, что известно из других источников информации, - дарение монастырских домов практически прекратилось. Уиттингтон, правда, основал колледж, но главной обязанностью стипендиатов было ежедневное и вечное пение месс за упокой собственной души и души своей жены. Я не знаю ничего, что бы более наглядно показывало упадок старой веры в монахов и монахов, чем список благотворительных фондов и пожертвований четырнадцатого и пятнадцатого веков. "Пусть у нас будут библиотеки для ученых и богадельни для престарелых бедняков", - говорит Уиттингтон и одаривает их. "Пусть у нас будут школы", - говорят Севеноке, Карпентер и Байнхэм, и они их одаривают. Но для богатых монахов Святой Троицы, Святой Марии Грейс, Святого Олбанса, Святого Петра - ничего.

Гроув и Боултон.

ПАПЕРТЬ ЦЕРКВИ СВ. АЛЬФАГА НА ЛОНДОНСКОЙ СТЕНЕ, БЫВШЕЙ ЧАСОВНЕЙ ПРИОРСТВА ЭЛЬСИНГЕ СПИТАЛЬ.

Генрих не мог позволить себе ссориться ни с церковью, ни с городом. Он принял закон *De comburendis haereticis*, и епископы начали зажигать те зловещие костры Смитфилда, которые, в гораздо большей степени, чем богатство, в гораздо большей степени, чем роскошь, отвращали сердца людей от Церкви.

Первым из лондонских мучеников был священник церкви Святого Осифа в Сити. В начале узкого переулочка к югу от Чипсайда, который называется Сайз-лейн или переулок святого Осита, находится один из тех крошечных участков, которые в Сити обозначают место бывшей церкви и церковного двора, затронутое сменяющимися поколениями, окруженное высокими стенами, меланхоличное напоминание о прошлом. Здесь стояла церковь Святого Осита, и на этом месте Уильям Саутре проповедовал доктрины Уиклифа. Он был выбран в качестве первой жертвы из-за своей личной популярности. Чем известнее человек, тем ужаснее должен быть пример. Его уже судили и осудили за ересь. Теперь его судили и осудили как еретика-рецидивиста. Он отрицал доктрину транссубстанции, которая всегда была камнем преткновения для еретиков. Его сожгли в Смитфилде после церемонии разжалования в соборе Святого Павла. Шарп считает, что он был приговорен по специальному приказу короля, поскольку это произошло до принятия Статута.

В 1410 году был сожжен скромный рабочий, портной, но Хроника и Стоу называют его клерком из Вустера, по имени Джон Брэдби. При этом присутствовал принц Уэльский, уже ставший ревнителем православия. Беднягу поместили в бочку, обложенную фугасами. Под мучительные вопли несчастного принц приказал вытащить его и предложил ему жизнь и достаток, если он исповедует истинную веру. Тот отказался и был снова помещен в бочку. Эта история описывается в хронике следующим образом:...

"В тот же год был один клерк, который не верил в таинство омовения, то есть в то, что он видит тело Божье, его замазали и привезли в Смитфилд, чтобы отлучить, и привязали к колу, где он и был отлучен. И Генрих, принц Валисский, старший сын короля, убеждал его отказаться от своей ереси и держаться правого пути святой церкви. И настоятель сейнта Бертельмьюс в Смитфилде принес святое таинство Божьего тела, с xii факелами на ночь, и в таком виде пришел к этому проклятому еретiku: и его спросили, как он себя чувствует: и он отвечал, что он хорошо знает, что это было выращенное наполовину, а не тело Божие; и тогда на него наложили тун и разожгли в нем огонь; и когда брекчие почувствовал огонь, он возопил о пощаде: и Аннон велел убрать тун и угасить огонь, что и было сделано вскоре по его приказу; и затем Принц спросил его, не оставит ли он свой дом и не отнесет ли его к подвигу святой церкви, и если он это сделает, то будет иметь свою жизнь и добро, чтобы жить дальше; и проклятый Шреве ничего не сделал, но продолжал жить в своем доме, за что и был изгнан."

Помимо костра король оказывал духовенству и другую помощь в подавлении ереси. Он назначил цену за голову сэра Джона Олдкасла, лорда Кобхэма, который считался лидером лоллардов. О его важности говорит огромное вознаграждение, предложенное за его поимку. За информацию, которая приведет к его аресту, полагалось вознаграждение в 500 марок; за фактический арест - тысяча марок; город или округ, который возьмет его, должен быть навсегда освобожден от всех налогов, таллагов, десятых, пятнадцатых и прочих поборов. Монастыри были запрещены, и, чтобы предотвратить совершение еретических служб, никому не разрешалось входить в церковь после девяти вечера или до пяти утра.

В 1407 году в Сити случился мор, который, по словам Стоу, унес тридцать тысяч человек только в Лондоне. Однако об этом ничего не говорится ни в Холиншеде, ни в Хронике.

В 1409 году состоялся большой и знатный турнир между хайнолтерами и англичанами.

Чтобы угодить более богатой части простонародья, не пуская в деревню тех, кто стекался в города и хотел учиться ремеслам и быть подмастерьем, Генрих издал закон, запрещающий брать в подмастерья тех, у кого не было земли в размере 20 с. в год. Однако этот закон был отменен в следующее царствование.

Все указывает на то, что до начала Войны Роз в Сити царило большое процветание. После каждого восстановления порядка благосостояние Лондона возрастает семимильными шагами. Было возведено множество важных зданий: Гилдхолл был перенесен на свое нынешнее место с прежнего участка в Олдерманбери "и из старого и хилого коттеджа превратился в прекрасный и добротный дом": Был построен рынок Лиденхолл: стены города были отремонтированы и укреплены: городской ров был осушен и очищен: были построены новые ворота: улицы освещались ночью, или было приказано их освещать, что не совсем одно и то же: и, как мы уже видели, богатые купцы дарили городу большие и дорогие подарки.

О том, с каким почтением и уважением относились к Сити в это время, говорит тот факт, что когда парламент даровал королю шиллинг в фунте со всех земель, они передали эти деньги в руки четырех казначеев, трое из которых были жителями Лондона.

В 1412 году шерифам было предложено подготовить отчет о количестве земель и владений, находящихся в Сити, для целей налогообложения. Валовая арендная плата всего Сити составила 4220 фунтов стерлингов, или, в пересчете на наши деньги, около 60 000 фунтов стерлингов, что сегодня не соответствует одному только Чипсайду. Но сравнения, основанные на предполагаемой современной стоимости денег в любой период, в лучшем случае неудовлетворительны. Как, например, согласовать тот факт, что состояние Ричарда Уиттингтона стоило не более 25 фунтов в год, с теми огромными суммами, которыми он владел и которые тратил?

Смерть короля Генриха - это трижды рассказанная история. Пусть ее расскажет Фэбиан: она относится к Вестминстерским анналам.

"В этом году и xx дней месяца ноября в лондонском доме Whyte Freres состоялся большой совет, на котором среди прочих дел было решено, что для великого путешествия короля, которое он намерен совершить в честь святого гроба Господа нашего, должны быть сделаны определенные военные галереи и другие дела, касающиеся этого же путешествия. После этого все поспешные и возможные действия были предприняты: но после праздника Христа, когда он совершал свои молитвы в храме Сейнта Эдуарда, чтобы взять там свой лев и таким образом задобрить его во время своего путешествия, он стал таким сирым, что те, кто был рядом с ним, боялись, что он умер прямо там: Поэтому они, для его утешения, отнесли его в аббатство и поселили в камере, а там, на платке, положили его перед огнем, где он пролежал в великой агонии определенное время. В конце концов, когда он пришел в себя и понял, где находится, он спросил у тех, кто тогда был рядом с ним, что это за место: они сказали ему, что оно принадлежит аббату Вестминстерскому, и, поскольку он чувствовал себя таким сирым, он спросил, есть ли у той палаты какое-нибудь особое имя: на что ему ответили, что она называется Иерусалим. Тогда сказал кинг: "Славен будьте, господин Хевенский, ибо не знаю я, что умру в этой палате, согласно пророчеству моему, сказанному прежде, что умру я в Иерусалиме"; и после этого он покраснел и вскоре умер".

Другие подробности, приведенные Монстреле, несут на себе печать правды.

"Король, - говорит он, - в сильной боли и слабости лежал перед огнем, его корона лежала на подушке рядом с ним. Его считали мертвым. Тогда принц взял корону. Но король пришел в себя, это был обморок перед концом. "Прекрасный сын, - спросил он, - зачем ты взял мою корону?" - "Монсеньер, - ответил принц, - здесь присутствуют те, кто уверял меня, что вы мертвы, и поскольку я ваш старший сын и мне будет принадлежать корона, когда вы уйдете из жизни, я взял ее". Тогда король, вздохнув, сказал: "Прекрасный сын, откуда у тебя право на корону, ведь у меня ее никогда не было, и ты это прекрасно знаешь?" "Монсеньер, - ответил принц, - как ты владел ею и защищал ее мечом, так и я буду защищать ее всю свою жизнь". Тогда король сказал: "Поступай с ним, как тебе будет угодно".

ГЛАВА X ГЕНРИХ V

ГЕНРИХ V (1387-1422)

С гравюры Грейтбаха с картины в Виндзорском замке.

В ночь похорон своего отца новый король оставался в аббатстве. Он провел эту ночь в исповеди и молитве в келье анкорита, которая находилась за часовней Святой Екатерины, где сейчас расположены Малые клуатры. Стэнли называет это обращением Генриха. Это потому, что Стэнли поверил всему, что было написано о юности Генриха - о его бурных днях и буйных спутниках. Но этот принц никогда не существовал, кроме как в позднем народном воображении. То есть было четко доказано, что в юности и раннем детстве он был так занят в Уэльсе и других местах, что у него было мало возможностей для буйных гуляний в Лондоне. Следует признать, что существует устойчивая традиция о бурном времени юности, но создается впечатление, что народное воображение перепутало Генриха с Эдуардом II. Холиншед, например, приводит одну цитату:

*Ille inter juvenes paulo lascivior ante, Defuncto genitore, gravis constansque repente
Moribus ablegat corruptis regis ab aula Assuetos socios, et nugatoribus acrem Poenam
(si quisquam sua tecta reviserit) addit, Atque ita mutatus facit omnia principe digna,
Ingenio magno post consultoribus usus, etc. (Vol. iii.)*

Как бы то ни было, Генрих всегда был открыт для влияния религии. Он был коронован 9 апреля, в Страстное воскресенье. Коронация была омрачена сильной грозой с ливнем, так что сердца людей отказывали от страха, думая о том, что может означать это дурное предзнаменование. В конце концов, было признано, что это предвещает беду для французов.

Первым делом короля Ричарда с большой помпой и торжественностью перенесли в Вестминстер. Вероятно, к этому благочестивому поступку его побудило желание отделить себя и своего отца от любой связи со смертью свергнутого короля. Затем, по настоянию архиепископа Арундела, он арестовал сэра Джона Олдкасла, но сначала послал за ним и заставил его объяснить свою веру и учение. Сэр Джон так и сделал, объявив короля, а вовсе не архиепископа, своим верховным судьей и предложив очистить себя в бою или привести сотню рыцарей или эскавайров для своего очищения. Король, однако, по совету своего Совета, передал его на суд духовных судов. Суд проходил сначала в соборе Святого Павла, а затем в зале доминиканцев. Вердикт архиепископа, разумеется, был таков: Олдкас - еретик. Его отправили обратно в Тауэр, откуда ему удалось сбежать. А затем произошел таинственный заговор, который, как нельзя не прийти к выводу, был не более заговором, чем все, что сфабриковал Титус Оутс. На самом деле произошло следующее. Сэр Роджер Актон, рыцарь "большого ума и владений", Джон Браун, эскавайр, и Джон Беверли, священник, и некоторые другие были доложены королю, что они собрались в доспехах возле церкви Святого Джайлса. Также было сказано, что они ожидают подкрепления в большом количестве из Сити: Холиншед говорит, что ожидалось 50 000 человек; Уолсингем называет цифру в 5000. Время года было вскоре после Рождества. Король приказал закрыть городские ворота, затем отправился в Вестминстер и, собрав там достаточные силы, поскакал к Сент-Джайлсу, где обнаружил собравшихся в полночь людей, и, обрушившись на них, либо убил, либо взял всех в плен. Возможно, лидеры предложили устроить демонстрацию лоллардов, вооружившись, несомненно, потому что каждый носил с собой оружие на все случаи жизни; конечно, на следующий день начались аресты подозреваемых: за короткое время тюрьмы Сити были переполнены: тех, кто казался лидерами, судили, одних за ересь у духовенства, других за государственную измену Гилдхолле. В итоге двадцать девять человек были либо повешены, либо сожжены, причем последние - для большего устрашения, с виселицами и прочим.

Это так называемое восстание послужило поводом для принятия более сурового закона против лоллардов, по которому светская власть, не довольствуясь исполнением приговоров церковных судов, взяла на себя инициативу в борьбе с еретиками. Это указывает на некую панику. Возможно, духовенство осознало всю опасность движения лоллардов. В начале 1415 года Генрих послал Олдкаслю предложение о помиловании, если тот подчинится. Тот отказался, возможно, не доверяя обещанию, и, по словам Уолсингема, готовился к восстанию, как только король отправится во Францию. Но король отправился во Францию, не беспокоясь об Олдкасле, и восстания не последовало. Вероятно, поэтому Уолсингем выдумал или придумал этот мотив. В тот же день огонь мученичества разгорелся вновь. Свидетельство тому - письмо, написанное мэром или олддерменами королю по поводу суда и казни Джона Клейдона. Этот человек был курьером по профессии: у него было несколько еретических книг, за что он был судим архиепископом Чичелом в соборе Святого Павла 17 августа 1415 года. Король, находившийся в то время во Франции, сам мэр дал показания против заключенного, который был приговорен к сожжению вместе со всеми своими книгами. Дело было сочтено достаточно важным, чтобы потребовать специального письма королю, важной частью которого является следующее

"Поскольку Царь всех сил и Владыка Небес, который в прошлом милостиво учил ваши руки сражаться и направлял ваши ноги на битву, теперь, во время вашего отсутствия, передал в наши руки некоторых лиц, которые не только были врагами Его и вашего достоинства, но и, в той мере, в какой это возможно, подрывали все ваше королевство: люди, известные под именем "лоллардов", которые в течение долгого времени прилагали усилия к ниспровержению всей католической веры и Святой Церкви, уменьшению общественного богослужения и разрушению вашего королевства, а также к совершению многих других ужасных для слуха злодеяний: этих же лиц, в соответствии с требованиями закона, мы передали преподобным комиссарам преподобного Отца во Христе и Господа Ричарда, по Божественному соизволению лорда-епископа Лондонского, в соответствии с идентификацией. После чего некто Джон Клейдон, по имени, архиродитель этого еретического разврата, был преподобнейшим Отцом во Христе и Господом Генрихом, с Божественного позволения, Господом архиепископом Кентерберийским, примасом всего вашего королевства и другими епископами, его братьями, а также многие профессора Священного Писания и доктора права, в соответствии с каноническими санкциями, по приговору, законно вынесенному в этом отношении, как лицо, рецидивировавшее в ересь, от которой он прежде отрекся, оставленное в руках светского суда: для казни которого и полного уничтожения всех таких врагов, со всем усердием, по мере сил наших, мы будем содействовать." (Riley's Memorials, p. 617.)

Возможно, в этом письме мы видим желание городских отцов очистить себя от любых подозрений в лоллардизме. Достойные горожане желали не столько реформы церковной доктрины, сколько возвращения к простым мерам и святой жизни.

КОРАБЛИ В ЛА-РОШЕЛИ, 1372 ГОД
Из "Хроник" Фруассара.

В течение двух лет Олдкасл вел бродячую жизнь с несколькими спутниками. Однажды его чуть не схватили в Сент-Олбансе, где слуги аббата услышали о нем и отправились арестовывать. Он сбежал, но некоторые из его слуг были пойманы: у них нашли книги благочестия, в которых нарисованные головы святых были соскоблены, имена Богородицы и святых зачеркнуты, а сверху и внизу страницы были сделаны различные надписи в унижение чести, воздаваемой Богородице и святым. Эти книги были выставлены на Кресте Павла, чтобы проиллюстрировать крайнее нечестие лоллардии. В конце концов сэр Джон Олдкасл был захвачен сэром Эдвардом Чарльтоном, лордом Поуиса. Захвату придавалось такое большое значение, что Чарльтон получил награду в 1000 марок. Похоже, что не было ни малейших оснований представлять этого великого и благородного человека, на сто пятьдесят лет опередившего свой возраст, как предателя, заговорщика или в каком-либо смысле враждебного королю. В течение двух лет он был свободен в составлении своих заговоров, но воздержался. Но он всегда активно распространял учение лоллардов. В 1417 году он был повешен на виселице на цепях и, как говорят, медленно сгорел до смерти в Сент-Джайлсе, недалеко от южного конца нынешней Тоттенхэм-Корт-роуд. Как и многих других

мучеников, как Латимера, как Кранмера, как Ридли, его поддерживала в огненных муках непоколебимая вера, которая горела в его душе яростнее, чем трещащее пламя снаружи. Перед страданиями он молился о прощении своих врагов: увещевал народ во всем повиноваться Писанию: отказывался от услуг священника. "Только Богу, ныне и всегда присутствующему, он исповедовался".

Впоследствии, на фоне войн, распрей и кровопролития века, кажется, что лоллардия умерла. Но это было не так. Память о сэре Джоне сохранилась; учение о простой жизни, чистой жизни, целомудренной жизни осталось в сердцах людей и приносило плоды, когда они находили время и возможность вновь сравнить Церковь настоящего с Церковью прошлого.

Генрих, чтобы укрепить свое сомнительное место на троне престижем побед, решил продолжить внешнюю политику Эдуарда III. 10 марта 1415 года он сообщил мэру о своем намерении. В Гилдхолле состоялось большое собрание с участием братьев короля и некоторых епископов, на котором рассматривался вопрос о финансах. Эта встреча важна тем, что на ней было принято решение о главенстве мэра в городе. Он считался представителем короля в городе и поэтому занимал самое высокое место, справа от него сидели епископы, а слева - братья короля. Король заложил свои драгоценности и обеспечение своей таможни за сумму в 20 000 марок. Позже Сити выделил 5000 марок и еще 2000 фунтов стерлингов под залог ценного меча, оправленного в золото и драгоценные камни.

Заговор графа Кембриджа и лорда Скроупа, раскрытый накануне отплытия из Саутгемптона, доказывает, что корона Ланкастеров все еще была ненадежна. Но Генрих собирался показать себя в свете великого полководца, против которого заговоры были бесполезны и тщетны.

БРАК ГЕНРИХА V. И ЕКАТЕРИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ

Из документа, хранящегося в Британском музее. Рой. 20 E vi.

В лояльности города при Гарри Монмуте никто не сомневался. Когда войска во Франции страдали от нехватки продовольствия, горожане отправили в Руан тридцать бутылок сладкого вина, 1000 труб эля и пива и 25 000 кубков для мужских нужд. Кроме того, они прочесывали город в поисках бродячих солдат, которых отправляли по мере надобности, чтобы те присоединились к армии. Новости об Азенкуре (25 октября 1415 года) достигли Лондона 28 октября, когда новый лорд-мэр Николас Воттон был приведен к присяге в Гилдхолле. Он передал эту новость лорду-канцлеру, и они отпраздновали это событие песней *Te Deum* в соборе Святого Павла. На следующий день мэр в сопровождении олдерменов, роты и многих дворян, имевших дома в Сити, прошел процессией до Вестминстера, где совершил возлияние к святилищу святого Эдуарда. При этом они тщательно следили за тем, чтобы эта пешая прогулка не воспринималась как прецедент и не заменяла собой верховую езду. Когда вернулся сам король, его встретили с величайшим ликованием - ликованием, не похожим на те, что встречали многих его предшественников, потому что они были настоящими. Принц-победитель, молодой, галантный, успешный, покоряет все сердца. Он привез с собой в Англию всех пленных - немалую компанию. На

Блэкхите его встречали мэр, олдермены и шерифы, одетые в алые мантии, и триста главных горожан, богато одетых. На водопое Святого Томаса лондонское духовенство встречало его в самых роскошных одеяниях; город был украшен коврами и гобеленами, а дети изображали ангелов и пели дифирамбы и псалмы, в то время как по водоводам текло вино". Вот рассказ Уильяма Грегори о Катании: "И в день ххiiij.

"И в ххiiij день ноября король прибыл в Лондон, где он был заключен в вышеупомянутую аллею. И там он был достойно и по-королевски отрешен мэром со всеми олдерменами, которые там были. И почему *royalle processyon* он был приведен домой: и там был сделан *standyng* на *brydge Syn George royally armyd*, и в *Crosse in Cheppe* был сделан *castelle* и там с был *moche solemnyte of angelys and virgenys syngyng*. И так он ускорил, что пришел в Поубис и там встретил белого Гима *xvi Byschoppys* и *Abbatys whithe Processyon* и схватил его и привел Гима *Upre* в *quere whythe devoute songe*, и там он предложил и *Fraunsythe lordys alle so*. И тогда он поехал в Вестминстер, и мэр и его братья привезли его туда".

На следующий день после этого триумфа мэр и олдермены преподнесли королю 1000 фунтов стерлингов в золоте и положили их в две золотые раковины стоимостью вдвое меньше.

Еще одна грандиозная процессия состоялась 14 июня 1420 года, когда пришло известие о заключении договора в Труа, по которому Генрих становился наследником французской короны. В феврале 1421 года король со своей новоиспеченной королевой Екатериной прибыл в Лондон и лег в Тауэре. Еще одна грандиозная процессия сопровождала их в Вестминстер, где Екатерина была коронована. По этому случаю, как и по возвращении из Азенкура, город принял все признаки радости.

Что касается внутренних дел во время этого правления, то в 1415 году мэр приказал горожанам развесить ланторны для освещения города в ночное время. Рынок Лиденхолл был построен на средства сэра Саймона Эйра, бывшего мэра. Он спроектировал его как общественное зернохранилище на случай нехватки продуктов, но, судя по всему, оно так и не было использовано. С одной стороны находилась часовня с колледжем, учрежденным как Братство Троицы, состоящее из шестидесяти священников, которые отпевали мессу в базарный день. В зале находилась общая балка для взвешивания шерсти, а также проводился общественный рынок. Впоследствии зал использовался как оружейная палата города, а в конце концов превратился в мясной рынок.

И вот, увы, этот галантный принц умер, ему тогда было не более тридцати двух лет. Это прискорбное событие, подготовившее почву для всех бед иностранного унижения и гражданской войны, произошло в Буа-де-Винсен 31 августа 1422 года. Тело короля было привезено из Франции и получило похороны, достойные его королевских достоинств. В открытой колеснице оно лежало в гробу, а над гробом находилось чучело короля в королевских одеждах, с короной на голове, скипетром в одной руке и шаром в другой. Фигура лежала на богатой ткани, а балдахин несли вельможи. Отпевание было проведено в соборе Святого Павла, после чего тело перевезли в Вестминстер.

Так преждевременно закончилась жизнь самого любимого короля, какого когда-либо видела Англия, и это не были притворные или пустые слезы, обильно пролитые на его похороны. Позвольте мне перевести слова Джона Хардинга в его хронике: - "О добрый Господь Бог, Который есть Бог.

"О добрый Господь Бог, который всемогущ,
Почему ты не приложил силу и мощь свою
Чтоб уберечь этого принца, что в согласии был
с императором, чтобы завоевать мир по праву,
И христианами населенный, он был высок.
Почему так благосклонно твое высокое всемогущество
Miscreaunce more than his benevolence.
Прежде всего он хранил лад и мир
Во всей Англии, чтобы ни один мятеж
Ни один бунт не был тогда без наказания,
И ни один сосед не был в беде:
But peaceably under his protection,
Complayntes all, of wronges in general,
Refourmed were well under his yerd egall.
Когда он во Фраунсе был, как день, общался.
Его тень так омрачала всю Англию,
Что мир и лад сохранялся постоянно
В его отсутствие по всей этой земле,
И еще, как я полагаю и понимаю,
Его силы не хватало, чтобы покорить Фраунс.
И не было других реальностей, которые были бы менее трудны.
Мир в доме и лаве так хорошо сохранялся,
Были кроп и роте всех его завоеваний.
Благодаря которым он заслужил любовь Бога.
И его народ на севере, юге, востоке и западе,
Кто мог бы убить того принца или повергнуть его.
Который так твердо стоял на страже верного правления.
For common weale, to God his hie pleasaunce."

ГЛАВА XI ГЕНРИХ VI

ГЕНРИХ VI. В МЛАДЕНЧЕСТВЕ

Из книги Стратта "Нравы и обычаи".

Катастрофическое и несчастное правление Генриха Виндзорского началось, когда короля, младенца в возрасте менее года, провезли по Лондону на коленях его матери. Его передали под опеку братьев покойного короля, герцога Бедфорда и герцога Глостера. Первый, будучи старшим, претендовал на пост протектора королевства, который был ему предоставлен, причем его протекторство должно было начаться после его возвращения из Франции. Слава и победы последнего царствования, личная популярность Генриха V. и его постоянная поддержка церкви, казалось, устранили на время все опасения относительно новых восстаний против дома Ланкастеров. Но материал для восстания всегда остается там, где есть законный наследник, стоящий особняком и не довольствующийся простым дворянским

званием. Царствование, действительно, началось с осуждения сэра Джона Мортимера за изменнические замыслы в пользу графа Марча. Вдобавок к этой опасности крупные дворяне всегда были готовы обидеться и присоединиться к любому восстанию, которое могло бы возникнуть; что же касается Сити, то, хотя оно было верным и преданным на вид, его верность, как уже неоднократно было доказано, не выдержала бы напряжения плохой торговли, увеличения налогов или посягательств на городские свободы. Кроме того, молодому королю предстоял очень долгий период воспитания, и в течение этого времени страна должна была ожидать неопределенности и опасностей протектората. Первым признаком приближающихся беспорядков стала ссора между герцогом Глостером и Генри Бофором, епископом Винчестерским. Это очень необычная история, рассказанная Григорием. Епископ собирался захватить город вооруженной силой. Зачем? С какой целью? Возможно, он предлагал сместить герцога Глостера, но тогда ему пришлось бы считаться с герцогом Бедфордом.

"И в тот же год, когда Мэр поскакал в Вестминстер в тот же день, чтобы взять своего отца, а это был ххix день Септембира, когда он вернулся домой на свою встречу со своими олдирменами и со своими добрыми товарищами, или что они сделали полностью, и т. д., Герцог Глосетер послал за мэром и своими олдирменами, чтобы они пришли поговорить с ним: и когда они пришли, он сказал мэру, что должен держать в порядке цитту в тот день, потому что милорд Глосетер и Бисхопп Винчестерский не были добрыми друзьями, как в тот раз. А на утро определенные люди держали ворота лондонского брига по уговору лорда Глосетера и мэра. А в это время пришли люди из Винчестерского двора и разгромили чаинов в брейге Энд в Саутуорке, которые были и копейщиками, и оруженосцами, с большим числом лучников, и они их обложили, и сделали оборону из винтов и пип, как это бывало во время долгой войны, как бы они сражались с кингами Пепиллом и Брекингом Пэсом. И тогда пепиль цитты укрылись там, и они поспешно разбрелись по своим лавкам и спустились к воротам Бригге в кепинге цитты и савасионе цитты а-гайнс кингис энмис, ибо все лавки в Лондоне были разбрелись в одну сторону. А потом приехали милорд Кантырбери и Принц Портинггальский, и тронули милорда Глостера и Бышоппа Винчестерского, ибо в тот день герцог и Бышопп ехали на двух машинах. И, да будет доволен Бог, благодаря доброму управлению Мэйра и его олдирменов, все пепилы были в порядке и разошлись по домам, и ни один человек не причинил вреда в полном составе, да будет доволен Бог". ("Хроника" У. Грегори в сборнике "Собрания лондонского горожанина").

Та же история более кратко рассказана в "Хронике Лондона" (Николя). Герцог Бедфордский приехал и выступил в роли третейского судьи. Горожане преподнесли ему в подарок тысячу марок золотом и два золотых таза; но он принял их холодно, не понятно почему. Однако он заключил мир между епископом и его братом и взял епископа с собой во Францию, возможно, чтобы убрать его с дороги. Когда пять лет спустя Бофорт стал кардиналом и папским легатом, он вернулся и был с почестями принят горожанами, "и его достойно и с достоинством возвели в ранг мэра и его братьев".

Мейтленд цитирует следующие письма между королем, *то есть* протектором от имени короля, и мэром, чтобы показать некоторые претензии и предполагаемые иммунитеты корпорации в это время.

"Генрих, Божьей милостью король Англии и Франции и лорд Ирландии, приветствует мэра и олдирменов Лондонского Сити. Желая по определенным причинам быть засвидетельствованными в отношении правил и обычаев

вышеупомянутого города, а также в отношении записей и меморандумов о слугах и туземцах, приезжающих в вышеупомянутый город и остающихся там в течение года и одного дня без жалобы их господ или хозяев, прежде чем вы имели, и занесенных в наш суд в нашей палате Гилдхолла вышеупомянутого города, как сказано: Мы приказываем вам, мэр, ясно и открыто послать нам в нашу канцелярию за вашей печатью и этой нашей грамотой все вышеупомянутые вольности, обычаи, записи и меморандумы. Свидетельствую в Вестминстере двадцатого января, в седьмой год нашего правления".

На что мэр и олдермены дали следующий ответ

"Да будет вам известно, что во времена святого короля Эдуарда, прежде короля Англии, и до того, как отныне и вовек не было памяти человеческой, существовали такие достоинства, вольности и королевские обычаи, среди прочих имевшиеся, использовавшиеся и утвержденные в Лондонском городе, который есть и с давних пор назывался Свободной палатой короля Англии, как с древних времен использовался и имелся в великом городе Трое: И так, каждый слуга, кто бы он ни был, приехавший в Лондонский город и пробывший в нем год и один день без приглашения своего господина, впоследствии может, должен и привык всю свою жизнь так свободно и безопасно пребывать там, как в доме или палате короля: И отсюда следует, что тот же святой король Эдуард, среди прочего, своими законами, хранящимися в сокровищнице Гайхальда в упомянутом городе, и объявляя сам город главой своего королевства, и что он был основан как и по примеру старой Трои; и что он содержит в себе законы, свободы, достоинства и королевские обычаи великой Трои: Он назначил и постановил, что упомянутый город Лондон может иметь и сохранять повсюду, с одной неприкосновенностью всегда, все свои старые обычаи и обыкновения, где бы ни находился сам король, будь то в экспедиции или иным образом.

И после этого Вильгельм Завоеватель, король Англии, своей грамотой, которая сохранилась в записи в той же Сокровищнице, даровал людям Лондона, чтобы они были достойны всего того, что и закон, и право, как они были во времена вышеупомянутого Эдуарда. И более того, упомянутый Вильгельм Король, среди прочих законов, принятых в упомянутом городе с согласия знатных и мудрых людей всего королевства, и оставшихся в упомянутой казне, также сохранившихся в записи, назначил и постановил, что если слуги остаются без жалобы в течение года и дня в бурге, окруженном стеной, или в замках, или в городах упомянутого короля; откуда упомянутый Город Лондон, до того времени и со всех времен до того, был одним, и более главным из всего Королевства, как уже сказано, с того дня пусть они станут вольными людьми, и пусть они будут навсегда свободны и освобождены от ига их рабства. И далее следует запись: "Следует отметить, что законы, рескрипты и статуты святого короля Эдуарда, о которых упоминалось выше, содержатся в фолио 34 этой книги под названием "De Heretochiis and Libertatibus", Лондон; и в фолио 113 Книги обычаев этого города: и в фолио 36 книги под названием "Recordatorium London, etc.". Она также находится в фолио 162 Красной книги Казначейства, называемой Истинной хартией; в которой вышеупомянутый лорд Завоеватель подтвердил горожанам Лондона все права и законы, которые они имели во времена святого короля Эдуарда, вместе с некоторыми другими хартиями, в которых упомянутый лорд сразу после завоевания отдавал весь Гайд и земли Лондонского Сити, которыми он тогда владел в своих владениях, людям упомянутого Сити, патент и остаток за печатью упомянутого короля, в хранилище камергера, в казначействе

упомянутого Сити; Эти хартии содержатся и включены в Великую хартию вольностей и обычаев Лондонского Сити, и подтверждены Господом Королем (Генрихом Шестым) и его наследниками. Но тексты упомянутых хартий напечатаны на латинском языке в фолио 238 Книги постановлений упомянутого города". (Maitland, vol. i. p. 188.)

Пятнадцатый век полон бедствий и насильственных смертей великих вельмож. История Хамфри, герцога Глостера, брата Генриха V, особенно связана с Лондоном. После смерти брата, которому тогда было около двадцати семи лет, он, как мы видели, был назначен совместным опекуном младенца-короля и должен был править Англией с согласия парламента, пока его старший брат не вернется из Франции. Войны и угрожающее положение вещей не позволяли герцогу Бедфорду оставаться за границей, за исключением редких визитов в Англию вплоть до его смерти. О Глостере говорят как о человеке распутных привычек и больших амбиций. Эти общие прилагательные удобны для историка; они суммируют человека и представляют его в смелых очертаниях. В природе же нет никаких очертаний, только постепенные оттенки. Говорят, он был честолюбив. Двор молодого, слабоумного короля был полон интриг, заговоров и заговоров ради власти и места. Все придворные были честолюбивы. Чего хотел каждый из них, если не власти, невозможно определить с уверенностью. Все они хотели власти и места, и нелегко понять, что кто-то из честолюбивых лордов был в этом отношении хуже других. Что же касается Глостера, то следует помнить, что если Генрих умрет без наследников, то он будет стоять в очереди на наследство рядом с Бедфордом, а у Бедфорда не было детей. Что касается нравов Глостера, то мы видели, что Лондон в это время, благодаря движению лоллардов, был требователен в вопросах морали: тем не менее Глостер оставался популярным среди горожан: они делали ему подарки - 500 марок по одному случаю и 1000 по другому - хотя последний подарок предназначался герцогине Жаклин. Говорят, что Элеонора Кобэм была его любовницей до того, как он на ней женился. Возможно, у него хватило ума не афишировать эту связь, и в этом случае добропорядочные граждане не стали бы скандалить. Но за нравственностью королей и принцев никогда не следили очень ревностно их подданные. Карл II. и Георг IV. далеко не одиноки в безнравственности: а большинство других мир простил или забыл. Иными словами, ничто не свидетельствует о том, что Глостер был особо порицаем с точки зрения морали. Однако совершенно точно, что он был великолепным и лордским принцем, покровителем и любителем изящных искусств.

ГЕРЦОГ БЕДФОРДСКИЙ

Бурная карьера Жаклин де Брабант, его первой жены, относится скорее к истории своего времени, чем к истории Лондона. Но поскольку ее несчастья впервые пробудили голос лондонских женщин, ее жизнь может быть кратко описана в этом месте. Она была единственной дочерью и наследницей Вильгельма, графа Гайно, и Маргариты Бургундской, его жены. Никто, на первый взгляд, не мог быть более защищен или находиться в более

надежных руках, чем эта девочка. В пятилетнем возрасте ее выдали замуж за Джона, второго сына Карла VI Французского, причем юный принц, как и она сама, был еще ребенком. После смерти дофина Иоанн принял титул дофина Вьеннуа. Он был убит ядом сразу же по прибытии во Францию. Таким образом, Жаклин осталась вдовой в шестнадцать лет. Ее сразу же выдали замуж за Иоанна, герцога Брабантского, ее двоюродного брата-немца, по разрешению Папы. Герцог был имбецилом, с которым его жена отказалась продолжать отношения. В 1420 году она покинула его и приехала в Англию. Здесь герцог Хамфри предложил считать брак недействительным и недействительным. После смерти Генриха V была получена соответствующая булла от антипапы Бенедикта XIII, и они с Глостером поженились. Затем Глостер потребовал от герцога Брабантского вернуть ему поместья жены. Получив отказ, он вступил в страну с 5000 английских солдат, готовых столкнуться с союзными войсками Брабанта и Бургундии. Но последние отступили, и Глостер вернулся в Англию, оставив Жаклин в Монсе. Она попала в плен, была доставлена в Голландию, бежала, переодевшись солдатом, и, оказавшись в тяжелом положении и не получив помощи от Глостера, который, вероятно, не мог ее получить, заключила мир с герцогом Бургундским, своим кузеном. Герцог Брабантский был уже мертв. В мирном договоре она признала, что не является законной женой Глостера, назвала герцога Бургундского своим наследником и обязалась больше не выходить замуж без разрешения герцога.

Именно перед этим договором, который полностью отделил Жаклин от английских симпатий, лондонские женщины впервые в истории появились на публике. Сочувствуя несчастьям несчастной наследницы, изгнанной из своих владений, пленницы, скиталицы, покинутой кузиной и мужем, в 1427 году они предстали перед парламентом и вручили собравшимся в Вестминстере общинам петицию или письмо с жалобой на поведение герцога по отношению к его жене. В следующем году горожане сами просили парламент рассмотреть вопрос об оставлении герцогини. Это наводит на мысль, что в условиях бедственного положения государства герцог Глостер просто не мог добиться поддержки для своей жены. Было бы интересно узнать, каким образом женщины добились совместных действий: собравшись на Полс-Кросс и используя женское ораторское искусство, или, что гораздо более вероятно, посещая дома. Однако из их вмешательства ничего не вышло.

Жаклин очень скоро устала от своего обещания не выходить замуж без разрешения кузена. Она вышла замуж за рыцаря из Фландрии по имени Франсуа де Борселен, которого герцог Бургундский немедленно заточил в тюрьму. Жаклин выкупила его свободу, отказавшись от всех своих владений, получив из всего княжеского имущества лишь скромную ренту. Тем временем герцог Глостер уже был женат на Элеоноре, дочери лорда Кобхэма.

В 1441 году второй брак Глостера закончился плачевно. Герцогиня была обвинена, как говорят, в злых кознях кардинала Бофора, но вполне возможно, что его козни в данном случае вовсе не были использованы. Элеонора, возможно, была амбициозна как для своего мужа, так и для себя. Генриху к тому времени исполнилось девятнадцать лет, и он был не женат. О физической слабости юноши наверняка знали его дяди и придворное окружение. Возможно, он никогда не сможет жениться. Возможно, он умрет. В последнем случае, что было отнюдь не маловероятно, наследником станет герцог Глостер, герцог Бедфорд уже умер, и тогда королевой станет Элеонора. Магии и колдовства в это время было предостаточно, как, впрочем, и сейчас, и всегда; то есть было много для тех, кто мог позволить себе за это заплатить. Герцогиня узнала, где есть мудрая женщина, заплатила деньги, поинтересовалась и узнала то, что хотела, а именно: как избавиться от человека, чьего конца страстно желала. Нет ничего проще: нужно было только сделать с помощью соответствующих заклинаний и магических формул восковое изображение того, чьей смерти

желали, а затем, просто воткнув в изображение булавки или подержав его перед огнем, заставить его, а заодно и своего врага, уйти в небытие. Нет ничего невероятного в том, чтобы предположить, что женщина в XV веке, сильно искушенная в честолюбии, сознавая, что ее муж каждый день с нетерпением следит за здоровьем слабого короля, последовала бы такому пути. Обвиняемых в сообщничестве с герцогиней было четверо: магистр Томас Саутвелл, каноник церкви Святого Стефана в Вестминстере; магистр Джон Хьюм, капеллан герцогини; магистр Роджер Болингброк - его имя также пишут Булброк и Уайч, "человек, - говорит Фабиан, - знаток негромантии"; и женщина по имени Марджери Журдемейн, прозванная ведьмой из Глаза в Саффолке, очевидно, мудрая женщина того времени с некоторой репутацией в колдовстве. Обвиняемые, похоже, предстали перед лордами в Совете, которые также допрашивали герцогиню. Считается, что все они признались. Четырех сообщников судили в Гилдхолле. Значит, преступление было совершено в лондонском Сити? Трое мужчин были приговорены к повешению, казни и четвертованию; ведьма была приговорена к сожжению. Что касается последней, бедной старой Марджери, то приговор был приведен в исполнение, так как ее "сожгли" в Смитфилде. Каноник собора Святого Стефана умер в своей келье за день до назначенной казни; Джон Хьюм, капеллан, был помилован и занялся своими делами; один только несчастный "негромант", Роджер Болингброк, понес наказание за свое преступление. Сначала он стоял в столбе на Полс-Кросс со всеми своими инструментами, орудиями и оружием чародея, висящими вокруг него в присутствии содрогающейся толпы; затем его отвезли в Тайберн и там повесили, с обычными аккомпанементом. Он до последнего протестовал против своей невиновности.

Что касается герцогини, то сначала она укрылась в Вестминстере, а затем, по неизвестной причине, покинула убежище и бежала в "замок" Леснес. Это аббатство Леснес недалеко от Вулвича? Там она была арестована и допрошена лордами в Совете. Говорят, что она призналась. Полное молчание и бездействие ее мужа, который, похоже, не сделал ни шагу в этом деле, свидетельствует о том, что он был убежден в ее вине и стремился не показаться замешанным в одиозном преступлении, которое, если бы Генрих умер, поставило бы под угрозу его престолонаследие или, по крайней мере, очернило бы его имя и усилило бы его врагов. Совет приказал Элеоноре совершить публичное покаяние. И вот один из самых живописных инцидентов во всей истории средневекового Лондона. В понедельник, 13 ноября, герцогиня в сопровождении своих женщин была доставлена из Вестминстера (из чего можно сделать вывод, что она жила во дворце) на барже к лестнице Темпл. Там служанки сняли с нее туфли, чулки и богатое платье, завернули в белую простыню, сняли капюшон, повязали на голову белый платок и вложили ей в руку восковую лампу весом в два фунта. В этом мрачном одеянии, когда впереди трубили трубы, а перед ней и за ней маршировали вооруженные люди, - надо надеяться, ей позволили присутствовать при этом ее служанки, - эта великая леди, жена регента или протектора, самая великая дама в стране, ступала босыми ногами по неровной дороге, в то время как все улицы были запружены народом, и каждое окно было заполнено любопытными взглядами, и люди спрашивали друг друга, не может ли эта бледная и худая женщина быть женой герцога Хамфри, герцога Глостерского, брата короля Генриха V., защитника королевства? Ее не жалели: кто может жалеть ту, кто занимался дьявольской магией? И разве пепел ее единомышленницы, ведьмы Ие, не дымится до сих пор на земле Смитфилда? В соборе Святого Павла она принесла свой огарок к главному алтарю. Через два дня после этого ее снова доставили на барже из Вестминстера к Лебединой лестнице, где она высадилась и в том же обличье, что и раньше, прошла "через Бридж-стрит, Гроширх-стрит, к Леденхалле и так до Кричурхе". А в пятницу тем же путем она высадилась в Квинхите, проследовала в Чепе и в собор Святого Михаила на Корнхилле. Любопытной иллюстрацией того времени и уважения к рангу является тот факт, что, хотя леди подвергалась этому публичному и позорному наказанию, мэр, шерифы и

лондонские ремесленники каждый день встречали ее при высадке. Неизвестно, сопровождали ли они ее в унылой прогулке пешком. Герцогиню отвезли в Честер, где она прожила в отставке до конца своих дней.

Шесть лет спустя, когда король перешел в руки Уильяма де ла Поля, графа Саффолка, герцог Глостер встретил свой конец. Он был арестован в Сент-Эдмундсбери по обвинению в государственной измене, а на следующий день найден мертвым в своей постели. При таких обстоятельствах людей часто находили мертвыми в своих постелях. Чтобы придать некоторую окраску обвинению в измене, пятерых его людей обвинили в соучастии и приговорили к обычной смертной казни. Их приволокли в Тайберн, повесили на несколько мгновений, зарубили живьем, раздели догола и "пометили ножом, чтобы четвертовать". То есть по всему телу делали небольшие надрезы, чтобы направлять руку палача. Затем, испытав почти все муки смерти от насилия и пыток, они были неожиданно помилованы графом Саффолком. Хранил ли граф помилование в кармане и достал его в тот самый критический момент, когда нож прочертил кровавые линии вокруг обнаженных тел жертв? Или граф отправил помилование специальным гонцом, который прибыл как раз вовремя, чтобы спасти их? Если это так, то ситуация является одной из самых драматичных во всей летописи Тайберна. Говорят, что их одежда осталась у палача, и всем им пришлось вернуться голыми и истекающими кровью в город, где их приняли с великой радостью.

ГЕНРИХ VI. (1421-1461)

С портрета в Итонском колледже.

О популярности герцога в Сити свидетельствует память о его имени, которая надолго сохранилась в пословице: "Обедать с герцогом Хамфри", то есть вообще не ужинать. Имя "доброго герцога", похороненного в Сент-Олбансе, было присвоено одной из гробниц в соборе Святого Павла, принадлежавшей сэру Джону Бошампу, смотрителю Синк-Портс, который умер в 1358 году. У некоторых горожан вошло в обычай - вероятно, это был некий клуб или ассоциация - собираться у этой гробницы утром в День святого Андрея и, под предлогом того, что они занимают должности при герцоге Хамфри, завершать праздник пиршеством. Кроме того, в майский день к гробнице приходили водоносы, носильщики танкеток и другие люди, которые посыпали ее орехами и окропляли водой, как будто они тоже были слугами герцога Хамфри. Этот обычай погиб во время Великого пожара, в котором сгорели не только гробницы, церкви и большие дома, но и память о великих людях.

Материалы о правлении Генриха VI в Лондоне скудны. Мы можем кратко изложить основные события. Когда герцог Бургундский переметнулся на сторону короля Франции, горожане первым делом продемонстрировали свое отвращение к вероломству, убив большое количество бургундцев и других иностранцев, проживавших в городе, а также предоставили большое количество войск, содержавшихся за их собственный счет, для обороны Кале. Возникли проблемы с рыботорговцами, которых заставили умерить свои притязания. Возникли проблемы со святилищем. Солдат по имени Найт сидел в тюрьме Ньюгейт, его друзья сфабриковали против него обвинение в долге, и, как они и предполагали, ему пришлось отправиться в Гилдхолл для суда. Его друзья, в количестве пяти человек, поджидали его в переулке Паньер и выхватили из рук стражника, когда он проходил мимо церкви Святого Мартина ле Гран. Они поспешили в убежище, где бросили вызов властям города. Однако два шерифа силой проникли в Сент-Мартинс и вытащили оттуда всю банду, пленников и спасателей. Они уложили их за пятки в Ньюгейте и стали ждать, что будет дальше. После долгих споров с судьями оно наступило, подтвердив права Святого Мартина. Всех заключенных вернули декану колледжа и поместили в святилище, где они пробыли, вероятно, до самой смерти.

В "Хронике Грегори" (см. [с. 112](#)) мы читаем о некоем сэре Ричарде Уиче (или Уике), который вместе со своим слугой был сожжен на Тауэрском холме за ересь, "потому что у Уича было много тробиллов среди пепиллов, так много, что все палаты в Лондоне были вынуждены бодрствовать там днем и ночью, чтобы пепиллы не могли иметь никакой цели, как в тот момент". О причине "тробила" рассказывает Фабиан. Люди считали этого Ричарда Уика святым и праведным человеком и очень возмущались его мученической смертью. Викарий Оллхоллоуза, Баркинг, расположенного неподалеку, думая извлечь какую-то выгоду из обмана - возможно, желая получить святого, или мученика, или святыню с подношениями, или паломничеством для своей церкви, - придумал замечательный план для увеличения народного почитания. Он смешал душистые порошки с прахом еретика, который лежал на Тауэрском холме, а затем громко возвестил об этом чуде: "Смотрите! Сам прах мученика источает сладкий аромат". И он продавал небольшие порции пепла за большие деньги. Это злодейство продолжалось несколько дней, пока весь город, встревоженный странной историей, не арестовал викария и не заставил его признаться. Возможно, викарий сам был лоллардом и пытался таким образом стать народным мучеником. Народных мучеников действительно было много: Саутр, Брэдби, Кобэм, Клейдон и другие; люди стояли вокруг костра в слезах, но никто так и не осмелился сдвинуться с места. Лоллардия вымирала, если не считать ненависти, которую народ питал к богатым религиозным домам.

В 1429 году король, которому на тот момент было восемь лет, был коронован в Вестминстере, после чего его отвезли во Францию, чтобы короновать там. Церемония и порядок коронации полностью изложены Григорием: - "Nowe of the solempnyu".

"Ныне торжество коронации. Все прелаты отправились на процесс, взяв с каждого из них по определенному реликту: и прайор Вестемистера взял в руки жезл *Virgi Regii*, и аббат Вестемистера взял в руки кингис Септур. А милорд Уорвикский одел кинга в одежду из шарлаховой шерсти, так как при новых купальнях он уходил в меховые капюшоны с менивером. А потом его ввели в гигский шафольд, почему этот шафольд был весь покрыт двумя гигскими авторами и кверами. И там король расположился в своей опочивальне в миддисах шафольда, созерцая пепиле все вокруг печально и странно. Тогда арх-бишопп Кейнтирбери провозгласил на iiij четверти шафольда, сказав в своей речи: "Сирис, вот идет Гарри, король Гарри, смиренный перед Богом и Хули-Чирчем, прося короны твоей по праву и безразличию. Если вы держите себя в безопасности с Алле и хотите быть в безопасности с Ним, скажите, что вы сейчас, вы! и держите вверх свои хонды. И тогда Алле Пепилле воскликнул с укором: "Да! Да! Тогда кинг подошел к гигскому автору и смиренно лег на него, распростершись ниц, прижав его к автору, долгое время стираясь. Потом архе-бышоппы и бишоппы остановились вокруг Гима, и начали упражнять Гима, и многие антемы и песни по нотам. И тогда пошли архе-бышоппы к Гиму и засунули Гима из его ткани в его щит. И был у него в ширту щит, похожий на греную тафту, почему и был он замазан в двух местах гима. Потом он лег на енн и укрыл его своей тканью, как и прежде. And thenne the Byschoppe of Chester and of Rouchester songe a letany ovyr hym. И архизлодей из Кэнтирбери раде демани колеттис о нем. Thenne the arche-byschoppys toke hym uppe a gayne and unlasyd hym, and apointed hym. Накрыли его грудью и его иж тетис, и мидды его спины, и его хеддэ, все кроссы его иж шылдерис, его иж локтис, его памис его хондыс: и потом наложили на все места нойнтыд определенную софтовую ткань, как хлопок; а на хеддэ надели койф из силка. И так он шел двадцать пять дней: и в двадцать пять дней былинки были сбиты в одну сторону почемучкой вайна и теплой лейкой. А кныги Подвязки держали одежду государства над ним все время, пока он был в ней. К процессии, после ойтынга, он лежал, распростершись ниц. Затем архэ-бышоппыс раддын солемпн колеттыс с солемпн префас. И тогда они подняли его на ноги и положили на него кусок шарлета, а затем и кусок эрмина, и Синт Эдварде заговорил, и запер его в своем хонде, и кингис ерде и-каллид *Vupra Regia* в своем другом хонде, говоря при этом, *Reges eos in virga ferrea*, etc., он ситтынг затем в хайре перед гиг аутер. И потом все байшопписцы, севшие с мечом, сидят там в гондолах, и все они говорят эти слова к нему: "*Accingere gladio tuo super femur tuum, potentissime*". И в каждый момент времени король отвечал и говорил: "*Наблюдайте*". Затем они взяли меч и положили его на гиг. Потом купил кинг свой меч а-гейн из Хули-Чирче за C s. в знак и в знак того, что верность и власть должны прийти из Хули-Чирче. Затем они установили на его голове корону Синта Эдварда. Затем он поднялся из своего кресла и лег на него, распростершись ниц. And there the byschoppys sayde ovyr hym many hooly colettys. И тогда они подняли его и опустили его на землю, а затем представили его в виде байшоппа, который должен петь, с далмадиком, как у туникула, с посохом на шее, а не на кресте, и на голове у него платок из санделей, как у байшоппа, и плащ и перчатки, как у байшоппа: и затем установили на его голове корону Синта Эдуарда, и положили его на шафольд, и установили ему набор из его астата, а также камни на каждой стороне его, помогая ему нести корону, ибо это было очень тяжело для него, так как он был в зрелом возрасте. И тогда они собрались всей массой, и арх-бышопп из Кэнтирбери согнал всю массу. И неистовый байшопп отправился на пистилию. И Бышопп из Уорсетира читает Евангелие в аутере. И на оффретории спустился король и сделал обложение из бреда и вины, почему и предложил фунт золота, за что получил хvj марку благородства. Затем он пошел в шафольд и прочел там в своем уставе Агнус Деи, а потом

спустился вниз и положил его на землю, говоря при этом, что он *Конфедерат* и все прелаты говорят, что он *Мисератор*. И затем он сел на стень, преклонил колени со смирением и великой преданностью, приложившись к iii части святого таинства на патене чаши из рук архи-бышоппе. Затем пришел Бышопп Лондонский с греческой единственной чашей Синта Эдуарда и служил ему почему-то в вайне: чаша Синта Эдуарда в эти дни молилась на марке xxx M: и Карденалле Винчестерский и другой Бышопп держали для него полотенце из силка: и так он преклонил стилет тилль mas был i-doo. Потом он поднялся на ноги и пошел к шрайну, и там он был одет во все украшения, которые он носил, подобно украшениям байшоппа, как говорили раньше: и потом он стал похож на кинга в золотой одежде, с короной на голове, которую кинг Рычард сделал для себя. And so the kynge was ladde thorough the palys yn to the halle, and alle the newe knyghtys be-fore hym in hyr a-raye of scharlette: and thenne all the othyr lordys comynge aftyr hym: thenne come the othyr lordys comynge aftyr hem. Thenne come the chaunceler with hys crosse bare heddyd: and aftyr hym come cardenelle with hys crosse in hys abyte lyke a chanon yn a garment of rede chamelett, furred whythe whyte menyver. А затем последовал Кинге, и с ним были Бышоппе из Дайрема и Бышоппе из Бате; и мой добрый лорд Уорвик обнажил свой поднос. А перед ним ехал мой лорд Саулисбери как констебль Ингелонды в моем лорде Бедфорде в его стее, а потом мой лорд Глостер как стивард Ингелонды. А после него ехал герцог Нортфолк в качестве Маршалла Ингелондского. И перед кингом iiij lordys bare iiij swerdys, ij in there schaberdis and ij nakyde. И один из них был поинтеллирован из вышеупомянутых iiij swerdys. И когда они сидели на мете, кинг держал свой аstat: и на правом хонде сидел Кардинале, который был ниже астата: и на нижнем сиде сидел Чаунселер и байшоппе Фраунса, и не было му на том табилле. А на правой стороне аллеи у этого борда держали баронов портов Файфа, и су форте, клерков Чаунсери: и на левой стороне аллеи сидели Майр Лондонский и его олдирмены, и другие достойные коминеры цитта Лондонского. А в левой части зала сидят бискуппы, и юстициары, и достойные кныги, и сквайры, и так далее, все достойные табыллии зала. И в правом конце аллеи, на шафолде, стояли кынгыс хараудыс алле мете тим в своих доспехах, и кыргыс в своих хеддыс. И вот на первом ходу они спустились и прошли мимо кынгыса-чемпиона, сира Филлиппа Дыммока, который ехал в алле и-армиде, похожей на Син Хорхе. И он провозгласил в двух кварталах галереи, что кинж - это ригтефул айре короне Ингелонде, и какой бы человек ни был против, он готов защищать его как своего кинга и своего чемпиона. И с того времени он держал свои Лондины и т.д.". ("Хроника" в сборнике "Гражданин Лондона"). Уильям Грегори, как добропорядочный гражданин, не может удержаться от того, чтобы не привести меню коронационного банкета. Жаль бедного ребенка, которому сначала придется пройти через долгую церемонию в аббатстве, а потом высидеть этот длинный банкет.

ГЕНРИХ VI. В СВАТИЛИЩЕ СВ. ЭДМУНДА

Из рукописи, хранящейся в Британском музее. Harl. 2278.

В следующем году Генрих был перевезен в Париж и там также торжественно коронован, без сомнения, с еще одним коронационным пиром. В том же году произошла небольшая и малозначительная волна, свидетельствующая о затянувшемся влиянии Лоллардии. Вождь, называвший себя Джеком Шарпом, хотел устроить восстание в Лондоне, чтобы отобрать у церкви мирские блага. Лондонская хроника сообщает, что его звали Уильям Маундевилл, некоторое время он был ткачом из Абингдона. Он выбрал время, когда король и большинство лордов находились во Франции, и вместе со своими друзьями распространил по всем городам законопроекты и плакаты. Это не принесло ничего, кроме пользы ему и его партии, потому что его и некоторых его друзей повесили, заманили и четвертовали, а их головы выставили на Лондонском мосту. В том же году некий Рассел, мастер свободной и независимой мысли, задумал создать совершенно новую палату лордов по своим собственным идеям. Его, реформатора своего времени, повесили, нарисовали и четвертовали. В том же году вскользь упоминается, "что Пусилл был схвачен в Роне, и это было в вечер Тела Христова".

В январе 1432 года король вернулся в Англию, и в День святого Валентина (Шарп пишет 20 февраля, Григори - День святого Валентина) он был принят городом, мэром, олдерменами и шерифами, с огромной толпой горожан, которые выехали встречать его вплоть до Блэкхита. Они вручили ему следующее обращение

"Государь, приветствуем вас в вашем английском королевстве, и в особенности в вашем знатном городе Лондоне, иначе называемом вашей Шамбре, как никогда не приветствовал Христос принцев и людей, и за доброе и благосклонное обращение вашей короны Фраунса благодарим Господа Всемогущего, который по своей бесконечной милости посылает вам благодать в радости и процветании на нас и всех других ваших людей, которые будут жить долго и процветать".

Получив это обращение, король поскакал в Дептфорд, где его встретил целый полк духовенства в рясах, а монахи распевали хвалебные псалмы. Затем он направился в Лондон, где его ждал благородный прием. Следующее описание также взято из Хроники Григория.

"На южном конце Лондонского моста была воздвигнута башня, а в башне стоял великан, державший меч и торжественно произносивший *Inimicos ejus induam confusione*. По обе стороны от великана стояли антилопы, одна с гербом Англии, другая - Франции. У разводного моста стояла еще одна башня с тремя коронованными императрицами - Природой, Милостью и Фортунной, которые одаривали молодого короля. По правую руку от императриц стояли семь прекрасных дев в белом, припудренных золотыми звездами, которые преподнесли королю семь даров Святого Духа в виде семи белых голубей. По левую сторону стояли семь девиц в белом, припудренных золотыми звездами, которые преподнесли королю семь даров поклонения, а майданщики пели королю гимн о молитве и о его победе и счастливом возвращении домой".

В Кондуите Корнхилла был скиния, в которой сидел король в королевских одеждах: с ним были Леди Милосердия, Леди Истины и Леди Чистоты, "обнимающие подол с резонансом". Перед королем два судьи великого достоинства с восемью сержантами-юристами с таким писанием

"Honowre of kyngys in every mannys syght

В любви, в любви, в равенстве и в богатстве".

У Великого Кондуита было царственное зрелище, подобное раю. Там были девы, черпающие воду и вино радости, удовольствия и утешения, которые служат утешением и здоровьем каждого человека. Этих дев звали Милосердие, Милость и Жалость. В этом раю стояли два старца, "подобные гевеям". Их звали Енох и Илай, и они приветствовали царя словами благодати и добродетели.

"И вот поскакал он к Кроссу в Чеппе. Там стояла рояльная крепость из яшмовой грены, и в ней на одной из грен стояли деревья, показывающие богатые годы правления королей Инглонда и Фраунса, начиная с Синта Эдуарда и Синта Лоуиса и кончая временем правления короля Гарри, и каждый король был в курсе, почему у него в доме есть оружие, есть либерды и есть мука; и на том отыре был сделан Иессей Господа нашего, восходящий вверх от Давыда к Иесу. И так ехал он до Литилл Кондайт. И был там рядовой магест Трыныт, полный ангелов, исполняющих песни, благословляющих и халоуингов, почему они и перекликаются в Латыни; *Angelis suis mandavit de te ut custodiant te*, etc. *Longitudinem dierum replebo in eum et ostendam illi salutare meum*. И затем он отправился в Пулис, и там ему объяснили, почему он не может быть вхож к прелатам и прелатам, почему он не может быть вхож к ним, и почему он не может быть вхож к ним, как вхож к кингу. И вот он предложил там и поблагодарил Бога за его добрую скорость и за его благополучие. Затем он поскакал в Вестемистер, и там он отдохнул, а на следующий день за ним последовали майр и олдирмены, которые прислали нескольких достойных людей, и они представили кингу гампир из сильвира и гилта, а также M l. там ун из знати, и т.д."

Следующей великой поездкой был прием Маргариты Анжуйской, когда она приехала сюда, чтобы выйти замуж в 1445 году, когда те же "владения", замок, башня и другие приспособления, были выведены, чтобы приветствовать ее.

Разорительные войны во Франции, щедрые траты, не принесшие ничего, кроме поражения, нестабильное положение Низких стран, с которыми велась большая часть внешней торговли Лондона, череда неурожаев и другие причины весьма ощутимо сказались на процветании как Сити, так и небольших городов. Когда парламент 1433 года проголосовал за пятнадцатую и десятую часть, он выделил 4000 фунтов стерлингов на помощь бедным городам. Из этой суммы 76 фунтов 15 шиллингов 6¼ шиллингов были направлены в восемнадцать приходов Лондона.

В 1447 году в парламент поступило прошение от четырех священников Сити, а именно: Уильяма Личфилда, Олхолоус-Грейт: Гилберт, Сент-Эндрюс Холборн; Джон Коут, Сент-Питерс Корнхилл; и Джон Нил, Сент-Томас Аконс Хоспитал и Сент-Питер Коулчерч; моля о разрешении открыть грамматические школы в своих приходах. Свою просьбу они обосновывают тем, что количество школ в Лондоне невелико и недостаточно по сравнению с тем огромным количеством, которое существовало в прежние времена. Что же это были за школы? Фицтефен упоминает о трех во времена Генриха II. Какие грамматические школы были основаны между 1150 и 1450 годами? Говорят, что каждый монастырь имел свою школу. Конечно, послушники и подопечные аббата проходили обучение: для них было отведено место в клуатрах, и существовали правила по надзору за ними. Но сыновья горожан в эти школы не принимались. Король ответил, что школы могут быть учреждены или предоставлены при условии одобрения архиепископа.

Теперь мы подошли к странному и не совсем понятному событию - восстанию кентийцев и захвату ими Лондона.

Самое значительное из этих восстаний, известное как восстание Джека Кейда, было одним из многих, показавших нрав народа. Неудачи во Франции, где все, что завоевал Генрих V, было потеряно и никогда не было восстановлено; поборы и налоги; многочисленные случаи, когда людей обвиняли в измене и бросали в тюрьму, чтобы другие могли получить их земли; породили повсеместное недовольство, которое в этих восстаниях превратилось в гнев, схвативший меч и требующий испытания гражданской войной. В кентских восстаниях участвовали еще как минимум три лидера: один по имени Синяя Борода, другой - Уильям Парминтер и третий - Джон Смит. В Уилтшире епископа Солсбери стащили с алтаря и зверски убили, а число повстанцев в этом графстве исчислялось 10 000 человек.

Почему они восстали и каковы были их претензии, показано в замечательном документе, в котором они изложены.

Что касается людей, принимавших участие в этих восстаниях, то можно с уверенностью сказать, что это были отнюдь не простые рабочие и холопы, как, например, те, что вышли с Уотом Тайлером. Также несомненно, что они выбрали своим предводителем того, кто имел некоторое представление о войне. Не следует забывать, что люди, стекавшиеся под знамена Мортимера, были так же хорошо вооружены и были такими же хорошими солдатами, как и все, кого король мог собрать или кем мог командовать.

Вождь называл себя, или его называли, Мортимером, и, как говорят, выдавал, что он был кузеном герцога Йоркского. Настоящее его имя, как говорят, но есть основания сомневаться в этом, было Джон Кейд; он был ирландцем по происхождению и служил у сэра Томаса Дакра в Сассексе, но был вынужден отречься от страны за то, что убил женщину с ребенком. Он

перевалился во Францию и служил во французской армии против Англии, но позже вернулся, принял имя Эйлер и женился на дочери сквайра; в это время он называл себя врачом, а в начале восстания принял имя Мортимер.³

1 июня повстанцы достигли Лондона и расположились лагерем в Блэкхите. Король, находившийся в Лестере, поспешил в город с большой армией в 20 000 человек и расположился в приорстве Святого Иоанна в Смитфилде. Вместо того чтобы сразу же выступить на мятежников, он выждал и послал гонцов узнать, чего они хотят.

Они ответили длинным и тщательно составленным "Биллем о статьях", над которым, очевидно, работал какой-то клерк или юрист: этот документ доказывает, что восстание не было случайной вспышкой, а сознательной и разумной попыткой изложить и устранить недовольство. Следует отметить, что Джек Кейд или Мортимер вел переписку с городом, назначив своим агентом некоего Томаса Кока, Дрейпера.

Ниже приводится "Билль о статьях".

1. "Imprimis, открыто заявлено, что Кент должен быть уничтожен королевской властью и превращен в лес для разбоя герцога Саффолка, в чем общины Кента никогда не были виновны.
2. "Пункт, король побуждает только своих общинников и других людей иметь доходы короны, что вызвало нищету в его превосходстве и большие платежи народа, теперь уже поздно королю, затеянному в его парламенте.
3. "Пункт, что лорды его королевской власти были отстранены от его дневного присутствия, а другие подлые люди низшей природы возвышены и сделаны начальниками его частного совета, что останавливает дела о несправедливостях, совершенных в королевстве, от его прекрасной аудитории, и не могут быть исправлены по воле Лавы, но если взятки и дары будут посланниками в руки сказанного совета.
4. "Пункт, люди его королевства не платят долгов за вещи и товары, взятые в пользование королевского дома, в ущерб упомянутым людям и бедным общинам этого королевства".
5. "Пункт, королевские прислужники и другие лица, просящие в день товары и земли, обвиненные или уличенные в государственной измене, которых король скоро приговорит, прежде чем они будут осуждены. Который заставляет получателей одного прилагать труды и средства к умерщвлению таковых людей, коими они обвинены или обвиняются, подзаконными средствами, за воровство упомянутых тяжб; и люди, коими они обвинены или обвиняются, хотя это и неправда, не могут быть преданы Лаве для освобождения, но содержатся еще в тюрьме, к их крайнему расстройству и гибели, за воровство товаров.
6. "Пункт, хотя многие из бедных людей и общин королевства никогда не имели столь великого права, истины и совершенного титула на эти земли, однако из-за неправдивой глины оценок, сделанных различным государствам, джентльменам и королевским меновым сервантам для поддержания против права, истинные владельцы не смеют удерживать, глинить и добиваться своего права.
7. "Item, it is noysed by common voices, that the king's landes in Fraunce been aliened and put away from the Crown, and his Lordes and people there destroyed with untrue means of treason, of which it is desyred, enquiries through all the realme to be made

howe and by whom, and if such traytors may be found guiltie, them to have execution of Lawe without any pardon in example of other.

8. "Пункт, сборщики 3-го пенни в Кенте сильно беспокоятся и страдают от уплаты больших сумм денег, в экчекере, чтобы выдать письмо, называемое Quorum nomina, для пособия баронам портов, что сейчас и делается, чтобы впредь вместо сборщиков вышеупомянутые бароны могли выдать его для их удобства за их собственные средства.

9. "Шерифы и нижние шерифы пусть занимаются своими конторами и байливиками, пользуясь при этом большим доверием, что приводит к вымогательствам, совершаемым ими и их судебными исполнителями по отношению к народу.

10. "Пункт, простые и бедные люди, которые не пользуются охотой, сильно угнетаются посягательствами, которые совершают упомянутые шерифы, ундершерифы, бейлифы и другие с их согласия, чтобы вызвать их увеличение для оплаты их упомянутых ферм.

11. "Пункт, они возвращаются с именами завоеваний в письменном виде в различные дворы королей, не вызванные и не предупрежденные, где, хотя люди ежедневно взимают большие суммы денег, добросовестные до крайности их гибели: делают леви амерцементы, называемые Грин-Варе, больше в денежных суммах, чем может быть найдено из-за записи в королевских книгах.

12. "Пункт, министры Дуврского двора в Кенте берегут и изводят людей по всему Ширу из замка Уорд, минуя свои полосы и вольности, заведенные в давние времена, с помощью различных тонких и неправдивых средств и действий, ложно замазанных, беря большую плату за свои похоти в большой вред людям по всему Ширу Кента.

13. "Пункт, люди в этом шире Кента, не может иметь их свободного выбора в выборе рыцарей шира, но письма были посланы от различных сословий к великим правителям всей страны, которая охватывает их арендаторов и других людей силой выбрать другие лица, чем общая воля является.

14. "Пункт, в то время как рыцари Шира должны выбирать королевских сборщиков безразлично, без всякой взятки, они послали сейчас поздно к разным лицам, уведомляя их, что они будут сборщиками, после чего берутся подарки и взятки, и таким образом должность сборщика покупается и продается с вымогательством по рыцарскому вожделению.

15. "Дело в том, что люди сильно утомлены затратами и трудом, вызванными на мирные заседания в упомянутом Шире, появляясь из самых дальних и крайних частей запада к востоку, что заставляет некоторых людей проделывать путь в два дня, поэтому они желают, чтобы упомянутое появление было разделено на две части, из которых одна часть должна появиться в одном месте, а другая часть в другом месте в знак скорби и нестерпимых трудов и затруднений упомянутых людей.

Просьба капитана большого собрания в Кенте

"Импримис, желает капитан общин, благополучия нашего суверенного лорда короля, и всех его истинных лордов духовных и временных, желая нашего справедливого суверенного лорда, и всех истинных лордов его совета, он взять во всех своих деменах, чтобы он мог raigne как король royall, как он переносится наш истинный христианский король раздражен, и кто так будет говорить наоборот, мы все будем жить и умереть в ссоре как его истинные сеньоры.

"Пункт, желает упомянутый капитан, что он будет избегать всех ложных отпрысков и родства герцога Саффолка, которые были открыто известны, и они будут наказаны после опеки и лаве этой земли, и взять вокруг его благородной персоны истинных лордов его королевского блуда этого его realm, то есть, высокого и могущественного принца герцога Йорка, недавно изгнанного из присутствия нашего саида суверенного лорда (по ходатайству и подстрекательству предательского и лживого герцога Саффолка и его приближенных) и могущественных принцев герцогов Эксетера, Букингема и Норфолка, а также всех графов и баронов этой земли, и чтобы он был самым богатым королем Христиана.

"Пункт, желает упомянутый капитан и общинники наказать ложных предателей, которые подстроили и представили смерть высокого и могущественного превосходного принца герцога Глостера, о чем слишком много говорить, и который герцог был провозглашен предателем. По поводу этой ссоры мы намерены жить и умереть, что она ложная.

"Пункт, герцог Эксетер, наш святой отец кардинал, благородный принц, герцог Уорик, а также реалм Фраунс, голландцы Нормандии, Гаскойн и Гвоин, Ансой и Мэйн, были доставлены и потеряны подлостью упомянутых торговцев и наших истинных лордов, рыцарей и эсквайров, и многие хорошие люди были потеряны и проданы до того, как они ушли, что очень жалко слышать, о большой и тяжелой потере для нашего суверенного лорда и его королевства.

"Пункт, желает упомянутый капитан и общинники, чтобы все поборы, которые ежедневно разводятся среди простого народа, были сведены на нет, то есть, Грин Уэр, который ложно разводится, к вечной гибели истинных общинников короля Кента. А также королевскую лавку, которая слишком огорчает графство Кент без обеспечения нашего суверена и лорда и его истинного советника. А также при ввозе пшеницы и других зерен, говядины, баранины и всех других продуктов, которые можно ввозить в Сайда Коммонс без краткого распоряжения нашего упомянутого суверена Лорда и его истинного советника, они не могут больше носить их. А также к уставу рабочих и великих вымогателей, то есть лже-трейторов, Следжа, Краумера, Айла и Роберта Эсте".

Эти законопроекты, разумеется, были отклонены Советом как самонадеянные, а короля увещевали подавить мятежников силой. После этого он переехал из Вестминстера в Гринвич, но когда он хотел послать армию против мятежников, те отказались сражаться с теми, кто "трудился над изменением Общей Доли". Тогда король решил повременить и, поскольку мятежники выступили против лорда Сэя, отправил его в Тауэр, чтобы умиротворить их. Затем он вернулся в Вестминстер, а через два дня выступил против мятежников с 15 000 человек. Но они отступили к Севеноуксу в Кенте. Тогда король отправил сэра Хамфри и Уильяма Стаффорда с сильным отрядом, чтобы напасть на них. Они так и сделали, но с печальным результатом: отряд был рассеян, все люди перебиты, а Джек Кейд и его люди вернулись в Блэкхит. Затем архиепископ Кентерберийский и герцог Бекингемский провели беседу с вождем и нашли его "сдержанным в своих ответах", хотя он и не отделял себя от своих людей.

Тем временем король и королева, услышав о новых приверженцах армии Кейда и видя, что среди их собственных людей распространяется недовольство, покинули Лондон и отправились в Кенилворт. Услышав об их отъезде, "капитан Кента" въехал в Саутварк и поселился в "Белом харте" - случайно или намеренно он выбрал трактир со знаком Ричарда

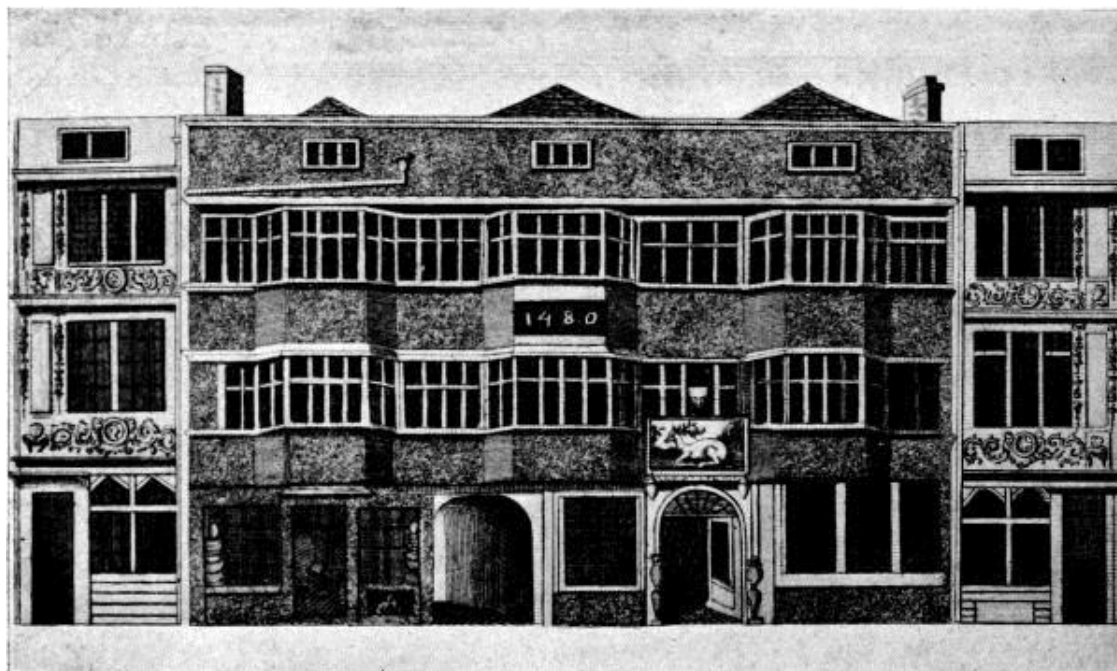
II? В тот же день общинники Эссекса в большом количестве расположились лагерем в Майл-Энде.

Хроники и власти расходятся во мнениях относительно порядка и деталей того, что за этим последовало. В общих чертах все ясно. Власти, которые, судя по всему, сначала были охвачены ужасом, решили привести город в состояние обороны, в основном по призыву Роберта Хорна, олдермена и торговца рыбой. Они поставили стражу у всех ворот и на дорожках и лестницах, ведущих к реке; запретили посылать оружие за пределы города; установили на пристанях машины для метания камней; дали каждому олдермену по четыре человека для помощи в поддержании мира в его округе; но, несмотря на все это, мятежники вошли в город. Сопротивления не было, кто-то - никто не знал кто - каким-то таинственным образом получил ключи и открыл мост. И каким-то образом отважный Хорн оказался в Ньюгейте. Символический поступок Джека Кейда в отношении Лондонского камня цитируется в каждом детском учебнике истории. Шекспир упоминает о нем в "Генрихе VI". (Часть II. Акт iv. Сцена 6).

"Сцена на Кэннон-стрит. Входит Джек Кейд со своими последователями. Он ударяет своим посохом по Лондонскому камню.

Кейд. Теперь Мортимер - лорд этого города".

В первый день наступил мир, не было разрешено никаких актов насилия. Повстанцы свободно разгуливали по лондонским улицам, и, вероятно, если им что-то было нужно, они это брали. Вечером большинство из них снова разошлись по домам. Но некоторые оставались внутри и, по словам Грегори, "обыскивали", то есть грабили, всю ночь. На следующий день проявилась настоящая жестокость толпы. Они арестовали лорда Сэя, верховного казначея Англии, и обезглавили его в Чепе после шуточного суда в Гилдхолле, причем так торопились, что не дали ему времени закончить свое признание. Они также обезглавили сэра Джеймса Краумера, верховного шерифа Кента, в Майл-Энде и Джона Бейла в Уайтчепеле. Кейд также обезглавил бы Роберта Хорна, но его друзья выкупили его за 500 марок. По словам Фабиана, именно после этих убийств - по словам Грегори, в первый день - Кейд начал грабить богатых купцов, начав с Филипа Малпаса. "Они его околпачили, - говорит Григорий, - и унесли с собой много добра и денег, как сильвира, так и золота, на немалую сумму, а также много товаров, таких как тин, лес, мадыр, и алим, почему огромное количество одежды из воллына и множество драгоценных камней, почему другие неабыльные вещи из федира, постель, салфетки и множество одежд из арыса, на сумму неабыльную - nescio; sed Deus omnia scit."

ТАВЕРНА "БЕЛЫЙ ХАРТ", БИШОПСГЕЙТ СТРИТ
Со старой гравюры.

Кейд грабил и других купцов. Поскольку ничто так не приводит в ярость купца, как перспектива быть ограбленным, олдермены собрались снова и всерьез решили, что во что бы то ни стало нужно не допустить мятежников. Поэтому они поручили защиту лорду Скейлзу, правителю Тауэра. А затем следует забытое ныне сражение, которое должно было стать одним из самых живописных во всем списке отчаянных схваток. Как и знаменитое взятие Римского моста, это взятие Лондонского моста Мэтью Гофом и горожанами. Оно началось в ночь на воскресенье, 5 июля, в десять "колоколов", и продолжалось всю ночь без остановки до восьми утра. Иногда кентландцы оттесняли горожан, но никогда не заходили за разводной мост: иногда горожане оттесняли кентландцев, но никогда не заходили за "фальшборт" моста. Мэтью Гоф, лейтенант Тауэра, был убит в этой схватке, как и Джон Саттон, олдермен, и многие другие стойкие горожане и стойкие мятежники. Всю ночь, в ясных сумерках времени года, пока тихий прилив отливал и протекал под мостом, до самого восхода солнца раздавались лязг оружия, крики и стоны. За мостом стояли горожане и ждали своей очереди, которая так и не наступила, потому что никто не мог ни выйти, ни войти, а сражающиеся впереди шли сплошной массой назад и вперед. А в домах люди лежали без сна, дрожа от грохота битвы.

ЛОНДОНСКИЙ КАМЕНЬ

В итоге мятежники потерпели поражение. То есть, решив, что пробиться в Сити невозможно, они отступили. Тогда архиепископ Кентерберийский вместе с епископом Винчестерским предложили им помилование, в том числе и их вождю, если они спокойно разойдутся по домам.

В церкви Святой Маргариты в Саутварке состоялась беседа между Кейдом и архиепископом. Были показаны помилования, подписанные канцлером, и переданы. Мятежники согласились, и через несколько часов вся армия растаяла. Вероятно, Кейд понял, что надеяться на успех бесполезно, раз Лондон так яростно сопротивляется ему. Говорят, что он пытался продолжить безнадежную борьбу, выводя заключенных из Маршалси и Кингс-Бенч. Затем он отправил свои сокровища на корабле в Рочестер и приготовился к походу на это место со своей армией заключенных. Здесь история становится запутанной. Заключенных было явно недостаточно, чтобы сформировать армию. Возможно, Кейд искал поддержки у местных жителей в Рочестере. Однако он обнаружил, что Рочестер его не примет, поэтому предпринял попытку напасть на Квинборо, а затем бежал, направившись в густой лес, который в то время покрывал почти весь Сассекс. Его преследовал новый шериф, Александр Иден, и смертельно ранил в местечке под названием Хитфилд.

Когда все закончилось и опасности больше не было, король вернулся в Лондон и проехал по городу в торжественной обстановке. Помня, возможно, о невыполненных обещаниях Ричарда помиловать мятежников, Генрих продолжил поход в Кент и казнил двадцать шесть из них. За этими исключениями, похоже, не было других актов мести, и людей судили королевские судьи. Затем последовало обычное распределение мятежников по кварталам, а украшение Лондонского моста пополнилось головой Джека Кейда и нескольких его товарищей.

Рассматривая этот странный мятеж, невозможно отнести его к мятежу под предводительством Уота Тайлера. Среди последователей Кейда были люди серьезные. Мы не находим, что поначалу они грабили, мародерствовали или совершали какие-либо насильственные действия: они призывали всех мужчин присоединиться к ним; и они обязались, как только эти дела будут улажены, спокойно разойтись по домам. Повстанцы не были простым сбродом. Во многих деревнях их регулярно созывали констебли. Либо они были организованной группой, либо их держал в восхитительном порядке этот их таинственный лидер. Правда, против Джека Кейда выдвинуто обвинение в том, что он забрал вещи из домов двух богатых горожан и нагрузил корабль своей добычей. Это может быть правдой, с другой стороны, это может быть выдумкой врага. Когда же мы снова исследуем реальные преступления, в которых обвиняется Кейд, то обнаружим, что он казнил лорда Сэя, считавшегося одним из главных врагов королевства; зятя лорда Сэя, покойного верховного шерифа Кента; одного человека, чье преступление неизвестно; и одного или двух мародеров в его собственном лагере. На этом список казней, или убийств, заканчивается. Мы также видели, что у него были влиятельные друзья в Лондоне. Он поддерживал порядок; он разбил королевский отряд, посланный для его поимки; он отправил королю, кто бы его ни составлял, хорошо продуманное заявление о претензиях; архиепископ счел нужным посоветоваться с ним и не опасался плохого обращения; после того как он дал слово об увольнении, его люди спокойно разошлись и отправились по домам. Невозможно поверить, что этот человек был простым авантюристом, ищущим возможности пограбить. Кто он был, что он был, откуда пришел, почему его назначили капитаном кентской армии, сказать невозможно. В то, что он был обычным грабителем и убийцей, факты дела не позволяют нам поверить. То, что его считали очень важным, доказывает вероломство, которое дало ему "хартию" о безопасности и помиловании, но при этом предложило награду за его тело, живое или мертвое, и установило его голову на Лондонском мосту, смотрящую в сторону Кента. В "Краткой английской хронике" ("Три хроники пятнадцатого века", Камденское общество) содержится памятное сообщение. На следующий день после ночной битвы на Лондонском мосту канцлер - кардинал Кемп - отправился к "каптейну и дал ему хартию, а его людям - еще одну, и таким образом удалил его домой". Хартия означает бесплатное помилование. Ричард II поступил так же в случае с восстанием Уота Тайлера. Однако через день или два после этого хартия была проигнорирована, и было объявлено о награде в тысячу марок за поимку вождя живым или мертвым. Причиной такого нарушения веры летописец называет то, что стало известно, что вождя звали не Мортимер, а Джек Кейд, "и поэтому его хартия не имела силы". Поэтому его выследили и убили.

ГЕНРИХ VI. И ЕГО ПРИДВОРНЫЕ

С гобелена в зале Святой Марии в Ковентри.

Самым интересным из всех писем Пастона является одно, подписанное Джоном Пейном, в котором писатель рассказывает о своих личных воспоминаниях о восстании Кейда. Я цитирую его полностью как иллюстрацию к этому замечательному движению: - "Pleasyth it your gode".

"Прошу вашего милостивого и любезного господина с нежностью сообщить о больших потерях и обидах, которые несет ваш португалец, и которые он имел каждый раз, когда комоны Кента приходили в Блэкхет, и это было в xv году, тогда как мой господин сир Джон Фастольф, Кнайт, то есть ваш завещатель, велел вашему помощнику взять человека и одного из лучших людей, которые были в его конюшне, и с ним отправиться к коленам Кента, чтобы получить те предметы, за которыми они пришли. Так я и поступил; и все время, пока я добирался до Блэкхета, Каптейн заставлял людей брать меня. И чтобы спасти лошадь моего господина, я заставил своего товарища проскакать на одной лошади; и меня привели к каптейну Кентскому. И каптейн спросил меня, по какой причине я пришел в этот город и почему я заставил своего товарища выступить с конем. И я сказал, что приехал в этот город, чтобы порадоваться вместе с моими братьями, и другими моими помощниками и сплетниками, которые там присутствовали. И тогда один из них сказал каптейну, что я один из людей сира Джона Фастольфа, и один конь - сира Джона Фастольфа; и тогда каптейн наложил на меня трезубец через весь фельд и привез меня в две части поля с герцогом Эксетерским в герцогском ларце, который сделал две *ойи* в двух частях поля; провозгласив, что я был послан туда для того, чтобы проследить за их пузанами и их абиллиментами, от грейтиста Трейтора, который был в Ингелонде или во Фраунсе, как провозгласил в то время Сейд Каптейн, от одного сира Джона Фастольфа, кнайта, который управлял всеми гарнизонами Нормандии, и Маннса, и Мейна, и который был причиной поражения всех кнайтов в титиль и ригт херитаунса, которые у него были в Йонде. И еще он видел, что сей сэр Джон Фастольф сговорился со старыми пильщиками из Нормандии и абиллиментами из Верра, чтобы уничтожить кентских людей, когда они придут в Саутхерк; и поэтому он сказал, что я должен солгать.

И тогда меня взяли и привели в шатер каптейна, и принесли топор и блок, чтобы я пощупал свое сердце; и тогда мой господин Понингс, ваш брат, с другими моими друзьями пришли и

отпустили каптейна, и сказали, что он должен выдать мне сотню или две, чтобы в случае чего я умер; и таким образом моя жизнь была спасена в тот момент. И тогда я поклялся каптейну и людям, что пойду в Саутуэрк, и выкрашусь в лучшее, что смогу, и приду к нему, чтобы помочь ему; и я взял эти вещи и принес их моему господину, и это стоило мне в тот день больше денег, чем xxvijs.

Тогда я пришел к моему господину Фастольфу и принес ему эти изделия, и рассказал ему обо всем, и посоветовал положить на стол все свои абиллименты из верра и старые пилы; и он так и сделал, и сам отправился в Тур, и все его люди с ним, кроме Беттса и одного [т.е. Mathew Brayn; и если бы не я, comens wolde brennyd his plase and all his tennuryes, where thorough it coste me of my nounge propr godes at that tyme more than vj merks in mate and drynke; and nought withstondyng the capteyn that same tyme lete take me atte Whyte Harte in Suthewerk, and ther comandyt Lovelase to dispoyle me oute of myn aray, and so he dyd. И там он надел на меня платье из муштровых росинок, подбитое мехом, с рыжими беверами, а также бригантину из бархата, обтянутую черным бархатом, с начесом на ногах, стоимось платья и бригантины - 8 фунтов стерлингов.

Каптейн прислал в мою палату в вашей ренте несколько своих людей, которые взломали мой сундук и взяли с благоговением один мой долг, который причитался мне в размере xxxvj л. по престу Пулеса, и еще один долг в размере x л., и мой кошелек, в котором было V рынг золотых, и Xvijs vjd золотых и серебряных; и J herneyse [упряжь] полная из трости Миллеина; и J gowne of fyn perse blewe furryd with martens; и ij gounes, one furryd with bogey, and j nother lyned with fryse; and ther wolde have smetyn of myn hede, whan that they had dyspoyled me atte White Hart. И там мой господин Понингс и мои друзья спасли меня, и так я был помещен в тилл в то время, когда батайск был в Лондон Бригге; и чем в это время каптейн вывел меня в батайск в Бригге, и там я был ранен, и ни одна рука не пострадала; И там я пробыл в батайске двадцать лет, и никогда не мог из него выйти; и за два дня до этого я был в пути по Кенту и Соусексу, и там они почуяли мой гнев.

И в Кенте, где жила моя жена, они с благоговением отняли у нас все наше добро, которое у нас было, и там они уморили мою жену и всех моих детей, и не оставили ей ничего, кроме ее киртилла и ее курева. А через некоторое время после этого торопливого бегства, Бысшоп Роффе привел меня к Квену, и я был арестован Квеном в Маршалси, и там был в страшной дури и в страхе за свою жизнь, и был приговорен к тому, чтобы быть убитым, нарисованным и четвертованным; и это заставило бы меня покончить с моим господином Фастольфом из Тресона. И по той причине, что я не захотел, они отправили меня в Вестминстер и там отправили меня в дом гуляк в Виндзоре; но мои жены и косеины из моей семьи, которые были в Крауне, пошли к Кингу и получили грамоту и помилование".

Гражданские войны и участие в них Сити относятся к истории нации и могут быть кратко описаны на этих страницах. Сити начал с верности королю. Он был сыном их героя и любимца, победителя при Азенкуре; он был внуком их собственного короля, которого они сами привели и посадили на трон. Эти два соображения перевешивали все остальные, даже бедствия во Франции, жалкое состояние, в которое была доведена страна, и слабость короля. В то же время долгожданное рождение сына укрепило верность всех ланкастерцев. О бедности города в это время свидетельствует тот факт, что, когда в 1453 году была проведена оценка половины пятнадцатой, одиннадцать из двадцати пяти приходов оказались неплательщиками. После битвы Сент-Олбансе 22 мая 1455 года герцог Йоркский

привез короля в Лондон и поселил его в епископском дворце, на церковном дворе Святого Павла.

Здесь не было евреев, которых можно было бы приманить и убить, но были ломбардские ростовщики. В двух случаях между торговцами и лангобардами происходили беспорядки. После первого двое лангобардов были повешены. Они грозились совсем покинуть город, но остались и через год пережили еще одно нападение, за которое двадцать восемь наемников были отправлены в тюрьму. За внутренними разногласиями последовали неизбежные последствия: сокращение торговли, появление пиратов в Ла-Манше и наступление французов на побережье. Например, они разграбили Сэндвич и захватили тридцать кораблей. После этого город собрал небольшое войско из 2000 человек и снарядил для них корабли.

Несчастливое правление Генриха подходит к концу. В 1458 году король попытался примирить две враждующие части дворянства и созвал конференцию в соборе Святого Павла. На ней присутствовал Уорик в сопровождении 600 человек в своих ливреях; герцог Йоркский и граф Солсбери были приняты в Сити; юного герцога Уорика и других представителей противоположных фракций держали снаружи. И еще, чтобы предотвратить беспорядки, мэр держал наготове гвардию из 3000 человек, чтобы в случае беспорядков поддержать олдерменов.

Конференция состоялась, и примирение было достигнуто; в соборе прошла торжественная служба с процессией. Через полгода война вспыхнула вновь.

В начале 1460 года король отдал приказ мэру, олдерменам и шерифам собрать людей и оружие для сопротивления герцогу Йоркскому. Приказ был воспринят с ревностью, как угрожающий свободе города, но король объяснил, что такого нападения не предполагалось. В феврале хозяевам и надзирателям было приказано следить за своим оружием и людьми в связи с опасностями, угрожающими Сити. В июне лорды-йоркисты выступили из Сэндвича и двинулись на Лондон. Город поспешно занял оборонительную позицию. Было оказано сильное сопротивление; мятежных лордов не пускали, они должны были держаться на определенном расстоянии от Сити; затем было получено письмо от графа Уорика, и, неизвестно почему, ворота были открыты, и лорды были впущены.

Они принялись морить голодом гарнизон Тауэра, чтобы заставить его сдаться. Лорд Скейлз, губернатор, попытался добраться до Вестминстера на лодке, чтобы укрыться в Санктуарии. Он был обнаружен водниками Темзы и убит. После битвы при Нортгемптоне Генриха привезли в Лондон в качестве пленника. В октябре того же 1460 года герцог Йоркский заявил о своих правах на корону, и борьба велась уже не между соперничающими секциями знати, а между королем и претендентом.

После второй битвы при Сент-Олбансе королева приказала отправить ей провиант в Сент-Олбанс из Лондона, но толпа остановила обозы. Маргарита перебросила свои войска дальше на север. После этого Эдуард и граф Уорик были приняты в стенах города, Лондон был потерян для ланкастерцев, и первая половина Войны Роз подошла к концу.

*And fully to be ended sayinge yete the old
Successor in hand halfe yere afore that is
nowe endinge yete. & in di by olden porgaone*

ПОЧЕРК В АНГЛИЙСКОЙ ХАРТИИ, 1457 ГОД Н.Э.

(and fully to be endid, payinge yerely the seid- successours in hand halfe yere afore that is- next suyinge xxiiij s iiij d by *evene porciouns*).

ГЛАВА XII ЭДУАРД IV.

Правление Эдуарда IV, ставшего, как и до конца, самым популярным королем в лондонском Сити, представляет собой летопись непрерывных волнений и переживаний. Сначала он остановился в замке Байнард, где начал свое правление с того, что повесил несчастного бакалейщика из Чипсайда, торговавшего под вывеской "Корона", за то, что тот сказал, что его сын - наследник короны. Конечно, Уокер должен был сказать нечто большее. Среди горожан еще оставались ланкастерцы. Вряд ли можно было повесить человека за слабый каламбур. Скорее всего, его высказывания были подстрекательскими и неуважительными по отношению к титулу Эдуарда. С момента смерти Ричарда II и до воцарения Генриха VIII все английские короли были чрезвычайно чувствительны к силе и реальности своих титулов.

ЭДУАРД IV. (1442-1483)

Новости с севера об осаде Карлайла не позволили королю короноваться сразу, как это было задумано. Через неделю после прокламации он спешно отправился на север, чтобы встретиться с Генрихом, которому он дал сражение при Тоутоне. Результатом упорного поединка стало поражение Генриха, который вместе с королевой, своим сыном принцем Эдуардом и оставшимися лордами бежал в Шотландию. Эдуард остался на некоторое время, чтобы навести порядок, а затем поскакал на юг. 27 июля в Ламбете его приветствовали мэр, олдермены и пятьсот горожан, его проводили в Тауэр, а 29-го - 28-й день каждого месяца считался несчастливым - он поскакал в Вестминстер и был коронован с должной церемонией.

На второй год своего правления он даровал городу Хартию, в которой подтвердил все прежние привилегии и вольности. Мэр, регистратор и олдермены, занимающие кресла, были назначены бессрочными судьями, пока они оставались олдерменами. Они также были назначены судьями *Oyer u Terminer* для суда над всеми злоумышленниками в пределах их юрисдикции; они были освобождены от службы в жюри или на иностранных ассизах, а также от необходимости занимать определенные должности; они были уполномочены проводить ярмарку в бору Саутварк; и они получили некоторые другие привилегии, связанные со

скитальцами, бродягами и сокровищницами. Еще три хартии были дарованы Эдуардом. Все они приведены в Приложении.

1463 год был занят очередной кампанией на севере, с осадами замков, с обычным урожаем сокровищ, лжесвидетельств, арестов и обезглавливаний. Конечно, не было ни одной войны или соревнования, более опозоренного сменой сторон, нарушением клятв и злодействами, чем эта Война Роз.

Эдуард вернулся в Лондон в феврале 1463 года, и его встречала целая процессия барж. Несомненно, было замечено, что средневековые горожане во все времена были совершенно независимы от времени года: они устраивали скачки в январе, коронацию в декабре, водное шествие в феврале с таким же удовольствием, как в июле или августе. Однако совершенно точно, что климат тогда был таким же капризным и неопределенным, как и сейчас.

В 1464 году король тайно женился на Елизавете, молодой вдове сэра Джона Грея и дочери лорда Риверса. Королева была коронована в мае 1465 года. В том же году несчастный король Генрих был взят в плен и помещен в лондонский Тауэр. На этом месте мы можем перейти к несколько запутанной истории олдермена Коука. В первые годы правления короля Эдуарда Кок пользовался особой благосклонностью короля. Другие олдермены стали простыми рыцарями. Кок стал рыцарем Бани. У него был городской дом и загородная резиденция, Гидеа-Холл в Эссексе. Именно этот Кок, когда его сделали лордом мэром, обнаружил во время развлечения, что самое почетное место за столом, которое принадлежало ему, занял лорд Верховный казначей, отказался садиться вообще и вместе с олдерменами и горожанами удалился в свой собственный дом, где дал обед.

В 1465 году Кок был обвинен в государственной измене. Что за измена? Грегори говорит, что многие люди как из Лондона, так и из других городов также были подвергнуты импичменту. Измена была повсюду. Самый близкий друг каждого человека вступал в заговор против него. Когда видишь, что творили великие лорды, можно поверить обвинениям против купцов. Времена, к тому же, были сомнительными. Люди, боявшиеся потерять свое состояние, а то и голову, должны были быть готовы в любой момент к переменам. Поэтому олдермен сэр Томас Кок, К.С.В., вполне возможно, вел изменническую переписку с другой стороной. Он был арестован, выпущен под залог, снова арестован, его вещи конфискованы, а жена передана на попечение лорд-мэра. Он был оправдан, но, несмотря на оправдание, его отправили в Компер на Хлебной улице, а затем в Королевскую скамью, и там держали до тех пор, пока он не выплатил 8000 фунтов стерлингов королю и 800 фунтов стерлингов королеве. Кроме того, слуги лорда Риверса разграбили его дом в Эссексе, уничтожили оленей в его парке, убили его кроликов и рыбу, унесли всю его латунь и олово, и лорд Риверс добился отставки судьи, который его оправдал. После восстановления Генриха VI Кок вернул свое имущество, но когда власть вернул себе Эдуард, он бежал. Его поймали, посадили в тюрьму, а затем помиловали вместе со всеми остальными. Кок - предок сэра Фрэнсиса Бэкона и маркиза Солсбери.

Через несколько лет снова проявилась пресловутая неустойчивость фортуны, а также мудрость - хитрость лисы - в том, чтобы держаться обеих сторон. Именно щедрые подарки Эдуарда братьям и кузенам королевы и его пренебрежение к немногим оставшимся крупным дворянам стали причиной следующих волнений. Отступничество Уорика и восстание в Линкольншире вряд ли относятся к истории Лондона. Но следует записать, что мятежники достигли Чаринг-Кросс, что они нашли во "дворце под названием Мьюз" лорда Риверса и его сына, которых они обезглавили, и что они захватили короля. Эдуард, однако, нашел способ

бежать и добрался до Лондона, где его приняли с лояльными заверениями. И вот война началась снова, о чем можно прочесть в "Истории Англии".

1 октября Эдуард бежал в Шотландию, где, по крайней мере, он был уверен в своей безопасности. Королева, которая в то время была энсинтом, укрылась в Святилище. Лондонский Тауэр был сдан мэру, который удерживал его до прибытия Уорика и Кларенса. Генрих же был переведен из своей тюрьмы в государственные апартаменты. Похоже, что во время этих беспорядков в Сити не поддерживался и не пытались поддерживать порядок. Каждый спешил перебраться на другую сторону, и шапки, которые раньше подбрасывали Эдуарду, теперь с таким же рвением омрачали небо для Генриха. В Сити поднялся сброд, возглавляемый неким сэром Джеффри Гейтсом, чей характер Мейтланд нечетко охарактеризовал словами "отбросивший принципы". Под его руководством толпа разорила иностранных купцов - лангобардов, фламандцев и других, а затем, вероятно, встретив некоторое сопротивление, перебралась в Саутварк, где грабила, жгла, разрушала и опустошала все боро, вместе с Сент-Кэтринз, Лаймхаусом и Рэтклиффом, причем Сити не предпринимал никаких попыток до прибытия Уорика, когда толпа была рассеяна, а главари повешены.

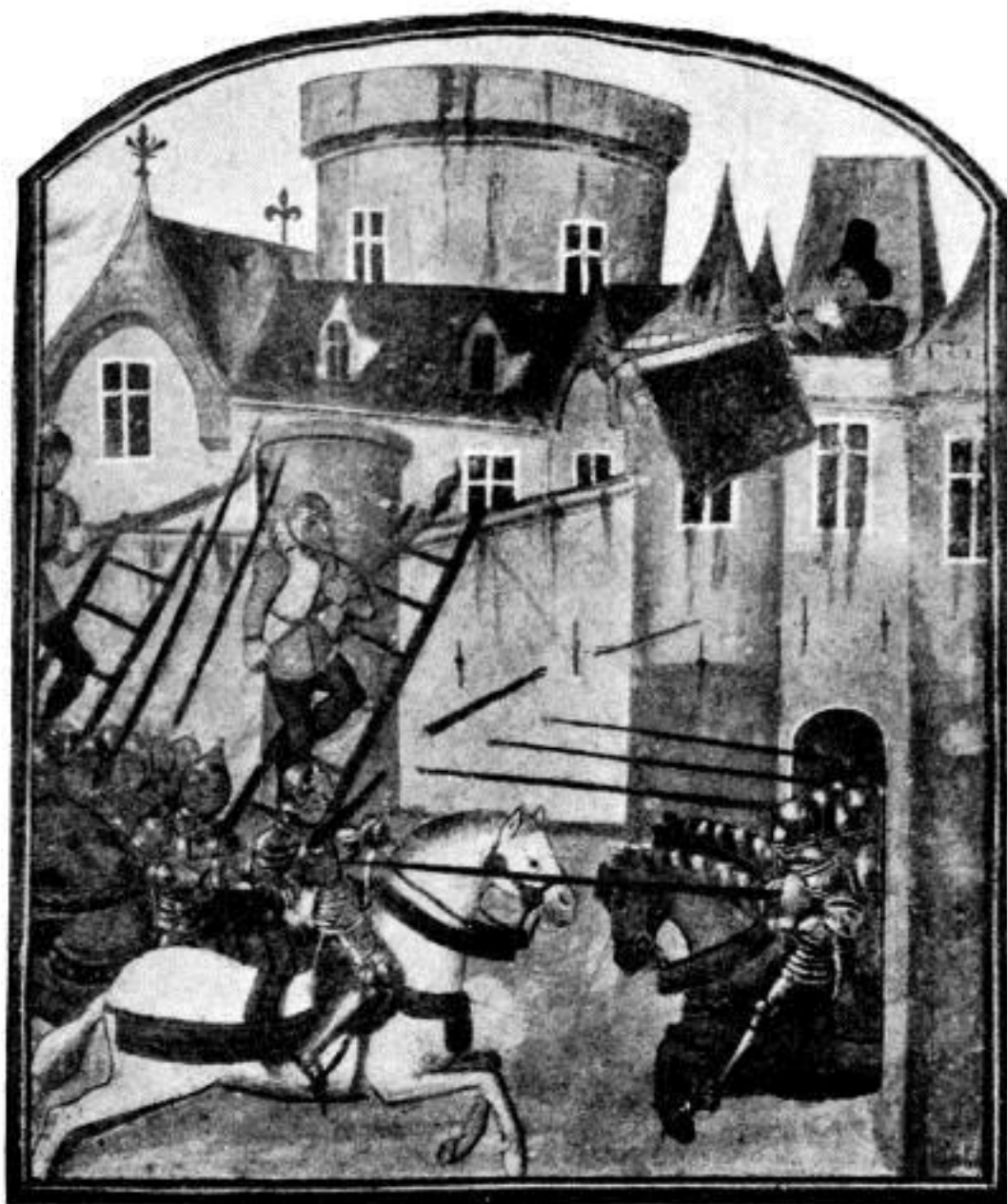
КОРАБЛИ ТОГО ВРЕМЕНИ

Из MS. в Brit. Mus. Reg. 15, Ed. IV.

Генрих снова стал королем и поселился в епископском дворце. Парламент, созванный в спешке, собрался в палате Святого Павла и назвал Эдуарда узурпатором. Но мэр позаботился о том, чтобы быть больным и прикованным к постели. Его место занял Кок, что, по-видимому, увеличивает вероятность этой предполагаемой измены. Реставрация несчастного Генриха продолжалась шесть месяцев. В апреле Эдуард снова въехал в Лондон с обычными ликованиями, немедленно выступил вперед, встретил Уорика в Барнете, победил и убил его, вернулся для новых ликований и для того, чтобы отвести Генриха, облаченного в длинное платье, как постельничего, обратно в Тауэр, а затем отправился на запад, где в Тьюксбери произошло окончательное крушение дела ланкастерцев.

Затем последовала, как и в Лондоне, галантная попытка капитана, известного как Бастард из Фальконбриджа. Мы можем рассматривать этого предводителя как вольного разбойника и пирата, а можем - как верного и преданного последователя Уорика. С любой точки зрения это яркий эпизод как в истории того времени, так и в истории Лондона. Более того, это одно из немногих ранних зафиксированных появлений английского моряка.

Томас, бастард Фальконбридж, был незаконнорожденным сыном Уильяма Невилла, лорда Фальконбриджа или Фальконберга, графа Кента, и братом графа Уорика. Он получил свободу Сити в 1454 году, за семнадцать лет до своего покушения. (Sharpe, London and the Kingdom.) Эта награда была дана в знак признания его заслуг в связи с уничтожением пиратов в устье Темзы. Что касается его возраста, то если в то время ему было около двадцати пяти лет, то когда он повел своих людей на осаду Лондона, ему было бы около сорока. Он отнюдь не был неизвестным или малоизвестным человеком. Граф [Уорик4](#) назначил его вице-адмиралом моря, "чтобы никто не мог пройти от Кале до Дувра на помощь Эдуарду" - должность, несомненно, ответственная. Затем, рассказывает Графтон, будучи загнанным в нужду и нищету, он стал пиратом и благодаря своему разбою и "постыдному разглагольствованию" собрал большой флот кораблей. Нам не нужно верить в пиратство; вероятно, он держал флот для графа Уорика, которому, похоже, был верен как моряк. Также нет ничего, что свидетельствовало бы о нужде и бедности. Услышав, однако, что его покровитель снова в строю, Бастард решил нанести ему удар. Он высадился на побережье Кента и собрал большой отряд кентишцев, которые, похоже, простили Генриху его вероломство в деле Кейда и теперь присоединились к стойкому моряку, называвшему себя капитаном людей короля Генриха в Кенте. Поэтому он не был мятежником, он был солдатом на стороне Красной розы. Он отправил свои корабли вверх по Темзе с приказом ожидать его прихода в бассейне у Блэуолла; с 17 000 человек он прошел через Кент и появился перед воротами Лондонского моста. Он написал мэру из Блэкхита, прося разрешения пройти через Сити и обещая, что никто из его людей не будет совершать насилия. Что должны были делать корабли в это время, не сообщается. Однако это очень похоже на попытку захвата города. Несомненно также, что он не получил известий о Барнете и о смерти своего знаменитого кузена. Битва при Барнете произошла 13 апреля. Новости, конечно, могли дойти до Сити в тот же день, в течение двух-трех часов. Но вполне возможно, что в те беспокойные времена, когда обычные каналы связи были прерваны, новости могли не дойти до Кента в течение нескольких недель. Как бы то ни было, и когда бы Фалконбридж ни узнал об этом, он не знал о смерти Уорика, когда начал собирать своих людей.

БАСТАРД ФАЛЬКОНБРИДЖ АТАКУЕТ ЛОНДОНСКИЙ МОСТ

Из документа, хранящегося в университетской библиотеке Гента.

Шарп нашел в архивах города письмо Фальконбриджа и ответ мэра. В последнем говорилось, что он мог бы получить поручение для графа Уорика, но граф Уорик мертв, убит на поле Барнета вместе со своим братом Монтегю. Кроме того, после этой битвы за неделю до нее (это было 11 мая, а Тьюксбери - 4 мая) произошла другая, при Тьюксбери, о которой у них есть определенные сведения от их собственных беглецов: сэр Эдуард, сын Генриха VI, был убит после этой битвы. Поэтому они убеждали этого капитана распустить свои войска и признать короля Эдуарда IV. Но что касается проезда через Сити, то они решили, что он не должен этого делать. Бастард признался, что не верит в то, что Уорик и принц Эдуард мертвы; возможно, он и в самом деле не верил в это. Однако в последующем он, несомненно, выказал намерение стать хозяином Сити, если сможет, и мэр, очевидно, понял это его намерение, так как приступил к укреплению берега реки, который, поскольку стена была давно снесена, теперь был доступен в пятидесяти местах по лестницам и узким переулкам и дворам, ведущим от Темз-стрит к реке. Со времен короля Канута Сити не

подвергался угрозе нападения со стороны реки. Подробности последовавшей за этим битвы весьма скудны. Фальконбридж высадил часть своих людей - три или четыре тысячи - у Сент-Кэтрин и попытался одновременно атаковать Бишопсгейт, Олдгейт, берег реки и Лондонский мост. Фабиан говорит, что они стреляли из ружей и стрел и расстреливали ворота, но, тем не менее, похоже, что они ничего не добились в своей атаке со стороны реки; в Олдгейте они действительно вошли внутрь, но португал был опущен, и никто из них не смог выбраться обратно. Роберт Бассет, доблестный олдермен Олдгейтского прихода, отличился своей храбростью в этом случае. Он отогнал кентских людей, обратил их в бегство и убил три сотни из них, пытавшихся добраться до своих лодок в Блэкуолле. Тем временем Фальконбридж с основной массой своих людей пытался пробиться через Лондонский мост. Услышав об отпоре у Олдгейта, они пали духом и бежали, преследуемые до самого Дептфорда, причем многие из них были убиты. Ральф Джослин, покойный мэр, командовал горожанами; он, как и Роберт Бассет, проявил доблесть. Многие из мужчин были взяты в плен и удерживались для выкупа, "как если бы они были французами", - говорит Фабиан. Восстание было расценено как мятеж, и многие были казнены за участие в нем. Капитан сел на корабль и на следующую ночь спустился вниз по реке вместе со своим флотом и таким образом спасся. В Сэндвиче он укрепился, так как, имея 47 кораблей и 800 человек, был достаточно силен, чтобы диктовать свои условия - помилование для себя и своих людей, в обмен на которое он был готов отдать корабли в руки короля. Эдуард согласился, и Бастард действительно отдал свои корабли. Шесть месяцев спустя мы узнаем, что он был схвачен в Саутгемптоне; и, неизвестно под каким предлогом, его обезглавили. Как же нам называть Бастарда - пиратом или патриотом? Генрих еще жил, хотя часы его были сочтены, ибо по возвращении Эдуарда - его привезли - было объявлено, что он умер, не встретив ничего, кроме забот и печали, за всю свою жалкую жизнь. Говорят, что его убил Глостер - не Хамфри, конечно, а Ричард; впрочем, о Глостере говорят, что он убивал всех; традиция делает его универсальным убийцей. В то же время, поскольку все остальные члены ланкастерской партии были убиты, убийство Генриха как бы завершает дело. Поединок, состоявшийся так скоро после Тьюксбери и не затронувший это событие, стал великолепным примером лояльности города. Как бы поступил мэр, если бы Тьюксбери пошел по другому пути, сказать невозможно. Преданность, верность, честь, правда в Войне Роз не пережили поражения. Однако победа приносила им огромный стимул. И когда Эдуард вернулся в Лондон, он с радостью услышал, что пока он громил своих врагов на западе Англии, его верный Сити, его "Палата", храбро избавила его от всех, кто остался на юге.

О битве у Лондонского моста рассказывается в одной из современных баллад:...

"В Сотверке, в Бамбере хет, и в Кингстоне эке,
Бастард и его подлость в противостоянии с ним,
В Лондоне много людей, которые были красивыми, они сделали секе,
Ни мужчины, ни женщины, ни дети там не могли не грести,
Оксин, шпек и вetail, без всякого понижения,
Они черствели и катили вечно туда и сюда.
Бог дает им много сил, чтобы их воля была исполнена.
Сколько сожаления и стыда причинили им эти злодеяния,

Fayre placis they brend on the water side.

Thayre myschevus dedis avaylid ham noughte,

Schamfully thay wrougte, and so them betyd.

Они не выказывали злобы, но были в обиде,

Они проклинали Эдуарда и Варвика.

Таким образом, Божий промысел во всех делах исполняется.

В Лондонской бригаде они сделали асаут, притворный на вид,

Ворота на бригге заложили огнем;

В Лондоне стрелы пускали с питом.

С пушкой они поспорили, что в мире лежит сумма.

Они просили жалованье у брыгов, они платили им наем.

Когда у них было хуже, тогда они уходили,

Лжецы должны быть поинтереснее, воля Божья такова.

В лондонском бриге анодир пил, которые они сделали,

Wyth gunpowdir and wildefire and straw eke;

От ворот до ничьей, что сбиты в кучу,

Что x myle men mygte se the smeke.

Они не были из тех, кто не был в лесах.

Ибо в цит они не приходили ни за хлебом, ни за ухой;

Бог усмирил их злобу, а умысел их был таков.

At Alegate thay sawtid in an ill seasoun;

Thay brente fayre howsis, pitie was to se.

Таким образом, эти лживые люди сделали орыне tresoun,

Supposynge evermore to enture into cite.

God and good seyntes thereof had pitie.

Тейр злобы был сэсид и обратил его к уходу.

Так во всем, Господи, да будет воля Твоя.

Эрл Эсекса, а также Альдурмен,

У ворот Бысхопуса встретились они,

И стали шить, как мужественные мужчины.

Они опустили подол, и никто не мог его оставить;

Свежее на тереме в тот день, и они сражались.

А ложный трезон привел их в ужас;

Так во всех делах, Господи, будет воля твоя.

Эрле Реверс, этот джентиль кныгте,

Благословен будь тот тим, что он нес.

Силой Божьей и великой милостью,

В тот день он бросил свои руки.

Брачующиеся были убиты, они кричали "Увы!".

А лживый Тресун привел его в дом,

Так во всех делах, Господь, твоя воля".

(Political Poems and Songs, Ed. III.-Rich. III., p. 277;

под редакцией Томаса Райта).

Когда эти волнения были утихомирены, а гражданские войны, по всей видимости, прекращены, город занялся вопросом нравственности.

Уильям Хэмптон, мэр города в 1473 году, придумал замечательный способ устрашения злодеев. До этого времени считалось, что одной пары колодок достаточно для всего города. Хэмптон установил по паре в каждом приходе. Он также охотился за женщинами развязного поведения; "он исправлял" - то есть порол -

"и заставлял их носиться по городу с лучевыми капюшонами на головах, разных и многих; и не пощадил ни одной за мзду или за благосклонность, которые были по закону приговорены, несмотря на то, что он мог бы взять xl фунтов красных денег, чтобы предложить их за то, чтобы избавить одного от этой порки." (Фабиан.)

Останки Генриха покоились в соборе Святого Павла и в Блэкфрайерсе. Это было необходимо того, чтобы люди поняли, что он действительно мертв и убран с дороги. Затем их перевезли в Чертси, где и похоронили. Эдуард посвятил в рыцари всех олдерменов. Шарп приводит список, в котором с огорчением нельзя найти ни Роберта Бассета, ни Ральфа Джослина.

В 1475 году Актом общего совета было предписано, чтобы выборы мэра отныне проводились мэром, олдерменами, членами общего совета и ливреями города. И так оно и осталось с тех пор. Только если город отдавал выборы ливреям, то в их число входили все, кто обладал свободой города, исключая любых других жителей, арендаторов, иностранцев, великих лордов или их приверженцев. Дом под названием "Gildhalla Teutonicorum", Стальной двор, был в этом году передан Ганзейскому союзу. История этого дома будет рассмотрена отдельно.

Еще две хартии были получены от короля. Одна из них давала разрешение на ограниченное владение землями в мортмейне, другая - привилегию на посылку, перевозку грузов, затаривание пряностей, отмеривание, виноделие и т. д., хартию торгового и технического характера.

Что касается остальных актов короля Эдуарда, то они мало касаются Лондонского Сити. Он развлекал мэра и олдерменов на охоте; он также послал леди-мэру шесть жирных баксов и тун вина, из которых они устроили большой пир в Драперс-холле; он убил своего брата, герцога Кларенса; он вторгся во Францию и вернулся обратно; - нужно сказать о его любовнице, Джейн Шор; - и он занял много денег, которые не вернул.

История любовниц короля вряд ли должна претендовать на место в истории Лондона. Однако среди этих фавориток есть одна или две, которые каким-то необъяснимым образом завладели воображением людей и завоевали их симпатии. Почему мы больше думаем о Джейн Шор, чем об Алисе Перрерс? Почему из длинного списка хрупких красавиц при дворе Карла II мы останавливаем свой взгляд на Нелл Гвинн и пренебрегаем остальными? Несомненно, что не только при жизни, но и много позже Джейн Шор вспоминали с добротой и жалостью. Все знают ее историю: она была женой лондонского горожанина, ювелира; она привлекла внимание человека, который, по общему мнению, был самым красивым мужчиной в стране, хотя, несомненно, был и самым беспутным. Однако, если верить портрету Эдуарда IV, хранящемуся в Обществе антикваров, его красота заключалась не в лице, а в росте и силе, которые и создали ему такую репутацию. После его смерти Джейн Шор, чей муж бросил ее, попала во власть Гастингса или маркиза Дорсета. Когда Гастингс был обезглавлен, Ричард попытался уличить ее в колдовстве, вероятно, у него была какая-то личная причина для злобы на Джейн Шор. Попытка не удалась, и он обвинил ее в безбрачии, чего нельзя было отрицать. Ее отвели в епископский дворец, одели в белую простыню, вложили в руку восковую лампадку и повели в собор рядом с дворцом, где она предложила лампадку, и к Кресту Павла, где она исповедалась в своих грехах. Приятно думать, что бедняжке пришлось пройти столь короткое расстояние в таком плачевном обличье. Некоторые, как говорит Стоу, могут счесть эту женщину "слишком незначительным существом", чтобы о ней писать: но кто может читать слова могильного сэра Томаса Мора и при этом думать так? И нельзя читать слова самого Стоу, не чувствуя, что это была не обычная женщина, которая могла так привлечь к себе все сердца; которая могла оставить после себя память о стольких добрых делах; которая искупила молодость столь пышных грехов старостью такой ужасной бедности и пренебрежения.

Вот слова сэра Томаса Мора:

"Роста она была среднего: волосы темно-желтые, лицо круглое и полное, глаза серые, тонкая гармония между пропорциями каждой части и цветом каждой пропорции; тело толстое, белое и гладкое; лик веселый и соответствует ее состоянию. На картине, которую я видел, она была изображена так: утром она вставала с постели, на ней не было ничего, кроме богатой мантии, накинутой под мышкой, через плечо, и садилась в кресло, на котором лежала ее обнаженная рука. Как звали ее отца и где она родилась, доподлинно неизвестно, но Шор, молодой человек с хорошей фигурой, богатством и поведением, покинул ее постель, после того как король сделал ее своей наложницей".

И, далее, послушайте Стоу: - "Эта женщина была рождена в Лондоне, благоговейно дружила, честно воспитывалась и очень удачно вышла замуж, сохранив несколько слишком ранний брак; ее муж был честным гражданином, молодым и благочестивым, и хорошего достатка. Но сколько они ни соединялись, пока не созрели, она не очень горячо любила, по кому никогда не тосковала, что, к счастью, тем легче заставляло ее склоняться к аппетиту короля, когда он требовал ее. Однако уважение к его королевской власти, надежда на шикарные наряды, легкость, удовольствия и прочее безрассудное богатство не раз могли пронзить мягкое нежное сердце.

Но когда король надругался над ней, один из ее мужей (поскольку он был честным человеком) оставил ее совсем.

Когда король умер, ее взял к себе лорд-камергер, который в дни короля, хотя и был сильно очарован ею, все же берег ее, то ли из почтения, то ли из дружеской привязанности. Она была хороша и прекрасна: в ее теле не было ничего такого, что могло бы вызвать у вас недовольство, но если бы вы пожелали, чтобы она была несколько выше.

Так говорят те, кто знал ее в юности. Хотя некоторые, кто видит ее теперь (ибо она еще жива), считают, что она никогда не была хорошо видна, и их суждения кажутся мне чем-то вроде того, как если бы люди оценивали красоту той, что давно умерла, по ее скальпу, вынутому из чертога: так и теперь она стара, худа, увяла и высохла, не осталось ничего, кроме рваной кожи и твердых костей. И все же, будучи даже такой, кто посоветует ее лицо, тот может подсказать и придумать, какие части, как наполнить, сделают его прекрасным. И все же восхищала мужчин не столько ее красота, сколько ее приятное поведение. Ибо была она остроумна, умела и читать хорошо, и писать, весела в компании, начитанна и быстра в общении, не молчалива и не болтлива, иногда насмехалась без досады, а иногда не без отвращения.

Король рассказывал, что у него было три наложницы, которые по своим разнообразным свойствам значительно превосходили друг друга. Одна - самая веселая, другая - самая лукавая, третья - самая святая блудница в его царстве, как та, которую никто не мог вывести из церкви налегке ни в какое место, кроме как в свою постель. Двое других были несколько более значительными личностями и по смирению своему довольствовались тем, что были безымянными и не допускали похвалы за эти свойства. Но самой красивой была жена Шорса, которой король особенно дорожил. Ибо много у него было таких, но ее он любил, чьей благосклонностью, по правде говоря (ибо грешно было бы лгать дьяволу), она никогда не злоупотребляла ни для чьего вреда, но для утешения и облегчения многих людей: если король был недоволен, она смягчала и успокаивала его мысли: если люди были не в фаворе, она возвращала их в его милость. Многих, кто был сильно обижен, она прощала. За большие провинности она просила у людей прощения. And finally, in many weightie sutes she stooode many men in great steade, eyther for none or very small rewardes, and those rather gaye than riche: eyther for that she was content with the deed selfe well done, or for that shee delyted to bee sued unto, and to shewe what she was able to doe with the King, for what wanton women and wealthy be not always covetous.

Не сомневаюсь, что некоторые сочтут эту женщину слишком ничтожной, чтобы писать о ней и помещать среди воспоминаний о великих делах: почему и сочтут, что счастливы будут считать ее только по тому, что они теперь видят. Но мне кажется, что Чонс тем более достойна памяти, что сейчас она находится в самом нищенском состоянии, недружелюбна и измучена знакомствами, после хорошего состояния, после столь же великой благосклонности принца, после столь же великого внимания и заботы всех тех, кто в те дни имел дело ускорить, как и многие другие люди в те времена, которые теперь известны только по бесчестию их родителей. Его дела были не намного меньше, хотя их и помнят гораздо меньше, потому что они не были такими злыми. Ибо люди имеют обыкновение, если у них есть злой оборот, писать его на мраморе; а кто делает нам хороший оборот, мы пишем его в пыли, что не хуже, чем доказано ею: ибо в этот день она умоляет многих в твоём дневном ливинге, которые в этот день умоляли бы, если бы она не была бином."

"ИЕРАРХИЯ НАУК" В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЫСЛИ
Из Библии Берри в Британском музее. Harl. 1585.

Следует заметить, что Стоу говорит о Джейн Шор как о жившей в то время, когда он писал. Она родилась около 1450 года, а любовницей Эдуарда IV стала около 1470 года; король умер в 1483 году, и тогда она на короткое время стала любовницей первого маркиза Дорсета. Она была заключена в Тауэр по обвинению в колдовстве, ее товары были конфискованы и проданы, она совершала епитимью, как описано выше, ее заключили в тюрьму Ладгейт, она впала в нищету и дожила до преклонного возраста, умерев, как предполагается, около 1526

года, в возрасте семидесяти пяти или шести лет. Поскольку Стоу родился в 1525 году, как он может говорить о Джейн Шор как о жившей в то время, когда он писал? Очевидно, он цитирует какого-то более древнего писателя. Сэру Томасу Мору, родившемуся в 1478 году и умершему в 1535-м, было пять лет, когда Джейн Шор совершала покаяние; он вряд ли мог помнить это событие, даже если бы видел его. Несчастливая женщина также не могла сохранить большую часть своей ранней красоты, когда Мор был в возрасте, чтобы наблюдать и сравнивать. В то же время он наверняка знал немало людей, которые могли помнить лондонскую красавицу в ее гордыне, в полном расцвете ее щедрости, остроумия и изящества.

Похороны Эдуарда были отпразднованы с большой пышностью. Следующий рассказ взят из Archæologia, vol. i:-

"Когда этот благородный принц, добрый король Эдуард Третий, скончался в Вестминстере в своем палестре, это было в 5-й день апреля xxiii года его царствования:

Во-первых, корпус был положен на борд, весь голый, за исключением того, что он был покрыт от пупка до колен, и так лежал открыто X или XII часов, что все лорды, как духовные, так и временные, находившиеся тогда в Лондоне или в Нер-Терабуте, и лондонский мэр со своим братом видели, что он так лежал, и затем он был отсечен и т. д. и был внесен в часовню на следующее утро, когда были отпеты iii торжественных месс: первая - Богоматери, которую отпевал Шапелейн, и вторая - двора: iiide месса реквиема, которую отпевал епископ Чичестерский, а после обеда были отпеты дириж и славословие.

После этого он поставил у часовни дырявую псалтырь, а в вечернее время хорошо потчевал вельмож и других своих слуг, чьи имена были начертаны на часовом круге с первого дня, когда он был похоронен. А на заупокойной мессе лорд Дакр, камергер королевы, отпевал кену, и лорды-храмовники отпевали каждый день на этой сидячей мессе, но лорды-духовники отпевали не епископа, а верховного владыку, и другие слуги короля тоже отпевали: этот порядок соблюдался в палатках viii дней, сохраняясь после первого дня только на единственной мессе, которую всегда отпевал епископ: А в среду, в xvii день месяца, корпус был созван в аббатство, рожденное различными книксенами и эсквайрами, которые были при его теле: на корпусе была богатая и большая черная ткань из золота с крестом из белой ткани из золота, а над ним богатый канатий из ткани императорской, отделанный золотом и синим шелком. И на каждом углу по банеру. И лорд Говард, королевский знаменосец, стоял перед корпусом, а вокруг них стояли армеецкие офицеры. Там же была назначена достойная герза, подобная той, что явилась, имея перед собой величественную процессию. И в ней, над корпусом и золотой тканью, о которой говорилось выше, стоял человек, похожий на короля в королевском одеянии, увенчанный на голове настоящей короной. В одной руке он держал скипетр, а в другой - серебряный и золоченый с пластинкой шар. И после этого лорды, которые находились в герзе, и бишоппез вышли, вышел лондонский мейер, а за ним повар-юнга и другие юнги и книксены королевского дома с баронами эсквайра и олдерменами Лондона, куда они могли пойти. И когда масса была донна и все прочее торжественно, и что лорды были готовы ринуться, был заказан королевский шар, покрытый черным бархатом, имеющий вокруг черную одежду из золота с белым крестом из золота: под ним магическая одежда из черного сарсета, запряженная vi конями, запряженными черным бархатом с certeyn scochens betyn on sarsenet betyn with fyne gold. На передней и третьей лошадях сидело по два человека. А на iiiii oder hors satte iiiii henchemen. По обеим сторонам этого тягуна ехали разные книксены и эсквайры для тела и прочего: одни приставляли руки к тягуну, другие приставляли коней, пока они не миновали города, чьи названия следуют далее.

И лорд Хавард, королевский изгнанник, ехал следующим перед форшорсом, держа королевское знамя на кобыле, подбитой черным бархатом, с различными скоконами королевского оружия, с его сморщенным хаддом на голове. Когда корпус с вышеупомянутой персоной с процессией епископов в понтификалибзе и iiiii орденом фрез был доставлен в замок. И в порядке, указанном выше, в Чарингкросс, где епископы почувствовали шар, а лорды взяли своих лошадей, и так проследовали в Сайон в тот же день, где в церкви Доре епископы кадили корпус и т.д., корпус и персонаж родились, как и прежде, в куре. И епископ Дурезмский совершил службу. А на утро в таком же порядке, как и выше, он был доставлен в замок, а оттуда в Уиндесор".

ГЛАВА XIII

РИЧАРД III

После смерти Эдуарда IV герцог Глостерский поспешил схватить принца, своего старшего сына, тогда еще тринадцатилетнего мальчика, по дороге из замка Ладлоу в Вестминстер.

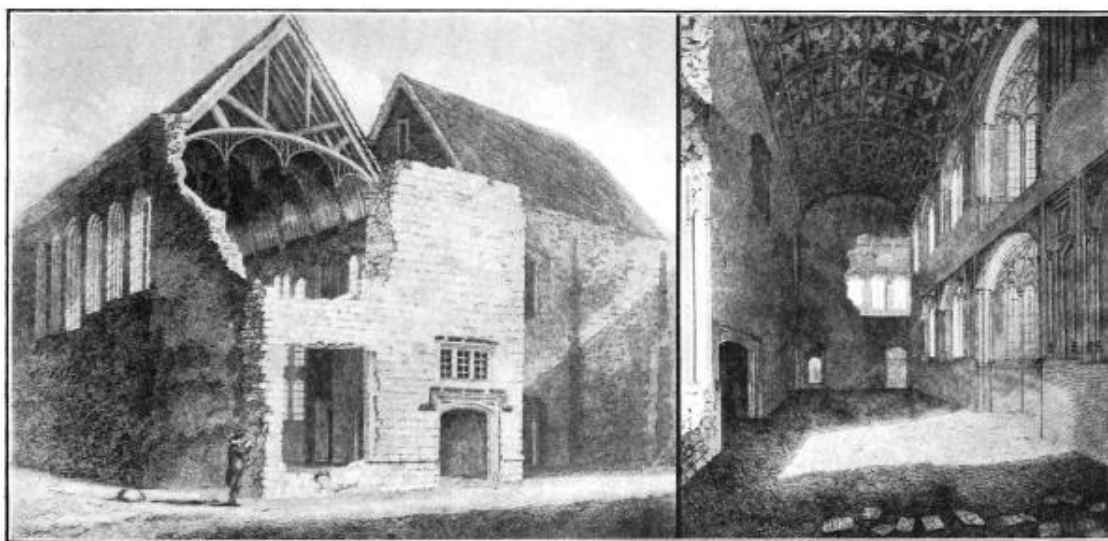
РИЧАРД III. (1452-1485)

После росписи в Виндзорском замке.

После этого город начал заниматься подготовкой к празднику коронации. Уже была организована гражданская процессия (Sharpe, *London and the Kingdom*, i. 319). Отцы города должны были встречать молодого короля, въезжающего в город: они должны были быть одеты в платья алого цвета, их сопровождающие, включая пять сержантов при булаве мэра и девятнадцать шерифов, должны были иметь платья цвета *ried de lyon*: меченосец и четыреста десять человек, составляющих депутацию от гильдий, должны были иметь платья цвета *murrey*. Выезд состоялся: процессия встретила молодого короля и герцога Глостера в Хорнси и поехала с ними обратно в Тауэр. В тот же день королева-мать с младшим сыном вновь укрылась в Вестминстере.

Глостер поселился в Кросби-хаусе или Холле, который до сих пор сохранился, хотя и сильно изменился. Дом был построен сэром Томасом Кросби, бакалейщиком и торговцем шерстью, в 1466 году на участке земли, принадлежавшем женскому монастырю Святой Елены, который был отдан ему Алисой Эшфилд, настоятельницей, на девяносто девять лет. Сэр Джон Кросби очистил участок от владений вместе с жившими в них бедняками и построил

дворец, где и умер в 1475 году. Когда срок аренды истек, не осталось ни одного женского монастыря, который мог бы претендовать на эту землю.

Гроув и Боултон.

Северо-восточный вид на зал Кросби и интерьер зала заседаний, зал Кросби

То, что последует далее, относится к истории Англии. Однако о ней следует рассказать вкратце, чтобы показать, какое участие в этих событиях принял город. Глостер начал с того, что без суда и следствия казнил лорда Гастингса, самого влиятельного друга молодого короля, по сфабрикованному обвинению в заговоре. Затем он созвал в Тауэр мэра и олдерменов и изложил им свою версию происходящего. Для него самого казнь отвечала его целям: она устраняла препятствие и провозглашала его власть. Затем он издал прокламацию об измене Гастингса, которого связывал с печально известной и разнузданной неводержанностью покойного короля. Затем он заручился благосклонностью Сити, одарив почестями городских магистратов. Лондон всегда был открыт для лести со стороны королевских особ. Он сделал мэра Тайным советником. Это, надо полагать, привлекло на его сторону не только самого мэра, но и некоторых олдерменов, а также брата мэра, доктора Шоу, известного проповедника. Было решено, что Шоу, который должен был проповедовать в следующее воскресенье в Полс-Кросс, должен открыть тему престолонаследия. Очевидно, что тема и содержание проповеди были согласованы заранее. Об этой проповеди "сообщается" в "Жизни Эдуарда V" Мора. Если его рассказ о ней правдив, то Шоу, должно быть, был одним из самых наглых лжецов, живших в то время. Его текст был взят из "Книги мудрости", и с самого начала было видно, в каком направлении пойдет проповедь. Слова "Негодяйские поползновения не пустят глубоких корней". Он сказал, что покойный король, пообещав жениться на леди Элизабет Люси, прежде чем она согласится на свое бесчестье, и родив от нее ребенка, уже был женат на ней - однако католический священник прекрасно знал, что не существует брака, кроме того, который празднует Церковь: поэтому его брак с Элизабет Вудвилл был недействительным, а его дети от Элизабет - незаконнорожденными. Поэтому, разумеется, они не могли стать наследниками.

Далее, ни покойный король, ни его покойный брат, герцог Кларенс, ни, следовательно, сын Кларенса не имели никаких прав на престол, потому что, как было хорошо известно - утверждение могло иметь какую-то незначительную основу в скандалах и сплетнях, но не могло быть известно гражданам, - их мать, покойная герцогиня Йоркская, была прелюбодейкой, а эти два принца были детьми некоего человека при дворе герцога

Йоркского. "Но, - вскричал он, - в предках мой лорд-протектор, этот благородный принц, образец всех добродетельных и героических поступков, носил в своем воздухе, в своей манере поведения и в своей душе совершенный образ своего прославленного отца, великого герцога Йоркского".

По мнению некоторых, Глостер должен был появиться в этом месте как бы случайно, но он не пришел. То ли он перепутал время, то ли ему помешали, то ли разум его помутился, то ли в замок Байнарда, который находился не более чем в пяти минутах ходьбы, пришло известие, что люди замерли и притихли. Если эта версия верна, то *переворот* был упущен. Однако Фабиан утверждает, что герцог Глостерский в сопровождении Бекингема и других лордов присутствовал при проповеди, в которой его мать клеймили как прелюбодейку. Охотно верится, что Фэбиан ошибался. В последующем можно надеяться, что он был прав. Ведь он рассказывает, что доктор Шоу никогда не переставал испытывать муки раскаяния за эту проповедь, из-за которой погибли два невинных мальчика, и что вскоре после этого он умер. Затем мэры и олдермены, Общий совет и главные горожане были созваны в Гилдхолл, чтобы выслушать герцога Бекингема о государственных делах. Город замер в молчаливом удивлении: большинство людей знали или боялись, что их ждет. Принцы в Тауэре; святилище нарушено по приказу архиепископа; Гастингс казнен; Шоу объявил о незаконнорожденности принцев и их отца; что, кроме одного, могли означать эти действия? Однако горожане собрались в молчании, и в молчании они стояли, пока Бекингом в длинной оратории пытался привести их к желаемой точке зрения. Если все изложено верно или только по существу, как он это сделал, речь следует признать выдающейся. К сожалению, ее следует считать апокрифической, как это обычно бывает с историческими речами. Однако, как сообщается, он нападал на нравы короля, его разврат и недержание, что было легко; он просил их вспомнить многочисленные жестокости его правления, что тоже было легко - но Эдуард был не более мстителен и кровожаден, чем его враги; он напомнил о кровопролитии и резне, через которые он вззошел на трон, о тяжелых налогах, которые он ввел, - и в этом он выгодно отличался от своих предшественников; он повторил клевету и заявления д-ра Шоу; он показал - и это было не так уж и плохо - что он был не в состоянии сделать. Шоу; он показал - и это был самый трогательный аргумент из всех - страдания от того, что королем является ребенок. "Vaе Regno cuius Rex puer est!" Какие страдания выпали на долю королевства во время долгого несовершеннолетия Генриха VII! Наконец, он обратился к ним с горячим призывом провозгласить Ричарда, герцога Глостерского, законным королем Англии. Никто не ответил: горожане стояли в холодном молчании. Герцог повторил часть своей речи: они по-прежнему оставались бесстрастными. Мэр предположил, что, возможно, их возмутило обращение того, кто им не принадлежит: они ожидали услышать голос своего регистратора. Поэтому герцог приказал регистратору обратиться к ним в соответствии с городским обычаем. Регистратор так и сделал, повторив слова самого герцога. Однако горожане по-прежнему хранили молчание. Тогда Бекингом заявил им, что их голоса в этом деле вовсе не нужны: вопрос о престолонаследии уже решен лордами. Он пригласил их высказаться в качестве комплимента городу. Однако они могут ответить "да" или "нет" - хотят ли они, чтобы над ними царствовал Протектор? Несколько шляп были подняты вверх с возгласом: "Король Ричард! Король Ричард! После чего герцог заявил, что горожане единоклассны, и удалился. На следующий день Ричард, находившийся тогда в замке Байнард, а не в Кросби-Хаусе, как принято считать, принял мэра и олдерменов и, сделав вид, что это совсем не по его желанию, принял предложенную корону.

В мертвой тишине, не выражавшей ни одобрения, ни несогласия, которой была встречена речь герцога, можно прочесть тревогу, сомнение и даже ужас. История Генриха III., Ричарда II., Генриха VI. - все они громко кричали об опасностях, подстерегавших страну, королем

которой был ребенок. Все реки крови, разрушение знатных домов, потеря Франции, национальное унижение, растрата сокровищ, разорение торговли за последние шестьдесят лет были вызваны слабостью короля-ребенка и раздорами его опекунов. Неужели все эти беды должны были начаться снова? Казалось бы, да. Подобные колебания мы наблюдали и у архиепископов по поводу вторжения в Санктуарий. Оба принца, если бы младший присоединился к брату в Тауэре, были бы наверняка убиты; в этом никто не сомневался; но все же - что такое жизнь этих двух мальчиков по сравнению с шансом вновь принести мир в эту смятенную страну? Поэтому я считаю, что архиепископы дали согласие на удаление младшего мальчика и нарушение Санктуария сознательно, прекрасно зная заранее, что дети будут убиты: все же они чувствовали, что зло долгого меньшинства гораздо хуже, чем убийство двух мальчиков, и что сильный король, сидящий на троне, каким бы он ни стал, был прежде всего нужен растерянной, обескровленной и обедневшей стране. Точно так же я считаю, что в Сити выдвижение Ричарда было делом, согласованным с городом - несомненно, согласованным - намеренно и, возможно, единогласно, а может быть, и в тяжелом состоянии духа, - чтобы предотвратить худшие беды.

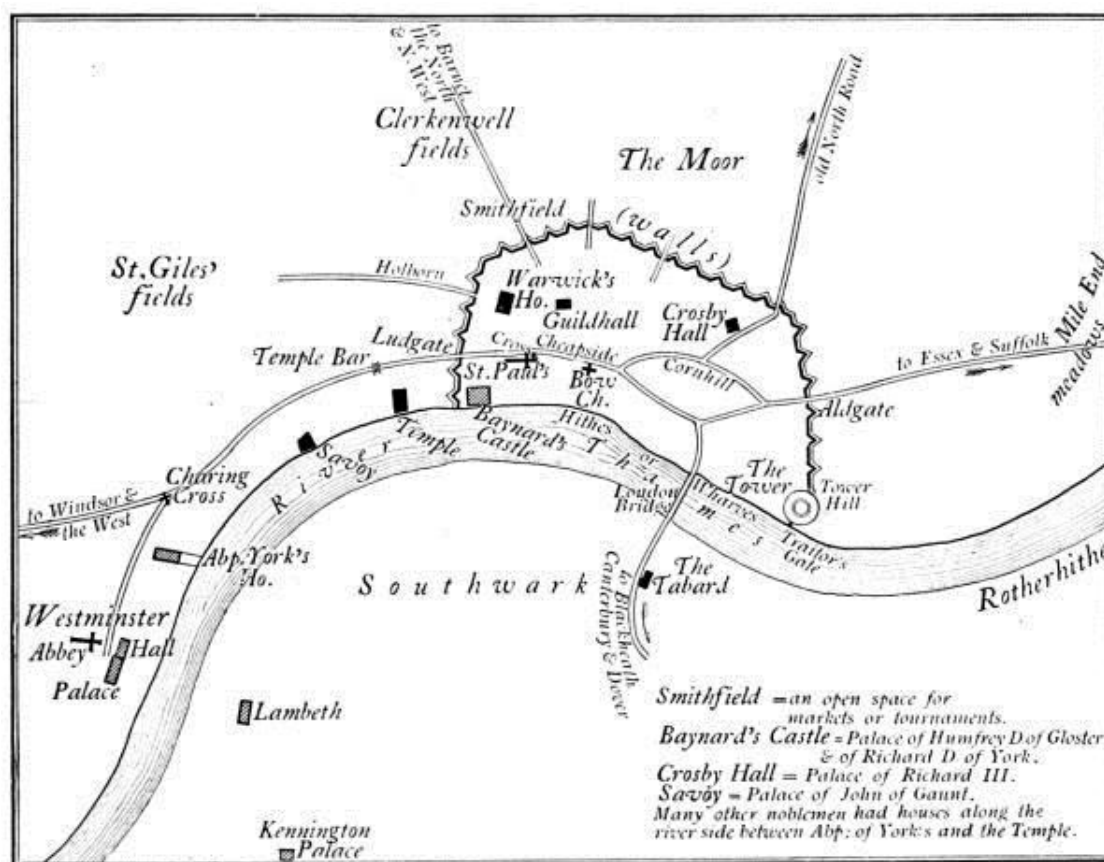
После поражения и смерти Бекингема Ричард получил лояльный прием от жителей города вместе с петицией, в которой горожане смело заявили ему, что больше не намерены жить в рабстве, "угнетаемые и обижаемые поборами и новыми поборами, противоречащими законам Божьим и человеческим". Ричард благосклонно принял этот протест и принял закон, признающий, что вымогательство денег под именем благотворительности неконституционно. Он также порадовал город, запретив купцам-иностранцам иметь подмастерьев-иностранцев. В 1484-85 годах, когда стало известно, что Генрих Тюдор предпримет попытку вторжения, Сити предоставил королю сначала 2400, а затем 2000 фунтов стерлингов. Получив такую помощь, Ричард выступил из Лондона и встретился со своим врагом на Босвортском поле.

Со смертью Ричарда мы можем с полным правом завершить историю средневекового Лондона. Сити больше не стоит в изоляции, окруженный своими серыми старыми стенами: на востоке и севере за стенами возвышаются пригороды: вдоль дорог стоят трактиры, таверны и дома на полмили за воротами: Вестминстер соединен с Лондоном милей дворцов, а также речной магистралью: старая опасность, что Сити может стать еще одной Венецией - государством в себе - исчезла: другая опасность, что он будет захвачен любым королем и лишен своих свобод, также исчезла. Лондон был главным городом королевства, центром парламента, центром интеллектуальной жизни. Его институты к этому времени полностью выросли и сформировались.

ЧАСТЬ II

СОЦИАЛЬНАЯ И ОБЩАЯ

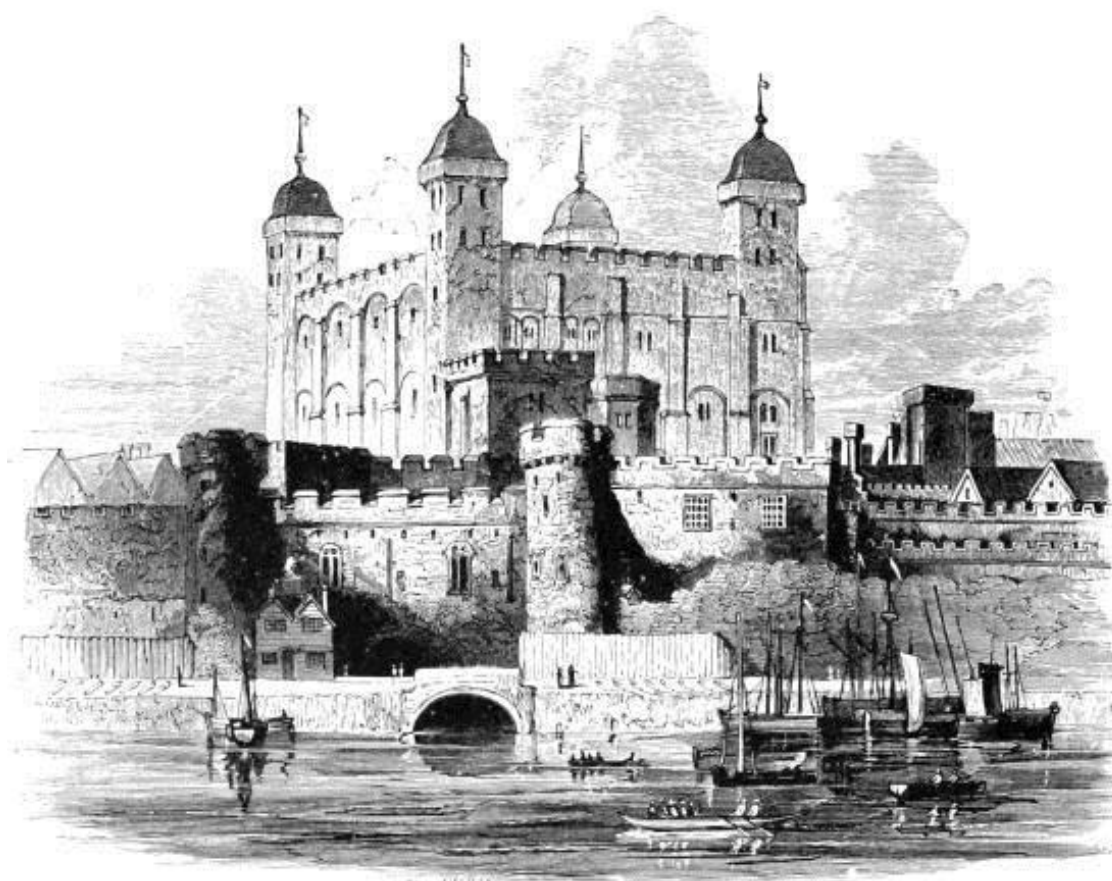
ГЛАВА I ОБЩИЙ ВЗГЛЯД

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ЛОНДОНА В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Давайте вернемся в четырнадцатый век; прогуляемся по Лондону во времена правления Эдуарда III, великого капитана и славного государя. Прежде чем войти в Сити, мы сначала встанем на стену и посмотрим на страну за ее пределами. Сама стена, римского происхождения, как фундамент и основа, неоднократно облицовывалась, переделывалась и ремонтировалась. Однако, как и в римские времена, она снабжена круглыми бастиянами, расположенными на расстоянии около 250 футов друг от друга. Один из этих бастиянов, сильно перестроенный, открывает вид на церковь и церковный двор Святого Джайлса в Крипплгейте, а башни, возведенные через неравные промежутки, относятся к периоду после римлян. Высота стены составляет двадцать два фута, высота башен - сорок футов.

Стена выдержала шесть последовательных осад датчан, а в 1052 году - графа Годвина.

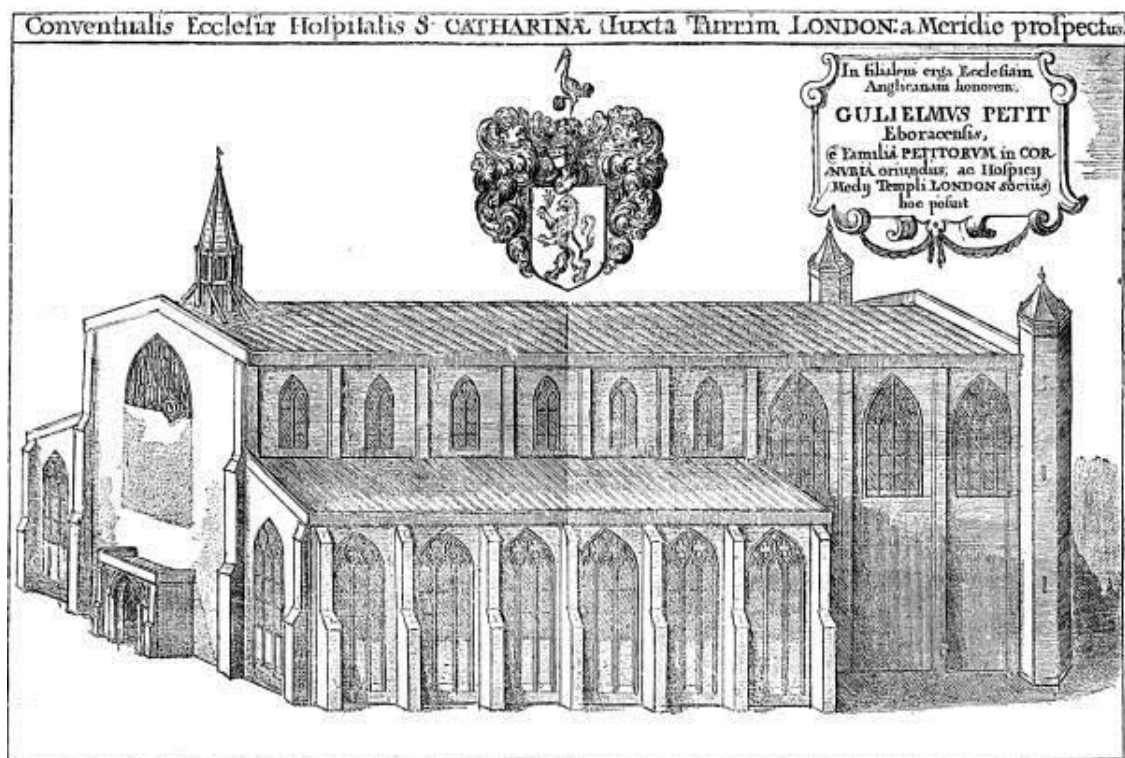

БЕЛАЯ БАШНЯ

Самым значительным ремонтом стены за последнее время был ремонт баронов в 1215 году, которые, войдя в город через Олдгейт, ворвались в дома евреев, разграбили их и забрали все их деньги, а камни из их домов использовали для ремонта ворот и стены. В 1257 году Генрих III приказал вновь отремонтировать и укрепить стену. В 1282 году юго-западный угол был сдвинут на запад, чтобы оградить дом доминиканцев, недавно переехавших из своего старого дома в Холборне. Эта новая часть стены поднималась вдоль берега Флита. Она строилась, но очень медленно, силами корпорации. Еще раз, в 1328 году, стены были отремонтированы, и еще раз в 1386 году, когда возникла угроза французского вторжения, и горожане в большой спешке отремонтировали стену и ворота и расчистили ров. Частота ремонтов, по-видимому, свидетельствует о плохой и неряшливой работе. В 1477 году стена была укреплена во многих местах. После этого, похоже, для нее практически ничего не делалось.

Длина стены составляет 2 мили и 605 футов. Снаружи она снабжена бойницами, а внутри - выступом или площадкой шириной в два-три фута для защитников. Возможно, внутри также были какие-то перила для защиты; однако перила, которые иногда встречаются на старых стенах, до сих пор существующих, как в Честере, являются современными; мы наблюдаем, что стены Йорка, Аигуэса Mortes, Авиньона и других мест не имеют никаких перил. За пределами стены находится ров, широкий и глубокий, впервые построенный в начале тринадцатого века; вода в нем течет благодаря водопропускной трубе в стене, которая отводит ее в старое русло Вальбрука; она обновляется и сохраняет свежесть благодаря небольшим ручьям, которые впадают в него из Мурфилда; в нем полно рыбы, но поскольку ничто не может удержать людей от бросания в него вещей, вода постоянно становится все более мелкой, и ров постоянно нуждается в углублении. Белая башня построена на первоначальном восточном конце стены. К северу от башни, с восточной стороны, находится

поздний столб, дающий доступ к берегу реки; он служит входом в два религиозных дома, но жилых домов там нет. Один из религиозных домов - Сент-Кэтринз у Тауэра - стоит на берегу реки. Это совсем небольшой фонд, но с самого начала он был тесно связан с королевами Англии. К северу от Сент-Кэтрин возвышается величественное аббатство Грейс, Грейс, или Истминстер, не один из самых богатых монастырей, но важный дом, снабженный очень красивыми зданиями (см. т. ii. п. iii. гл. xxvi.). Между рвом и монастырем находится открытое пространство, называемое Маленьким Тауэрским холмом с каменным крестом.

ST. ЕКАТЕРИНЫ У БАШНИ

Из "Монастикона" Дагдейла.

Городской ров начинается к югу от Смитфилда под углом. Вдоль западной стены нет рва ; вероятно, его никогда и не было, река Флит служила здесь рвом. Через ров перекинут мост, соединяющий постерн серых монахов, и еще один - у Олдерсгейта.

Когда мы идем вдоль стены на север, оглядываясь на крепостные стены, мы видим, что по широкому участку ровной земли проходит дорога. Она ничуть не похожа ни на современную, ни на римскую дорогу; это просто широкая травянистая колея, разбитая ногами лошадей и колями, которые и широки, и глубоки, потому что колеса широкие, а телеги тяжелые. Вдоль дороги то тут, то там растут деревья; по полям разбросаны хозяйственные постройки, амбары и сады. Сейчас наш обзор через поля закрывает дом Sorores Minores, сестер святой Клэр. Вы можете видеть монахинь, гуляющих в своем монастырском саду; здания, лежащие среди садов и огородов, выглядят странно тихими и спокойными. Что касается сестер, то они слышат добрыми и благочестивыми; голос злословия может свободно раздаваться в адрес монахов-мендикантов и богато одаренных монахов, но в отношении этих францисканских сестер никогда не было произнесено ни слова, ни шепота злословия. Ферма рядом с их домом, с лугами, хозяйственными постройками и хозяйственным двором, богатым коровами, овцами, свиньями и птицами, принадлежит добрым сестрам и возделывается для них. Это один из самых древних рыночных садов Лондона.

Мы подъезжаем к первым из городских ворот - Олдгейту, иначе называемому Алгейт или Алегат; но, по мнению профессора Скита, *Алд* - это мед. англ. *old* - *старый*. Это не одни из римских ворот, потому что римляне не стали бы делать ворота, открывающиеся просто наружу, и с этой частью стены не была связана римская дорога. Тем не менее, это достаточно древние ворота. Ворота двойные, с двумя портупеями, но разводной мост стал практически постоянным; рядом с воротами находится скит. Такие скиты у ворот и мостов не редкость. Отшельник живет на милостыню прохожих и обещает взамен свои молитвы. Иногда в одной келье селятся два или три отшельника; их благочестие иногда вызывает сомнения; но о благочестии олдгейтского отшельника я ничего не слышал. Неизвестно, когда впервые были построены эти ворота: несомненно, до эпохи Фиц Стефана; возможно, после прихода Завоевателя. Если угодно, мы можем приписать их открытие Генриху I, связав это с традицией, по которой его королева была строителем Боу-Бридж. По соседству с этими воротами, много лет спустя после рассматриваемой нами эпохи, на глубине шестнадцати футов были найдены римские монеты.

У каждых городских ворот есть сержант-ат-армс, который занимает покои над воротами, и в его обязанности входит ночной дозор, которому помогает сторож (*вайт*), которого он содержит за свой счет. Днем каждые ворота, согласно городским правилам, охраняются двумя хорошо вооруженными людьми; иногда бедель получает распоряжение созвать мужчин прихода для вооруженной охраны ворот, а отсутствующие находят себе замену за свой счет. Это делается в качестве напоминания об их долге. Городские ворота, ворота Лондонского моста и городские постеры время от времени сдаются в аренду определенным лицам, несомненно, ради прибыли, получаемой от сбора пошлин; Джеффри Чосер в это самое время взял в аренду ворота в Олдгейте. Смотрители городских ворот поклялись, помимо прочего, не пропускать в город прокаженных.

Ньюгейт и Ладгейт с незапамятных времен были тюрьмами. Все палаты над всеми воротами сдаются в аренду с условием, что они могут быть использованы в качестве тюрем, если в них возникнет необходимость.

ЧАУКЕР

От Элсмира МС.

На северной стороне, сразу за воротами, стоит одна из церквей, посвященных святому Ботольфу, святому, защищающему путников. Первая церковь, построенная за стеной, должно быть, была возведена, когда времена немного устоялись, - было бы мало смысла строить церковь, которую в любой момент могли разрушить мародеры. Так как Ботольф был саксонским святым, эта церковь была построена после того, как датчане приняли христианство, но до норманнского завоевания. В честь святого Ботольфа старый город Иканхо сменил название на Ботолфстаун, или Бостон.

За церковью находятся несколько трактиров для удобства путешественников, среди них - "Монашеский". Сюда приезжают все путешественники и повозки из Эссекса, сада Англии. В широком дворе гостиницы стоят в безопасности крытые повозки, груженные и нагруженные доверху, чтобы утром отправиться на рынок. Примерно в ста ярдах за воротами находится Олдгейтский бар, соответствующий более поздней вертушке. Есть и другие бары, обозначающие границы городских свобод, но расстояние от каждых ворот не всегда

одинаково. Например, Темпл-бар находится далеко за Ладгейтом; Олдерсгейт-бар - у северного конца Олдерсгейт-стрит; Бишопсгейт-бар - у богадельни приора, Нортон Фолгейт. Вдоль широкой травянистой дорожки за Олдгейт-Бар стоит маленькая белая часовня Святой Марии Матфелон, и уже есть несколько домов, но не так много. За Олдгейтом и перед Бишопсгейтом стена идет в северо-западном направлении; на противоположном берегу рва есть несколько небольших домов. В этом месте канава называется Хаундсдитч, потому что, как говорят, "сюда бросают дохлых собак". Но мертвых собак бросают и в другие канавы. Люди не несут мертвую собаку к этому участку стены, чтобы бросить ее в канаву, так что эта деривация не совсем верна. Хаундсдитч, вероятно, был назван так из-за псарен, стоящих на северной стороне - в народе их называют "собачьими домами". Разведение собак для охоты - очень важная отрасль торговли, которой можно заниматься только на открытой местности за стенами Сити. С северной стороны рва была возведена невысокая стена, чтобы предотвратить сбрасывание в него мусора, но, судя по всему, безрезультатно. За стеной простираются широкие поля, принадлежащие Приорату Святой Троицы.

Следующие ворота - Бишопсгейт, самые величественные из всех лондонских ворот. Епископ, в честь которого они названы, - епископ Эркенвальд (род. 675 г., ум. 693 г.), возможно, потому, что он перестроил или отремонтировал их предшественника. Не совсем на этом месте, но очень близко к нему, на востоке, стояли римские ворота, преемниками которых являются эти. Фундамент этих первоначальных ворот был найден на улице Камомил. На Бишопсгейт-Барс есть ряд богаделен для бедных лежащих больных, которым предоставляют хотя бы крышу, пока они выпрашивают хлеб у прохожих.

Если мы вспомним, что Ньюгейт также был перестроен на некотором расстоянии к югу от своего первоначального местоположения, то найдем убедительное подтверждение теории о том, что Лондон некоторое время был пустынным городом. Ведь невозможно, чтобы заселение города было непрерывным, если забыто старое расположение ворот. И дело не только в самом месте расположения ворот; изменение положения ворот означает разрушение и уничтожение старых улиц в Сити, которые вели к ним, а также дорог за его пределами, которые вели к ним: это означает полное забвение прежнего расположения домов и улиц. Все это подразумевается под переносом ворот. Что касается даты переноса, то, по преданию, строителем был добрый епископ Эркенвальд; рядом с воротами находится церковь святой Этельбурги, которая была подругой епископа. С другой стороны, Альфред нашел стену в разрушенном состоянии и укрепил ее. Возможно, именно он построил ворота. Настоящие ворота, перед которыми мы сейчас, в воображении, стоим, были возведены в 1210 году и стали преемниками тех, что построил либо Альфред, либо Эркенвальд. Два каменных изображения епископов на южной стороне представляют святого Эркенвальда и Вильгельма Нормандского; два других изображения - Альфреда и его зятя Этельреда, графа Мерсии.

За этими воротами мы видим вторую церковь, посвященную святому Ботольфу, а напротив нее - один из великих трактиров, которые есть у каждого городских ворот. Это "Дельфин". Широкая дорога ведет мимо нищенствующего дома Святой Марии Вифлеемской, в котором сейчас живут два или три брата, через почти непрерывную череду домов до благородного и благотельного фонда больницы Святой Марии, куда сотнями привозят лондонских больных, чтобы они могли полежать на свежем деревенском воздухе вне дурманящих запахов Сити. На западе дорога ведет к женскому монастырю Холиуэлл, а на востоке - к маленькой церкви святого Леонарда Шордича, расположенной среди садов и огородов. В восточном конце дороги находится большое поле, "Тизл-филд", где выращивали тизл для суконщиков: в рассматриваемое нами время здесь стреляют из арбалетов на призы. В

Лоллсворт-Филд, за Сент-Мэри-Спитал, раньше было римское кладбище: найдено множество свидетельств этого факта.

Покинув Бишопсгейт и пройдя вдоль прямой линии стены, идущей почти с востока на запад, мы выходим на открытое болото. Оно усеяно прудами и пересечено вялыми ручьями и канавами; здесь есть псарни, принадлежащие городской охоте и богатым горожанам, и весь день слышен лай собак. Есть участок болота, пустой и невозделанный, покрытый травой, сорняками, тростником и болотными цветами, который представляет собой территорию неправильной формы, грубо говоря, 400 ярдов с востока на запад и 300 ярдов с севера на юг. Любые здания, возведенные здесь, должны стоять на сваях, вбитых в лондонскую глину. Поговаривают, что на болоте будет построен столб, а через него - насыпные дороги. Это было бы очень удобно для людей, желающих попасть в Изелден или совершить паломничество к Богоматери в Мусвелл-Хилл или Уилсден. От Бишопсгейт-стрит уже проложена дорога к Фенсбери-корт, где стоял четырехугольный дом с садом и прудом, принадлежавший мэру; здесь же находились псарни для "Общей охоты". За стеной дома становятся все гуще, и, дойдя до Крипплгейта, мы обнаруживаем, что здесь находится значительное предместье с церковью, названной в честь святого Джайлса. Она была построена двести лет назад при Генрихе I, так что еще в двенадцатом веке в этом месте было по крайней мере начало пригорода.

По поводу первого строительства Крипплгейта существует множество догадок. Поскольку церковь была основана примерно в 1090 году, несомненно, что уже тогда здесь должен был существовать хотя бы столб для сообщения между Сити и этим пригородом. А поскольку название Cripplegate не имеет ничего общего с калекami, а означает small-"crepul"-gate, то оно, по-видимому, изначально указывает на существование почтовой станции. Ворота, кто бы ни построил их первоначально, уже перестраивались; один раз в 1244 году пивоварами - возможно, они переделали их из почтовых в ворота - которые также построили над ними комнаты, служащие для заключения должников. Вы можете увидеть одного из них у зарешеченного окна, который держит в руках веревку с чашкой на конце, предназначенной для благотворительности жалких людей. Положите в нее пенни для бедных должников. Судя по внешнему виду ворот, я думаю, что скоро их снова придется ремонтировать.

Здесь стена неожиданно изгибается к югу и западу, проходя в этом направлении 850 футов. Затем она резко поворачивает на запад, а через некоторое время снова на юг. Почему она сделала такой резкий изгиб? В природе земли никогда не было ничего, что могло бы вызвать необходимость такого поворота: на пути не было ни ручья, ни озера, ни скалы, ни холма. За пределами стены, когда она только возводилась, в этом месте, как и на всем северном протяжении, была болотистая местность, но на то должна была быть какая-то причина. Я уже осмелился высказать предположение, которое повторяю в этом месте, что это место римского амфитеатра.

Сразу за поворотом стены мы попадаем в Олдерсгейт. Похоже, что нет никаких традиций относительно даты создания этих ворот. Это были одни из первых четырех ворот города; они были расширены за счет добавления большого каркасного дома с южной стороны и еще одного с восточной, последний из которых примечателен тем, что в его стенах находится очень глубокий колодец. За воротами находится еще одна церковь Святого Ботольфа. За церковью можно увидеть скромные постройки братства. Это дом пришельцев, называемый Братством святых Фабиана и Себастьяна. За домом этого братства находятся два или три больших дома, принадлежащих дворянам. Скопление религиозных домов в этом районе может объяснить количество домов, которые очень рано начали расти вокруг них. Под стеной находится госпиталь святого Варфоломея, за госпиталем - приорство, за приорством -

дом карфуцианских монахов, а к западу от них - дома рыцарей-госпитальеров и клеркенвельских монахинь. Со стены открывается прекрасный вид на эти здания: живописно сгруппированные, они стоят среди деревьев и садов; за ними, вплотную к городской стене, лежит ровная равнина Смитфилда с деревьями и прудами, с ярмаркой лошадей и ярмаркой тканей, с ипподромом и гиббетом, местом развлечений, местом казней, местом мытарств.

За Олдерсгейтом стена немного тянется на запад, а затем снова поворачивает на юг и проходит мимо Ньюгейта. Это хорошие и крепкие ворота, а рядом с ними стоит тюрьма, о которой мы подробно поговорим в другой раз. Как мы уже говорили, Ньюгейт, как и Бишопсгейт, был построен не на месте римских ворот, а рядом с ними. Вот традиционная история ворот: - "Эти ворота были возведены примерно в середине XIX века.

"Эти ворота были впервые возведены примерно в правление Генриха Первого или короля Стефана по этому случаю. Соборная церковь Святого Павла сгорела в 1086 году при Вильгельме Завоевателе, и Маврикий, тогдашний епископ Лондона, не стал восстанавливать старую церковь, как предполагают некоторые, а начал закладывать фундамент новой, которую, по мнению людей, никогда бы не удалось выполнить: она была для них удивительной по высоте, длине и ширине, а также по тому, что была поднята на арках или сводах - вид мастерства, привезенный норманнами, и никогда не известный ремесленникам этой земли до того времени. После Маврикия Ричард Бомор значительно улучшил работу упомянутой церкви, купив большие улицы и переулки вокруг нее, где обычно проживало много мирян, которые он начал обводить крепкой каменной стеной и воротами. В результате такого увеличения церковной территории, но в большей степени за счет огораживания земли для столь большой церкви или церковного двора, высокая и большая улица, протянувшаяся от Олдгейта на востоке до Ладгейта на западе, была в этом месте так пересечена и запружена, что повозки через город на запад были вынуждены проезжать без стены упомянутого церковного двора с северной стороны, через Патерностерский ряд; а затем на юг, по переулку Аве-Мари; и снова на запад, через Боуир-раунд к Ладгейту; или же из Дешевой или Уотлинг-стрит повернуть на юг через Старую перемену; затем на запад через Картер-лейн, снова на север по Крид-лейн и затем на запад к Ладгейту. Этот проезд, из-за большого количества поворотов, был очень громоздким и опасным как для лошади, так и для человека. Для устранения этого были сделаны новые ворота, так называемые, через которые люди и скот со всеми видами повозок могут проходить более прямо (как и прежде) из Олдгейта через Вест Чип у собора Святого Павла на северной стороне: через Сент-Николас Шэмблз и Ньюгейтский рынок в Ньюгейт, а оттуда в любую часть на запад через Холборнский мост или повернув без ворот в Смитфилд, и через Изелдон в любую часть на север и на запад. Эти ворота издавна служили тюрьмой для преступников и нарушителей, о чем свидетельствуют записи, сделанные в царствование короля Иоанна и других королей; среди них я нашел одну, свидетельствующую о том, что в 1218 году, 3-м году правления короля Генриха Третьего, король написал шерифам Лондона, повелевая им отремонтировать Ньюгейтскую тюрьму для безопасного содержания своих заключенных, обещая, что положенная плата будет выплачена им по их обвинению в Казначействе."

Продолжая прогулку, мы выходим на реку Флит, которая сильно засорилась грязью и мусором, особенно от вещей, выброшенных в нее из тюрьмы Флит, чьи стены она омывает и чьи отходы принимает. Возможно, после сильных дождей она становится чище. Напротив него возвышается крутой склон Холборна, увенчанный древней церковью Святого Андрея. Широкая дорога, на которой она стоит, - это военная дорога, ответвившаяся от римской, когда был построен Лондонский мост. Раньше, и уже давно после постройки моста, шоссе между севером и югом проходило через болота вокруг Вестминстера и над островом Торни.

Ладгейт - возможно, мы не знаем - был построен в качестве почтового ящика еще до Завоевания. Он был перестроен или сильно отремонтирован в 1215 году баронами, когда они вошли в Сити и разграбили евреев, как уже упоминалось. Сейчас, в XIV веке, Ладгейт - это еще и тюрьма, о которой будет сказано далее.

Сначала лондонская стена проходила в направлении на юг к реке от этих ворот, которые находились на холме сразу за церковью Святого Мартина. Между стеной и Флотом находился небольшой участок сырой и нежелательной земли, на котором доминиканцам было разрешено поселиться; это был их участок, не подпадающий под юрисдикцию Сити. Вскоре монахам было разрешено снести городские стены рядом с собой. Это произошло в 1276 году. Король приказал городу направить часть муражных сборов на строительство новой стены на берегу Флота, чтобы включить в нее дом доминиканцев. Через три года приказ был возобновлен, но стена так и осталась недостроенной. Отсутствие рвения, вероятно, означало растущее неверие в важность стены, особенно той ее части, которая выходила на илистые берега и устье Флота. Однако со временем стена была достроена.

Теперь мы завершили обход городской стены и увидели, что находилось в непосредственной близости от Лондона. Фермы и пастбища в направлении Степни и Майл-Энда; за ними, которых мы не могли видеть, - низины и болота реки Леа. К северу от Бишопсгейта - линия домов, три или четыре величественных монастыря и трактиры для путешественников; к северу от Мургейта - обширное болото, пересеченное дамбами, отданное в основном под псарни; за болотом - приятная деревня Изелден. В Крипплгейте - пригород, густонаселенный, но состоящий исключительно из ремесленников; за Олдерсгейтом - величественные монастыри, знатная больница для больных, участок земли, ровный, усеянный прудами, с небольшими купами деревьев на нем, украшенный виселицей, на которой всегда висят заплесневелые останки нескольких несчастных мертвецов, виселицей, на которой можно удобно повесить полдюжины человек сразу. Здесь же раз в год проводится большая ярмарка тканей, раз в неделю - конная ярмарка; часть площади отведена евреям для погребения. На западе, если смотреть от Ладгейта, есть склон к реке Флит с ее мостом, улица за ней с одним или двумя большими домами, магазинами и тавернами, которые начинают появляться; за этой улицей - поднимающийся склон Стрэнда с его сверкающими ручейками. А стоя на южной башне стены, мы можем смотреть через реку и видеть на другом берегу огромное болото, простирающееся от Редрифа до Бэттерси, и пологие холмы Суррея за ним. Вдоль этого южного болота пока еще мало домов. Саутварк - это не более чем Хай-стрит. Есть один или два дома, принадлежащие епископу, аббату и знатым особам; есть печально известные дома на Бэнксайде; есть дворец архиепископа в Ламбете, но на этой стороне мало что еще.

Давайте покинем стену и начнем гулять по улицам города - мы все еще, надо помнить, находимся в четырнадцатом веке. Первой и наиболее характерной чертой каждого средневекового города, по сравнению с его современным преемником, является количество церквей и монастырских фундаментов. Последние, правда, расположены за пределами самого сердца города - так, на Темз-стрит нет монастырей. Доминиканцы, как мы уже видели, сначала находились за стеной: один религиозный фонд был в самом Чипсайде, но это было связано с местом рождения святого; все остальные располагались у стены, либо внутри, либо снаружи, по одной причине, что они были основаны поздно, когда внутренняя часть Сити уже была заполнена, а по другой - что они были основаны, по большей части, с небольшими пожертвованиями, так что они были вынуждены брать землю там, где она была дешевле всего. Но церкви стоят на каждой улице; невозможно избежать присутствия церкви;

а мизерный размер приходов доказывает, помимо прочего, былую плотность населения. Возьмем, к примеру, ту часть Темз-стрит, которая тянется от холма Святого Петра до Литтл-колледж-стрит. Это 1600 футов в длину и 400 футов в ширину. Этот район, разделенный в верхней части Темз-стрит, почти целиком состоит из складов, пристаней и узких переулков, ведущих к речной лестнице; южная его часть состоит из того любопытного собрания обитаемых улиц, которое целиком было отвоено у берега; здесь есть клубок узких переулков и шумных дворов, лежащих среди и между пристанями, в этих переулках и дворах всегда дурно и зловонно, их населяют люди, состоящие на службе в порту. На самом деле в этом небольшом районе пять приходов. Первый из них, Сент-Питерс, занимает неполных два акра; второй, Сент-Мэри-Сомерсет, - около четырех акров; третий, Сент-Майклс, Квинхит, - около двух акров с половиной; четвертый, Сент-Джеймс, Гарликхит, - столько же; и пятый, Сент-Мартин-Винтри, - около трех акров с тремя четвертями. Пять приходов на этом маленьком клочке земли! Но если мы возьмем весь участок земли, который мы называем рекой - миля в длину и около 400 футов в ширину, - то обнаружим, что на нем расположено не менее восемнадцати приходов. Все церкви, находящиеся сейчас в пределах города, вместе с теми, которые, должно быть, были сожжены или разрушены, стояли в рассматриваемом нами веке. Церкви встречаются так часто, размеры приходов так скудны, что самой примечательной чертой в архитектуре и облике города являются церкви, которые можно увидеть на каждой улице и с любой точки зрения. Эти церкви уже неоднократно перестраивались. Сначала это были небольшие деревянные строения, как, например, в Гринстеде, Чиппинг Онгар, стены которых состояли из стволов, разрезанных пополам и поставленных рядом. Некоторые из них были каменными, и в память о такой церкви сохранилось название Святой Марии Стейнинг. После Завоевания в городе вспыхнул строительный азарт, строители и каменщики в большом количестве прибывали с континента, и начался период норманнской архитектуры. Однако приходские церкви по-прежнему оставались маленькими и мрачными. Но Сити богател: дворяне, жившие в Сити, и купцы начали перестраивать, украшать и благоустраивать свои церкви: они сносили старые церкви, возводили их заново, более просторные и светлые, сначала в раннеанглийском, а затем в декоративном стиле. Небольшие городские церкви так и остались, но к некоторым из них были добавлены ворота и арки. Украшенные благочестивой заботой горожан на протяжении жизни поколения за поколением, к пятнадцатому веку они стали прекрасны. Горожане заполнили окна расписными стеклами, покрыли голые стены картинами, воздвигли для себя гробницы с тонкой резьбой и фигурами из мрамора и алебаstra, накрыли резную купель резным табернаклем, украсили крышу золотом и лазурью, они поставили в алтаре резные сиденья, украсили алтари, подарили органы, наделили церковь певчими и мальчиками, подарили ей такие коллекции тарелок, мебели, богатых одеяний, подсвечников и алтарных полотен, что остается только удивляться, как церковь нашла место, чтобы все это упрятать. Всем известны сокровищницы Нотр-Дама, Сен-Дени, Экс-ла-Шапель. Шкафы забиты церковной утварью, реликвиями и ковчегами. Мы должны понимать, что то же самое, но в меньшем масштабе, можно было увидеть в XIV веке в каждой приходской церкви Лондона. Мы заглядываем в церковь за церковью. В каждой из них есть сокровища, которые священники и ризники выставляют с гордостью. А памятники над могилами достойных людей Сити очень наглядно показывают, когда мы стоим в церквях и читаем имена, что члены великих распределительных компаний в значительной степени, если не полностью, принадлежат к семьям благородного происхождения: об этом факте мы еще скажем в другом месте. Другое дело, что здесь мало памятников старше этого - четырнадцатого - века. Так, взяв полдюжины церквей, прогуливаясь по улицам, мы обнаружим, что памятник XIII века встречается лишь в одном или двух случаях. Что это значит? Что памятники всем купцам, умершим в Лондоне и похороненным в церквях Сити, были удалены или безжалостно

уничтожены? Думаю, что нет. Это имеет другое значение. Возведение памятников умершим относится к очень примитивной стадии цивилизации и встречается также на продвинутой стадии; во времена постоянной неопределенности и войн оно не всегда существует: ни ремесленник, ни деревенский житель не желают посмертной памяти. Жители Лондона до этого времени, как правило, не питали желания посмертного почета. Они оставляли деньги на мессы или на благоустройство церкви, учреждали дотации на День разума, но не на возведение памятника. Это желание, кажется, относится к тому времени, когда условия жизни сгладились и некоторые из прежних страданий отступили. Не то чтобы опасности пожара, голода или моровой язвы тяготили умы активно работающих людей; не то чтобы их угнетало сознание того, что война с мучительной смертью на поле боя всегда возможна для них; не то чтобы они считали жизнь невыносимой из-за ее болезней, случайностей, перемен или краткости. Но совершенно точно, что они настолько ярко осознают грядущий мир, что всех своих действиях признают его на словах, если не чувствуют на самом деле, как гораздо более важный, чем мир, в котором они живут. Поскольку после чистилища человек навсегда попадает в число Святых, какое значение имеет, сохранилось ли его имя или нет? Когда многие из прежних опасностей утихнут, когда удача станет более стабильной, когда богатство будет накапливаться, когда рост города принесет горожанам достоинство, честь и власть, - тогда для людей станет естественным воздвигать памятники в память о людях, чья личность в жизни была велика и полна достоинства; и тогда каждый человек начнет желать такой памятник в память о тех удивительных достижениях, о которых знает только он один. Каждая семья начнет желать такого памятника, хотя бы для того, чтобы раздуть семейную гордость и заставить саму церковь провозглашать славу рода. Но в тринадцатом веке такие стремления были редкостью. Генри из Лондонского Камня, первый мэр и мэр на протяжении пяти с половиной лет, был одним из тех, кто удостоился такой чести.

Давайте заменим общие слова одним примером.

Мы стоим у входа в узкий переулок, ведущий на север от Темз-стрит. Эта улица называется Фиш-стрит Хилл или Тщетный труд. На юго-восточном углу стоит очень древняя церковь Святой Марии Сомерсет. Она расположена немного в стороне от Темз-стрит, а часть ее церковного двора находится на южной стороне: это большая и красивая церковь; церковный двор засажен деревьями, а могилы заросли травой. Мы входим на улицу, которая представляет собой крутой уклон: посередине протекает маленький ручеек, так как прошел дождь; по этому ручейку плавают отбросы, кости, жир, рыбы головы, грязная вода, отходы всех видов, которые после сильного ливня сохраняют улицу сравнительно чистой и здоровой. Однако, к счастью, кроме дождя есть и другие падальщики; они слетают с неба, садятся на улице, разрывают клювами и когтями отбросы, поднимают их на крыши домов; это коршуны и вороны, которые строят свои гнезда на церковных башнях и крышах и находят себе пищу в отбросах, выбрасываемых на улицы. Если бы не эти птицы, лондонские улицы были бы невыносимы.

Майское утро: вдоль улицы по обеим сторонам стоят дома; вот богатый купеческий дом, стоящий за стеной, а рядом с ним - маленькая квартирka, которую занимает ремесленник. Если смотреть вверх по улице, то то тут, то там виднеются зеленые деревья, от деревьев Святой Марии Сомерсет на юге до деревьев аббатства Святого Николая Коула на севере. На полпути вверх мы натываемся на невысокую стену; перегнувшись через нее, мы видим церковный двор, затененный деревьями и усыпанный могилами, трава на которых растет долго и густо; на западной стороне церковного двора стоит церковь - очень маленькая церковь Святой Марии Моунтхоу, одна из самых поздних городских церквей, построенная первоначально как часовня для частной семьи. Ее название говорит о том, что приход был

кусочком Сент-Мэри-Сомерсет, так же как Сент-Кэтрин Коулмен была вырезана из Сент-Кэтрин-Кри, а Олл-Холлоуз-Малый - из Олл-Холлоуз-Грейт. Дверь открыта - если мы заглянем внутрь, то увидим несколько женщин, стоящих на коленях; слышен ропот священника-кантриста, поскольку сейчас утро, поющего свою ежедневную мессу; церковь раннеанглийская, крыша высокая, балки пересекаются и перекрещиваются, они выкрашены в красный и золотой цвета; со стороны церкви выходят ангелы с распростертыми крыльями; высоко на крыше над балками - голубое небо с серебряными звездами. Стены церкви украшены яркими картинами из жизни Пресвятой Девы и ее Сына; окна богато расписаны; алтарь покрыт подсвечниками, крестами и мебелью из белого шелка, золота, серебра и латуни. Здесь есть два благородных памятника, каждый со своим чучелом и часовней из белого мрамора: на одном чучеле - епископская митра, на другом - образ олдермена, который был благотворителем церкви. Здесь горят десятки свечей на железных палочках и несколько больших восковых лампад, оплаченных по завещанию; у дверей сидят две старушки-попрошайки. С северной стороны церкви и за ее пределами находится выступающее строение, наполовину уходящее под землю. Это келья анкоритов (см. т. II, ч. II, гл. V): на уровне земли находится небольшое отверстие, защищенное ржавой железной решеткой без стекла и ставней; через это окно все должно быть передано обитателю. Если мы посмотрим сквозь решетку, то увидим, что внутри царит тусклый и страшный полумрак, потому что ни один луч солнца не может проникнуть в эту холодную и мрачную нору, и даже в это яркое и солнечное утро воздух здесь холодный и сырой, как в склепе. С другой стороны в стене есть узкая щель, похожая на косой глаз прокаженного, через которую анкорит может наблюдать Воздвижение Воинства; в конце кельи возвышенный камень служит алтарем, на нем стоит распятие, и перед ним анкорит проводит большую часть своего времени днем и ночью, молясь. Нынешний обитатель уже много лет живет в этой келье; он питается тем, что ему приносят. Никогда нет опасений, что он будет голоден или забыт: он хорошо обеспечен, и люди предлагают ему лакомства, к которым он не прикасается, потому что живет на хлебе и воде: больной или здоровый, он никогда не покинет эту келью, пока его не найдут лежащим на полу мертвым и не вынесут его. А когда келья опустеет, не составит труда найти преемника, который займет его место и будет вести такую же тоскливую аскетичную жизнь.

Давайте выйдем из церкви и пройдем дальше. Улица очень узкая, но не такая узкая, как некоторые другие. Дома, большей частью двух- и трехэтажные, двускатные, окна застеклены: во многих из них, как, например, в доме на Трудовом холме, нет магазинов, а есть частные дома; некоторые сдаются под жилье тем, кто приезжает в город по делам; и если жилец - *оруженосец* или дворянин, он вывешивает из окна или прикрепляет на стене над дверью свою эмблему. Таким образом, внимание Чосера, как вы помните - см. знаменитый судебный процесс, рассматривавшийся на днях, "*Скроуп против* Гросвенора", - было впервые обращено на сомнительную геральдику на щите Гросвенора, когда он увидел, что этот щит висит в окне на Пятничной улице. Дома не стоят в ряд, а располагаются по выбору строителей, выходя фасадами в разные стороны и примыкая к улице на разную глубину. Вот узкий двор, ведущий с улицы, он настолько узок, что человек, стоящий посередине, может легко коснуться каждой стороны. В нем находится около дюжины небольших домов, населенных ремесленниками, которые работают в комнатах первого этажа, являющихся одновременно мастерской, кухней и спальней комнатой. Вокруг, в воздухе, слышен непрерывный шум работы, стук молотков, пил, решеток, звон наковальни, голоса женщин, которые ссорятся и ругаются. То и дело возникает, в одно мгновение, без предупреждения, внезапная драка между двумя рабочими, тут же выхватываются ножи, и через мгновение все заканчивается, но остается небольшая лужа крови посреди улицы, и женщина перевязывает кровоточащую руку. Мы достаточно насмотрелись на суд. Вернемся на улицу. Здесь есть ворота, а над ними - сторожка, но без крепостных стен и ворот. У ворот стоят два или три

оруженосца, а внутри - широкий квадратный двор, по которому скачут мальчишки, упражняющиеся в наклоне. По всем четырем сторонам стоят здания; одно из них - величественный зал с высокой крышей и фонарем, остальные - благородные постройки. Это городской дом великого барона, который ездит со свитой из трехсот джентльменов и оруженосцев и владеет обширными, богатыми и многочисленными поместьями. На службе у него находится не менее пятисот человек. Дальше - еще одни ворота и еще один двор с еще одним залом, но не таким большим. Это городской дом епископа Херефордского. В его дворе нет ни наклона, ни езды: напротив, он превращен в сад с розами и лилиями, цветущими в клумбах, фонтаном, сверкающим на солнце и музыкально плещущимся. Он выходит на южную сторону, и по стене растут виноградные лозы; есть солнечный циферблат, а на траве расставлены сиденья. Что касается дома, то окна и крыльцо украшены красивой резьбой, а на стенах вырезаны щиты. Под окнами - барельефные фигуры, изображающие все добродетели, а большое окно зала - из расписного стекла, в центре которого - фамильный герб епископа, человека не самого низкого происхождения. Рядом с епископским домом, похожим на него внешне, но менее пышным, находится дом крупного купца, как поступали великие люди в XIV веке. Сейчас мы войдем в один из этих домов и посмотрим, как они обставлены. А среди больших домов, стоящих бок о бок, богатых и бедных вместе, как и положено, находятся жилища ремесленников, такие, как мы видели в узком дворе, который только что прошли. На самой улице в воде плещутся босые дети, розовощекие, светловолосые, они играют, бегают и кричат, как и по сей день, и всегда, с самого начала существования Города.

Войдем ли мы в Сити у Ладгейта и пройдемся по его улицам оттуда? Ладгейт находится на полпути вверх по холму, возвышающемуся над долиной Флита; пройдя через него, мы оказываемся перед западным фасадом собора Святого Павла. Благородная церковь должна быть припасена для другого случая. Мы проходим через церковный двор и через северо-восточные ворота участка оказываемся на Чепе.

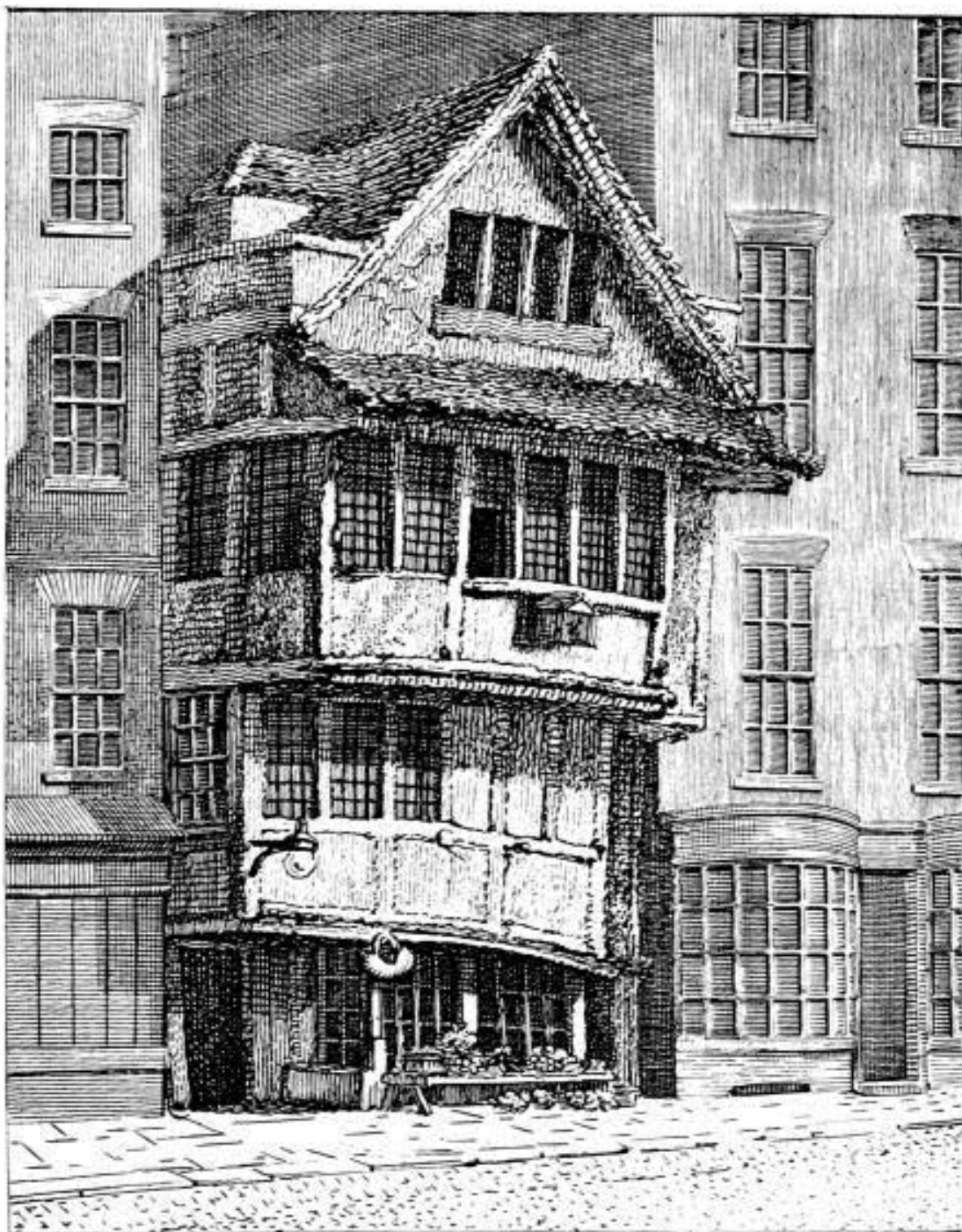
Это самый большой рынок города. Сюда приходят ремесленники, ведь на каждом ремеслу отведено свое место на рынке. Ремесленники не только работают вместе, но и продают свои товары вместе, чтобы не было недооценки, и все предлагалось по фиксированной цене.

Этот обычай имеет множество достоинств. Подмастерью удобно жить и работать, так сказать, в атмосфере своего ремесла и видеть весь день свою собственную промышленность. Людям одного ремесла также удобно работать вместе, во-первых, потому, что одиночный труд вреден для человека, во-вторых, потому, что часы труда можно соблюдать только тогда, когда люди работают в компании, в-третьих, потому, что плохую работу нельзя успешно выдавать за хорошую, когда вся работа общая, и, наконец, если бы нужна была какая-нибудь другая причина, потому, что в некоторых ремеслах инструменты стоят дорого, и таким образом их можно держать и использовать совместно. Из этой совместной работы возникают братства и гильдии, а со временем и компании. Кроме того, вырастает то, что никогда бы не возникло из одиночного труда, - гордость и достоинство торговли. Достоинство торговли значительно возрастет, когда городские компании станут богатыми и сильными и когда каждое братство сможет нести в торжественных случаях свои знамена и знаки отличия и носить свою отличительную одежду.

Время от времени в торговых кварталах происходили изменения, вызванные причинами, о которых мы можем только догадываться.

"Торговые люди и продавцы товаров в этом городе с тех пор часто меняли свои места в зависимости от того, что им было выгоднее. Ибо если тогда мерсеры и галантерейщики

держали свои лавки в Вест-Чипе, то в более позднее время они держали их на Лондонском мосту, где частично они еще остаются. Золотопромышленники с Гутерон-лейн и Старой биржи теперь, по большей части, переместились в южную часть Вест-Чипа. Пепперы и бакалейщики с Сопер-лейн теперь находятся в Баклерсбери, а в других местах рассеяны. Драпировщики с Ломбард-стрит и Корнхилла расположились на Кэндлвик-стрит и Уотлинг-стрит. Скорняки с Сент-Мэри-Пеллиперс или у Топора - на Бадж-роу и Уолбрук. Торговцы рыбой на Темз-стрит. Торговцы мокрой рыбой на Найтридерс-стрит и Бридж-стрит. Железоделатели из Железного переулкa и Олд-Юри на Темз-стрит. Виноградари с Винетри в разных местах. Но пивовары по большей части остаются возле дружелюбной воды Темзы. Мясники в Ист-Чип, Сент-Николас Шэмблз и на рынке Стокса. Чулочники, с давних пор находившиеся в Хозиер-лейн, неподалеку от Смитфилда, с тех пор переместились на Кордвейнер-стрит, в верхнюю ее часть, у Боу-Черч, и, наконец, в БирчOVERс-лейн у Корнхилла. Сапожники и курьеры с Кордвейнер-стрит удалились: одни - в Сент-Мартинс-ле-Гранд, другие - на Лондонскую стену возле Мургейта. Основатели остались в Лотбери сами по себе. Повара или пастелисты, большей частью, на Темз-стрит; остальные рассеялись по разным местам. Поварята в последнее время удалились из Птичника, между Стоксом и Большим каналом в Дешевом, на Травяную улицу и Сент-Николас Шамблз. Боуиры с Боуирс-Роу у Ладгейта в разных частях; и почти износились с флетчерами. Мастера по изготовлению бус и написанию текстов ушли с Патерностер-роу и называются канцеляристами с церковного двора Павла. Мастера по изготовлению заплат из Сент-Маргарет Паттенс Лейн совсем износились. Рабочих каждый день можно встретить в Чипе, в конце Сопер-лейн. Конные загонщики и продавцы волов, овец, свиней и тому подобного остаются на своем старом рынке в Смитфилде".

СТАРЫЙ ФОНТАН В МИНОРИСЕ, ПОСТРОЕННЫЙ ОКОЛО 1480 ГОДА, СНЕСЕННЫЙ В 1793 ГОДУ

Со старой гравюры.

Вест-Чепе - это широкое место, покрытое передвижными лотками, расположенными в установленном порядке; это расположение обозначает улицы. На севере и юге расположены большие "селды" - склады и магазины, в которых слуги имеют спальные комнаты, но в их возведении пока очень мало порядка и регулярности. Уже сейчас многие лавки, особенно на южной стороне, представляют собой магазины с домами над ними. В центре Чепе находится Штандарт - такая же важная часть города, как и Крест Павла, ведь это старый городской крест, обозначающий центр города, а вокруг Штандарта расположены лавки с рыбой и овощами; есть и "станции" для продажи мелочей. Есть и другие ассоциации, связанные со штандартом - он использовался для казней. Во времена деда нынешнего короля, Эдуарда

Первого, некоторым отрубили правую руку за спасение пленника: только на днях мы видели, как здесь обезглавили двух рыбаков. Недалеко от Штандарта находится Крест королевы Элеоноры, который расположен напротив Вуд-стрит.

На южной стороне Чепе начинают строить дома "Фрейм". Это не дворцы богатых купцов и дворян, построенные вокруг двора, а просто развитие обычного дома горожанина, украшенное и лучше построенное. Каркас" из крепкого и толстого дуба, покрытого штукатуркой, а фасад, доходящий до трех-четырех этажей, покрыт резьбой по дереву; здесь и щиты, и гербы той профессии, к которой принадлежит владелец, здесь и чучела, и резные изображения людей и существ, здесь и яркие картины в красных, синих и золотых тонах. Мы проехали Чепе и оказались в Птицеграде.

Этот большой дом с массивными воротами и просторным двором является резиденцией лорда-мэра на весь год. Обратите внимание, что столбы у его ворот позолочены - красивое украшение для улицы. Однако главный магистрат города не из гордости устанавливает перед своим домом два золотых столба - так принято обозначать дом мэра, олдермена или шерифа. Столбы могут быть покрашены или позолочены. Когда зачитываются прокламации короля, их устанавливают на эти столбы, и те, кто их читает, делают это с обнаженной головой, чтобы показать свое уважение к королю и мэру.

Не забудем упомянуть и о "комнатах-землях", которых было немало, хотя сейчас их число и площадь значительно сократились. Вокруг собора Святого Павла было обширное пространство, где собирались народные моты. Со временем это пространство было частично застроено зданиями, а также могилами и хранилищами для костей: еще одно свободное место находилось у северо-западного угла городской стены, где францисканцы построили свой дом: Западная Чепе была комнатой-землей: Ист-Чеп - еще одна: широкие пространства, которые были намеренно оставлены незастроенными в Биллингсгейте, Квинхите и Даугейте. Угольная биржа стоит на месте комнаты-земли Биллингсгейт.

Изменения, происходившие в Лондоне на протяжении рассматриваемых нами веков, были столь медленными и незаметными, что обычному наблюдателю могло показаться, что мир стоит на месте. Всегда была церковь с ее службами, всегда был монах на улице, всегда был рынок и мехи: он не знал, потому что не имел возможности судить, что город становится богаче, что уровень комфорта значительно вырос, что жизнь не так груба, как раньше, что, возможно, стало меньше насилия. Однако неопределенности всегда хватало, ведь посреди жизни нас подстерегает смерть, а ужасов было много - мор, который преследовал улицы, невидимые днем и ночью, пожар, голод и война. Население Города росло не так быстро, как его богатство; было больше величественных домов, больше резных изделий, больше золотых и серебряных кубков, более тонких гобеленов, более совершенного оружия, но мир в глазах простого горожанина стоял на месте: как было, так и осталось, так и будет до конца всего сущего; не было никакой надежды, никакой мысли о более великом и благородном человечестве, вся его надежда лежала за пределами мира. Давайте запомним этот факт, потому что он объясняет многое в истории Средневековья.

Вест-Чепе был сердцем Сити, но это не была Биржа. Биржи не было. Купцы собирались в самом удобном месте, то есть для внешней торговли, на Темз-стрит. Их дома по большей части располагались на покатых улицах к северу от Темз-стрит; здесь они принимали иностранных купцов. Более мелкие торговцы вели дела в таверне.

Продолжая прогулку, мы обнаруживаем, что в Сити есть три или четыре главные улицы. Кажущийся лабиринт пронизан параллельными улицами и другими, расположенными под прямым углом, так что заблудиться в извилистых переулках невозможно. Самой важной

является улица - если можно так назвать непрерывную улицу, которая прерывается в стольких местах, - которая входит в Ньюгейт. Здесь она называется Флеш-шамблз или Ньюгейт-стрит, но прерывается на Блоубладдер-стрит и становится Чепе; прерывается у Птицефабрики, идет вдоль Корнхилла и Лиденхолл-стрит и выходит на Олдгейт. Ее пересекают Грассчерч-стрит и Бишопсгейт-стрит, а также множество узких улочек. К менее значимым улицам относятся Кэндлвик-стрит, Ист-Чеп, Тауэр-стрит, Уолбрук, Ломбард-стрит, Фенчерч-стрит, Уотлинг-стрит, Найтрайдер-стрит, а также множество узких переулков, которые пересекаются дворами и аллеями. Отметим, однако, что до сих пор каждый значимый дом имеет свой сад. Жители Лондона цепляются за свой сад, каким бы маленьким он ни был.

Думается, что при таких узких улицах и переулках, где нет системы канализации и все выбрасывается на улицу, грязь и всеобщая нечистоплотность должны были быть невыносимыми. Оглянитесь вокруг: мы находимся среди узких переулков, но где же нестерпимая грязь? Давайте подумаем. Дождь постоянно оmyвает улицы, а эти переулки в основном расположены под уклоном; есть не очень эффективная, но все же полезная служба, которую выполняют "сгребатели", подбирающие вещи и отвозящие их в лавки; есть птицы-падальщики, о которых мы уже говорили; и, что самое важное, есть общественное мнение. Все люди вынуждены пользоваться этими дорожками, чтобы ходить вверх и вниз по своим повседневным делам; дети играют в них; домохозяйки ходят на раннюю мессу и на рынок; великая леди, которая со своими служанками живет в доме за воротами перед вами, вынуждена пользоваться этой дорожкой. Думаете, эти люди согласятся, чтобы их пути оскверняли и делали непроходимыми? Отнюдь. Поэтому на улицах поддерживается идеальная чистота. Не скажу, чтобы в августе, после месяца или двух жаркой погоды, они были такими милыми и свежими, какими должны быть. Но больше неудобств доставляют люди, чем улицы. Чего можно ожидать? У большинства из них есть только один костюм, который они носят круглый год. Но если смотреть на город таким образом, переходя из одного узкого переулка в другой, где все улицы узкие, кроме Чипсайда, то невозможно составить представление о размерах и великолепии древнего города. Поэтому, раз уж прилив, давайте сядем в лодку у лестницы Железных ворот между Тауэром и собором Святой Катеины. Это конец города, скопление домов вокруг почтенной церкви и колледжа, набережная реки, местами разрушенная, и низменное болото за ней - вот и все, что можно увидеть на востоке Лондона. По обе стороны от Сити лежат болота, на севере - топи и леса, на юге - болота. В бассейне пришвартованы корабли, пока еще не длинными линиями по четыре в глубину, но то тут, то там; некоторые из них лежат у Тауэра, некоторые в порту Биллингсгейт, а некоторые плывут вверх по реке; у всех у них высокие пупы и низкие носы, а у большинства две мачты и четыре квадратных паруса. Есть и другие суда, странной конструкции, названий которых мы не знаем. Мы переправляемся через реку и, подняв паруса, осторожно скользим по ней с ветерком и приливом до самого Вестминстера. Тауэр возвышается над водой. Это крепость Лондона, дворец, крепость и тюрьма короля, ревностно охраняемая рвом, внешней и внутренней стеной и барбаканом скорее от нападения горожан внутри, чем от врагов извне. Королевский лейтенант никогда не покидает это место; у него есть своя гвардия лучников и вооруженных людей, а также государственные пленники, находящиеся в его ведении. Он имеет вход с реки и с востока, так что он совершенно независим от города. Этот небольшой лес мачт принадлежит порту Биллингсгейт, одному из древних портов Сити. Дома на берегу реки между Тауэром и Биллингсгейтом убоги и малы: квартал населен моряками и матросами, как иностранными, так и английскими. После Биллингсгейта дома становятся выше: некоторые из них построены на сваях, вбитых в речной ил. Здесь мы проходим под Лондонским мостом. На южных воротах моста на столбах прикреплены головы дюжины предателей. Увы, трудно

разобрать черты лица, настолько они почернели от непогоды, уменьшились и истлели. Однако на суррейской стороне моста за подаяние от бриджмейстера и братьев стоят старые кроны, которые знают имя каждого и могут рассказать вам его историю, и когда он пострадал, и почему. На каждом конце моста стоит церковь - как бы для охраны моста: Святой Магнус на севере и Святой Олаф на юге - хотя зачем двум датским святым охранять английский мост? В центре - часовня английского святого. В воображении горожан этот мост - самый лучший в мире. Полюбуйтесь на количество арок и обратите внимание, что ни одна из них не имеет одинаковой ширины; посмотрите на дома на мосту; путь между ними узок и темен, но то тут, то там есть открытые пространства, где телеги, повозки и вьючные лошади могут подождать своей очереди на проезд. Однажды дом упал с моста в реку; однажды ребенок упал и был спасен подмастерьем, который впоследствии женился на ней, и еще много других историй. Теперь мы благополучно прошли мост, хотя многие лодки были расстроены, а многие храбрецы утонули, стреляя по аркам. Больших кораблей на мосту нет, но есть много мелких, груженных товарами для порта и рынка Квинхит. А теперь посмотрите вверх. Видели ли вы когда-нибудь такой лес шпилей и башен? Можем ли мы их различить? Легкий и стройный шпиль за мостом - собор Святой Елены; еще более красивый шпиль - собор Остинских монахов; высокая квадратная башня - собор Святого Михаила в Корнхилле; справа башня и низкий шпиль принадлежат собору Святого Петра. И так далее.

ВИД С СЕВЕРО-ЗАПАДА НА СТАРИННОЕ ЗДАНИЕ МЕРЧАНТ-ТЕЙЛОРС-ХОЛЛА И ПРИМЫКАЮЩИЕ К НЕМУ БОГАДЕЛЬНИ НА УЛИЦЕ НИТЧАТОГО ДЕРЕВА

С рисунка, сделанного Уильямом Гудманом в 1599 году и хранящегося в настоящее время у Попечительской компании торговцев-тайлоров.

Тяжелые баржи, нагруженные до краев, спустились из Оксфордшира и Уилтшира; обратите внимание на лебедей, рыбацкие лодки и рой лодочников, курсирующих между лестницами, ведь это шоссе Сити. Не Чипсайд, не Ист-Чип, не Темз-стрит, не Стрэнд - это магистраль

Сити, а река. И как на главной дороге мы видим благородного лорда и его свиту на боевых конях, украшенных блестящей сталью и позолоченной кожей, а за ним - группу менестрелей или роту солдат; или леди, едущую на своей лошади в сопровождении слуг и приверженцев; так и на реке мы видим величественную баржу какого-нибудь придворного, позолоченную баржу мэра, обычную вьючную лодку, опрокинутый катер, груженный лихтер и бедную старую рыбацкую лодку, обветшавшую и сумасшедшую.

Посмотрите на дома на берегу реки. Вон тот большой дворец с водяными воротами, лестницами и крепостными стенами - это Рыботорговый зал. Это богатая компания, хотя и не любимая народом, который она должна снабжать продуктами питания добрую четвертую часть года. Другой великий дом - Холодная гавань, о первой постройке которой никто не знает. Многие великие люди жили в Холодной гавани, которая, как вы видите, представляет собой огромное многоэтажное здание со множеством комнат. Внутри есть двор, невидимый с реки, хотя его лестница видна.

Почти рядом с Холодной гаванью находится "Тевтонский дом" (Domus Teutonicorum), зал ганзейских купцов. С реки видна крепостная стена со стороны реки, одна сторона зала, несколько окон дортуаров, каменных домов, построенных на деревянных колоннах, а также большая весовая балка и внутренний двор. В передней части этой крепости - а это не что иное, как три ворота: двое маленьких, которые легко закрываются, и одни большие, которые редко открываются. Вы видите, что у них есть свои собственные водные ворота и лестницы. Во всем они должны быть независимы от лондонцев, с которыми они никогда не смешиваются, если могут держаться обособленно. Мужчины живут здесь по строгим правилам и дисциплине; им нельзя жениться; как правило, они остаются на короткое время, а когда их отзывают правители большой компании, им разрешается жениться. Здесь, с южной стороны реки, открывается единственный хороший вид на церковь Святого Павла. Это благородная церковь: есть ли где-нибудь более благородная? Если учесть, как она возвышается на холме, возвышаясь над городом и всем вокруг, какой она длины, какой высоты, как ее шпиль стремится к небу и тянет за собой облака, то, когда осознаешь все это, сердце светится от гордости за обладание столь великой и великолепной церковью. Посмотрите, как она возвышается над домами на южной стороне! Случайно ли, думаете вы, что церкви между берегом и собором, святой Марии Магдалины, аббатства Святого Николая Коула, святого Бенедикта и другие, были снабжены короткими квадратными башнями без шпилей, чтобы подчеркнуть чудесную высоту собора? Случайно ли с западной стороны собора возвышается шпиль Блэкфрайерса, а с восточной - меньший шпиль собора Святого Августина, составляя контраст с возвышенными пропорциями великой церкви? Перед нами - древний порт, некогда называвшийся Эдредс-Хайт по имени бывшего причальщика, начальника порта или капитана порта; впоследствии он стал называться Поттерс-Хайт, а затем - Квин-Хайт, поскольку король Иоанн подарил его своей матери королеве Элеоноре, и это название сохранилось за ним до сих пор. Порт имеет квадратную форму и с одной стороны выходит к реке; здесь никогда не бывает штормов, которые могли бы разрушить судоходство. Сейчас он заполнен кораблями, в основном небольшими, потому что большие суда не могут пройти через мост. По этой причине Биллингсгейт давно превзошел Квинхит по количеству и значению кораблей и масштабам торговли. Однако в Квинхите многолюдно. Краны хрипят и ворчат при поворотах, перевозчики с тюками и мешками на спине неустанно трудятся. Вдоль всего причала тянется нечто вроде открытого монастыря с верхним этажом на колоннах: это склад гавани.

Гроув и Боултон.

ВИД ЛОНДОНА НА ЮГО-ВОСТОК ДО РАЗРУШЕНИЯ ШПИЛЯ СВ. ПАВЛА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОЖАРА, 1560 ГОД.

Самая ранняя гавань, устье которой мы только что миновали, представляет собой незначительный ручеек; невозможно понять, как он вообще мог стать гаванью для кораблей. Однако когда-то это был, полноводный и глубокий поток, быстро бегущий по своей долине и иногда вздувающийся от дождей. Он осушал Мурфилдс, и полдюжины речушек соединялись вместе, образуя ручей, но когда вокруг стены прорыли ров, ручей упал в канаву, и хотя в стене пробили водопропускное отверстие, чтобы излишки воды уходили по старому руслу, она почти не текла, и Вальбрук поддерживался как ручей только двумя или тремя источниками в северной части Сити.

В Руане есть улица под названием rue des Eaux de Robec, которая напоминает о том, как выглядел Вальбрук до XVI века. Улица, довольно прямая, содержит двойной ряд домов, высоких и старинных, выступающих на три верхних этажа и обветшавших от былой респектабельности. Такими в наши дни, если бы они еще стояли, были бы дома, выстроившиеся вдоль русла Уолбрука в четырнадцатом веке. Вдоль одной стороны улицы течет быстрый поток в глубоком русле; вода в нем черная, то ли от темноты, то ли от примесей, не знаю; она частично переброшена; мосты расширили, и теперь это не узкие тропинки, а помосты, на которых сидят рабочие, занимаясь своим ремеслом, и расставлены лавки с товарами на продажу. С другой стороны - узкая проезжая часть с тротуаром из небольших неровных квадратных блоков; центрального водостока нет, потому что поток все сносит. Так выглядел Вальбрук. Сначала его пересекали пешеходные мостики; потом он ограничился узким каналом; потом ручей стали использовать в других целях; потом пешеходные дорожки превратились в каменные или деревянные полы, между которыми был открыт ручей; потом эти проемы постепенно засыпали, и ручей был закрыт от глаз и забыт. Если вы хотите понять, каким предстал Уолбрук в нашей воображаемой прогулке, отправляйтесь посмотреть на улицу Во де Робек в Руане.

Величественный дворец, возвышающийся прямо у кромки воды, с речными воротами и лестницами, с возвышенным лицом - это замок Байнарда, названный так по имени его

первого основателя. Внутри находятся два просторных двора с комнатами, способными вместить сотни приверженцев. Раньше это был дом Кастелланов, так как права и титул Кастелланов поначалу передавались вместе с владением замком. Когда Роберт ФицУолтер в 1275 году расстался с замком Байнард, он, насколько мог, сохранил за собой эти права. Они осуществлялись только во время войны, и в такие моменты кастелян, конный и нарядный, с девятнадцатью рыцарями и своим знаменем, которое несли перед ним, должен был направиться к большим воротам Святого Павла, где его встречали. Павла, где его встречали мэр, олдермены и шерифы, все в полном вооружении, причем мэр держал в руке городское знамя, основание которого было ярко-лазоревого или желтого цвета, а на нем фигура святого Павла в золоте - ноги, руки и голова святого были аргентинскими.

В западном конце собора Святого Павла находился участок открытой земли, на котором горожане под наблюдением лорда замка Байнарда проводили сборы оружия для обороны города. В Ист-Энде находился еще один участок открытой земли, где горожане собирались для проведения фольклора и парада оружия для поддержания мира короля. Здесь находился Паульс-Кросс, а на нем - клошар или Кампанила, большой колокол которой созывал горожан либо на фольклор, либо на смотр оружия. Ниже приводится порядок церемоний.

ХРАМОВАЯ ЦЕРКОВЬ, ЛОНДОН
С гравюры Мясома.

"И как только упомянутый Роберт увидит мэра, и шерифов, и олдерменов, выходящих пешком из упомянутой церкви, вооруженных, с таким знаменем, упомянутый Роберт (или его наследники, обязанные этой службой упомянутому городу) должен сойти с коня, и приветствовать мэра как своего спутника и пэра, и сказать ему: "Сэр мэр, я прибыл, чтобы исполнить свою службу, которую я обязан оказать городу"; и мэр, и шерифы, и олдермены скажут: "Мы вручаем тебе здесь, как

нашему баннерету в качестве вознаграждения этого города, это знамя города, чтобы ты нес, носил и управлял, к чести и выгоде нашего города, в меру своих сил.' И упомянутый Роберт или его наследники получают знамя в руки и пойдут пешком до внешних ворот со знаменем в руках; а мэр упомянутого города и шерифы последуют за ним до ворот и приведут к упомянутому Роберту лошадь ценой в двадцать фунтов; и лошадь будет оседлана седлом с гербом упомянутого Роберта на нем и покрыта кандалами с тем же гербом на них. И они возьмут двадцать фунтов стерлингов и передадут их камергеру упомянутого Роберта на его расходы в этот день. А Роберт сядет на коня, которого ему подарит мэр, со знаменем в руках.

И как только он сядет на коня, он скажет мэру, чтобы тот немедленно выбрал маршала из числа жителей города Лондона. Как только маршал будет выбран, упомянутый Роберт прикажет мэру и его бюргерам города позвонить в общий колокол упомянутого города, и все жители пойдут за знаменем Святого Павла и знаменем упомянутого Роберта; знамя Святого Павла тот же Роберт будет нести в своей руке до самого Алегейта. И когда они прибудут в Алегат, упомянутый Роберт и мэр передадут упомянутое знамя святого Павла, чтобы его несли дальше из Алегата, тому человеку, о котором договорятся упомянутый Роберт и мэр, если им придется покинуть город. И тогда мэру надлежит сойти с места, а упомянутому Роберту и двум самым мудрым людям из каждого прихода следовать позади них, чтобы определить, как лучше охранять город. И совет по этому поводу должен состояться в Приорате Троицы, что на стороне Алегейта.

И перед каждым городом или замком, который осаждает упомянутая лондонская рать, если он остается в осаде целый год, упомянутый Роберт должен получать за каждую осаду от лондонского землячества сто шиллингов за свои хлопоты, и не более.

И далее, упомянутый Роберт и его наследники обладают великой честью, которую он имеет как великую франшизу в упомянутом городе, [и] которую мэр города и горожане обязаны оказывать ему по праву; а именно: когда мэр захочет провести свой Большой совет, он должен пригласить упомянутого Роберта или его наследников присутствовать на своем совете и на совете города; и упомянутый Роберт должен быть приведен к присяге советом города против всех лиц, кроме короля Англии или его наследников. И когда упомянутый Роберт приходит на слушания в Гильдию города, то мэр или тот, кто занимает его место, должен встать перед ним и поставить его рядом с собой; и пока он находится в упомянутой Гильдии, все приговоры должны выноситься его устами, согласно записи регистраторов Гильдии; А что касается всех бездомных, которые приходят, пока он там находится, то он должен отдавать их городским приставам или тому, кому он пожелает, по совету мэра упомянутого города." (Райли, Liber Custumarum.)

Вон там находится устье Флита: как сейчас этот поток, так в старину был Уолбрук. На его западном берегу стоит дворец Брайдвелл напротив дома Блэкфрайерс с его великолепной группой зданий и высокими *флешами*. И вот Лондон остался позади; на берегах реки больше нет торговли, разве что немного в Вестминстере. Эти лестницы на берегу, эти резные и расписные баржи принадлежат дворцам епископов, аббатов и великих лордов. Мы проходим мимо Эссекс-хауса, Арундел-хауса, Сомерсет-хауса, Берли-хауса, Савоя, Бедфорд-хауса, Дарем-хауса, Йорк-хауса, все с садами, террасами и просторными дворами. И вот мы подходим к Королевской лестнице в Вестминстере. Здесь находится королевский дворец, многолюдное, оживленное, шумное место, а за ним - аббатство Святого Петра, богатое и знаменитое. Это благородная церковь, но она не так благородна и не так знаменита, как

церковь Святого Павла. Коронации, браки, похороны и гробницы королей облагораживают великую церковь, но есть и другие виды благородства. Церковь Святого Павла - это центр, сердце города, который является центром, сердцем нации. Как народ для короля, так и собор Святого Павла для церкви Вестминстерского аббатства.

ГЛАВА II

ПОРТ И ТОРГОВЛЯ ЛОНДОНА

Границы Лондонского порта, которые так и не были определены до правления Карла II, по-видимому, всегда понимались как простирающиеся от северного побережья до Лондонского моста. Квинхит, в котором в начале XIII века работали тридцать восемь человек, был старейшим местом высадки и портом. В настоящее время он выглядит так же, как и раньше, за исключением складов, расположенных вокруг него, только вместо барж и лихтеров, которые сейчас стоят в этом грязном порту, используются небольшие суда. Биллингсгейт был еще одним местом высадки, где собиралась королевская таможня. По мере роста торговли возникла необходимость в создании дополнительных помещений, и следующие места были назначены, но уже давно, для общей выгрузки и разгрузки всех видов товаров, выгружаемых и отправляемых между восходом и закатом солнца. (Страйп.)

- Пристань пивоваров.
- Набережная Честеров.
- Причал галер.
- Шерстяной док.
- Набережная таможни.
- Набережная Портера.
- Причал Виггона.
- Набережная Янга.
- Набережная Ральфа.
- Набережная Дайс.
- Причал Смарта.
- Причал Сомера.
- Пристань Баттольфа.
- Причал Хэммона.
- Причал Гонта.
- Причал Кока.
- Пристань Фреш.
- Причал Лайона.
- Док Саба.
- Медвежья пристань.

Биллингсгейт был предназначен только для рыбы, кукурузы, соли, камней, провизии и фруктов. Бридж-хаус - для кукурузы и прочей провизии. Стальной двор - для купцов-странников этой гильдии.

"Безусловно, наиболее важные результаты Нормандского завоевания, с точки зрения английской промышленности и торговли, заключались в новых коммуникациях, которые были открыты с другими частями континента". (У. Каннингем, "Рост английской промышленности"). Эти слова бьют ключом. Для роста и развития национального духа было необходимо, чтобы изоляция Британии была сметена. Несомненно, тесная связь страны с богатейшими провинциями Франции на протяжении четырехсот лет принесла много серьезных бед, но стимул, который она давала торговле, оказался неисчислимым преимуществом. И изоляция Англии была ликвидирована как раз в тот момент, когда повсюду в Западной Европе стали появляться богатые, сильные и независимые города, бывшие частной собственностью баронов или просто руинами некогда оживленных и многолюдных мест. Первое, что необходимо для торговли, - это некая гарантия того, что соглашение будет соблюдено и долг будет выплачен. В то время такая гарантия была невозможна, если только не проводить ярмарку, регулярно и законно, с собственным судом; или в городе, когда муниципалитет защищал иностранного купца.

Открытие Европы для Англии имело и другую сторону - открытие Англии для Европы. Большое количество купцов из Руана и Кана приезжали как до, так и после нормандского завоевания, чтобы вести свою торговлю в Лондоне. Фламандские ткачи приезжали сюда и искали защиты у королевы, фламандской принцессы. В большом количестве приезжали каменные строители; большинство деревянных церквей по всей стране были перестроены в камне. Кроме того, были иностранцы, которые не хотели селиться, но приезжали и уезжали, привозя с собой свои товары, увозя экспорт, и, пока находились в порту, жили по своим правилам в своих домах.

Какого рода было судоходство Лондона, как оно росло и расширялось? Каковы были важнейшие направления торговли? На эти вопросы трудно дать исчерпывающий ответ. Во-первых, мы должны помнить, что торговое судно - это еще и военный корабль. Великий Фландрский флот Венеции был снабжен ротой из тридцати шести лучников на каждую галеру, и все матросы были боевыми людьми. Далее, судоходство Лондона означало его внешнюю торговлю, а она постоянно то поднималась, то падала. Король Альфред пытался создать флот, а сэр Джон Филпот, отправившись на встречу с пиратами, смог набить руку на кораблях, достаточных для перевозки тысячи человек. Когда бастард Фальконбридж напал на Сити, в порту не нашлось ни одного корабля, способного его встретить; однако это произошло в конце долгой Гражданской войны, которая нанесла огромный ущерб лондонской торговле.

Моряк всегда был существом, отличным от своих собратьев. Из тех скудных сведений, которые мы можем получить, следует, что лондонский ремесленник никогда не питал большой любви к морю; моряк приходил из Дувра, Сэндвича, Хайта, Дартмута и других мест, но не из Лондона. В более поздние годы от Тауэра до острова Догс выросло речное население, и в конце концов эти люди оказались связаны с судоходством. Среди них было целое множество моряков, а также тех, кто жил, работая на судах в Бассейне. В стенах Сити, особенно под мостом и у Тауэра, можно увидеть следы этого невидимого населения. До сих пор сохранились дворы и переулки, в которых они жили. Они узкие, темные и шумные. В таких дворах могли жить только самые низкие ремесленники; там были питейные заведения для матросов, местных и иностранных, спальные притоны для них, места для драк, но не приличные жилые дома. На такой узкой улочке, где дома были построены из дерева и тесно

набиты людьми, вспыхнул Великий лондонский пожар. Моряк Чосера был дартмутцем. Таких, как он, было много: они стояли на набережной и пили в тавернах. Настоящий моряк никогда не делает ничего, пока он на берегу, кроме как стоит на набережной, прислонившись к столбу, или резвится в таверне. На этих набережных и в этих узких дворах происходило множество драк: драки между генуэзцем и венецианцем, между англичанином и французом, между англичанином и Флемингом; драки на ножах и кинжалах; драки, которые начинались с дуэли и заканчивались *поединком*; все они начинались, продолжались и заканчивались за несколько минут, в результате чего один человек умирал, а полдюжины были ранены; драки между жителем Дувра и жителем Ярмута; драки из-за счета в таверне; драки из-за Долла, Молла и Полла. Речной берег Лондона всегда был местом, отличавшимся жизнью и живостью, буйством и шумом, веселыми криками битвы, вдохновляющей песней пирующих и тихим голосом любви.

Каждый моряк был боевым человеком. До правления Генриха IV торговое судно можно было легко превратить в боевой корабль, установив на нем маленькие "замки", из которых могли стрелять боцманы. Генрих IV, похоже, начал практику строительства кораблей исключительно для ведения боевых действий; у его сына было три очень больших корабля, названных "*Троица*", "*Благодать Дье*" и "*Святой дух*"; всего его флот состоял из трех больших судов, шести "нефов", шести "барж", десяти "балингов". Различать разные виды кораблей нелегко. Неф" был самым большим кораблем до постройки трех больших судов; "баржа" была большим судном, как известно, у Сити было одно судно под названием "*Павел Лондонский*" для обороны реки. Если хотите, вы можете узнать, как оснащалась, снаряжалась и выходила в море городская баржа, со страниц "Мемориалов Райли". Используемые термины, морские термины того времени, переведены в сносках, более того, они по большей части невразумительны. Возможно, список слишком техничен для этих страниц. Существовали также "балингер", "крейес", "когге", "катте", "галера" и другие.

Как только прибрежные земли стали цениться, а корабли увеличились в размерах, строительство судов стало осуществляться, по необходимости, вне стен города. Когда во времена правления Якова I была создана Компания корабельщиков, они построили свой зал в Рэтклифф-Кросс, в центре своего производства. Судостроительные верфи располагались вдоль северного берега Темзы вплоть до Нортфлита. Еще тридцать или сорок лет назад эта отрасль была одной из самых важных среди тех, что принадлежат Лондону. Время от времени, хотя на это нельзя было рассчитывать, на суше наступал мир, но на море мира не было никогда. С тех пор как граф Саксонского берега поставил свои крепости от Порчестера до Брадуэлла и отправил свои флоты бороздить узкие моря, пираты не прекращались; они выходили из портов Низких стран, из Кале, из Дьеппа, из Сен-Мало; они приходили из Шотландии; они даже выходили из английских портов, чтобы уничтожить английскую торговлю. На них нападали, их рассеивали, , но они снова собирались. Если Франция и Англия находились в состоянии открытой войны, что случалось очень часто, пираты притворялись, что находятся на службе у того короля, который наиболее удобен в данный момент. Их называли морскими разбойниками; есть пример шотландского пирата Мерсера, который, как мы видели, был атакован и убит Филпотом, самым галантным из лордов-мэров; был Юстас Монах, о жизни и подвигах которого написал Томас Райт; Уильям де Мариш, который из безопасного убежища на острове Ланди некоторое время безнаказанно занимался пиратством; Сэвери де Малоллеон, французский пират; Джон из Ньюпорта, убивавший экипажи кораблей, которые он захватывал, и владевший островом Уайт; пираты Линна, Уэллса, Ярмута и Дартмута. Порты Чинкве были пиратскими гнездами; устье Рейна, гавань Кале и Сен-Мало были заполнены пиратами. Английские берега были опустошены ими; Портсмут, Рай, Саутгемптон, Сэндвич, остров Уайт, Скарборо, побережье Норфолка

пострадали от набегов, осад и захватов этих разбойников. Были выданы лицензионные письма. Генрих III разрешил Адаму Робервольту и Уильяму ле Соважу нападать на врагов короля и грабить их, где только можно, при условии, что они будут отдавать ему половину награбленного. В следующее царствование купец, подвергшийся грабежу, получал от короля лицензию на месть в пределах суммы, которую он потерял, но не более; и есть один случай, когда английские корабли, отправленные на север для защиты Бервика, разграбили побережье Англии по пути! В двенадцатом веке людей, отправлявшихся за границу, преследовала та же опасность, что и в девятом. Но в девятом веке каждый купец, трижды переплывший широкие моря на своем корабле, считался "достойным тана". В последующие годы это отличие мастера-мореплавателя и купца было утрачено. И все же о подобной награде вспомнили весьма неожиданно, когда в 1780 году Джеймс Кук, трижды переплывший широкие моря, получил после своей смерти герб, который сделал его семью "достойной тана". Во время поздних саксонских правлений наряду с регулярным королевским флотом существовал большой торговый флот. Раз в год этот флот вызывался на обучение. К несчастью для Гарольда, ежегодные тренировки закончились, и люди разошлись по домам, когда Вильгельм отплыл. Сын Гарольда захватил корабли и отплыл в Ирландию, откуда в течение нескольких лет занимался грабежами на западном побережье. Некоторое время Англия оставалась без военного флота, поэтому пираты снова появились, и торговая служба пострадала.

История последующих четырехсот лет, касающаяся судоходства и внешней торговли Лондона, - это история либо слабой полиции, либо сильной полиции в Ла-Манше. Лондонские купцы не переставали бороться за то, чтобы прибрать внешнюю торговлю к своим рукам, но все это время лишь с частичным успехом: мы видели, что люди Руана, люди императора, венецианцы, генуэзцы, флорентийцы, лангобарды, люди Ганзейского союза и фламандцы - все они приходили в Лондон и сами вели свою торговлю. Пожалуй, самым тяжелым временем для лондонского купечества был XIV век. Однако Англия все еще могла похвастаться морским суверенитетом, а золотой дворянский знак Эдуарда III все еще гордо заявлял об этом превосходстве.

"Ибо четыре вещи показывает мне наш Благородный.

Король, корабль, меч и власть над морем".

"Наши враги, - сказал Капгрейв, - смеются над нами. Они говорят: "Снимите корабль с вашего золотого дворянина и набейте вместо него овцу". Происхождение притязаний Англии на суверенитет на море, которые постоянно выдвигались даже во времена национальной деградации, было, я полагаю, уцелевшим со времен, когда римский флот, содержавшийся для охраны узких морей, создал и поддерживал император, сначала Караузий, а затем Аллект - этот флот имел штаб-квартиру то в Саутгемптоне, то в Дувре, то в Булони, и был, несомненно, суверенным на море. Флот, который король Иоанн - при котором Ла-Манш был в безопасности - вывел на море, был преемником и наследником флота адмирала Караузия. Первое торговое судно, чье имя сохранилось, - "*Маленький Эдуард*". Он лежал у Маргейта в 1315 году, когда был атакован и унесен французами. Его владельцем и командиром был некий Джон Бранд: корабль направлялся в Антверпен, а его груз шерсти принадлежал трем купцам Ганзы. Корабль - вероятно, не очень большое судно - был оценен в 40 фунтов стерлингов, а груз - в 120 фунтов. В том же году большая генуэзская галера или дромонд, груженная кукурузой и прочим провиантом для Лондона, была атакована и захвачена французскими пиратами. Ее стоимость - груз и корабль - оценили в 5716 фунтов 12 шиллингов, или около 100 000 фунтов наших денег. Регистрация "*Авантюриста*" дала толчок иностранной торговле английскими судами. Лондонские купцы обосновались на берегах

Балтики, в Швеции, Нидерландах и Леванте. На севере они столкнулись с враждебностью гансардов: там постоянно шли бои: однажды все английские купцы в Бергене были истреблены. В Ла-Манше в течение этого столетия пиратство возродилось и снова стало большим и насущным злом. Но то, что английские корабли не останавливались перед бесчисленными опасностями, которые им угрожали, доказывает тот факт, что в 1438 году все генуэзские купцы в Лондоне были арестованы, посажены в тюрьму и оштрафованы на 6000 марок, потому что корабль, принадлежащий некоему Стермиеру, купцу из Бристоля, был захвачен в Леванте по обвинению в нарушении правил торговли. Если бристольский купец торговал так далеко, то лондонские купцы, можно не сомневаться, проникали в те же воды. За моря также совершались паломничества, особенно в XV веке, к святилищу святого Яго де Компостелла, могиле самого апостола Иакова. В 1434 году из Лондона отплыли два судна с восьмьюдесятью и шестьюдесятью паломниками соответственно. А во времена правления Эдуарда IV английским купцам не разрешалось перевозить товары на иностранных кораблях, если для них не было готовых английских судов. В то же время тоннаж кораблей настолько увеличился, что Канинги из Бристоля владели большим кораблем в 900 тонн.

Корабли, стоявшие у причалов Биллингсгейт и Квинхит, - это огромные галеры из Гаскони, груженные бочками с вином, корабли с шерстью из Пикардии, скуты из Фландрии, лодки с колесами из Эссекса, большие суда из Алмейна и Норвегии, флотилии, которые каждый год проносились по морям от Генуи до Саутгемптона и Лондона, корабли ганзейских купцов, рыболовецкие суда и траулеры, суда с морским углем, называемые "каттес", баржи и лихтеры, перевозившие грузы вверх и вниз по реке, каботажные суда, привозившие строительные запасы, которые, когда не лежали у причалов, были пришвартованы в реке ниже Лондонского моста. И всегда, весь день, стоял гул матросов и тех, кто грузил и разгружал, и шум рынков; и повсюду среди толпы сновали сержанты, следя за тем, чтобы соблюдались торговые правила, чтобы каждый мешок лежал открытым, чтобы иностранцы не торговали в розницу, чтобы иностранцы убирали свои товары в определенное время, чтобы не было недопродаж. И над всем этим шумом с каждого корабля каждой страны, когда он достигал порта и бросал якорь, раздавался хвалебный гимн моряков Деве Марии о том, что их плавание завершилось благополучно. Этот гимн был единым для всех стран Западной Европы. Живописности средневековому порту добавляет то, что, когда корабли поднимались по реке, огибая Дептфорд и Ротерхит, генуэзские или венецианские галеры, галиоты, галеасы, подметавшие против течения берега веслами, тяжелые бордосские корабли, груженные вином, плыли навстречу ветру и приливу, корабли, названия которых не имеют для нас никакого значения, - с каждого из них по прибытии в Бассейн звучал один и тот же гимн, исполняемый всей корабельной компанией вместе, посреди шума погрузки и разгрузки, бросания или взвешивания якоря, отплытия других кораблей, с песнопениями матросов на их родном языке. По специальному разрешению матросам на греческих кораблях разрешалось петь "Кириале" вместо гимна Богородице, когда корабль бросает якорь под мостом.

Правила торговли, изложенные в Liber Albus, многочисленны и строги. Я прилагаю наиболее важные из них. Ордонансы датируются 13 эд. I.

1. *Торговцы кукурузой.* Кукуруза, привезенная в Лондон по суше, должна быть доставлена в большом количестве на рынок в Ньюегейте перед Братями Минорами или в Грас Чирче (Грейсчерч-стрит). Ни одна из них не должна продаваться до часа Прайм, т.е. с 6 до 7 утра, и чтобы кукуруза, привезенная по воде, предлагалась в розницу простым людям в течение всего дня.
2. *О преследовании.* Запрещается встречать торговцев, приезжающих со своим товаром по суше или по воде, прежде чем они выставят свой товар на продажу.

3. Запрещается продавать что-либо облагаемое пошлиной, пока не будет уплачена пошлина.

4. Ни один свободный житель города не должен вступать в партнерство с чужаком (*т. е.* с тем, кто не является свободным жителем).

5. Пекари должны делать буханки двух размеров, а именно: две по пенни и четыре по пенни. Хлеб должен продаваться только на рынке. Каждый пекарь должен иметь свое клеймо, по которому его хлеб можно узнать. Пекарь коричневого хлеба не должен делать белый хлеб и наоборот. Пекарь не должен покупать кукурузу, чтобы потом продать ее. Пекарь не должен продавать свою муку поварам для приготовления теста. Раз в месяц хлеб каждого пекаря должен проверяться.

Если пекарь будет уличен в продаже хлеба с недостатком веса, его должны поставить на плетень, а неисправный каравай повесить на шею и протащить по "большим улицам, где может собраться больше всего народа, и по большим улицам, которые наиболее грязны". За второе преступление его должны протащить таким же образом и посадить на столб. За третье преступление его тащат, сажают на столб, сносят его печь и запрещают ему впредь заниматься этим ремеслом.

Булочнику не разрешается давать регратессе (*т. е.* женщине, которая продает хлеб из дома в дом) "ручные деньги" в размере шести пенсов в понедельник или "ручные деньги" в размере трех пенсов в пятницу: вместо этого он должен дать ей тринадцать буханок за двенадцать.

6. *О пивоварах и трактирщиках.* Не использовать никаких мер, кроме галлона, горшка и кварты. Их должен клеймить олдермен. Тун пивовара (пивоварением занимались в основном женщины) должен вмещать 150 галлонов. А поскольку меры (которые были сделаны из дерева) иногда усыхают от сухости, их следует проверять четыре раза в год.

7. Ни один чужестранец не может торговать в розницу в городе, если он не получил свободу и не был зарегистрирован в Гилдхолле.

Ни один чужестранец не может содержать трактир или сдавать жилье в городе.

Однако если чужестранец получит свободу Сити, он может держать трактир в любой части Сити, кроме берега реки.

8. Все горожане должны быть в скотте и лоте. Скот - это уплата взносов и налогов, лот - оценка его в должной пропорции.

9. Не допускать свиней на улицы и переулки. Если кто найдет свинью на улице, он может убить ее и оставить себе.

10. Рынки должны проводиться только в отведенных для этого местах. Розничные торговцы провизией не должны покупать ее до Прайма.

11. Никто, кроме свободных людей, не может принимать учеников. Срок ученичества не должен быть менее семи лет. Подмастерье, отслуживший свой срок, должен обрести свободу и быть зачисленным, прежде чем приступит к своему ремеслу.

12. Мэр, шерифы, олдермены, их сержанты, клерки и постельничие не должны содержать пекарню, таверну или любое ремесло с низкой репутацией.

13. Повозки с дровами, лесом или углем не должны стоять в городе, кроме как на Корнхилле.

14. Никому не ездить в Саутварк для покупки кукурузы, скота или других товаров, чтобы создать рынок.

15. Прокаженным не ходить по улицам и не ночевать в городе. Они должны иметь своего общего "адвоката" или проктера, который должен обходить церкви в воскресенье утром и собирать для них милостыню.
16. Продавцы рыбы не должны выбрасывать свою воду на улицы, а нести ее в Темзу.
17. Школы для фехтования и игры с пряжками не держать в пределах города.
18. Иностранным мясникам (*т.е.* мясникам, не имеющим свободы города) ввозить в город шкуры и шкурки волов и овец: разрешается продавать их мясо до полудня (по толкованию Райли, с часу до трех).
19. Все дорожки, ведущие от Темз-стрит к реке, должны быть свободны, чтобы люди на лошадях могли ездить вверх и вниз.
20. Ни одна таверна не должна быть открыта после комендантского часа.
21. Лодочники должны пришвартовывать свои лодки до захода солнца.
22. Шерстинки должны продаваться на открытом рынке.
23. Правила выделки мехов.
24. Купцы, привозящие товары в город, должны иметь право беспрепятственного проезда.
25. Рабочие, *т.е.* плотники, каменщики, штукатуры, плиточники и т.д., должны оплачиваться в соответствии с распоряжениями мэра и олдерменов.
26. Рыботорговцы не должны покупать рыбу до часа Прайма.

На Лондонском мосту не должно быть рынка, особенно для фрипперов или торговцев старой одеждой. В Саутварке не должно было быть рынка.

Парикмахеры не должны были выставять кровь в своих окнах, им было приказано выбрасывать ее в реку. Им также запрещалось заниматься своим ремеслом по воскресеньям. Луковщикам было запрещено отправлять луки на продажу в Корнхилл или в любое другое место в Сити. Что это значит?

Ювелиры должны были ставить личное клеймо на каждом изделии. Кузнецы должны были ставить свое личное клеймо на каждом мече или ноже. Хостельерами называли тех, кто размещал и кормил слуг и лошадей своих гостей. Пастухи давали им только ночлег. Чужестранцы не останавливались в тавернах. Чужестранцам и иностранцам, как правило, не разрешалось сдавать жилье. Чужака можно было пустить только на день и ночь. После этого хозяин должен был нести ответственность за любые проступки постояльца. Хозяевам запрещалось продавать еду и напитки кому-либо, кроме своих постояльцев. Им не разрешалось варить или печь хлеб.

Статьи" приходских мотивов в чем-то совпадали с Торговым уставом. Приведу несколько пунктов. Чужаков можно было принимать только на ночь и день, если хозяин не нес за них ответственности. Открытый камин не должен был находиться рядом с перегородками, досками или в верхней комнате. Все люди должны были оказывать помощь полицейским в задержании нарушителей порядка или бунтовщиков. Жильцы больших домов должны держать лестницу или две для использования соседями. С Белого воскресенья до Святого Варфоломея перед каждым домом должна стоять бочка, наполненная водой. Крыша каждого дома должна быть черепичной, каменной или свинцовой. Для спуска домов в случае пожара должны быть предусмотрены крюки и веревки. Не выбрасывать мусор на улицу. В домах не должно быть свиней и коров. Стойла

перед домом не должны быть более 2½ футов в ширину. Пентхаусы должны быть такой высоты, чтобы люди могли ездить и ходить под ними.

Перед каждым приходским мотом должна проводиться инквизиция на предмет соблюдения этих предписаний и некоторых других пунктов.

А именно: Если в приходе есть какой-либо лоточник.

Если в приходе разводят свиней или коров.

Если в приходе живет прокаженный.

Если на улицах были сделаны какие-либо перепланировки (*т. е.* посягательства).

Если какой-либо пекарь из хлеба "турте" или "трете" (*т. е.* грубого коричневого хлеба) делает тонкий хлеб.

Если служащий управы под каким-либо предлогом вымогает деньги.

Если в приходе была заключена какая-либо ростовщическая сделка со времени последнего приходского мота.

Правило о свиньях постоянно повторялось и так же часто игнорировалось. Однажды в XIII веке четыре человека были назначены находить и убивать всех свиней, бродящих по улицам . Госпиталь Святого Антония был исключением. Этот дом имел право свободно выпускать своих свиней в город при условии, что на их шеях висели колокольчики и что это были свиньи, подаренные госпиталю из милосердия. (См. т. ii. ч. iii. гл. viii.) Однако впоследствии было запрещено держать в городе свиней, коров или волов.

Топливом для домов служил в основном древесный уголь, который привозили в Сити из лесов на севере и юге Лондона на телегах. Во времена Ричарда II было принято решение о том, что древесный уголь должен привозиться в Сити с севера и юга Лондона на телегах. Ричарда II, что и уголь, и дрова должны продаваться по 10 д. за четверть между Михаэлем и Пасхой, и по 8 д. между Пасхой и Михаэлем. Эта цена кажется очень высокой по сравнению с другими товарами. Неизвестно, когда начали использовать уголь. Переулок Морского угля, расположенный у реки Флит, был назван так из-за того, что уголь там хранился во времена правления Генриха III, если не намного раньше. За уголь платили в Биллингсгейте. Рынок древесины находился не на Вуд-стрит (? Woad Street), а в Смитфилде и на Корнхилле. Извозчики продавали "таловое дерево, фагот и буше" - слова, которые объясняют сами себя. В качестве топлива также использовались папоротник, тростник и стерня.

В том смысле, в каком лондонский ремесленник был "свободным человеком", он был, к счастью для роста настоящей свободы, крайне ограничен. Он должен быть подмастерьем, и в течение семи лет он был слугой или, возможно, приемным сыном человека, к которому был привязан; он должен был принадлежать к гильдии; он должен был подчиняться законам этой гильдии; эти законы были подробными и тщательными: они заставляли человека работать в установленные часы и не более; они регулировали цену его работы; они не позволяли ему работать в церковные праздники; они не позволяли ему вступать в закон с другим членом той же Гильдии; они регулярно отправляли его в церковь; если он хоть как-то позорил свой моральный облик, они отстраняли его от работы и высылали из города. Иными словами, он не мог пользоваться своей свободой, живя праздно или озорно. На бумаге эта система была восхитительной, а на деле, похоже, работала хорошо. Прежде всего, она преподавала урок, который мы с тех пор забыли:

рабочий принадлежит не только себе, но и обществу. Именно в этом заключался смысл фиксированных часов, фиксированных цен, фиксированных праздников.

"Что касается заработной платы, то плотники и другие рабочие в основном получали между Михаилом и Мартимом (11 ноября) 4 д. в день, или 1½ д. "и их стол", по выбору работодателя; между Мартимом и Сретением (2 февраля) 3 д., или 1 д. и их стол; между Сретением и Пасхой 4 д., или 1½ д. и их стол; и между Пасхой и Михаилом 5 д., или 2 д. и их стол. Субботы и бдения оплачивались как целые дни, мужчины работали только до вечера, а по воскресеньям и в дни праздников они "не брали ничего", что, несомненно, означало, что в эти дни они вообще не работали. Их слуги, или подсобные рабочие, и изготовители глиняных стен должны были получать между Михаилом и Пасхой 2 д., а между Пасхой и Михаилом 3 д. за все работы. Если кто-либо заплатит рабочему сверх этих ставок, он должен был заплатить городу штраф в размере 40 с., а рабочий должен был быть подвергнут сорокадневному тюремному заключению. Примерно семьдесят лет спустя заработная плата некоторых из этих ремесленников, очевидно, увеличилась: каменщики, плотники, штукатуры и пильщики получали шесть пенсов в долгие дни и пять пенсов зимой, но им не разрешалось брать плату за ремонт своих орудий труда. Заработная плата плиточников, однако, не была столь значительной, составляя 5½ д. и 4½ д. в зависимости от продолжительности дня, а их мальчиков (*гарсонов*) - 3½ д. и 3 д. Мастера маляров также должны были довольствоваться пятью пенсами и четырьмя пенсами, в зависимости от продолжительности дней, их мальчики получали по той же ставке, что и мальчики плиточников" -Riley, Liber Albus, pp. xxxvi.-xxxvii.

Лондон производил в своих стенах почти все, что хотел (см. с. 195). Разделение торговли на сотни отраслей было неизбежно, поскольку город становился все больше, а его требования - все настоятельнее. Например, в отрасли оружия и доспехов нужны были боуьер, который делал луки, флетчер, который делал стрелы, бокельсмит, который делал пряжки, брасеры, которые делали доспехи для оружия, горгоарикер, который делал горжетки, табурировщик - барабаны, хеольмер - шлемы, изготовитель хакетонов - стеганых курток, надеваемых под доспехи и иногда используемых для доспехов, гамбезонов - еще одного легкого вида курток - пик, мечей, копий и арбалетных болтов. Что касается одежды, то у каждого вида одежды был свой изготовитель. Вимплер делал вимплы, или шейные платки, которые носили монахини и пожилые дамы; капельмейстер делал и продавал чепцы; каллер делал капоты или косухи; шалонер делал шалоны или корселеты; бюреллер работал с грубым сукном; тауер - с белой кожей; имена стегальщика, прядильщика и плиссировщика объясняют их ответвления. Многие из этих профессий были крайне неприятны соседям, и время от времени на них поступали жалобы. Например, даже средневековый лондонец не мог наслаждаться соседством с плавильней или мыловаренным заводом, а жители ни в коем случае не могли терпеть вид и зловоние крови и отбросов из Шэмблз, стекающих по узким переулкам в реку. Поэтому был принят приказ по этим вопросам. Однако не стоит забывать, что лондонский Сити, который сейчас является складом и распределительным центром, раньше был огромным ульем промышленности. Где бы вы ни проходили, всюду слышался деловитый гул и звуки работы: мелодичный звон наковальни доносился со двора; в Чепе раздавался крик прентиков; по улицам разносились песни тех, кто торговал товарами; женщины, продававшие рыбу, громко кричали; человек, носивший воду, тоже кричал о своих товарах; то же самое делал пекарь, разносивший буханки. По широким улицам, Чепе, Корнхилл и Бишопсгейт-стрит, медленно проезжали рыцари и оруженосцы; возможно, в город въезжал великий вельможа с пятью сотнями последователей, одетых в его ливреи; тяжело громыхали ширококоленные повозки; королеву везли в ее громоздкой, но богато украшенной карете или в конной упряжке; мэр ехал по улице в сопровождении шерифов и олдерменов, направляясь на городской праздник; Трубач, барабанщик и волынщик предвещали небольшую

процессию, в которой главной фигурой был человек, привязанный к плетню, с точильным камнем на шее, чтобы показать, что он лжец и обманщик; таким образом внимание народа обращалось на преступника, и его приглашали помочь у его столба, и наставляли, какое наказание полагается преступникам. И все это время из каждой лавки, ларька и магазина доносился голос проповедника: "Покупайте, покупайте, покупайте! Чего вам не хватает? Чего вам не хватает?" Помимо всего прочего, весь день раздавался звон колоколов в ста пятидесяти церквях и часовнях города. Они звучали все вместе на ранней мессе, все вместе на angelus; в другое время - на различных службах в религиозных домах: даже в полночь они звучали, когда монахов созывали из теплых постелей на утреню. Это был шумный, суетливый город, полный жизни и оживления; жители всегда были готовы к борьбе, всегда боялись пожара, голода и чумы, но всегда надеялись; и город всегда был молод, как и подобает городу, который постоянно работает.

Торговля Лондона охватывает экспорт и импорт, промышленность и производство, потребности и роскошь, излишества и расточительность. За весь период от нормандского завоевания до прихода к власти Тюдоров в этих вопросах не произошло больших изменений. Иными словами, двор Эдуарда IV был во всех отношениях таким же, как и двор Ричарда II. Церковный сановник в 1480 году был более величественным, чем в 1280 году, но ничем не отличался от него. Ранг и состояние мэра более позднего периода во многом совпадали с рангом и состоянием мэра более раннего периода. Произошло определенное развитие искусства; произошли некоторые изменения в оружии, доспехах и военном деле: мы попытаемся перечислить профессии, ремесла и отрасли промышленности средневекового Лондона. Мы удивимся, узнав, как много их было, как много из них исчезло и как много влилось в другие профессии. Не только техника превратила человека в машину и заставила его всю жизнь заниматься одним маленьким делом, всегда начинающимся, всегда заканчивающимся, всегда повторяющимся. В Приложении вы найдете категориальный список профессий. Я не претендую на полноту списка, но он содержит почти все профессии, упоминаемые в авторитетных изданиях того времени.

Этот список показывает, как я уже говорил, что почти все необходимое для повседневного использования людей производилось в стенах города; здесь делали шерсть, пряли лен, ткали ткани, выковывали и придавали форму оружию, луку и стрелам, копью, пике и мечу; делали доспехи, нагрудники и кирасы; шкуры превращали в кожу, кожу - в седла; Черепица и кирпич; кожи и меха были пригодны для использования; золотые и серебряные кубки, мазеры и потиры были сделаны в Сити; жители Лондона делали одеяла из шалона, они также делали одеяла и подушки; красивые вещи из шелка, стеклянные сосуды и изысканные вещи для женщин; в общем, все, что могло быть сделано в Сити, было сделано. Этот факт не только ограничивает импорт с иностранных и местных рынков, но и показывает, насколько самодостаточным мог быть средневековый город. Эту самодостаточность также иллюстрирует закон (3 Ed. IV. с. 4), который запрещал ввоз большого количества товаров - мера защиты - на том основании, что английские ремесленники не могут конкурировать с иностранными изделиями.

Вот список изготовленных вещей:.

"Шерстяные шапки, шерстяные ткани, шнурки, корсажи, ленты, бахрома из шелка и ниток, шнурки из ниток, шелковые крученые, шелковые, вышитые любым способом, шнурки из золота, шины из шелка или золота, седла, штиблеты или любые приспособления, относящиеся к седлу, шпоры, шпоры, уздечки, ушки, гридни, замки всякого рода, пинсоны, огниво, кастрюли, кости, теннисные мячи, очки, кошельки, перчатки, подпруги, упряжь для подпруг из железа, латаной стали, олова или алкемина, все, что выделано из любой выделанной кожи, Ножи, кинжалы, ножи для дерева, ножи для дерева, ножи для лифа, ножницы, бритвы, ножны, игральные карты, булавки, штифты, иголки, или любая расписная посуда, вилки, шкатулки, Кольца медные или из латаной позолоты, или зеваки, подвесные подсвечники, зеваки, колокольчики, кольца для занавесок, ковши,

скребки, поддельные басоны, фужеры, шляпы, щетки, карты для шерсти, нитки из бланшированного железа, называемые белой проволокой." (У. Каннингем, Рост английской промышленности.) (См. также Приложение II.)

Следующие заметки о правилах торговли принадлежат Райли: - "Бизнес Винедрау.

"Бизнес винных лоточников (*Wyndrawers*), похоже, ограничивался погрузкой, перевозкой и разгрузкой туннелей и труб с вином из погребов на набережной в другие части города. Их тарифы были ограничены определенными ценами в зависимости от расстояния; десять пенсов - наибольшая сумма, разрешенная для перевозки тонны вина в любую часть города, а восемь пенсов - для трубы".

"Пивоварское дело, как известно, ценилось очень низко; скорее, следовало бы назвать его "пивоварней", поскольку в рассматриваемое время этот бизнес почти полностью находился в руках женщин, и так продолжалось до конца пятнадцатого века, если не позже; в этот период Флит-стрит почти полностью арендовали пивоварни или эльщицы, а также изготовители фетровых шляп. Пивовары эля обычно, если не всегда, продавали его в розницу публике, а также оптом, таким торговцам, которые сами не были пивоварами, но имели право продавать его. Более того, в некоторые периоды, как уже отмечалось, мы встречаем запретительные акты, запрещающие кому-либо, кроме пивоваров и хозяев, заниматься продажей эля.

Эль-таверна или эль-хаус, по-видимому, был отдельным заведением, отличным от винной таверны, содержателю которой, хотя об этом ничего не говорится [*Liber Albus*], , вероятно, было запрещено продавать эль. В настоящий момент мы предлагаем обратить внимание читателя исключительно на варку и продажу эля.

Сразу же после окончания варки пивовар или пивоварша должны были послать за согладатаем прихода, чтобы тот попробовал эль. После этого, если он не находил эль равным ассизскому, или, другими словами, не таким хорошим, каким он должен быть, то с согласия своего олдермена назначал на него более низкую цену, которая при продаже не должна была превышать. Штраф, тюремное заключение и даже наказание столбом были результатом неоднократных нарушений ассиза. Галлон, горшок и кварта пивовара и тавернщика должны были быть должным образом скреплены печатью олдермена прихода; тун, или чан, пивоварни (вмещавший 150 галлонов) также опечатывался подобным образом. Есть основания полагать, что горшки и кварталы иногда изготавливались из дерева, поскольку о них говорят, что они делаются зелеными и сжимаются от сухости при охлаждении. Потребители, вероятно, как частные лица, так и трактирщики, отправляли свой сосуд на пивоварню; согласно общественному постановлению, там он должен был стоять весь остаток дня и всю ночь, чтобы дать элю время подействовать, что является еще одним доказательством его новизны при употреблении. На следующее утро, когда заказчик забирал сосуд, он должен был быть "полон хорошего и чистого эля".

Ни пивовар, ни пивоварня, ни регратор, ни регратор эля не должны были держать свои двери открытыми после комендантского часа, под угрозой серьезных наказаний. Пивоварам, равно как и хозяевам хостелов, предписывалось продавать свой эль в розницу полной и законной мерой, а не ханапом, или металлической кружкой для питья заведения".

"Лучший эль, который был не лучше *сладкого сусла*, вероятно, был настолько жидким, что его можно было пить по "горшкам в глубину", не нарушая равновесия пьющего. В те времена бродильные напитки тоже пили как можно раньше; и можно не сомневаться, что эль употребляли сразу же, как только он был сделан. Это, в сочетании с его возможной тонкостью и приторностью, должно было дополнительно препятствовать его опьянению; и сомнительно, что лондонцы тогда заслуживали того характера пьянства, который Фицстефен, казалось, был склонен придать им чуть лучше, чем за столетие до этого. Однако тот факт, что самая маленькая порция эля, о которой здесь идет речь, - это кварта, конечно, должен быть признан, что это несколько ослабляет веру в их сравнительную трезвость. Определенное влияние в этом отношении могло оказать и широкое потребление вина, которое в какой-то период было чуть ли не вдвое дороже эля. Вино по такой низкой цене было не лучше, а то и лучше нынешнего *vin ordinaire*, и, следовательно, хотя его пили много, вероятность того, что оно вызовет опьянение, была невелика".

"Пастельщики были классом торговцев, которые делали пироги и, вероятно, другие виды кондитерских изделий. Согласно одному из законов, им предписывалось печь пироги за полпенни; материалы, вероятно, находили те, кто их нанимал. Пекари (*pybakeres*), как можно предположить, объединяли торговлю пирогами для своих клиентов с обслуживанием столов для гостей за свой счет; как уже было замечено, как и их собратья, повара, они иногда упоминаются как розничные торговцы элем. В одном случае мы находим распоряжение, согласно которому ни один повар не должен брать больше одного пенни за то, чтобы положить каплуна или кролика в корку; материалы для теста, за исключением, возможно, муки, очевидно, находил нанимающий его клиент.

Оптовые рынки кукурузы, солода и соли, доставляемых в Лондон по воде, находились в Биллингсгейте и Квин Хайте. Иногда в правление Эдуарда III и Ричарда II мы находим постановление о том, что товары, привезенные на эти причалы, должны оставаться в продаже для публики три дня, прежде чем торговцам будет позволено покупать; в другое время этот срок ограничивался одним днем. Кукуруза, привозимая в Квин-Хайт, *времен Эдуарда II*. Эдуарда II, собственность чужака или несвободного человека, не должна была выставляться на продажу до звона в соборе Святого Павла в шесть часов утра. *В эпоху Ричарда II*, определенные колокола, по-видимому, звонили, чтобы объявить торговцам о начале продажи кукурузы в Квин-Хайте, Граширче и Биллингсгейте. Кукуруза и солод также продавались в Смитфилде, по-видимому, во времена Эдуарда I и его преемника. Однако в два последующих царствования часто принимались постановления о том, что лица, привозящие кукурузу и солод на продажу в повозках или на лошадях из восточных районов, а именно из графств Кембридж, Бедфорд, Хантингдон и Уэйр, должны стоять на тротуаре у Грасчирхе; а те, кто приезжает с запада, "как из Барнета", должны выставлять свои товары на продажу на тротуаре перед монахами-минорами у Ньюгейта. Поскольку им не разрешалось продавать по образцам, эти обширные тротуары были особенно удобны для хранения и выставления их мешков. Кроме того, что Стратфорд в Эссексе в значительной степени снабжал город хлебом, он, очевидно, был большим хранилищем кукурузы и муки, которые *во времена Эдуарда III привозили в город*. Эдуарда III, привозили в Сити на телегах, вероятно, несколько раз в неделю, поскольку за паваж платили 3 доллара в неделю.

За продавцами и покупателями кукурузы, похоже, во все времена следили с величайшей ревностью и подозрительностью; из многочисленных постановлений, принятых в разные

периоды в их отношении, заслуживают внимания следующие: - Продавцам кукурузы запрещалось продавать ее по образцу или выставлять ее в каком-либо месте на всеобщее обозрение. Ни один торговец кукурузой, рыбой или домашней птицей не должен был покупать ее до часа расцвета. Нельзя было смешивать хорошую кукурузу с плохой, "обманывая народ", под страхом конфискации. Никто не должен был покупать кукурузу, солод или соль и оставлять их в руках первоначального продавца, чтобы потом продать их как его агент с прибылью. Ни один городской житель, торгующий кукурузой, не должен был стоять на тротуарах Грашир и Ньюгейт между иностранными продавцами, но каждый класс торговцев должен был иметь свой отдельный прилавок. Ни один розничный торговец не должен был покупать кукурузу или солод для перепродажи, кроме как в рыночные дни".

"Рыботорговцы, продающие рыбу в больших количествах своим клиентам, должны были продавать ее по корзинам; такая корзина должна была вмещать один бушель овса и, если обнаружится недостаток, сжигаться на открытом рынке. Каждая корзина также должна была содержать только один вид морской рыбы, а работорговцев предупреждали, чтобы они не подкрашивали (*douber*) свои корзины, или, другими словами, не клали хорошую рыбу сверху, а плохую снизу. Рыбу, прибывшую ночью по воде, нельзя было выгружать из лодки до восхода солнца; но если ночь была дождливой, ее можно было высадить на набережной под присмотром "уличного сержанта" до подходящего времени для продажи. Сельдь, скумбрия и другая рыба, привезенная на телеге, не должна была покупаться для перепродажи раньше полудня. Рыбу, привезенную по суше в корзинах, если ее покупал владелец лавки, не заносили в лавку, а выставляли на продажу перед ней; исключение составлял случай, когда свободный человек мог оставить ее на ночь на складе с условием продать ее без вычета на открытом рынке на следующий день.

Хотя, как уже говорилось, рыбу иногда продавали в местах, расположенных ниже по реке, торговцам в Сити иногда запрещалось вылавливать морскую или пресноводную рыбу "с целью отправки ее великому лорду или в религиозный дом, или для реградаций", пока поставщики для короля не сделают свои покупки для использования своим господином. В другой период было принято постановление, согласно которому ни один работорговец не должен покупать рыбу, привезенную в город, "пока добрые люди не купят все, что им нужно". Очень похожими по духу были и следующие постановления, относящиеся к разным периодам рассматриваемого столетия: - Нельзя было покупать рыбу, пока судно не пришвартовалось. Жители Лондона могли покупать рыбу на судне по той же цене, что и торговцы. Рыботорговцы не должны были покупать свежую рыбу до окончания мессы, отпеваемой (вероятно, на восходе солнца) в часовне на Лондонском мосту или в церкви Святого Мартина; и не должны были покупать соленую рыбу до окончания прайма; хотя, согласно постановлению, *принятому временным Эдуардом I*, эта последняя статья была *отменена*. Эдуарда I, эта последняя статья распространялась только на соленую рыбу, в которой имели долю посторонние, а рыбу, принадлежащую горожанам, разрешалось продавать на рассвете, как и свежую. Свободным горожанам также разрешалось стоять у рыбных лавок и быть их партнерами в продаже своих товаров. Ни один подмастерье не должен был входить на судно для покупки рыбы, и ни один носильщик, если его не звали.

Также было постановлено, что никто не должен продавать рыбу на набережной в розницу; и никто не должен носить с собой приготовленные сыроежки для продажи, под страхом ареста и потери сыроежек. Рыбу, привозимую по суше и прибывающую после

обеда, разрешалось складировать, независимо от того, принадлежит она свободному человеку или нет, и продавать на рынке на следующий день. Ни один продавец рыбы не имел права заходить на судно для покупки рыбы: его торговля полностью отличалась от торговли обычного торговца рыбой".

"Большим скотным рынком, конечно же, был Смитфилд (Гладкое поле), который упоминается как "*кампус*", равнина или открытое пространство; здесь же встречаются ранние постановления о поддержании чистоты. Среди прочих животных, продаваемых в Смитфилде, упоминаются свиньи, вероятно, для откорма в городе или в его окрестностях. Судя по частому упоминанию свиней, можно предположить, что свинина потреблялась более широко, чем любой другой вид мяса мясников. *В период правления Эдуарда III ягнята были в большом количестве.* Эдуарда III упоминается, что ягнят привозили на лодках на пристань Святого Ботольфа, расположенную рядом с Тауэром. Большие мясные рынки проводились в Шамбеле Святого Николая, недалеко от Ньюгейта, и в лавках под крытым *домом*, известным под названием "*Ле Стоккс*", впоследствии "*Стокмаркет*". В некоторые периоды, если не постоянно, мясные рынки были открыты по воскресеньям. *Во времена* Ричарда II было принято постановление, согласно которому все мясники, содержащие лавки, должны закрывать их в темное время суток и не продавать мясо при свете свечей; это правило, по-видимому, иногда распространялось и на все другие виды торговли. По этому же случаю было приказано, чтобы никто не выходил за пределы города для покупки ягнят, и чтобы ни один ягненок не продавался дороже шести пенсов.

В царствование Эдуарда III были изданы приказы о том, что отбросы, остающиеся после мясорубок Святого Николая, должны быть захоронены в местах, отведенных для этой цели; а позднее, в то же царствование, мы находим объявление о том, что мясники Святого Николая больше не должны выносить отбросы и грязь с рынка вниз по Темзе; также был издан приказ о том, что крупный скот в будущем должен быть зарезан за пределами города.

В начале правления Эдуарда I было приказано, чтобы чужие или иностранные мясники продавали мясо до полудня в розницу, а после - оптом, пока не отзвучит вечерня в соборе Святого Павла; в это время они должны были закончить продажу своего мяса, не унося ничего в солонку или магазин, под страхом конфискации. В правление Эдуарда III время закрытия рынка для иностранных мясников было продлено до комендантского часа в Сент-Мартин-ле-Гранд. Иностранным мясникам также строго запрещалось привозить на рынок любую тушу без принадлежащей к ней шкуры или шерсти. Среди других постановлений, которые, по-видимому, в равной степени относились как к свободным мясникам, так и к иностранным, было предписание не продавать шкуры или шерстинки до конца рабочего дня или до шести утра; не продавать шерстинки, пока животное живо; и не раз можно встретить запрет, чтобы мясники, ни сами, ни их жены, не продавали сало, тало или жир, чтобы их можно было вывезти за море. Свечи в те времена делали из талова или воска, как и сейчас".

"Люди, чьим бизнесом был прием гостей с целью получения прибыли, похоже, делились на два класса: "*хостельеры*" и "*трактирщики*". Линия различия между этими двумя классами не очень очевидна, но не кажется невероятным, что она заключалась в том, что первые размещали и кормили слуг и лошадей своих гостей, а вторые этого не делали. Во

всяком случае, упоминается, что хотельеры поставляют сено и кукурузу для лошадей, а пастухи - никогда".

"В эпоху Эдуард I. Парикмахерам было запрещено выставлять кровь в окнах, но им было приказано тайно выносить ее в Темзу - одно из сравнительно немногих постановлений этих времен, направленных на вред этому ручью, который теперь очень плохо используется. В эпоху Генриха IV. Генриха IV, можно найти постановление, согласно которому парикмахеры не должны следовать своему призванию или держать свои лавки открытыми по воскресеньям. В конце царствования Эдуарда Третьего боуирам было запрещено отправлять луки на Корнхилл или в любое другое место в пределах города для продажи. В начале того же царствования шпорносцам было приказано продавать шпоры по 6 и 8 д. за пару, причем самые лучшие не должны превышать 12 д. В то же царствование было принято постановление, что каждый золотых дел мастер должен ставить свое клеймо на изделиях своего производства; все кузнецы, которые делали мечи и ножи, должны были иметь свое личное клеймо. В эпоху Эдуард I. установил следующие цены на материалы: за надевание обычного конского башмака с шестью гвоздями - 1½ д.; с восемью гвоздями - 2 д.; за снятие - 1/2 д.; за надевание башмака на кучера - 2½ д.; за надевание башмака на зарядное устройство - 3 д.; за снятие башмака с любого из них - 1 д.

Кареты и повозки могли быть в любое время конфискованы сержантами и конюхами (*гарсонами*) городских сановников и чиновников у "*травентеров*", или лиц, державших повозки и лошадей напрокат. Однако повозки, перевозившие городские нечистоты, упоминаются как особо освобожденные; это постановление очень похоже на то, чтобы сделать добродетель из необходимости. Сержантам и конюхам было особенно приказано не беспокоить повозки и лошадей бедняков, которые привозили в город продукты и другие товары на продажу, и не "ради собственной выгоды" щадить тех, кто держал их внаем, - довольно сильный намек на распространенность взяточничества, которое, по всей вероятности, было ничем не оправдано. Телеги, используемые в городе для перевозки песка, гравия или гончарной глины, вмещали одну полную четверть и не более". (Райли, Введение к Liber Albus.)

К этим торговым постановлениям следует приложить самый грозный документ (38 изд. III.), изданный против ростовщиков. Преамбула этого документа в достаточной степени раскрывает точку зрения, которой придерживались ростовщики в то время.

"Принимая во внимание, что до сих пор лондонский Сити терпел большие беды, скандалы и убытки, и в будущем может терпеть то же самое из-за некоторых лиц, которые ни из страха Божьего, ни из стыда перед миром не прекращают, а, напротив, ежедневно прилагают усилия, чтобы поддерживать ложный и отвратительный договор ростовщичества под прикрытием и цветом хорошей и законной торговли; Этот вид договора, чтобы более тонко обмануть людей, они называют "обменом" или "чевизансом"; тогда как его правильнее было бы назвать "нечестием", поскольку он губит честь и душу агента, отнимает товары и имущество того, кто представляется услужливым, и разрушает все виды правильного и законного движения, благодаря которому, как и по всей земле, так и в упомянутом городе, они должны быть главным образом поддержаны и сохранены. Поэтому и т. д."

В древности монетные дворы были установлены в каждом крупном городе, а работа по чеканке монет поручалась частным лицам, которых называли монетаристами.

При Эдуарде I монетные дворы были в Лондоне, Кентербери, Кингстоне-на-Халле, Ньюкасле-на-Тайне, Бристоле и Эксетере, и эта система порождала бесконечные расстройствa и жалобы на малый вес и плохие деньги. Только в правление Елизаветы все монетные дворы были сведены к одному, и тот находился в лондонском Тауэре. Золотые монеты были введены Генрихом III, но они не понравились, и, поскольку брать их было необязательно, они не вошли в обиход до правления Эдуарда III, который выпустил дворянский, полудворянский и четвертьдворянский монеты.

Когда король или королева общались между собой, а также в Двенадцатый день, в жертву приносилась монета, называемая безант, которая затем выкупалась королевским камергером. Безант представлял собой круглый кусок кованого золота, на одной стороне которого была выгравирована Троица, а на другой - Дева Мария. Те, что были сделаны для Якова I, отличались друг от друга. На ней был изображен король, стоящий на коленях перед алтарем, с четырьмя коронами перед ним и легендой *Quid retribuam Domino pro omnibus quæ tribuit mihi?* На другой стороне был изображен ягненок, лежащий у креста с надписью *Cor contritum et humiliatum non despiciet Deus*.

Во всех государственных случаях, таких как коронация, бракосочетание, крещение, похороны или посвящение в рыцари Подвязки, королю было принято подносить безант. Говорят, что этот обычай вышел из употребления, когда некий декан Виндзора отказался разрешить выкупить безант деньгами. Денежник, которому доверили гравировку безанта, был назван в честь монеты. Таким образом, в правление Генриха II мы видим, что денежники, как чиновники, особо зависимые от короля, оценивались отдельно. Лондонский денежник платил таллаж *ad filiam maritandam*. Их было пятеро: Ачард, который платил шесть шиллингов, Лефвин Безант, который платил пять марок, Эйлвин Финч, который платил две марки, и еще двое.

Далее спросим, какие товары могли предложить лондонские купцы для обмена и экспорта?

Генрих Хантингдонский, писавший в царствование Генриха II, сообщает, что Англия обладала рудниками меди, железа, свинца и серебра, причем последнего металла в очень малых количествах. "Серебро, однако, поступает из соседних портов Германии, с которой ведется обширная торговля по Рейну в изобилии рыбой и мясом, а также прекрасной шерстью и жирным скотом, которые поставляет Британия..... Британия также поставляет большое количество очень превосходной струи черного и блестящего оттенка". Следует отметить, что он не включает рабов в число экспортируемых товаров. Следовательно, эта торговля исчезла. Заявление этой хроники сохраняется на протяжении четырехсот лет. Основными предметами экспорта Англии по-прежнему были шерсть, шкуры, железо и олово. Иногда экспортировалось и зерно. Англия, течение многих веков, была самой большой страной-производителем шерсти в Европе. Главной причиной этого был сравнительный мир на острове в то время, когда остальная Западная Европа была постоянно опустошена войнами всех видов: гражданскими, иностранными, войнами между баронами, войнами между городами. Англичанин был единственным фермером, который мог сохранить своих овец. Поэтому в Германском океане постоянно плавали легкие корабли, груженные шерстью. Фландрия была страной-производителем, которая получала шерсть; когда дружеские отношения Англии и Фландрии разрывались, половина фламандцев оказывалась без работы. Англия отправляла за границу деньги с помощью шерсти: дань Папе Римскому выплачивалась мешками шерсти, которые отправлялись в Брюгге и там продавались. В 1343 году деканы Йорка, Личфилда и Солсбери, а также архидиакон Кентербери, которые все были

нерезидентами-итальянцами, получали свое жалованье шерстью. Даже налоги исчислялись мешками шерсти.

Было предпринято много усилий, чтобы сделать Англию страной-производителем, но долгое время они были тщетны. Генрих I учредил ярмарку тканей в Сент-Бартоломью. Эдуард III привез ткачей из Фландрии и поселил их в Норвиче. Достаточно постоять перед гильдиями Брюгге и Гента или в великолепном зале драпировщиков в Ипре, чтобы понять, насколько велика была отрасль суконного производства, которую англичане так медленно осваивали.

Вплоть до пятнадцатого века английские корабли заходили в Брюгге по каналу. Когда в шестнадцатом веке Максимилиан запрудил канал в Слюйсе, английские суда стали ходить в Антверпен.

Главный город торговли шерстью назывался Скрепка. Время от времени оно менялось: Брюгге, Сент-Омер, Кале, Антверпен - все они поочередно становились штапелями. Когда Антверпен был разграблен в 1567 и 1585 годах, его место занял Лондон.

Импорт можно классифицировать по странам, из которых он поступал. Так, из Испании в лондонский порт поступали инжир, изюм, вино из бастарда, финики, лакрица, сеvilское масло, зерно, кастильское мыло, воск, железо, шерсть, ватманы, шкуры коз и детей, шафран и зыбучее серебро. Но эти товары поступали из Испании не напрямую, а через Брюгге, великую фламандскую империю, где англичане покупали испанские товары. Португалия экспортировала вино, воск, зерно, инжир, изюм, мед, кордован, финики, соль, шкуры. Пруссия вывозила пиво, бекон, воск, осмунды, медь, сталь, тетиву, войлок, смолу, доски, лен, кельнскую нить, фустиан, холст, карты, пряжки и т. д. Генуэзцы привезли золотые ткани, шелк, перец, пыж, масло, древесную стружку, хлопок, квасцы и золото. Венецианцы привезли всевозможные пряности и бакалею, сладкие вина, обезьян и другие иностранные товары, а также множество предметов роскоши.

"Греческие галеры Венеции и Флоренции

Будьте благосклонны и благодушны:

Все пряности и бакалейные товары.

Со свинными крыльями, со всеми видами мяса.

Апы и шулки, и мармазеты таилед.

Пустяки, пустяки, что мало кто может позволить.

И шулки, которыми они модно мозолят нам глаза.

И не выдерживают, чтобы мы ушли.

Ибо многие из тех, что можно вынести.

Might be fore borne for diere and dissevable."

(Libelle of English Polycie.)

Из Брабанта и Зеландии привозили мадеру, пыж, гарлик, лук и соленую рыбу. На рынках Брабанта выставлялись на продажу товары из Франции, Бургундии и Хайно, привезенные по суше на телегах.

Из Ирландии поступали шерсть, шкуры, соленая рыба, такая как лосось, пикша, сельдь; липы, шкуры куниц, выдр, кроликов, малышей и т. д. Шотландия экспортировала напрямую, не проходя через Лондон, шерсть и шкуры.

Из Бретани поступало вино, но какое? Должно быть, это было вино страны Луары, доставленное из Сен-Мало; соль и холст. Из Исландии отправляли рыбу и брали кукурузу, ткани, эль и вино.

Торольд Роджерс составил список английских городов, которые производили и экспортировали продукцию. Лондона в этом списке нет. Лондон не производил ничего, кроме как для собственного потребления; он импортировал все вещи, которые мы перечислили выше, но ничего не производил на экспорт. Это замечательный факт. Он доказывает, что Сити довольно рано стал рассматриваться как центр распределения.

В этом списке можно заметить, что в вопросах необходимости Лондон мог полностью обойтись без иностранной помощи. Дома строились из английского дуба и английского камня; хлеб, масло, сыр, мясо, дичь, рыба, эль, сидр, перри, медовуха, соль, мед можно было изготовить или достать; сукно, шерстяные вещи всех видов, лен, меха, топливо - все эти необходимые вещи были обеспечены дома. Даже вино, в некотором роде, делалось из английского винограда. Бедные слои населения не имели никакого отношения к иностранному импорту. За исключением ваты, которую выращивали на родине, мануфактуры и промышленность страны могли прекрасно обходиться без иностранной помощи. Толедские и дамасские мечи были очень красивы, но английская секира, сделанная английским мастером из сассекского железа, была более пригодна в бою. Импорт был либо роскошью для богатых классов, такой как вино, консервированные фрукты, ткани из золота, бакрама, меха и т. д., либо вещами, необходимыми для дополнения и изготовления более дешевых домашних продуктов, таких как воск, мед, кожа, соленая рыба, лук, чеснок и т. д. По этой причине импорт, как правило, не был равен экспорту, и торговый баланс был в пользу Лондона. Сравните ремесленника времен Эдуарда III и Виктории. Первый пил пиво разных сортов, но все домашнего приготовления, второй - чай, кофе, какао, иногда немецкое пиво, виски, бренди, ром, женеви и, возможно, вино, все импортное. Первые ели хлеб, бекон, баранину, говядину, сыр, яйца, рыбу, которые производились дома. Половина продуктов питания вторых поступала из-за границы. Первые делали все, что нужно для дома; вторые импортируют все: двери, оконные рамы, гробы, спички, в общем, все, что можно купить за границей дешевле, чем дома. Дешевизна имеет свои опасности; мы перестаем ценить то, что не стоит усилий, чтобы получить; прекрасный пшеничный хлеб лежит без внимания в наших канавах; чувство завоевания и обладания утрачено; борьба идет уже не за простые жизненные потребности, а за предметы роскоши.

ДОМАШНИЙ ОБЕД

Из MS. 28162 в Британском музее.

Ярмарки часто упоминались. Сейчас не существует ничего, что хоть в малейшей степени напоминало бы одну из великих ярмарок этого времени. Лавки, представлявшие собой навесы, ларьки или будки, покрытые холстом, располагались бок о бок на улицах, названных так по виду продаваемых в них товаров. Так, здесь были "Прядильня", "Портерная", "Драпировочная". Ярмарка длилась две или три недели. Это была ярмарка как для обмена, так и для продажи; оптовые купцы часто посещали ярмарку, обменивая шелка на шерсть или кожи, а розничные торговцы раскладывали свои товары, чтобы привлечь народ. Все предлагалось на продажу, а на ярмарке, которая всегда включала в себя элемент пиршества, было достаточно таверн, закусочных и питейных заведений, музыкантов, танцоров, кукольников и жонглеров. Когда необходимость в ярмарке постепенно отпала, развлечения остались. И все же вплоть до '50-х годов XIX века среди киосков всегда находились те, которые сохраняли видимость серьезной торговли; между игрушечными лавками и пряниками располагались киоски с дешевыми книгами, чулочно-носочными изделиями и одеждой.

Далее рассмотрим ведение торговли в Лондонском порту. И, во-первых, что касается английских купцов. Когда начинается торговля, одновременно должны начинаться и все правила торговли для ее безопасности, такие как взыскание долгов, надлежащее исполнение контрактов и соглашений. Поэтому в каждом торговом городе была создана организованная торговая палата, которая в старину называлась купеческой гильдией. Об этой организации я расскажу в другом месте (см. т. II. ч. I. гл. IX.). Эта палата или ассоциация торговцев принимала на себя, согласно королевской хартии, исполнительные полномочия, принимала законы, регулировала торговлю во всех отраслях, устанавливала цены, принимала иностранных купцов и грузы из-за границы, назначала время работы рынка и наказывала нарушителей. Гильдия могла выполнять все эти функции не только в доисторический, но и в неисторический период. Ведь в Лондоне мы не имеем ни одной купеческой гильдии, о которой когда-либо говорилось.

Среди иностранных торговцев в Liber Albus упоминаются кельнские купцы, ганзейские купцы, купцы Лотарингии, Баварии, Лемберга, Фландрии, Антверпена, Брюгге, Лувена, Перуджи, Лукки, Ломбардии, Тосканы, Испании, Португалии, Каталонии, Наварры, Прованса, Аквитании, Кверси, Гаскони, Бордо, Генуи и итальянских обществ Фрескобальди и Морори. Упоминается также, что свободы были предоставлены купцам Дуэ, Малина и Сент-Омера, а также многочисленным городам и корпорациям Англии, а гражданам Дублина и Корка были предоставлены ассигнации.

Все эти купцы занимали собственные дома, в которых они должны были жить сами по себе, не общаясь больше, чем это было необходимо, с горожанами, которые, вплоть до XIX века, были склонны толкаться и оскорблять любого иностранца, рискнувшего выйти на улицу без охраны. У выходцев из Германии был Domus Teutonicorum, Стальной двор, где сейчас находится терминал на Кэннон-стрит: у выходцев из Бордо - "Винтри": у фламандцев - собственный дом рядом с "Винтри". История лондонской торговли за пятьсот лет в значительной степени состоит из ревности и ссор между иностранными купцами и лондонскими торговцами.

В 1000 году чужеземцам из Франции, Нормандии, Рима, Фландрии, Льежа и людям императора было разрешено торговать на Биллингсгейт. В двенадцатом веке раз в год в Лондон прибывал флот, перевозивший из Германии вино в качестве основного груза. Он отстоял от берега на два отлива и один прилив. Это означает, что суда поднимались вверх по реке во время паводка, а отчаливали во время следующего прилива и одного отлива после него. В это время людям не разрешалось высаживаться на берег и продавать свой груз. Королевские офицеры поднимались на борт и покупали все, что требовалось для королевских нужд - драгоценные камни, пластины, гобелены, а также вино. После этого торговцам было разрешено продавать товары купцам, но не выходить на открытый рынок и не торговать в розницу. Когда они выносили свои товары на берег, шериф осматривал их, и они должны были платить *scavage*, то есть "показную пошлину". Они могли торговать в течение сорока дней, после чего должны были уходить. Но есть подозрение, что закон не соблюдался с особой строгостью. Некоторые вещи им было запрещено покупать, например, бараньи шкуры, и они не должны были покупать более трех живых свиней!

В 1217 году был заключен договор между купцами Лондона, Амьена и других городов. Участникам конвенции разрешалось грузить и разгружать товары, хранить их на складах в Сити и продавать горожанам, а не иностранцам. Взамен они должны были платить шерифам по пятьдесят марок в год. Один из них мог содержать общежитие в течение года, но не дольше. Они не должны были вывозить провизию из города. Эти иностранцы внесли 100 фунтов стерлингов на строительство водовода из Тайберна в Сити. До этого, в 1194 году, Ричард I предоставил кельнским купцам право посещать все ярмарки, "сохраняя франшизу лондонского Сити".

Расширение торговли и создание промышленности в Англии во многом было обусловлено духом предприимчивости, который стал возможен или даже порожден новой муниципальной жизнью городов. По всей стране города просили и получали хартии по примеру Лондона. Повсюду, вплоть до конца XIII века, можно найти признаки активности и процветания: церкви перестраивались, через реки перебрасывались мосты, стены ремонтировались, строились ворота, пристани, акведуки; возникали новые торговые порты, такие как Линн, Сэндвич, Саутгемптон, например; в Норвиче, Вустере, Ковентри, Лестере, Ноттингеме, Рединге и других местах открывались новые мануфактуры; Нет жалоб на бедность и нищету; в Лондоне нет Пирса Паумена; видно, что купцы покупают загородные поместья; и если в двенадцатом веке Англия мало что экспортировала, кроме своей шерсти, то в пятнадцатом веке повсюду появляются промышленные и мануфактурные предприятия. И для всего этого Лондон был получателем и распространителем.

Ганзейский союз существовал еще в восьмом веке. Его члены начали торговать с Лондоном, по-видимому, очень скоро после этой даты, и были почитаемы как купцы, которые ввозили товары,

очень полезные и труднодоступные в других местах. В правление Этельреда, 979 г. н. э., "люди императора" были признаны достойными "хороших законов". Они поселились на берегу реки, где получили дом недалеко от Даугейта. То ли до, то ли после их поселения рядом с ними поселились "люди Кельна". После споров между двумя домами они были объединены и образовали Гильдхалле Тевтонскорум. Их товары состояли в основном из пшеницы, ржи и другого зерна, канатов, мачт, смолы, льна, пеньки, льняных тканей, досок, воска, стали и других "прибыльных товаров". (Stow).

Не только жители Лондона, но и деревенские жители смотрели на пришельцев с ненавистью. Никакие королевские прокламации не могли защитить их от этой ненависти. Отчасти, несомненно, их ненавидели за то, что они были иностранцами; но в основном, несомненно, за то, что они были монополистами и могли брать за свои услуги все, что им заблагорассудится. Так, когда Уот Тайлер и его весельчаки овладели городом, они убили всех иностранных купцов, особенно фламандцев, стаскивая их даже с алтарей. Чосер говорит (Повесть о Нонне Престесе):-

"Конечно, Джеки Страу и его мейни

Никогда не кричали так грозно,

когда они хотели убить какого-нибудь Флеминга,

как в тот день, когда они убили лису".

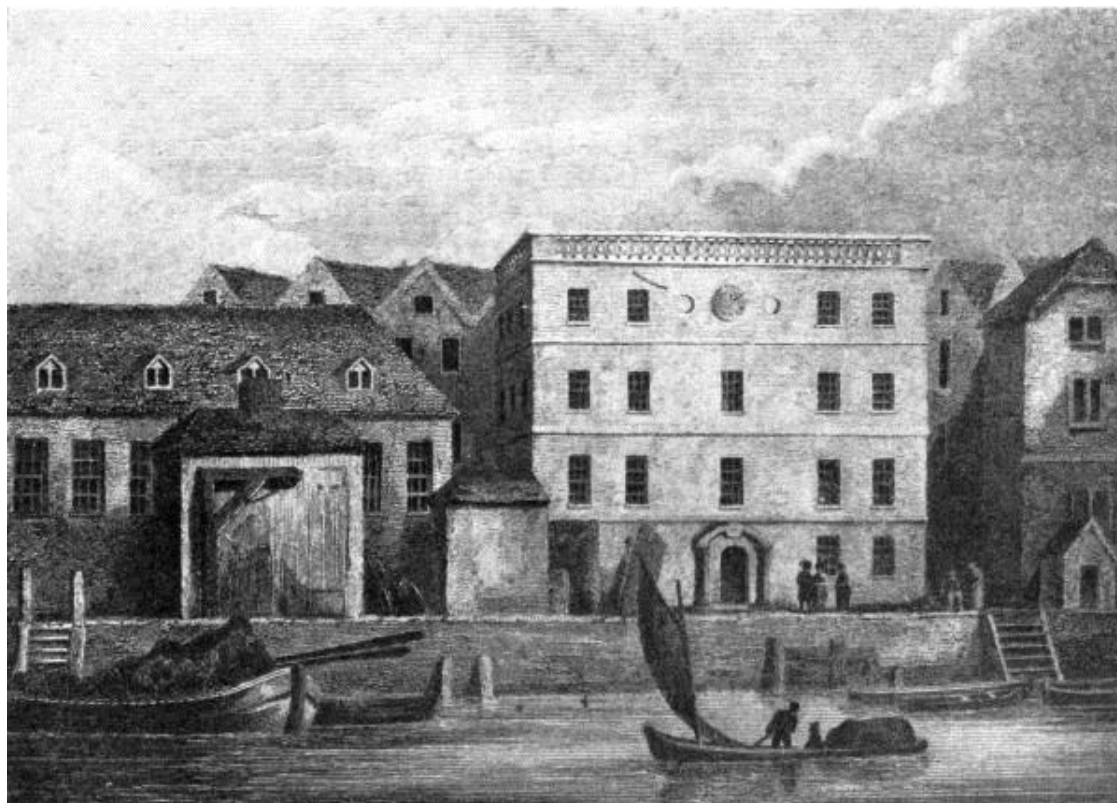
Ганзейский союз был самым могущественным: ему принадлежали все важные города Северной Германии, он имел сотни кораблей, контролировал всю торговлю Балтики, то есть Скандинавии, России, Польши и Германии, и пользовался в Англии в своих целях тем влиянием, которое везде принадлежит кошельку. Члены совета предоставляли королю деньги под большие проценты; за определенную плату они вытаскивали его из затруднительного положения. Так, Эдуард III, в обмен на выданные деньги, передал немцам оловянные рудники Черного принца в Корнуолле; за то же вознаграждение он отдал им ряд ферм на тысячу лет. Здесь нет необходимости описывать Gildhalla Teutonicorum и его различные хартии и привилегии. Достаточно отметить, что постоянные войны в Англии - гражданские, как при Стефане, Генрихе III, Эдуарде II, Ричарде II, Генрихе VI, Эдуарде IV и Ричарде III; внешние войны с Шотландией и Францией; подавление восстаний в Ирландии и Уэльсе - сдерживали рост коммерческого предпринимательства и делали невозможным для английского купца противостоять Лиге. И все же, когда в начале пятнадцатого века появились купцы-авантюристы, они напали на ганзейскую торговлю в Норвегии, Дании и Фландрии. Ожесточенное сопротивление; в Бергене английские купцы были убиты; в открытом море "роверы" или пираты нападали на английские корабли и уничтожали их; ганзейцы грабили английские берега. Английские силы на море были не в состоянии подавить эти акты пиратства или войны. Король был вынужден обратиться за арбитражем к Карлу, герцогу Бургундскому, который предоставил английским купцам существенную выгоду от торговли на Балтике, но вернул Лиге все их прежние привилегии и даже больше. Этот арбитраж был назван Утрехтским договором. Он оставался в силе до окончательного изгнания Лиги сто лет спустя.

Гильдия тевтонов, или Стальной двор, занимала большую территорию в самой многолюдной части Лондона. Его речной фронт простирался от Кузин-лейн - узкого переулочка рядом с Даугейт-Док на западе - до Оллхоллоуз-лейн на востоке; а от реки - до Темз-стрит. Эта территория занимала около 110 000 квадратных футов. Он был окружен мощной стеной; главным зданием был большой зал под названием Гилдхолл, в котором купцы и их клерки принимали общую пищу; северный фасад, выходящий на Темз-стрит, имел трое арочных ворот, из которых для большей безопасности двое боковых были замурованы. Над тремя воротами были следующие надписи:.

(1) "Haec domus est laeta semper bonitate reputa:
Hic pax, hic requies, hic gaudia semper honesta."

(2) "Aurum blanditiae frater est natusque doloris:
Qui caret hoc moeret, qui tenet hoc metuit."

(3) "Qui bonis parere recusat, quasi vilato fumo in flammis cecidit."

Гроув и Боултон

СТАЛЕЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОД, ТЕМЗ-СТРИТ

Еще одно крепкое здание - резиденция магистрата, выходящая на реку. Между двумя домами располагался сад, засаженный фруктовыми деревьями и виноградниками. Здесь впоследствии купцы продавали рейнское вино. Набережная, протянувшаяся вдоль реки, была оборудована большим краном, и все товары выгружались на нее. Жизнь жителей была монашеской по своему характеру. Они не состояли в браке, в стены не допускались женщины, строго соблюдалась чистота, каждый мужчина должен был иметь полный комплект доспехов, им не разрешалось фехтовать или играть в теннис с англичанами, чтобы избежать повода для драки, а в определенный час ворота закрывались. Споры возникали между компанией купцов-авантюристов и ганзейскими купцами. В 1552 году, в правление Эдуарда VI, монополия Ганзейского союза была у них отнята. Ниже приводится запись, сделанная королем Эдуардом VI в постановлении Тайного совета: - "23 февраля.

"23 февраля. Совет принял постановление о том, что, ознакомившись с их уставами (уставами Стиляра), они установили: Во-первых, что они не являются достаточной корпорацией; во-вторых, что, когда они лишились своих свобод, король Эдуард IV. восстановил их на этом условии, что они не должны красить чужие товары (*т.е.* не должны пропускать товары других иностранцев через таможню, как свои собственные), что (однако) они и делали. Кроме того, если вначале они

отправляли не более восьмидесяти тканей, потом 100, потом 1000, потом 6000, то теперь от их имени в один год было отправлено 14 000 тканей, а от всех других чужеземцев - 1100. По этим соображениям был вынесен приговор, что они лишились своей свободы и находятся в одном ряду с другими чужеземцами".

Они продолжали торговать, как и другие иностранные купцы, до 1599 года, когда Елизавета приказала им уехать, но многие из них остались и влились в общее население Лондона. Во время Великого пожара здания были полностью разрушены, но место по-прежнему принадлежало купцам, которые получили грамоту от Карла II. "разрешающую возвести для себя церковь на том месте, где раньше стояла церковь". Что это была за церковь? Это был не Оллхоллоуз Великий, который был отстроен на средства, вырученные от продажи угля. И не Оллхоллоус-Малый, который так и не был перестроен. Возможно, в их стенах была часовня, которую эти благочестивые купцы хотели восстановить; но они так и не осуществили это благородное намерение. В 1599 году было принято решение отобрать у них дом и превратить его в офис для военно-морского флота королевы. Однако в 1666 году мы видим, что здание по-прежнему принадлежит им. Эти два утверждения трудно совместить.

Но кроме Хансардов были и другие иностранные купцы. Генуэзцы имели привилегии. Бордо присылал флоты с вином, Рошель - вино, Лотарингия - ежегодный флот с вином, были корабли из Генуи и Венеции. Все, что они привозили, они увозили с собой шерсть. Англия платила свои пенсы Петра шерстью; она платила шерстью за все, что покупала у этих купцов.

Что касается торговых флотов, то рассмотрим "Фландрский флот" Венеции. Эта великолепно организованная торговая служба состояла из большого количества галер, на каждой из которых работало 180 гребцов - не рабов, а скьявонцев, имевших свое братство в Саутгемптоне: на борту каждого корабля также находилось тридцать лучников, хорошо оснащенных для обороны. Этот флот, впервые отправленный в 1307 году, "посетил Сиракузы, Майорку, берега Испании и Португалии, а затем направился в Англию и в низкие страны". Они не всегда заходили в Лондон, но всегда в Саутгемптон, который был их главным портом в Англии. В церкви Северного Стоунхэма до сих пор сохранился камень, отмечающий место захоронения некоторых гребцов-склавинов, умерших в Саутгемптоне. "Сепультура из Склавонской школы" (Каннингем). Прибыв в Даунс, флот разделился и отправился в Лондон, Рай, Уинчелси, Сэндвич и другие места.

Итальянский квартал в Лондоне находился рядом с Тауэром. Этих итальянцев, выходцев из Пизы, Лукки, Генуи и Венеции, называли "галерниками", потому что они поднимались по реке на галерах, а пристань, где они выгружали свои вина и другие товары, называлась Galley Quay. Стоу пишет: "В этом переулке в давние времена

"В этом переулке в давние времена жили разные чужеземцы, уроженцы Генуи и тех мест; их обычно называли галерниками, поскольку люди, поднимавшиеся на галерах, привозили вина и другие товары, которые они высаживали на Темз-стрит в месте, называемом Галлейный ключ: они имели среди себя определенную монету из серебра, которые были полупенсами Генуи и назывались галерными полупенсами: эти полупенсы были запрещены в 13-м году правления Генриха IV., и снова парламентом в 4-м году Генриха V. Было постановлено, что если кто-либо привезет в это королевство полпенса, сукинг или додкин, то он должен быть наказан как вор; и тот, кто возьмет или заплатит такие деньги, должен потерять сто шиллингов, из которых король должен получить одну половину, а тот, кто подаст в суд, - другую. Хотя в юности я видел, как они проходили по течению, но с некоторым трудом, ибо английские полпенсы были тогда хоть и не такими широкими, но несколько толще и прочнее". (Обзор, книга II.)

В 1353 году Эдуард III направил мэру и шерифам королевское предписание относительно двух генуэзцев по имени Франциско из Генуи и Панимо Гиллиеми, слуги Франциско де Спинолы из Генуи. Эти иностранцы открыли винную лавку, состоящую из двух погребов, в одном из которых хранилось красное и белое вино, а в другом - сладкое вино (из Сицилии, Крита, Кипра, Газы и т. д.). Городские власти, опасаясь, что эти иностранцы будут смешивать вино, что, как считалось, крайне вредно для здоровья, заставили их закрыть лавку, и мэр взял с них клятву, что они не будут смешивать сладкое и белое вино, прежде чем разрешить им продолжать торговлю.

Фламандцы всегда были в более тесных торговых отношениях с Лондоном, чем любой другой народ. Они были самыми большими покупателями шерсти; они пришли сюда, чтобы поселиться, сначала, когда королева Вильгельма Завоевателя защищала их; затем, по приглашению Эдуарда III. В пятнадцатом веке Уолд в Кенте был полон богатых фламандцев; вероятно, Кэкстон в детстве говорил на фламандском и английском, потому что родился в Уолде; и хотя эти люди оставались среди нас на протяжении многих поколений, они не стали англичанами. Их считали жестокими в денежных делах; против их чести и доброго имени было то, что знаменитые "Тушеные блюда" были заполнены фламандскими женщинами; а когда мятежники Джека Строу захватили Сити, одним из первых их действий было убийство фламандцев.

Есть еще одна точка зрения, с которой мы можем рассматривать иностранный элемент Лондона, - это так называемые Курсини. Происхождение этого названия принято относить к городу Каорс. Но почему лондонских итальянцев следует называть уроженцами Кагора, понять нелегко. Когда упоминаются купцы из Кагора, это никогда не связано с крупными финансовыми операциями, которые проводили итальянцы, а Каурсини, упоминаемые в современных документах, вообще никак не связаны с городом Каорс. Другой, и, возможно, более вероятный вариант происхождения - от итальянской семьи Курсини. Следует также отметить, что Матфей Парижский в любопытном образце договора или соглашения между этими купцами и неким религиозным домом называет их "из города...", не упоминая Каорс. В другом месте он отчетливо называет их Трансальпинами.

Итальянцы прибыли в Лондон в царствование короля Иоанна не как торговцы, а как агенты по сбору папских доходов, особенно той их части, которая вносилась, вопреки их воле, религиозными домами. В основном это были выходцы из Сиенны, Лукки и Флоренции. Они были членами торговых компаний, по-видимому, акционерных, членами и пайщиками которых были все знатные горожане процветающих городов Ломбардии, или товарищами по приключениям.

Их деятельность в качестве папских агентов очень скоро дополнилась финансовыми операциями на их собственный счет. Они стали поддерживать связь с монастырями не только из-за папских поборов, но и в связи с продажей шерсти, которая составляла главное богатство религии. Они могли дать более высокую цену, чем можно было получить от других купцов. Они могли давать деньги на строительство, которое постоянно велось в монастырях. Когда Дому приходилось посылать представителей в Рим, Курсини давали им аккредитивы, позволявшие подкупать чиновников папского двора.

Но - факт гораздо более важный - их ресурсы, которые казались практически неисчерпаемыми, позволяли им снабжать деньгами английских королей на протяжении почти двухсот лет.

Они ссужали деньги под высокие проценты, но, поскольку ростовщичество было запрещено церковью и являлось ненавистным и дурным тоном, они скрывали реальную природу своих сделок. На самом деле выданные деньги возвращались без процентов, но заимодавцу платили по разным схемам, которые назывались по-разному, но означали одно и то же, хотя, конечно, не было никакого жеманства, чтобы не понять истинную природу сделки. К итальянцам относились,

особенно церковники, с презрением. Мэтью Пэрис говорит о них: - "В эти дни преобладали ужасные люди.

"В эти дни царила ужасная неприятность, связанная с курсистами, до такой степени, что во всей Англии, особенно среди епископов, не было почти никого, кто не попался бы в их сети. Даже сам король был обязан им неисчислимой суммой денег. Ибо они обходили нуждающихся, прикрывая свое ростовщичество видом торговли и делая вид, что не знают, что все, что добавляется к основной сумме, является ростовщичеством, под каким бы именем оно ни называлось. Ибо очевидно, что их займы лежат не на пути благотворительности, поскольку они протягивают руку помощи бедным не для того, чтобы облегчить их, а для того, чтобы обмануть их; не для того, чтобы помочь другим в голоде, а для того, чтобы удовлетворить свою собственную жадность". (Перевод Джайлса.)

Он также приводит пример их обычной формы соглашения: "-

"Всем, кто увидит настоящие труды - настоятельница и монастырь Здоровье в Господе....
Да будет вам известно, что мы получили в долг в Лондоне, для полезного улаживания дел, касающихся нас и нашей церкви, от такого-то и такого-то, за себя и своих партнеров, граждан и купцов города ..., 104 марки хороших и законных денег стерлингов, каждая марка исчисляется в 13 шиллингов и 4 пенса стерлингов. За эти 104 марки мы, от своего имени и от имени нашей церкви, заявляем, что мы уволены, и заявляем, что мы полностью оплачены, полностью отказываясь от любого исключения из того, что деньги не были подсчитаны, и оплачены, и переданы нам, а также от исключения того, что упомянутые деньги не были обращены на наши собственные нужды и на нужды нашей церкви. И вышеупомянутые сто четыре марки стерлингов, указанным образом и в указанном количестве, должны быть выданы указанным купцам, или одному из них, или их определенному эмиссару, который привезет с собой эти настоящие письма, в праздник св. Петра и Винкула, а именно в первый день месяца августа, в Новом храме в Лондоне, в год воплощения Господа нашего тысяча двести тридцать пятый, мы обещаем законным договором и связываем себя от своего имени и от имени нашей церкви, что мы заплатим и исполним все сполна. Добавляя, кроме того, это условие, что если вышеупомянутые деньги не будут выплачены и исполнены в указанном месте и в указанный срок, как было сказано, мы обещаем с того времени, в срок, всегда ранее заверченный, и связываем себя тем же заветом, давать и предоставлять вышеупомянутым купцам или их определенному эмиссару, каждые два месяца, за каждые десять марок, одну марку из упомянутых денег в возмещение убытков, которые эти купцы могут понести или получить от них, так что убытки и расходы и основная сумма могут быть фактически востребованы, как они были указаны выше, и расходы одного купца с одной лошадью и одним слугой, где бы этот купец ни находился, до полной выплаты всего вышеупомянутого. А расходы, которые понесены и будут понесены для взыскания тех же денег, мы возложим и восстановим на тех же купцов, или на одного из них, или на их определенного эмиссара. Которое возмещение убытков, процентов и расходов мы обещаем упомянутым купцам ни в коем случае не засчитывать в основной долг; и не удерживать упомянутый долг под предлогом вышеупомянутого возмещения, против воли вышеупомянутых купцов, в течение вышеупомянутого срока. За все вышеупомянутые статьи, которые должны быть твердо и полностью выполнены и нерушимо соблюдены, мы связываем себя и нашу церковь, и наших наследников, и все наше имущество и имущество нашей церкви, движимое и недвижимое, церковное и мирское, во владении и в будущем, где бы оно ни находилось, упомянутым купцам и их наследникам до полной выплаты всего вышеупомянутого; эти товары мы настоящим признаем, что мы владеем ими на условиях ненадежного владения. И мы соглашаемся на все вышесказанное быть созданными в любом месте и перед любым трибуналом, и отказываемся за все вышесказанное для себя и наших наследников от всякой помощи закона, как канонического, так и гражданского, от привилегий

клерка и суда, от письма святого Адриана, от всех обычаев и статут, от всех грамот, индульгенций и привилегий, полученных, или будут получены в будущем от Апостольского престола для короля Англии и всех жителей его королевства, конституцию *De duabus dietis*, преимущество полного погашения, преимущество апелляции и самоотвода, запретительные письма короля Англии и все другие исключения, реальные и личные, которые могут быть опротестованы против этого документа или акта. Все это, как мы обещаем, будет добросовестно соблюдено. В подтверждение чего мы сочли нужным приложить наши печати к настоящему письму. Совершено в пятый день Эльфеге, в год милости МССХХХV." (Матфей Парижский, перевод Джайлса, стр. 2-4.)

Процентная ставка, как видно, составляла 60 процентов годовых.

В том же году - 1235-м - епископ Лондонский, "видя, что курсистки открыто и без стыда умножают свое ростовщичество и ведут самую грязную жизнь, изводя религиозных различными обидами и собирая кучи богатств с тех, кто был вынужден подчиниться их игу", поднялся и увещевал их отказаться от своей практики и покаяться за свои проступки. Но что такое епископ Лондона по сравнению с Папой Римским? Курсини посмеялись над епископом; они обратились в Рим; они добились приказа, чтобы епископ, тогда уже старый и больной, отправился в Рим со своими жалобами. Епископ, таким образом, больше ничего не говорил.

В 1251 году против некоторых из них было возбуждено дело. Они выглядят как уступка народным предрассудкам, а также как средство сбора денег для короля.

Снова процитируем Мэтью Париса: - "Трансальпийские ростовщики

"Трансальпийские ростовщики, которых мы называем каурсинами, так размножились и так разбогатели, что построили себе в Лондоне знатные дворцы и решили поселиться там на постоянное жительство, как коренные горожане; Прелаты не смели роптать, поскольку они, Курсины, утверждали, что являются агентами Папы; горожане также не осмеливались выражать недовольство, поскольку эти люди были защищены благосклонностью некоторых дворян, чьи деньги, как сообщалось, они пускали на накопление процентов по образцу римского двора. Однако примерно в это время, по желанию и при содействии короля, против них были выдвинуты тяжкие обвинения в гражданских судах, и они предстали перед судьей, а когда некто в Лондоне выступал в качестве судьи от имени короля, который их обвинял, их обвинили в том, что они раскольники, еретики и виновны в измене королю, поскольку, хотя они исповедовали себя христианами, они самым очевидным образом загрязнили королевство Англия своей низменной ростовщической торговлей; На что христианнейший король пожаловался, что его сильно мучает совесть, поскольку он поклялся хранить в неприкосновенности святыне установления Церкви. Поскольку курсистки не могли отрицать обвинения, некоторые из них были схвачены и посажены в тюрьму, а другие спрятались в труднодоступных местах. Иудеи обрадовались такому решению, поскольку теперь у них были соучастники в их рабском состоянии. Однако в конце концов, заплатив большую сумму денег, эти каурсины, соперники иудеев, получили возможность на некоторое время успокоиться. Один из них рассказал мне, автору этого труда, об этих делах и заявил под присягой, что если бы они не построили эти дорогие дома в Лондоне, то едва ли один из них остался бы в Англии".

ТОРГОВЕЦ

Из Элсмирской рукописи "Кентерберийских рассказов" Чосера.

Способы погашения долга королем были различными. Кредиторы получали вексель на казначейство или хранителя гардероба; уступку части доходов - так, 27 изд. I., все доходы Ирландии были переданы флорентийским Фрескобальди в счет погашения займа в 11 000 фунтов стерлингов; или же были переданы доходы от субсидии - например, 8 изд. I., доходы от пятнадцатой были переданы итальянским купцам; или они брали на себя таможеню; или получали дополнение к основным крупным коммунальным привилегиям; или получали должности, достойные и выгодные: они собирали таможеню; они управляли монетным двором; они были послами. В 1294 году двенадцать флорентийцев носили титул послов от престольных государств Европы.

Среди компаний, которые ссужали деньги английским королям в XIII и XIV веках, были Муцци из Флоренции, компания Якопо Брабазена из Сиенны, Барди из Флоренции, Амманати из Пистойи, Циркули Нерчи и Циркули Бьянче из Флоренции, Общество сыновей Беккори из Лукки, Пальчи из Флоренции, Риккарди из Лукки, Спины из Флоренции, Общество Бестре из Лукки, Скали из Флоренции и Перуцци из Флоренции, кроме уже упомянутых Фрескобальди из Флоренции. (См. Приложение III.)

В течение двух столетий эти компании выдавали и возвращали огромные суммы. В 1254 году Генрих III был призван Папой Римским выплатить 130 541 марку стерлингов на расходы, связанные с делами Сицилии. Между 1295 и 1309 годами Фрескобальди получили от Эдуарда I и Эдуарда II сумму в 100 000 фунтов стерлингов. После воцарения Эдуарда II ему пришлось заплатить за долги отца 118 000 фунтов стерлингов, а за свой счет - 28 000 фунтов стерлингов.

Однако если итальянцы получали огромные прибыли за счет английских королей, то возмездие обрушивалось на них, поскольку английский король стал причиной их разорения. Джованни Виллани рассказывает следующую историю

"В период войны между королями Франции и Англии флорентийские компании Барди и Перуцци были купцами короля Англии. Все его доходы и шерсть поступали в их руки, и они обеспечивали из них все его расходы. Но расходы настолько превышали доходы, что король Англии, вернувшись домой после войны, обнаружил, что задолжал Барди более 100 000 марок стерлингов, а Перуцци - более 135 000 марок, в счет основного долга, уступок и вознаграждений. Из этих сумм значительная часть состояла из ассигнаций, которые король сделал им в прошлые времена; но они были достаточно опрометчивы, то ли из жажды наживы, то ли движимые надеждой вернуть весь долг, чтобы отказаться от них и доверить все свое имущество и имущество других людей, находящихся в их распоряжении, этому одному принцу. И заметьте, что значительная часть денег, которые они ссужали, не была их собственным капиталом, а была взята ими в долг или получена под честное слово от сограждан и чужих людей. Отсюда вытекала большая опасность как для них самих, так и для города Флоренции. Не имея возможности отвечать на требования своих кредиторов в Англии, Флоренции и других местах, где они торговали, они потеряли свой кредит со всех сторон и стали банкротами, особенно Перуцци. Однако они избежали полного разорения благодаря своим владениям в городе и на территории Флоренции, а также благодаря огромной власти и рангу, которые они занимали в республике. Эта неудача и расходы государства в Ломбардии значительно уменьшили богатство и состояние флорентийских купцов и торговцев, а также всего общества. Ведь Барди и Перуцци занимали столь значительную долю в торговле христианства, что после их падения все остальные купцы стали вызывать подозрение и недоверие. В результате город Флоренция пережил такое потрясение, какого не испытывал уже много лет. Но, чтобы усугубить бедствия этих компаний, король Франции заставил их и других флорентийцев во всех своих владениях разграбить все их товары и имущество, как по причине банкротства, так и потому, что мы были вынуждены занимать деньги у его подданных, чтобы тратить их на наши дела в Ломбардии и Лукке; и это привело к разорению многих других мелких флорентийских компаний, о чем мы впоследствии расскажем". (Archæologia, XXVII.-XXVIII. pp. 259-260.)

Таким образом, власть Курсини получила удар, от которого она так и не смогла оправиться. Итальянские купцы, однако, продолжали жить в Лондоне и торговать там. Любопытная история, рассказанная Томасом Уолсингемским и повторенная Стоу, повествует о генуэзском купце, проживавшем в Сити. Говорят, что он предложил, что если король возведет замок в Саутгемптоне, то сделает это место главным портом королевства и местом, куда будут стекаться иностранные купцы со всех концов. Однако некоторые лондонские купцы, опасаясь за свои интересы, подстроили убийство несчастного генуэзца, за что один из них, Джон Кирби, был казнен.

Еще одна история, относящаяся к более позднему периоду, иллюстрирует все еще сохраняющуюся ненависть к итальянцам. Я привожу эту историю словами Стоу: - "В месяце Мейе

"В мае месяце один итальянский слуга, проходя по лондонскому мысу с кинжалом на изгибе, мерчаунтский слуга, который до этого был в Италии и там порицался за ношение подобного оружия, спросил стражника, как он может так смело носить оружие, уверяя, что он находится за пределами своего графства, зная, что в своем графстве ни один стражник не имеет права носить подобное оружие. На этот вопрос смиритель ответил так, что Мерсер вырвал у него кинжал и сломал его о лопатку, после чего незнакомец отправился к майору, который на следующий день послал за этим человеком в гильдейский зал: И после того, как его порицали, по согласию полного состава суда олдерменов, он был отправлен в тюрьму, а после окончания

суда майор и шерифы, идя домой через дорогу, были встречены таким количеством слуг-мерсеров и других, что не могли пройти, ибо не могли говорить или делать, пока не доставили молодого человека, который до этого был отправлен ими в тюрьму. И в тот же день после полудня собралось множество худых и пышных людей города, которые без подсказки и руководства побежали к некоторым домам итальянцев, особенно к флорентийцам, лукесцам и венецианцам, и там вырывали и выплевывали то, что находили, и причиняли большой вред в разных местах, но больше всего в четырех домах, стоявших на Хлебной улице, из которых три находились в приходе Святого Варфоломея Малого, а один - в приходе Святого Бенитса Финка. Майор, олдермены и уважаемые горожане со всем своим усердием сопротивлялись им, как могли, и отправляли разных из них в Ньюгейт: и в итоге, не без пролития ушатов крови и издевательств разных горожан, слух был утихомирен. Йонг, начинавший все твои дела, занял святилище в Вестминстере, и вскоре после этого герцог Бекингем с другими знатными людьми был отправлен от короля в Сити, который там поручил майору, по верности комиссии, провести расследование о твоём риоте, и так назвали Красильщика в Гильдейском зале, где сидел для судей майор, как королевский лейтенант, герцог Бекингем по правую руку, главный судья по левую руку и многие другие именитые люди, где, пока они проводили свои дознания, другие общинники города многие из них тайно облачили их в доспехи и стали звонить в общий колокол, чтобы вызвать всю силу города и доставить тех людей, которые прежде за разбой были заключены в тюрьму. Но это дело было улажено с помощью совета и труда некоторых отдельных простолюдинов, которые так успокоили своих соседей, что вся эта ярость была утихомирена: но когда до герцога Бекингема дошли слухи, что простолюдины в смятении, он вместе с другими лордами взял Майора и уехал, и так прекратил расследование на этот день. На следующий день майор велел общему совету с надзирателями общин явиться в зал гильдии, где регистратор именем короля и майора велел каждому надзирателю, чтобы после полудня каждый из них собрал всю свою общину в своих общих залах и там дал прямую отповедь, что каждый следит за сохранением королевского мира в городе. После чего горожан привели в такое спокойствие, что после этого дня дознание было должным образом рассмотрено, и *iiij* человек за упомянутое преступление были казнены и повешены в Тайборне, из которых *ij* были святотатцами из Сент-Мартинс ле Граунд, а другой - корабельщиком, за ограбление Энтони Моурисина и других лумбардцев." (Stow's Chronicle.)

ГЛАВА III

ТОРГОВЛЯ И ДВОРЯНСТВО

Народное воображение всегда представляло лондонский Сити вымощенным золотом; народная традиция всегда с удовольствием рассказывала о том, как скромный деревенский мальчик из бедного подмастерья превращается в богатого купца, олдермена и мэра. В самом Лондоне такой традиции не существовало, потому что она была заведомо абсурдной. Молодому ремесленнику были доступны почести, полученные за доблесть на поле боя. Однако я не думаю, что традиционному возвышению скромного деревенского парня более двухсот лет. Он начался в то время, когда древняя связь города и деревни была разорвана по

причинам, которые рассматриваются в другом месте. Иммиграция в город всегда была постоянной; об этом свидетельствует древняя ревность, с которой жители относились к вторжению в их ремесла "иностранцев", под которыми понимались не только фламандцы, французы и вообще представители других народов, но и люди из деревни, не являвшиеся свободными или членами какой-либо компании. Этот поток почти полностью состоял из сыновей деревенских дворян, поскольку более скромные люди могли покинуть свои деревни только бегством. Что касается первых, то их выбор профессии был ограничен; они могли поступить на службу к какому-нибудь великому дворянину - сколько младших сыновей было брошено на произвол судьбы, когда пал Уорик, сколько, когда был опозорен Вулси? Они могли следовать за королем в его войнах - так Оуэн Тюдор, чей собственный отец был простым джентльменом, если он был таковым, поступил на службу к епископу Честерскому. Они могли получить место при дворе или в одном из домов короля. Так, в XVI веке, во время вражды, возникшей между Форстерами и Фенвиками из Нортумберленда, один из Форстеров счел целесообразным сменить родной воздух, ставший опасным. Он бежал на юг; познакомился с Генри Кери, который был смотрителем Хансдон-Хауса, тогда еще королевского дворца, и был назначен йоменом, то есть главой или начальником одного из департаментов; его сын стал судьей, а внук - лордом Верховным судьей. Опять же, он мог поступить в монастырь - один из сыновей Оуэна Тюдора поступил в Вестминстерский бенедиктинский дом. Он мог остаться в своей стране в качестве бейлифа или стюарда; он мог стать адвокатом - интересно было бы узнать, как набирались судебные инны; или, наконец, он мог отправиться в Лондон и поступить в ученики к одной из крупных компаний.

Я давно придерживаюсь мнения, что последняя черта была гораздо более распространенной, чем принято считать. Однако до недавнего времени мне не удавалось подтвердить свою теорию о том, что связь между деревней и Сити была тесной, постоянной и повсеместной; что младших сыновей отправляли в Сити, как сейчас отправляют в армию, для карьеры, которая считалась почетной и выгодной. Если придерживаться этой теории, то совершенно очевидно, что значение Лондона в глазах страны должно было быть гораздо больше, чем принято считать: его политический вес должен был быть гораздо больше, чем принято считать до сих пор, а его достоинство и достоинство его главных должностей должны быть в соответствующей степени повышены. Большие должности в Сити занимали не люди, которые были скромными деревенскими мальчишками, а люди знатные и с хорошими связями. Эта теория, если она хорошо обоснована, также покажет, почему Лондон никогда не создавал собственной наследственной аристократии; почему, одним словом, Лондон так и не стал Венецией или Генуей. По моему мнению, лидеры среди горожан всегда были связаны с братьями и кузенами по всей стране; и когда великие дворяне подъезжали к своим городским домам со своими сотнями, все джентльмены, они въезжали в город, где жили их собственные люди, их собственные кузены, живущие во дворцах, равных их собственным; облаченные в мантии власти и с золотыми цепями власти и достоинства.

Так, я нахожу группы семей из того или иного графства - Фицваррены из Девона и Сомерсета со своими кузенами Уиттингтонами из Сомерсета и Глостера; Чичелы из Нортгемптона; Брембры, Филпоты и Севеноки из Кента; Грешамы, Бэконы, Болейны и Бэнхамы из Норфолка; и это указывает не только на то, что многие деревенские семьи были связаны с Сити, но и на то, что существовали группы семей, близких или дальних кузенов, которые обычно отправляли своих мальчиков в Лондон. Но необходимы более прямые доказательства, чтобы установить то, в чем я уверен, - что эта связь была широко

распространена и даже всеобща; что младший сын из благородной семьи, по крайней мере с XIV по XVII век, рассматривал торговлю в Сити как желанную и почетную профессию. Я не думаю, что так было после середины семнадцатого века. Одним из последних случаев, когда сына деревенского джентльмена отправили в город и сделали подмастерьем, является случай с дедом Гиббона.

Однако есть и много других фактов, указывающих в том же направлении: - 1.

1. Отделение дистрибьюторских и оптовых компаний от рабочих ремесел; положение авторитета и власти, занимаемое первыми; ревность, с которой подмастерья принимались в их органы; почести, оказываемые их членам государем; ответственные должности, возлагаемые на них - один, например, был назначен мэром Бордо, другой - представителем короля в Низких странах. Этих почестей не удостоивались механики и люди, чьи пальцы были "синими".

2. Быстрое увеличение платы, требуемой от подмастерья. Сначала она составляла несколько шиллингов. Затем за шиллинги стали давать фунты. Затем потребовали имущественный ценз, на котором, однако, долго не настаивали. Во времена Якова I плата выросла до 20 фунтов стерлингов; затем она была увеличена до 100 и даже до 500 фунтов стерлингов. Какой ремесленник, какой деревенский мальчишка, какой механик сможет собрать хотя бы 10 фунтов, что в переводе на наши деньги означает, возможно, 300 фунтов?

3. В ремесленных компаниях существовала практика приема учеников двух видов: тех, кого принимали в ремесло в качестве мастера, и тех, кто становился подмастерьем. В последнем случае мальчика иногда заставляли поклясться, что он не будет пытаться стать мастером за свой счет; как правило, он не мог на это надеяться по той же причине, которая удерживает подмастерьев на своем месте и по сей день: отсутствие капитала и кредита. Однако различие между мастером и подмастерьем было резко очерчено и ревностно поддерживалось. И все же мастер должен был знать свое дело, иначе он не смог бы им руководить. Правда, были и мелкие мастера, которые работали своими руками.

4. В "Ремембрансии" (1579-1664) содержатся сведения о 119 мэрах, олдерменах, шерифах и городских чиновниках. Из них наибольшее число - сыновья сельских джентльменов. Таким образом, мы имеем:

Из деревни

Сыновья джентльменов	59
----------------------	----

Родились в Лондоне

Сыновья городских торговцев	16
-----------------------------	----

Из деревни

Очевидно, от бедных родителей	5
-------------------------------	---

Родители не указаны	39
---------------------	----

119

5. Еще одним важным моментом является тот факт, что восхищение народа вызывал не богатый и успешный торговец, как можно было бы ожидать, а боевой человек. Героем лондонского подмастерья был не лорд-мэр, не один из олдерменов, не бедный парень, ставший богатым торговцем, не купец, владевший кораблями и ссужавший деньгами королей; его героем был лондонский юноша, который отправился на битву и вернулся домой рыцарем.

Передо мной лежит книга 1590 года под названием "Девять достойных людей Лондона". Вы ожидаете найти среди них Томаса Бекета, Уиттингтона, Чичела, Кэкстона, Грешема. Вы ожидаете найти среди них и старого радикала Уильяма Длиннобородого. Но вы сильно ошибаетесь. Ни один из этих достойных людей не был помянут. Томас Бекет, святой покровитель Лондона - их собственный святой - почти член компании Мерсеров, был полностью забыт. Ни о ком из остальных люди не хотели вспоминать. Они помнили, как я уже говорил, только тех, кто ушел сражаться. Один лондонский школьник имел честь целый час сражаться с дофином Франции; другой был посвящен в рыцари на поле боя Эдуардом Черным Принцем и вернулся домой, чтобы жениться на дочери своего хозяина - ее звали Долл; третий завалил дикого кабана в Польше; и так далее.

Есть дополнительное доказательство того, что большинство - гораздо большее число - горожан, составлявших главные компании, а также многие из тех, кто представлял прежний тип учеников, были *джентльменами-армигери*, принадлежавшими к тем семьям, которые мы называем графскими.

РЫЦАРЬ

Из "Кентерберийских рассказов" Чосера в переводе Элсмира М.С.

В издании, или продолжении, Стоу, опубликованном "A. M.-H. D., and others" в 1633 году, приведены гербы всех мэров Лондона, начиная с Генри Фиц Эйлвина и до этого года. К гербам добавлена справка о происхождении и родословной мэров, один за другим.

Позвольте мне сначала рассмотреть последнее. Что мы обнаруживаем, анализируя эти записи? Я разделяю анализ на три раздела. Во-первых, это мэры, чьи родители жили в

стране, где они родились; во-вторых, те, кто родился в Лондоне; в-третьих, те, кто родился в других городах.

Таким образом, за 210 лет насчитывается 203 мэра. Перевыборы и неясность рождения объясняют недостающие семь лет:.

1. Из тех, кто родился в стране, есть 156
2. Из тех, кто родился в Лондоне 34
3. Из тех, кто приехал из других городов 13.

Из 203 горожан, достигших поста мэра, 156 приехали из страны. Эти цифры весьма примечательны. Фактически 77 процентов горожан, достигших высших почестей, родились в стране. Если бы такая же пропорция была соблюдена среди всех мастеров, то 77 процентов тех, кто был в Сити купцами-авантюристами, оптовыми торговцами, импортерами, экспортерами и теми, кого мы сейчас называем главами фирм, капиталистами и работодателями, были иммигрантами, родившимися в стране. Я бы, однако, не стал настаивать на последней пропорции по той простой причине, что деревенский парень обычно проявляет больше способностей, чем сын богатого горожанина, и это не потому, что он родился и вырос в деревне, а потому, что сын олдермена склонен верить, что богатство приходит само собой, не понимая ранней борьбы своего отца, в то время как деревенский парень понимает, что Фортуна помогает тем, кто помогает себе сам. Если мы сделаем большой вычет по этому признаку, то сможем с полным основанием утверждать, что 50 процентов купцов были выходцами из деревни.

Внимательно изучите сопутствующие этому факту обстоятельства. Что подразумевается под приезжими из деревни? В деревне XIV века были лорд поместья, священник, арендаторы, хинды, или земледельцы, и ремесленники, необходимые для сельского хозяйства. Теперь было совершенно невозможно найти плату за обучение в большой компании или даже плату за обучение подмастерья в ремесленной компании. А если бы и нашел, то ни одна из крупных компаний не приняла бы в свои ряды сына оленя. А в ремесленные компании лондонские мастера вообще не желали принимать чужаков. Священник после XIV века, предположительно, был бездетным - старый обычай жениться или наложничать постепенно пресекся. Лорд поместья остался. Он знал, что в Сити можно обрести состояние и положение; он знал, что его соседи, кузены, друзья отправляли своих мальчиков в Сити; у них он мог узнать, как найти мастера для своего мальчика, какую плату тот будет платить, как обеспечить ему знакомство, компанию и карьеру.

Но поскольку очень небольшое число тех, кто ежегодно проходил ученичество, могло подняться до городских должностей, можно предположить, что на каждого мэра приходились сотни учеников, и мы можем с полной уверенностью заключить, что отправка деревенских парней в Лондон была не редкостью, а общепризнанной и широко распространенной практикой, и что эти деревенские парни были сыновьями деревенских джентльменов. А поняв это должным образом, мы поймем и то, почему Лондон ни на минуту не думал отделяться от страны и почему Лондон, в самом прямом смысле этого слова, всегда был сердцем Англии.

Если спросить, почему эти молодые люди всегда были желанными гостями в Лондоне, ответ готов. Во-первых, они приехали к своим родственникам, как два сына Джона Чичела приехали к своим кузенам, как Уиттингтон приехал к своим. Далее, великий Сити имел тогда,

как и сейчас, обычай пожирать своих детей; он всегда должен пополняться свежей кровью; в своей энергии и силе, стимулируемый бедностью, решительностью и честолюбием, деревенский парень легко поднимается над лондонцем второго поколения и в свою очередь производит мальчиков, которым не хватает стимула отца, даже если они унаследовали силу отца; они не могут соперничать с деревенским мальчиком.

СУД КОРОЛЕВСКОЙ СКАМЬИ. ВРЕМЯ. ГЕНРИХ VI.
С иллюстрации XV века.

В Лондоне в наши дни, в каждом большом городе, в каждом маленьком городке, даже в , постоянно происходит тот же стремительный рост, тот же упадок и падение среднего класса. Преуспевающий человек умер, сыновья бросают или теряют то, что нажили их отцы. Ищите их в третьем поколении - их уже нет, они затерялись в огромном потоке неизвестных, несчастных, неспособных, неясных. Возможно, через много поколений кто-то снова появится; он не будет знать прошлого, он начнет род заново... Мне приятно, когда я просматриваю городские списки, думать, что Роберт Бесаунт, шериф в 1195 году, возможно, был моим предком: теория, для которой нет никаких доказательств; сама традиция такого рода, если это род, давно утрачена. Что стало с тремя с половиной поколениями между ним и мной? Не знаю; вот уже шестьсот лет они неизвестны за пределами деревни, города, где родились, а безымянные курганы, усыпавшие их кости, давно сравнялись с травой вокруг, как и потомки Оргара Гордого, Генриха из Лондонского Камня, Букерелов, Харделов, Хаверелов и Баккоинтов.

Однако есть и другой момент. Вместе с родословной и происхождением мэров в данном издании (см. [с. 219](#)) Стоу представлены гербы каждого мэра. Более ранние щиты, такие как щит Фиц Эйлвина, мы не должны рассматривать как подлинные. Однако после XIII века геральдические вещи не подлежат изменению. Все мэры носили оружие. Конечно, мы знаем, что во многих случаях семейные гербы не вызывают сомнений. На ум приходят такие фамилии, как Уиттингтон, Буллен, Чалтон, Филдинг, Кук, Джослин, Хэмптон, Колет, Клоптон, Персиваль, Кейпел, Брэдбери и Грешем. Некоторые из них имеют на своих щитах отличительные знаки, свидетельствующие о принадлежности к младшему сыну. Я в долгу перед моим другом мистером Лофти за информацию по этому вопросу.

Так, в 1631 году Уитмор носит кефаль и полумесяц - следовательно, он был вторым сыном третьего сына. Гор был третьим сыном; Хакет - вторым сыном; Джослин - третьим сыном; Гамадж - третьим сыном; Мозли - сыном третьего сына; Андерсон - сыном шестого сына. Все они, таким образом, без сомнения, принадлежали к сельским семьям. В некоторых случаях гербы были поздними и, вероятно, были дарованы Коллегией герольдов. К ним относятся гербы Коу, Уорнера, Харди, Уоррена, Донна и Котеса. Другие, приведенные в той же книге, являются древними, как, например, гербы Калторпа, Дакетта и Гора. В те времена, как мы помним, право на ношение оружия было предметом величайшей ревности. Визиты герольдов продолжались и в семнадцатом веке. Человек мог получить герб не чаще, чем он мог - или может сейчас - получить пэрство.

Таким образом, я утверждаю, что доказал социальное положение и соображения купцов, оптовых торговцев и авантюристов Лондона. Аристократия Сити была братьями и кузенами дворянства - возможно, меньшего земельного дворянства страны. Пусть об этом факте помнят на протяжении всей нашей истории до прошлого века, когда, как мы видели, на Сити обрушились большие перемены, и он надолго перестал иметь какие-либо связи с деревней или принимать парней из сельских домов и деревенских дворян.

Тогда мы, естественно, задаем вопрос: "Уменьшает ли торговля честь?" Мы видели, что джентри постоянно снабжали Лондон новой кровью; этот факт сам по себе является достаточным ответом. Давайте обратимся к нескольким авторитетам по этому вопросу. Первый из них - Кэмден. Он говорит о де ла Полях: - "Уильям де ла Поль, дворянин.

"Уильям де ла Поль, купец и мэр Халла, был произведен в бароны Казначейства. Его сын, Майкл де ла Поль, стал графом Саффолком, кавалером Подвязки и лордом-канцлером. "То, что он был купцом, - говорит Камден, - не умаляет его чести, ибо кто не знает, что даже сыновья наших дворян были купцами? Я также не стану отрицать, что он имел благородное

происхождение, хотя и был купцом". Отсюда следует, что *mercatura non derogat nobilitati*-торговля не умаляет чести".

Барон де Поллниц свидетельствует о социальном положении английских купцов: - "В Англии дворяне взаимодействуют между собой.

"В Англии дворяне вступают в брак с дочерьми торговцев, как и во Франции; однако следует проводить большое различие между тем и другим. В Англии купцы иногда происходят из величайших домов королевства, и часто случалось, что младшие ветви знатных семей, воспитанные в торговле, по праву наследования становились пэрами; и часто случается, что когда лорд берет в жены дочь купца, она может быть его кузиной или, по крайней мере, дамой из хорошей семьи. В то время как во Франции это всегда дочь ротюрье".

Дефо, всегда отстаивавший честь торговли, говорит: "Торговля отнюдь не противоречит джентльмену, в Англии торговля делает джентльмена; ведь через поколение или два дети торговцев становятся такими же хорошими джентльменами, государственными деятелями, членами парламента, судьями, епископами и дворянами, как и представители самых высоких родов и самых древних семей". Свифт говорит: "Власть, которая раньше принадлежала земле, перешла к деньгам". Джонсон говорит: "Английский купец - это новый вид джентльмена". Гаррисон говорит: "Граждане часто меняются с джентльменами, как и джентльмены с ними".

Если, однако, деревенские дворяне отправляли своих сыновей в Лондон, где те проходили обучение, становились оптовыми торговцами и авантюристами, то в равной степени справедливо утверждение, что успешный торговец или его дети уезжали из Лондона в деревню и продолжали кадетскую ветвь старого дома или основывали линию новых дворян. Такая практика применялась еще в двенадцатом веке, когда семья Джерваза, лондонского купца, стала сельским дворянством в Эссексе. Эта практика продолжалась, поместья переходили из рук в руки снова и снова, новыми покупателями становились лондонские купцы или даже, в наши дни, лондонские торговцы. Во втором поколении они принимаются в общество графства, в третьем их происхождение забывается или о них больше не говорят.

Было бы очень интересно проследить историю семей тех, кто покинул Лондон и стал владельцем усадеб, парков и загородных домов. Но это завело бы меня слишком далеко, и я не смог бы попытаться сделать это, даже если бы у меня было необходимое время, потому что генеалогии людей настолько полны ошибок, намеренных и иных, что не было бы никакой уверенности в результате. Если бы можно было узнать, кто является современными представителями Джерваза из Корнхилла, Ансгара Сталлера, Леофвина Портрива, Оргара Гордого, Хаверелов, Букерелов, Фаррингдонов, Уиттингтонов, Филпотов, Грешамов и более поздних купцов. Потомков некоторых городских домов, однако, можно проследить. Для моего пользования был составлен неполный список, который выглядит следующим образом

Сэр Уильям де ла Поль, уже упоминавшийся, рыцарь Подвязки.

Олдермен сэр Джеффри Болейн, мэр 1457 года, предок королевы Елизаветы, лорда Нельсона и графа Кимберли.

Олдермен Лок, предок Джона Локка, лорда-канцлера Кинга и графа Лавлейса.

Сэр Стивен Браун, бакалейщик, дважды мэр, 1438, 1448, предок лорда Монтегю.

Роберт Пэкингтон и олдермен Барнхэм, предки графа Стэнхоупа и сэра Дж. С. Пэкингтона.

Олдермен сэр Баптист Хикс, предок графа Гейнсборо, маркиза Слайго, адмирала лорда Хоу, лорда Байрона и лорда Раглана.

Сэр Уильям Холлс, предок графа Клэра.

Сэр Эдвард Осборн, мэр 1582 года, предок герцога Лидса.

Томас Легг, гражданин и скорняк Лондона, дважды был его мэром; он женился на Элизабет, одной из дочерей Томаса Бошама, графа Уорика, что показывает, что даже в те времена первые дворяне не считали бесчестным вступать в брак с купцами. Этот Томас Легг был прямым предком графа Дартмута.

Сэр Ричард Рич, предок семьи Рич, графов Уорика и Голландии.

Сэр Джозайя Чайлд, предок герцога Бедфорда, графа Рассела и герцога Бофора.

Олдермен сэр Джон Барнард, предок лорда Палмерстона.

Сэр Джон Ковентри, мэр 1425 года, предок графа Ковентри.

Сэр Томас Лей, мэр 1558 года, предок лорда Лея, графа Чатема, Уильяма Питта и виконта Миллмана.

Олдермен Бонд, предок герцогов Мальборо, Лидса и Бервика.

Сэр Майкл Дормер, мэр 1541 года, предок лорда Дормера.

Олдермен сэр Роуланд Хилл, предок лорда-канцлера Коупера и поэта Уильяма Коупера.

Сэр Ральф Уоррен, мэр 1536 года, предок Оливера Кромвеля и Джона Хэмпдена.

Сэр Уильям Кейпл, мэр 1503 года, предок графа Эссекса.

Олдермен Томпсон, предок маркиза Брэдфорда.

Олдермен Хиткот, предок лорда Эйбеланда.

Олдермен Кок, олдермен Фиц-Вильям, предки маркиза Солсбери, лорда-канцлера Бэкона и маркиза Вустера.

Лайонел Крэнфилд, созданный граф Мидлсекс.

Олдермен Батерст, предок лорда-канцлера Батерста.

Олдермен Херн, предок графа Кларендона.

Олдермен Райтис, предок генерала лорда Коука.

Олдермен Бардхэм, предок сэра Роберта Уолпола и Горация Уолпола.

Олдермен Бекфорд, предок герцогов Гамильтона и Ньюкасла.

Олдермен Уолл, предок герцога Сомерсета.

Олдермен Шортер, предок маркиза Хартфорда.

Джон Ковентри, мэр 1425 года, предок графа Ковентри.

Э. де Бувери, предок Плейделла Бувери.

Сэр Роберт Дьюси, мэр 1631 года, предок лорда Дьюси.

Пол Бэннинг, шериф 1593 года, предок лорда Бэннинга.

Хью Ирвин, предок виконта Ирвина.

Сэр Уильям Крейвен, мэр 1610 года, предок графа Крейвена.

Уильям Уорд, ювелир, предок лорда Дадли и Уорда.

ГЛАВА IV

УЛИЦЫ

Средневековые правила, касающиеся чистоты и порядка в городе, не оставляют желать лучшего, поскольку они были подробными, точными и постоянно повторялись. Если бы их принимал современный Совет Лондонского графства, они не могли бы быть более четкими или удовлетворительными.

Так (1282 г. н. э.) было предписано, чтобы каждый торговец в городе представлял мэру список тех, кто занимается этим ремеслом; таким образом мэр и олдермены получали доступ к справочнику города: те, кто не был внесен в список, не имели права оставаться в городе. Олдермены также должны были узнавать, кто останавливается в общежитиях и каковы их дела в городе. Комендантский час наступал в восемь часов вечера в Сент-Мартин-ле-Гранд, Сент-Лоуренс и Олл-Хэллоуз-Баркинг. Позднее он был объявлен в соборах Святого Павла и Святой Марии ле Боу. В комендантский час ворота должны были быть закрыты, таверны и пивоварни должны были закрываться, и никто не должен был ходить по улицам. В каждом приходе шесть человек должны были дежурить всю ночь: сержанты Квинхит и Биллингсгейт должны были следить, чтобы все лодки были пришвартованы на ночь; никто не должен был переходить реку после наступления темноты; каждый сержант должен был держать наготове свою лодку с командой из четырех человек, чтобы охранять реку. Никто не должен был ходить по улицам ночью".

В 1297 году был издан аналогичный указ. Кроме того, в том же году было приказано, чтобы каждый содержал в чистоте площадку перед своим домом, убирал низкие пентисы и не допускал на улицы свинарники. К этому времени были назначены четыре свинопаса, но очевидно, что для соблюдения закона мало что делалось.

В 1304 году была произведена поимка бунтовщиков. Девять человек были возвращены в тюрьму как обычные "рореры" и ночные гуляки.

В 1309 году состояние улиц потребовало принятия еще одного постановления. Запрещалось выбрасывать на улицы мусор или отходы; их следовало вывозить на телегах к реке, там складывать в специально предназначенные для этого лодки или выносить из города в лавки за стенами. Штраф за первое нарушение составлял 40 д., за второе и последующие - полмарки.

В 1311 году возобновилась деятельность по отправке в тюрьму "рореров", уличных гуляк, мужчин и женщин, бродяг, попрошайек, дичеров и азартных игроков.

В 1312 году было приказано не только закрывать ворота в комендантский час, но и натягивать на них цепи с обеих сторон, а также охранять их двенадцатью или по крайней мере восемью мужчинами каждую ночь и шестнадцатью или по крайней мере двенадцатью мужчинами каждый день. Стражникам было приказано выставить дозорных на вершине ворот, чтобы предупреждать их о приближении вооруженных людей, а также натягивать цепи и опускать портупею, если вооруженные люди попытаются войти.

В 1321 году, когда между королем Эдуардом II и его дворянами начались разногласия, мэра и олдерменов вызвали на королевский совет в Вестминстер и спросили, готовы ли они "сохранить лондонский Сити в пользовании короля и его наследников как наследие их, мэра и горожан, на свой страх и риск".

Они ответили, что сохраняют город, и изложили в письменном виде способ, который они предлагали принять: - "Способ, которым будет обеспечен сейф.

"Способ, которым должно осуществляться хранение города...

"То есть: мэр и олдермены должны быть надлежащим образом вооружены, в той мере, в какой это касается их самих и всех их домохозяев. И каждый олдермен должен собрать в своем округе, в таком месте, какое он сочтет наилучшим, самых проверенных и самых мудрых людей своего округа; и чтобы они, для предотвращения опасностей, которые могут возникнуть для города, - а это не дай Бог, - осмотрели все общежития округа, в которых, по их мнению, останавливаются посторонние или подозрительные лица; И что они должны предписать таким хозяевам и трактирщикам, чтобы они не укрывали и не принимали никаких людей, если они не будут отвечать за свои поступки и свои преступления, если они каким-либо образом проступят.

"И чтобы каждый олдермен в своем приходе заставил всех жителей этого прихода оценить оружие; чтобы они были вооружены в соответствии с их состоянием, для поддержания мира нашего Господа Короля, а также для спасения и сохранения оного в указанном городе.

"И чтобы все ворота города хорошо охранялись днем и ночью, то есть каждые ворота днем охранялись 12 мужчинами, сильными и энергичными, хорошо обученными и хорошо вооруженными, чтобы наблюдать за входящими и выходящими, если вдруг кто-то будет заподозрен в том, что пришел причинить вред городу; а ночью - 24 мужчинами: чтобы те, кто охраняет ворота днем, приходили на восходе солнца и оставались до заката; а те, кто охраняет их ночью, приходили на закате и оставались до восхода солнца. И чтобы постельничие приходов тех, кто вызван в приход, были там наготове с именами тех, кого они вызвали, перед олдерменами их приходов.

"И чтобы каждый олдермен приходил туда в указанный час, дабы убедиться, что те, кого вызывают в стражу, являются сильными и могущественными людьми, и хорошо и достаточно вооружены".

"И чтобы каждый вечер все большие ворота закрывались на закате назначенными для этого стражниками, то есть двумя верными и самыми сильными людьми из всего прихода, и приводились к присяге; и чтобы калитки ворот оставались открытыми до комендантского часа, объявленного на улице Св. Мартина ле Гранда; а затем все калитки должны быть закрыты на всю ночь, чтобы никто не входил, пока не прозвучит престольный праздник в Сент-Томасе Аконском; а затем все калитки должны быть открыты до восхода солнца, и тогда первыми будут открыты большие ворота.

"И чтобы над воротами и на стенах между воротами Города было поставлено достаточно людей для наблюдения и охраны, чтобы никто из оружейников или других людей не подходил к стенам или воротам для причинения вреда Городу. А если кто подойдет туда вышеупомянутым образом, то должен прозвучать рог, чтобы ближайшие стражники были предупреждены, чтобы они пришли на это место для защиты города.

"И чтобы те, кто назначен в определенную стражу, ни за какой шум, ни за какой крик, ни за какую ссору в других местах города ни в коем случае не отходили от своей стражи, если только мэр или олдермены не прикажут им это сделать.

"И чтобы каждую ночь назначалось 200 человек, хорошо вооруженных, или больше, в зависимости от необходимости, чтобы они ходили по всему городу для поддержания мира и для помощи тем, кто несет стражу у ворот, в случае необходимости.

"И чтобы ни один корабль или лодка не швартовались и не стояли ночью нигде, кроме как в гитах Биллингсгейт и Квин Хайт, от заката, а именно, до восхода солнца. И чтобы на Темзе ночью были поставлены две хорошие и крепкие лодки с вооруженными людьми, с одной стороны Лондонского моста, к западу, и две лодки с другой стороны, к востоку; чтобы охранять воду ночью и следить, чтобы никто не мог войти в эту часть Сити, чтобы делать зло; и, если они увидят опасность, предупредить жителей тех приходов, которые охраняют воду."

В 1334 году был издан еще один указ, аналогичный тем, что были изданы в 1282, 1297, 1309, 1312 и 1334 годах. В этом случае был введен дополнительный запрет. Никто не должен был носить "ложное лицо", то есть маску.

В 1353 году издается старая прокламация с дополнениями. Хозяева не должны позволять своим постояльцам расхаживать с оружием или доспехами; чужестранцы не должны были носить оружие любого вида; каждый горожанин должен был помогать служащим города в поддержании порядка; никто не должен был укрывать преступников; никто не должен был заключать "ковин, конфедерации или союзы".

В 1356 году были приняты во внимание плохие дороги за воротами, и была введена пошлина: с каждой телеги - один пенни, с каждой лошади - один фартинг.

В 1357 году король обратил внимание мэра на отвратительное состояние берегов реки и приказал их очистить. Вследствие этого был издан указ, согласно которому никто не должен был выбрасывать мусор на улицы или на берега реки.

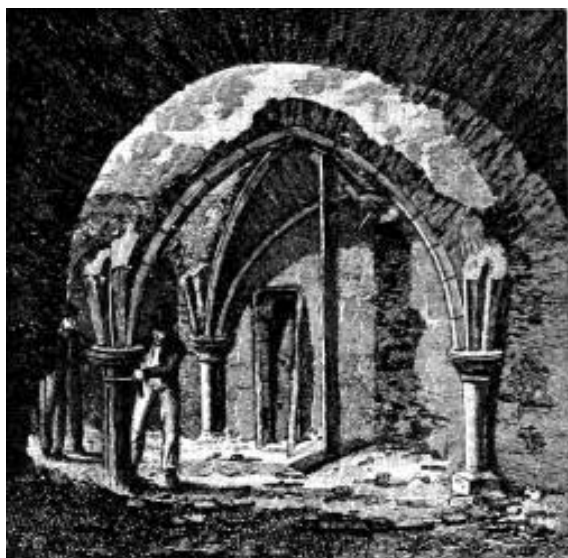
В 1367 году было приказано запретить ставить ларьки у воды рядом с Тауэром. Стоянка представляла собой большое неглубокое углубление, обычно пруд, в которое сбрасывали нечистоты и всякую грязь.

В 1371 году сам король приказал не убивать крупный рогатый скот, овец и свиней в Шамблсе, а разместить *скотобойни* в Стратфорд-ле-Боу с одной стороны города и в Найтсбридже с другой. Мне неизвестно, существуют ли какие-либо записи, свидетельствующие о повиновении этому приказу. Но в том же году мэр установил в Смитфилде налог в размере одного пенни за лошадь, полпенни за быка, пенни за восемь овец и пенни за четырех свиней, причем налог должен был уплачиваться как продавцом, так и покупателем, а вырученные средства направлялись на очистку Смитфилда.

BEFORE THE DREADFUL
FIRE ANN'D 1686
HERE STOOD THE PARISH
CHURCH OF S^T LEONARD
FOSTER LANE

Вид на развалины части бывшей церкви С^T. ЛЕОНАРДА, и шпиля церкви С^m. Ведаст Фостер Лейн

Вид на крипту на месте бывшего колледжа С^T. MARTINA ЛЕ ГРАНДА,
Из "Лондины Иллюстрата".

В 1372 году был издан еще один королевский указ против осквернения банка. Подобные прокламации всегда оказывались бесполезными, поскольку никто не мог привести их в исполнение.

В 1379 году был издан еще один приказ Общего совета о поддержании чистоты на улицах. На этот раз корпорация, похоже, осознала абсурдность запрета того, что она не могла предотвратить. Они больше не запрещают горожанам выбрасывать "отходы, грязь, мусор и стружку" в псарни, но говорят, что они не должны бросать эти вещи в псарни, кроме как во время дождя, чтобы их смыло, и дают офицерам приходов право использовать тележки с суглинком, песком и гравием для вывоза мусора и очистки псарен.

Результатом многовекового превращения улиц в сточные канавы стало, конечно же, насыщение почвы ядовитыми веществами, которые способствовали распространению чумы.

Таковы основные постановления по очистке улиц за сто лет, все они были в одном и том же духе: тринадцать прокламаций и распоряжений, то есть одно за каждые восемь лет, и никакого эффекта.

Я сделал одну или две заметки из "Мемориалов Райли" по другим вопросам, связанным с управлением городом. Так, в 1288 году было приказано содержать в чистоте русло Уолбрука. В 1374 году мавр был передан в аренду определенному лицу с обязательством содержать Уолбрук в надлежащей чистоте. Вдоль Уолбрука каждый дом имел уборную, выстроенную над руслом потока, и за каждую из них в свое время платили 12 д. в год. Теперь сильно сузившееся русло ручья постоянно захлебывалось от скопления всевозможных нечистот, сбрасываемых в него: стройный ручей был недостаточно силен, как раньше, до постройки стены, чтобы донести все до своего устья.

Вдоль берега реки располагались общественные уборные - иногда на набережных, иногда на пирсах, с крышей. Хозяин храма был обязан содержать такую уборную на "храмовом мосту", *то есть* на храмовом пирсе, доступ к которому был у всех на виду. Мы также слышали об общественной уборной без столба там, где сейчас начинается Мавровый переулок. В 1415 году она была осуждена как вредная, и ее убрали. Еще одна общественная уборная находилась в Бишопсгейте прямо у ворот, вероятно, построенная над рвом. У городских ворот вплоть до их демонтажа постоянно находились лавки и кучи нечистот и мусора, которые валялись без них. Вероятно, за каждым воротами находилась общественная уборная. Бишопсгейтская уборная также была осуждена, а другая построена прямо в стенах над многострадальным руслом Уолбрука. В других местах выгребная яма добавляла свое загрязнение к той части почвы, которая избежала загрязнения с улицы. Первая выгребная яма была построена в эпоху правления Генриха III. Далее мы увидим некоторые мудрые законы, касающиеся ее изоляции.

В каждом приходе были люди, назначенные быть "уборщиками мусора", их иногда называли "загребущими".

Скупщики - это чиновники, которые принимали обычаи, связанные со скаважем (показом) ввозимых товаров. Они также выполняли различные другие обязанности, одна из которых заключалась в том, чтобы следить за соблюдением мер предосторожности на случай пожара. Позже они поддерживали в порядке тротуары, ухаживали за улицами и переулками, так что постепенно они превратились в тех, кого мы сейчас называем мусорщиками, дав

название почетному занятию. В связи с этим словом профессор Скит прислал мне следующие замечания:...

"Еще одно лондонское слово - *"падальщик"*; решение этой проблемы без Liber Albus было бы безнадежным. Оно возникло так, как мы никогда не могли предположить и не могли предвидеть; и это показывает тщетность догадок. Начнем с того, что старый смысл был совершенно иным, и старая форма была не *scavenger*, а *scavager*. Человек, которого мы сейчас называем *мусорщиком*, раньше назывался *сгребателем*; Лэнгленд рассказывает, что среди компании в таверне, о которой я уже говорил, был "сгребатель Чипсайда", *то есть* тот, кто должен был сгребать грязь и поддерживать чистоту на улице. Осмотр улиц вошел в число обязанностей *мусорщика*, но поначалу это было не так. Изначально его делом была *уборка мусора*, а *под уборкой* подразумевалась проверка ввозимых товаров, которые должны были быть представлены или показаны *мусорщикам*, или инспекторам. Что касается самого слова *scavage*, то это нормандская чеканка, означающая "show-age" или "выставка", придуманная необычным образом путем добавления французского суффикса -age (как, например, в *porter-age* или *broker-age*) к среднеанглийскому слову *schaw-en*, которое мы теперь произносим как *show*. В итоге получается, что когда-то давно *мусорщиком* называли того, кто занимался "проверкой" импортных товаров, что является довольно интересным моментом в истории. И мне кажется очевидным, хотя этот факт никогда раньше не подчеркивался, что, если учесть, что Чосер был контролером городской таможни, что его особой обязанностью было проверять импорт шерсти, и что шерсть была одним из товаров, на которые взималась пошлина в двенадцать пенсов за каждый "карк" или груз, мне становится ясно (как я уже говорил), что Джеффри Чосер-поэт был по роду деятельности ни больше, ни меньше как *мусорщиком*".

В 1298 году были жалобы на то, что жители забирают камни со стены и бревна с ворот, так что и стена, и ворота приходят в упадок.

В 1302 году некий Томас Бат, привлеченный к суду мэра по обвинению в том, что он не ставил черепицу вместо соломы на свои дома, предложил возместить убытки городу в случае пожара, случившегося из-за его соломы. Предложение было принято при условии, что черепица будет убрана к определенному времени. *Наивность* мистера Бата, предложившего, а город принял компенсацию в случае пожара, поистине поразительна. Что бы сделал мистер Бат, как далеко зашло бы его личное имущество, если бы четверть города сгорела из-за его соломы?

Некоторые записи очень примечательны. В 1308 году был назначен "надзиратель" за цирюльниками. Почему именно цирюльников? В другом месте намекается, что цирюльники позволяли своим лавкам становиться местами приписки; а еще в одном месте им было приказано не заниматься своим ремеслом по воскресеньям. Мехащики не должны чистить свои меха в Чипсайте. Токарям, которые делали деревянные меры, приказано не делать никаких мер, кроме галлонов, потеллов (или полгаллона) и кварт, и не делать никаких ложных мер, называемых "чопинами" и "гилеями". Но почему чопин и гилль были ложными мерами? Белые тавры и мегусы не должны были бить лошадей в Городе: разве тогда не было дворов кавалеров?

Мощение города стало повсеместным лишь в XIV веке. Даже тогда, в 1372 году, мы находим упоминание о "тротуаре" перед монастырем монахов-миноров на Ньюгейт-стрит, как будто он является отличительной чертой этой улицы. Возможно, это объясняется тем, что сама проезжая часть была вымощена для удобства расположенного там рынка домашней птицы.

Мостовая была обязательна для каждого домохозяина перед его собственным домом, но середина улицы была вымощена за счет налога, называемого паважем. С помощью этого налога каждая телега, въезжавшая в ворота, платила пенни. Но телега, перевозившая песок или глину, платила 3 д. в неделю, а телега, перевозившая кукурузу и муку, - столько же: телега, груженная дровами, платила 1/4 д., а телега с углем - 1 д. Но телеги и лошади, перевозившие провизию для личного потребления, не платили ничего.

В 1334 году некоторые иностранные купцы были освобождены от уплаты пошлин или налога на паваж, кроме как перед их собственными общежитиями. Райли считает, что мостовая для Птичьего рынка на Ньюгейт-стрит и других открытых пространств, используемых в качестве рынков, состояла из "грубых слоев камней". Но мостильщики составляли отдельное ремесло, и их зарплата регулировалась в размере тоиза (7½ футов) в длину. Это говорит о некотором мастерстве и знаниях, которые, конечно, не нужны для "грубых камней".

Опасности ночи постоянно присутствовали в сознании трезвых горожан. Когда на улицах не было света - а так было практически до XVIII века, несмотря на предписания и постановления, - и не было патрулей, путь грабителям и убийцам был свободен. Опасность была разной: иногда, особенно во время внешней войны, на улицах было сравнительно тихо, иногда, особенно когда возвращались солдаты, они наполнялись насилием, драками и грабежами. Сильный олдермен в приходе подавлял беспорядки: можно с уверенностью сказать, что было легко узнать характер каждого жителя прихода; слабый олдермен поощрял злодеев: злоумышленнику всегда было легко перебраться на лодке через реку и найти безопасное место в тех районах Саутварка, где Сити не имел юрисдикции. Худшее время, когда в Лондоне происходили подобные беспорядки, было, конечно, в конце двенадцатого века, если не считать, возможно, сто лет спустя, когда король Эдуард подавил мэра на двенадцать лет.

Что касается ремесленников, то по субботам работа заканчивалась на вечерне, то есть в 4 часа дня. Лавки стояли открытыми на первом этаже с широкими окнами, застекленными сверху или вовсе без стекла. Шилды, о которых мы так много слышим, были в первую очередь складами и хранилищами, а уже потом магазинами. Таким образом, Северный и Южный Шилдз - это северный и южный шилды. На одной из улиц, например на Брод-стрит, было две псарни или водостока, на других - только одна. Было принято множество законов о свиньях, которых разрешалось держать в доме, надо полагать, в саду или на заднем дворе, но не на улицах.

Беззаконие, которое постоянно творилось на улицах, в изобилии представлено на страницах "Райли". Так, в 1327 году произошла ссора между шорниками и малярами. Она началась со "спорных" слов между Уильямом де Карлетоном, шорником, и Уильямом де Стокуэллом, художником: их друзья договорились, что спор между ними будет решен арбитражем из шести человек с каждой стороны, и в соборе Святого Павла был назначен "день любви", то есть примирения. К несчастью, художник пошел на хитрость и собрал всех маляров, столяров, лоринеров и позолотчиков в Сити, чтобы они договорились стоять друг за друга и в случае спора или обиды закрывать свои щиты до тех пор, пока дело не будет улажено. За этим, естественно, последовала драка на улицах, в которой многие были убиты или ранены. Дело было передано мэру и олдерменам, которые назначили арбитражный комитет, состоящий из шести олдерменов. Олдермены выслушали обе стороны и выбрали по шесть человек от каждой профессии, после чего было достигнуто соглашение и назначен день любви.

В ранний период существования города водоснабжение было обильным. Повсюду были колодцы, родники и ручьи. Через стену города протекал Вальбрук, питаемый, по крайней мере, одним источником в пределах города. Этот ручей получил полдюжины притоков, прежде чем достиг стены. За городом были источники Клеркенвелла, Святой колодец, Колодец Садлера и другие, впадающие в реку Уэллс или Флит-Ривер: на Стрэнде были небольшие ручьи, стекающие в Темзу с того места, где сейчас находится Ковент-Гарден. И в самом Сити было много колодцев с чистой водой: на Брод-стрит, в Олдгейте, в церкви Святого Антолина, в церковном дворе Святого Павла, у Серых монахов, в Олдерсгейте, у многих частных домов; число этих колодцев никогда не будет установлено, потому что лондонский пожар задушил их, и они были застроены и забыты. Когда совсем недавно была разрушена Фернивалс-Инн, старые колодцы были найдены под фундаментом. Была еще вода из Темзы, которая в определенные периоды прилива была довольно чистой, если ее брали на некотором расстоянии от берега.

Когда Уолбрук превратился в открытую канализацию, а река Флит засорилась всевозможным мусором, возникла необходимость получать воду извне. Во времена правления Генриха III. (1236 г.) в Мэрилебоне был сооружен каменный водовод для приема воды из Тайберна. (См. с. 24.)

В разных частях Сити было установлено девять водоводов или боссов, но все они находились на западной стороне Уолбрука. Три из них находились в Чепе: один напротив Медового переуллка, другой - там, где Чеп переходит в Птицеводство, а третий, Малый кондуит, - в западном конце Чепы, чуть восточнее нынешней статуи сэра Роберта Пиля. Еще один кондуит находился на Сноу-Хилл. Он был отремонтирован и восстановлен в 1577 году неким Лэмбом, который соединил его с источником на месте питьевого фонтанчика перед Больницей Найденшей. Сити к востоку от Уолбрука снабжался водой из колодцев, особенно из колодца напротив будущего здания Королевской биржи. Большой водовод на Корнхилле под названием "Стандарт" был создан только в 1581 году. Однако более ранним был водовод в Олдгейте, по которому вода поступала из Хакни. Вода из Нью-Ривер была проведена в Нью-Ривер-Хед в 1613 году.

Когда в пределах досягаемости не было ни колодца, ни "хозяина", воду носили люди. Те, кто жил на берегу реки, использовали речную воду для своих мастерских и других целей. Саутварк снабжался водой частично из большого пруда в Сент-Мэри-Овери, открытого в любой прилив, частично из родников и ручьев. В самом Сити было много источников, особенно в переулках, поднимающихся от Темз-стрит. Но воду нужно было привозить. Поэтому все пивоварни были размещены на берегу реки, а также многие производства, требующие воды, которые могли там разместиться. Поскольку за каждый галлон воды приходилось платить или нести его слуге, очевидно, что о личной чистоте можно было думать только в тех домах, где было много денег или достаточно услуг. Однако мы не должны делать вывод, что средневековый горожанин всегда ходил немывтым; существовали "парилки", или места для горячих ванн, которые стали печально известными местами отдыха; а в больших домах и замках посетителя всегда проводили в банную комнату по прибытии. Ремесленники, надо полагать, в XIV веке были точно такими же, как и ремесленники XVIII века, то есть мылись они нечасто.

Нехватка воды сказывалась на доме даже больше, чем на людях в нем. Где была вода для постоянного мытья полов и лестниц, на котором настаивает современная домохозяйка? Ее не было. Полы в доме были из твердой глины и, как мы уже видели, покрыты камышом, который

не слишком часто меняли: летом спальни были усыпаны цветами, а зимой - всевозможными травами: но все комнаты, как и следовало ожидать там, где мало мыли и мало проветривали, были изъедены паразитами.

Уилкинсон (Londina Illustrata, vol. i.) рассказывает о городских водоводах: - "Помимо Большого и Малого, в городе есть еще и Большой и Малый.

"Помимо Большого и Малого водоводов в Вест-Чипе, другие общественные резервуары Лондона состояли из следующих. Тун на Корнхилле, оборудованный цистерной в 1401 году; Стандарт в Вест-Чипе, снабжаемый водой в 1431 году; Конduit в Олдерманбери и Стандарт на Флит-стрит, сделанные и законченные душеприказчиками сэра Уильяма Истфилда в 1471 году; цистерны, возведенные на Стандарте на Флит-стрит, Флит-бридже и без Крипплгейта в 1478 году; Конduit на Грасс-стрит, сделанный в 1491 году; Конduit на Холборн-Кросс, возведенный около 1491 г. и перестроенный Уильямом Ламбе в 1577 г., откуда он и получил название Конduit Ламбе; Малый conduit на рынке Сток, построенный около 1500 г.; Конduit на Бишопсгейт, около 1513 г; Конduit на Лондонской стене против Коулман-стрит, около 1528 года; Конduit без Олдгейта, снабжаемый водой из Хакни, около 1535 года; Конduit в Лотбери и Коулман-стрит, около церкви, около 1546 года; Конduit воды Темзы в Даугейте, в 1568 году." "Из вышеупомянутых каналов пресной воды, которые служат городу, - добавляет Ричард Блом, говоря об их состоянии после Великого пожара, - большая часть все еще остается там, где была возведена; но некоторые, по причине большого количества земли, которую они занимали, стоя посреди города, были большой помехой не только для пешеходов, но и для носильщиков, карет и автомобилей; поэтому их сочли нужным снять и перенести в места более удобные и не столь посещаемые людьми; так что вода все еще остается той же. Убраны и вывезены вместе с цистернами Большой водовод в восточном конце Чипсайда; Большой водовод под названием Тун в Корнхилле; Стандарт в Чипсайте; Малый водовод в западном конце Чипсайда; Водовод на Флит-стрит; Большой водовод на Грасс-Черч-стрит; Водовод без Олдгейта; Водовод в Даугейте".⁵ Окончательное отключение этих акведуков произошло около 1701 года. Конduit на Сток-Маркет после его восстановления, по-видимому, был известен главным образом благодаря прекрасной статуе, установленной над ним сэром Робертом Винером, которая была полностью удалена для строительства нынешнего Особняка в 1739 году.

Отчеты "мастеров" Большого водовода в Чепе за 1350 год (см. Riley, Memorials of London, pp. 264, 265) затрагивают многие интересные моменты. Они показывают, что водовод содержался и поддерживался в рабочем состоянии за счет сбора, взимаемого с домов Чепе и Птицелова, и что этот сбор варьировался от 5 до 6 шиллингов. 8d.; что вся линия труб была обследована, что привело к ремонту фонтанной головки в Тайберне, а также к проведению ответвления трубы к Королевскому двору на Чаринг-Кросс, починке трубы между двором и Ветряной мельницей на Хеймаркете, снятию фонтанной головки дважды в квартал и починке трубы на Флит-Бридже и т. д. Оплата труда рабочих составляла 8 д. в день с пенни на выпивку, которая называлась *none chenche*, то есть непьющий, откуда и пошло наше слово *luncheon* или *luncheon*. В этом водоводе, как и в другом конце Чепе, были установлены "танкарды", то есть сосуды в форме конуса, узкие в верхней части, вмещавшие три галлона и снабженные пробкой и ручкой, за которую их можно было переносить. Мужчины, которые доставляли воду из водопровода в дома, назывались коббами, или водовозами.

Что касается тесноты, то не стоит преувеличивать. Город был переполнен даже во времена Генриха V., но не настолько, как впоследствии. В нем все еще были прекрасные сады, обширные сады с фруктовыми деревьями, лужайками и цветами, по всему городу, особенно на северной и восточной сторонах, где земля ценилась меньше, чем в других местах. Каждый

монастырский дом имел свой сад, церковный двор Святого Павла с южной стороны представлял собой большой сад, залы компаний имели свои сады, церковные дворы были зелеными уголками, и были целые улицы, чьи дома выходили на широкие участки открытых садовых участков. Я уже упоминал о том, как дома знати и купцов располагались на узких улицах среди доходных домов и домов рабочих. Эти городские дома находились в Сити до тех пор, пока дворяне не начали строить дворцы вдоль реки ради открытого воздуха и приятного времяпрепровождения. Многие городские дома были заброшены, проданы и снесены еще до конца XVI века.

На главных магистралях в то или иное время считалось необходимым выстроить дома, лавки и торговые ряды в линию по обеим сторонам улицы; на самом раннем изображении Чипсайда показана такая линия. Но с прилегающими улицами дело обстояло иначе. Их *смысл существования* заключался в переходе от одной главной артерии к другой. Как же вывозили товары с Темз-стрит и с набережных? По узким дорогам от Темз-стрит на север. Обратите внимание, что они по большей части были прямыми, потому что легче всего нести ношу на небольшой холм бегом; носильщики бежали прямо вверх по холму до Истчипа, а оттуда шли к Лондонскому мосту, Чипсайду, лондонским рынкам и большим дорогам, на север, юг, восток и запад. В других частях Сити улицы не всегда и даже не всегда были прямыми. Было ли дело в том, что переулок образован пресловутыми коровами, идущими друг за другом? Вовсе нет. Коров не было, иными словами, с ними не советовались при формировании переулков. Это было сделано вот по какой причине. Ремесленники собирались вместе, каждый по своему ремеслу и со своими товарищами для удобства производства, цены, общих печей и приспособлений; необходимо было, чтобы от места работы до места продажи была полоса сообщения; но ремесленники ставили свои дома, не обращая особого внимания на эту полосу сообщения, рядом друг с другом (см. также с. 251), напротив друг друга, под прямым углом, так или иначе, и переулок пролегал через эти дома и между ними; сначала за домами были сады, но, когда земля стала более ценной, через эти сады были проложены дворы и узкие улицы - на карте Огилби 1677 года (см. Лондон времен Стюартов) местами показан сам процесс строительства через сады. Мы должны еще раз напомнить себе, что в первые века не было попыток сделать улицы прямыми, за исключением тех, которые были необходимы для главных магистралей и для удобства передвижения. Даже в XVII веке и после пожара были улицы, где дома выходили прямо на проезжую часть. В Марк-Лейн один дом выступал на двенадцать футов. В некоторых местах я полагаю, что признаки прежних выступов еще можно обнаружить, но не могу настаивать на этой теории в каждом конкретном случае. Большинство из них, несомненно, были либо полностью удалены, либо сильно уменьшены, и дома были выстроены в одну линию после Великого пожара. Иллюстрации того, как улица извивается и поворачивает среди домов, построенных без учета линии, можно найти во многих старых деревнях; особенно в буньяновской деревне Элстоу, где многие дома расположены довольно неравномерно, а дорога (более широкая, чем лондонская улочка) следует за домами, а не наоборот. Таким образом, в частности, постепенно сформировались переулки или узкие улочки вокруг старого Вестминстерского дворца и у реки.

Я уже упоминал о домах дворян, церковников и купцов, которые стояли среди этих узких переулков. Многие из них должны были быть достаточно большими, чтобы вместить огромную свиту знатного лорда, которому они принадлежали, - возможно, пятьсот человек или больше; однако, поскольку стандарты жилья были отнюдь не так высоки, как у нас, количество необходимых комнат в конце концов не было таким уж большим. Если воины лежали бок о бок на соломе или камышах, завернувшись в грубое одеяло, называемое хмельным харлотом, с бревном в качестве подушки, тридцать или сорок человек могли спать

в одной комнате умеренного размера, подобно тому как в *tap-o'-war* матросам разрешено иметь гамак шириной в четырнадцать дюймов.

Таким был облик Лондона в XV веке; всегда и везде он был живописен, будь то дворы величественных дворцов, или дома с высокими двускатными крышами, или резьба, роспись и позолота экстерьера, или захламленные дворы и переулки, или многочисленные старые церкви, или великолепие религиозных домов, или торговля и судоходство на реке, или сами люди. Из старых домов Сити сейчас сохранилась лишь часть одного, а именно Кросби-холл, и фасад другого, дома сэра Пола Пиндара, который находится в Южно-Кенсингтонском музее.

Если мы рассмотрим старинные названия улиц и мест в Лондоне, то обнаружим, что, хотя многие из них были утрачены или изменены до неузнаваемости, все еще остаются те же, что и шестьсот лет назад и более. Я составил список тех улиц, которые упоминаются в наиболее полезных для этой цели книгах - Мемориалах, Календаре завещаний, *Liber Custumarum* и Отчете Комиссии. Названия можно разделить на классы (см. Приложение IV). Так, на природные особенности Сити, пока они были еще слабо выражены и все еще видны, указывают такие названия, как Корнхилл (если только это не фамилия старого рода Коренхелл), Ладгейт-Хилл, Тауэр-Хилл, Ламбет-Хилл, Бред-Стрит-Хилл, Аддл-Хилл. Эти названия напоминают нам о том времени, когда невысокий утес, нависавший над рекой, постепенно срезали, пока он не превратился в короткий и крутой холм, идущий вдоль северной стороны Темз-стрит. Название "Река колодцев", данное флоту, объясняется количеством источников или колодцев, которые бурлили в местечке Клеркенвелл, названном так в честь одного из них. Уолбрук запомнился в Сити только улицей, которая перекрывает этот ручей. Далее, о древних владельцах городской собственности до сих пор напоминают многие сохранившиеся названия. Среди районов есть Бэссишоу, получивший свое название от семьи Бейсинг. Корнхилл, как уже говорилось выше, может означать холм, а может быть именем семьи Коренхелл; Фаррингдонский приход сохранил имя Фаррингдонов; Портсокенский приход отмечает поместье, рента которого раньше предназначалась для оборонительных целей Сити; замок Байнард сохранил имя первого зарегистрированного владельца недвижимости в этом месте; Оргар (St. Мартина), Биллинг, Грешем, Гутрум, *то есть* Гаттер-Лейн, Филпот и другие, сохранившие имена старых семей.

АРКА ПРИОРСТВА БЛЭКФРАЙЕРС, ОБНАРУЖЕННАЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ СНОСА ЗДАНИЯ НА ИРЛАНДСКОМ ДВОРЕ, МАЙ 1900 ГОДА

В-третьих, многие профессии локализуются в названиях улиц или мест. Так, есть Молочная улица, Железный переулок, Вуд-стрит, Медовый переулок, Хлебная улица, Старая Рыбная улица, Гарлик-Хите, Серебряная улица, Патерностер-роу, Бадж-роу.

Большие дома, которые раньше стояли вдоль реки между Блэкфрайарсом и Вестминстером, дали свои названия улицам, идущим к северу и югу от Стрэнда.

Некоторые улицы хранят память о церквях, давно разрушенных и не восстановленных, или о монастырских домах, например Панкрас-лейн, Сайз-лейн (где находилась церковь Святого Осифа), Грейт-Сент-Томас Апостол, Тринити-лейн, Ботолф-лейн (где стояла четвертая церковь Святого Ботольфа у Речных ворот). Ботольфа у речных ворот города), Остинские монахи, Черные монахи, Крутчедские монахи, Минори, Святая Елена, Святой Мартин ле Гранд, Святая Мария Экс, Минсинг-Лейн, Колледж-стрит, Руд-Лейн, Лоуренс Паунтени.

Названия ворот сохранились в названиях улиц, проходящих через них: Олдгейт, Олдерсгейт, Бишопсгейт, Даугейт, Ладгейт, Мургейт, Ньюгейт. Другие названия указывают на древние места, которые в противном случае были бы забыты: London Wall, Fore Street, Galley Wharf, Fleet, Thames, Walbrook, Lombard Street, Old Bailey, Playhouse Yard, Jewry.

Многие из названий - это древние саксонские имена, сохранившиеся до наших дней, другие же остались в измененном виде. Так, мы имеем названия Уотлинг, Портсокен, Крипплгейт, Хите, Квинхит и Гарликхит, Коулмен-стрит, Чепе, Сайз-лейн, Олдерманбери, Аддл-стрит, Ламбет-хилл.

Старые бары или границы городской юрисдикции теперь все исчезли и, за исключением Темпл-Бара, начисто забыты. Королева Хите хранит память о королеве Элеоноре, которая была ее владелицей. На месте Креста Павла аккуратно выложена площадка; Баклерсбери стоит на месте родового поместья Букерелов. За пределами городской стены в огромной

пустыне улиц есть несколько, как в Вестминстере, Саутворке, Уайтчепеле, Клеркенуэлле и в той части, где в течение двухсот лет находились городские дома знатных семей, где в названиях улиц есть история и личности, но, как правило, названия не имеют ни достойного внимания значения, ни исторического характера, и нет никаких причин, чтобы они красовались на углах улиц.

ГЛАВА V ЗДАНИЯ

У королей Англии было много дворцов, как в городе, так и за его пределами. Их главным дворцом от короля Кнута до короля Генриха VIII был "Королевский дом" в Вестминстере. В самом Сити находилась, прежде всего, цитадель, замок, дворец и тюрьма, называемая Лондонским Тауэром. Замок Байнард последовательно принадлежал Байнардам, которые потеряли его в 1111 году, сыну Гилберта, графа Клэра, и его наследникам до 1213 года, когда тогдашний владделец Роберт Фиц-Уолтер, будучи на стороне баронов, захватил и разрушил его. Однако после этого он разрешил владельцу восстановить его. Это было сделано несовершенно, поскольку, когда доминиканцы переехали из своих покоев в Холборне в место, которое теперь называется Блэкфрайарс, они построили свою церковь и часть дома из камней замка Байнард и башни Монфише.

В 1428 году Хамфри, герцог Глостерский, построил дом на берегу реки к востоку от старого замка и, очевидно, назвал его в честь бывшего замка Байнарда, так же как в наши дни мы называем современное строение в Риджентс-парке старым и почтенным именем Святой Кaterины у Тауэра.

Рядом с первым замком Байнарда стояла башня поменьше, также на стене или без нее, и называлась она Монфише. Оба места были задуманы норманнами как опорные пункты, из которых в случае необходимости можно было бы сдерживать город. При строительстве Доминиканского дома мэр Лондона Грегори Роксли дал разрешение на использование некоторых камней монахами. Лучшие из них уже были взяты для ремонта собора Святого Павла.

Третья башня была построена в месте слияния Флита и Темзы по приказу короля на участке стены к югу от Ладгейтского холма. По описанию Стоу, эта башня была "большой и великолепной, такой, как подобает для приема короля, и в ней Эдуард I намеревался некоторое время пожить в свое удовольствие". Он разрешил горожанам в течение трех лет взимать пошлину с товаров, ввозимых в город для продажи, чтобы они могли построить стену, ограждающую дом доминиканцев, и возвести эту башню на углу. Она простояла до 1502 года, когда мэр Джон Шоу приказал ее снести.

На западном берегу Флита, напротив этой башни, находилась другая, после палаты названная Брайдвелл. В рассказе Стоу о его ранней истории присутствует атмосфера неопределенности: "Я читал, что в том году, когда он был построен, в Бридвелле было много людей.

"Я читал, что в 1087 году, 20-м году правления Вильгельма Первого, Лондонский Сити с церковью Святого Павла был сожжен, Маврикий, тогдашний епископ Лондона, начал основание новой церкви, для чего король Вильгельм (говорит мой автор) отдал выбранные

камни этого замка, стоящего недалеко от берега реки Темзы, в западном конце Сити. После этого Маврикий, Ричард, его преемник, приобрел улицы над церковью Павла, обнеся их каменной стеной и воротами. Король Генрих Первый отдал этому Ричарду столько рва или стены замка со стороны Темзы к югу, сколько нужно для возведения упомянутой стены церковного двора, и еще столько, сколько нужно для прохода без стены с северной стороны, и т. д.

МЭТЬЮ ПАРИЖСКИЙ УМИРАЮЩИЙ

Из MS. в Британском музее. Рег. 14 С. 7.

Эта башня или замок, будучи разрушенным таким образом, стоял, как может показаться, на месте, где сейчас стоит дом, называемый Брайдвелл. Ибо, несмотря на разрушение упомянутого замка или башни, дом оставался большим, так что короли этого королевства долгое время после этого жили в нем и держали свои суды. Ибо в девятый год правления Генриха Третьего суды закона и правосудия вершились в доме короля, где бы он ни жил, а не где-либо еще.

Еще (как пишет Мэтью Пэрис) около 1210 года король Джон, на двенадцатом году своего правления, созвал парламент в лондонской церкви С. Брайдс; там он потребовал от духовенства и религиозных людей сумму в сто тысяч фунтов: Кроме того, белые монахи были вынуждены отменить свои привилегии и выплатить королю 40 000 фунтов и т. д. Этот Дом Святой Невесты (более позднего времени), будучи оставленным и не используемым королями, пришел в упадок; настолько, что сама платформа его осталась (на большую часть) пустой, и, как это было, только лежанка из грязи и мусора, только изрядный Колодец остался там. Большая часть, а именно западная, как уже было сказано, была отдана епископу Солсберийскому; другая часть к востоку оставалась пустой, пока король Генрих Восьмой не построил на ней величественный и красивый дом, дав ему имя Брайдвелл, от прихода и колодца. Этот дом он специально построил для развлечения императора Карла Пятого, который в 1522 году прибыл в этот город, как я показал в своих "Кратких сведениях", "Анналах" и "Большой хронике". (Stow, vol. i. p. 63.)

Королевский Тауэр, название которого до сих пор сохранилось в городе, был одним из домов короля; говорят, что в нем останавливался Стивен; принцесса Уэльская, мать Ричарда II,

бежала сюда во время восстания Уота Тайлера. Королевский гардероб, название которого также сохранилось, был домом короля. А в Баклерсбери находился еще один дом, Серная башня, который также называли домом короля. На южной стороне Лондона, помимо Гринвича и Эльтама, находился дворец Кеннингтон.

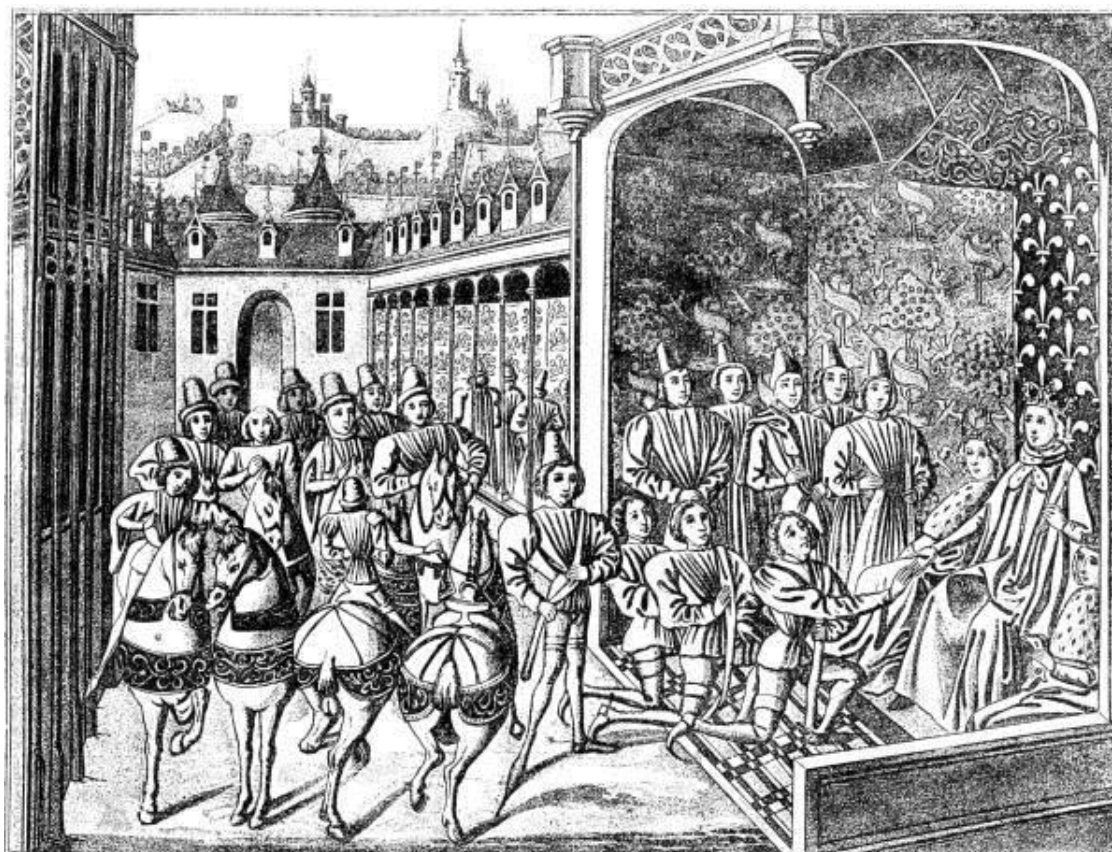
Если идти по Кеннингтон-роуд от Бридж-стрит в Вестминстере, то можно обнаружить место, где сходятся четыре дороги: слева - Верхний Кеннингтон-лейн, справа - Нижний Кеннингтон-лейн; дорога ведет к таверне "Хорнс" и Кеннингтонскому парку. По правую сторону стоял дворец. В 1636 году был составлен план дома и территории, но к тому времени средневековый характер этого места был совершенно забыт. Это был квадратный дом, вероятно, елизаветинской эпохи.

От этого последнего некогда великолепного дворца не осталось ни камня на камне, ни воспоминаний, ни преданий; он полностью забыт. Причина такого странного забвения очень проста. Когда его снесли, а это было где-то до 1667 года, ибо тогда, как говорит Камден, не осталось ни камня на камне, в радиусе полумили во всех направлениях не было ни одного дома. Даже сто пятьдесят лет спустя рядом с этим местом не было ни одного коттеджа или дома. Однако остался ров и длинный каменный амбар.

В этом доме Гарольд Харефут короновал себя. В этом доме его сводный брат Хардакнут упился до смерти.

Через сорок лет после этого события, когда была составлена "Книга Судного дня", это место находилось во владении лондонского горожанина, Теодрика по имени и ювелира по профессии. Это было все еще королевское поместье, поскольку ювелир владел им от Эдуарда Исповедника. Тогда оно оценивалось в три фунта в год.

В следующий раз мы слышим о Кеннингтоне в 1189 году, когда король Ричард предоставил его в аренду или пожизненно сэру Роберту Перси с титулом лорда поместья. Генрих III неоднократно приезжал сюда; здесь он проводил свой Ламбетский парламент. В 1231 году он встретил здесь свое Рождество. Великим было пиршество и безграничным гостеприимство этого Рождества, на которое король одарил всех сокровищами государства.

ПОСОЛЬСТВО ОТ КОРОЛЯ АНГЛИИ С ПРОСЬБОЙ О ВЫДАЧЕ ЗАМУЖ ДАМЫ ИЗABELЛЫ ФРАНЦУЗСКОЙ

Из "Хроник" Фруассара.

Эдуард I периодически бывал здесь. Во время его правления здесь жили Джон, граф Суррей, и его сын, Джон Плантагенет, граф Уоррен и Суррей. Эдуард III сделал поместье частью герцогства Корнуолл. После смерти Черного принца принцесса жила здесь с юным принцем Ричардом. Не думаю, что Генриху IV нравился дом, в котором наверняка обитали призраки, особенно в комнате, где он должен был спать, - печальная тень его убитого кузена. Генрих V также не приезжал сюда во время своего короткого правления. Однако Генрих VI пользовался Кеннингтонским дворцом, как и Генрих VII, а последней из королев, чье имя можно связать с дворцом, была Екатерина Арагонская.

Имя, которое мы особенно связываем с Кеннингтонским дворцом, - это имя Ричарда II. Когда Черный принц умер в 1376 году, Ричард остался в Кеннингтоне под присмотром матери и опекой сэра Гискара д'Аngle, "этого искусного рыцаря".

В год его воцарения, 1377, произошел великий лондонский бунт, вызванный судом над Уиклифом в соборе Святого Павла и ссорой между епископом Лондона и Джоном Гонтом. Последний, после отстранения Уиклифа от должности, отправился в дом Джона де Ипра, расположенный недалеко от реки, где сидел за ужином, когда один из его приближенных поспешно прибежал предупредить его, что люди собираются вместе с намерением убить его, если смогут. Поэтому герцог поспешно сбежал по ближайшей лестнице, переплыл реку на лодке и как можно быстрее скрылся в Кеннингтонском дворце, где укрылся вместе с юным принцем Ричардом и его опекунами.

Еще одно воспоминание о Кеннингтонском дворце. Последний раз Ричард останавливался в нем, когда привез домой свою маленькую невесту Изабель, королеву восьми лет. Они

привезли ее из Дувра, остановившись по пути в Кентербери и Рочестере. В Блэкхите их встретили мэр и олдермены, одетые с большим великолепием, чтобы оказать честь невесте. После положенных почестей они заняли свои места и поехали дальше вместе с процессией. Когда они прибыли в Ньюингтон, король поблагодарил мэра и разрешил ему покинуть процессию и вернуться домой. Сам же он со своей компанией поехал по пересеченной местности от Ньюингтона до Кеннингтонского дворца. Я заметил, что это доказывает существование тропинки или дорожки там, где сейчас находится Верхний Кеннингтон-лейн. В этом дворце маленькая королева провела ночь, а на следующий день ее понесли в другой процессии в Тауэр. Рыцари ехали впереди, а французские дамы - следом. Приятно читать, как Изабель, с длинными светлыми волосами, спадающими на плечи, и милым детским личиком, сидела и улыбалась людям, играя и притворяясь королевой, что она делала с момента своего обручения. Нет нужды говорить, что все сердца были восхищены. Добрые жители Лондона были готовы приветствовать одну принцессу за другой и отдавать им свои сердца, будь то Изабель Французская, или Екатерина, ее сестра, или Анна Болейн, или королева Шарлотта, или прекрасная принцесса Датская. Пресс был настолько велик, что многие были зажаты до смерти на Лондонском мосту, где дома оставляли всего двенадцать футов в ширину. Королева Изабелла оказалась притворщицей; не успела она стать достаточно взрослой, чтобы быть королевой, как ее муж оказался в заточении; не успела она понять, что он пленник, как его убили, и пышное экстравагантное правление закончилось.

Лондон, по правде говоря, был городом дворцов. В самом Лондоне было больше дворцов, чем в Венеции и Флоренции, Вероне и Генуе, вместе взятых.

Фиц Аланы, графы Арундельские, вплоть до конца XVI века имели свой городской дом на Ботолф-лейн, Биллингсгейт. Улица узкая и всегда была узкой, а из-за близости к рыбному рынку она всегда была и остается неблагоприятной. Графы Нортумберленда имели городские дома последовательно на Кратчед-Фрайерс, Фенчерч-стрит и Олдерсгейт-стрит. Графы Вустерские жили в Вустер-лейн, на берегу реки; герцог Бекингемский - на Колледж-хилл; обратите внимание, как дворяне, как и купцы, строили свои дома в самой оживленной части города. Бомонты и Хантингдоны жили рядом с пристанью Пола; у лордов Беркли был дом неподалеку от Блэкфрайарса; на Докторс-Коммонс находился городской дом Блаунтов, лордов Маунтджоя. Недалеко от пристани Пола стоял особняк, который когда-то занимала вдова Ричарда, герцога Йоркского, мать Эдуарда IV, Кларенса и Ричарда III. Эдуард Черный принц жил на холме Фиш-стрит, и впоследствии этот дом был превращен в трактир. У де ла Полей был дом на Ломбард-стрит. Де Вересы, графы Оксфордские, жили сначала в Сент-Мэри-Экс, а затем в Оксфорд-Корт, Сент-Свитинз-Лейн; у Кромвеля, графа Эссекса, был дом на Трогмортон-стрит. У баронов Фиц-Уолтер был дом там, где сейчас стоит Бакалейная лавка, Птицеводство. На Олдерсгейт-стрит находились дома графа Уэстморленда, графа Нортумберленда и графа Танета, лорда Перси и маркиза Дорчестера. На Саффолк-лейн находится поместье "Роза", принадлежавшее последовательно Саффолкам и Бекингемам; на Ловеллс-корт, Патерностер-роу, расположен особняк Ловеллов; между Амен-корнер и Ладгейт-стрит стоял Абергавенни-хаус, где во времена правления Эдуарда II жил граф Ричмонд и герцог Бретани, внук Генриха III. После этого он стал домом Джона Гастингса, графа Пемброка, который женился на леди Маргарет, дочери Эдуарда III. Затем он перешел к Невиллам, графам Абергавенни, а от них - к Компании канцелярских служащих. Уорик-лейн проходит над Уорик-хаусом. Сидни, графы Лестерские, жили в Олд-Бейли. Стаффорды, герцоги Букингемские, жили на Милк-стрит. (См. Приложение V.)

К этому списку следует добавить дома, более или менее связанные с государями. К ним относятся Королевская палата, Тауэр-Рояль, Эрбер, Холодная гавань, замок Байнард,

Кросби-хаус, Брайдвелл, Савой, дома знати вдоль берега реки, которые появились позже; залы городских компаний; городские дома епископов и аббатов, особенно на южной стороне; городские дома сельских дворян, например, Пон-де-л'Арк в эпоху правления Генриха I, или сэра Джона Фастольфа в XV веке; дома в Сити, использовавшиеся для торговли и официальных дел, такие как Блэкуэлл и Гилдхолл; дома великих городских купцов, таких как Филпот, Уиттингтон и Пикард, и мы имеем список, который не может сравниться ни с одним другим районом такого же размера.

Об архитектуре лондонских церквей до пожара говорить не приходится - одна или две, особенно церкви Святой Елены, Святой Этельбурги, Святого Варфоломея Великого и Святой Марии Овери, сохранились, чтобы показать нам, какими они были; то есть в большинстве случаев невозможно узнать, в какой период была построена, отремонтирована или перестроена церковь, давно разрушенная. По общему мнению, эти древние церкви, как правило, не отличались красотой и великолепием. За пределами каждой из них находился церковный двор - узкое ограждение, на которое постоянно посягали по мере того, как дорожала земля. До пожара многие церкви были скрыты от посторонних глаз домами, построенными на части церковных дворов. Примером тому служит нынешнее состояние церкви Святой Этельбурги; другие примеры - дома, стоящие на северной стороне церкви Святой Марии ле Боу, на северной стороне церкви Святого Алфея и вокруг церкви Святой Катерины Колман. О поглощении церковных дворов свидетельствуют жалкие фрагменты, оставшиеся от церквей Святого Петра, Темз-стрит, Святого Иоанна Крестителя, Святого Олава, Сильвер-стрит, Святого Осита, Святого Мартина Аутвича, а недавно завершившаяся реставрация церкви Святого Мартина, Ладгейт Хилл, доказала, что так называемый Сад канцеляристов на северной стороне церкви когда-то был местом захоронения. Есть и множество других примеров. Архитектура монастырских домов принадлежит ко всем современным постройкам подобного рода. То, что до сих пор можно изучать в Вестминстере, состояло из благородной церкви, настолько великолепной, величественной и богатой, насколько братья могли себе позволить или могли добиться этого с помощью своих друзей. Рядом с церковью находился монастырь, который был местом фактического проживания братьев. Там они гуляли, сидели, работали и разговаривали. Внутри монастыря находился гарт - открытое пространство, которое иногда превращалось в сад, а иногда служило местом для захоронения; монахов также хоронили под камнями монастыря. Открытые резные работы в более поздние времена были застеклены; твердые камни - сиденья и пол - были покрыты тканью и коврами; здесь стояли столы для тех, кто учился. С одной стороны монастыря находился дом капитула, где монахи собирались каждое утро. С другой стороны находился дом аббата. С четвертой стороны находилась Трапезная, зал, который братия любила делать величественным, как церковь; не для чревоугодия, а для гостеприимства, и потому, что они ревновали к честной славе Дома. Кроме этих зданий были библиотека, скрипторий, калефактория, дортуары, кухня и погреб, мизерикорд, лазарет и сады. Все эти вещи принадлежат каждому монашескому дому. В Лондоне их было так много, что мы проходили дом за домом, когда шли вдоль стены, и видели шпиль за шпилем, башню за башней; они обступали Лондон, как цепь крепостей, чтобы отгородиться от адского воинства. Далее мы подошли к городскому дому знатного вельможи и дому богатого купца. Мы уже рассматривали внешний вид такого дома. В него входили через ворота архитектурной красоты, без портупей или рва, поскольку в Сити не было ни одного укрепленного дома, кроме Тауэра; хотя многие дома были так крепко построены и защищены такими массивными воротами, что любое внезапное нападение толпы можно было сдержать; так, дом ганзейских купцов имел достаточно массивные ворота, чтобы сдержать толпу до прибытия помощи или пока иностранные купцы не смогут укрыться за рекой. Внешний вид такого дома можно узнать из Хэмптон-Корта или любого старого колледжа

Оксфорда или Кембриджа. Он состоял как минимум из двух квадратных дворов и зала между ними; караульного помещения над воротами; конюшни; места для хранения оружия; кухни с маслобойней, погреба, кладовых и сада. Вокруг дворов располагались здания высотой в два этажа; комнаты были длинными и низкими и использовались только в качестве спален.

ЗАЛ РЫЦАРЕЙ СВ. JOHN

Дома кажутся еще более нечистыми, чем улицы. Чего же еще ожидать? Полы устланы камышом, менять его дорого, поэтому на них скапливаются отбросы - кости, жир и всякая мерзость. Камыши теплые, даже если они грязные, а тепло - прежде чистоты. И все же, если бы мы зашли в те дома, где живут лучшие горожане, то обнаружили бы там разбросанные сладкие травы, душистые ветки и сильные духи, чтобы противостоять тесной и дурно пахнущей атмосфере спальных комнат.

Давайте рассмотрим устройство и мебель дома лондонского горожанина. Не такого дома, как Кросби-холл, который был дворцом, или дом графа Уорика, который был не только дворцом, но и казармой, а дома солидного купца, одного из лучших, скажем, дома розничного торговца, дома ремесленника.

Среди сокровищ, собранных Райли, можно найти спецификации для строительства нового дома. Очевидно, это дом, предназначенный для человека с положением, некоего Уильяма де Ханингтона, пельтерьера, *то есть* скорняка или меховщика: представителя богатейшей и процветающей профессии в те времена, когда мужчины и женщины всех сословий носили меха по полгода. Какова бы ни была должность этого скорняка, дом, предназначенный для него, очевидно, был большим и просторным, хотя размеры его не указаны. Вот точные слова:...

"Саймон де Кентербери, плотник, предстал перед мэром и т. д. и признал, что сделает за свою плату вплоть до замков для Уильяма де Ханингтона, пекаря, до наступающего праздника Пасхи зал и комнату с дымоходом, и одну кладовую между залом и комнатой, и один солар над комнатой и кладовой, также иволга в конце зала за высокой скамьей, и одна ступенька с иволгой, от земли до двери вышеупомянутого зала, снаружи зала: и два подвала, напротив друг друга, под Залом: и один подвал для канализации, с двумя трубами, ведущими к упомянутой

канализации, и один хлев между упомянутым Залом и старой кухней и двенадцатью футами в ширину с соляром над ним и хлевом, и чердаком над упомянутым соляром: и в одном конце такого соляра должна быть кухня, с дымоходом: и должна быть иволга между упомянутым Залом и старой палатой 8 футов в ширину."

По мнению Райли, первая иволга - это восточное окно, как обычно бывает в зале, вторая иволга - крыльцо, а третья - небольшая комната. Без этого объяснения документ был бы непонятен.

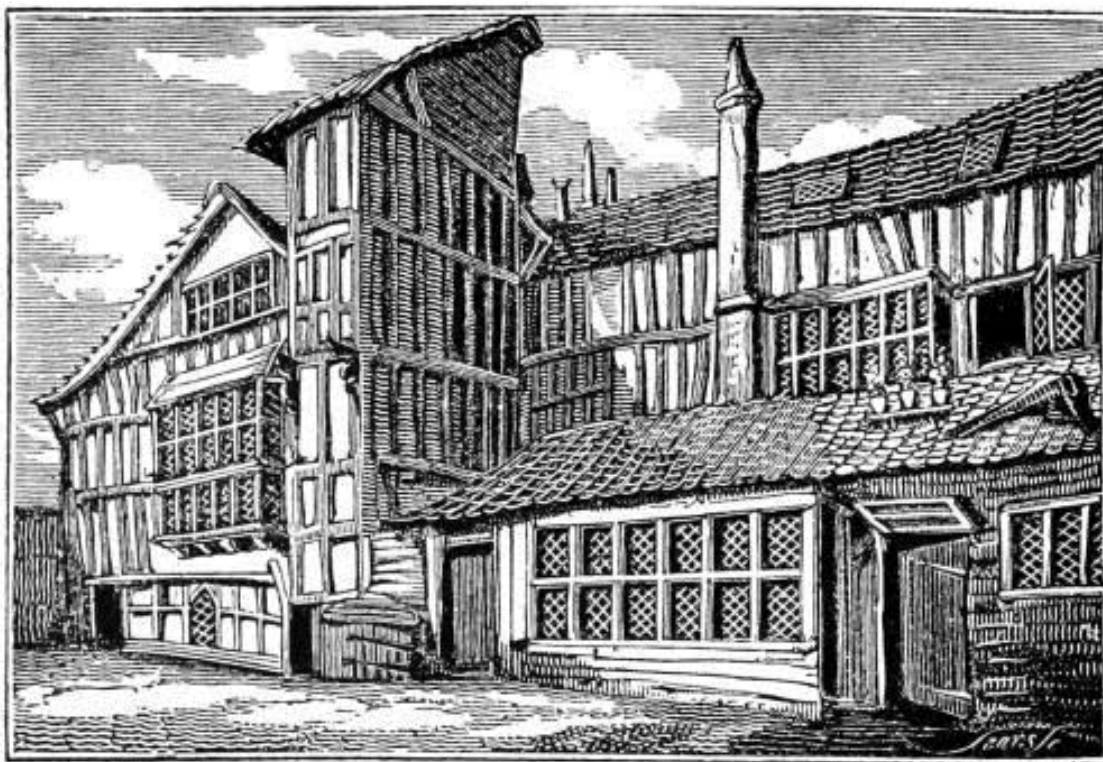

"ДАМСКАЯ БЕСЕДКА"

Из собрания Британского музея. Harl. 2278.

В доме должен был быть большой зал с, несомненно, камином под фонарем в середине зала; также гостиная с дымоходом рядом с залом, но с кладовой между ними. В кладовке, надо полагать, находился вход в подвалы. В "старой палате" с "иволгой" рядом было две спальни; солнечная или верхняя палата над кладовой и гостиной была еще одной спальней; солнечная и чердак над конюшней давали еще две спальни; была "старая кухня" и была новая кухня. В общем, пять спален, две гостиные и две кухни, с погребями и прочим. Маслобойня или кладовая всегда располагалась, для удобства, рядом с залом. Иногда ее называли "Спенс", а слугу, который ее обслуживал, - "Спенсер" или "Деспенсер", что свидетельствует о происхождении очень распространенной фамилии, встречающейся повсеместно, от палаты лордов до деревенского постоялого двора. Комната с дымоходом рядом с кладовой иногда называлась "берсер" или "дамская беседка": в некоторых домах

был "парлор" или комната, где принимали знатных гостей. Таким был дом солидного горожанина. Что касается дома торговца, то существует множество фотографий, которые не оставляют сомнений в том, как выглядят эти дома. Так, например, самая хорошая из известных мне иллюстрация средневековой улицы с ее лавками дана Лакруа (см. "Наука и литература в Средние века", с. 161). Улица довольно узкая: по центру нет водостока, но, возможно, это недосмотр лимнера. На картинах изображены четыре лавки: цирюльника, аптекаря, портного и меховщика. Дома стоят отдельно, не в ряд, а каждый по воле строителя: они построены из дерева и штукатурки, двускатные, с черепичными крышами. Над лавкой есть комната - солнечная или солярная - и чердак в крыше. У цирюльни есть вывеска: это выступающий на улицу горизонтальный столб, увешанный латунными или латунными тазами, которые обозначают важную часть профессии цирюльника. Все магазины открыты на улицу, а товары выставлены на прилавке. (Выступающий из передней части дома навес, или пентис, защищает товары на прилавке; навесы по обеим сторонам укрывают их от ветра, дождя и солнца; на пентисе висит занавес для еще большей защиты. На этой иллюстрации изображен французский город. В Лондоне необходимо было обеспечить большую степень защиты от холода, дождя, града и снега. Поэтому верхнюю половину окна закрывали и застекляли, а нижнюю половину в очень холодную погоду закрывали ставней. Летом ставня исчезает, и окно всегда открыто. Вероятно, такое устройство было тем, что Чосер называет "простреленным" окном. Мистер Баринг-Гулд ("Жизнь старой страны") приводит планы и рисунки двух старинных загородных домов. На первом из них дома построены вокруг небольшого двора, в который выходили все окна дома. Ворота, над которыми находилась комната, вели в холл, помещение размером 20 футов на 15 футов. За залом находилась дамская беседка. Над ним располагались спальни. Кухня, маслобойня и молочная занимали две другие стороны двора. Перед домом находились двор, амбар и конюшни. Двор был не более 18 футов в квадрате. Таким образом, мы имеем двор как главную особенность средневекового дома; он сохранился в колледжах и некоторых богадельнях до наших дней. Размеры двора определяли великолепие или скромность дома. Богатый купец, когда начинал строить, закладывал свой двор с учетом пропорций своего зала; мы можем быть уверены, что Уиттингтон сидел в зале, который возвещал о его богатстве; большой зал Кросби-хауса был не единственным благородным залом, принадлежавшим городскому купцу.

ДОМ УИТТИНГТОНА В ПАССАЖЕ СВИТИНА, МАВР-ЛЕЙН

Следующие подробности и характеристики содержатся в документах, принадлежащих декану и капитулу собора Святого Павла, и в сокращенном виде напечатаны в 9-м отчете Королевской исторической комиссии, стр. 20: -

"Соглашение между мастером Уолтером Куком и сэром Генри Джолипасом, клерками, и Джоном Мором, тимбермонтером, и Джоном Джерардом, плотником, гражданами Лондона, о возведении трех магазинов на Пятничной улице с одним подвалом внизу. Три магазина должны иметь три "стойла" и три "антрекота" на первом этаже. На первом этаже каждого дома должны быть "une sale, une spence, et une cusyne", и в каждом "sale" должны быть "benches et speres". Второй этаж каждого дома должен быть разделен на "главную палату, чердачную палату и предбанник", а также должен был иметь "сейлингпис". В каждом доме должно быть два "эстейра". Высота от земли до "gistes del primer flore" должна быть десять футов с половиной, а "punchons" первого этажа должны быть девять футов до "gistes" выше, а "punchons" второго этажа - восемь футов до "resoner". Каждый дом должен быть обращен фронтоном к улице на востоке, согласно "патрону", написанному на пергаменте. Фронтоны и фенестры должны быть сделаны из "эстрикшеборда". Датируется 20 августа 11 года Генриха IV".

Обычно утверждается, что доступ в верхнюю комнату средневекового дома осуществлялся по лестнице снаружи. Осмелюсь предположить, что это утверждение требует объяснения. Сначала лондонские дома состояли не более чем из комнаты внизу и комнаты поменьше наверху, а в верхней комнате - о, такой крошечной - стояли кровать и колыбель, а также подушки или подушечки, которые так любил лондонский житель. Я видел один или два старых дома, в которых лестница из комнаты внизу служила для доступа в комнату наверху, и такое расположение, я полагаю, было общепринятым. Но в начале XIV века мы находим дома в два или три этажа, каждый из которых в некоторых случаях принадлежал разным лицам; по сути, это была ранняя разновидность "квартиры". Следует отметить, что сообщение с этими верхними этажами не могло осуществляться через нижние комнаты и должно было

осуществляться по внешней лестнице. (См. также ниже, с. 252.) Такое расположение мы находим в современной квартире, а в Эдинбурге - в старых квартирах. Между жильцами этих "квартир" возникали ссоры. Король Эдуард II издал указ, предписывающий каждому владельцу содержать свою часть в надлежащем состоянии.

Райли приводит случай, когда вдова потребовала "свободной скамьи" в доме, принадлежавшем ее покойному мужу, в приходе Сент-Николас Флеш Шамблс. Шерифы отдали ей крыло (alam) или, возможно, главную комнату (aulam) с камерой, погреб и право сервитута на кухню, конюшню, общий сток и двор; остальная часть дома оставалась во владении наследников и ближайших родственников покойного.

Главным источником информации о домах XIII и XIV веков является "Ассиз" Фиц-Эйлуина, сокращенное изложение которого можно найти в Приложении VII. Правила были составлены в связи с пожаром 1212 года, который уничтожил часть Саутварка и часть Лондонского моста. Следующая статья Райли (Введение к Liber Albus, стр. xxx) является объяснением или комментарием, главным образом, к этому ассизу: -

"Стены домов были из каменной кладки толщиной в три фута и высотой в шестнадцать футов, от которых крыша (покрытая черепицей или соломой) поднималась до точки, фронтоном к улице. Вдоль этой стены прокладывали желоба для отвода воды либо на землю того, кому принадлежал дом, либо на дорогу. Кеннели для приема собак не упоминаются в ассизе, но они были очень распространены, примерно 100 лет спустя. Если в стенах оставляли арки для "альмерий" или "амбри" (чуланов или кладовых), они должны были быть глубиной в один фут, не более. Каркас, поднимающийся от верхней части стены, был, конечно, деревянным, а фронтоны, выходящий на улицу, как и противоположный ему, был, как правило, сделан из того же материала, оштукатурен, вероятно, "мазилками", и, возможно, побелен. Верхняя комната была известна как "солнечная", а в "Ассизе" Фиц-Алвайна она также называется "domus", или "дом": ее обычная высота по сравнению с комнатой внизу не известна из настоящей работы; но из документа, датированного 1217 или 1218 годом, следует, что косоуры или балки для поддержки верхнего этажа были установлены на высоте восьми футов от земли. Кроме главной комнаты или комнат на первом этаже в домах горожан находилась "необходимая камера", в отношении которой ассиз постановил, что если яма была обложена камнем, то ее устье должно находиться в двух с половиной футах от земли соседа; если же она не была обложена камнем, то расстояние должно было составлять три с половиной фута. Это же правило действовало и в более поздний период в отношении раковин для приема мусора или грязной воды.

Очевидно, что в то время, когда был введен в действие Ассиз Фиц-Алвайна, дома в Лондоне состояли из одного этажа над первым и не более. В какой период были добавлены новые этажи, неизвестно; но в начале XIV века мы находим упоминания о домах в Лондоне в два или три этажа; каждый из этих этажей, а также подвал под ними, иногда составляли фригольд разных лиц: такое положение вещей вызывало столь многочисленные споры между владельцами, что король (Эдуард Второй) был вынужден в конце концов вмешаться, предписав каждому владельцу содержать свою часть в надлежащем состоянии. На верхние этажи в домах такого типа попадали, вероятно, по лестнице снаружи.

Погребов не упоминаются в ассизе, но мы находим их упоминание, причем как места, используемые для бизнеса, уже в первой половине правления Генриха Третьего. Вскользь упоминается, что в эти подвалы вели ступени с улицы; похоже, что

временами они серьезно ущемляли пешеходную дорожку, поскольку в более поздние периоды они часто становятся предметом судебного разбирательства. По приговору Фиц-Алвайна, вопреки духу справедливости, преобладавшему в более поздние времена, человек при строительстве имел полную свободу мешать древним фонарям соседа, если только тот не мог предъявить какую-нибудь письменную принадлежность, доказывающую право соседа на обратное.

СТРОИТЕЛИ ЗА РАБОТОЙ

Из рукописи в Британском музее. Harl. 2278.

В ассизе, как уже отмечалось, не содержится никаких положений о материалах, которые должны использоваться для кровли; однако спустя полтора столетия мы вновь находим постановления о том, что дома горожан должны быть покрыты свинцом, черепицей или камнем. Лавки также не упоминаются в ассизе, но они стали обычным явлением во второй половине следующего столетия. Эти лавки представляли собой выступы деревянного каркаса, без сомнения, из фронтона, выходящего на улицу, и использовались как магазины для выставления различных товаров на продажу. Согласно городскому постановлению, эти лавки должны быть не более двух с половиной футов в глубину, подвижными и гибкими, по усмотрению олдермена прихода, а также в зависимости от того, широки или узки улицы или переулки. Пентисы, или домики, которые так часто упоминаются в городских постановлениях, должно быть, проектировались в более широком масштабе, поскольку горожанам напоминают, что они должны быть сделаны высотой не менее девяти футов, "чтобы под ними могли ездить люди"; положение, из которого очевидно, что они должны были выходить за пределы части улицы, отведенной под пешеходную дорожку. В пользу домовладельцев было также принято постановление о том, что пентхаусы, однажды прикрепленные железными гвоздями или деревянными нагелями к деревянному каркасу дома - будь то пожизненный, многолетний или квартальный арендатор, - должны считаться не съемными, а приспособлениями, частью фригольда.

Окна упоминаются в ассизе. Однако в те времена стекло использовали только самые богатые, а окна горожан, например, *Ричарда Первого*, были, очевидно, не более, чем окнами, в которых они жили. Ричарда Первого, очевидно, были просто проемами, открытыми днем, перекрещенными, возможно, железными стойками, и,

несомненно, закрывавшимися деревянными ставнями на ночь. Однако в правление Генриха Третьего стекло, упакованное в *карке*, перечисляется среди регулярного импорта в эту страну, скорее всего, из Фландрии. Стекольщики (*Verrers*) упоминаются как устоявшаяся тайна во времена Эдуарда Третьего, а в рассказе о бунте, произошедшем около сорока лет спустя в Баркинге, в Эссексе, и его окрестностях, преступники представлены даже в тех пригородных районах как вооруженные дверями и окнами, "путем щита"; по всей вероятности, имеются в виду стеклянные окна-решетки.

В "Ассизе" Фиц-Алвайна нет ни упоминания, ни даже отдаленного намека на дымоходы; в тот период, если они вообще существовали в этой стране, их можно было найти только в жилищах самых богатых; дым в домах среднего и низшего классов должен был выходить через двери и окна, как ему вздумается. Однако к концу следующего столетия использование дымоходов стало, вероятно, сравнительно обычным делом, поскольку в целях предотвращения пожара было принято постановление о том, что дымоходы должны быть облицованы штукатуркой, плиткой или камнем, а часть клятвы, которую дают городские мусорщики при вступлении в должность, гласит, что они будут следить за тем, "чтобы все дымоходы, печи и пекарни были сделаны из камня и достаточно защищены от опасности пожара". В том же благоразумном духе было принято постановление, что ни один редерос печи или горна, где варится хлеб, эль или мясо, не должен располагаться рядом с деревянными перегородками, рейками или досками; в случае нарушения этого требования мусорщик должен был убрать его, взыскав с нарушителя четыре пенса за беспокойство.

В качестве дополнительной меры предосторожности от пожара было также предписано, чтобы владельцы больших домов держали одну или две лестницы для помощи соседям в случае необходимости; и чтобы летом, *то есть* между праздниками Уитсунтид и Святого Варфоломея, из-за сильной засухи, они держали перед домом бочку или большой глиняный сосуд, наполненный водой, для тушения огня; если, конечно, в доме не окажется собственного "фонтана". Для более быстрого удаления горящих домов каждому приходу предписывалось иметь крепкий железный крюк с деревянной ручкой, две цепи и два крепких шнура; они должны были оставаться у беделя прихода, который также должен был иметь хороший рог, "громко звучащий". Ничто не может более убедительно свидетельствовать о непрочности лондонских домов даже во времена Эдуарда Третьего, чем приведенные выше постановления о бочке с водой и крюке беделя.

Упоминание о пожарах, естественно, заставляет задуматься о топливе. Часто упоминается древесный уголь (*карбон*): его готовили в деревне, а также, возможно, в пригородах, так как говорится, что его привозили в город на телегах; в законе *временного Ричарда Второго* предписывается, что в городе *должен быть* уголь. Ричарда Второго, предписывается, что древесный уголь должен продаваться по ставке, между Михаилом и Пасхой, в десять пенсов, а между Пасхой и Михаилом - в восемь пенсов за квартал; цена на него, как и на дрова, оценивается мэром и олдерменами. Морепродукты (*carbo marinus*) тоже были в обиходе еще во времена Эдуарда Второго, а возможно, и гораздо раньше, их продавали в мешках и измеряли по четвертям под контролем метрдотелей, назначенных мэром. Морской переулоч, расположенный вблизи реки Флит, или канавы, упоминается под этим названием, как мы узнаем из других источников, еще в 1253 году, в правление Генриха Третьего; он получил свое название от того, что морское золото привозили

туда по воде и там хранили. Различные виды древесины, используемые для топлива, по-видимому, различались под названиями "talwode", "faget" и "busche" - тальник, пижма и (вероятно) хворост. Телеги с дровами и древесным углем стояли в Смитфилде и на Корнхилле, а морское корье упоминается как платное в Биллингсгейте. В качестве топлива иногда использовались папоротник, тростник и стерня.

Вернемся, однако, к строению домов. Кирпичи, в отличие от черепицы, не упоминаются ни в этой книге, ни в какой-либо другой английской работе столь раннего периода; и есть веские основания полагать, что "teule" или "tile" использовалось безразлично для черепицы или кирпича. В любом случае, нет никаких сомнений в том, что, как и в римские времена, кирпичи тогда были намного тоньше, чем в наши дни; и если предположить, что плитки были плоскими, то их нечем было бы отличить от кирпичей. Неоднократно встречаются предписания городских властей о том, что *теулы* должны быть "хорошо обожженными, древнего обжига и хорошо освинцованными"; последнее положение, однако, как можно предположить, могло относиться только к тем *теулам*, которые использовались для настоящей плитки. Плиточники", о которых так часто упоминается, по всей вероятности, выполняли также обязанности современных каменщиков. Известь продавалась иногда мешками по одному бушелю, а иногда корзинами по полчетверти. *Во времена Эдуарда Третьего мешок извести продавался по мешку, содержащему один бушель, а иногда по корзине, вмещающей половину четверти.* Эдуарда Третьего, мешок негашеной извести стоил один пенни, а черепица продавалась по цене от пяти до восьми шиллингов за тысячу".

"Упоминается, что примерно во времена, вероятно, Эдуарда Второго, аренда домов в Сити превышала сумму в сорок шиллингов, а также ниже. Уже отмечалось, что в некоторых случаях двух- и трехэтажные дома были разделены на отдельные фригольды. В одном случае встречается случай, возможно, не такой уж редкий, когда вдова претендует на фри-бенч в доме, принадлежавшем ее покойному мужу (в приходе Св. Николая Флеш-Шамблса), и шерифы передали ей во владение крыло здания, главную палату и подвал под ней, с правом сервитута на кухню, конюшню, общий сток и двор; все остальное осталось во владении наследников и ближайших родственников покойного; Такой порядок, конечно, никак не способствовал спокойствию в семье, но свидетельствовал о существовании значительных особняков, да еще в таком непривлекательном месте - по соседству со "Стинкинг-лейн" и монастырем монахов-минов.

Иногда случалось, что дом располагался в двух приходах; в таком случае предусматривалось, что владелец должен быть обложен в том приходе, в котором он ложился спать, спал и одевался. Конечно, такое постановление могло применяться только к дому с более чем одной комнатой, на том этаже, где находилась спальная комната, и, вероятно, более чем обычной величины.

Магазины, или лавки, были, вероятно, просто открытыми комнатами на первых этажах, с широкими окнами, закрытыми ставнями, но, возможно, лишенными перил; эти комнаты, несомненно, в некоторых случаях увеличивались за счет дополнительного пространства, предоставляемого выступающими и подвижными лавками, о которых уже говорилось: об их плане или структуре в настоящем томе не приводится никаких дополнительных сведений. Изредка в качестве мест для

хранения или продажи товаров упоминаются "*сельдæ*", "*селды*" или "*шельды*"; например, *сельдæ* в Винчестере, принадлежавшая, вероятно, соке или исключительной юрисдикции епископа этой епархии, и *сельдæ* на Пятничной улице, где во второй половине царствования Эдуарда Третьего продажа шкур была полностью ограничена. Эти *селды*, по-видимому, представляли собой огромные сараи, используемые в качестве складов, и принадлежали, вероятно, только общественным гильдиям или людям с большим достатком; есть некоторые свидетельства того, что под ними хранились краны и весы для определения таможенных сборов и пошлин.

Прежде чем оставить эту тему, несколько слов об отношениях арендодателя и арендатора в пределах города, возможно, будут не совсем неуместны.

Постановлением, принятым, вероятно, во времена Эдуарда Второго или Эдуарда Третьего, было предписано, что каждый арендатор по своему желанию в пределах франшизы города, чья годовая рента не превышает сорока шиллингов, должен уведомить хозяина (в любое время, надо полагать) по крайней мере за один квартал; но если годовая рента превышает сорок шиллингов, уведомление должно быть сделано за полгода до отъезда. В случае пренебрежения арендатором надлежащим уведомлением он должен был выплатить арендодателю четверть или полгода сверх арендной платы, причитающейся на момент ухода, в зависимости от обстоятельств; или же найти арендатора на достаточный срок. В свою очередь, домовладелец обязан был уведомить об этом своего арендатора; но если домовладелец продавал дом, а арендатор не имел "прав собственности", то покупатель был вправе выселить его по своему усмотрению. При аресте вещей и имущества арендатора по иску любого другого лица домовладелец считался привилегированным кредитором в отношении задолженности по арендной плате за два года, но не более; клятва домовладельца принималась в качестве доказательства того, что такая сумма арендной платы была причитающейся". (См. Приложения VI и VII).

ГЛАВА VI

МЕБЕЛЬ

Мебель в средневековом доме была скудной в гостиных и обильной в спальнях комнатах. В зале, который был столовой, публичной комнатой и помещением, где решались все деловые вопросы, по бокам стояли скамьи: на одном конце был помост, на котором в больших домах иногда стоял стол, т. е. постоянный стол, поставленный поперек зала. Другие столы стояли на топчанах, которые ставились для каждого приема пищи и убирались после него. В центре "недействующего" или высокого стола стоял главный стул или скамья с подлокотниками и подушкой: остальные гости сидели на скамье спиной к стене или вовсе без спинки. Нижние столы всегда представляли собой доски, положенные на топчаны: в середине зала находился огонь, иногда в железной раме: дым поднимался и выходил через фонарь в крыше. Вокруг зала висели куски гобелена, украшенные гербами, фигурами птиц и зверей, или расписанные изображениями исторических событий: оружие и доспехи были развешаны скорее для использования и готовности, чем для показа - фактически, большой зал был оружейной палатой дома. На полу были разбросаны камыши; над головой хозяина стоял шкаф, заставленный золотыми и серебряными пластинами; для смягчения жесткости

скамьи использовались банкиры или дорсеры, *например*, подушки. Мебель "гостиной" была столь же простой. Она состояла из камвольной вешалки, шкафа, стола на подставках, жаровни для обогрева помещения, подсвечника на четыре свечи, андионов, щипцов, скамьи и стула, сундуков и крепких ящиков, настольных покрывал, золоченых и серебряных *брошей*, была снабжена дымоходом. У стены стояли подставки для свечей и факелов, в каждой комнате было установлено "перше" - крючки и колышки для подвешивания оружия, плащей и других вещей. Соколы и ястребы размещались на этих жердочках. В спальне, где изучался комфорт, главным предметом мебели была, конечно, кровать, и на этот полезный предмет мебели тратились все средства и украшения, которые мог позволить себе владелец. Иногда над кроватью натягивали балдахин: его украшали гербом семьи или религиозными эмблемами; на спинке кровати также рисовали герб семьи; тяжелые шторы предназначались не для украшения, а для использования, потому что в этих комнатах, где окна всегда были плохо подогнаны, необходимо было задерживать шторы, чтобы не было сквозняков; и, кроме того, поскольку ночная одежда, похоже, была необычной и большинство людей спали в костюме Эдема, это было тем более необходимо для защиты от холода. Постель всегда была деревянной, иногда с красивой резьбой и позолотой; сама кровать обычно представляла собой соломенный матрас, на который в лучших домах клали перину. Чосер говорит: "Из пуха чистой голубицы..."

"Из пуха чистого голубиноного белого

Я хочу дать ему пуховую постель,

Золотом оправленную и хорошо убранную,

В прочном черном атласе,

И много плова и всякого берета

Из ткани Рейнса, чтобы спать на мягком".

Кровать была обставлена так же, как и сейчас; на ней лежали большая и маленькая подушки, а также чехлы для подушек - "подушечные березы": простыни, одеяла и покрывало из *турмана* - обычной ткани типа бурела. Слуги, однако, спали на соломе, под которой лежала грубая циновка, а сверху - грубое покрывало. Иногда под большой кроватью ставили тележку для служанки или ребенка. У подножия кровати находился "хатч" или крепкий ящик для хранения денег, тарелок и других ценностей. В покоях больших домов были и другие сундуки для хранения ценных бумаг, документов на право собственности и всевозможных бумаг. Мы должны помнить, что банков не было; каждый человек хранил свое имущество, деньги, ценности, бумаги, все в своем доме и, как правило, в своей спальне. Не было и страховых компаний, так что переменчивость госпожи Фортуны постоянно иллюстрировалась самым поразительным образом.

На иллюстрированных изданиях XIV и XV веков изображены комнаты замков и дворцов. Они показывают богатую кровать с вышитым покрывалом, мягкое кресло, камин и дымоход, скамью, которая, вероятно, была шкапулкой или хатой, золотые и серебряные тарелки на серванте, коврики перед огнем; одним словом, очень роскошные и хорошо обставленные покои. Что касается мебели зала, то она перечислена в словаре XV века, который цитирует Райт (*Domestic Manners*). В него входили "доска, подставка, банкер или дорсер (подушка), нате (скатерть), стол нерабочий, таз, умывальник, очаг, факел, юла, чугун, щипцы, пара мехов, дрова для огня, длинный оселок, стул, скамья, табурет, подушка и ширма". Для гостиной мебель должна состоять из "вешала камвольного, красного и зеленого, шкафа из

ясеневых досок, стола и пары подмостков, ветки лата с четырьмя лампами, пары андионов, пары щипцов, формы для сидения и стула". В комнатах более грубого класса, где не было вешалок, стены украшали картинами.

Что касается мебели в домах среднего класса, то Райли (Riley, *Memorials of London*) приводит описание мебели дома, в котором жила несчастная пара по фамилии Ле Бевер.

Дом состоял из нижней комнаты, которая была магазином, и "солнечной" или верхней комнаты, к которой вела лестница в задней части дома: за магазином находилось подсобное помещение или кухня. Весь день Хью ле Бевер стоял в своей лавке; все его товары были разложены на скамье у открытого окна; над ними был навес для защиты от дождя; в очень холодную погоду он мог закрыть верхнюю часть окна ставней; Алиса, его жена, помогала ему в обслуживании, когда не была занята по хозяйству. Однажды утром лавка не открылась, как обычно. Испугавшись, что что-то случилось, соседи послали за олдерменом, который, взломав дверь, обнаружил Алису, лежащую на полу мертвой, а рядом с ней - ее мужа Хью. Они отвели его к мэру; его отвели в тюрьму Ньюгейт; он отказался от закона Англии и не стал защищаться, поэтому его посадили обратно в тюрьму, чтобы он жил на хлебе и воде, пока не умрет. А его имущество было продано. Они были следующие:.

"Один матрас, стоимость 4 с.; 6 одеял и одна саржа, 13 с. 6 д.; один зеленый ковер, 2 с.; одно рваное покрывало, со щитками из цендаля, 4 с.; один плащ и один сюртук из камвольной ткани, 40 д.; один халат из персета, меховой, 20 с.; один халат из мездры, меховой, одна марка; один старый мех, почти съеденный молью, 6 д.; один халат из алого, меховой, 16 с.; один халат из персета, 7 с.; один сюртук, с капюшоном из лучей, 2 с. 6д.; один плащ, с капюшоном из персета, 18д.; один плащ и один плащ из персета, 6s. 1d.; один зеленый капот из цендаля с кантом, 6д.; 7 льняных простыней, 5s.; одна скатерть, 2s.; 3 скатерти, 18д.; одна камиза и один савенапе (фартук), 4д.; один холст, 8д.; 3 перины, 8s.; 5 подушек, 6д.; один хакетон, 12д.; 3 медных горшка, 12s.; один медный горшок, 6s.; 2 пары латунных горшков, 2s. 6д.; один латунный горшок, сломанный, 2s. 6д.; один подсвечник из латона и одна тарелка, с одной маленькой латунной пластинкой, 2s.; 2 куски свинца, 6д.; одна решетка, 3д.; 2 ундука, 18д.; 2 таза с одним сосудом для мытья, 5s.; один железный герс, 12д.; один треножник, 2д.; один железный наконечник, 12д.; один железный вертел, 3д.; одна сковорода, 1 д.; один тонар (воронка), 1 д.; одна маленькая холщовая сумка, 1 д.; 7 савенапов, 5 д.; одна старая льняная простыня, 1 д.; 2 подушки, 3 д.; одна шапка, 1 д.; один прилавок, 4 с.; 2 сундука, 8 д.; 2 занавески, 8 д.; остаток ткани, 1 д.; 6 сундуков, 10 с. 10 д.; один складной стол, 12 д.; 2 стула, 8 д.; один омбре, 6 д.; 2 ансера (кадки), 2 с.: Также дрова, проданные за 3 с.; один кубок мазера, 6 с.; 6 бочек вина, 6 марок, стоимость каждой бочки - одна марка. Итого 12 фунтов 18 шиллингов 4 шиллинга.

Тот же Джон получил из имущества упомянутого Хью от Ричарда де Пулхэма один кубок под названием "нота", с ножкой и крышкой из серебра, стоимостью 30 с.; 6 серебряных ложек, 6 с. Также от Джона де Уотсанда один сюртук и один женский плащ, стоимостью 8 с., которые были заложены указанному Хью Полем ле Ботильером за одну марку. Итого 44 с.". (*Memorials of London*, p. 199.)

Таким образом, из того, что мы называем мебелью, было только два стула и складной стол, ковер, омбре или шкаф, а также несколько сундуков и комодов. Однако у этой пары был богатый запас матрасов, перин, подушек, простыней и одеял; у них, очевидно, было большое количество кухонной утвари; у них в изобилии была меховая одежда; у них было шесть бочек

вина в доме; у них были серебряные кубки и серебряные ложки. Этот список очень наглядно показывает, как был обставлен дом среднего рода. Отметим одно обстоятельство: поскольку в доме было всего два стула, можно быть уверенным, что лондонский торговец не развлекал своих друзей. Общество ремесленника во все времена летом собиралось на улице, зимой - в таверне; церковь же предоставляла женщинам даже более широкие возможности для общения, чем те, которые они могли получить у открытой двери в перерывах между домашними делами.

Тарелки и ложки были деревянными - "treene". Когда люди становились богаче, они использовали оловянные тарелки; когда они становились еще богаче - серебряные. Столовое белье и салфетки сначала были пеньковыми, а в лучших домах - льняными. Клубок ниток назывался "донцем". Отсюда и имя ткача Боттома.

В счетах и описях церковной, а также домашней мебели мы постоянно встречаем материал, называемый *latoun*. Об этом сложном металле Скит пишет следующее: "Слово *latten* до сих пор используется в Девоне и на севере Англии для обозначения олова, но, как замечает Халливелл, наши старые авторы понимают *latoun* не в этом смысле. Это был некий смешанный металл, несколько напоминающий латунь по своей природе и цвету, но все же больше похожий на пинчбек. Он использовался для изготовления шлемов, умывальников, ложек, погребальных памятников и других изделий. Тодд отмечает, что эскулапы на гробнице Черного принца сделаны из *латона*, покрытого позолотой, в соответствии с указаниями принца. Он добавляет: "В наших старых церковных описях часто встречается *крест из латона*". Описание металла, приведенное в "Бэтмене на Варфоломея", следующее: "Латон называется *Auricalcum* и имеет такое название, потому что, хотя он и brass или медь, но блестит, как золото, как говорит Исидор: ибо латунь по-гречески - *calco*. Также и латон тверд, как медь или brass: ибо путем смешения меди, олова, аурипигмента (орпимента) и других металлов он доводится в огне до цвета золота, как говорит Исидор. Также он имеет цвет и сходство с золотом, но не ценность".

В описях мебели Средневековья часто упоминается мазер. Это была распространенная и любимая форма питьевого кубка, представлявшая собой чашу из кленового дерева, в основном пятнистой породы, называемой "птичий глаз". Для выдолбления чаши выбирали ствол дерева или место, где сходились несколько ветвей. В больших домах и монастырях было множество мазеров. В 1328 году в Кентербери их было 182; в 1437 году в Батле - 32; в 1446 году в Дареме - 49; в 1540 году в Вестминстере - 40.

Характерными особенностями лабиринта были: вокруг чаши проходила полоса серебра или серебряной позолоты, на дне чаши находилась "печать" - медальон из серебра или золота с фигурами святых или другими приспособлениями, "ножка", обычно серебряная, и крышка из кленового дерева с ободком из серебра или серебряной позолоты. До наших дней сохранилось не так много образцов мазера, учитывая их огромное количество, бывшее в употреблении.

В словаре Александра Некхама под названием *Liber de Utensilibus* перечислены различные предметы, необходимые для кухонной мебели. На основе этого словаря и словаря Джона де Гарланда, триста лет спустя, Томас Райт составил список кухонной мебели (*Domestic Manners*), который выглядит следующим образом

"Брандрет, или железный треножник, для поддержки котла над огнем: Котел, гардеробная доска и гардеробный нож, бюстгальтер, позет, сковорода, решетка, или, как ее иногда называют, жарочный чугунок, вертел, вертел, жбан, миер, крюк для мяса, скамья, половник,

палочка для кастрюли, ломтик для переворачивания мяса на сковороде, крюк для кастрюли, ступка и пестик, перечница, блюдо, блюдце."

ГЛАВА VII

БОГАТСТВО И СОСТОЯНИЕ ДВОРЯН И ГОРОЖАН

Стоу довольно подробно описывает богатство знати и расходы на содержание семей, которые обогащали город, когда они жили в нем. Так, он сообщает, что Хью Спенсер Старший, когда его изгнали из королевства, владел 59 поместьями, 28 000 овец, 1000 быков и бычков, 1200 коров с телятами, 40 кобыл с жеребятами, 100 тягловых лошадей, 2000 свиней, 300 быков, 40 тунн вина, 600 баконов, 80 туш говядины Мартимаса, 600 муттонов в кладовой, 10 тунн сидра, 10 000 фунтов готовых денег, доспехи, пластины, драгоценности, 36 мешков шерсти и целая библиотека книг.

В правление Генриха VI граф Солсбери жил в Эрбере с 500 конными людьми; герцог Йоркский жил в замке Байнард с 400 людьми; герцоги Эксетер и Сомерсет имели 800 человек; граф Нортумберленд с лордом Эгремонтом и лордом Клиффордом - 1500 человек; Ричард Невилл, граф Уорик, имел 600 человек, и так далее. Можно предположить, что в каждом большом доме, когда он был занят, находилось 500 рыцарей и людей, их лошади и конюхи, а также повара, пекари, пивовары, камердинеры, лакеи, конюхи, кузнецы, оружейники, мастера и закройщики всех видов, которые составляли маленькую колонию среди лондонских ремесленников, живших вокруг них. Питание этих огромных казарм приносило Сити огромную прибыль. Мы помним тот любопытный эпизод, когда Томас из Вудстока поссорился с мэром Николасом Брембре и наказал горожан тем, что вывел из Сити себя, своих людей и столько своих друзей, сколько могло с ним пойти. Потерять одним ударом содержание многих тысяч человек было равносильно разорению. Представьте себе, как переполошились в Рыбном, Булочном, Мясном залах, среди виноделов, пивоваров, поваров, паяльщиков! Этот неожиданный акт привел в смятение весь механизм снабжения! Не только потеря прибыли на еду и питье, но и на вещах, которые всегда нужны для обслуживания таких хозяев, на изготовлении и починке, ремонте и замене! Плач и смятение охватили даже торговцев, бакалейщиков и ювелиров. Вся лондонская торговля страдала. По этому случаю среди ведущих купцов была собрана подписка, чтобы подкупить дворян, чтобы они вернулись. Это единственный зафиксированный случай забастовки потребителей против поставщиков. Если бы она продолжалась долго, лондонской торговле пришел бы конец. Но когда члены какого-либо организма ссорятся между собой, они очень быстро понимают преимущество примирения, прежде чем дело дойдет до голодной смерти.

СВИТА ГРАФА УОРВИКА

Из книги Стрэтта "Нравы и обычаи".

Рыцари и люди в каждом из них носили свою ливрею и значок. Иногда под ливреей и значком подразумевалось не что иное, как серебряный герб вождя, нашитый на рукав левой руки. Иногда это означало также куртки того же цвета, как в случае с людьми Уорвика, которые все носили красные куртки. Позже от значка отказались, и последователи носили плащ или куртку того же цвета - обычай, сохранившийся в шапочке и куртке жокея.

Каждый дворянин носил с собой сундук с казной; один из таких сундуков до сих пор хранится в часовне Пикса. Расходы были огромными и, с современной точки зрения, несомненно, приводили к нищете. В городской дом графа Уорика разрешалось свободно входить любому, у кого был знакомый в этом доме, и уносить столько мяса, сколько он мог нанизать на кинжал.

ДОМАШНИЙ СЛУГА И НОСИЛЬЩИК, НАЧАЛО XIV ВЕКА

Ричард Редман, епископ Эли (1500 г.), раздавал еду бедным, где бы он ни находился, а при отъезде из города давал каждому бедняку не менее шести пенсов. Николас, лорд-епископ Эли, каждый день давал хлеб, питье и теплое мясо 200 людям. Граф Дерби кормил 60 пожилых людей дважды в день, всех желающих - трижды в неделю, а в Страстную пятницу - 2700 человек. Роберт Уинчесли в XIII веке кормил тысячи людей каждый день во время голода. Генрих в 1236 году приказал накормить 6000 бедняков в Вестминстере в день обрезания; и так далее, другие случаи записаны внимательным Стоу.

Есть очень простое объяснение этой расточительности, которая кажется нам такой расточительной и такой злонамеренной. Не было ни банковских вкладов, ни компаний, ни акций, ни долей; поместья дворянина приносили ему каждый год столько денег; его званию соответствовало поддерживать такое состояние, какое позволяли его средства; накапливать деньги не считалось ни благородным, ни княжеским делом; накапливать поместья - да, - и тратить ренту, поступающую каждый год, щедрой рукой, считалось уделом учтивого и благородного лорда. Генрих III., Эдуард II. и Ричард II. являются примерами, когда

ассоциация пышных расходов с истинным княжеством была доведена до болезни. Однако это характерная черта средневекового дворянина. Буржуа, купец, торговец, мог экономить, беречь и накапливать. Это была его *профессия*. Благородный же должен демонстрировать свое богатство великолепным платьем, великолепным следованием, великолепным столом и великолепной щедростью. Несомненно, если бы Хью Спенсеру-старшему удалось подольше пожить в восхитительной стране, он добавил бы к своему длинному списку еще много поместий; но он не прибавил бы многого, если вообще что-то прибавил бы, к готовым деньгам в длинном узком сундуке, который везли между двумя лошадьми, когда он ехал из города в замок.

ГРАФ РИВЕРС ПРЕПОДНОСИТ СВОЮ КНИГУ ЭДУАРДУ IV.
Из MS. Lambeth, 265.

Рассказы о банкетах и подарках знатных горожан свидетельствуют о наличии у них денег, которыми никогда не обладали самые знатные дворяне, хотя, вероятно, немногие из горожан могли сравниться по богатству с первыми среди дворян.

Великолепие банкета, на котором Уиттингтон сделал подарок королю, поразило и короля, и его невесту; вероятно, во всей Англии и Франции вместе взятых не было другого человека, который мог бы устроить такой банкет. Среди крупных вельмож с обширной территорией и многими тысячами вассалов не было, конечно, ни одного, кто мог бы распоряжаться богатыми и великолепными вещами, которые были готовы к руке великого купца. Даже для костров использовались кедровые и благовонные дрова. Когда Кэтрин заговорила об этом, мэр предложил подпитать пламя чем-то еще более дорогим и ценным, и, действительно, бросил в огонь облигации самого короля на сумму 60 000 фунтов стерлингов. Среди

облигаций было несколько на сумму 10 000 марок, причитавшихся Меркерской компании; одна на 1500 марок, причитавшаяся Лондонской палате; одна на 2000 марок, принадлежавшая бакалейщикам; а также все частные займы и авансы Уиттингтона. Вероятно, сжигая эти облигации, мэр действовал по предварительному согласию Сити; но если это не так - если он взял на себя займы, причитающиеся компаниям, - то сделал самый великолепный и княжеский подарок. Сумма в 60 000 фунтов стерлингов, предоставленная одним человеком, даже в наши дни считалась бы огромной; в те времена она вряд ли могла считаться меньше миллиона с четвертью наших нынешних денег.

Или снова возьмем завещание Уиттингтона. Он подарил библиотеку и дом для нее Серым монахам; основал колледж священников и богадельню; перестроил свою приходскую церковь; перестроил Ньюгейтскую тюрьму, потому что большинство заключенных там умерли "из-за тусклой и испорченной атмосферы".

Богатство Лондона можно проиллюстрировать богатыми пожертвованиями, сделанными мэрами в то же время. Севеноке, который основал грамматическую школу в своем родном местечке с таким названием; Чичеле, мэр, и его брат шериф, которые вместе со своим старшим братом, архиепископом, перестроили церковь в своем родном местечке Хайам Феррерс и наделили ее школой, богадельней и колледжем священников; шериф также оставил большую сумму денег для ежегодного пира 2400 домовладельцев города в день его "ума". Был сэр Джон Рейнвелл, который отдал земли и дома для уплаты налога, называемого Пятнадцатым, для трех приходов - с какой благодарностью мы должны относиться к памяти человека, который заплатил за нас наши тарифы! Были еще Уэллс, который привез воду из Тайберна, и Эстфилд, который провел водопровод из Хайбери в Крипплгейт.

А еще мы можем вспомнить скачки, представления, шествия, на которых город демонстрировал свои богатства королям и принцам; займы, которые он предоставлял королю, и налоги, которые он платил без ропота, пока один король, по крайней мере, не счел его сокровища неисчерпаемыми. Все это свидетельствует о том, что в средневековом городе было много денег и щедрости.

ГЛАВА VIII

НРАВЫ И ОБЫЧАИ

В этой главе я предлагаю собрать разнообразную коллекцию, касающуюся нравов и обычаев средневекового Лондона.

1. Письма из корпорации.

Нелегко расположить их в каком-либо порядке. Однако я начну с некоторых писем, которые иллюстрируют деятельность городской администрации и показывают, что уже существовал некий организованный план связи между Лондоном и главными центрами страны, с помощью которого корпорацию держали в курсе дел, касающихся ее интересов в этих городах, и особенно в отношении беглецов и преступников.

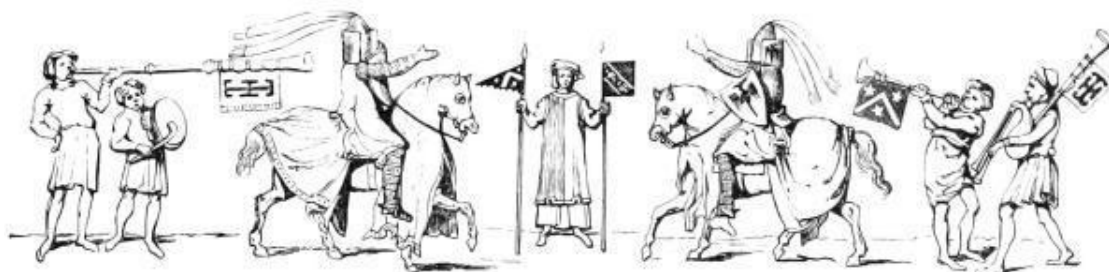
Эти письма, копии тех, что были написаны в 1330-1370 годах по приказу мэра и корпорации, были недавно опубликованы. Их можно разделить на классы.

Первый класс, в котором есть одно или два письма, иллюстрирует то, как Лондон, родитель стольких муниципалитетов - двадцать семь, по крайней мере, могут быть доказаны как дети Лондона - обращался к ним за руководством в сложных и сомнительных процедурах. Так, в 1357 году мэр Оксфорда пишет, чтобы узнать, как проводить земельные тяжбы на лондонских слушаниях. Хартия Оксфорда прямо указывает бюргерам или горожанам, что в случае спора они должны обращаться в Лондон. И хартии не только Оксфорда, но и Эксетера, Глостера и т. д. наделяли бюргеров теми же привилегиями и обычаями, которыми пользовались граждане Лондона. Этот факт делает ранние лондонские хартии гораздо более ценными, чем если бы они существовали сами по себе. Мы видим Лондон как источник свобод, образец, свободный город, на который равнялись все меньшие города как на пример и образец для подражания.

Следующий класс - письма с требованием вернуть пошлины и налоги, взимаемые с купцов в нарушение Хартии.

Самой важной из ранних хартий, после краткого и всеобъемлющего документа, Хартии Вильгельма, была Хартия Генриха I (см. т. ii. ч. i. гл. ii.). В ней содержится бесценная уступка, поставившая лондонских купцов выше баронов: они должны были быть "свободны, они и их товары, по всей Англии и в морских портах от всех пошлин, проездов и пошлин, и всех других обычаев" (....). И если кто возьмет пошлину или обычай с какого-либо гражданина Лондона, граждане Лондона должны взять с того района или города, где была взята пошлина и обычай, столько, сколько человек из Лондона дал за пошлину и сколько он получил за это ущерба."

Другими словами, если лорд поместья мог взыскивать с других торговцев налог за *murage*, *ravage*, *pontage*, *stallage* и другие пошлины, обычаи и налоги, то только с лондонского купца не могли взыскать ничего из этого, а если и взыскивали, то только то, что относилось к общим обычаям торговли. Таким образом, многие из этих писем - это письма с требованием вернуть пошлины и налоги, взимаемые с купцов в нарушение Хартии. Первое письмо было неизменно вежливым, с просьбой "ради любви" и призывом к нарушителю действовать "так, как они могли бы пожелать, чтобы с их собственным народом обращались в подобном случае, или более весома". Если первое письмо не приносило ответа, они посылали другое, называемое *псевдонимом*, потому что в нем иногда указывалось, что они должны ответить на письмо, иначе..... Если и это не помогало, они посылали третье, называемое *pluries*, потому что теперь несколько писем были отправлены без ответа, и наступало время расправы, которая непременно должна была быть применена к тем из их собственных людей, которые могли жить в Лондоне.

РЫЦАРИ ГОТОВЯТСЯ К ПЕРЕПРАВЕ ОРУЖИЯ

Другой класс писем касается пиратства и бесчинств, совершенных на море.

Так, в 1364 году мэры и олдермены потребовали от Бодвина де ла Хезе, адмирала Франции, компенсации от городов Руан, Арфлер, Кан и Байе за возмущение, в результате которого некие нормандские моряки, называемые "глиняными болванами", захватили и разграбили корабль, груженный оловом. Кроме того, было дело Томаса де Вара, гражданина Лондона, который нагрузил корабль вином, маслом, оловянными сосудами, шпорами и т. д. на сумму 231 фунт стерлингов: 0: 10 и отправил его в Брюгге. Во время плавания на "Ла Шеельде" корабль был атакован и разграблен четырьмя фламандскими кораблями. Пойдет ли город Брюгге на компенсацию или предпочтет репрессии?

Иногда утверждают, что вся грузовая торговля на протяжении веков находилась в руках иностранцев, и особенно ганзейских купцов. Это не полностью верно, так как было много кораблей, принадлежавших лондонскому купцу Авантюристу; несомненно, ганзейские купцы одно время грозились поглотить всю торговлю, но им это так и не удалось. Были и английские корабли, очень большая флотилия, которая каждый год плавала в Бордо и обратно, привозя с собой около пятнадцати тысяч тунгов вина. Они отправлялись в путь вместе и возвращались домой вместе, опасаясь пиратов, кишящих в Ла-Манше и Северном море. Время от времени ганзейцы выставляли свои силы и прогоняли английские корабли из моря, но те снова возвращались. В 1348 году пират по имени Виталиани захватил Брюгге, город, в котором жили как английские, так и немецкие купцы, и разграбил его. Мы помним, как мэры города сэры Джон Филпот собрал флот, поднял себя на борт и уничтожил корабли шотландского пирата Мерсера. В 1440 году бастард Фальконбридж получил благодарность города за свои заслуги в борьбе с пиратами. Вследствие потерь, понесенных от рук бретонских пиратов, Эдуард III предоставил городам Дартмут, Плимут и Фоуи право вести войну с Бретанью. Жители Бретани, говорит поэт,

"Величайшие скитальцы и величайшие воры.

Которые были на море много лет".

Мэры и олдермены также собирали долги. Взыскание долгов составляет еще один класс писем. Например, они писали мэру и судебным приставам Глостера, сообщая, что некий Джон де Сент-Альбан, пекарь, должен Уолтеру Вайредрауэру, гражданину Лондона, 41 шиллинг. Получат ли они деньги и отправят ли их в Лондон?

В большом количестве писем речь идет о беглых подмастерьях. Не следует думать, что состояние подмастерья всегда было удовлетворительным или что его поведение всегда было хорошим. Очень часто подмастерье сбежал, иногда прихватив с собой имущество хозяина; иногда он жаловался, что хозяин не учит его ремеслу; иногда хозяин отправлял его в тюрьму за безделье или плутовство; иногда, когда его статьи заканчивались, хозяин отказывался дать ему свободу; тогда он обращался в суд лорд-мэра.

Письма всегда показывают, что в Сити знали, где можно найти сбежавшего прентиса или любого другого нужного им негодяя. Как их выслеживали? В сельских районах не было места для отдыха или укрытия людей, сбежавших с украденным имуществом. Они не могли продать его в деревне, не могли и жить на него; поэтому им приходилось укрываться в городах; все города были небольшими, поэтому беглецы не могли прятаться или скрываться в укромных уголках, они должны были заявить о себе, о своих именах, о своем качестве. О том, что так оно и было, свидетельствуют эти письма, многие из которых требуют возмещения ущерба гражданину, несправедливо задержанному и лишенному своих товаров по подозрению в мошенничестве.

Так, Роджер Баунтайн, гражданин Лондона, был арестован в Чепстоу как подозрительная личность. По какой-то непонятной причине, поскольку он явно был добропорядочным гражданином, он не смог дать о себе отчет. Возможно, он заикался. Тогда его посадили в тюрьму

и отобрали все, что у него было: 10 с. 6 д. деньгами, две цепочки и кольцо из серебра, стоимостью 5 с., и халат, отороченный белой бадьей (мехом кролика), стоимостью 7 с. 6д. Я полагаю, что он через какого-то адвоката или купца связался с мэром, который тут же попросил судебных приставов Чепстоу возместить ущерб "ради любви".

По той же приятной причине мэра и приставов Оксфорда просили отправить Джону Инглишу товар, а именно лошадь, полмешка шерсти и четыре дворянина деньгами, отнятый ими у Уильяма Уэйра, беглого ученика упомянутого Джона Инглиша. Иногда мэр и корпорация составляли отчет о нанесенном ущербе, который многое раскрывает или кажется, что раскрывает.

Например, какие возможности таит в себе история Джона де Уолхауса! Он был жителем Лондона и, подвижный, надо надеяться, благочестием, а не болезненным желанием перемен и путешествий, решил отправиться в паломничество. Он мог бы отправиться к Черной Деве из Уиллесдена, в этом случае он мог бы взять с собой свою жену Люси и таким образом выполнить работу за один день. Или же он мог отправиться к Богоматери Уолсингемской, что заняло бы две или три недели. Он мог бы взять туда и свою жену. Но ничего не оставалось делать, как отправиться в Рим - долгий путь в две тысячи миль, слишком далекий для нежной женщины. Поэтому он оставил ее дома, заведовать всем, что у него было; возможно, но это не объясняется, заведовать лавкой, если таковая имелась. Что же произошло в его отсутствие? Пришел Искуситель; он должен был прийти, иначе Люси не вела бы себя так, как вела. Он явился в облике, форме и внешности молодого человека с привлекательными манерами. Он польстил бедной Люси, которая была совсем слаба; он занялся с ней любовью; он уговорил ее лететь с ним; и, поскольку в доме было имущество, они взяли его с собой - шерсть, упряжь, мазеры, всевозможные вещи. Они нагрузили этими вещами пару вьючных лошадей и отправились на север. Когда пилигрим вернулся, гордый своим посохом и ракушками, неся, возможно, какую-то бесценную реликвию, которую добрый монах позволил ему получить за сущий пустяк, горя желанием рассказать жене обо всех своих приключениях, он обнаружил, что дом закрыт. Где же была Люси? Соседи знали только, что однажды утром, когда они встали с рассветом, дом был закрыт. Люси, должно быть, прошла через ворота Сити, как только их открыли. Пока он стоял с растерянным видом, один из них прошептал ему на ухо: "Хозяин, я знаю, где они - он, она и ваши вещи. Они в Линне". Мэр написал письмо с требованием возместить ущерб, и больше никто ничего не знает, но опасается худшего.

Именно в Линн отправился другой грешник, Джон Алейн, прихватив с собой имущество своей любовницы Алисы. И снова пострадал Питер Граббе, который зафрахтовал корабль и отправил его в Уинчелси, чтобы привезти домой груз бесплатной древесины. Обратите внимание, что леса Сассекса тогда еще не были уничтожены, а леса на севере Лондона были недостаточны, чтобы обеспечить Сити топливом. Капитан загрузил свой корабль, а затем направился в Дюнкерк, где продал груз за свой счет. Смогут ли Эчевины из Дюнкерка, спрашивает мэр Лондона, поступить благородно в этом деле и заставить Питера расторгнуть договор? Было бы жаль прибегать к репрессиям.

Еще один случай. Речь идет о Джоне де Хилтоне, горожанине и питекантропе. Он считал себя в полной безопасности, когда отправлялся на ярмарку в Сент-Айвс со своей вереницей вьючных лошадей и грузом олова. Ведь он доверил заботу о своем имуществе служанке Агнес, которой доверял, как женщине непорочной. Увы! Агнес обманула своего достойного хозяина. Она была замужней женщиной, которая притворялась незамужней, а ее муж был большим негодяем. Как только хозяин уехал, муж сговорился с женой, и они унесли с собой оставленное имущество на сумму 30 фунтов 14 шиллингов. В те времена не было ни банков, ни "бегущих наличных" у ювелиров. Все, что было у человека, он носил с собой или хранил в каком-то надежном месте, неизвестном миру. Агнес взяла с собой 10 фунтов стерлингов в золоте, 6 фунтов в серебре,

серебряные монеты стоимостью 26 с. 8 д., четырнадцать серебряных ложек по 20 с., один кусок ткани по 100 с., одну длинную меховую мантию по 33 с. 4 д., один короткий халат, 26 с., один камень, называемый "пелетот", 16 с., золотые кольца, 20 с., и наперник, 20 с.; беглецы были выслежены в Дублине. Мэр Лондона пишет мэру Дублина с просьбой вернуть товар и привлечь обоих к ответственности.

Другим видом письма было письмо-патент, или рекомендательное письмо. Два монаха едут по делам в Рим, они везут с собой рекомендательное письмо мэра; купец отправляется на сельскую ярмарку, он берет с собой патентное письмо с печатью мэра, в котором говорится, что он хороший и честный человек и имеет право на привилегии города. Несчастный Джон де Рэдклив, родившийся в церкви Святого Ботольфа без Бишопсгейта, просит и получает письмо от мэра, в котором говорится, что его левое ухо, лишенное половины, не было, как многие думают, отрублено палачом в качестве завершающей церемонии процессии и пирушки, а на самом деле было откушено лошадью.

В завершение этих выдержек можно привести случай, который иллюстрирует обычаи Лондона в отношении распоряжения завещанием. Согласно ему, завещатель мог завещать треть своего имущества по своему усмотрению, но эта треть должна была достаться его наследникам, сыновьям или братьям, а треть - вдове. Если, однако, можно было доказать, что наследники получили часть или все имущество заранее, они не получали ничего. Такие доли назывались "разумной частью". Этот обычай сохранялся в Лондоне до 11 Георгия I, *то есть* до 1725 года. В рассматриваемом нами деле мэр и олдермены сообщают бургомистрам и эшевенам Брюгге, что Агата, вдова Джеффри де Вантынша, недавно проживавшего в Брюгге, привезла имущество своего мужа, или то, что можно было перенести, и удовлетворила двух братьев своего мужа Питера Брауна и Джона Брауна Вантынша, братьев и наследников покойного, в отношении "разумной части" имущества. Этим показаниям просят поверить "ради любви".

КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА И ЕЕ ФРЕЙЛИНЫ НА ПРОГУЛКЕ ВЕРХОМ
Из "Хроник" Фруассара.

О положении женщин в средневековом Лондоне. Дамы дворца и замка, безусловно, умудрялись получать от жизни не меньше удовольствия, чем их современные потомки. Юные девы, которые были в некотором роде подмастерьями *гранд-дамы*, учились вести домашнее хозяйство, садились за прялку, чесали шерсть, тесали лен, вышивали очень красиво. Что касается развлечений, то их было предостаточно: они танцевали, пели и танцевали, когда пели; они играли в игры, которых они знали огромное количество; они слушали чтение романсов и менестрелей; они либо слушали музыку, либо играли ее; Каждое утро они ходили на мессу; рассказывали

истории и задавали загадки; играли в шахматы и шашки; ездили верхом; охотились; охотились на ястребов; держали домашних животных - жаворонков, сорок, соколов, соек, попугаев, белок, кошек. Весной и летом они проводили много времени в саду - литература того времени полна воспоминаний о саде.

Дамы в саду танцевали; они смотрели на танцы; они играли на мандолине и пели песни; молодые рыцари сидели с ними, играли и пели; они срывали фрукты; они играли со своими питомцами; они собирали цветы и делали гирлянды для себя и молодых галантов. У жены и дочерей купца был сад, который они использовали точно так же, как и дамы замка. Летний домик и фонтан были обязательным дополнением к любому саду.

"Посреди сада, столь восхитительного

Был травяной фейр и квадрант,

Для приятного времяпрепровождения,

Усыпанный благоухающими цветами:

А в миддле был великолепный сад.

Дурманный источник и чудесный фонтан.

Из золота и асура, сделанных безупречно".

У великих дам было множество служанок, которые сидели за прялкой и вышивали. Они делали для себя всевозможные изысканные вещи; у них были свои ястребы и гончие; они занимались музыкой; они знали, как дистиллировать определенные вещи. В городе у жены купца были слуги, которые изготавливали вещи, но не так много, как в деревне, потому что там были магазины, где можно было купить. Многие из них, однако, разбирались в свойствах трав; они понимали акушерство - примечательно, что во всех "Мемориалах" Райли повитуха ни разу не упоминается. Так была ли каждая замужняя женщина практиком среди своих подруг? Или были *мудрецы-женщины*? Развлечения лучших людей в Сити, надо полагать, сводились в основном к сплетням и ежедневным разговорам между друзьями, особенно после утренней мессы. Женщины обедали со своими мужьями в залах компаний, устраивали банкеты в своих собственных залах, развлекали танцоров и мумий, воспитывали детей и уделяли большое внимание своему платью.

Если спуститься еще на ступеньку ниже, то мы окажемся среди торговцев и ремесленников. Среди розничных торговцев или лавочников было много женщин-красавиц: были эльфийки-пивовары, которые сами варили и продавали свое пиво; были рыболовы - с незапамятных времен были рыболовы; были "бродильщицы" и портнихи всех видов в огромном количестве; были ткачихи - женщины-вебстерны; женщины, которые пекли - пекари; те, кто пряли - прядильщицы; были домашние слуги; и были многие тысячи матрон, которые заботились о доме, воспитывали детей, варили эль, покупали и одевали еду, делали и чинили одежду.

Замужняя женщина могла арендовать дом, заниматься торговлей в магазине или ремеслом за свой счет; если ее муж не имел никакого отношения к бизнесу, она должна была считаться *femme sole*. На нее могли подать в суд за долги и бросить в тюрьму, а ее мужа не трогали.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ГОБЕЛЕНА

Из MS. в Британском музее. Add. 20,698.

Женщины, работавшие ради пропитания, были обмануты и обмануты, как и сейчас, поскольку у них не было ни компаний, ни гильдий, ни ассоциаций; им платили натурой. Эдуард IV, например, издал указ, согласно которому чесальщики должны были платить своим служанкам монетой и выдавать им полный вес шерсти. Некоторые из женщин, как это случалось с тех пор, иногда напивались; некоторые занимались нечестной игрой, как та женщина, которую посадили в колодки за то, что она подсыпала смолу в мерку для пива, уменьшив тем самым количество кварты; или та рыбачка, которая продавала вонючую рыбу и стояла в колодках, пока ее рыбу сжигали у нее под носом - ужасное наказание; среди них были ругатели; в действительности было столько же видов женщин, сколько существует в настоящее время.

В поэме под названием "Самая приятная песня леди Бесси", написанной Хамфри Бреретоном, есть следующие строки, которые иллюстрируют воспитание благородных дам. "Леди Бесси - это Елизавета Йоркская, и она говорит так

"Добрый отец Стэнли, послушай меня,
Что мой отец король Эдуард, тот король королевский
Сделал для сестры моей, миледи Уэллс, и для меня.
Он послал за подьячим в похотливый Лондон,
Он был лучшим в том городе,
Он научил нас обоих писать и читать.
Если вам это понравится, скоро вы увидите.

Слава Богу! У меня была такая скорость.

Что я могу писать так же хорошо, как он,

А также писать и читать;

И это, Господи, скоро вы увидите,

И английский, и французский.

А также испанский, если понадобится,

Граф сказал: "Вы - достойная девушка".

(Antiquary, XV.)

Я должен привести один небольшой анекдот, чтобы показать, какой дух царил тогда в женщинах Англии. В 1404 году французы высадились в Дартмуте, мужчины выступили против них с оружием в руках; к ним присоединились их жены, которые сражались рядом с мужьями и прогнали захватчиков.

Еще один анекдот, показывающий, как мало внимания уделялось женщинам. В 1379 году эскадра сэра Джона Арундела, находившаяся в море в Ла-Манше, была застигнута бурей. На борту корабля находилось шестьдесят женщин, часть из которых ушла с моряками по собственной воле, а часть была уведена насильно. Чтобы облегчить корабль, каждую из этих несчастных женщин бросили в море и утопили.

Образцовая *буржуазия* представлена в книге "Как добрая жена научила свою дочь" (опубликована обществом Е. Е. Text в сборнике "Babees Book") в начале

"Добрая жена учила свою дочь

Ful manye a time and ofte

A ful good woman to be:

And saide 'Daughter to me dere,

Sum good thou must lere (учиться)

If were thou wolt thee (процветать)".

Суть ее наставлений сводится к следующему: Цель каждой женщины - стать женой, поэтому она должна тщательно обдумывать свои действия. Прежде всего, она должна каждый день ходить в церковь и любить Бога.

"Ходи в церковь, когда можешь.

Не жалея ни о чем:

Ибо лучше всего тебе в тот день.

Whanne thou hast God y-seyn.

He must need weel thrive

Who liveth weel all his life

My leef child."

Она должна платить церковные сборы, помогать бедным, в церкви молиться с четками в руках, не болтать и не смеяться, быть "благообразной и благовоспитанной". Если какой-либо мужчина сделает ей предложение руки и сердца, она должна принять его вежливо, кем бы он ни был, и должна показать это дело своим друзьям, и она не должна сидеть с ним в любом месте, где может возникнуть скандал. Выходя замуж за мужчину, она должна любить его превыше всего земного; она должна отвечать ему кротостью; она должна быть справедливой в словах, мягкой в настроении, правдивой в словах и делах, с доброй совестью. Она должна быть приятной наружности; она не должна громко смеяться. На улице она не должна вертеть головой или трясти плечами; не должна сквернословить; не должна глазеть на улицы; не должна посещать таверну; должна принимать "в меру" хорошего эля; не должна напиваться. Она не должна ходить смотреть на борьбу или метать петухов, как трубач - образ жизни этого класса, как можно заметить, остался неизменным: тогда они ходили на публичные представления так же, как сейчас ходят в мюзик-холлы. Опять же, если незнакомый мужчина заговорит с ней на улице, она должна поприветствовать его и пройти дальше; прежде всего, она не должна стоять и разговаривать с ним, чтобы он не соблазнил ее подарками. Она должна разумно управлять своим хозяйством и рано настраивать всех на работу; если нужно, она сама будет работать; она будет следить за тем, чтобы по окончании работы вещи были убраны; в день зарплаты она должна распоряжаться зарплатой. Она не должна завидовать красивой одежде соседей, но должна вести себя по отношению к ним дружелюбно.

"Так должно тебе поступать

И поступать с ними так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой".

Она не должна разорять своего мужа излишествами, не должна брать в долг. Она не должна щадить розги, если ее дети "бунтуют". Как только родятся дочери, она начнет собирать для них вещи против их замужества - это наводит нас на мысль, что от жены ожидали хотя бы частичного участия в мебелировке дома: или это была *точка*, которую собирали и хранили для девочки?

Этого достаточно; хорошая мать предполагает жизнь домохозяйки, способной, если нужно, работать самой, *то есть* делать и шить, вышивать, варить, готовить и выполнять все виды работ по дому; послушной церкви и мужу; любящей матери, хорошей хозяйки. Ни слова не сказано о книгах, об учебе, о чтении или письме - разве *буржуазию* не учили читать и писать? Я не знаю. Но, помня о более поздних обычаях, я предполагаю, что женщину учили читать, но ей редко доводилось пользоваться этим умением. Ни о каких развлечениях, опять же, не говорится, мы не в садах замка, мы на городской улице, дом - один из скопления, каждый дом обращен в свою сторону, возможно, двускатный, этажи выступают один над другим, мы смотрим через узкую улицу на другой такой же дом. Сзади небольшой сад, все двери открыты, и хозяйки выходят и разговаривают друг с другом о ценах на все, которые ужасно выросли на памяти еще молодых людей; внутри служанки и дочери работают и шепчутся. На стене висит розга для тех, кто болтает и не работает.

"Теперь я научил тебя, дочь, как велел мне мой господин.

Думай об этом днем и ночью, забудь, что этого не будет:

Будь в меру и в меру, как я тебя учил,

А за кого ты замуж выйдешь, ему дела нет.

Лучше пусть дитя будет невоспитанным.

Чем необученным мудрым знаниям.

Mi leve child".

Из распространенной практики завещать приданое мы узнаем, что было принято наделять девушку брачной долей. Так, в 1341 году Ричард атте Гейт оставляет своей дочери Агнес десять фунтов серебра на замужество; в 1342 году Николас Крейн, рыботорговец, оставляет Аминне, своей племяннице, 20 фунтов стерлингов на брачную долю, халат стоимостью 20 фунтов и различные домашние вещи. В 1340 году Люси Уайкомб оставляет своей дочери Джоанне определенную ренту в Истчипе, некоторые предметы домашнего обихода и грамоту короля на 100 фунтов стерлингов, все для ее приданого. В 1344 году Филипп Свифт оставляет аннуитет из своих владений Джулиане, своей дочери, на ее замужество. Если девушка, дочь горожанина, оставалась сиротой, право выдать ее замуж принадлежало мэру и содружеству.

Считалось, что вдова должна дать торжественный обет целомудрия в честь своего покойного мужа. Сначала этот акт должен был быть разрешен епископом, перед которым вдова предстала, и после отпевания она произносила обет в таких словах: - "Я...

"I ... М. или Н., в прошлом жена М. или Н., клянусь Богу и нашей Пресвятой Деве Марии и всем святым в присутствии нашего преподобного отца в Боге М. или Н., милостью Божьей епископа М. или Н., что я буду целомудренной впредь в течение всей моей жизни."

И епископ, приняв ее обет, надел ей на палец кольцо и облачил ее в мантию, которую она должна была носить до конца своих дней.

Теперь я должен затронуть тему, которая касается каждого большого города во все времена, а именно существование беспорядочных женщин. Прямых сведений на эту тему мало, но по косвенным признакам можно сделать много выводов. Так, в 1281 году жительницам города было предписано носить капюшоны, подбитые обычной овчиной или кроличьей шкурой, а не более богатыми мехами. В 1351 году таким женщинам было предписано носить за границей капюшон только из лучины, без какой-либо подкладки, *то есть* они не должны были украшать свое лицо красивыми капюшонами и таким образом пытаться сделать себя привлекательными. В 1382 году им снова было предписано носить капюшоны только из лучины. В 1393 году им было рекомендовано держаться в пределах кварталов, отведенных им на Бэнксайде и в Кок-Лейн, Смитфилд, и им было приказано ни в коем случае не позволять себе появляться в любой таверне, на улице или в общественном месте за пределами этих границ. Эти неоднократные постановления явно указывают на значительное число таких женщин и на их вторжение в респектабельные места.

Джон Нортгемптон, мэр и реформатор, взял на себя обязанности епископа и очистил город от бесчинствующих женщин, приказав провезти любую женщину, виновную в неблагоприятных поступках, через весь город на телеге и посадить в колодки, отрезав ей волосы.

В 1385 году происходит показательный случай. Это дело Элизабет, жены Генри Моринга, которая, прикрываясь ремеслом бродера, которым она притворялась, взяла в ученицы одну Джоанну и других девушек, но вместо того, чтобы обучать их этому ремеслу, она подстрекала их к развратной жизни и отдавала их в наем монахам, капелланам и другим мужчинам.

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ?

С картины А. Шевалье Тейлера, с разрешения художника.

Время от времени предпринимались попытки избавиться от скандала, особенно среди приверженцев двора и лагеря. Женщин прогоняли, но они снова возвращались; их наказывали самым жестоким образом; их делали отвратительными, перерезая им носы и даже отрезая губы, и все равно приходили новые женщины.

Одним словом, все указывает на то, что, несмотря на все предписания и постановления, Лондон тогда, как и сейчас, был очень посещаем беспорядочными женщинами. Она была музыкантом, певцом, танцором и танцовщицей; с бубном в руках она преследовала таверны; она толпами следовала за армией; она наряжалась в роскошные одежды, чтобы соблазнить молодого священника и монаха; ее нельзя было сдерживать в определенных кварталах; Она жила во дворце; она принадлежала ко двору; когда ее красота увядала, если она не умирала, как это часто случалось, она становилась служанкой тех, кто ее сменял; или она становилась экономкой; или она подбирала и соблазняла девушек, чтобы те заняли ее место и пошли по ее стопам. История почти ничего не говорит о ней, но мы можем многое узнать. Ее местами были Бэнксайд и Кок-Лейн: рядом с первым до недавнего времени находился узкий зеленый участок без могил и надгробий - сейчас там лесоповал. Это было кладбище "Одиноких женщин". Они существовали - и существуют до сих пор, - потому что тогда, как и сейчас, существовала целая армия одиноких мужчин. Тогда были тысячи священников, монахов и монахов, тысячи воинов в ливреях того или иного лорда; теперь же есть тысячи мужчин, уже не церковников и солдат, а представителей всех профессий и ремесел, которые остаются неженатыми в средней жизни, и для них по-прежнему существует "одинокая" женщина. Сейчас, как и раньше, единственный способ покончить с куртизанками - это научить молодых людей сдержанности.

Содержание домов для приема проституток всегда было строго запрещено в стенах Сити. Лицензионные дома на Бэнксайде просуществовали до правления Генриха VII, затем их закрыли: но старые традиции прижились, и женщины, если их изгоняли, быстро возвращались. Постановления об управлении домами и правила предотвращения беспорядков издавались

Генрихом II, Эдуардом III, Ричардом II и Генрихом VI. Стоу приводит следующие сведения по этому вопросу: - "Рядом с этим банком когда-то находилось здание, в котором жили люди.

"Далее на этом берегу находился Борделло, или Стьюс, названный так из-за того, что в нем были привилегированы некоторые рагу, предназначенные для ремонта недержавших мужчин с такими же женщинами: о привилегии которых я читал следующее:

В парламенте, состоявшемся в Вестминстере восьмого года правления Генриха Второго, было постановлено общинами и подтверждено королем и лордами, что в пределах этого лордства или франшизы должны навсегда сохраняться различные конституции в соответствии со старыми обычаями, которые там использовались с незапамятных времен.

Я также видел различные патенты на подтверждение, а именно: один датирован 1345 годом, девятнадцатым годом правления Эдуарда Третьего. Кроме того, я обнаружил, что в четвертый год правления Ричарда Второго эти дома, принадлежавшие Уильяму Уолворту, тогдашнему мэру Лондона, были разграблены "Фроесом" из Фландрии и испорчены Уотом Тайлером и другими мятежниками из Кента: несмотря на это, я обнаружил, что постановления о том же месте и домах были вновь подтверждены в царствование Генриха Шестого, чтобы продолжаться как прежде. Кроме того, Роберт Фабиан пишет, что в 1506 году, двадцать первом году правления Генриха Седьмого, упомянутые тушенные дома в Саутварке были на время запрещены, а двери закрыты, но прошло немного времени (говорит он), прежде чем дома там снова были открыты, столько, сколько было разрешено, ибо (как было сказано) если раньше было восемнадцать домов, то с этого времени было назначено использовать только двенадцать. На фасадах этих разрешенных домов, обращенных к Темзе, были вывески, не вывешенные, а нарисованные на стенах: "Кабанья голова", "Крестовые ключи", "Пушка", "Замок", "Журавль", "Кардинальская шляпа", "Колокол", "Лебедь" и т. д. Я слышал, как древние люди с хорошей репутацией сообщали, что этим незамужним женщинам запрещались церковные обряды до тех пор, пока они продолжали вести греховную жизнь, и их не допускали к христианскому погребению, если они не примирились до своей смерти. Поэтому вдали от приходской церкви для них был отведен участок земли, называемый Церковным двором одиноких женщин.

Г. У. Уилсон и Ко.

ВЕСТМИНСТЕР-ХОЛЛ

В год Христа 1546, тридцать седьмой от Генриха Восьмого, по приказу короля, провозглашенному во всеуслышание трубой, этот ряд тушканчиков в Саутварке был снесен, и впредь он не будет пользоваться привилегиями и использоваться как обычный бордель, а жители его будут соблюдать добрые и честные правила, как в других местах этого королевства, и т.д."

РАССТАВАНИЕ СВ. ТОМАСА И ДВУХ КОРОЛЕЙ
Из "Vie de St. Thomas" (французский MS. 1230-1260).

Обратимся к другой теме. В рассказе о ранних годах жизни святого Фомы Бекета мы получаем представление о доме лондонского купца, которое, как и описание Лондона у Фицстефена, недостаточно далеко. Будущий архиепископ, мученик и святой родился там, где сейчас стоит часовня торговцев в Чипсайде. Его отец, Гилберт, происходил из рыцарского рода, уроженец Тьерсвилля, небольшого городка близ аббатства Бек в Нормандии. По-видимому, еще в юности он перебрался в Руан; там он женился на Розии, дочери мещанина из Кана. Молодая пара перебралась в Лондон около 1116 года и здесь процветала. Было высказано предположение, что Жильбер из Руана и Розия из Кана были дедушкой и бабушкой Томаса, что его отец, Жильбер, родился в Лондоне и что его мать звали Матильда. Трудно понять, как простой мещанин из Руана за два-три года стал ведущим горожанином в Лондоне, даже, по словам его биографа, вице-королем, *то есть* портье. В свое время он был человеком с большим состоянием; он основал часовню на церковном дворе Святого Павла, где сам и был похоронен; в течение многих лет вновь избранный мэр навещал могилу Гилберта в день своего избрания. Говорить, что Гилберт прибыл вслед за Завоевателем, нелепо, ведь тогда он был уже в возрасте, а значит, ему было не меньше семидесяти, когда родился Томас. Тем не менее в годы своего детства он был одним из ведущих жителей Лондона, и этот факт невозможно объяснить, если предположить, что Гилберт прибыл в 1116 году. Если же его отец, старший Гилберт, приехал в 1066 году или около того, и ему тогда было, возможно, двадцать лет, то его сын, родившийся, скажем, в 1086 году, вполне мог быть отцом Томаса, родившегося в 1118 году. (См. также стр. 8).

Лондонский Сити в любом случае претендовал на святого как на своего собственного сына:

"Me quae te peperit, ne cesses, Thoma, tueri".

Гилберт претендовал на родство с норманном Теобальдом; среди его друзей был некий Решин де л'Эйгл из Певенси, дворянин норманнского происхождения, который поселился у Гилберта, когда тот приехал в Лондон.

Видения, пришедшие к матери перед рождением ребенка, радуют своей простотой. Нам рассказывают, что она увидела своего ребенка, стоящего перед ней у дверей Кентерберийского собора; что двенадцать ярких звезд упали ей на колени; и что ей приснилось, будто она рождает сам собор. Есть и красивая история о покрывале младенца. Розия (или Матильда) упрекнула кормилицу в том, что та не накрыла его в колыбели покрывалом. "Ну что вы, - сказала кормилица, - у него уже есть прекрасное красное шелковое покрывало". Она взяла его и развернула. Покрывало оказалось слишком большим для комнаты; оно было слишком большим для прихожей; оно было слишком большим для улицы; оно было слишком большим для Смитфилда.

Мать передала Томаса под особое покровительство Девы Марии, которая спасла его от лихорадки, явившись ему в видении и вручив ключи от рая. Она также спасла его чудом, когда он упал в ручей и его чуть не затянуло в мельничное колесо.

Благочестивая мать имела обыкновение класть ребенка на весы и взвешивать его на хлеб, мясо, одежду и деньги, которые она раздавала бедным. Она умерла, когда мальчику был двадцать один год. Если бы только эта добрая и благочестивая душа могла дожить до того момента, когда ее мальчик станет прославленным святым! Его отправили в школу в Мертон-Прайори - не в одну из городских школ. Из Мертона его отправили в Париж. По возвращении он обнаружил, что его отец терпит убытки: его дом трижды сгорал у него на глазах. Тогда он, намереваясь стать купцом, поступил на службу в счетную контору некоего Осберна Гюитденира "с большим именем и репутацией". Однако двое норманнов по имени Болдуин Архидиакон и Юстас Булонский, которые жили у Гилберта, когда тот был в Лондоне, заметили ум молодого человека, сына Гилберта, и представили его Теобальду. Остальная часть этой истории принадлежит истории.

А вот один из ярких примеров городских нравов. Томасу, сыну Хью атте Боу, горожанину и мерсеру, после смерти отца было оставлено 300 фунтов стерлингов. Эта сумма была передана на хранение Роберту де Бринкели, мерсеру, чтобы он хранил ее и разумно использовал в интересах мальчика. Роберт распоряжался этой суммой в течение тринадцати лет. Он ежегодно платил за пользование деньгами "по обычаю города" 4 шиллинга за каждый фунт, или 60 фунтов в год, что составляет 20 процентов. Это составляет 780 фунтов, так что, когда Томас достиг совершеннолетия, у него было бы, если бы не вычеты, 1080 фунтов, что эквивалентно примерно 15 000 фунтов наших денег. Но Роберт, также в соответствии с обычаями города, прислал счет на 2 фунта в год на указанные 300 фунтов за свои хлопоты по опеке над мальчиком. Это составило 390 фунтов стерлингов. Кроме того, он взимал за питание Томаса 2 шиллинга в неделю или 104 шиллинга в год, что составило 67 фунтов 12 шиллингов. За одежду Томаса он брал 40 шиллингов в год, или 26 фунтов стерлингов в целом. Кроме того, за обучение - 2 марки в год в течение десяти лет, что составляет 20 марок или 13 фунтов стерлингов. Также за обучение верховой езде и за работу и проживание в Оксфорде - еще 13 фунтов стерлингов. Таким образом, обучение сына лондонского купца в Оксфорде не было редкостью. В общей сложности расходы опекуна составили 509 фунтов 18 шиллингов 8 шиллингов, так что наследство Томаса составило 570 фунтов 1 шиллинг 4 шиллинга. Эта небольшая история показывает, что содержание мальчика в то время обходилось не дороже 3½ д. в день; что образование можно было получить за 1 фунт 6 шиллингов 8 шиллингов в год и что за использование денег 20 процентов считалось справедливой платой.

Стоимость содержания девушки, возможно, не наследницы, как в случае с некой Алисой, оценивалась в 8 д. в неделю, а стоимость ее одежды - в 13 с. 4 д. в год.

Теперь мы можем рассмотреть расходы лондонских членов парламента. В 1389 году в Кембридже состоялся парламент, на котором присутствовали четыре представителя города: Адам Бамме, Генри Ваннер, Уильям Тонге и Джон Кленхонд. Они ехали вместе, взяв с собой или отправив перед собой две трубы красного вина. Они наняли дом в Кембридже, но были вынуждены взять почти развалившийся; деревянная отделка прогнила, крыша протекала, штукатурка была отбита. Дом был тщательно отремонтирован, мусор, которым он был наполнен, вывезен, сделаны прекрасные табуреты и формы, куплены скатерти, подушки и настенные вешалки из полосатой камвольной ткани, закуплена посуда для еды, питья и приготовления пищи, заготовлено топливо, состоящее из дров, угля, дерна и осоки, а счета за все время пребывания были отправлены в корпорацию и ими оплачены. Из них следует, что поездка в Кембридж и обратно со слугами и "упряжью" обошлась в 7 16 8 фунтов стерлингов; расстояние, как мы знаем, составляет 57 миль или 114 миль туда и обратно; но количество слуг нам неизвестно, и мы не можем получить данные о них. Но именно столько приходилось платить Сити за своих членов парламента. Общая сумма может быть подсчитана, поскольку деньги тогда стоили в пятнадцать раз больше их нынешней стоимости, по крайней мере, около £1500, что является огромным счетом.

	£.	s.	d.
Аренда, ремонт и мебель	6	9	0
Посуда, скатерти и подушки	6	16	8
Топливо	5	13	0
Лошади, их содержание и подстилка, а также солома для кроватей слуг	12	15	7
Проезд до Кембриджа и обратно	7	16	8
Вино	9	2	0
Облачение для ливреи слуг	22	5	0
Еда, эль, свечи и лаванда	23	5	9
Заработная плата дворецкому, повару и т.д.	7	13	4
	£101	17	0

Язык, используемый в Лондоне, несомненно, всегда был английским. Представители высшего сословия, несомненно, понимали тот вид французского, который Чосер называл французским Стратфорда-атте-Боу. Ведь женский монастырь Святого Леонарда в Боу был древним бенедиктинским фондом, где монахини преподавали англо-французский.

Жители никогда не говорили ни на каком другом языке, кроме английского. На английском языке велись заседания суда по обычаям, народных собраний и собраний приходов; на английском языке читались проповеди; на английском языке ставились пьесы о чудесах: Общество ранних английских текстов раскопало и опубликовало огромную массу ранних английских, а не англо-норманнских произведений, состоящих из популярных песен, сатирических стихов, пересказов Писания, правил анкоритов и монахов, а также переводов.

В Оксфорде студенты попеременно переводили на французский и английский, "ne illa lingua Gallica penitus sit omissa". Чосер знал англо-французский, но писал по-английски, и писал он для лучшего класса, а не для простолюдинов. Гауэр писал сначала на французском, затем на латыни и, наконец, на английском. В 1362 году парламент был открыт речью на английском языке: примерно в то же время было предписано вести суды на английском языке.

Обычай современного англосакса, который, где бы он ни находился, навязывает свой язык на рынках вместо языка любого другого торговца, несомненно, преобладал тогда на набережных и в лондонском порту, где полиглотский вавилонский язык иностранных моряков должен был быть сведен к общему английскому для ведения дел.

У Скита есть следующие замечания по поводу "Французского языка Стратфорда-атте-Боу" Чосера

"Ничто не свидетельствует о том, что Чосер здесь пренебрежительно отзывается о французском языке, на котором говорит настоятельница, хотя эту точку зрения обычно принимают газетчики, которые знают только эту строчку Чосера и не могут удержаться от того, чтобы не использовать ее в шутку. Даже Тирвитт и Райт бездумно поддержали эту идею: стоит отметить, что вывод Тирвитта о том, что Чосер думал об англо-французском языке только плохо, был сделан (как он говорит нам) на основании замечания в Прологе к "Завещанию любви", которое Чосер не писал. Чосер же просто констатирует факт: настоятельница говорила на обычном англо-французском языке английского двора, английских судебных инстанций и английских церковников высшего ранга. Поэт, однако, сам был во Франции и прекрасно знал разницу между двумя диалектами, но у него не было особых причин думать о парижском языке более высоко, чем об англо-французском. Он просто утверждает, что французский, на котором она так "фетишистски" говорила, был, естественно, таким, на котором говорят в Англии. Она никогда не путешествовала и поэтому была вполне удовлетворена тем французским, который выучила дома. Язык короля Англии в представлении слушателей Чосера был столь же хорош, как и язык короля Франции; ведь король Эдуард называл себя королем не только Англии, но и Франции, а король Джон в свое время был всего лишь его пленником. Замечание Уортона по поводу этой строки вполне здраво. Он показывает, что королева Филиппа писала деловые письма на французском (несомненно, англо-французском) языке с "большим приличием". Что имеет в виду мистер Райт, говоря, что "это было похоже на то, что использовалось в более поздний период в судах", несколько озадачивает. Конечно, это был не похожий, а тот же самый язык, который использовался в тот же самый период в судах. На самом деле, они с Тирвиттом бессознательно дали нам представление, которое сложилось не у Чосера, а у несмышленных читателей нынешней эпохи: мнение, которое не выражено и, вероятно, не предполагалось. В современном Стратфорде мы можем обнаружить, что парижский французский преподается неэффективно: но в древнем Стратфорде очень важный англо-французский преподавался достаточно эффективно".

Поэма Лидгейта под названием "Лондонский ликпенни", потому что Сити пьет и поглощает деньги посетителей, содержит самую живую картину лондонских улиц пятнадцатого века. Название, как указывает Скит, было ошибочно предположено (Холливеллом) как "London Lackpenny":-.

"В Лондон однажды шагнул я,

Где истина ни в коем случае не должна быть слабой:

В Вестминстер я сразу же отправился

К законнику, чтобы подать жалобу.

Я сказал: "Во имя любви Марии, этой святой,

"Пожалейте бедняков, которые будут продолжать!

Но из-за нехватки денег я не мог ускориться.

И, протискиваясь сквозь толпу,

по злему стечению обстоятельств мой капюшон исчез!

Но, несмотря на это, я не задержался.

Пока в королевскую скамью не попал.

Перед судьей я преклонил колени,

И молил его, ради Бога, прислушаться!

Но за неимением денег я не мог ускорить шаг".

Нужны ли ему были деньги для уплаты гонорара или необходимо было подкупить судью, он не поясняет. Давайте милосердно примем первую точку зрения: -

"Я отправился в суд общей юрисдикции,

где сидел человек с шелковым капюшоном;

Я оказал ему почтение (я должен был это сделать)

И рассказал свое дело, как мог,

Как обманом лишили меня имущества.

Я не получил ни слова из его уст за свою мзду,

И, за неимением денег, я не мог ускорить шаг.

В Вестминстер-холле ни богатый, ни бедный

Не сделали бы для меня ничего, хоть умри я;

Видя это, я вышел за дверь,

Когда Флеминги стали на меня кричать,

"Господин, что вы [купите](#) или купите?

Шляпы из тонкого фетра или очки для чтения?

Положите свое серебро, и здесь вы можете ускориться".

Затем я отправился к Вестминстерским воротам,

Когда солнце было в самом разгаре;

Кулинары, мне наперебой рассказывали, что у них есть хороший повод,

И предложили мне хлеб, эль и вино;

Ребра говяжьи, жирные и тонкие.

Они стали расстилать честное полотно;

Но, не имея денег, я не мог ускорить шаг.

Тогда я отправился в Лондон,

Из всех земель здесь самая высокая цена.

"Горячий горох!" - кричал один,

"Клубника спелая!" и "вишни на рисе!" (*ветка*).

Один из них попросил меня подойти и купить специй;

Перец и шафран они мне *предлагали*;

Но, за неимением денег, я не мог идти.

Тогда я пошел вперед по лондонскому камню,

по всей длине Канвик7-стрит;

Drapers much cloth me offered anon;

И встретил я одного, который кричал: "Горячие овечьи ноги!

Один - "макрель! Один повторял "камыш".

Один предложил капюшон, чтобы покрыть мою голову;

Но за неимением денег я не мог быть поспешен.

Тогда я поехал в Ист-Кип,

Там подают говяжьи ребрышки и много пирогов;

Оловянные горшочки грохотали;

Там арфа и труба, и менестрели.

"Да, вера" и "нет, вера", - кричали некоторые.

Некоторые пели о Дженкине и Гилле за деньги;

Но, за неимением денег, я не мог проехать.

Тогда в Корнхилл вскоре я отправился,

Где было много украденных вещей;

Я увидел, где висит мой собственный потерянный капюшон,

Который я потерял в толпе;

Покупать свой собственный капюшон я считал неправильным.

Я знал это так же хорошо, как и свое кредо;

Но из-за нехватки денег я не мог ускориться.

Трактирщик взял меня за рукав,

"Сэр, - говорит он, - теперь мое вино пробирное";

Я ответил: "Это не может меня сильно огорчить,

Пенни не может сделать больше, чем может".

Я выпил пинту, и за нее пришлось заплатить;

И все же, опечаленный, я ушел оттуда,

And, wanting money, I couldn't speed."

В конце он рассказывает, как в конце концов отправился в Биллингсгейт и там попытался уговорить баржевика перевезти его через реку за бесценок. Но тот отказался взять меньше двух пенсов, заявив, что еще не наступил тот период жизни, когда хочется проявлять деятельную доброжелательность, раздавая милостыню. В конце концов поэт благополучно добрался до Кента и решил больше не иметь дела с юристами. Завершается все благочестивым пожеланием благополучия Лондону и всем честным юристам: "Спасите Лондон и пришлите настоящих юристов".

"Спасите Лондон и пошлите истинным адвокатам их милость!

Ибо кто не имеет денег, тот не может с ними тягаться!"

Мораль баллады очевидна. Если вы хотите заниматься юриспруденцией, вам следует отправиться в Лондон; а если вы хотите отправиться в Лондон, вам следует прежде всего наполнить свой кошелек.

Мы хотим проникнуть в сознание людей. Мы видели, что женщины, по крайней мере, не читали, а лондонский ремесленник не имел никакого книжного образования. Но у них должны были быть идеи, темы для разговоров, актуальные верования - какие? К концу четырнадцатого и в течение всего пятнадцатого века, без сомнения, повсюду царил дух беспокойства и сомнений. Странствующие проповедники, проповедники Уиклифа, заставляли людей сравнивать истинную религиозную жизнь с примером религиозной жизни, которую им демонстрировали прелаты и аббаты с их пышными свитами и гордыней, монахи с их ленью, монахи с их жадностью и разнузданностью. Те, кто защищает Церковь в наше время, не желают признавать ни гордыню первых, ни распущенность вторых. Поэтому давайте довольствоваться тем, что было сказано и чему учили, независимо от того, правда это или нет, и помнить, что это было открыто сказано и чему учили, и люди в это верили. Помните, что сказала одна лондонская женщина, когда в Виллсдене случился пожар и образ Богородицы частично сгорел? "Как она может помочь мне, - спросила эта проникательная женщина, - если она не может помочь себе?" В этот период медленного пробуждения люди заново усвоили урок, что религия - это не просто правило и покупка, и что исповедание религии требует соответствующей жизни в чистоте. Как выяснилось, облачение во францисканскую привычку и исповедание францисканского правила само по себе не было ни актом, ни доказательством, ни иллюстрацией религии. Восприятие народом великого правила, которое ученые уже давно поняли, подготовило почву для выражения свободной мысли в XVI веке.

Equally interesting it is to mark the revolt in the minds of the people against their rulers—and the mingling of the revolt against the Church with the revolt against the nobles:—

"Джон-мельник наделал земли мало, мало,

За все заплатит сын короля небесного,

Остерегайтесь, пока не постигла вас беда!

Знай друга от врага,

Haveth ynough and saith (say ye) 'ho'! (стоп!)

And do well and better and fleeth sinne,

И ищите мир и покой в нем!

И так велит Джон Трумен и все его собратья".

"Джон Болл, священник Святой Марии,

Приветствует всех людей,

И приветствует их во имя Троицы,

Отца, Сына и Святого Духа,

Стоять вместе в истине,

И помогайте истине, и истина поможет вам.

Сейчас царит гордыня в цене,

Куэтис считается мудрым,

Разврат без стыда,

Обжорство без вины.

Энуня бушует без причины,

И леность в большом ходу,

Боже, сделай сапоги, ибо время пришло, аминь".

И снова (общество Перси):-.

"Джек Трюмман хочет, чтобы вы поняли.

Что фальшь и коварство царят слишком долго:

И истина под замком,

А фальшь царит в каждом стаде,

Ни один человек не может прийти к истине,

Но он поет, si dedero:

Speake, spend and speed, quoth John of Bathon, and therefore,

Sinne fareth as wilde flood,

Истинная любовь, что так хороша,

А кларки ради богатства их обманывают...

God doe boote for now is time, Amen."

"Мои добрые друзья, - так говорил Джон Болл Кентерберийский, как сообщает Фруассар, и другие проповедовали ту же доктрину, - дела в Англии не пойдут на лад и никогда не пойдут, пока все не

станет общим; когда не будет ни вассалов, ни лордов и все различия не сравняются; когда лорды будут не более господами, чем мы сами. Разве все мы не происходим от одних и тех же родителей, Адама и Евы?" Далее он противопоставляет участь господ и людей. "Нас называют рабами, и если мы не выполняем свои обязанности, нас бьют, и у нас нет ни одного государя, которому мы могли бы пожаловаться или который хотел бы нас выслушать и поступить с нами по справедливости".

Что касается представлений народа о правительстве, то мы должны помнить, что в Лондоне старая саксонская свобода никогда не была утрачена. Лондонцы выбирали мэра, олдерменов и шерифов, а также назначали своих судей. Каждый свободный житель лондонского Сити, таким образом, чувствовал, что он участвует в управлении городом. Как мы видим из истории Сити, время от времени в нем возникали разногласия и фракции, но от одного великого принципа, что Лондон волен избирать своих собственных магистратов и сохранять свою собственную форму правления, никто не отступал.

Таким образом, это было не навязанное, а собственное народное правительство. Никогда не возникало вопроса о повиновении лондонскому правительству, никогда не было народного восстания против лондонского правительства. Естественно и правильно, что олдермены должны быть правителями, и если кто-то имел наглость ударить олдермена или отказаться подчиниться его постановлению, то по справедливости и по воле народа ему должны были отрубить руку; точно так же все понимали, что для защиты короля, их "повелителя", может потребоваться выйти вперед и сражаться. Поэтому каждый должен был научиться обращаться с оружием и владеть определенными видами оружия. В описях домашней мебели XIV века всегда присутствуют доспехи и оружие. Ремесленник, таким образом, был солдатом, фрименом, и курфюрстом. Кроме того, ради выгоды своего ремесла он понимал, что для него важно объединиться в гильдию или компанию. Он понимал, что должен быть предан этой компании, что должен подчиняться ее руководителям и хорошо работать.

НИЩИЙ УГОВАРИВАЕТ БЛАГОРОДНУЮ ДАМУ

Из картины "Роза" в Британском музее. Харл. MS. 4425.

Восстание Уота Тайлера, по словам Фруассара, было подстрекаемо жителями Лондона, которые повторяют то, что слышали, и явно повторяют слухи, распространенные при дворе. Лондонцы, говорит он, пригласили деревенских жителей собраться и двинуться на Лондон, где обещали им хороший прием и такой прием, что скоро во всей Англии не останется ни одного раба - а в Лондоне их не было. Люди собрались со всех концов королевства; они шли компаниями по дюжине или сотне человек. Фруассар говорит, что они не знали, чего хотели; однако совершенно точно, что они хотели осуществить мечту своих проповедников; они хотели того, чего всегда хотят люди, - справедливости; они хотели видеть жизнь религии вместо ее исповедания, и они хорошо знали, что означает жизнь религии; они хотели более справедливого разделения благ мира. Великое восстание Уота Тайлера, если оно действительно поощрялось, приветствовалось или приглашалось простым лондонским народом, в чем я сомневаюсь, кроме того, что там, несомненно, были некоторые, кто проникся идеями Джона Болла, показывает нам, что думали простые люди.

Что касается объема их знаний и их ограниченности, то Лондон был местом внешней торговли и центром внутренней торговли. Поэтому он был заполнен людьми, занимавшимися торговлей, связанной с распространением, сбором, импортом и экспортом. Другими словами, он постоянно принимал и отправлял людей в чужие страны за море и во все уголки Англии, чтобы они занимались своим ремеслом. Мальчики спускались на набережные, чтобы поговорить с моряками и стивидорами: они учились различать генуэзские и венецианские галеры, корабли Ганзейского союза, корабли из Лиссабона и корабли из Бордо, узнавали, где эти места находятся и что они отправляют в Лондон. Сами путешественники в тавернах рассказывали о своих странствиях. Все, чему могла научить людей торговля, они узнали как в четырнадцатом веке, так и в девятнадцатом. Полагаю, что они не смогли бы нарисовать *mapa mundi* с большой приближенностью к точности, но они знали, где какие места находятся.

Их знания о географии и народах расширялись также благодаря паломничествам и историям, которые паломники рассказывали по возвращении. Что касается науки, то каждый человек владел своим ремеслом, и этого ему было достаточно. Что касается истории, то жители Лондона помнили; несомненно, они перепутали множество событий, но они помнили, по крайней мере, свои собственные вольности. Книг у них не было, и читать они не умели; сатирических, исторических, памятных песен у них было много, и многие из них до сих пор сохранились.

Из вышесказанного можно понять, каковы были грубые представления людей о религии и социальной экономике; насколько значительными были их знания о мире; как их ремесла научили их некоторым наукам; и как их народные песни расширяли, углубляли и укрепляли народные представления.

В главе "Спорт и отдых" эти вопросы полностью рассмотрены, но есть несколько незначительных замечаний, которые не совсем относятся к ним и более уместны здесь под заголовком "Манеры". В праздничные дни люди носили гирлянды, магистр и вардены компании носили гирлянды в свои великие дни, на банкетах они носили гирлянды, дамы носили гирлянды, молодые церковники носили гирлянды. Когда кто-то ехал за границу - не на битву - он вешал маленькие колокольчики на уздечку и сбрую своей лошади. Виклиф рассказывает о священнике, который "в помпезности и гордости, в любостяжании и зависти, с жирными лошадьми, и *bridelis ryngyng* be (by) the weye and himself in expensive clothes and pelure (fur)".

В каждом богатом доме сокол был таким же домашним любимцем, как и собака. Особенно легко было приручить сапсана: "*mult cortois et vaillan et de bon manniere*" - очень ручного, смелого и с хорошими манерами.

Клерк, нотариус и подьячий носили с собой футляр с бумагой, ручками, чернилами и другими необходимыми для письма вещами, чтобы их можно было позвать в дом или магазин для записи чего-либо. Футляр для письма назывался пеннером.

Я уже говорил, что каждый человек был обязан держать в готовности к использованию оружие или доспехи в соответствии со своей степенью. Мы всегда должны помнить, что лондонец был прежде всего солдатом, независимо от его призвания; его могли призвать для защиты Сити или даже, в случае необходимости, для похода в деревню. Поэтому каждый мужчина должен был учиться и практиковаться в обращении с оружием, например, стрелять из длинноствольного лука, обращаться с пикой и мечом. Так, в описи мебели, принадлежавшей Хью ле Беверу, дело которого цитируется в другом месте, мы находим хакетон - то *есть* куртку из стеганой кожи, которую иногда носили под доспехами, а иногда использовали как доспехи. В правление Генриха II каждый, кто получал рыцарское жалованье, был обязан иметь хабергон или нижний почтовый

плащ, шлем, щит и копье. Свободный владелец шестнадцати марок должен был иметь то же самое; владелец десяти марок - маленький габержон, железную накидку и копье; а обычный мещанин должен был иметь, по крайней мере, накидку и копье.

Помимо оптовых торговцев и лавочников, существовали "канцеляристы". В каждом общественном месте, где была церковь, или крест, или канал, ставились "станции" или лавки. Так, в 1370 году вокруг Высокого креста в Чепе было одиннадцать станций, которые сдавались стольким же женщинам за ежегодную арендную плату в 13 с. 4d. В том же году все они были осуждены за использование ложных мер. Современное слово "канцелярский мастер" происходит от практики продажи бумаги, ручек и т. д. на таких станциях.

Среди лондонских братств не следует забывать и о том, которое называется Обществом Пюи, "в честь Бога, нашей леди Святой Марии и всех святых, как мужчин, так и женщин; и в честь нашего лорда короля и всех баронов этой страны". Есть предположение, что братство было названо в честь Богоматери из Ле-Пюи в Оверни, образа Черной Девы, которая творила чудеса. Во Франции существовало множество обществ Пюи: одно из них, лондонское, составило для собственного пользования и руководства свод правил, которые до сих пор существуют и опубликованы в Liber Custumarum. По сути, это был ранний образец клуба, основанного в целях мира, радости, гармонии и дружбы. Он был открыт для всех, то есть для каждого, кого руководство решило принять. Не было никаких различий по национальному признаку. Существовал вступительный взнос и подписка. Общество управлялось комитетом из двенадцати членов, избираемых пожизненно, и "принцем", который избирался каждый год. Поскольку ни одно братство не может существовать без религии, для ежедневного отпевания всех членов, живых и мертвых, содержался капеллан. Великим днем Общества было первое воскресенье после Троицы, когда в зале, заново усыпанном камышом и украшенном ветвями, проводилось собрание. В этот день состоялось посвящение принца на год. Старый князь с короной на голове и золоченым кубком, наполненным вином, в руках прошелся по залу, распевая. Затем он передавал вновь избранному принцу корону, подносил ему кубок и подвешивал руки над президентским креслом.

После этого собрание приступило к делам дня, которые, как и на знаменитом ежегодном фестивале в Тулузе, заключались главным образом в выборе и награждении лучшей песни. Конкурсанты сидели в ряд на сиденьях, покрытых золотой тканью; судьями были вновь избранный принц и уходящий принц, которым помогали пятнадцать присяжных: конкурсанты пели песни на музыку собственного сочинения. После присуждения приза победителя короновали.

Затем был подан обед, а после ужина все поехали в процессии по городу: оба принца возглавляли кавалькаду, а за ними следовал поэтический чемпион дня. У дома нового принца все расходились, и братья исполняли танец на улице. На следующий день после этого великого праздника в храме Святой Елены была отслужена месса за души братии. Это приятный взгляд на более солнечную сторону городской жизни. По крайней мере, раз в год купцы объединяются - англичане, французы, немцы, все одинаково дружелюбны; они поют, пируют, танцуют, ходят в церковь и подбадривают друг друга, все вместе, в согласии и гармонии, братской помощи и братской любви.

Почтой или перевозкой писем ни в коем случае не пренебрегали, и постепенно они превратились в регулярную систему. Эдуард IV расставил через каждые двадцать миль людей, чьей обязанностью было нести депеши так быстро, как только они могли проскакать это расстояние галопом, и передавать их следующему человеку. У Эдуарда I были гонцы, которые отвечали за депеши государственных чиновников, констеблей замков и шерифов графств. Гонцу платили по

шиллингов в день. Некоторые арендаторы держали свои земли с условием разносить письма лорда. Каждый месяц венецианцы регулярно отправляли почту из Лондона в Венецию. В нее входили письма купцов обоих городов. Частные джентльмены также посылали своих слуг для разноски писем. Таким образом велась переписка Пастона. Если принять эту переписку за средний пример письма того времени, то, должно быть, существовала большая потребность в организованной почтовой системе. Внутренняя торговля летом осуществлялась с помощью длинных верениц вьючных лошадей, а зимой было очень мало поездок и никакого движения. Вероятно, гонцы отправлялись по крайней мере по королевской службе, которую нельзя было остановить, всю зиму, но состояние дорог не позволяло совершать никаких поездок, кроме самых необходимых. И все же в четырнадцатом веке они были не так плохи, как в семнадцатом, триста лет спустя.

Вот несколько заметок:...

После ареста преступников и нарушителей порядка, при таскании человека на плетень или при засовывании его в столб было принято сопровождать заключенного и его стражников музыкой - трубами, дудками и табором. Цель, конечно, заключалась в том, чтобы привлечь всеобщее внимание к преступнику и усилить позор его наказания.

Влюбленные дарили и обменивались узлами истинной любви; некоторые из этих узлов состояли из четырех петель, поэтому трава парижа, состоящая из четырех листьев, расположенных друг против друга, была известна как истинная любовь.

Большой пир продолжался три дня, в течение которых компания продолжала есть, пить, петь, танцевать и смотреть на игры.

Среди друзей было принято давать друг другу клятвы в братстве и дружбе, а иногда даже умирать друг за друга, если того требовал случай.

Реконструкции прошлого нет конца, потому что постоянно появляется что-то новое, которое также было старым. Вот, например, повозка, покрытая черной тканью, на которой изображен белый крест, медленно проезжает по улице. Лошадь несет колокол, который скорбно звонит, телегу ведет человек в ливрее братьев-картузианцев; в ней тело того, кто умер насильственной смертью, убит в драке каким-то неизвестным бунтовщиком, убит в безумной драке из-за женщины - кто знает? Они отвезут тележку на церковный двор Пардон, где похоронено столько жертв Черной смерти; бедняга будет положен, по крайней мере, в священную землю. Или процессия святотатца, отрекшегося от королевства; он босой и без головы; он несет деревянный крест; его ведут к воротам Бриджа сержанты его прихода; у него есть три дня, чтобы добраться до Дувра и переправиться через море. А после? История больше ничего не знает. Вот толпа, собравшаяся вокруг женщины, выставленной на позорном подиуме. За что ее туда посадили? За фальсификацию мер и обман своих клиентов. Затронуты интересы пива. Толпа справедливо возмущена, слова упрека и презрения приветствуют виновницу; она в ужасе и стыде прячет лицо. Кажется, что это легкое дело - постоять часок-другой перед народом. Но это совсем не легко, это тяжело, это позор на всю жизнь; известно, что женщины в таких случаях падали замертво, потрясенные и убитые горем от публичного разоблачения.

А вот и один из них, городской офицер, одетый в тунику, украшенную головами смерти. Ухмыляющиеся черепа возвещают о его должности. Он - глашатай смерти. В руке у него колокольчик, в который он звонит, проходя по улицам; ночью он несет фонарь; он может

ходить по улицам в любое время дня и ночи, потому что объявляет о смерти какого-нибудь великого человека. "Люди добрые, - кричит он, - по милосердию своему помолитесь о душе нашего дорогого брата --, который отошел из этой жизни в такой-то или такой-то час". Когда он проходит мимо, возможно, в глубокой ночи, его голос будит тех, кто спит. Они встают, открывают окна, высовывают головы и бормочут молитву. Когда умирал король, по обычаю, глашатай смерти проходил по улицам в сопровождении гильдии Оллхоллоуза, неся кресты.

Чтобы найти для них достаточно работы, на офицеров возлагались и другие обязанности. Кажется, в каждом приходе был свой офицер. Они инспектировали таверны и отчитывались перед олдерменом об их поведении и управлении, а также следили за домами с дурной славой и местами, приютившими нарушителей порядка, и сообщали о них.

Чосер, описывая Мельника, говорит о "голиардах". Голиардус был профессиональным застольщиком; тот, кто зарабатывал себе на ужин, рассказывая сказки, читая стихи и сочиняя шутки для развлечения компании. Эта профессия - одна из многих, посвященных тому, как сделать грустный мир веселым. Мим, акробат, танцовщица, жонглер, Том-дурак, певец, музыкант и забегаловка - все они представители этой почетной и уважаемой профессии.

Профессор Скит любезно прислал мне следующие заметки о нравах и обычаях Средневековья, взятые из лекции, прочитанной на конференции по расширению университета в 1898 году. В одном или двух местах в них упоминаются вопросы, которые я уже пересказывал. Однако большая часть этих заметок дополняет мои собственные. Но поле для изучения нравов Средневековья абсолютно неисчерпаемо. Я рекомендую читателю просмотреть примечания ученого профессора к Чосеру и Пирсу Плаумену, чтобы проиллюстрировать эту аксиому.

Он отмечает, что обычно подмастерья торговцев стояли у дверей лавок, выпрашивая покупателей с помощью непрекращающихся криков. У дверей повара, который обеспечивал голодного путника мясом и питьем, раздавался крик: "Hote pies, hote", *то есть* горячие пироги, все горячие. Или еще - "gode grys and gees", *то есть* хорошие жареные свиньи, хорошие жареные гуси. Или - "gowe, dyne, gowe", *то есть* пойдете ужинать. У дверей трактира раздавался крик: "Whyte wyn of Gascoigne", *то есть* белое вино из Эльзаса, красное вино из Гаскони. Или еще - "wyn of the Ryne", *то есть* вино из Рейна; или "wyn of Rochel", *то есть* вино из Рошели; эти вина особенно гарантировали, что они помогают пищеварению, так как являются правильным напитком, который следует принимать после ужина из жареного мяса.

Хлеб часто использовали для кормления лошадей и собак. Я часто видел, как лошадь ест буханку хлеба в Швейцарии, но никогда - в Лондоне; полагаю, сейчас это не в ходу. Одно из распространенных имен лошади было *Баярд*, и поэтому буханку хлеба иногда называли *булкой Баярда*. Точно так же я могу отметить, что когда-то в Лондоне было место, которое называлось *Bayard's water*, *то есть* место для водопоя лошадей. Сейчас оно называется *Бэйсуотер*.

Стоит упомянуть, что существовал сорт эля, особенно известный под названием *London Ale*. Еще во времена Генриха III Лондон приобрел особую репутацию благодаря своему элю, который, по мнению знатоков напитка, был первоклассным. Особое упоминание о нем есть в описании Чосером повара. Повар, судя по всему, хорошо разбирался в спиртных напитках, поэтому о нем сказано: "хорошо разбирался в лондонском эле". Одной из самых заметных и очевидных особенностей старого Лондона было использование вывесок торговцев. В наши дни мы редко видим вывески на домах, кроме трактиров и таверн; но раньше почти каждый

торговец был обязан вывесить свою вывеску, и их огромное количество значительно усиливало живописный эффект почти каждой улицы. Они были очень заметны, поскольку, конечно же, предназначались для рекламы, и сильно различались. Иногда их вешали на столбы, но они мешали пассажирам, поэтому чаще всего их вывешивали над дверью, поддерживая столбами или декоративными железными изделиями, или, если улица была необычайно узкой, их перекидывали через дорогу. Можно доказать, что именно от этого обычая произошло выражение *to hang out*. "Где ты тусуешься" - это разговорное выражение, означающее "где ты живешь"; но более полное выражение "где ты вывешиваешь свою вывеску" когда-то могло быть спрошено со всей серьезностью и понималось бы в том же смысле. Примеры приводятся в Новом английском словаре и в словаре Century Dictionary. До сих пор сохранилось несколько отголосков старого обычая. Так, у торговцев шерстяными изделиями было принято вывешивать Золотое руно, и его до сих пор можно увидеть перед магазинами такого рода. Другой знак хорошо известен как шест цирюльника. Эти знаки были так многочисленны, так громоздки и при сильном ветре так опасны, что их иногда приходилось подавлять; мы встречаем законы, которые пытались регулировать их размеры. Самыми неприятными были элевые колья в тавернах. Элевый кол - это горизонтальный столб, выступающий далеко вперед перед таверной, иногда с вывеской, и почти всегда украшенный пучком листьев, подвешенным к его оконечности. Этот пучок назывался *кустом* и породил поговорку, что "хорошее вино не нуждается в кусте", *то есть* в рекламе. В Liber Albus мы находим следующее постановление

"Ввиду того, что колья для продажи эля, установленные перед тавернами в Ист-Чипе и других местах упомянутого города, слишком далеко выступают над королевскими дорогами, мешая всадникам и другим людям, и из-за их чрезмерного веса сильно портят дома, в которых они установлены, предписывается, чтобы никто в будущем не имел кола с его вывеской или листьями (*то есть* куста), выступающего над королевской дорогой, длиной более семи футов, не более." Семь футов - это довольно большой размер, и он дает представление о том, до какой длины вырастали эти эль-колья.

У Лэнгленда есть один знаменитый отрывок, который напоминает нам шекспировское описание таверны "Кабанья голова" в Ист-Чипе, где сэр Джон Фальстаф был не прочь "отдохнуть в своем трактире". Это описание компании, собравшейся в большой таверне в Чипсайде или где-то поблизости; компании весьма разношерстной. Главного человека там зовут сэр Обжора, который, похоже, был таким же, как сэр Джон Фальстаф. В одну из пятниц этот сэр Глуттон направлялся в церковь, чтобы исповедаться; но по дороге он заглянул в таверну. Случилось так, что у дверей таверны стоял пивовар Бетон и, пользуясь случаем, упомянул, что у него есть особенно хороший эль для немедленного употребления. "А нет ли у вас, - сказал он, - каких-нибудь острых приправ, чтобы положить в него?" "Да, - ответила она, - есть перец, и семена пиона, и фунт чеснока, и семена фенхеля за фартинг, специально припасенные для пятницы". Это было слишком много для него. Вошел сэр Обжора; и, как отмечается, "с ним были произнесены великие клятвы". Затем нас знакомят с компанией, в которую входили: трактирщица Сисс, егерь Уот и его жена, которая уже была пьяна, лудильщик Том и двое его мальчишек, торговец лошадьми Хик, продавец игл Хью, Кларисса из Кок-Лейн и клерк церкви - что, вероятно, намекает на церковь Св. Петра в Корнхилле - некий сэр Пирс, фламандка по имени Парнель (когда-то это было распространенное женское имя), сторож сеновала или живой изгороди, отшельник, палач из Тайберна, Доудикер, *то есть* живоде́р и канавокопатель, и ещё дюжина негодяев, состоящих из носильщиков, карманников и ящиков для зубов. Еще были менестрель и ловец крыс, продавец посуды Роуз, Годфри, торговавший чесноком, валлиец по имени Гриффин и, в довершение всего, куча обойщиков или торговцев готовой мебелью.

Затем вся компания наблюдала за тем, как конокрад Хик и сапожник Клемент играют в игру под названием "*Новая ярмарка*", которая на самом деле представляла собой разновидность бартера с гандикапом и являлась легкой формой азартной игры. Идея была достаточно проста, но прежде чем ее удалось удовлетворительно разрешить, возникло множество споров и пререканий. Прежде всего, сапожник Клемент снимал свой плащ и клал его на стол или стул. Затем Хик снимал капюшон и клал его рядом с плащом. Затем все должны были оценить относительную стоимость предметов, что им совершенно не удавалось, пока они не назначили третейского судью, а именно Робина, изготовителя веревок. Решение Робина было очень выгодным для трактирщика. Было ясно, что плащ стоит больше, чем капюшон, так что Клементу, который принял капюшон в обмен, полагалась некоторая компенсация. Ему было позволено наполнить свой кубок за счет Хика. Кроме того, если кто-то из сторон будет недоволен решением, его оштрафуют на галлон эля; из этого галлона он должен был выпить здоровье сэра Глаттона, который был так добр, что председательствовал в споре.

И так продолжалось до тех пор, пока все не стали более или менее шумными; и мы не удивились, узнав, что когда сэр Глаттон наконец поднялся, поздно вечером, слишком поздно, чтобы идти в церковь, он уже выпил около галлона, а то и больше; и, переступая через пол, он шел не прямее слепой собаки, которая иногда идет впереди, а иногда позади. Он с большим трудом нашел дверь и в конце концов споткнулся о порог, не в силах подняться; наконец, Клементу и другим пришлось нести его домой. Затем, с большим трудом, жена и служанка уложили его в постель, и он проспал всю субботу и все воскресенье, проснувшись наконец вечером в воскресенье. И как только он открыл глаза, первое слово, которое он произнес, было: "Где стоит чаша?" Приятно сознавать, что жена строго отчитала его, и ему стало очень стыдно за себя, и он пообещал впредь соблюдать пятницу как день воздержания и посещения церкви. Из этого следует, что образ жизни в таверне не сильно отличался от нынешнего. Одним из самых любопытных моментов в описании Лэнглендом этой компании является упоминание "палача из Тайберна". Возможно, не всем известно, что на самом деле существовало два Тайберна. Более известная из них - та, что получила свое название от ручья, который раньше назывался Тайборн. Точное место, где стояла виселица, не всегда точно совпадало, но одно ее расположение обозначено меткой недалеко от перекрестка Эджвер-роуд с Оксфорд-стрит, неподалеку от Мраморной арки. Но было и другое место казни - в Саутварке, недалеко от церкви Святого Фомы-а-Ватерингса, о которой упоминает Чосер в своем знаменитом Прологе; и это место было специально названо Тайберном Кентским, чтобы избежать ошибок.

В одном из отрывков Лэнгленд упоминает о том, что в то время было известно как "выгода духовенства". Эта фраза, как я подозреваю, часто понималась неправильно; во всяком случае, современное ухо она вводит в заблуждение. Она звучит так, как будто означает, что присутствие священнослужителя может принести пользу осужденному преступнику; но ничего подобного она не означает. Слово "*духовенство*" раньше имело два разных значения; или, строго говоря, это были два разных слова, которые стали звучать одинаково. Одно из них, относящееся к духовному сословию, до сих пор используется повсеместно; другое, означающее "служение, ученость или образование", практически вышло из употребления. В старом праве оно означало "умение читать"; и в те времена, когда такие способности были редкостью, в случае некоторых проступков было допустимо, чтобы преступник претендовал на привилегию учености, если это было его первое преступление. Если он мог доказать свое умение читать, то мог претендовать на освобождение от смертной казни. Человек, который осматривал преступника - возможно, мы можем назвать его "экзаменатором" - обычно выбирал в качестве темы один из латинских псалмов; очень часто

это был пятьдесят первый псалом, начинающийся словами *Miserere mei, Deus*; или иногда он указывал на пятый стих шестнадцатого псалма, *Dominus pars hereditatis mee*. Можно предположить, что некоторые из воров, прежде чем украсть кошелек, тщательно заучивали эти латинские стихи наизусть, о чем мы не слышим и в наши дни. Восхваление Лэнглендом преимуществ хорошего образования, безусловно, замечательно, и к нему мы ни в коем случае не привыкли. "Пусть ребенок благословит того, кто поставил его учить книги". Знакомство с литературой часто спасало человека и душой, и телом". *Dominus pars hereditatis mee* - приятный стих; известно, что он спас от Тайберна около двадцати сильных воров. Когда невежественных воров заставляют болтаться, посмотрите, как спасаются ученые!"

ГЛАВА IX

ЕДА

Лондон всегда был городом, славившимся изобилием и превосходной едой. В двенадцатом веке Фиц Стивен перевозносит поварские цеха. Он говорит: "В Лондоне на берегу реки, среди винных лавок, которые хранятся в магазинах и подвалах, есть и общественный дом, где можно поесть. Там каждый день, в зависимости от времени года, можно найти блюда из мяса, жареного, вареного, большой и маленькой рыбы, грубого мяса для бедных, более деликатного для богатых, дичи, птиц и мелкой птицы". Эти поварские лавки располагались в основном на Темз-стрит и Ист-Чепе.

Лондонцы питались два раза в день. Для знати - обед в одиннадцать и ужин в пять. Для купцов - обед в двенадцать, ужин в шесть. Кулинарные книги в рукописях дошли до нас с XIV века, и сохранилось множество меню пиров. Так что понять, как жили король и великие лорды, довольно легко, а вот разобраться в обыденной жизни зажиточного горожанина и ремесленника не так просто. Прежде чем представить меню, расскажем о некоторых обычаях застолья. Столы были передвижными, их ставили на топчаны, покрывали белыми скатертями. Перед каждым человеком стояло деревянное блюдо или "хоровод". Хоровод представлял собой круглое деревянное блюдо, одна сторона которого была покрыта черным грунтом, на котором золочеными буквами были начертаны определенные стихи в круге, образованном широкой полосой белого и узкой полосой золотого цвета. Во внутреннем круге изображалась какая-либо фигура, и, как правило, каждый хоровод был одним из серии, представляющей группу фигур. Так, в *Archæologia*, vol. xxxiv., можно найти фигуры и стихи девяти таких хороводов из двенадцати. Они относятся ко времени Елизаветы или Якова I, то есть позже того времени, которое мы сейчас рассматриваем. Каждая фигура представляет какое-то призвание или профессию. Так, есть Придворный, Божественный, Солдат, Адвокат, Купец, Джентльмен, Холостяк, Жена, Вдова - всего девять. Три утрачены. Есть предположение, что эти тарелки использовались для фруктов. Но, конечно, фрукты быстро испачкали бы фигурки. Может быть, они предназначались для хлеба, который не испортил бы траншею? Но возможно также, что они служили лишь для украшения.

Для короля или любого другого великого лорда был дегустатор, чтобы предотвратить опасность отравления; а дурак или шут сидел или стоял рядом с королем и заставлял его смеяться - подвиг, порой весьма трудный.

Что касается еды на пиру, то вот два меню, оба четырнадцатого века; они относятся к большим пирам, таким, которые продолжались, возможно, три дня:...

Первое блюдо

Фаршированный брот и шарлотка для похлебки.

Запеченная кряква. Тильки. Маленькие птицы. К ним подается миндальное молоко.

Каплун, запеченный в сиропе.

Жареная телятина. Свинья, зажаренная "в конце, и подается с ярмом на шее над позолотой".
Цапли.

Лече. Пирог с мясом.

Второе блюдо

Бровет из альмайна и виаундского риала, для похлебки.

Кряква. Жареные кролики. Фазан. Оленина.

Желе. Лече. Урчин (ежи).

Rome de orunge.

Третье блюдо

Кабан в эгурдусе и маумене для похлебки.

Журавли. Малыш. Куропатка. Куропатка. (Все жареное.)

Лече. Кустарда.

Павлин, запеченный и обжаренный, подается с кожей.

Кокагрис. Флампойнты. Дариоли.

Груши в сиропе.

Первое блюдо: буженина с горчицей; капуста в похлебке; лебединый стандарт; кони, жареные; великолепные заварные кремы.

Второе блюдо: венисон в бульоне, с белыми крапинками; кони стандартные; куропатки, с петухами, жареные; лече ломбард; душетки, с маленькими парнокопытными.

Третье блюдо: груши в сиропе; большие птицы с маленькими вместе; оладьи; слоеный пирог, с холодной выпечкой.

[Для пояснения приведенного выше меню необходимо сделать несколько примечаний: брауэт - суп или бульон из вареного мяса; кокагрис - особое блюдо, состоящее из старого петуха и свиньи, сваренных вместе; дусет - сладкие блюда; флаумпойнты - украшенные тарталетки; эндорэ - глазурь из яичного желтка].

Следует заметить, что здесь не упоминается обычная говядина или баранина. Они не относились к пиршеству. Однако они упоминаются в более простых счетах. Повара старались подавать блюда, сильно приправленные специями. Райт, например, объясняет некоторые рецепты, из которых видно, что наши предки были роскошны в еде, если не сказать грубы. Все указывает на то, что они были очень большими едоками. Жизнь на свежем воздухе, которую вели лучшие слои населения, верховая езда и физические упражнения, очень скудное употребление овощей - все это способствовало тому, что они были готовы к траншее.

При каждом блюде большого банкета повар подавал "тонкость" - кондитерскую композицию, последним выжившим видом которой был декоративный замок в бисквите, занимавший середину стола на званом обеде. Эти "тонкости" иногда представляли собой сложные и художественные группы с фигурками животных - кабана, охотника или овцы. В "Боке о воспитании" Джона Рассела представлено несколько "тонкостей". Так, в его "Ужине из плоти" на первое блюдо подается

"А потом сотельте.

Maydon Mary that holy Virgyne;

И Габриль ее с аве скрестит".

На второе блюдо -

"Сотелте фолоуиндж ин фере,

The course for to fullfyll

An angell goodly can appere,

И сингинги с весельем.

Unto iij shepherdes uppon an hille."

И для третьего блюда.

"Soteltes fulle soleym:

Та дама, что напутствовала Святым Духом.

Hym that destroyed the fendes boost

Преподнесенный с удовольствием королями Колейна "8.

Чосер упоминает об экстравагантности "сотелтов" в "Рассказе парсона": "Pryde of the table apereth eeke ful ofte: for certes, riche men bene cleped in feestes and poure folk ben putte away and rebooked. Также в избытке диверсионных и сухарных мешков, а именно столько же пекарских мешков и тарелочных мешков: навалены из дикого дерева и запечены, и заклеены папирусом, и выскоблены, так что и думать противно."

БАНКЕТ В ЛОНДОНЕ, *ВРЕМЕН ЭДУАРДА IV. ЭДУАРД IV.*

Из MS. в Британском музее. Royal E4.

Люди средневековья любили, чтобы все было сладким, как показано выше, когда они поливали птицу сладким соусом, а мясо - медом; они также подслащивали свое вино. Каждое блюдо, состоявшее из трех или более блюд на обычном обеде, было само по себе ужином, содержащим рыбу, мясо, птицу и сладости. Например, на одном обеде было только два блюда, но по восемь или девять блюд в каждом; так, в первом блюде мы имеем миногу, треску, баранью лопатку, курицу, дикого гуся, лесного голубя, ворс (овощной) и "тортус" в пасте. Во втором - угорь, морской конек, баранина, кряква, перепелка, золотистая куропатка и "пиннондде"; но между каждым блюдом был интервал. Как мы сразу же увидим, застольные манеры тщательно преподавались и на них настаивали. Одним из любопытных правил было то, что поварам запрещалось выходить за пределы города, чтобы встретить привозимые продукты, так они могли получить их дешевле, чем на открытом рынке. Мэр также обратил внимание на обман некоторых пастельщиков или пекарей, которые осмеливались класть в пироги потроха и крольчатину, а также продавать пироги с говядиной под видом пирогов с олениной. А за продажу протухшего мяса наказывали столбами, а само мясо сжигали под носом у преступника. Великий купец кормился не хуже короля, а иногда и развлекал его весьма по-королевски. Более скромный человек, зажиточный мещанин и даже ремесленник, как есть все основания полагать, жили хорошо и обильно: они питались говядиной и бараниной, пирогами с мясом, свининой, каплунами, дикими птицами и морской рыбой. Диких птиц в огромных количествах привозили из графств Эссекс и Саффолк; рыбы было в изобилии; со всей страны по всем дорогам, которые они называли шоссе, по рекам - Темзе, Бренту, Вандлу, Флит, Леа, Равенсборну - приходили лодки и баржи, груженные фермерскими продуктами. Город был хорошо снабжен, и редко случалось, чтобы в нем царил дефицит. Что касается еды для среднего класса - лучшего сорта, - то разве

компания в "Табарде" не состояла в основном из представителей среднего класса? Среди них был и повар. Что он готовил для них?

"Повар, которого они держали при себе для нонсов,

Чтобы варить курицу и мозговые кости,

И пудр маршант тарт, и галингале.

Он знал толк в лондонском эле.

Он умел запекать и жарить, варить и жарить,

Готовить мортышки и печь пироги.

За пустые ясли, что приготовил он, с лучшими".

"Холостые ясли" - это смесь каплуна с рисом, молоком, сахаром и миндалем. Poudre marchant tart - острый порошок для ароматизации мяса. Галингале - это корень сладкого кипариса, который сейчас уже не используется. Считается, что он обладает ароматным запахом и острым, жгучим вкусом.

Мортрей" был двух видов: "мортрей де чар" и "мортрей фыш". Первый представлял собой суп, главными ингредиентами которого были курица, свежая свинина, хлебные крошки, желтки яиц и шафран. Второй вид - суп, содержащий икру (или мильт) и печень рыбы, хлеб, перец и эль. Ингредиенты сначала тушили в ступке, отсюда и название". (Skeat, Notes to Canterbury Tales.)

Для смешанной компании, в которой были все вместе - ремесленники, лавочники, купцы, моряки, церковники, оруженосцы и рыцари, - указанная здесь еда, по меньшей мере, щедра.

Однако если мы изучим список животных, убитых на одном из огромных пиров, которыми наслаждался народ, то получим более четкое представление о том, какую пищу могли купить те, кто мог себе это позволить. Из животных мы видим диких быков (!), волов, овец, телят, свиней, детей, оленей, самцов и телок. Из птиц - ржанка, перепел, "ри" (запрос, ерш и рив?), павлин, кряква, лебедь, чирок, журавль, курица, голубь, горлица, цапля, фазан, куропатка, вальдшнеп, кудряш, эгретка. Из рыбы: щука, лещ, морская свинья, тюлень. Желе, пироги, заварные кремы и сахарные пряности подслащали великолепный пир. В отчете о другой трапезе, состоявшейся в постный день, мы находим следующее:- Из рыбы: линь, треска, лосось, свежий и соленый, белая сельдь, красная сельдь, осетр, угорь, соленый и свежий, сырок, щука, линь, карп, лещ, минога, свежая и соленая, конгер, вобла, тюлень и морская свинья. В других меню встречаются сороки, грачи, галки, дрозды, скворцы, ландыши, воробьи, веретенники, бакланы, стрижи, дикие птицы, жаворонки. Журавль играет значительную роль в средневековых пиршествах. Однажды, когда из Франции прибыли послы, город подарил им, среди прочего, двенадцать журавлей и двенадцать фазанов. На праздник интронизации архиепископа Йоркского (6 изд. IV.) было предоставлено 204 журавля, 204 горлицы и 400 цапель. На пиру Ричарда II в качестве второго блюда подавали следующее

- Pottage
- Свиньи жареные
- Журавли ростированные

- Фесонты ростед
- Герн ростед

Журавли жили в сырых и болотистых местах, как и эгретки, разновидность цапли; страна была покрыта такими местами, так что они, несомненно, были обычными. Поскольку 204 журавля можно было поймать в ловушку или застрелить из лука или пращи ради одного пиршества, они, должно быть, были весьма распространены.

Одним словом, люди ловили, убивали и пожирали всех больших и малых птиц. К столу, конечно же, подавали зайцев и кроликов, а также, возможно, не менее изысканно, белок и ежей.

Из овощей и трав было большое разнообразие: чеснок, шалфей, петрушка, дитани, дикий тимьян, лук, порей, фасоль, горох и т. д. Стол, как правило, накрывался на топчанах, застилался белой скатертью, чистота которой была предметом гордости. Сцены обеда, представленные в документах того времени, демонстрируют очень простую сервировку. Королевская или знатная чета сидит на скамье без спинки. Менестрели исполняли музыку во время пира, особенно между блюдами; жонглеры, акробаты или танцоры выступали после ужина. Главным украшением стола был *неф* - серебряный сосуд в форме корабля, который стоял перед королем или лордом и содержал соль и королевское полотенце. Мясо, вырезанное резчиком на приставном столике, укладывалось на толстые ломти хлеба, к которым подавалась подливка. Каждый гость приносил свой нож. До и после ужина все мыли руки. Эль и вино разносили по кругу в рогах и кубках. У каждого гостя была своя салфетка, правила пользования которой тщательно описаны в "Бабьей книге". Пол устилали камышом, который ни в коем случае не был слишком чистым и свежим. Старый обычай укладывать солому в каретах и омнибусах может напомнить нам о таком ковре. Когда гость расправлялся с костями, он бросал их на пол для собак, если они того пожелают; то же самое он делал и с недоеденными объедками. Что касается вилок, то их не было. Эдуард I, как сообщается, обладал одной. Гавестон роскошно ел груши с помощью вилки - у него их было четыре. У герцога Бургундского в то же время была одна. Во время ужина на галерее играли менестрели. Утверждается, что в качестве тарелок использовался хлеб. Слово "траншея" происходит от этого обычая. Для этого использовался не самый лучший хлеб, а второй сорт, испеченный специально для этой цели. Буханку сначала очищали от корки, а затем разрезали на "траншуары" или "траншеи", *то есть* на толстые ломти. Кусочки шли в блюдо для милостыни. Так (Boke of Curtasye, edited by F. J. Furnivall) алмонер говорил милостыню.

"Aumener by this hathe sayde grace,

И алмес дисше хатхе установил на место,

В ней резчик ложечкой шалью накрыл,

Чтоб служить Богу безропотно:

А эти другие лофы он отложил,

Lays hit myd dysshe, withouten doute".

Они были щедры в отношении хлеба. Более простые сорта назывались "турте", "его" или "трете" и были белыми. Более тонкие сорта - "симнель", "болеман" или "пайн де мейн", *то есть* "панис домини", от фигуры Господа, выбитой на нем; и манчет. Более тонкие виды не разрешалось делать в Великий пост. Виды, называемые "pouffe" и "Fraunceise", по-видимому,

были тем же, что и "simnel" и manchet. Хлеб рабочих классов был овсяным, ржаным, из бобов и отрубей или из бобов и желудей.

Среди речной и прудовой рыбы, а также тушканчиков, карп был крайне скуден. Дама Джулиана Бернерс в своей "Книге святого Альбана" пишет: "А карп - это очень вкусная рыба, но в Англии его было мало". Говорят, что он был завезен неким Леонардом Маскалом в Сассекс примерно в 1514 году.

"Хмель и индейки, карп и пиво,

Пришли в Англию в один год".

Это неправда в отношении хмеля, поскольку он, по-видимому, был введен Эдуардом I. Вино в Англии производилось вплоть до пятнадцатого века. В долине Глостера производили лучшее вино, которое, как утверждали, ни в чем не уступало гасконскому. Ричард II посадил виноградники в Виндзоре и производил большое количество вина, часть которого продавалась, а остальное использовалось при дворе. Причиной того, что эта отрасль перестала использоваться, стало открытие того, что вино можно импортировать из Бордо дешевле и лучше, чем делать его дома.

В Лондоне всегда было много таверн и питейных заведений; его жители никогда не относились благосклонно к методам воздержания. Однако следует различать трактир и таверну. Сначала постоянный двор был только ночлежным домом; он принимал путешественника и предоставлял ему комнату, но не более того; и, как мы уже видели, после одного дня и ночи постоялец должен был нести ответственность за своего гостя, если только он не получал специального разрешения от властей. Гостю не разрешалось носить меч или любое другое оружие, а также доспехи в границах города; он не должен был ходить по улицам после комендантского часа; также он должен был покупать еду, хлеб и пиво, мясо и вино, у торговца, а не у хозяина.

Когда постоянный двор стал домом, в котором гостя кормили и поили, я не знаю, но во времена Стоу, похоже, так и было. Однако следует помнить, что трактир не был таверной или заведением общественного питания.

Из таверн Стоу упоминает некоторые, такие как "Голова Папы" и "Шляпа кардинала" в Корнхилл-Уорд; некоторые "питейные" заведения на Маунтгогард-стрит и другие. Пивная и таверна, которые заявляли о своей торговле с помощью "эль-колышка", часто дополнительно украшались гирляндой или обручем. Гирлянда украшалась лентами и крепилась к "эль-кольям" с помощью "куста" из листьев плюща, который свисал со столба перед каждой таверной. Мы уже видели, что говорится в Liber Albus о допустимой длине шеста. Поначалу вывески таверн не отличались от других торговых вывесок: "Лебедь", "Бык", "Собака", "Кабанья голова" и так далее. Но эта практика вывешивания гирлянды в дополнение к старому знаку привела к тому, что названия вывесок таверн претерпели изменения: так, "Лебедь" стал "Лебедем на обруче", "Звезда" - "Звездой на обруче". Райли перечисляет многие из этих вывесок: так, Хью атте Кок, Томас атте Красная дверь, Уолтер атте Готе, Джон атте Белль, Котфетел (Кот и скрипка), Лев атте Доре, Ле Соннер, Ле Моне и другие.

Из напитков общим и национальным напитком был эль, который жители употребляли в огромных количествах. Похоже, что его подавали любому члену семьи в любом разумном количестве, когда бы он ни попросил. Конечно, не было горячих напитков, таких как чай и кофе, хотя травы часто настаивали в горячей воде для лечения. Основными винами были

красное вино из Бордо, белое вино из Бордо, также из Рейна, крепкое вино из Испании, Португалии, Тосканы, Сицилии, Кипра, Газы. Также в ходу были сидр, перри, медовуха, крепкий эль - все, что угодно, только не вода, и многие напитки были составными. Так, люди делали "Кларе", "Браго", "Гиппокрас", рецепты которых приведены в "Чосере" [Скита9](#). Так, для приготовления кларе: "Возьмите галун хони и хорошо процедите его, и задержите, пока он не будет изоден (сварен), чтобы получился галун; Затем возьмите viii галунов красного вина, затем возьмите фунт пудры канеля (корицы) и полфунта пудры гингера и четверть фунта пудры перца, и смешайте все это вместе с вином; и сделайте это в чистой посуде, и остановите быстро, и покатайте хорошо в течение трех дней, как люди делают в течение трех дней."

В пятнадцатом веке домашнее пиво стоило 1½ д. за галлон. Поскольку сейчас пиво стоит 16 д. за галлон, можно сделать вывод, что на деньги тогда можно было купить в тринадцать раз больше, чем сейчас. Но этот вывод, как я покажу далее, не обоснован. Вино стоило 8 или 12 д. за галлон. Сейчас хорошее вино вряд ли можно купить дешевле 15 с. за галлон или 30 с. за дюжину. Однако было бы несправедливо заключать, что тогда на деньги можно было купить в двадцать раз больше, чем сейчас.

БАНКЕТ

Из книги Стрэтта "Манеры и обычаи".

Рассматривая пищу народа, мы должны помнить, что значительная часть каждого года состояла из тех дней, когда нельзя было есть ни мяса, ни яиц, ни масла, ни молока, а только один прием пищи в день; а также из тех дней, когда мясо было запрещено. В году было сто десять дней, почти каждый третий, когда строгий церковник не ел мяса, и из них было более шестидесяти дней, когда ему разрешалось есть только один раз в день, и то без мяса, масла, яиц или молока. Не следует думать, что огромная масса людей подчинялась столь жесткому правилу: работа всего мира, по крайней мере в том, что касается всего, что требует активности мозга или силы руки, пришла бы в упадок. Подобное правило касается только

общества монахов; но совершенно точно, что Великий пост и пятницы соблюдались с величайшей строгостью, насколько это касалось воздержания от мяса. Не открывались мясные лавки, повара не подавали мясо своим клиентам. Давались послабления и индульгенции, но факт остается фактом: в Великий пост и по пятницам мясо нельзя было ни покупать, ни продавать, и его нельзя было употреблять. Таким образом, рыба была очень важной составляющей продовольственного снабжения, а цены на нее, которые компании в большинстве своем регулировали сами для своей выгоды, постоянно становились предметом жалоб и даже бунтов. Считалось, что проказа вызывается употреблением в пищу соленой рыбы после того, как она стала гнилой или испорченной.

Солили следующие виды рыбы: треску, лосося, конгера, линя, тормоза, осетра, сельдь, пилькера, шпроты и угря, а окуня, линя, леща, хариуса, угря и форель ловили для еды. Карп и щука считались деликатесами. В больших домах были пруды с рыбой или тушенкой. Морскую рыбу запекали в пирогах, чтобы ее можно было перевозить в глубь страны. (См. также "Лондон во времена Тюдоров", с. 127, 152.)

В Лондоне было много продовольственных рынков. Названия большинства из них сохранились в виде названия улицы. О случаях с улицами, заканчивающимися Чепе, мы уже говорили. Некоторые товары до сих пор ассоциируются с определенными местами: рыбу всегда продавали на Биллингсгейт, скот и лошадей - на Смитфилд, мясо мясников - на Ньюгейт-стрит. Большой рынок на южной стороне Чепе был отдан на откуп торговцам, портным, драпировщикам, оружейникам, шорникам - всем ремеслам, не связанным с едой.

Пища деревенских жителей, по словам Пирса Паумена, состояла почти полностью из растительной продукции. "У меня нет денег, - говорит Пирс, - чтобы купить поросят, гусей или свиней". У него есть два зеленых сыра, немного творога и сливок, овсяный пирог и две буханки бобов с отрубями для детей. Он говорит, что у него нет соленого бекона, но есть петрушка, лук-порей и капуста. Кроме того, крестьяне ели горох, бобы, лук-порей, кервель и фрукты, которые росли в дикой природе; но у них не было ни мяса, ни рыбы, ни пшеничного или ячменного хлеба, ни вина, ни пива.

Это было в деревне, где жизнь была поистине ужасной. В городе же, согласно тому же авторитету, картина была совсем иной. Здесь, среди толпы ремесленников всех мастей, повара и их камердинеры целыми днями кричали: "Горячие пироги, горячие! Хорошие свиньи и гуси! Идите обедать! Идите обедать!" А трактирщик кричал: "Белое вино из Эльзаса! Красное вино из Гаскони! Вино Рейна! Вино Рошели!"

И он рисует сцену в таверне, где сапожник Клемент продает свой плащ, а извозчик Хик - свой капюшон, и они тратят деньги на выпивку.

"На скамье сидели сапожник Сис, Уот-аренщик и его жена, Тим лудильщик и два его ученика, Хик извозчик и Хью продавец игл, Кларисса из Кок-Лейн и церковный дьячок, Доу-кудесник, и дюжина других, сэр Пирс из Приди и Пернел из Фландрии, игрок на скрипке, гребец, чистильщик Дешевых, мастер по изготовлению веревок, человек, занимающийся верховой ездой, и Роза, изготавливающая посуду, Годфри из Гарликхит, и Гриффин, валлиец, и многие старики-одежники."

В 1412 году Генрих поручил мэру составить список земель и владений, находящихся в городе и пригородах, для целей налогообложения. Отчет оказался неполным, но его детали (см. Sharpe's London and the Kingdom) весьма поучительны. Валовая рента Лондона составила 4120 фунтов стерлингов; рента мэра и корпорации - 150 фунтов 9,11. Бридж Эстейт стоил 148 фунтов 15,3. Частная собственность в Сити показала, что Роберт Чичеле, мэр, владел

домами, приносящими 42 фунта 19,2 пенсов, а Уиттингтон - домами, приносящими 25 фунтов. Разумеется, эта арендная плата ни в коем случае не отражает всю собственность обоих. Были предприняты попытки использовать старую ренту, чтобы выяснить сравнительную стоимость денег. Однако оценить таким или иным способом истинную стоимость денег на какую-либо дату абсолютно невозможно. Пытаться сравнивать с сегодняшним днем - почти пустая трата времени, если мы не знаем - а этого мы никогда не сможем узнать - уровень комфорта и образ жизни каждого сословия и класса. Например, как мы уже видели, один знатный лорд, владевший сотнями поместий, содержал огромное состояние с огромным количеством прислуги, которая жила за его счет. Он не экономил и не пытался экономить; его поместья приносили регулярный и большой доход; он тратил все; то, что оставалось, отдавал на благотворительность или в церковь; он опустошал свою казну так же быстро, как она пополнялась. Купец, живший в роскоши, вынужден был экономить, потому что его жизнь была нестабильной. Розничный торговец по той же причине - неопределенность торговли - был вынужден, в соответствии с обычными правилами благоразумия, жить в пределах своего дохода. Ремесленник же был похож на благородного лорда в одном отношении - он никогда не видел и не чувствовал необходимости экономить деньги; его всегда, как и сейчас, отделяла от голодной смерти недельная зарплата. Поэтому положение, заработок ремесленника можно понять, только зная, как он привык жить и как хотел жить, сколько мяса, хлеба и пива он потреблял.

Кроме того, цены, которые приводятся, всегда являются регулирующими. Когда провизия начинала дорожать, мэр и олдермены принимали законы о рыночной цене. Они снова и снова возвращались к этому методу. Когда, как это иногда случалось, высокие цены были вызваны жадностью торговцев или какой-либо комбинацией, этот метод работал очень хорошо. Например, постоянно поступали жалобы на непомерно высокие цены на рыбу, - возможно, они и не были непомерными, - но, во всяком случае, были приняты соответствующие постановления, регулирующие цены на рыбу. Эти постановления отвечали требованиям лишь некоторое время, а затем были забыты и проигнорированы. Что толку приказывать рыботорговцу продавать свои "лучшие" плавки по пенни за сотню, если предложение ограничено, а спрос чрезмерен? Право мэра и олдерменов регулировать цены на , по которым должно продаваться что-либо, никогда не подвергалось сомнению; но, как и многие другие права средневековья, оно никогда не могло быть реализовано из-за отсутствия полиции. Например, в 1300 году, без видимого давления дефицита, мэр издал постановления о ценах на все продукты, но сохранились только те, что касались птиц.

Опять же, знание рыночной цены вещей очень мало или совсем не помогает в оценке денег и их стоимости, если мы не знаем также, были ли эти товары в то время предметом необходимости или роскоши, были ли они в изобилии или в дефиците. Так, фазан должен был продаваться по четыре пенса. Кто покупал фазанов? Были ли они скудными или обильными? Опять же, часто цитируется следующая таблица, составленная Дагдейлом, чтобы показать покупательную способность денег в 1300 году.

Четверть пшеницы	4s.	
Четверть солода	3s.	4d.
Четверть гороха	2s.	4d.
Бык	7s.	6d.
Корова	6s.	
Жирная баранина	1s.	
Овца	0s.	8d.

Каплун	0s.	2d.
Петух или курица	0s.	1½d.

Мы знаем, что четверть пшеницы в данный момент стоит столько-то, и можем, если захотим, сравнить современные цены со средневековыми, но это мало нам поможет, потому что сейчас мы все едим пшеничный хлеб, а раньше простые люди его не ели. Стоимость денег должна зависеть не только от цен, но и, как я уже говорил, от уровня жизни, от заработной платы, от продолжительности рабочего дня, от стоимости вещей, от изобилия и дефицита, от налогообложения и от многих других факторов.

Так, в 1314 году, когда кукурузы не хватало, а провизия стоила дорого, король с согласия парламента установил цены на провизию. Если сравнить цены, установленные королем в 1314 году, с ценами, установленными лорд-мэром в 1300 году, то становится ясно, что нехватка значительно повысила цены. "Если кто-либо, - говорится в прокламации, - не продаст продажные вещи за цену, назначенную выше, то эти продажные вещи останутся у нас в конфискации. И мы желаем, чтобы вышеупомянутые постановления с этого времени твердо и нерушимо соблюдались в нашем упомянутом городе". Таким образом, парламент 1314 года действительно верил, что может установить цены на провизию так, что они останутся неизменными! То, что была предпринята серьезная попытка провести этот закон в жизнь, видно из Краткого письма, составленного через два года после этого, в котором король, ссылаясь на неудачный закон 1314 года, говорит: "Поскольку мы поняли, что такая прокламация, которая, как мы тогда полагали, будет на пользу жителям нашего королевства, приносит им больше вреда, чем пользы, мы приказываем вам, чтобы в указанных местах вы публично объявили, что коровы, овцы, свиньи, гуси, каплуны, куры, цыплята, молодые голуби и яйца будут продаваться за разумную цену, как это было принято до упомянутого прежнего прокламации."

Знание того, сколько обычно платили за аренду, помогает понять ценность денег, но не намного. Сверх арендной платы арендатору должно оставаться достаточно средств на жизнь для него и его семьи. Нам также помогает информация о пожертвованиях шантри. Священник шантрапы должен был жить на пожертвования, которые обычно составляли от 5 до 7 фунтов стерлингов в год. Священник был трудоспособным человеком, поднявшимся над низшим классом, к которому он часто принадлежал по рождению, и он стремился к определенному уровню комфорта. Он должен был жить, скажем, на шесть фунтов в год, что составляет около 2s. 4 д. в неделю, или 4 д. в день. Можно также отметить, что молодая женщина лучшего сорта должна была обходиться в 8 д. в неделю на свое питание. Если сравнить это пособие с ценами, установленными мэром в любое время в течение двухсот лет, то окажется, что человек мог очень хорошо жить на 4 д. в день. Этого было бы очень мало, когда целая овца стоила шиллинг, а четверть пшеницы - 4 с. Если предположить, что ремесленник жил на две трети дешевле священника, и что у него была жена и четверо детей, то мы получим следующую смету:...

Ремесленник в год	£4	0	0
Его жена	2	0	0
Его четверо детей	4	0	0
	£10	0	0

Таким образом, он должен был получать зарплату в размере четырех шиллингов в неделю или 8 д. в день. Заработная плата, выданная рабочим часовни Святого Стефана в 1358 году, сохранилась в Счетных списках Эдуарда III. Некоторые из них, достаточные для нашей цели,

приведены в книге Бриттона и Бейли "История Вестминстерского дворца" (стр. 174). Заработная плата была разной. Восемнадцать пенсов в день платили камнерезу Эдмунду Кэнону, один шиллинг в день маляру Хью, 10 д. в день К. Покерику, 8 д. в день У. Линкольну и У. Сомервиллю, 6 д. в день У. Хестону, 4½ д. и даже 4 д. в день Дж. Йорку и У. Кембриджу.

Таким образом, ремесленнику, у которого была семья, которую нужно было содержать, платили от 4 до 8 ден. ед. в день. Его уровень жизни должен был быть значительно ниже, чем у священника, который получал такое же денежное содержание, но не имел семьи, которую нужно было воспитывать.

Одним словом, если предположить, чего мы не имеем права предполагать, что современный священник имеет тот же уровень жизни, что и священник XIV века, и, не будучи женатым, живет в том же стиле, то есть не раздает деньги на благотворительность, не покупает книги, не имеет клуба, не путешествует, живет просто, то он может прожить примерно на 80 фунтов в год по сравнению с 6 или 7 фунтами священника, так что деньги в XIV веке стоили примерно в двенадцать раз больше, чем в наши дни. Но эта теория рушится, если учесть, что овцу можно было купить за шиллинг, а петуха или курицу - за 1½ д., потому что в наши дни овцу нельзя купить за двенадцать шиллингов, а петуха или курицу - за восемнадцать пенсов. Таким образом, мы приходим к тому, о чем я говорил выше: совершенно невозможно определить стоимость денег в четырнадцатом или любом другом веке по сравнению с нынешним, если только мы не знаем огромное количество вещей, которые мы никогда не сможем установить.

Мы не можем отважиться затронуть тему одежды, хотя бы потому, что мода тогда менялась так же, как и сейчас, и почти так же часто. Были предприняты некоторые попытки ввести законы о роскоши, но безрезультатно, по той простой причине, что любая женщина всегда, в любой век, несмотря на любые законы об обратном, будет одеваться так хорошо, как позволяют ее средства, а у мужчин пышность одежды тогда считалась доказательством успеха и богатства. Их мода в целом была гораздо красивее современной, но не абсурднее.

ГЛАВА X

СПОРТ И ОТДЫХ

Что касается спорта и развлечений в городе, то в масленичный вторник проводятся петушиные бои, а также хоккей. Каждую пятницу Великого поста проводятся турниры с "обезоруживающими" копьями; когда на Пасху река станет менее бурной, начнутся водные виды спорта, опрокидывание лодок и т. д.; летом молодые люди прыгают, танцуют, стреляют, борются, бросают камень, упражняются со щитами, играют на четвертьпальцах, однопальцах, в футбол и пряжки; девицы играют на своих бубнах и танцуют до тех пор, пока могут видеть. Весной приманивают кабанов, быков, барсуков и даже лошадей; когда вода замерзает, молодые люди скользят и катаются на костях, особенно на болотистой местности в Мурфилдсе и за Бэнксайдом; многие горожане держат ястребов и гончих, "ибо они имеют свободу охоты в Мидлсексе, Хертфордшире, во всем Чилтерне и в Кенте до воды Крей". Об этом и многом другом рассказывает описание Лондона в царствование Генриха II, сделанное Фицем Стивенсом; его повторяет Стоу, который говорит, что за исключением тилтинга на лошадях эти виды спорта сохранились до его дней. Затем он перечисляет виды спорта и

развлечения, относящиеся к каждому последующему времени года: - "Сначала в праздник Рождества.

"Сначала в праздник Рождества в доме короля, где бы он ни жил, появлялся лорд-затейник или мастер веселых развлечений, и то же самое происходило в доме каждого дворянина, имеющего честь или добрый поклон, будь он духовным или мирским. Среди них мэр Лондона и любой из шерифов имели по несколько своих лордов-злоумышленников, постоянно спорящих, без ссор и обид, кто из них должен устраивать самые редкие развлечения, чтобы радовать зрителей. Эти лорды начинали свое правление в канун Олгаллона и продолжали его до следующего дня после праздника Сретения, обычно называемого Днем Свечей. Во все это время в каждом доме происходило прекрасное и тонкое переодевание, маскирование и мумие, а также игра в карты на счетные гвозди и очки, больше для развлечения, чем для выгоды.

К празднику Рождества все дома, а также приходские церкви были украшены падубом, плющом, лаврами и всем, что только позволяло время года, чтобы быть зеленым. Также украшались каналы и штандарты на улицах; среди них я читал, что в 1444 году, первого февраля, ночью, во время бури с громом и молнией, шпиль Поула был подожжен, но с большим трудом потушен; а утром в день Рождества Христова в Лиденхолле на Корнхилле посреди тротуара было установлено дерево, крепко вбитое в землю, утыканное гвоздями и плющом, для поздравления людей с Рождеством, но злой дух (как считалось) сорвал его и бросил вниз, а камни тротуара по всему периметру были брошены на улицы и в разные дома, так что люди были в ужасе от великой бури.

За неделю до Пасхи были устроены большие представления, чтобы принести из леса в дом короля скрученное дерево, или, как они его называли, "с", и то же самое в каждый дом чести или поклонения.

В месяце мае, а именно в майский день утром, каждый человек, за исключением препятствий, шел на милые луга и в зеленые леса, чтобы там радовать свой дух красотой и ароматом сладких цветов и гармонией птиц, восхваляющих Бога в своем роде; и в качестве примера этого Эдвард Холл отметил, что король Генрих VIII., как в 3-й год своего царствования и в другие годы, так и в 7-й год своего царствования, в майский день утром, с королевой Кэтрин, своей женой, в сопровождении многих лордов и леди, поехал на сеновал из Гринвича на возвышенность Шутерс-Хилл, где, проезжая по дороге, они заметили компанию высоких йоменов, одетых в зеленое, с зелеными капюшонами, с луками и стрелами, числом двести; Один из них, их вождь, звался Робин Гуд, и он потребовал, чтобы король и его компания остались и посмотрели, как стреляют его люди; на что король согласился, Робин Гуд свистнул, и все двести лучников выстрелили, потеряв всех сразу; а когда он свистнул снова, они выстрелили еще раз; их стрелы свистели у головы, так что шум был странный и громкий, что очень обрадовало короля, королеву и их компанию. Более того, этот Робин Гуд пожелал, чтобы король и королева со своей свитой вошли в зеленый лес, где в гаванях, сделанных из ветвей и украшенных цветами, их обильно накормили олениной и вином Робин Гуд и его люди, к их большому удовольствию, и устроили другие зрелища и развлечения, как вы можете прочесть в моем упомянутом авторе.

Я также нахожу, что в мае месяце жители Лондона всех сословий, понемногу в каждом приходе, а иногда в двух или трех приходах, объединенных вместе, устраивали свои майские праздники и приносили майские столбы, с различными

воинственными представлениями, с хорошими лучниками, танцорами морриса и другими приспособлениями, для развлечения в течение всего дня; а ближе к вечеру они устраивали сцены и костры на улицах". (Stow's Survey.)

Стоу упоминает Лорда Непокорного, но вряд ли он придает этому функционеру достаточное значение. Главным событием рождественских праздников были маскарады, муминг и фрикции, которые готовил и разыгрывал лорд Мисрул, или мастер ревелейшн, не только при дворе, но и в каждом большом доме страны. Во время пребывания в должности к лорду-мисрулу относились со всем почтением и почтением, присущим королю. У него был свой лорд-хранитель, казначей и телохранитель; его капелланы проповедовали перед ним, низко кланяясь, когда входили на кафедру; его Мастер просьб принимал прошения за него; он даровал рыцарство; имел своих фаворитов и мог свободно тратить свои деньги. В каждом из придворных трактиров на Рождество появлялся лорд-мисрул.

В 1551 году таким лордом был некий Джордж Феррерс, который доставил большое удовольствие не только королю, но и Сити. В тот год его стиль был "Мастер королевских развлечений". Стоу говорит: "В 1551 году он был "хозяином королевских развлечений".

"Мистер Феррерс, будучи повелителем веселых диспутов все двенадцать дней, вел себя так приятно и разумно, что король получал огромное удовольствие от его времяпрепровождения. В понедельник, 4 января, он прибыл по воде в Лондон и высадился на пристани Тауэра, вошел в Тауэр, а затем проехал по Тауэр-стрит, где его принял сержант Воус, лорд-мисрул Джона Мейнарда, одного из шерифов Лондона, и так провел через Сити, с большой компанией молодых лордов и джентльменов, в дом сэра Джео. Барна, лорда-мэра, где он с главной частью своей компании отобедал, а после этого устроил большой банкет, и при его отъезде лорд-мэр подарил ему в награду стоячий кубок с крышкой из позолоченного серебра стоимостью десять фунтов; он также поставил у его ворот бочонок вина и бочонок пива для его поезда, который следовал за ним; Остальные его джентльмены и слуги обедали в домах других олдерменов и у шерифов, и таким образом снова отправились к пристани Тауэра и ко двору по воде, к великой похвале мэра и олдерменов и с большим одобрением короля и советников." (Archæologia, vol. xviii.)

Сохранились некоторые счета и счета за маскарады и спектакли, представленные Феррерсом, чтобы показать, какого рода развлечения были организованы. Например, там было четыре претендента и двадцать лошадей, должным образом убранных. На празднике присутствовали наследник, другие его сыновья, младшие сыновья, советники, почетные пажи, джентльмены, сержанты, маршал-провокактор, герольды, трубачи, а также оратор, тюремщик, лакей, жонглеры, ирландцы и дураки. Маскарад представлял собой триумф Марса и Венеры; были поединки и турниры; шуточные судебные заседания, со столбом, колодками и мнимыми казнями. Все представление было великолепно смонтировано, о чем свидетельствует следующий счет за переодевание самого Повелителя Беззакония: - "На Рождество и эту неделю.

"На Рождество и на той неделе на самого лорда Мисрула была надета мантия из белого баудекина, состоящая из девяти ярдов по 16 с. за ярд, подпоясанная большим расшитым гардом из золотой ткани, сплетенной в узлы, четырнадцать ярдов, по 13 с. 4 д. за ярд, с мехом из красных перьев, с накидкой из шамблетов. Плащ из плоского серебра тонкой работы, пять ярдов по 50 шиллингов, с вышитой каймой из листьев золотого и шелкового цвета, содержащей пятнадцать ярдов по 20 шиллингов. Шапка для содержания из красных перьев и шамблетов, очень богатая,

с плюмажем из перьев. Пара хосенов, бриджи из гарды золотого сукна, расшитого пайетками, девять ярдов гарды по 13 шиллингов. 4d. с подкладкой из серебряного сарснета, один элл за 8 шиллингов. Пара бускинов из белого баудекина, один ярд, 16 шиллингов. Пара штанов из бриджей [? Брюгге] сатина, 3 с. 4d. Пояс из желтого сарснета, 16 д. Стоимость 51 фунт 17 шиллингов 4 шиллинга". (Archæeologia, vol. xviii.)

Но есть и другие детали, которые пока не упоминаются. Спортивный год очень правильно начинался с новогодних подарков.

"Эти подарки муж дарит своей жене, а отец - ребенку,

А господин своим людям дарит то же самое с благосклонностью мягкой;

И доброго начала года они желают и желают снова",

По древнему обычаю язычников тщетному.

Затем восемь дней никто не требует ни от кого долгов,

Столы свои они накрывают всем мясом, каким только могут".

В день перед Вознесением происходило ежегодное избиение границ - обычай, который соблюдается до сих пор, но без старой церемонии избиения друг друга для лучшего сохранения памяти о древних границах. На Уитсантид устраивались пиры с уитсунским элем. Стоу рассказал нам, как отмечался майский день. Но он пишет как старик, холодно; весь смысл майского дня он забыл. Вспомним, что он значил для молодого лондонца. Он выпал на 12 мая - время, когда, за исключением очень редких весен, утихает пронизывающий восточный ветер и начинается настоящая весна. Листья и цветы наконец-то распустились, после борьбы с холодными ветрами с середины марта; дни удлинились; теперь светло до девяти часов, а сумерки - всю ночь. Больше не нужно ютиться у огня, возможно, без свечей, ложиться спать как можно раньше, вставать до рассвета, сидеть целыми днями в мастерской, затемненной как опущенными ставнями, так и унылым серым небом зимы, работать замерзшими пальцами, жить на соленом мясе в течение шести месяцев, за исключением постных дней и сорока дней Великого поста, когда для разнообразия ели соленую рыбу. Наконец наступила весна, и в этом северном климате город, как и сады и поля, ожил и вернулся к радости жизни.

В канун майского дня все вышли в поле. Они прошли по болотистой и грязной равнине Мурфилдса, пока не добрались до маленькой деревушки Изелдон или Изелден, где начинался большой лес. Там росли белокопытник и терновник, цвели веник и полынь, дикий краб был покрыт розовым и белым одеянием, а дикая роза была великолепна на вид; люди возвращались домой, неся ветви этих сладких цветов, пели и танцевали на ходу; с ними шел похотливый парень с трубой и табором, с ними бежали лаять и драться, от чистой радости, все собаки прихода. Затем они установили свой майский столб, украшенный лентами и гирляндами, и танцевали вокруг него, распевая, рука об руку, правая рука с левой, а левая с правой, покрытые чашечками из дикой розы и цветков дикой яблони. Как на Рождество отмечали завершение старого года и начало нового, так и сейчас праздновали окончание зимы и рождение весны. У них были Том Дурак, муммеры, лошади, Робин Гуд, Дева Мэриан, Маленький Джон; у них были костры; они пировали и пили. Это был самый радостный праздник за весь год.

В праздник святого Варфоломея устраивались атлетические состязания со скачками, стрельбой из лука и борьбой. В Холируд они ходили в лес за орехами; в Мартинмас они пировали - не знаю почему. Затем в долгие летние дни они отмечали кануны праздников и сами праздники своеобразным гостеприимством под открытым небом. Затем жгли костры на улицах - отчасти для того, чтобы уберечься от заразы; конечно, на их узких улицах необходимо было как можно больше обновлять воздух. Более состоятельные люди расставляли перед своими дверями столы и накрывали их во время бдений хлебом и питьем, а в дни праздников - мясом и питьем, на которые приглашали всех прохожих, "восхваляя Бога за дарованные им блага". Существовали праздники примирения и умиротворения для тех, кто поссорился. Праздник примирения соблюдался вплоть до прошлого века.

Своеобразный праздник цветов устраивался на бдение святого Иоанна Крестителя, а также в дни святых апостолов Петра и Павла. Тогда двери каждого человека украшались "зеленой березой, длинным фенхелем, зверобоем, орфином, белым листом и тому подобным". Среди листьев были развешаны гирлянды цветов, а в них - маленькие стеклянные лампочки, масла в которых хватало на всю ночь; над улицей, украшенной таким образом, висели ветви кованого железа, а в некоторых домах были развешаны сотни лампочек. Представьте себе улицу в старом Лондоне, узкую, с высокими двухэтажными домами, выступающими на каждом этаже, так что наверху можно было почти пожать друг другу руки. Даже в мягких и прозрачных сумерках июньского вечера на улицах, лишенных неба, обычно почти темно; но сегодня вечером здесь светлее, чем в полдень. Ряды ярких ламп, красных, синих и зеленых, сверкающих среди зеленых ветвей и белых цветов; люди танцуют и дают друг другу обещания; звучит музыка - нет, не только трубы и таборы, но и арфа и ребека, флейта и серебряные колокольчики, барабан и сиринкс. И, конечно, парни и девы танцуют со всей силой духа.

ОХОТНИЧИЙ ПРАЗДНИК

Из рукописи XIV века. Натуральная библиотека Парижа.

Танцами увлекались все. От королевы до доярки танцевали все женщины, от короля до ремесленника - все юноши. Они танцевали на улицах, когда это было возможно, и это одна из причин, почему майский день был таким радостным праздником. У более придворных людей танцы были величественными и величавыми, например, *Danse au Virlet*, в котором каждый исполнитель пел куплет, а затем все танцевали вокруг, исполняя тот же куплет хором; *Pas de Brabant*, где каждый мужчина преклонял колени перед своей партнершей; *Danse au chapelet*, где каждый мужчина целовал свою партнершу; они танцевали вместе, исполняя песни менестрелей'; они танцевали в саду, они танцевали на лугу, они выходили танцевать ночью со светильниками в руках; они танцевали под красивую музыку, исполняемую оркестром. Но для более скромных людей улица была бальным залом, а труба и табор - музыкой, а танец - простым "хей", или хороводом с каперами удивительной ловкости, или переплетением рук и танцем вокруг майского столба.

Борцовский поединок занимал в общественном сознании примерно то же место, что и футбольный матч в наши дни. Это был не столько спорт, сколько битва, и иногда, как в случае с поединком Лондона *против* Вестминстера, он становился причиной серьезных беспорядков и волнений. Обычным призом в борцовском поединке был баран или баран и кольцо. Иногда разыгрывались и более ценные призы, как в старинной поэме "Мери Гесте Робин Гуда", которую цитирует [Стратт10](#), где в качестве призов выступали белый бык, кобыла с седлом и уздечкой, пара перчаток, золотое кольцо и трубка с вином. В прологе

Чосера мы читаем: "В схватке он завладел бараном". А Мэтью Пэрис упоминает о матче по борьбе в Вестминстере в 1222 году н. э., призом в котором был баран.

Кроме того, существовало ценное право на охоту в лесах Мидлсекса. Страна была почти покрыта обширным лесом, который то тут, то там открывался в результате вырубок угольщиков, дровосеков и лицензированных егерей. Лес Мидлсекса простирался с восточной стороны далеко в Эссекс. В нем водились лани, благородные олени, дикие свиньи и кабаны. Из вредителей здесь водились волки, дикие кошки, лисы, барсуки и более мелкие существа. В каждом поместье можно было найти кроличью нору или конусный сад - отчасти для еды, отчасти ради меха. В один год на стол богатого норфолкского сквайра было поставлено две тысячи кроликов. В конусных садах разводили зайцев и фазанов. На болотах вдоль реки или в лесах водились журавль, горлица, большая дрофа, а также дикие утки и множество мелких птиц. Отмечается, что в Лондоне даже ремесленники свободно питались зайцами и кроликами.

Музыка была даже более любимой формой отдыха, чем танцы. Обучение игре на каком-либо инструменте было частью образования каждого джентльмена. Подробности образования низшего класса скудны, но у Чосера есть сокровищница нравов и обычаев, из которой можно сделать вывод, что все классы учились и занимались музыкой в том или ином виде. Например. О сквайре говорят, что он весь день пел или играл на флейте.

О монахине поэт говорит

"Ful wel sche sange the service devyne

Entuned in hire nose ful semely."

THE PARDONER

THE FRIAR

THE NUN'S PRIEST

THE SECOND NUN

ПАРДОНЕР

МОНАШЕСКИЙ СВЯЩЕННИК

ТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ ЧОСЕРА

Из рукописи Элсмира.

ФРИАР

ВТОРАЯ МОНАХИНЯ

О монахе-мендиканте.

"И, конечно, у него были веселые нотки

Он синговал и играл по заведенному порядку.

Чтоб за свое распутство он губы надул,
Чтоб английский язык на тунгу наложить.

И в арфе своей, когда он загорал
Глаза его вскидывались на дыбы,
Как стерх в морозную ночь".

О мельнике.

"В волынку он умел дуть и сеять".

О Пардонере.

"С большим удовольствием он пел "Приди ко мне с любовью".

Об ученом.

"А над ним лежала великолепная саутри (*гусли*).

На которой он напевал ночную мелодию.

И так звучно, что вся палата звенела,

И Angelus et Virginem он пел".

О жене плотника...

"Но песня ее была так громка и *бодра*.

Как у лебедя, болтающего на берне".

И так далее - все они умели петь и играть. Не играть на каком-либо инструменте было позором.

Барельеф на капители в нормандской церкви XI века изображает концерт, в котором исполнители играют на разных инструментах. Здесь были скрипка, виолончель, гитара, арфа, сиринкс или пандорские трубы, цитра, большие и малые колокола, а также непонятный инструмент. В этот список не вошли флейта, труба или свисток различных видов, волынка, лютня, труба, рожок, водяной орган, духовой орган, цимбалы, барабан, гусли, трехструнный органструм, хурди-гурди, труба и табор, ребек и другие. Конечно, многие из них - лишь разновидности. Любимыми инструментами простого народа были скрипка, труба и табор, под музыку которых капризничал медведь, приманивался бык, танцевали доньи и девицы, выступали куклы; на стук табора и зов трубы все оборачивались, чтобы посмотреть, что происходит. В каждой таверне звучала музыка более претенциозная: там сидел арфист, там мандолину трогали те, кто сидел в заведении, чтобы выпить; затем под флейту и скрипку выступала танцовщица; потом рассказчик пел свою длинную историю под звуки лютни низким монотонном, а музыка плутала вверх-вниз, подобно тому как валлийский певец поет, пока сам воздух кружится вокруг его слов. В каждой церкви был орган, иногда только ручной, иногда большой и великолепный, громы которого внушали трепет душе, а мягкие ноты

возвышали и ободряли богомольца. Долгое время существовало противодействие внедрению органа; и только в тринадцатом веке голос оппозиции был полностью затих ; как только орган получил признание, трудность заключалась в том, чтобы сделать его достаточно великолепным. Уже в 951 году Винчестер мог похвастаться органом, разделенным на части, каждая из которых имела свои мехи, свою клавиатуру и своего органиста. В Миланском соборе трубы органа были сделаны из серебра, в Венеции - из золота. Лучшие органы Западной Европы были сделаны по образцу органа, подаренного Константином Копронимом королю Пипину.

БАНКЕТ

Из книги Willemin, Monuments inédits, etc.

Еще одной формой отдыха в городской жизни был сад. Поэзия четырнадцатого и пятнадцатого веков полна садов. В "Рыцарской сказке" Чосера Эмили отправляется в сад, чтобы сделать чарочку: "И в саду у сына

"И в сад к сыну на поклон

Sche walketh up and doun, and as hir liste,

Sche gadereth floures, party white and redde,

Чтобы сделать сотильную герляндию для этого хедда,

And as an angel hevenly sche song".

У каждого важного дома в Лондоне был свой сад. От этих садов до сих пор сохранились некоторые следы. Сад Драперов до недавнего времени занимал большую площадь, и там еще осталось немного; другие компании сохранили часть своих старых садов; кроме церковных дворов, которые теперь превращены в сады, даже в некоторых многолюдных районах Сити еще остались один или два частных сада. Сад был безопасным и приятным местом отдыха для дам дома. Кажется, что из-за шума, грязи, толпы, насилия на улицах средневекового Лондона не было места для дам; их провожали в церковь и из церкви, а в остальное время они проводили в доме или в саду, "полных лев и мук".

"И ремесло рук человеческих так диковинно

Сад так дивно украшали,

Как будто это был настоящий рай".

Здесь дамы держали своих певчих птиц, которых очень любили.

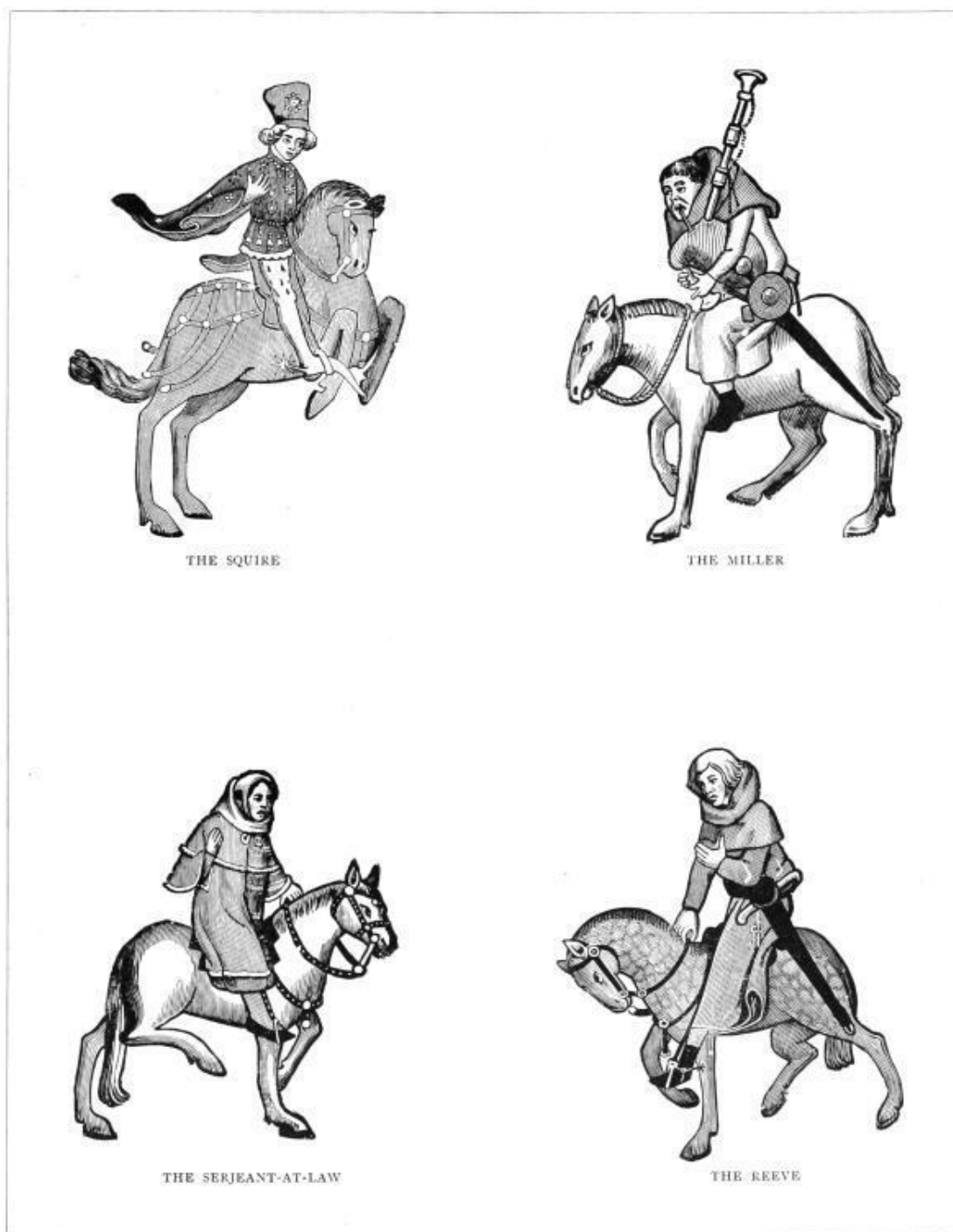

КОРОЛЬ И ШУТ

Из рукописи в Британском музее. Harl. 1892.

Затем, для отдыха в повседневной жизни, мы имеем утреннюю мессу, несколько церковных служб, работу в лавке для ремесленника, в доме для его жены; летними вечерами блуждание по полям, гребля по реке, танцы на улицах, атлетика всех видов, для молодежи; для мужчин

таверна с ее песнями и выпивкой; для женщин разговоры на улице у дверей домов летом; вечером работа и музыка, и пение, и разговоры перед огнем. Помимо празднеств и ликований в указанные дни устраивались шествие часов, игра в чудеса в церкви или без нее, королевские балаганы и городские скачки. Шествие часов описано в книге "Лондон во времена Тюдоров", с. 362.

ХАРАКТЕРЫ2

СКВАЙР

ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ

ТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ ЧОСЕРА

Из рукописи Элсмира.

МЕЛЬНИК

РИВ

Какую роль играли карты в домах средневекового Лондона, если вообще играли? Происхождение карточной игры не должно нас здесь волновать. Вероятно, теория о том, что карты впервые появились в Витербо, куда они были привезены с Востока, верна; то, что они распространились по Италии, Германии, Франции и Испании, совершенно точно. В 1393 году появляется известный и часто цитируемый отрывок из отчета казначея Франции Шарля Пупарта. "Дано Гринфоннеру, художнику, за три колоды карт, позолоченных и раскрашенных, и разнообразно украшенных, для развлечения короля, пятьдесят шесть ливров". На основании этого отрывка утверждается, что карты были изобретены для утешения безумного короля Карла VI. Но если бы они были новым изобретением, запись не была бы сделана с такой простотой, и, на самом деле, мы знаем, что карты были завезены во Францию еще до этой даты. Все, что было известно или практиковалось во Франции, быстро переходило в Англию. Однако примечательно, что Чосер не упоминает о карточной игре. В 1463 году она уже практиковалась. Об этом свидетельствует статья в законе 1463 года, запрещающая ввоз карт и других товаров иностранного производства. В одном из писем Пастона, датированном 24 декабря 1484 года, Марджери Пастон рассказывает своему мужу, что в доме одной знатной дамы на Рождество "не было ни переодеваний, ни арф, ни дудок, ни пения, ни громких споров; только игра за столами, шахматы и карты". Таким образом, можно предположить, что карточная игра была известна в Лондоне в XV веке; что она не была развлечением или формой азартной игры, принадлежащей простому люду, а относилась к более богатому классу. Этого и следовало ожидать, судя по стоимости ранних карт с золотом и раскрашенными вручную лицевыми и оборотными сторонами. Об азартных играх с костями сказано очень много, и, судя по всему, как низшие, так и высшие классы были сильно увлечены костями и играми с чистой случайностью. В каждой таверне стоял игровой стол; хозяин выдавал деньги тем, кто проигрывал: тогда, как и сейчас, существовали *игроки-ачарне*, которые спускали все, что имели, и даже больше. На сатирических рисунках того времени они изображены лишившимися всего, вплоть до одежды. Низшие классы Лондона всегда были и остаются неизлечимо зависимыми от погони за удачей, слепыми и неспособными к фаворитизму. Ставки на шансы и поддержка своей фантазии занимают у молодого лондонца место старомодных игровых костей.

Об играх есть рифма: "Мужчины и девицы веселятся, в стулбол и в ячмень". Среди игр, в которые играли мальчики, были "Обруч и прятки", "Прятки", "Гарри Рэкет", "Подбрось жабу", "Гусь и слепой", "Гудвинк плей", "Логгатс", "Подбрось шерифа или подбрось крупу".

"Бороться, играть в стул или бегать;

Играть в барре или стрелять из пушки;

Играть в лаггат, девять лунок или тенпин:

Попробовать себя в футболе на блеснах".

Фиц Стивен рассказывает, что в масленичный вторник мальчики приносили в школу петухов и заставляли их драться - учитель получал от каждого мальчика "петушиный пенни". Этот обычай сохранялся в некоторых частях Англии, кажется, в городе Ланкастер, вплоть до XVIII века.

При наличии всех этих приспособлений для отдыха и развлечений видно, что Лондон был городом, полным радости и веселья. Но было и многое другое. Ни один город на континенте,

даже Антверпен, Брюгге или Париж, не превзошел Лондон по пышности и великолепию своих пажей и ридингов. Это были публичные шествия и ликования во время коронаций короля или его супруги, после великих побед, когда король проезжал по Лондону верхом, во время приема иностранных государей, а также во время скачек мэра и олдерменов. Давайте рассмотрим, что подразумевалось под такими представлениями в тринадцатом, четырнадцатом и пятнадцатом веках, к которым относится эта глава. Естественно, это были редкие события - коронация не часто случается в одном поколении, - настолько редкие, что все главные пажи можно перечислить в нескольких строках. Итак.

A.D.	1205	Прием	от	Отто, племянника короля Иоанна.
	1216	"	"	Людовик Дофин.
	1236	"	"	Генрих III.
	1243	"	"	Беатрис, графиня Прованская.
	1274	"	"	Королева Маргарита.
	1307	"	"	Королева Изабелла.
	1328	"	"	Королева Филиппа.
	1357	"	"	Король Иоанн Французский.
	1363	"	"	Король Иоанн Французский, король Давид Шотландский и король Кипра.
	1377	"	"	Король Ричард II.
	1382	"	"	Королева Анна.
	1392	Примирение короля Ричарда II и Сити.		
	1396	Коронация	.	Королева Изабелла.
	1399	"	"	Генрих IV.
	1399	Прием Эммануила, императора Константинополя.		
	1413	Коронация	.	Генриха V.
	1415	Возвращение Генриха V после Азенкура.		
	1416	Прием императора Сигизмунда.		
	1421	Возвращение Генриха V и королевы Екатерины.		
	1422	Прием	из	младенца Генриха VI.
	1432	"	"	Генрих VI.
	1445	"	"	Маргарита Анжуйская.
	1461	Коронация	из	Эдуарда IV.
	1465	"	"	Королева Елизавета Грей.
	1483	Прием Эдуарда V.		
	1483	Коронация Ричарда III.		

Таким образом, за 278 лет было проведено двадцать семь торжеств и приемов, то есть в среднем по одному за каждые десять лет. Несомненно, что при каждой коронации устраивались какие-то представления или шествия, но о королях Эдуарде II и III, похоже, ничего не известно. Первым до нас дошел подробный рассказ о приеме Генриха III по случаю его бракосочетания в 1286 году. Его автором является Мэтью Пэрис: -

"На брачные торжества короля собралось такое количество знати обоего пола, такое число религиозных людей, такие толпы народа и такое разнообразие актеров, что Лондон с его вместительной грудью едва мог их вместить. Весь город был украшен флагами и знаменами, часословами и подвесками, свечами и лампадами, чудесными приспособлениями и необычными изображениями, а все дороги были очищены от грязи, палок и всего вредного. Горожане тоже выходили встречать короля и королеву, одетые в свои украшения, и соревновались друг с другом в скорости своих лошадей. В тот же день, когда они отправились из Сити в Вестминстер, чтобы исполнять обязанности дворецкого при короле (эта должность принадлежала им по праву старины, во время коронации), они проследовали туда, одетые в шелковые одежды, с мантиями, отделанными золотом, и с дорогой сменой одежды, верхом на дорогих лошадях, сверкающих новыми удилами и седлами, и ехали в войсках, выстроенных в порядке. Они несли с собой триста шестьдесят золотых и серебряных кубков, предваряемые королевскими трубачами и звучащими рогами, так что столь дивная новинка поражала всех, кто ее видел, изумлением. Архиепископ Кентерберийский, по особому праву принадлежащему ему, исполнил обязанность коронования с обычной торжественностью, епископ Лондонский помогал ему в качестве декана, остальные епископы занимали свои места в соответствии с их рангом. Таким же образом все аббаты, во главе которых, как и положено, стоял аббат Святого Альбана (ибо как протомученик Англии, Б. Альбан, был главным из всех мучеников Англии, так и его аббат был главным из всех аббатов по рангу и достоинству), как гласит подлинная привилегия этой церкви. Дворяне также исполняли обязанности, которые по древнему праву и обычаю возлагались на них при коронации королей. Точно так же некоторые жители отдельных городов выполняли определенные обязанности, принадлежавшие им по праву предков. Граф Честера нес перед королем меч святого Эдуарда, который назывался "Куртейн", в знак того, что он граф дворца и по праву имеет право сдерживать короля, если тот совершит ошибку. Графа сопровождал констебль Честера, который отгонял людей жезлом, когда они беспорядочно протискивались вперед. Великий маршал Англии, граф Пемброк, пронес жезл перед королем, расчистил перед ним путь как в церкви, так и в банкетном зале, устроил банкет и гостей за столом. Надзиратели из Синк-Портс несли паллу над королем, опираясь на четыре копы, но право на эту обязанность не было абсолютно бесспорным. Граф Лестер подавал королю воду в тазах для умывания перед трапезой; граф Уорренн исполнял обязанности королевского виночерпия, заменяя графа Арундела, поскольку тот был молод и еще не стал опоясанным рыцарем. Мастер Майкл Белет был дворецким *по должности*: граф Херефорд исполнял обязанности маршала королевского дома, а Уильям Бошамп занимал должность алмонера. Судья из the Forests расставил кубки для питья на столе по правую руку от короля, хотя и встретил некоторое сопротивление, которое, однако, упало на пол. Жители Лондона разносили во все стороны вино в дорогих кубках, а жители Винчестера руководили приготовлением пищи; остальные, согласно древнему уставу, занимали свои отдельные места или заявляли о своем праве на это. А чтобы брачные торжества не омрачались никакими спорами, спасающими право кого-либо из них, многие дела были отложены на время, которое они оставили для решения при более благоприятном случае. Должность канцлера Англии и все должности, связанные с королем, утверждаются и утверждаются в Казначействе. Поэтому канцлер, камергер, маршал и констебль, по праву своей должности, заняли свои места там, как и бароны, согласно дате их создания, в Лондонском Сити, где каждый из них знал свое место. Церемония была великолепной, с нарядными платьями духовенства и рыцарей, которые присутствовали на ней. Вестминстерский аббат окропил святой водой, а казначей, исполняющий роль иподиакона, нес патен. Зачем мне описывать всех этих людей, которые благоговейно служили в церкви Богу, как это было их обязанностью? Зачем описывать изобилие яств и блюд на столе, количество оленины,

разнообразие рыбы, радостные звуки веселящихся людей и веселье официантов? Все, что мог позволить себе мир для создания удовольствия и великолепия, было собрано со всех концов". (Перевод Джайлса, стр. 8, 9.)

ТУРНИР ГРАФА УОРВИКА

Из книги Стратта "Нравы и обычаи".

Должно быть, это был богатый город, который мог предоставить для коронационного банкета триста шестьдесят состоятельных горожан, которые могли позволить себе одеться в шелка с вышитыми золотом мантиями, сесть на роскошных лошадях с богатой упряжью, нести каждому золотой или серебряный кубок, украсить и осветить свои дома флагами и знаменами, часословами и подвесками, свечами и лампами. Великолепная одежда горожан

на всех этих праздниках поражает воображение. В 1300 году они приветствовали королеву Маргариту в количестве 600 человек в красно-белых ливреях, у каждого на рукаве был вышит знак его Тайны. Они следовали за королем Генрихом IV в 1399 году с поездом из 6000 лошадей - все из Лондона и одетые в свои ливреи. Когда Генрих V. возвращался домой после Азенкура, мэр и олдермены встречали его, одетые в "восточный зернистый алый", с 400 горожанами в мурри, хорошо одетыми, с воротниками и цепями из золота; с ними ехало множество городского духовенства в роскошных колетах с богатыми крестами и массивными кадилъницами.

КОРОНАЦИЯ ГЕНРИХА IV.
Из "Хроник" Фруассара.

Представление лорда-мэра начиналось с представления избранного мэра королю или его судебному комиссару. Новый мэр должен был ехать в Вестминстер верхом; разумеется, он ехал в штате с шерифами, олдерменами и офицерами города. Считается, что именно в 1452 году Джон Норман, занимавший в то время пост мэра, изменил обычай ездить по суше на поездку на барже. Для этого он подарил городу прекрасную баржу; компании последовали его примеру и сами обзавелись баржами; конечно, для богатого горожанина или дворянина иметь свою баржу было не в новинку; Темза всегда, вплоть до недавних времен, была главной магистралью города, о чем свидетельствует линия дворцов, проходящая вдоль ее северного берега от замка Байнард до Вестминстерского королевского дома. Новаторство Нормана заключалось в том, что он подарил Сити государственную баржу: есть основания полагать, что до его времени некоторые поездки в Вестминстер совершались по воде. Сохранились некоторые записи о стоимости такой процессии. Например, в 1401 году, по распоряжению мэра Джона Уолкота, в книгах Компании бакалейщиков имеется следующая запись

	£	s	d
Itm. Meres Averages paie po le chevache du John Walcote mayr, po vi mynstrelles po. lo. sabire		XL	
Itm. po. lo. cheprous и po. lo. pessure		VIIj	
It. po. lo. dyner & po vyn po. le chaucer		XXI	
Itm. po. un cluvue po. le bidge			IIIj

АНГЛИЙСКИЕ РЫЦАРИ ПУТЕШЕСТВУЮТ

Из MS. в Британском музее. Harl. 1319.

Богатство и состояние самого города были доверены заботе мэра и олдерменов, которые не упускали случая, будь то скачки, представления или пиры, продемонстрировать богатство города по ливреям и пышности нарядов, в которые были одеты горожане. Так, Стоу приводит некоторые подробности по этому вопросу, которые помогают показать нам реальное богатство горожан: - "1236.

"1236. 20-го числа Генриха III. Мэр, олдермены, шерифы и жители Лондона выехали встречать короля и его новую жену королеву Элеонору, дочь Реймонда Берингариуса Арагонского, графа Прованса и Нарбона. Горожане были одеты в длинные одежды, расшитые золотом и шелком разных цветов, их лошади были прекрасно упряжены, числом триста шестьдесят, каждый человек нес в руке золотой или серебряный кубок, перед ними звучали королевские трубы и т. д., как вы можете прочесть в моих Анналах.

1300. 29-го числа Эдуард I., упомянутый король взял в жены Маргариту, сестру Филиппа ле Бо, короля Франции: они обвенчались в Кентерберии. Королева была доставлена в Лондон, против нее выехали горожане в количестве шестисот человек в одной ливрее - белой и красной, с вышитыми на рукавах знаками своих таинств; они приняли ее в четырех милях от Лондона и так доставили в Вестминстер.

1415. 3-го Генриха V., когда упомянутый король прибыл в Дувр, мэр Лондона с олдерменами и ремесленниками, одетыми в красное, с капюшонами красного и белого цвета, встретил короля на Черном хите, который ехал из Элтхэма с пленниками из Франции.

1432. Десятое Генриха VI., коронованный во Франции, возвращаясь в Англию, прибыл в Элтхэм по направлению к Лондону, и мэр Лондона Джон Уэллс, олдермены с общиной выехали против него верхом, мэр в малиновом бархате, в большой бархатной шапке, подпоясанный мехом, с золотым поясом посередине, с золотым баудриком на шее, трепещущим позади него, три его приспешника на трех больших конях за ним, в одном костюме красного цвета, весь изукрашенный серебром, затем олдермены в платьях алого цвета, с капюшонами цвета сангины, и вся община города, одетая в белые платья и алые капюшоны, с различными знаками отличия, вышитыми на их рукавах, и т. д.

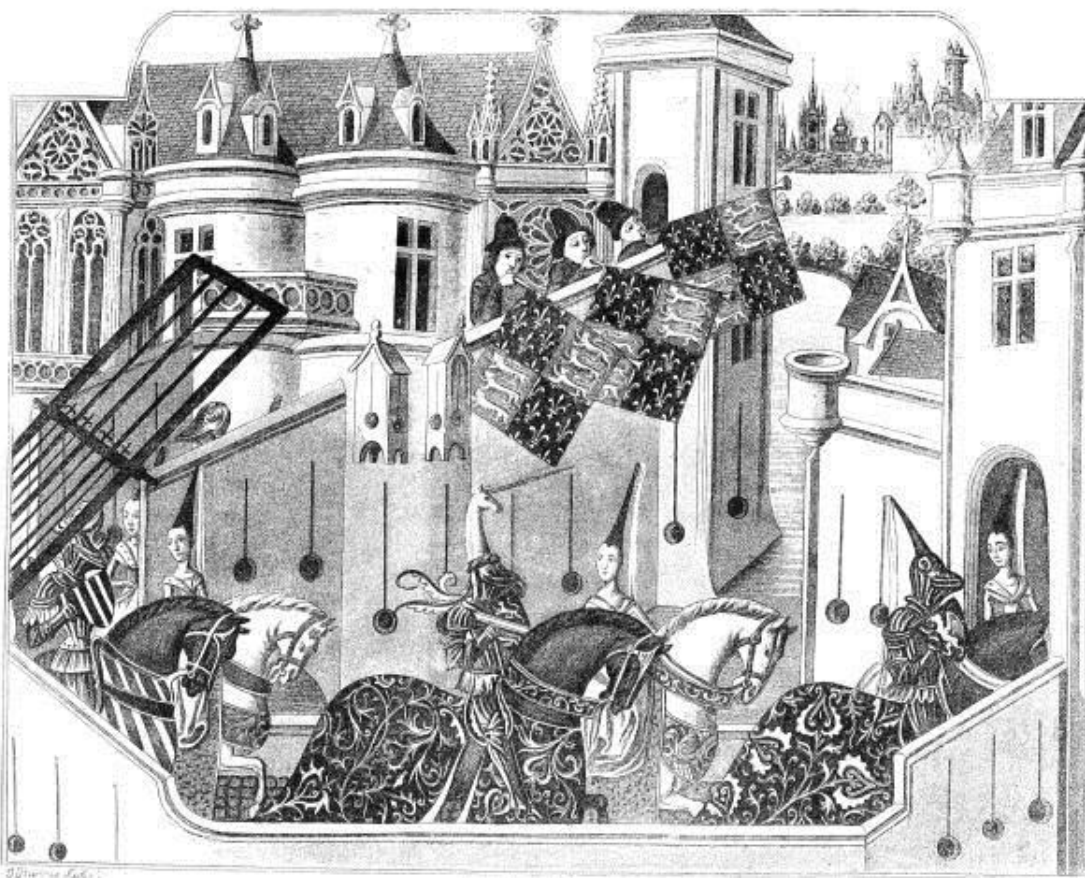
1485. 1-го числа Генриха VII. Мэр, олдермены, шерифы и простонародье, одетые в фиолетовые одежды (как в траурный цвет), встретили короля в Ширедитче и проводили его в церковь Боулз, где он принес свои знамена.

Этого достаточно, чтобы рассказать о печенках горожан в древние времена, как во время триумфов, так и в других случаях, при этом можно заметить, что покрывалом головы мужчин тогда были капюшоны, ибо ни о шапке, ни о шляпе не говорится, разве что Джон Уэллс, мэр Лондона, носил шляпу во время триумфа, но она отличалась от шляп, которые недавно вошли в обиход и теперь обычно носят на дворянских печенках. Я читал, что Томас, граф Ланкастер, в царствование Эдуарда II, дарил на Рождество в ливреях тем, кто ему служил, сто пятьдесят девять широких сукон, позволяя каждому одеянию подбивать капюшоны мехом: ближе к нашему времени сохранились подделки и изображения олдерменов и других людей, живших в царствование Генриха VI и Эдуарда IV, А именно, олдермен Дарби, живший на Фенчерч-стрит, напротив приходской церкви Святого Диона, оставил свое изображение олдермена в алой мантии на спине, капюшоне на голове и т. д., которое можно увидеть в этом доме (и в других местах). Еще один памятник тех поздних времен можно увидеть в стеклянных окнах мэрского двора в Гилдхолле над лестницей; мэр там изображен сидящим в одеянии цвета партии, с капюшоном на голове, его меченосец перед ним в шляпе или шапке для содержания; простой клерк и другие должностные лица с обнаженной головой, их капюшоны на плечах: и поэтому я полагаю, что использование квадратных чепцов, которые носили дворяне, господа, граждане и другие, началось в королевстве при Генрихе VII., и в его время, а также в более древние времена, я не вижу никаких подделок или других доказательств использования. Генрих VIII. (в последнее царствование) носил плоскую круглую шапочку из алого или бархатного материала, с брюшком или драгоценным камнем и пером: джентльмены, придворные и другие делали то же самое. Молодые горожане также переняли новую моду на плоские шапочки, вязанные из шерстяной пряжи черного цвета, но настолько легкие, что они были вынуждены подвязывать их под подбородком, так как в противном случае ветер мог их перебирать. Использование этих плоских круглых шапочек настолько расширилось (они стоили дешевле французского чепца), что через некоторое время их стали носить и молодые олдермены: Сэр Джон Уайт носил его в свое мэрство и был первым, кто оставил пример своим последователям; но теперь испанский фетр или подобная подделка чаще всего используется всеми людьми, как духовными, так и мирскими, так что французский чепец или квадратный колпак,

а также круглый колпак по большей части уступили место испанскому фетру; но все же в Лондоне среди серьезных людей (я имею в виду ливреи компаний) сохранилась память о капюшонах старого времени, которые носили их предшественники; Эти капюшоны носили, нахлобучивая на голову, юбки вешали сзади на шею, чтобы согреться, тесемку клали на плечо или наматывали на шею; в старину эти капюшоны были цвета в соответствии с их платьями, которые были двух цветов, как красный и синий, или красный и пурпурный, мурри, или как было угодно их хозяевам и надзирателям назначать в роты: но с недавних пор они стали носить платья одного цвета, причем самые печальные, а их капюшоны делаются наполовину из той же ткани, что и их платья, а другая половина остается красной, как и в прежние времена."

Эпоха была, прежде всего, военная, поэтому настоящие или имитирующие сражения были тем видом спорта, который больше всего волновал людей. Турнир номинально был имитацией боя, но он так сильно напоминал настоящую битву и так часто заканчивался ранениями или смертью, что иногда было трудно отличить турнир от дуэли. Турниры проводились на Тилт-Ярде в Уайтхолле, на Тотилл-Филдс, в Смитфилде и в Чипсайде. Среди самых известных турниров были следующие:.

Турнир 1329 года в Чипсайде, когда обрушились строительные леса, возведенные для королевы и ее фрейлин, к счастью, без травм для королевы.

ТУРНИР В ЛОНДОНЕ
Из хроник Фруассара.

Турниры 1357, 1362 и 1374 годов. Последний был особенно великолепен: он проводился в честь Алисы Перрерс, "Леди Солнца", и продолжался семь дней.

Великолепный турнир, проведенный Ричардом II в 1390 году, который также продолжался несколько дней, и в нем участвовало шестьдесят бойцов. Знаменитая встреча шотландских и английских рыцарей в 1393 году. Поединок французских и английских рыцарей в Смитфилде в 1409 году. Вызов арагонского рыцаря, который был побежден Робертом Кери. Вызов в 1442 году другого арагонского рыцаря, сэра Филиппа ле Бофа, который был побежден Джоном Ансли.

Вызов, брошенный в 1467 году Бастардом Бургундским. Эти вызовы были не просто поединками, это были дуэли на смерть. Бургундский рыцарь бросил вызов лорду Скейлзу, брату королевы. Они сражались три дня. В первый день они безрезультатно сражались пешком. На второй они сражались верхом, когда конь бургундца пал вместе с ним. На третий они сражались на шестах, пока острие топора лорда Скейлза не вошло в шлем его противника, и он мог бы повалить его на землю и убить. Но король сбросил своего стражника и прекратил бой. В 1501 году в Тауэре состоялся турнир. В 1540 году состоялся пятидневный турнир в Вестминстере. В 1571, 1581 и 1599 годах проводились турниры, но не в таких масштабах, как раньше.

В 1610 году последний турнир был проведен в Тилт-Ярде, Вестминстер, в честь Генриха, принца Уэльского.

ГЛАВА XI

ЛИТЕРАТУРА И НАУКА В ЛОНДОНЕ

§ 1. Библиотеки Лондона

Библиотеки в Лондоне были немногочисленны и, по современным представлениям, скудны в отношении содержащихся в них произведений. Каждый монастырь имел свою библиотеку: Собор Святого Павла имел свою библиотеку; книги набожности были при каждой церкви и, более того, в каждом доме; но частных библиотек было очень мало. У знаменитого герцога Хамфри была огромная коллекция книг, которую он передал Оксфордскому университету в двух дарениях, одно из которых состояло из двухсот шестидесяти четырех томов, а другое - из двухсот шестидесяти пяти. Герцог Бедфордский в то же время приобрел коллекцию Карла Пятого из Франции и перевез книги в Англию. Еще одна большая библиотека была у Гая Бошама, графа Уорика. Лучшими библиотеками Лондона были библиотеки францисканцев, чью библиотеку построил для них Уиттингтон, и доминиканцев, которые в свои лучшие времена отличались стремлением к образованию.

ДЖОН ЛИДГЕЙТ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СВОЕ "ЖИТИЕ СВ. ЭДМУНДА" ГЕНРИХУ VI.
Из рукописи в Британском музее. Harl. 2278.

Каталог книг, подаренных Гаем Бошампом монахам Бордсли, показывает, что было самым легким чтением братии. Он выглядит следующим образом:...

"A tus iceux, qe ceste lettre verront, ou orrount, Guy de Beauchamp, Comte de Warr. Saluz, en Deu. Saluz nous avoir baylè en la garde le Abbé e le Covent de Bordesleye, lessé à demorer a touz jours touz les Romaunces de sonz nomes: ceo est assaveyr, un volum, qe est appelé Tresor. Un volum, en le quel est le premer livre de Lancelot, e un volum del Romaunce de Aygnes. Un Sauter de Romaunce. Un volum des Evangelies, e de Vie des Seine. Un volum, qe p'le des quatre principals Gestes de Charles, e de Dooun, e de Meyace e de Girard de Vienne et de Emery de Nerbonne. Un volum del Romaunce Emmonnd de Ageland, e deu Roy Charles dooun de Nauntoyle. E le Romaunce de Gwyoun de Nauntoyl. E un volum del Romaunce Titus et Vespasien. E un volum del Romaunce Josep ab Arimathie e deu Seint Grael. E un volum, qe p'le coment Adam fust eniesté hors de paradys, e le Genesie. E un volum en le quel sount contenuz touns des Romaunces, ceo est assaveir, Vitas patrum ay commencement: e pus un Conte de Auteypt; e la Vision Seint Poll: et pus les Vies des xii Seins. E le Romaunce de Willame de Loungespe. E Autorites des Seins humes. E le Mirour de Alme. Un volum ne le quel sount contenuz la Vie Seint Pére e seint Pol, e des autres liv. E un volum qe est appelé l'Apocalips. E un livre de Phisik, e de Surgie. Un volum del Romaunce de Gwy, e de la Reyhne tut enterement. Un volum del Romaunce de Troies. Un volum del Romaunce de Willame de Orenge e de Teband de Arabie. Объем романа де Амаса и де Идуин. Том романа Жирара де Вьена. Том о романах де Брют и Рой Костентин. Un volum

de le enseignement Aristotle enveiez au Roy Alisaundre. Un volum en le quel sount contenuz les Eufaunces Nostre Seygneur, coment il fust mené en Egipt. E la vie Seint Edwd. E la Visioun Seint Pol. La Vengeaunce n're Seygneur par Vespasien a Titus, e la Vie Seint Nicolas, qe fust nez en patras. E la Vie Seint Eustace. E la Vie Seint Cudlac. E la Passioun n're Seygneur. E la Meditacioun Seint Bernard de n're Dame Seint Marie, e del Passioun sour deuz fiz Jesu Creist n're Seignt. E la Vie Seint Eufrasie. E la Vie Seint Radegonde. E la Vie Seint Juliane. Un Volum, en lequell est aprise de Enfants et lumiere à Lays. Un volum del Romaunce d'a Alisaundre, ove peintures. Un petit rouge livre, en le quel sount contenuz mons diverses choses. Un volum del Romaunce des Mareschans, e de Ferebras e de Alisaundre. Les queus livres nous grauntous par nos hryrs e pur nos assignes qil demorront en la dit Abbeye, etc.".

О более серьезной части этих библиотек можно судить по Гластонберийскому списку, который содержит следующих классических авторов:...

- Аристотель
- Ливий
- Орозий
- Саллюст
- Донат
- Седул
- Вергилий, Энеида
- Георгики Вергилия
- Буколики Вергилия
- Æsop
- Талли
- Boethius
- Платон
- Исагога Порфирия
- Пруденций
- Фортуан
- Персий
- Исидор
- Смарагд
- Марцианус
- Гораций
- Присциан
- Проспер
- Клавдиан
- Ювенал
- Корнут

В то время как список сорока книг, собранных аббатом Джоном де Таунтоном и переданных в библиотеку в 1271 году, весьма поучителен:...

- Святой Августин о Бытие.
- Экклезиастические догмы.

- Энхиридион святого Бернарда.
- Цветы святого Бернарда.
- Книги Премудрости с глоссой.
- Постилы на Иеремию и малых пророков.
- Согласования к Библии.
- Постилы Альберта на Матфея, Плач Иеремии и другие, в одном томе.
- Постилы по Марку.
- Постилы на Иоанна, с рассуждением о Посланиях в течение года.
- Старая и новая глосса брата Томаса.
- Морали на Евангелия и Послания.
- Святой Августин о Троице.
- Послания Павла с глоссами.
- Св. Августин о Граде Божьем.
- Килвардсби о письме приговоров.
- Вопросы о преступлениях.
- Совершенство духовной жизни.
- Сумма Божественности брата Томаса в четырех томах.
- Декреты и декреталии.
- Книга о перспективах.
- Различия Мориса.
- Книги по естественной истории в двух томах.
- Книги о свойствах вещей.

О расположении и устройстве средневековой библиотеки рассказал мистер Уиллис Кларк в своей лекции "Rede" за 1894 год. Сначала книги хранились в монастыре, но поскольку наш климат очень быстро разрушает книги, лежащие под открытым небом, для них были построены амбры, или прессы. Со временем монастырь обнесли флагом, а для читателей поставили "карелки", *то есть* небольшие деревянные скамьи или шкафы, закрытые только спереди, которая была открыта, чтобы свет. В каждой карете стоял стол, на котором лежали книги. Следующим шагом стало строительство библиотеки. Библиотека, построенная Уиттингтоном для францисканцев, представляла собой благородный зал длиной 129 футов и шириной 31 фут. В нем было двадцать восемь письменных столов и двадцать восемь двойных столов с обшивкой. Некоторые книги всегда оставались на столах для справок, а другие доставались время от времени, причем и те, и другие были прикованы цепями. В некоторых случаях перед вертикальным книжным шкафом была открытая полка, на которой можно было читать, но все они были прикованы к своим местам. Из-за этого книги располагались спинками к стене. В некоторых случаях, когда книги были тиснены на боку, их ставили не рядом, а плашмя на полку. Неизменным правилом во всех монастырских библиотеках было приковывание книг цепями. Поскольку в каждом монастыре был свой скрипторий, можно предположить, что копии книг постоянно обновлялись, когда писцы не были заняты обновлением книг, необходимых для службы в часовне. В каждом монастыре также были иллюминаторы и художники. И наконец, чтобы показать, что монахи с большим трудом использовали библиотеки, которыми они владели, в "Монастиконе" [Стивена11](#) приводится список ученых, из которого следует, что среди доминиканцев можно найти восемьдесят имен ученых и писателей, среди францисканцев - сто двадцать два, а среди кармелитов - сто тридцать семь.

Сохранилось немало сведений о библиотеке собора Святого Павла. Среди прочих сокровищ в ней было одиннадцать списков Евангелий, прекрасно написанных и переплетенных в серебряные переплеты с богатой эмалью; также пять Псалтырей, восемь Антифонариев, двадцать книг гомилий, семнадцать миссалов, мануалов, градуалов, трепологов, органных книг, книг посланий, книг Евангелий, сборников и капитуляриев, понтификов, бенедикционариев. Были Библии и фрагменты Писания с глоссами. Здесь же находилась хроника Ральфа де Дисето. В приходе Святого Павла была еще одна библиотека, основанная Уолтером Шерингтоном; в ней были книги по медицине, хроники, грамматики, святые отцы, классические авторы и книги по праву.

§ II. Лондон и литература

Связь средневекового Лондона с литературой и образованием следует рассматривать сначала в свете церковной истории, а затем со светской точки зрения.

Насколько монастырские учреждения в целом и лондонские в частности были очагами образованности и литературы? На этот вопрос можно ответить, исходя из того, что мы знаем о других монастырях, не в Лондоне, и на примере ученых и писателей, которые вышли из этих домов. Во-первых, гораздо большее число ученых и писателей на протяжении восьмисот лет работали в религиозных домах. Если мы пробежимся по списку, пусть и несовершенному, то увидим, что, особенно в написании историй, выделяются монахи, а затем и монахини. Такой список поучителен и наводит на размышления.

монахами; Астерн, другой монах из Кентерберии, написал жития св. Дунстана и св. Альфеге; Лукиан, монах Эбербурга, написал историю Честера; Колман, монах Вустера, написал жизнь епископа Вульстана; Тургот, монах Ярроу, написал историю монастыря в Дареме; знаменитый Ордерик Виталис был монахом из St. Эврольт в Нормандии; великий историк Уильям Мальмсберийский принадлежал к монастырю этого города; Джеффри Монмутский был монахом в монастыре города, в честь которого он назван; Генрих Хантингдонский, другой известный историк, был монахом в Ромси; Эйлред из Риеволкса был цистерцианцем; Илариус, написавший пьесы о чудесах, был английским монахом; Уолтер из Ившема был монахом в этом месте; Лайамон был священником; Роджер Бэкон был серым монахом, как и Дунс Скотус; Роджер из Вендовера был монахом в Сент-Олбансе; из того же монастыря он был монахом. Олбанса; из того же монастыря был Мэтью Парис; Бартоломью Коттон был монахом в Норвиче; Мэтью Вестминстерский был бенедиктинцем, вероятно, из собора Святого Петра; Ральф, или Ранульф, Хигден был монахом собора Св. Вербурга; Роберт из Брунена был каноником Гильбертинского ордена; Найджел Вирекер, автор "Брунелла", был прецентором в бенедиктинском монастыре Кентерберии; Джон Солсберийский, автор "De Nugis Curialium", был монахом в Ла Келле, во французском диоцезе Труа; Томас из Эли, написавший хронику, был монахом из Эли; Джоселин из Бражелонда был монахом из Bury St. Эдмундс; Уильям Ньюбург был монахом-августинцем; Роджер из Ховедена одно время находился под обетом, так как ему приходилось переходить из одного аббатства в другое в качестве посетителя или приемника; Бенедикт, автор хроники, был аббатом Питерборо; Ральф де Дисето был деканом собора Святого Павла; Александр Некхэм был аббатом Киренчестера; Герваз, пастух, был монахом Кентерберии; Роберт Холкот, богослов, был доминиканцем. Этот длинный список, который может быть расширен, достаточен, чтобы доказать, что стремление к образованию поощрялось и было в почете в монастырях. Несколько имен, приведенных выше, принадлежат ученым, большинство - летописцам, причем многие из них - современные. Практика, которой придерживались в одном доме, соблюдалась в каждом другом доме, подчинявшемся тому же правилу. Если в Сент-Олбансе мы находим одного монаха за другим, пишущих современную историю, то разумно предположить, что и в Вестминстере, и в Приорате Святой Троицы, и в Бермондси другие монахи занимались аналогичными делами. Иными словами, мы не слышим о том, что из лондонских домов вышло много ученых людей, но поскольку несомненно, что в других домах того же правила были ученые и писатели; поскольку несомненно, например, что доминиканцы были пламенными поборниками истинной веры; поскольку, далее, несомненно, что некоторые из величайших ученых людей были францисканцами, кажется глупым сомневаться, что те же занятия, те же стимулы к учебе были найдены в лондонских домах. Далее, из огромной массы ученых докторов, монахов и монахов, которые проповедовали, писали и спорили в Оксфорде, Кембридже и других местах, поскольку до наших дней дошли лишь одно или два имени, не стоит удивляться, если для какого-либо Дома не останется ни одного человека из всех тех, кто украшал Правило и прославлял его ученость на протяжении долгих веков существования. Мы должны помнить, что, хотя монахи и монахини подвергались жестоким нападкам за гордыню, роскошь и недержание, их враги редко осмеливались нападать на них за отсутствие интереса к учебе или рвения к ней. Если правда, что ученая и студенческая жизнь стала унылой или ей позволили угаснуть, во что я не могу поверить, то против них было бы выдвинуто еще одно обвинение.

Стэнли мягко сетует на то, что не может найти упоминаний о каком-либо великом ученом среди бенедиктинцев собора Святого Петра. То же самое можно с равной справедливостью сказать о домах Бермондси, Святой Троицы, цистерцианцах Истминстера и любом другом лондонском доме. Да что там, аналогичное сетование можно высказать по поводу многих колледжей Оксфорда и Кембриджа в нынешнем веке, где, при всех возможных стимулах к

обучению, так мало великих ученых, принадлежащих к какому-либо одному колледжу. Я представляю, что эти столы, эти закрытые кабинки в северной обители, о которых мы читаем, где монахи сидели и учились, никогда не пустовали, поколение за поколением; всегда должны были быть те, для кого тишина обители была особым даром Небес, позволявшим им учиться; и всегда должно было быть большинство, у которых не было дара к учености. Им поручалось практическое управление домом или какая-то другая работа, чтобы спасти их от безделья. По правде говоря, для таких людей атмосфера Дома была явно вредной для учебы, поскольку день был разбит службой, формами и правилами.

И наконец, что касается монастырского обучения, мы не должны забывать о массе бумаг и пергаментов, уничтоженных при роспуске домов и разгоне библиотек; мы не знаем и не можем представить себе, какие сокровища были уничтожены и разбросаны. Бейл говорит: "Уничтожать все без разбора - это и навсегда останется для Англии самым ужасным позором среди тяжких прегрешений других наций. Я знаю одного купца, который купил содержимое двух благородных либраниев за XL шиллингов прыти, позор, что и говорить. Он занимал эти вещи в замшелой бумаге больше, чем эти X лет".

Восемьсот лет монахи собора Святого Петра в Вестминстере трудились в своей обители. Что же они сделали? Где хроники, схоластические диспуты, трактаты, которые они составили? Они так и не были извлечены из библиотеки; они вообще не увидели света; они были сожжены, когда Дом погиб. Если говорить откровенно, то давайте признаем, что среди всех этих поколений монахов были и те, кто сделал хорошую работу.

Что касается литературы народа, то мы не лишены образцов его песен, хотя они датируются, по большей части, не ранее пятнадцатого века. Однако Лондон всегда был городом музыки, песен и танцев. Вероятно, сохранившиеся до нас песни имели более древние формы. Есть религиозные песни, как, например, песня на Благовещение, начинающаяся:

"Тирле, Тирле, так тихо шепперды начали дуть". Есть и нравоучительные песни, сетующие на пороки эпохи: - "Every man in hys degree".

"Каждый человек в своей степени

Cane say yf he avysed be

Ther was more trust in sum care

Чем сейчас у многих.

Твой мир теперь совсем изменился.

Так много людей нашлось на земле.

Что в трети ливен лишь немногие

Feythfull to tryst upon."

И песня о выпивке:.

"Выпейте с нами хорошего эля, выпейте с нами хорошего эля;

Ради нашей Пресвятой Дамы, налейте нам хорошего эля;

Не пейте коричневого пива, ибо оно из отрубей,

И не брынзуйте нас в торт-брынзу, потому что в ней нет корысти,

Но брынзуйте нас хорошим элем.

Не бери нас в бефе, ибо там много костей,

Но брынзуйте нас добрым элем, ибо он сходит на нет,

И выпейте с нами хорошего эля".

А вот песни, которые поют во время танцев:.

"Skip it, and trip it, nimbly, nimbly,

Tickle it, tickle it, lustily:

Заводите табур для женских утех.

Щекочи, щекочи, щекочи, щекочи.

Пусть нас увидят на Хайгейт Грин,

Чтобы танцевать для чести Холлоуэя:

Раз уж мы пришли сюда, давайте не жалеть кожи.

Чтобы танцевать за честь Холлоуэя".

А вот и старая народная песня - самая древняя, дошедшая до нас. Труба играет в воздухе, табор бьет в аккомпанемент, певцы идут по улице в гирляндах и с зелеными ветвями, приветствуя приход весны: - "Sumer is icumen in.

"Sumer is icumen in,

Lhude sing succu

Groweth sed and bloweth med,

И весна зарождает *дерево заново*.

Пойте succu.

Awe bleteth after lomb,

Llouth after calve cu,

Bulluc sterteth, bucke verteth,

Murie sing succu.

Succu, succu, wel singeth thu succu

Ne swik thu naver nu;

Пой кукку, кукку ну, пой кукку,

Пой кукку, пой кукку, ну".

(Harley MS. British Museum, 978.)

Есть и другая сторона связи Лондона с литературой. Именно в Лондоне зародилась современная английская поэзия. Джеффри Чосер родился в Лондоне, отпрыск длинного рода лондонцев; Гауэр много жил в Лондоне; Окклв был лондонцем; Лидгейт хорошо знал Лондон и много жил в Сити. Если бы нам было позволено выбрать поэтов, которые украсили бы средневековую жизнь Лондона, мы не смогли бы выбрать четырех, которыми Сити мог бы гордиться больше, чем этой прославленной компанией.

ЛИДГЕЙТ ЗА РАБОТОЙ

Из MS. в Британском музее. Harl. 2278.

Как росли и множились колледжи в Оксфорде и Кембридже для студентов, изучающих богословие и искусства, так росли они и в Лондоне, великом университете для юристов. Здесь были судебные и канцелярские инны, а также инн сержантов. Здесь жили студенты-юристы "на собственном содержании, питаюсь либо своими местами, либо своей практикой, либо иными доходами, либо выставкой родителей или друзей, ибо младшие были либо джентльменами, либо сыновьями джентльменов или других более состоятельных людей". Таких колледжей было шесть. Четыре из них были судебными палатами: Внутренний и Средний Темпл, Линкольнс-Инн и Грейс-Инн. Девять были канцелярскими домами: Клиффордс-Инн, Дейнс-Инн, Фернивалс-Инн, Барнардс-Инн, Стейпл-Инн, Клементс-Инн, Нью-Инн, Честерс-Инн и еще один, местоположение которого неизвестно. На Флит-стрит находился трактир сержантов, на Чансери-лейн - другой, а третий назывался "Трактир Скрупа" напротив церкви Святого Андрея в Холборне. Сержантские трактиры предназначались только для судей и сержантов. Разница между Домами суда и Домами канцелярии заключалась в том, что первые были предназначены только для студентов и выпускников юридических факультетов, а вторые принимали офицеров, адвокатов, солиситоров и клерков, которые следовали за судом королевской скамьи или Common Pleas. Некоторые молодые студенты, однако, сначала поступали в Канцелярскую палату, а затем, после выполнения упражнений этой палаты, переходили в Inn of Court, где учились в течение семи лет: посещали "чтения, собрания, болтинги и другие ученые упражнения", включая небольшие состязания в шуточном суде, а затем, но только с общего согласия бенчеров, которые всегда были чрезвычайно ревнивы к приему, были призваны в верхнюю коллегия адвокатов, с разрешением практиковать в судах и в своих палатах. По прошествии четырнадцати или пятнадцати лет, как минимум, барристер мог надеяться на избрание бенчером. Из бенчеров выбирали чтецов для каждой палаты; из бенчеров также избирали сержантов, а из сержантов - судей.

Это соблюдение относится к тому времени, когда церковники перестали быть судьями, а юридический механизм страны был сформирован и упорядочен. Происхождение сержантов связано с небольшим числом слуг - "сержантов" - короля, которые были сведущи в законах и находились на жаловании у короля, чтобы вести его дела. Некоторые из этих сержантов были итальянскими канонистами. Существовало большое количество церковных юристов. Постепенно развивался и мирской юрист. Он был адвокатом, то есть представлял интересы кого-либо, или же он был адвокатом, которому разрешалось говорить от имени клиента. Именно в правление Генриха III церковники перестали быть судьями. Можно предположить, что церковный адвокат, канонист, продолжал существовать и находил себе занятие по душе. (См. Приложение VIII.)

§ III. Врач

ДОКТОР ФИЗИКИ
Из рукописи Элсмира.

В рассматриваемые века медицина, как и все другие науки, развивалась медленно. В прежние времена единственными врачами были монахи: их способы лечения сводились в основном к молитвам, святой воде, мощам и паломничествам; кроме того, они знали, как использовать травы. Церковникам было запрещено использовать огонь или нож, то есть заниматься хирургией, но они лечили раны. Они вправляли сломанные конечности, а иногда пускали кровь. Повсеместно они создавали дома или больницы для прокаженных, а во всех крупных монастырских фондах были комнаты для купелирования и кровопускания. В медицинской школе Монте-Кассино на мощи святого Матфея полагались гораздо больше,

чем на учение профессоров. Сестричества или ассоциации матрон и пожилых женщин изучали и практиковали акушерство. Абельяр увещевал монахинь изучать и практиковать хирургию. Некоторые ордена занимались различными отраслями медицинской деятельности. Иоганнисты и братство Святой Марии занимались эпидемиями и чумой; братья Святого Лазаря лечили проказу, оспу и лихорадку; братья Святого Антония и Святого Духа изучали "огонь Святого Антония" - дизентерию; рыцари-тамплиеры изучали офтальмию; рыцари-госпитальеры содержали женские роты медсестер.

ОПЕРАЦИЯ

Из документа, хранящегося в Тринити-колледже в Кембридже.

ХИРУРГ, ОПЕРИРУЮЩИЙ НА ЧЕРЕПЕ

Из документального источника в Тринити-колледже, Кембридж.

Именно потому, что врач поначалу был церковником, хирургия была отделена от медицины. Когда врач стал профессиональным человеком, живущим своей профессией, он делал вид, что презирает хирургию, и вообще отказывался оперировать. Ланфранк, однако, настаивал

на том, что медицина и хирургия должны идти рука об руку. Когда Генрих V вторгся во Францию в 1415 году, он взял с собой тринадцать хирургов, а именно Томаса Морстеда и двенадцать ассистентов. Во время второй экспедиции он попросил лондонский Сити прислать ему добровольцев в качестве помощников. Таковых не нашлось, и Томас Морстеде получил право нанимать столько помощников, сколько ему потребуется. К этому времени кровопускание и хирургические операции были поручены цирюльникам, которым было запрещено рекламировать эту часть своей работы, выставляя в окно чашу, наполненную кровью. Для тех, кому лекарь был недоступен, существовали костоправы и знахари, последние из которых, если не первые, все еще с нами.

ЛАБОРАТОРИЯ АЛХИМИКА

Из MS. Add. in British Museum. 10,302.

Если врач девятого века верил в мощи и святую воду, то его преемник четырнадцатого века полагался в основном на астрологию. Он был ученым человеком; он прочитал всех авторов, перечисленных Чосером; он также прочитал все, что было необходимо для того, чтобы стать астрологом. Эта отрасль медицинской науки имела первостепенное значение. Врач" - см. "Примечания Скита к "Кентерберийским рассказам", ...- "должен внимать и советовать больному некую вещь, которая не изменяет и не обманывает, о которой учил астроном

Египта, что соединение Луны со стеррами приносит удачу и приводит страшную болезнь к хорошему концу, а с противоположными планетами - наоборот, к плохому концу". Поэтому врач лечил своего пациента, ориентируясь на удачные часы. Это была "естественная магия" в отличие от магии запретной. Кроме того, когда он оформлял восковые изображения для своего пациента, он делал их в удачный момент. Он также понимал, что считается четырьмя элементарными качествами: горячее, влажное, холодное, сухое, - смесь этих качеств определяет характер человека. Врач, как можно заметить, не держал и не продавал свои собственные лекарства; для этого он обращался к аптекарям, которые отличались от врачей главным образом своим невежеством в отношении астрологической части медицины, которую они знали, то есть о силе и пользе лекарств они импортировали, собирали и продавали, но не знали, в какой момент их следует принимать. Лекарь очень тщательно соблюдал диету, одевался так, чтобы показать, что он высокого мнения о своей значимости, и верил в *aurum potabile*, золото, которое можно применять в качестве лекарства.

В другом месте ("Рыцарская сказка") Чосер в общих чертах описывает медицинское лечение того времени: - "Al were they sore y-habile".

"Al were they sore y-hurt, and namely oon,

Что копьем был ранен в грудь.

И к другим ранам, и к сломанным рукам,

Одни прикладывали мази, другие - чары.

Фермации из трав, и их спасительный

They dronken."

Save (salvia) - это шалфей, который до сих пор употребляется деревенскими жителями в виде чая. Раньше он был очень почитаем. Отсюда пословица школы Салерно: "Cui moriatur homo dum salvia crescit in horto?". А в другом месте ("Повесть о Нонне Престесе") Чосер перечисляет некоторые травы, которые были в обиходе: -.

"A day or two ye shul have digestyves

Из червей, когда вы принимаете слабительное,

Из лауриола, centaвра и фуметера,

Или из эллебора, что там растет,

Из катапузы, или из бери и гейтрес,

Из эрбе ивы, растущей в наших владениях:

Pekke hem up right as they growe, and ete hem in".

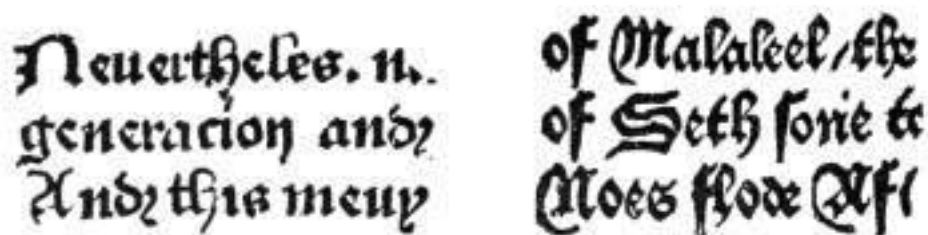
На этом отрывке Скит объясняет, что "gaytres beryes" были, вероятно, ягодами греческого терна, *Rhamnus catharticus*, который в шведском языке является деревом козьих ягод = (A.S.) treow и козлом = (A.S.) gate. *Камалус* - это каперсовый отросток. Скит также цитирует отрывок из "Анатомии меланхолии" Бертона о достоинствах этих трав. "Полынь, кентавр, пеннироял, также превозносятся и часто назначаются, особенно при ипохондрической меланхолии, а также потому, что селезенка и кровь часто страдают от меланхолии. Нельзя не упомянуть эндивий, соккор, одуванчик и фумиторий, которые очищают кровь".

Каждое растение имело свойство исцелять человека или вредить ему. Я добавил несколько к приведенному выше списку. Каждый травник или мудрая женщина знали их и их свойства.

Бетон рассеивает кошмары, лечит внезапное головокружение и предотвращает пьянство

Кресс	лечит	облысение и шероховатость
Лесной салат	лечит	тусклое зрение
Белый мак	"	Бессонница
Мазать сусло	"	лихорадка
Астерион	"	падучая болезнь
Эверферн}	"	головная боль и печень
Чурмель }		
Водяная лилия	"	дизентерия
Лук-порей	"	укус гадюки
Савин	"	опухшие ноги
Лесной док	"	тугие суставы
Пятилистник}	"	болезни и язвы
Маддер }		
Путевой хлеб	"	глисты

В сельском доме все дамы были травницами: в городах травница держала лавку для продажи своих корней, цветов и листьев и была главным врачом для ремесленников и их домочадцев.

"Recuyell of the Hist. of Troye", "Dictes and Sayings", c.
с. 1471р. 1477
ПЕЧАТЬ КЭКСТОНА

ГЛАВА XII

ПОЖАР, ЧУМА И ГОЛОД

"Лондон того времени был построен из дерева, поэтому постоянно существовала опасность пожара". Это общее место среди историков. Давайте разберемся в этом утверждении. В период с девятого по семнадцатый век в Лондоне было два больших пожара, *т.е.* за 800 лет - два пожара, охвативших город почти из конца в конец, а именно 1135 и 1666 годы: между этими двумя пожарами было еще несколько значительных по масштабам, один из которых сжег большую часть Саутварка, тогда еще не более, чем дамбу и набережную, другой - дома

на мосту, третий - большой промежуток между улицами; но только эти два пожара пожрали значительную часть Сити. И все же, как нам говорят, опасность существовала постоянно.

КУВР-ФЕУ

Но разве Лондон был построен из дерева? Когда мы говорим о деревянном доме, то представляем себе каркасный дом с прибитыми поперек тонкими досками, как в канадской глубинке. Но наши предки так не поступали. Они возводили каркас из массивных дубовых балок, квадратных и прочных; между балками они заполняли промежутки штукатуркой, толстой и негорючей; в доме простого горожанина был только один огонь, и тот на толстом камне очага; горячий пепел каждый вечер сметался и помещался в *кувр-феу*. Комендантский час или *кувр-феу* - инструмент, использовавшийся в те времена, когда огонь разводили на плоском очаге. Он представлял собой колоколообразный сосуд с отрезанной частью. Когда нужно было погасить огонь или сохранить огонь в углях до следующего дня, золу и дрова сгребали в кучу у задней стенки очага и ставили над ними комендатуру; вырезанная часть позволяла прислонить сосуд к стене, чтобы воздух не попадал в огонь. Образец, с которого Гроуз сделал эту гравюру, хранился в Антикварном репозитории; его высота составляла десять дюймов, ширина - шестнадцать дюймов, а глубина - девять дюймов. Он был склепан из меди, так как припой расплавился бы от жары. Такой дом, как описанный выше, был почти так же безопасен, как и дом, построенный из кирпича, если только в нем не было какого-то другого слабого места. Часто повторяемый указ, предписывающий строить каждый дом из камня определенной высоты, конечно же, никогда не исполнялся; как и остальные средневековые постановления, он не мог быть исполнен из-за отсутствия полиции. Слабым местом дома часто была крыша: иногда для ее поддержки использовалось дерево более легкого и дешевого сорта, а иногда - вопреки законам - даже солома, хотя обычно черепица. Более того, есть подозрение, что в бедных кварталах, расположенных к югу от Темз-стрит, где в узких переулках до сих пор живут рабочие, каркас был не из дуба, а из более горючей породы дерева. Опасность исходила не столько от самих домов, сколько от складов с маслом, талоном и подобными горючими товарами, а также от печей и кузниц, расположенных среди домов. Какой бы ни была опасность, факт остается фактом: за тысячу лет в городе произошло всего два больших пожара и лишь несколько других, которые можно назвать значительными. И главная причина, по которой деревянный город не горел сотни раз, заключалась в том, что каркас из дуба не так-то легко загорается. Кроме того, все классы глубоко осознавали опасность: в каждом доме, большом или малом, перед сном хозяин

тщательно сгребал угли и накрывал их горшком, чтобы они не разлетелись и сохранили огонь до утра.

Если же по неосторожности, пьянству или другим причинам случался пожар, то знали, как остановить распространение пламени, стягивая соседние дома крюками и грейферными кольями. Время от времени принимались законы - с любопытной средневековой верой в действенность законов без полиции для их исполнения, - предписывающие различные профилактические меры, и в особенности одну, а именно, что перегородки должны быть каменными до определенной высоты. Но несомненно, что в бедных районах этот закон не мог быть исполнен; кроме того, выше этой высоты разрешалось строить из дерева; и, кроме того, соломенная крыша, хотя ей постоянно угрожали и приказывали убрать, все еще оставалась в малоизвестных местах.

Но именно чумы разных видов Лондон боялся больше, чем пожаров. Вряд ли найдется поколение, которое не было бы свидетелем или не помнило бы о том, что его посетила чума. И почти всегда она была одного типа. Вспышка чумы в шестом веке, охватившая всю Римскую империю и пощадившая Англию, возможно, произошла потому, что в то время между островом и континентом почти не было сообщения.

Лондонская чума следовала одна за другой через нерегулярные промежутки времени. Иногда, как в тринадцатом веке, в городе долгое время не было необычной смертности. В другое время, как в пятнадцатом веке, в городе постоянно свирепствовала чума или мор. Ниже приведены даты чумы, зарегистрированной в Лондоне, не считая сомнительного 430 года: - Чума была в 1600 952, 1094, 1111, 1349, 1361, 1367, 1369, 1407, 1478, 1485, 1499, 1506, 1517-1521 (в эти годы чума никогда полностью не исчезала), 1528, 1543, 1551, 1603, 1625 и 1665 годах. Иными словами, за семьсот лет было около двадцати вспышек моровой язвы, в среднем по одной на каждые тридцать пять лет, хотя, как уже говорилось выше и как видно из списка, были и длительные периоды - один из них длился 238 лет - когда чумы не было вообще.

Великий мор четырнадцатого века, самый страшный, самый смертоносный, самый неизлечимый, называемый "Черной смертью", "Великой смертностью", опустошивший три континента, пришел к нам с Востока. Предполагается, что болезнь была каким-то образом вызвана странными колебаниями земли в Китае, где случались засухи, голод, грозы, ливни, землетрясения и наводнения. В Китае была какая-то чума, унесшая, как говорят, миллионы людей. Сообщалось, что густой, зловонный туман шел с Востока и покрыл одну часть Европы, а именно Италию (Hecker's Epidemics of the Middle Ages). Было много землетрясений. Одно из них произошло в январе 1348 года в Греции и Италии, во время которого были разрушены замки, церкви, дома и поглощены деревни; такое же землетрясение ощущалось и в других странах: в Каринтии было разрушено тридцать деревень. Эти землетрясения продолжались до 1360 года, ощущаясь по всей западной и северной Европе. В небе наблюдались огненные шары, наводившие ужас на людей. Проливные дожди, неурожай, голод. Все это предшествовало чуме.

Она вспыхнула в Константинополе, куда была завезена по торговым путям из Китая, Индии и Персии, в 1347 году. В том же году она появилась на Кипре, Сицилии, в Марселе и некоторых морских портах Италии. Последовательно были посещены Сардиния, Корсика, Майорка. В январе 1348 года он появился в Авиньоне и на юге Франции. Во Флоренции он появился в апреле того же года. В Англии он впервые появился в городе Дорчестер, откуда распространился, но не быстро, пока осенью не достиг Лондона. Невозможно переоценить смертность, вызванную этой страшной чумой, самой ужасной из всех, когда-либо

поражавших человеческий род. Цифры, приведенные Геккером, в большинстве случаев можно не принимать во внимание. Например, в одной строке он говорит нам, что Индия была обезлюдена, а в другой - что на всем Востоке погибло двадцать три миллиона человек. Для того чтобы обезлюдеть Индию, потребовалось бы во много раз больше двадцати трех миллионов. Италия, как говорят, потеряла половину своего населения; в городе Падуа умерло две трети жителей. Во Франции есть места, где из целой деревни в живых осталось всего два-три человека. И так далее, можно было бы продолжать страницы, чтобы показать массовую резню, вызванную этим бедствием. В Англии он продолжался до августа 1349 года, то есть десять месяцев. Был обильный урожай, но не было рабочих, чтобы собрать зерно; было много скота, но чума захватила, и он бродил без пастухов, пока не умер. Что касается Лондона, то болезнь оказалась не под силу врачам. Лишь немногие из тех, кто подвергся нападению, выздоровели; симптомы были хорошо известными, присущими этому вирулентному заболеванию; мы располагаем лишь скудными сведениями о Лондоне в это ужасное время; позже, на примере истории другой чумы, мы сможем увидеть, как такое событие повлияло на жизнь города; Мы отметим расстройство механизмов, остановку работы и торговли, нищету бедняков, безумие некоторых, раскаяние и сожаление некоторых, отчаяние некоторых, бездушный фатализм некоторых, безрассудное распутство некоторых". (См. Лондон времен Стюартов.) Бежать в деревню было бесполезно: бедные деревенские жители лежали мертвыми в каждой деревне и почти на каждом поле; с таким же успехом можно было сидеть в доме с видом на городские переулки, смотреть, как уносят мертвых, и ждать своего часа. Городские церковные дворы стали слишком переполнены, чтобы там можно было больше хоронить. Тогда были открыты другие кладбища за стенами. Епископ Лондона купил участок земли, называемый Ничейной землей, к северо-востоку от Смитфилда, обнес его кирпичной стеной и отдал Сити под кладбище. Он назывался Пардон Черчиард и находился за северной стеной Чартерхауса. После того как чума прекратилась, Пардон Черчиард стал местом захоронения самоубийц и казненных преступников. Их тела перевозили в повозке, принадлежащей госпиталю или Дому Святого Иоанна; она была покрыта черной тканью с белым крестом впереди и снабжена колоколом, который звенел при тряске. Чума все еще продолжалась, и сэр Уолтер Мэнни купил еще один участок земли, прилегающий к церковному двору Пардона, площадью тринадцать акров. Он огородил его и передал городу в качестве дополнительного места для захоронения. Далее он возвел на нем часовню. Эта часовня стояла где-то в центре Чартерхаус-сквер. На месте захоронения и еще на десяти акрах земли сэр Уолтер Мэнни впоследствии построил Дом Картузианцев. Пятьдесят тысяч человек, умерших от чумы, были похоронены в этой земле. Этот факт был записан на каменном столбе, стоявшем в этом месте (см. также том ii. ч. iii. гл. iv.): - "Anno Domini 1349

"Anno Domini 1349, regnante magnâ pestilentiâ consecratum fuit hoc coemiterium in quo et infra septa presentis monasterii sepulta fuerunt mortuorum corpora plus quam quinquaginta millia præter alia multa abhinc usque ad presens: quorum animabus propitietur Deus. Аминь".

Это были не единственные кладбища, освященные для приема жертв. На северо-востоке от Тауэра находился участок земли, возможно, возделанный, возможно, пустующий, который купил священник по имени Кори и передал его в собственность города, назвав церковным двором Святой Троицы. Один из жителей, Роберт Элсинг, дал пять фунтов на его ограждение и строительство на нем часовни; другие горожане также оказали помощь, и когда чума закончилась, король Эдуард III, помня о недавнем спасении во время бури благодаря чудесному вмешательству самой Девы Марии, построил здесь монастырь и назвал дом Свободная часовня короля Эдуарда Пресвятой Девы Благодати in memoriam Gratiarum.

Место давно застроено. Но я полагаю, что с Домом должна была быть связана память о той чуме. Ведь хотя чума и прошла, она пришла снова в 1361 году, в 1367, в 1369 и в 1407 годах.

Эти иллюстрации могут свидетельствовать о том, какое впечатление произвело на людей это ужасное посещение, ведь такие опасности, такие утраты склоняют лучшие умы к размышлениям и раздумьям. Не исключено, что распространение взглядов Уиклифа среди жителей Лондона отчасти объясняется потрясением, вызванным этой чередой чумы, - потрясением, которое заставило тех, кто был способен думать, задаться вопросом, действительно ли внешние формы - это все, что составляет религию.

Непосредственный эффект от Черной смерти на континенте проявился во многих формах. Многие тысячи людей в ужасе раскаивались в своих грехах; многие тысячи умирали от ужаса; богачи и знатные дамы отдавали свое золото в монастыри; когда ворота закрывались, чтобы не допустить проникновения инфекции, они бросали свои подношения через стены. Под влиянием этого ужаса совершалось множество странных поступков; самым странным из всех было Братство Флагеллантов, возникшее непосредственно на почве ужаса, вызванного Черной смертью. Оно зародилось в Венгрии и распространилось по всей Европе, кроме Англии, где, как мы сразу увидим, появилось лишь однажды. Флагелланты шествовали по городам с певцами во главе; они были одеты в мрачные одежды; на глазах у них было что-то вроде маски или капюшона; головы были склонены; на спине, груди и капюшоне были красные кресты; в руках каждый мужчина нес тройной бич, завязанный узлами с остриями из железа. Во время марша они пели гимн, а по сигналу раздевались до пояса и бичевали друг друга. Это была удивительная мания, продолжавшаяся почти четверть века. Флагелланты разжигали пламя самых фанатичных предрассудков; они вызвали гонения на евреев, равные которым были только те, что обрушились на Европу во время Первого крестового похода, направляясь на резню на равнинах Малой Азии. Кажется удивительным, что кому-то из евреев удалось спастись, ведь их убивали, сжигали и изгоняли. Только в одном Майенсе было предано смерти 12 000 человек. Куда бы ни приходили флагелланты, везде следовали гонения на евреев. И - что всегда наблюдалось в преследованиях этой расы - чем фанатичнее были их враги, тем решительнее становились евреи. В Эслингене вся еврейская община сожгла себя в своей синагоге: этот акт можно сравнить только с трагедией Масады и трагедией Йорка. В Англии в это время не было ни одного еврея. Поэтому флагелланты, когда они прибыли сюда, а это произошло только в 1368 году, не смогли причинить большого вреда. Это были голландцы, компания из ста двадцати человек. Они прибыли сюда без приглашения с похвальным намерением заставить Лондон раскаяться. Они пытались добиться этого, маршируя так, как я описал выше: каждый мужчина с ожесточением бичевал того, кто стоял рядом с ним - должно быть, они маршировали в одном строю. Однако, похоже, Лондон ничуть не тронул вид крови, стекающей со спин и плеч Братства. Вероятно, замкнутая ненависть к иностранцам заставила горожан обидеться на такое неоправданное вмешательство в их нечестие. Так флагелланты снова отправились домой. Но гимн, который они исполняли, сохранился. Его можно найти в книге Геккера, и весь он, как и гимн Армии спасения, основан на страхе перед адским огнем: - "Ye that repent your sins".

"Вы, кающиеся в своих грехах, приблизьтесь,

Из горящего ада мы бежим,

От злой компании сатаны,

Куда он ведет

Он питается смолой.

Если мы будем мудры, то убежим.

Мария! Царица! Мы уповаем на тебя

Чтоб Сын твой к сочувствию подвигнул.

Радостную весть несу я тебе, грешный смертный,

На небесах Святой Петр хранит портал,

Обратись к нему с умоляющим видом,

Он приведет тебя к Царице твоей.

Блаженный Михаил, благословенный святой,

Хранитель душ, прими наши мольбы,

Через смерть Всемогущего Создателя

Сохрани нас от ада под землей".

Растущая частота этих ужасных визитов чумы в пятнадцатом и шестнадцатом веках свидетельствует о неблагополучии города. То, что каждый день в реку выбрасывалось огромное количество отходов, а по открытым водосточным трубам ежедневно катились потоки крови из трущоб, мало что значило: Лондон был еще слишком мал, даже с сотней тысяч жителей, чтобы нанести большой вред своей благородной реке. Лебеди по-прежнему с удовольствием плавали по Лондонскому мосту; лосось подплывал к реке, чтобы поймать его на середине течения; и даже городская канава, в которую попадало много мусора, по-прежнему была полна хорошей рыбы. Были и мусорщики - не только дождь, мороз, солнце, ветер и коршуны, но и люди, назначенные делать для домовладельцев то, что они делают сейчас: убирать мусор. Такие люди были назначены в каждый приход. Их клятва, приведенная Стоу, судя по языку, относится к шестнадцатому веку, но может быть и более древней:

"Вы должны поклясться, что будете добросовестно и усердно следить за тем, чтобы тротуары в каждом приходе были добросовестно и правильно отремонтированы и не подвергались преследованиям со стороны соседей, и чтобы дороги, улицы и переулки были чистыми от мусора и других нечистот, ради честности города. И чтобы все дымоходы, редуты и печи были сделаны из камня, для защиты от огня; и если вы знаете о таких, вы должны показать их олдермену, чтобы он мог сделать должное возмещение за это. И в этом вы не должны уклоняться. Да поможет вам Бог и эта книга".

Не то, что выбрасывается в большую приливную реку из города, разлагает город, и не то, что бросается на лавку, где лежит несколько дней, пока его не заберут; это то, что погружается в землю и медленно распространяется по округе, разлагая все источники и колодцы, вызывая выхлопы во время жары и влажности. Самой большой проблемой городов всегда была утилизация отходов, твердых и жидких. Почти две тысячи лет нижняя часть Города, самая густонаселенная, была усеяна уборными и выгребными ямами; вся почва Города была пропитана, пронизана и испорчена вредителями; земля выпускала отравленное дыхание; когда приходила чума, этот яд подстегивал ее, помогал ей, распространял и укреплял ее. Чумы не было уже более двухсот лет. Возможно, причина в том, что лондонский пожар 1666 года не только испепелил и прокалил землю своим жаром на много футов в глубину, сжигая

мертвые тела, лежавшие на три-четыре фута ниже поверхности, гробы, кости и смертельно ядовитую землю церковных дворов, но и забил городские колодцы, которые больше никогда не открывались, и сжег всю почву, истлевшую от нечистот за две тысячи лет.

Огонь испепелил землю, очистил ее и уничтожил ее выделения на много футов под поверхностью; когда люди вернулись обратно, они обнаружили, хотя и не знали этого, что земля чище, чем была две тысячи лет; она была такой же чистой, как когда одинокий лось стоял на краю утеса и смотрел на широкую лагуну реки во время прилива. Люди сразу же начали восстанавливать, насколько могли, прежнее положение вещей: выгребные ямы вернулись и оставались в течение ста пятидесяти лет, но не колодцы; за двести прошедших лет не удалось полностью восстановить пагубное состояние, вызванное двумя тысячами лет нечистот.

Существовал еще один ужасный способ отравления земли, а значит, и воздуха, а именно практика захоронения в крошечных церковных двориках, переполненных ужасными мертвецами, еще не восстановленными в прах и пепел, из которого они появились. Пожар, как я уже говорил, вернул церковным дворам первозданную чистоту почвы. Люди и в этом отношении, поскольку они ничему не научились, сделали все возможное, чтобы восстановить прежние условия. По мере роста населения им это почти удалось; откровения доктора Уокера в 1843 году заставили весь мир содрогнуться от ужаса перед ежедневно совершаемыми бесчинствами. Мы тоже изменили ситуацию; переполненный, зловонный церковный двор теперь представляет собой крошечное зеленое пятнышко с деревом, скамейкой и цветочным бордюром. Только можно отметить, что, очистив и заполнив выгребные ямы, прекратив захоронение мертвецов в нашей среде и перестав пить колодезную воду, мы организовали внедрение в почву нового и, возможно, столь же смертельного яда: земля теперь черная и воняет газом. Возможно, с научной точки зрения будет интересно узнать, сколько времени пройдет, прежде чем атмосфера, насыщенная газом, которой дышат миллионы людей, поспособствует появлению или развитию другой болезни. И сжечь весь Лондон еще раз в двадцатом веке будет гораздо более дорогостоящим делом, чем в семнадцатом, чтобы снова очистить почву.

Следующей большой опасностью, постоянно нависавшей над Сити, был голод. Неустойчивый характер нашего климата, затяжные дожди, несвоевременные заморозки, лето без тепла и солнца, засуха и мороз, разрушительные последствия войны, особенно гражданской, опустошения, вызванные чумой и мором, трудности с ввозом зерна из-за границы - все эти причины сговорились, чтобы сделать голод постоянно присутствующей опасностью. В третьем и четвертом веках случались ужасные голода, а во времена великой скудости случались моры. В 1086 году был голод, в 1150 году в Лондоне был сильный голод, в 1195 году - еще один, в 1257 году - еще один. Самый страшный голод, когда-либо пережитый Лондоном, пришелся на 1315-16 годы (см. [с. 51](#)). Он наступил после череды влажных сезонов и неурожаев, и ничто в истории голода не может сравниться с ужасами тех двух лет: люди лежали на открытых улицах и на дорогах, умирая от голода, они и их дети; мужчины повсюду дрались за еду; рассказывали, как матери пожирали своих отпрысков; заключенные в тюрьмах убивали и пожирали друг друга. Другой страшный голод случился в 1338 году; Лондон, однако, почти не почувствовал его, потому что мэр импортировал зерно из Пруссии: за пределами Лондона люди делали хлеб из ягод плюща и корней папоротника.

ГЛАВА XIII

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ, КОТОРОМУ ВЫНЕСЛИ ПРИГОВОР И ВЕДУТ НА КАЗНЬ
Из рукописи в Британском музее. Harl. 4375.

Если в саксонском Лондоне нам приходится считаться с удивительной жестокостью наказаний и суровостью предписанных (хотя и уклончивых) епитимьей, то в нынешнюю эпоху нас может удивить сравнительная мягкость средневековых наказаний. Преступников вешали, правда, чаще, чем в наши дни. Иногда их также приговаривали к отрубанию правой руки, но при этом обычно присутствовал олдермен, готовый помиловать преступников по их просьбе; в основном мы читаем о наказаниях в виде столбов и колодок; при втором или третьем преступлении - в виде столбов с изгнанием из города. Колодки также были излюбленной формой наказания, являясь разновидностью столба; по большей части это были подвижные колодки - просто две балки, положенные рядом друг с другом, с отверстиями для ног; иногда ставился приставной стул; иногда негодяя сажали в тюрьму - шумное, вонючее место, полное лихорадки; в крайних случаях его сажали на епитимью, то

есть хлеб и воду, пока он не умирал. Примеров сожжения было немного вплоть до правления Генриха V. Маргарет Журден, ведьма, помогавшая Элеоноре Кобэм, была сожжена. Убийство, кража со взломом и грабеж на большой дороге наказывались повешением. Беглых рабочих клеймили; святотатство или изнасилование наказывалось повешением; кража детей - распространенное преступление, - брань и другие женские проступки карались колодками. Наказание женщин утоплением практиковалось в очень ранние времена древними германцами и англосаксами. Оно продолжалось вплоть до середины XV века, когда было окончательно, но не формально, отменено. Но на континенте женщин стали топить в восемнадцатом веке. У англосаксов женщин, осужденных за кражу, сбрасывали со скалы в море или погружали в любой водоем, привязав к шее камни. Лондонскими местами казни были Темза и бассейны Сент-Джайлс, Смитфилд, Сент-Томас Уотеринг и Тайберн. Иногда преступника зашивали в мешок со змеей, собакой, обезьяной - но где они взяли эту обезьяну? и петухом. В десятом веке женщину сбросили с Лондонского моста в Темзу. В 1200 году женщина из Саутфлита была утоплена за кражу ткани, а в 1244 году Энн из Лодбери была утоплена в бассейне Сент-Джайлс.

В правление Генриха III наказание в виде утопления стали заменять на повешение. Одна женщина, Ивелла де Балшам, в это время была помилована, потому что, хотя ее повесили в понедельник в девятом часу, она была найдена живой во вторник на восходе солнца. Когда в Париже впервые повесили женщину, это сочли большим новшеством, и когда это началось в царствование Карла VII, огромное количество людей, особенно женщин, стекалось посмотреть на это. "На длинную мантию накинули длинный шнур на две косточки, соединенные вместе на груди".

В Бургундии прелюбодейку задушили в грязи. В Гастингсе и Уинчелси не было другой формы смертной казни. Иногда, но редко, практиковалось погребение заживо. Однажды отряд английских солдат при осаде Мо Генрихом V был перебит, и все они погибли, кроме одного человека, который спасся бегством. Король приказал похоронить его заживо вместе с его мертвыми товарищами. В Сэндвиче есть место, называемое "Воровской ложиной", где раньше заживо хоронили преступников.

Измена всегда, во всех странах, наказывалась смертью; ни одно преступление не вызывало в умах людей такого ужаса и негодования. Английский способ хорошо известен. Преступника сначала вешали за шею, но не до тех пор, пока он не умирал; во многих случаях ему позволяли раскачиваться взад-вперед всего один или два раза, а затем, пока он не терял сознание, его снимали, чтобы подвергнуть более страшной части наказания. Его раздевали догола, и на его теле намечали линии, которые служили ориентиром для ножа палача. Первый удар ножа лишал его мужественности; следующий рассекал тело; кишки вынимались и сжигались на глазах - если у бедняги оставались глаза, чтобы видеть; сердце вырывалось; затем его расчленили и отрывали голову; голову, конечности и туловище раскладывали в разных местах. В одном случае помилование пришло как раз вовремя, когда мужчины уже были повешены, разрублены, раздеты догола, уколоты ножом палача и лежали в ряд в ожидании последних мучений. Палач отказался вернуть им одежду, и они отправились домой в таком виде.

Долговой тюрьмой для горожан и вольноотпущенников в Сити был Ладгейт. Туда отправляли должников, приговоренных к тюремному заключению мэром, олдерменами, шерифами или камергером. Судя по всему, они должны были оставаться в тюрьме до тех пор, пока не выплатят свои долги. Ладгейт был отведен из милосердия для бедных свободных горожан; считалось, что им будет лучше в одиночестве, чем с "чужаками" в Ньюгейте. Однако однажды должники стали плохо использовать эту милость, сговорившись между собой и

придумав обвинения против невинных людей - например, они обвинили олдерменов в измене и других вещах. Вместо того чтобы принять меры по предотвращению подобных действий путем наказания злоумышленников, королю Генриху V было рекомендовано полностью упразднить тюрьму и перевести заключенных в Ньюгейт. Там их погибло так много, что в том же году всех оставшихся в живых вернули в прежние места. Тот факт, что они были пожизненными заключенными, отражен в указе об упразднении тюрьмы. В нем говорится, что заключенные должны жить в тишине, молиться за своих благодетелей, жить на милостыню людей и, в меру своих заслуг, благодетельно терпеть такое заточение всю свою жизнь, если Бог не предоставит им другого средства.

О наказаниях Холинshed дает, как мы можем предположить, исчерпывающий отчет. Пыток не было; страну не ломали ни колесом, ни прутот. За государственную измену преступника, если он был простолюдином, вешали, волокли и четвертовали, как мы уже видели; если дворянином - обезглавливали; за тяжкие преступления, непредумышленное убийство, пиратство, убийство и изнасилование полагалось повешение. В страшных случаях тело подвешивали в цепях. Очень большое количество преступлений подпадало под понятие "фелония", за которое полагалась смертная казнь. Так, преступлением считался провоз лошадей или кобыл в Шотландию; преступлением была кража ястребиных яиц; преступлением было колдовство, чародейство или выкапывание крестов. За отравление - преступление, вызывающее глубочайшее отвращение, - женщина должна была быть сожжена заживо; мужчина должен был быть сварен заживо - либо в воде, либо в масле, либо в свинце. Зафиксирован один случай варки заживо в воде, но я не знаю ни одного случая варки в свинце. Варка в масле проводилась путем привязывания несчастного преступника к столбу и медленного опускания его ногами вперед в ужасный котел. Лжесвидетельство наказывалось столбом и клеймом на лбу с буквой П. Тем, кто произносил подстрекательские слова, отрезали уши; похитителям овец отрубали руки; еретиков сжигали заживо; буйных женщин сажали на столб или в колодки, и они стояли на улицах; их также катали на телегах и уворачивали. Рыцарь-маршал имел право протащить преступника, мужчину или женщину, за своей лодкой по реке между Ламбетом и Вестминстером. Негодяев и бродяг били кнутом, ругателей - утками, пиратов и разбойников вешали на берегу при низкой воде и держали там до тех пор, пока над ними не пройдут три прилива. Холинshed упоминает также очень странный обычай - интересно, практиковался ли он когда-нибудь на самом деле. Если кто-либо из живущих у речной или морской стены становился причиной разрушения стены, его задерживали, осуждали и сажали на кол в проломе, чтобы он стал частью фундамента новой стены, которая должна быть возведена на этом месте. Харрисон подтверждает это заявление.

Вот некоторые из преступлений, за которые предписывалось наказывать столбами. Фальсификация вина, выдача себя за одного из королевских поставщиков, короткая мера, выдача себя за вызывателя архиепископа, продажа гнилой рыбы, подделка писем и печатей, выдача себя за сборщика Вифлеемского госпиталя, кража базеларда¹², кража бараньей ноги, подделка документов на право собственности, клевета на шерифа, продажа плохих голубей, оскорбление регистратора, повышение цены на пшеницу, распространение ложных сведений, подкладывание железа в буханку для придания ей тяжести, выдвигание ложных обвинений, приобретение, использование фальшивых игральные кости, продажа поддельных товаров или плохих товаров любого рода, короткий вес, магия, гадание.

В лондонском Сити, за исключением тех случаев, когда мэр заседал в судебной палате Ньюгейтской тюрьмы, он не должен был заниматься преступлениями, связанными со смертной казнью. Превысив свои полномочия, некий мэр приказал обезглавить двух

бунтовщиков, которые оскорбили и напали на него. Короля не было в Англии, и мэр доложил ему об этом деле, чтобы он одобрил его, что было очень сердечно сделано.

Преступления, наказанные городскими властями, касались в основном мелкого мошенничества, перечисленного выше.

Олдерсгейт был сдан в качестве резиденции общему сержанту; Крипплгейт, напротив, был сдан Джону Уотлингу, сержанту и общему глашатаю, с условием содержать там всех заключенных, которых могли прислать мэр и олдермены.

Дело Томаса де Альбертиса любопытно и неудовлетворительно. Он был известным и, по-видимому, состоятельным человеком, проживавшим в приходе Святого Свитина. Обвинение против него было следующим: В 1415 году Томас послал некоего Майкла Петина, иностранца и маклера, в лавку Уильяма Бэри, мерсера в Сопер-лейн (ныне Квин-стрит), под предлогом, что французскому королю, находившемуся тогда в плену, нужна некая ткань из золота. Уильям Бьюри показал золотую ткань, из которой Майкл согласился купить четыре куска по 150 фунтов стерлингов, "и, - сказал он, - если вы отправите товар Томасу де Альбертису, он заплатит за него при доставке". Уильям Бьюри отправил товар с помощью слуги, которого сопровождал Майкл. Когда они прибыли в дом Томаса де Альбертиса, их принял дворецкий, который сказал, что его хозяина нет дома - это было частью заговора, - поэтому слуга оставил золотую ткань, а Майкл, как и было условлено, отправился в убежище в доме минориток за Олдгейтом, а Томас вернулся и завладел тканью, не заплатив за нее. Томаса судили присяжные, состоявшие наполовину из англичан, наполовину из иностранцев - что свидетельствует о том, что он был иностранцем, - и признали виновным. Они приговорили его к трем представлениям в столбе. Но по ходатайству некоторых уважаемых купцов наказание было заменено штрафом в 20 фунтов стерлингов.

Эта история, на первый взгляд, совершенно не соответствует истине. Во-первых, что должен был извлечь из нее Михаил Петин? А во-вторых, как мог человек с таким положением ввязаться в заговор, который наверняка будет раскрыт? Но эта история показывает, что в Лондоне пятнадцатого века были изобретательные мошенники.

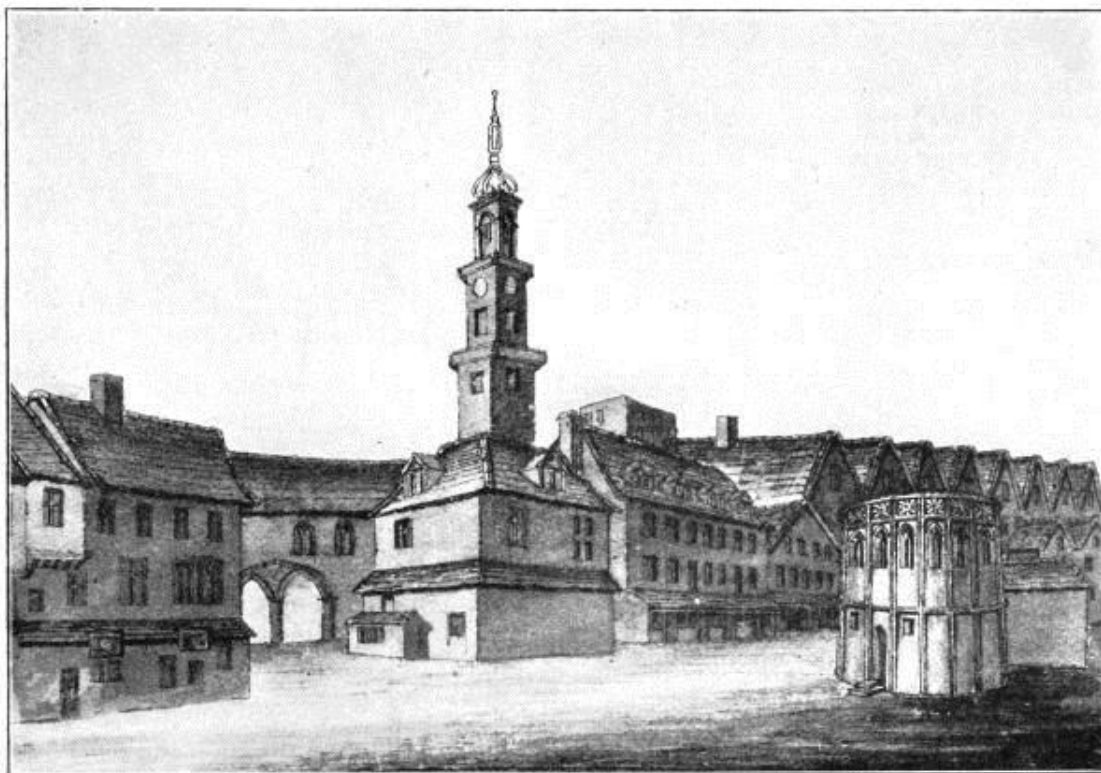
Минутные законы, которые регулировали все, свидетельствуют об отсутствии полиции для исполнения этих законов; город, в котором есть полиция, никогда бы не решился принять правила, которые самая эффективная полиция никогда не смогла бы исполнить. Так, если взять некоторые из правил почти наугад, то станет ясно, что для их исполнения не могло быть никакого метода. Сержантам и другим офицерам не разрешалось принимать подарки на Рождество. Точно так же в первые дни существования железной дороги охранникам и носильщикам запрещалось брать чаевые; но посмотрите, что из этого правила получилось. На Рождество было запрещено ходить по улицам, матерясь, переодеваясь или разыгрывая спектакли; люди должны были веселиться дома. Но веселиться дома было нельзя: нужно было собрать компанию. Кроме того, какое же Рождество без мамзелей? Кроме того, на Рождество в каждом доме должен был висеть фонарь - и кто должен был ходить по улицам, чтобы следить за соблюдением этого правила? Затем, как мы уже видели, цены на вещи регулировались снова и снова без малейшего учета обычных правил спроса и предложения. Кроме того, со слепой уверенностью в силе закона было предписано, чтобы ни один мужчина или женщина порочной жизни не жили в городе; женщин распутной жизни можно было узнать по их капюшонам, которые должны были быть из лучистой или полосатой ткани - это было так совершенно точно, что каждая женщина, потерявшая свою добродетель, поспешила бы публично объявить об этом. Таверны должны были закрываться в комендантский час; никто не должен был ходить по улицам после наступления темноты;

никто не должен был носить оружие ночью; мальчишки не должны были просить денег на хокку, футбол или метание петухов. Все эти законы - не более чем выражение мнения. Их повторяли снова и снова; нарушители, без сомнения, на время - неделю или две - уходили в себя. Затем они выходили снова. Ибо даже эффективная полиция не может сделать город добродетельным, честным и трезвым. Ничто не сделает этого, кроме общественного мнения - мнения всего народа; а лондонский Сити был так же далек от этого общественного мнения раньше, как и сейчас.

Время от времени закон давал о себе знать с неожиданной силой. Так, когда Джон Геденей, драпировщик, отказался стать олдерменом, они закрыли его лавку и конфисковали имущество, пока он не передумал. А еще был случай со священником, который купил жену одного человека. Мэр не мог наказать его, потому что только епископ имел право наказывать священника, но он мог, что и сделал, распорядиться, чтобы никто в городе не нанимал его ни на какую духовную должность. Что же касается соблюдения цен в соответствии с предписаниями, то был, по крайней мере, один случай, когда женщин отправили в тюрьму за отказ продать товар по установленной цене. Рука закона оказалась достаточно длинной, чтобы поймать Уильяма Блейкни, челночника, после шести долгих лет, в течение которых он приятно и выгодно проводил время в качестве пилигрима. Он был одет как подобает: босые ноги, длинные волосы и посох пилигрима. По его собственному рассказу, он побывал в Иерусалиме, Риме, Венеции и Севилье, и добрые люди не уставали слушать о его приключениях и переживаниях; кроме того, они не уставали давать ему еду и питье. Но в конце концов его нашли, провезли по улицам в повозке с точильным камнем на шее, чтобы показать, что он лжец, а затем посадили на столб. Более серьезное преступление совершил Уильям Пайкмайл. Он выдавал себя за посланника короля. В таком виде он призвал графиню Бедфордскую и графиню Норфолк, передав повеление короля, чтобы эти дамы присоединились ко двору в замке Лидс в Кенте. В обмен на это милостивое королевское повеление Уильям получил богатое вознаграждение. Этого человека вычислили, судили и приговорили сначала к столбу, потом к тюрьме на время королевского благоволения, а затем к изгнанию из города.

В связи с поездками "по Лондону" в повозках и верхом на лошадях, с лицом к хвосту животного, с музыкой для привлечения внимания, со столбами для большей публичности, с преступлением, написанным на плакате, повешенном на шею преступника, иногда с самим предметом преступления, привязанным к его шее, как в случае с цепью из гнилых плавок, составлявшей ожерелье для продавца, ограничивалось ли внимание людей насмешками, издевательствами и улюлюканьем? Когда человек стоял в столбе, в него бросали вещи? Я склоняюсь к мысли, что метание всегда было возможно, но нечасто, поскольку о нем упоминается изредка. Если бы это было обычным делом, об этом бы не упоминалось. Так, в ноябре 1553 года некий распутный священник, или парсон, ректор аббатства Сент-Николас Коул, продал свою жену мяснику. Это было время, когда все священники, заботящиеся о своей безопасности, спешили избавиться от своих жен; это было простительно, но зарабатывать деньги на печальной необходимости было не очень хорошо. Поэтому Парсона Чикена - так его прозвали - возили по Лондону в повозке. Во второй раз этого достойного священника повезли "за помощь старому знакомому в канаве" - я не понял, в чем заключался проступок. Отмечается, что в этом случае народное негодование проявилось в бросании тухлых яиц в голову священника и в опрокидывании на него сосудов из окон, когда он проходил мимо. Другой случай связан с Перкином Уорбеком. Он просидел в колодках целый день перед Вестминстер-холлом, а также в Чипсайде. Как мы узнаем, он получил

множество презрений, упрёков и насмешек, но ничего не говорится о каком-либо личном оскорблении.

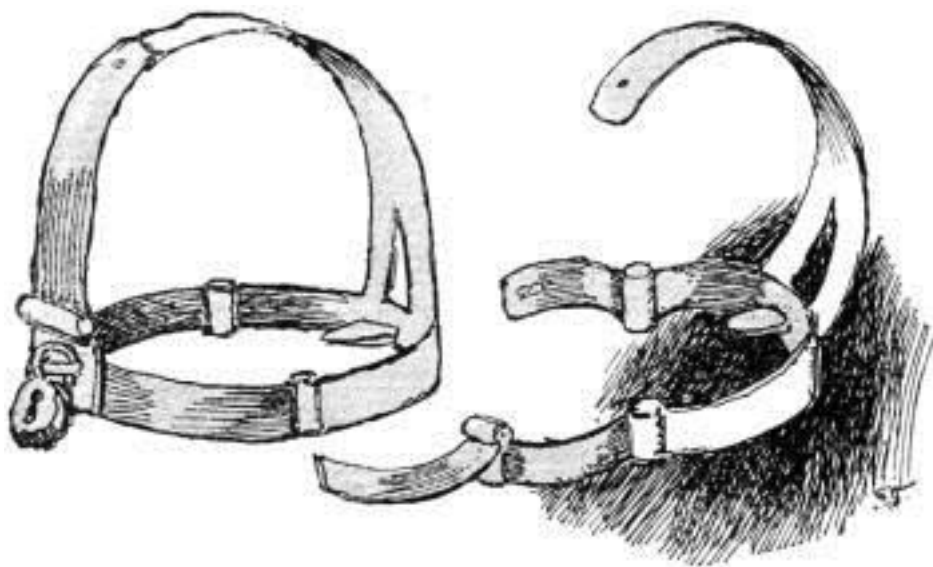

ТУН, КОРНХИЛЛ
Е. Коллекция Гарднера.

Описание тюрьмы на Корнхилле, называемой Тун, которая была из тех, что в других местах называют Клинками, и состояла из одной крепкой комнаты наверху и одной внизу, дает Стоу возможность подробнее рассказать о наказаниях и преступниках. Так, в Тун попадали ночные гуляки и лица, подозреваемые или уличенные в недержании мочи. В 1383 году, во время правления Джона Нортгемптонского, горожане, взяв в свои руки права, принадлежащие епископу, заключили в Тун несколько непорочных женщин, а затем, выведя их на всеобщее обозрение, отрезали им волосы и носили по городу с трубами и дудками. Таким же образом поступали и с мужчинами, виновными в подобном преступлении. Этот публичный позор, похоже, воспринимался как величайшее бесчестье. Известен случай, когда три человека, отъявленные зачинщики ложных расследований (*то есть* люди, бравшие деньги за то, чтобы попасть в присяжные, и бегавшие, чтобы их сделали старшинами в некоторых делах), которых водили по городу с бумагами на голове и лицом к конскому хвосту, фактически умерли от стыда.

"А теперь, - говорит Стоу, - о наказаниях священников в годы моей молодости: одна заметка и не более. Джон Атвод, драпировщик, живший в приходе св. Михаила на Корнехилле, прямо против церкви, имея себе в жены подходящую женщину, такую, что казалась самой святой из тысячи, имел также похотливого священника-кантри, из упомянутой приходской церкви, ремонтирующего его дом: с этим священником упомянутый Атвод иногда после ужина играл за столами на пинту эля: Как-то раз, торопясь с работой, и игра его затянулась, он оставил жену доигрывать и спустился в свою лавку, но, вернувшись за нажимным железом, обнаружил, что игра ему так

не нравится, что он заставил священника выпрыгнуть из окна через пентхаус на улицу, и так добежать до своего жилища на церковном дворе. Атвод и его жена вскоре помирились, так что он не потерпел, чтобы ее вызвали на допрос, но священник был задержан и предан суду, и я видел, что его наказание было таким: в три базарных дня его провезли по центральной улице и рынкам города с бумагой на голове, где было написано о его нарушении. В первый день он ехал в повозке, во второй - на лошади, лицом к хвосту лошади, в третий его вели вдвоем, и каждый день звонили в басы и объявляли о его факте на каждом повороте улицы, а также перед лавкой Джона Атвода и дверью церкви, где он служил, где он лишился своей мантии в двадцать дворян в год и был изгнан из города навечно."

УЗДЕЧКА РУГАТЕЛЯ В ЦЕРКВИ ВАЛЬТОНА-НА-ТЕМЗЕ

Из книги "Что посмотреть в Англии", Гордон Хоум.

Так много говорится о жене-ругательнице, землеройке, драчунье, что можно подумать либо о том, что женщины изменились, либо о том, что какие-то особые условия времени способствовали появлению этой разновидности женщин. Везде находили необходимым наказывать ее кукареканьем, которое было наказанием по закону страны; женщину привязывали к нему и окунали с головой по уши, и это наказание продолжалось в некоторых частях страны вплоть до прошлого века. Однако существовала и другая, более позорная форма наказания, если можно так выразиться, чем кукареканье. Это был "бранк", или "бранк", или "паре бранк", состоящий из легкой железной рамы, которая надевалась на голову с железным языком, помещаемым в рот; существовало много разновидностей этого приспособления, но принцип был один и тот же. Женщину в этом головном уборе либо вели по улицам, либо везли в повозке, либо ставили на сцену в подобие столба. Высказывались предположения, что, возможно, женщина, которая становилась настолько буйной, что это наказание считалось необходимым, страдала от какого-то возбужденного мозга; также возможно, что домашние несчастья могли испортить нрав женщины, телесная боль или чрезмерная работа. Когда жизнь легка, нет досады и страданий, ругателей мало. В 1640 году или около того некий Джон Уиллис утверждал, что видел, как по улицам Ньюкасла водили ругательницу с бранкой на голове. В этом городе также обычно шествовал пьяница, идущий в бочке, которая доходила ему до колен. В Вустере, Ладлоу, Ньюкасл-андер-Лайме, Оксфорде, Шрусбери, Уолсолле, Личфилде, Уолтоне-на-Темзе и многих других местах также сохранились отруби, я полагаю, до сих пор. В Болтон-ле-Муре отруби использовались для наказания женщин с плохим характером.

Давайте извлечем из летописи средневековой преступности несколько иллюстраций средневековых наказаний.

Поскольку самым большим преступлением, которое можно совершить против государства, является государственная измена, я начну с самого примечательного случая государственной измены, который можно найти в нашей истории. Он произошел в 1295 году.

Предателем был рыцарь Томас Турбервилль. Он попал в плен к французам при осаде Реймса. Во время пребывания в плену его склонили к тому, чтобы он сам передал французам информацию о том, что происходит в Англии. Возможно, бедность, а возможно, месть заставили его согласиться на это позорное предприятие. Он отдал двух сыновей в заложники парижскому коменданту и приехал в Англию, притворившись, что сбежал. Он был благосклонно принят королем, и к нему было оказано такое доверие, какого можно было ожидать от благородного и галантного солдата, который хорошо послужил.

Благодаря этому доверию он смог передать французам информацию, которая позволила им высадиться в Хайте, Дувре и других частях королевства. Затем он отправился в Уэльс с этой целью и убедил валлийцев подняться одновременно с шотландцами. Свои письма он отправлял с помощью тайного гонца, который умудрялся путешествовать, не вызывая подозрений, что он принадлежит к поезду или следует за послом или кардиналом. Однако однажды гонец предал его и, вместо того чтобы отвезти письма в Париж, доставил их прямо к королю, перед которым раскрыл все злодейства сэра Томаса Турбервилля. Главное письмо не оставляло никаких сомнений. Оно принадлежало признавшемуся в своей вине двукратному злодею. Оно было следующего содержания

"Благородному барону и лорду-провосту Парижа, милостивый государь, в лесу Висьенс, его сеньору, приветствую. Дорогой сир, знайте, что я прибыл ко двору короля Англии здоровым и бодрым; я нашел короля в Лондоне, и он спрашивал обо мне много новостей, о которых я рассказал ему лучшее, что знал; и знайте, что я нашел землю Уэльса в мире, поэтому я не осмелился передать Моргану то, о чем вы хорошо знаете. И знайте, что король полностью даровал мир и перемирие; но будьте осторожны и советуйте не заключать перемирия, если оно не будет к вашей великой выгоде; и знайте, что если вы не заключите перемирия, вам будет обеспечена великая выгода, и это вы можете сказать высокому лорду. И знайте, что я нашел сэра Джона Фиц Томаса при дворе короля, чтобы заключить мир между ним и графом Николем относительно графства Ульвестр, но я еще не знаю, как обернется дело, поскольку это письмо было написано на следующий день после того, как кардиналы получили ответ: поэтому я не смею касаться дела, которое касается вас. И знайте, что на морском побережье к югу почти не ведется наблюдение, и знайте, что на острове Вихт нет гарнизона, и знайте, что король посылает в Альмайн двух епископов и двух баронов, чтобы они говорили с королем Альмайна и советовались с ним относительно этой войны. И знайте, что король посылает в Гаскойн двадцать кораблей, нагруженных пшеницей и овсом, и прочим провиантом, и большую сумму денег: и сэр Эдмунд, брат короля, поедет туда, и граф Николь, сэр Хью ле Деспенсер, граф Варвик, и многие другие добрые люди; и это вы можете рассказать высокому лорду. И знайте, что мы думаем, что у нас достаточно дел против шотландцев, и если шотландцы восстанут против короля Англии, то восстанут и валлийцы. И это я хорошо придумал, и Морган полностью со мной об этом договорился. Поэтому я советую вам немедленно послать в Шотландию великих людей, ибо, если вы сможете войти туда, вы овладеете ею навсегда. И если вы желаете, чтобы я отправился туда, пошлите слово королю Шотландии, чтобы он нашел для меня и всех моих людей по их заслугам достойное

место; но хорошо подумайте, желаете ли вы, чтобы я отправился туда или нет, ибо я думаю, что я поступлю более выгодно для вас, если буду ждать при дворе короля, чтобы проследить и узнать путем расспросов такие новости, которые могут быть для вас: ибо все, что я смогу узнать путем расспросов, я дам вам знать. И пришлите ко мне Перо, который был моим стражником в тюрьме, где я находился, ибо ему я скажу все, что узнаю отныне, и через него я пошлю вам то, что полностью выясню. И ради Бога я молю вас, чтобы вы помнили и помнили об обещаниях, которые вы дали мне от имени высокого господина, то есть о ста ливрах земли мне и моим наследникам. И ради Бога я молю вас о моих детях, чтобы они не имели нужды, пока находятся у вас, ни в мясе, ни в питье, ни в другом пропитании. И ради Бога молю вас, чтобы вы посоветовали, как мне здесь заплатить, ибо у меня ничего нет, так как я все потерял, как на этой стороне, так и на другой; и ничего у меня нет от вас, кроме вашей великой верности, на которую я очень надеюсь. Безбоязненно доверьтесь тому, кто принесет это письмо, и проявите к нему вежливость. И знайте, что я нахожусь в большом страхе и в большом ужасе: ведь некоторые люди питают ко мне подозрения, потому что я сказал, что бежал из тюрьмы. Сообщите мне о своих желаниях во всем. Отдаю тебя Богу, и да хранит он тебя".

Предатель был арестован и препровожден в лондонский Тауэр. Через неделю он искупил свое преступление следующим образом.

"Он приехал из Тауэра, сидя на бедной лошади, одетый в лучевой плащ и обутый в белые башмаки, голова его была покрыта капюшоном, ноги связаны под брюхом лошади, а руки связаны перед ним; вокруг него ехали шесть мучителей, одетых в форму дьявола, один из которых держал его за повод, а палач - за недоуздок, так как на лошади, которая везла его, были они оба; И таким образом его провели из Тауэра через весь Лондон в Вестминстер, и осудили на помосте в большом зале; и сэр Роджер Брабазун произнес над ним приговор, что он должен быть схвачен и повешен, и что он должен висеть до тех пор, пока от него останется хоть что-то целое; и его повезли на свежей бычьей шкуре из Вестминстера в Лондонский кондуит, а затем обратно на виселицу; и там он висит на железной цепи, и будет висеть, пока от него что-нибудь останется."

Поймите, что подразумевалось под всеми этими деталями. Отчасти для того, чтобы он подвергся величайшим унижениям, а отчасти для того, чтобы научить народ, что означает государственная измена. Во-первых, он был благородным рыцарем, поэтому должен ехать верхом, но на жалкой повозке. Далее, он был доблестным воином, поэтому должен носить шлем, но это был монашеский колпак. В-третьих, как у солдата, у него должен быть почтовый плащ, но он был из самой бедной и простой полосатой ткани, какой пользуются проститутки. В-четвертых, вместо солдатских сапог он носил белые туфли скуллиона. В-пятых, чтобы никто не сомневался, какая участь постигнет его после смерти, дьяволы уже завладели им; и поскольку его должны были везти к месту повешения, пусть путь будет как можно длиннее, то есть от Вестминстера до середины Чипсайда, а затем через Ньюгейт к виселице у изб в Смитфилде; и поскольку обычная перекладина, используемая для убийц и взломщиков домов, слишком хороша для него, пусть его везут на кровавой шкуре, только что снятой с туши. И наконец, пусть он висит до тех пор, пока от него останется хоть что-то, что можно повесить, - чтобы весь мир видел и весь мир презирал его.

Другим памятным наказанием стал приговор сэру Роберту Тресиляну, лорду верховного судьи Ричарда II, который был повешен вместе с сэром Николасом Брембре и другими. Способ его наказания иллюстрирует любопытную смесь варварства и жалости, характерную

для того времени. Его судьи стремились нанести ему как можно больше позора и в то же время не погубить его душу. Поэтому всю дорогу от лондонского Тауэра до Тайберна его тащили на лошади, а в конце каждой версты позволяли ему отдохнуть, чтобы он мог исповедаться у сопровождавшего его монаха. Однако когда он прибыл в Тайберн, то категорически отказался подниматься по лестнице, которая вела к виселице. Тогда они принялись избивать его дубинками - помните, этот человек был лордом Верховным судьей, - и в конце концов он согласился подняться по лестнице. Когда он оказался на эшафоте, он повернулся к палачу и сказал: "Вы не можете меня повесить, пока на мне есть хоть что-то". Тогда с него сняли одежду и нашли в карманах амулеты, с помощью которых он защитил себя от насильственной смерти. Сняв амулеты, они стали вешать его голым, и он провисел так следующие двадцать четыре часа.

Лондонскими тюрьмами были Тауэр (для лиц, обвиненных в государственной измене), Ньюгейт, Ладгейт и Флит. Палаты над воротами Сити, как мы уже видели, также использовались в качестве тюрем, а ворота в Вестминстере, ведущие из аббатства на Тотилл-Филдс. Существовали и временные места заключения, такие как Тун в Корнхилле. У каждой вольности была своя тюрьма, как, например, у Святой Катерины в Тауэре, и свой суд. В каждом монастыре также была своя тюрьма для провинившихся братьев. Обычная тюрьма состояла из двух комнат, расположенных одна под другой, построенных из камня, с очень прочной и толстой деревянной отделкой. Она была защищена тем, что везде была забита крепкими гвоздями с квадратными головками; на окнах были железные решетки; тяжелые двери были утыканы гвоздями; в нижней комнате, которая была кухней и гостиной, а также спальней, когда тюрьма была переполнена, был большой камин, дымоход был сильно зарешечен сверху, чтобы предотвратить побег через него; снаружи был очень маленький двор для воздуха и упражнений. Тюрьма Флит, находившаяся за стеной, была окружена узким омутом, образованным рукавом реки Флит. Расположение комнаты наверху и комнаты внизу, разумеется, было изменено, когда возникла необходимость расширить тюрьмы и обеспечить отдельное проживание женщин.

Когда мы говорим о преступлении и наказании, мы вынуждены говорить о бродягах и негодяях. Под оживленной и честной жизнью промышленности, спрятанной в норах и закоулках лабиринтов Города, скрывалась жизнь мошенников, бродяг, бесправных людей. Чтобы доказать постоянное существование этой категории населения, достаточно ознакомиться с прокламациями и законами, принимаемыми время от времени. Каждая вспышка внешней или гражданской войны увеличивала число тех, кто, оторвавшись от работы, уже никогда к ней не вернется, и так они становились бродягами, разбойниками с большой дороги, обычными ворами. Инстинкт кочевника дает еще один контингент тех, кто не может или не хочет работать; преступник, которого никто не берет на работу, - третий контингент; блудный сын, жаждущий безудержной жизни с женщинами, выпивкой, пиршествами и пением, - еще один контингент. В эпоху Плантагенетов все эти люди находили гавань с приятным обществом, как и сейчас в лондонском Сити и его окрестностях. Если они не находились в стенах города, то были недалеко от него - в Клеркенуэлле, Саутварке и Вестминстере. Законы, направленные на пресечение бродяжничества и грабежей, были надежными и сильными. Если бы они соблюдались, бродяги и разбойники исчезли бы. Ведь саксонская система франк-залога предусматривала, что сотня или тинг должна отвечать за каждое преступление, совершенное в ее пределах; кроме того, если человек принимал у себя гостя более двух ночей, он становился ответственным за этого гостя. Однако без доброй воли народа что толку в законах? Кто может обеспечить соблюдение этих законов? Робин Гуд, Адам Белл, Клайм из Клафа и Уильям из Клаудсли были популярными героями. Что касается бродяг, то, как известно, тысячи людей были вынуждены

вести бродяжнический образ жизни, спасаясь от голода, из-за тиранических поборов владыки или из-за суровых лесных законов.

Еще одной причиной бродяжничества было то, что остается в силе и по сей день - поощрение нищих путем раздачи им милостыни. По всей стране были разбросаны места, не только монастыри, но и замки, и дома, где в определенные дни года раздавались подаяния; эти дни, разумеется, были прекрасно известны бродягам. Винчестерский статут (1285 г. н.э.) ясно показывает, что народ симпатизировал бродяге и разбойнику с большой дороги. Согласно этому статуту, у каждого ворот города должны были стоять шесть человек; ворота должны были быть закрыты от заката до восхода солнца; дозор должен был арестовывать каждого подозрительного человека. Этот закон должен был соблюдаться в каждом городе, но в Лондоне было также предписано, что после того, как комендантский час пробьет на St. Мартин-ле-Гран ни один человек не должен ходить по улицам города вооруженным; и вообще не должен ходить по улицам, если только он не "вельможа или другой законный человек с хорошей репутацией, или их определенный посланник"; и поскольку "преступники обычно встречаются и разговаривают в тавернах", было постановлено, что каждая таверна должна быть закрыта в комендантский час под страхом наказания, последним и главным из которых было "пресечение" его торговли.

И опять же, кто должен был следить за исполнением этих законов? Какая полиция должна была арестовывать ночных гуляк? Кто должен был следить за тем, закрыта таверна или нет? Поэтому, после слабого правления и смутного времени Эдуарда II, в 1328 году его сын издал прокламацию против выдачи хартий о помиловании за грабежи, убийства, преступления и т. д. И снова, два года спустя, предписывается, что если мимо проходят подозрительные лица, они могут быть арестованы днем или ночью и доставлены к шерифу, который будет судить, являются ли они "грабителями, пустозвонами или драглактами" (засовами). Три прокламации - 23 Эдуарда III, 25 Эдуарда IV и 2 Ричарда II - о труде и бродяжничестве категорически запрещали подавать милостыню завзятым нищим. Но прокламации ничего не дали: крестьяне покидали свои деревни и бродили по дорогам; с ними бродили воины; калеки, слепые, увечные, искалеченные бродили из города в город; прокаженный ходил со своей "тарелкой"; бродячий менестрель ходил с ними; и все они вместе были жуликами, ворами и убийцами. Иногда их сажали в колодки, но как это могло повлиять на бродягу? Стыда у него не было, торговли не было, работодателя не было, бродяжничество текло по его жилам; другой жизни для него не существовало. Единственным лекарством от бродяжничества была тюрьма, и то - пожизненная. Тюрьма, однако, как правило, очень быстро сокращала жизнь. Юссеран (Jusserand, Wayfaring Life, p. 366) упоминает случай, когда двое мужчин и одна женщина были заключены в тюрьму как бродяги, не будучи обвиненными ни в каком грабеже. Это было в местечке под названием Торлестан; один из мужчин умер в тюрьме, другой потерял одну ногу, а женщина потеряла две ноги от гниения. Тюрьма, по сути, была грязным и шумным местом, не мощенным, не чищенным, в котором всегда царил лихорадка. В XIV веке впервые упоминается о притоке людей из страны в Лондон. В 1359 году был издан следующий прокламационный акт

"Поскольку многие мужчины и женщины, а также другие жители различных графств, которые могли бы работать для помощи простым людям, перебрались из своей страны в Лондонский Сити и занимаются там попрошайничеством, чтобы иметь свой собственный комфорт и покой, не желая трудиться или работать для своего пропитания, к большому ущербу для таких простых людей; а также расточают различные милостыни, которые в противном случае были бы отданы многим беднякам, таким как прокаженные, слепые, немощные и люди, угнетенные старостью и различными другими недугами, к разрушению поддержки тех же

самых: Поэтому мы повелеваем от имени нашего господина короля, которого да хранит и благословит Господь, чтобы все те, кто занимается попрошайничеством в указанном городе и кто способен трудиться и работать на благо простых людей, покинули указанный город в период с сегодняшнего дня до ближайшего понедельника, и если кто-либо из них будет обнаружен просящим милостыню после вышеуказанного дня, тот должен быть взят и посажен в колодки на Корнхулле, на полдня в первый раз: во второй раз он останется в колодках целый день, а в третий раз он будет взят и останется в тюрьме на 40 дней, а затем навсегда забудет об этом городе. И каждый констебль, и бедель каждого прихода упомянутого города должны быть уполномочены арестовывать таких людей и сажать их в колодки вышеупомянутым образом".

В "Видении Пирса Пахаря" прослеживается сильный контраст между честным тружеником и нищим. В описании последнего есть штрих, открывающий широкое поле для нечестия. "Они не соблюдают законов, - говорит он, - и не женятся на женщинах, с которыми были связаны. У них рождаются ублюдки, которые по природе своей нищие, они *ломают спину или какую-нибудь другую кость своим малышам* и под надуманным предлогом всегда ходят с ними просить милостыню. Среди таких нищих больше детей с неправильной фигурой, чем среди всех остальных людей, которые ходят по земле".

БЕГЕМОТ

Из романа "Роза" в Британском музее. Харл. MS. 4425.

Эта глава относится к периоду, который заканчивается при последнем из Плантагенетов. Однако законодательство следующего столетия, которое проводилось во многом по той же схеме, что и при Ричарде II, и было направлено на борьбу с теми же бедами, можно рассматривать как иллюстрацию состояния города в отношении нищих, мошенников и лиц без профессии. Мы видели, что приказ за приказом, статут за статутом, прокламация за прокламацией принимались для подавления мошенников, которые, тем не менее, постоянно множилось и процветали. Они попробовали другие методы. Они приказали шестнадцати бидлам четырех госпиталей - Христова, Варфоломеевского, Святого Фомы и Брайдвелла - разделить город между собой, взяв по шесть отделений на четверых, и арестовать всех нищих в городе: импотентов и стариков, больных, хромых и слепых они должны были отвозить в госпиталь Св. Варфоломея или св. Фомы; детей - в больницу Христа; крепких нищих и бродяг - в Брайдвелл, где они будут получать "плату" - не нужно объяснять, каков был

характер вознаграждения. Не сказано, что эта мера увенчалась успехом, но воображение представляет, как крепкие нищие выходят из Бишопсгейта, Ньюгейта и Ладгейта со всей возможной скоростью и с видом честного ремесленника, а бессильные и остальные отправляются в Саутварк. У каждых ворот города был посажен один из Бидлов. Кажется странным требовать от больничного офицера, чтобы он следил за теми, кто входит, и теми, кто выходит; и каждый бидл должен был выяснять у сборщиков в каждом приходе, в каких домах живут бродяги; и эти бродяги и крепкие нищие, которые должны быть отправлены на работу, должны быть под присмотром бидла. Как ни странно, этот метод не привел к заметному уменьшению числа нищих и бродяг, искалеченных солдат и бесправных людей, которыми был заражен город. Тогда они попробовали создать городскую полицию. Сначала это было только начало. Они назначили двух городских маршалов для разбора нарушителей порядка, которых они имели право прогнать. Можно предположить, что они их прогоняли, но наверняка те возвращались снова. И все же на какое-то время городские маршалы преуспели; главным пристанищем мошенников в это время были новые улицы в районе Клеркенвелла и Ислингтона. Однажды, когда в этих местах был произведен большой и неожиданный обыск, несколько сотен человек были арестованы и доставлены в Брайдуэлл, где их всех выпороли и отправили на работу. И все же через несколько лет прокламации против бесхозяйственных людей были выпущены снова, с более энергичными поисками, новыми арестами и новыми порками.

Эту картину лондонской жизни можно завершить рассказом Стоу о мистере Воттоне, хотя в действительности он украсил собой следующее столетие: - "Среди остальных они обнаружили одного человека.

"Среди остальных они обнаружили некоего Уоттона, джентльмена по происхождению и торговца с хорошим кредитом, но со временем пришедшего в упадок: этот человек держал питейное заведение в Смартс-Ки возле Биллингсгейта, а после, когда его за какой-то проступок посадили, он занялся новым ремеслом. И в том же доме он уговорил всех кабатчиков города переехать в его дом. В доме была устроена школа, где мальчиков учили резать кошельки: повесили два приспособления, одно - карман, другое - кошелек. В кармане были счетчики, на них висели ястребиные колокольчики, а сверху висел маленький звонкий колокольчик. В кошельке было серебро. И тот, кто мог вытащить счетчик без шума, получал право быть публичным фойстером. А тот, кто мог вынуть из кошелька кусок серебра без шума колокола, признавался судебным фойстером, согласно их правилам. Фойстер был карманником, а ниппер - карманником или кошельком. В доме этого Уоттона были написаны в таблице различные поэмы, и среди прочих была эта.

Si spie, Spote: si non spie, tunc Steal.

Другая -

Si spie, si non spie, Foyste, Nyppe, Lyfte

Брить и не жалеть.

Обратите внимание, что Foyst - это разрезать карман: Nyppe - разрезать кошелек: Lyfte - ограбить лавку или джентльменский кабинет: Shave - украсть плащ, шпагу, серебряную ложку или что-то подобное, что небрежно осмотрено; к этому добавьте еще одно выражение, которое в те времена использовалось среди этого рода, Mylken Ken, то есть совершить ограбление или кражу со взломом ночью в жилом доме".

Сохранились списки коронеров за 1272-1278 годы, опубликованные Райли в его "Мемориалах". Они представляют собой любопытную коллекцию дел. Давайте пройдемся по этим расследованиям тринадцатого века. Точные даты нас не касаются.

Джон Фуатард и Джон ле Клерк играли в игру под названием "плитки" - вероятно, округлые, как квоиты, - в одно воскресное утро в церковном дворе Сент-Мэри Оверис, а последний был клерком в церкви Сент-Мэри Магдалина. По случайности Джон ле Клерк, бросая свою плитку, нанес другому такой сильный удар по голове, что тот скончался на месте. Сделав это, Джон ле Клерк убежал в церковь, и больше его не видели, по крайней мере, до окончания дознания. Товаров и имущества у Клерка не было. Соседи покойного были прикреплены, *то есть* связаны обязательствами дать показания, если к ним обратятся.

Генри де Фледж, отведя свою лошадь к воде в доке замка Байнард Уорд, был вынесен животным в реку, упал со спины и утонул. Ближайшие к месту, где было найдено тело, люди были привязаны.

В Тауэрском приходе - "приходе Уильяма де Хадестока" - и в приходе церкви Баркинг был найден мертвым один человек, Джерваз де Норейс. Было установлено, что покойный поссорился с неким Уильямом Линдсейем, и тот, достав нож, нанес Джервазу две раны, одну в левую грудь, другую в спину, от которых тот сразу же скончался. После этого Уильям убежал в церковь, где и остался. Товары Уильяма были конфискованы, но они состояли не более чем из табарда (короткого плаща), одного топорика, лука с тремя стрелами и одной рубашки, все это оценивалось в 16 пенсов.

В следующую среду Уильям признался в преступлении перед камергером и шерифами и "отрекся от королевства". Они дали ему три дня, чтобы добраться до Дувра, где он должен был переправиться на лодке через Ла-Манш.

Генри Грин, водовоз, спустился к реке, чтобы наполнить свою цистерну. Водонос, иногда называемый коббом, перевозил сосуды - возможно, два сосуда одновременно, которые назывались танкардами.

Генри Грин спустился к берегу реки со своей цистерной, сел в лодку, наполнил цистерну и вернулся бы на пристань, но из-за веса цистерны лодка двинулась назад, и Генри Грин упал в нее и утонул.

Коронер выяснил все обстоятельства, осмотрел тело, на котором не было следов насилия, и оценил лодку и цистерну в 5s. 6d. Оценка вещей на дознании производилась за додато, или королевское вознаграждение. Получается, что владелец лодки потерял ее. Однако он не был виноват. Теория доданда заключалась в том, что стоимость орудия или причины смерти должна была быть передана королю, а он, по своему усмотрению, должен был принести ее в жертву Богу.

Другой человек, имя которого неизвестно, был найден утонувшим в омуте Тауэра. По свидетельству очевидцев, с него сняли "плащ цвета руссет, который он носил", и он в обнаженном виде вошел в воду и погрузился на дно.

В палате Генри де Ковентр (палата Винтри) Адам Селиот, слуга Понса де Мора из Сент-Джеймс Гарликхайд, пытался залезть на грушевое дерево в саду, когда ветка сломалась, и он упал на землю, в результате чего "все его тело почти разорвалось на части". Грушевое дерево было оценено в 5 сингапурских долларов.

В приходе Святой Бригиды и приходе Анкетиль де Овернь (приход Фаррингдон без) было проведено дознание над телом Джона ле Ханкрета. Свидетель сказал.

"Что упомянутый Джон пришел с некоего пира, который проходил в Лондонском Сити, в дом Уильяма, о котором шла речь выше, будучи сильно пьяным, то есть в понедельник, в час вечерни, где он нанял свою кровать на день; и что затем, намереваясь лечь на нее, он взял зажженную свечу, чтобы приготовить себе постель; что и было сделано, он оставил свечу гореть и заснул на ней. И когда свеча была оставлена без присмотра, ее пламя охватило солому кровати, на которой лежал упомянутый Джон, и, соответственно, он, а также кровать и солома были сожжены пламенем свечи, с которой он так общался, примерно в полночь. И так, изнемогая от последствий этого, он прожил до следующего вторника, в час утрени, в который день и час он умер от вышеупомянутого ожога. Когда их спросили, не подозревают ли они кого-нибудь в смерти упомянутого Джона, они сказали, что не подозревают. И тело было осмотрено; на нем не оказалось никаких ран или повреждений, кроме вышеупомянутого ожога".

Роджер Канни в одну холодную декабрьскую ночь возвращался домой. Он пил до комендантского часа в таверне Роберта Бокса. Когда он отправился в путь, то был очень пьян: вскоре он упал на улице, пролежал на морозе и умер от холода. Было заявлено, что он страдал эпилепсией или "болезнью падения", но "падение", вероятно, было вызвано пивом, а не эпилепсией.

Дознание по делу Ричарда де Париса, чалонера (изготовителя *чалонов* или одеял), имело гораздо более сложный характер. Процитируем слова Райли:...

Свидетели "говорят, что в предыдущее воскресенье, после того как пробил комендантский час, случилось так, что некто Ричард Мойс, идя по Королевскому шоссе, подошел к двери Джона ле Шалонера, рядом с домом Агнес де Эссекс, недалеко от Фаншерша; в этом доме жили Роберт де Мункени и Арнульф, его сын, со своими домочадцами; и вот, пытаясь войти туда, он стучал, кричал и шумел. Увидев это, четверо из вышеупомянутых домочадцев, которые стояли в общежитии вышеупомянутых рыцарей, и чьи имена им неизвестны, будучи тронуты этим, попросили его прекратить шуметь и уйти; а поскольку он отказался это сделать, они закричали, что он должен немедленно уйти; Тогда, услышав вышеупомянутый крик, вышли Роберт и Арнульф и все домочадцы Роберта, то есть Джон де Мансени, сын Роберта, Джон Фаунтилун, Роберт де ла Рокель, Генри де Гингес, Джон Куртойс, Джон де Хакон, Джон ле Уайт, Хью де Ходдон, Хачард де Гарбодешем и Роберт де ле Ло, некоторые с мечами, а некоторые с другим оружием. И все они, кроме упомянутого Роберта, который стоял у дверей своего дома, последовали за упомянутым Ричардом, который бежал к дому Алисы ле Чиновника; в этом доме сидело много людей, которые пили, причем дверь была открыта, среди них были Ричард де Парис, ныне покойный, и некто Генри Пейдж; а Ричард Мойс спрятался там между двумя деревянными сосудами. Войдя в дом, Арнульф встретил в дверях Ричарда де Париса, который закричал: "Кто эти люди?", и Арнульф ударил его своим мечом, оцепеневшего от вида меча. Затем, бросившись в дом, он нанес ему рану в спину, между ребрами, шириной в два дюйма и проникающую до кишок; и еще одну небольшую рану под левой грудью. От этих ран он томился и прожил до следующего четверга, в который, в час утрени, он умер. И сразу же после совершения этого преступления Арнульф вышел вперед, присоединился к своим сообщникам, и они вместе отправились в его общежитие, за исключением Иоанна и Хачарда, которые скрылись; и там они остались в его доме. Их спросили, не подозревают ли они еще кого-нибудь в этой смерти, либо в деянии, либо в

пособничестве ему; они сказали, что все вышеупомянутые лица, кроме упомянутого Роберта де Мансени, который стоял у дверей общежития, где он остановился, пока все это происходило, включая упомянутых Хачарда и Джона, которые бежали сразу после совершения преступления, присутствовали при его совершении. Никто, однако, не ранил его, кроме упомянутого Арнульфа; не подозревают они и упомянутого Роберта в пособничестве ему. И все они были схвачены и заключены в тюрьму, кроме тех, кто обратился в бегство. Ни у кого из них не было никаких вещей или имущества, кроме упомянутого Роберта де Мункени и Арнульфа, его сына; у них было шесть лошадей, три кровати, один сокол и три борзые, которые оцениваются в 20 марок в целом. И тело было осмотрено и т. д.

РУКОПАШНЫЙ БОЙ

Из MS. в Британском музее. Harl. 4374.

И два соседа, ближайšie к месту, где лежал мертвым упомянутый Ричард де Парис, были прикреплены под поручительство; и два соседа, ближайšie к месту, где он был ранен; и два соседа, ближайšie к общежитию, из которого они вышли. И Агнес де Эссекс, в доме

которой поселились упомянутые злоумышленники, и Алиса, ее служанка. И все те, кто находился в доме, где он был ранен".

Матильда, жена Генри ле Коффера, как и Роджер Канни, трагически закончила свою жизнь под воздействием алкоголя. Она шла домой очень пьяная, упала и сломала правую руку. Ее отнесли в ее собственный дом, и она пролежала там три дня, после чего умерла. Вероятно, помимо руки было сломано что-то еще.

Следующее дело - убийство с несколькими интересными моментами.

Саймон де Винтон держал таверну в Айронмонгер-лейн. Его тело было найдено в угольном ящике на Пасху 1278 года.

Факты таковы. У упомянутого Саймона был слуга по имени Роджер де Вестминстер. 7 декабря 1277 года хозяин и его человек жестоко поссорились. Они продолжали ссориться весь следующий день. Теперь они спали в одной комнате. На следующее утро Роджер, как обычно, открыл таверну, расставил лавки и продал вино, как ни в чем не бывало.

"А так как Саймона весь тот день соседи не видели, они спросили Роджера, что стало с его хозяином, на что тот ответил, что тот отправился в Вестминстер, чтобы вернуть кое-какие долги, которые ему там причитались; и на второй день, и на третий он дал тот же ответ. Однако на третий день, в сумерках, он вышел через наружную дверь, заперев ее на ключ, и унес с собой серебряный кубок, халат и постельное белье, принадлежавшие тому же Саймону. После этого он вернулся и бросил ключ в доме некоего Хамона Кука, ближайшего соседа, сказав ему, что идет искать Саймона, своего хозяина, и попросив отдать ему ключ, если тот вернется. И с того дня дом оставался закрытым и пустым до кануна Обрезания Господня (1 января); в этот день Джон Доге, трактирщик, взяв с собой Жильбера де Колесестра, отправился в вышеупомянутый дом, чтобы вернуть долг, который упомянутый Саймон задолжал ему за бурдюки. Но когда он обнаружил, что дверь закрыта и заперта, он попросил ключ у соседей, которые стояли рядом; услышав об этом, Саймон немедленно отдал ему ключ. Войдя в таверну вместе с вышеупомянутым Гилбертом, он обнаружил там один тун, полный вина, и еще один, наполовину полный, который он сам продал Саймону за 50 шиллингов; И он тотчас же приказал, чтобы носильщики, а именно Генри Уайтинг, Уильям ле Уэйлис, Ральф ле Ирейс, Хью Нотеман и Стивен де Эйминг, вынесли это вино, положили в телегу, принадлежащую вышеупомянутому Генри Уайтунгу, и отвезли в его собственный дом в счет причитающегося ему долга; а также несколько небольших столов, холщовых тканей, галлонов и деревянных котелков стоимостью в два шиллинга. Сделав это, упомянутый Джон Доге закрыл дверь дома, унеся с собой ключ от него; с тех пор дом стоял пустой, никто в него не входил до вторника перед Вербным воскресеньем. В этот день мастер Роберт, которому принадлежал дом, пришел и отпер дверь за неимением ключа и, войдя в него, сразу же приставил к нему Майкла ле Ойнера; этот Майкл в субботу на Пасхальной неделе отправился туда один, чтобы осмотреть все принадлежащие ему помещения и выяснить, какие из них нуждаются в очистке от грязи и пыли. Но когда он пришел в вышеупомянутое узкое и темное место, то обнаружил там безголовое тело; увидев это, он послал с вестью к упомянутым камергеру и шерифам.

На вопрос, не проживал ли в доме кто-либо еще, кроме этих двух человек, и не видели ли кого-либо еще в доме вместе с ними в ночь, когда было совершено преступление, и не имел ли кто-либо другой частый или особый доступ в дом днем или ночью, от чего могло бы произойти несчастье, они отвечают, что это не выходит за рамки обычного обращения в

таверну, которое бывает у всех людей. На вопрос, есть ли у упомянутого Роджера какой-нибудь известный или особенный (друг) в городе или за его пределами, к чьему дому он имел обыкновение прибегать, они сказали, что понимают, что нет, поскольку он был чужаком и находился на службе у этого Саймона едва ли две недели. Поэтому, когда его спросили, куда он отнес унесенные им вещи, они сказали, что, поскольку дом находился недалеко от еврейского, они полагают, что он отнес их в еврейский, но в чей дом, они не знают. На вопрос, что стало с отрубленной головой, они отвечают, что не знают и не могут ничего выяснить по этому поводу. Они также говорят, что упомянутый Роджер сбежал тайком и с тех пор его не видели. Имущества у него не было".

В церкви Святого Стефана Уолбрука Уильям ле Клерк поднялся на колокольню, чтобы поискать голубиное гнездо. Когда он перебирался с балки на балку, ноги его подвели, и он упал, мгновенно погибнув. Балка была оценена в четыре пенса.

В Уэст-Чепе возле Кондуита было обнаружено тело Уильяма ле Паннера, пельтерьера. Выяснилось, что он был просто ослаблен кровью, поэтому упал по дороге домой и скончался на месте.

В приходе Брод-стрит - "приходе Уильяма Букереля" - в доме Ричарда ле Клерка в Лотбери лежал мертвым некто Мэтью де Хехем. История любопытна: "Кто говорит, что в воскресенье на следующий день в доме Ричарда ле Клерка в Лотбери умер Мэтью де Хехем?

"Рассказывают, что в воскресенье, следующее за праздником святого апостола Матфея (21 сентября), упомянутый Мэтью шел из Брэдстрита в сторону Евреонала, и когда он достиг середины пути между переулком, называемым "Иземонгер-лейн", и лондонским Гилдхоллом, ему встретились некие евреи, Авраам де Деркинг, Исаак де Кентербери и Кресс, сын Исаака де Линтона. И когда он встретился с ним, Авраам, названный выше, по злому умыслу взял Мэтью за плечо и бросил его в грязь; а когда тот попытался подняться, Исаак, названный выше, ударил Мэтью неким *анеласом* [ножом или кинжалом] ниже правой лопатки, в поясницу, нанеся ему рану шириной в один дюйм и глубиной в шесть дюймов. После чего упомянутый Мэтью преследовал их, насколько мог, от вышеупомянутого места до стены Сент-Лоуренс Джури, где, слишком ослабев от чрезмерной потери крови, не смог следовать за ними дальше; но, поднявшись с земли, он пошел к дому Ричарда, названного выше, где его и нашли. И вот, промучившись с названного воскресенья до следующей пятницы перед вышеупомянутым праздником, он умер на рассвете того дня. На вопрос, подозревают ли они еще кого-нибудь, они отвечают, что никого, кроме упомянутого Исаака, который нанес ему рану, от которой он умер, и что упомянутые Авраам и Кресс были согласны на это преступление. На вопрос о вещах преступников они ответили, что ничего о них не знают. Тело осмотрели, и на нем обнаружилась вышеупомянутая рана, причем самая ужасная".

О суде над Авраамом, Исааком и Крессом ничего не сказано.

Поступило сообщение, что некий Гилберт Клоуп лежит мертвым на набережной возле Тауэра. Гилберт был не совсем в своем уме. Рассказывают, что он прислонился к какой-то стене на Лондонском мосту и, видимо, заснул, его голова и тело оказались над мостом, так что он упал и утонул.

Генри де Ланфар встретил свою смерть весьма необычным образом:...

"Некий Ричард де Кодсфолд бежал в церковь Св. Марии Станигеслейн в Лондоне, по причине того, что некое ограбление, вмененное ему в вину неким Уильямом де Лондоном, рубщиком, и тот же Уильям преследовал его, когда он бежал туда; Случилось так, что в ночь,

следующую за днем Изобретения Святого Креста (5 мая) в этом году, когда вокруг вышеупомянутой церкви дежурило много людей, чтобы схватить его, если он выйдет, некий Генри де Ланфэр, скобяник, один из тех, кто дежурил, услышал шум в церкви и, опасаясь, что тот же Ричард собирается выйти через другую часть церкви и таким образом спастись через пролом, который был в некоем стеклянном окне, пошел осмотреть его. Увидев это, упомянутый Ричард и некто Томас, тогдашний клерк той церкви, схватили копье без железного наконечника и ударили им вышеупомянутого Генриха через отверстие в окне, ранив его между носом и глазом, пробив почти до мозга. От последствий этой раны он пролежал до дня святого Дунстана (19 мая), когда умер, примерно в третьем часу. Они говорят также, что и упомянутый Ричард, и упомянутый Томас виновны в этом преступлении, поскольку Ричард был согласен на это."

"А упомянутый Томас был взят и заключен в Ньюгейт, а затем доставлен к Хамону Хоутейну, судье Ньюгейта. А упомянутый Ричард до сих пор держит себя в названной церкви. На вопрос, есть ли у них еще люди, подозреваемые в этой смерти, они отвечают, что нет. У них нет ни земель, ни имущества. И тело было осмотрено, на нем не было обнаружено никаких других повреждений или ран, кроме вышеупомянутой раны".

Последняя из этих историй - рассказ о Годфри де Бельстеде и о том, как он умер: -

"Вышеупомянутый Годфри, в день святого Варфоломея (24 августа) прошлого года, ехал из Кестрехунта (Чешунта) в сторону Лондона, верхом на хакни, нанятом, как полагают, неким человеком из той деревни, но чье имя и личность они не знают, и с неким Ричардом ле Ласиром в компании, они встретили неких возчиков, ехавших из Лондона, с тремя телегами, но чьи имена и личности они совершенно не знают. После этого один из вышеупомянутых извозчиков начал самым бесстыдным образом оскорблять упомянутого Годфри за то, что он так быстро ехал на упомянутом хакни, и возник спор между Годфри и упомянутым Ричардом, с одной стороны, и упомянутыми извозчиками - с другой, один из извозчиков, схватив руками некую железную вилку, ударил Годфри по макушке его головы с такой силой, что нанес рану длиной в два дюйма и проникающую почти до мозга. Другие возчики также сильно били его палками по всему телу и жестоко обращались как с ним, так и с упомянутым Ричардом ле Ласиром; так сильно, что последний едва спасся. Вышеупомянутый Годфри прожил с дня святого Варфоломея до вышеупомянутого четверга, изнемогая от раны и побоев, о которых говорилось выше; и в тот день, примерно в третьем часу, он умер. И тело было осмотрено: на нем была видна вышеупомянутая рана, и оно оказалось совершенно обезображенным от вышеупомянутых побоев."

ГЛАВА XIV

ХРИСТИАНСКИЕ ИМЕНА И ФАМИЛИИ

Лучший метод обращения с христианскими именами, которые носили люди в этот период, - дать список наиболее распространенных имен. Сейчас под рукой есть список, в котором указаны имена - христианские и фамилии - последователей Кейда из Кентиша. Всего в списке 1719 человек. Я просмотрел список и расшифровал христианские имена. Ниже приводится результат, классифицированный по частоте встречаемости. Имена предстают перед нами довольно неожиданно. Итак, мы имеем следующие имена: -

Джон	546	Андрей	каждый 2
Уильям	277	Бенедикт	
Томас	233	Августин	
Ричард	196	Салмон	
Роберт	115	Герман	
Генри	53		
Николас и Стивен	каждый 37		
		Александр	каждый 1
		Алексий	
Роджер	33	Кристофер	
Симон	22	Дэвид	
Лоуренс	21	Жерар	
Питер и Уолтер	каждый 17	Маркус	
		Лодовик	
Джеймс	15	Винцентий	
Ральф	12	Валентин	
Хью	8	Гудман	
Адам	7	Гилберт	
Филип	6	Дэниел	
Алан	5	Вальдус	
Элиас		Клемент	
Дионисий		Сэмпсон	
Джордж			
Гальфрид			
Хамо			
Гай	каждый 3		
Бернард			
Бартоломь ю			
Майкл			

Как видно, всего в книге сорок восемь имен. Треть мужчин зовут Джон, шестую часть - Уильям, седьмую - Томас, восьмую - Ричард, пятнадцатую - Роберт, тридцатую - Генрих; и более тридцати из сорока восьми имен используются менее шести раз каждое. Две трети людей называются либо Джоном, либо Уильямом, либо Томасом, либо Ричардом, либо Робертом. А все саксонские имена, за исключением одного, исчезли и забыты. Среди них нет ни одного Альфреда, Эдуарда, Этельреда.

Вот еще один список, содержащий имена 130 человек. Они расположены в следующем порядке:-

Джон	34	Генри	8	Николас	4
Уильям	17	Роджер	5	Уолтер	3
Томас	15	Адам	5	Александр	2
Ричард	10	Стивен	3	Саймон	2
Роберт	8	Джеффри	3		

И по одному разу: Лоуренс, Джеймс, Питер, Годфри, Алан, Джайлс, Гилберт, Эндрю, Рейнард.

Здесь саксонские имена также вышли из употребления. Среди женских имен очень часто встречаются Johanna или Joan. Также часто встречаются имена Изабель, Матильда, Элисон, Люси, Петронилла (Парнель), Агнес, Идония, Авика, Электота, Риколда, Экота, Кларисия, Арабелла, Теофания (Тиффани), Массанда, Дезидерата, Финея, Массилия, Аунцелия, Годиева.

Что касается женских имен, то я взял их из Календаря завещаний и расположил в алфавитном порядке. Можно заметить, что, хотя саксонские христианские имена полностью вымерли среди мужчин, многие из них сохранились среди женщин. Также можно заметить, что многие красивые имена были утеряны для нас, хотя их вполне можно было бы возродить. В написании есть свои разновидности, из которых здесь отмечены несколько: -

Г Адрей	Г Collecta	Г Хелен	Мэри
Л Авдрей	Колле	Л Helyn	Массия
	Л Колетта	Хеливиса	Массилия
Г Агата	Констанция	Хестер	Матильда
Л Агата	Крейна	Хильда	Г Моделин
Агнес	Кристина	Ходиерна	Л Маудлин
Алана	Кустанс		Моуд
Альбреда		Иббота	Мазерб
Альбрика	Денис	Ида	Мелина
Альдита	Г Деонисия	Идания	Милисента
Алейсия	Л Дионисия	Идония	Милсенда
Алианора	Диаманда	Имания	Мюриэль
Алиса	Доркес	Изабелла	
Алиэльма	Дульсе	Г Изольда	Олива
Аллесия		Л Исуд	Орабилия
Алузия	Эрильда	Изан	Осея
Альвева	Г Эдит		
Амабилия	Эдит	Якобина	Павия
Г Амия	Эгидия	Жакомин	Г Пернелла
Л Эми	Эделена	Джейн	Л Петронилла
	Элеонора	Дженет	Филиппа
Г Амизия	Елена	Г Джоан	
Л Амисия	Элисия	Л Йохан	Г Рейна

Анабилла	Элизабет	Йоханетта	Рейна
Анебла	Эм	Йоханна	Ребекка
Анастасия	Эмма	Джойс	Рихольда
Анна	Эмота	Жуэтт	Роберга
Аннеис	Эрмина	Джуэтта	Роэзия
Анселина	Эрнебурга	Юлиана	Роисия
Анселина	Эссабелла	Джулиан	Роисия
Аргентилла	Эстрильда	Джудит	Роза
Афилена	Этельдред		Роза
Аунцилла	Евстахия	Кастанья	Розамунд
Аунсилия	Ева	Кэтрин	
Аундрина			Сабина
Авелина	Фелисия	Лауренсия	Сабина
Авис	Филиат	Леция	Саллерна
	Флоренция	Леция	Сандрисса
Барбара	Флория	Летия	Сара
Базилия	Флорисия	Летиция	Сколастика
Беатриче	Фречесанчи	Ленота	Сеникла
Беатрикс	Фрисвида	Лораа	Сецилия
Берсабе	Франциск	Лорета	Сибилла
Бланш		Люсебетта	Сита
Вона	Гена	Лусеку	Сюзанна
Бонейоя	Генчелина	Люси	Сьюзан
Бриджит	Геннора	Лума	Сванильда
	Года	Лидия	
Кассандра	Годелева		Томасина
Кастания	Гонильда	Мейбл	Томасин
Сесилли	Грейс	Магота	Типпхания
Сесилия	Гресия	Марджери	Тиффания
Чарити	Гуннильда	Маргарет	Теофани
Шера	Гуннора	Марион	
Сисли		Мариона	Виллельма
Кларисса	Ханна	Марсилия	Винмарка
Кларисия	Хавизия	Массилия	Вайлехольта
Клеменс	Хависа	Марта	

Я также составил список фамилий, принадлежавших жителям Лондона в тринадцатом, четырнадцатом и пятнадцатом веках. Такой список по праву принадлежит истории Лондона. Он может быть проанализирован всеми, кто захочет исследовать происхождение фамилий.

Для целей данной работы я счел достаточным взять анализ, сделанный Райли для его "Мемориалов Лондона и лондонской жизни". По сути, он состоит в следующем:-

1. Фамилия родной страны: Уильям Уэйлис - "валлиец"; Уолтер Нореис - "норвежец"; Джон Фраунсис - "француз".
2. Фамилия родного города - Райли обнаружил, что в лондонских фамилиях представлены почти все города и деревни Англии.
3. Фамилия, взятая из места проживания человека, например, Хью де Стоун-Кроуч - Хью возле Каменного креста в Чипсайде; Джон атте Стронд - в Стрэнде; Ральф де Хонейлейн.
4. От знака дома. Отсюда класс таких названий, как Gander, Buck, Hind и т. д.
5. От профессии человека, его отца или предка. К этому классу относятся все такие фамилии, как Brewer, Baker, Smith и т. д. Фамилия Чосер (сапожник) досталась поэту предположительно от его деда, так как его отец не был сапожником.
6. От прозвища, описательного или нарицательного имени. Среди них Райли перечисляет Bon Valet, Godgrom (хороший конюх), Cache marke (шкура в полпенни), Piggesfleshe, Brokedishei, Black in the Mouth, Weathercock, Spillwyne, Gollylolly.

Ученый редактор "Мемориалов" очень справедливо утверждает, что в те времена большинству мужчин не нужна была фамилия. Если человек был беден, ему вообще не приходилось подписывать никаких документов в течение всей своей жизни. Если он был слугой или ремесленником, ему вполне хватало христианского имени; как и в наши дни, мы можем иметь в доме слуг, совершенно не зная их фамилий; а среди лучших людей вполне хватало христианского имени с чем-то, что отличало бы его обладателя от других людей с таким же христианским именем.

К четырнадцатому веку старые фамилии древних семейств Сити совсем угасли. Это были Алгар, Хакон, Тови, Лотеринг, Букерель, Асви, Бейсинг, Анкетиль, Блаунт, Батте, Фроуик, Херви, Вайл, Харвелл, Алейн, Хардел и другие. Некоторые из этих семей вымерли, некоторые удалились в деревню, некоторые, возможно, потеряли свое богатство и погрузились в народную массу.

В качестве иллюстрации этих делений возьмем последовательный ряд имен из Указателя к Календарю завещаний, часть I. (1288-1358 гг.): - Фернелл

Фулберт	Финчингфельд	Гаршерш
Фулхэм	Фингри	Гарторп
Фульк		Гартон
Фуллер	Гайтон	Гейтсден
Фулшем	Гейлис	Гаугеур
Фандер	Галочер	Гаунт
Furbur	Геймлин	Gaunter
Фурмейстер	Гантер	Гаутрун
Фурнивал	Гарчорп	Гедлстоун
Fusedame	Гардероб	Geffrei

Фустор	Гардинер	Джин
Финч	Гарлаун	Джентил
Файнхэм	Гарлекмонгер	Джентильмен

Из этих имен - всего их тридцать девять - четырнадцать относятся к профессиям, пятнадцать - к местам, три выражают квалификацию или условие, три являются христианскими именами, а имя Gamelyn наводит на мысль о "Поваренной сказке о Gamelyn" Чосера. В другом месте оно встречается как христианское имя. Furnival напоминает нам, что еще при Генрихе IV трактир принадлежал лордам Фернивал, а их городской дом превратился в канцелярский трактир. Имя Финч, судя по Riley's Memorials, p. 229, принадлежало Уинчелси; Галочер был изготовителем галош - обуви с деревянной подошвой; имя Джин, возможно, относилось к Генуе; Фуседам и Гаутрун мне не известны (см. также Приложение IX).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I ВИКЛИФ

О раздорах, возникших в лондонской церкви Святого Павла между Клерги и герцогом, Сиром Генри Перси и герцогом, автор Джон Уиклиф.

"Сын твой, сын погибели, Джон Виклиф, должен был явиться к епископам в четверг перед праздником св. Петра (23 февраля), чтобы там быть обращенным за дивные слова, которые он говорил, Сатан, противник всей церкви, как вы слышали, учил его: а после девятого часа герцог и сир Генри Перси и и другие помощники, которые своей властью могли беспокоить слабых людей, а также указывать им, что если какая-либо вещь упадет со стола ритуальных епископов, то есть тарелка, хотя бы она и была соевой осенью, они собирали ее и жевали, держа за спиной, вот мерзкий хозяин, вышеупомянутый Иоанн, был доставлен дальше с великой пышностью, не хватало ему только простых сержантов, если только сир Генрих Перси, главный маршал Англии, не шел перед ним; Так он был побуждаем своими спутниками не бояться собрания епископов, которые в отношении его были неучеными, и не бояться скопления народа, так как он был окружен со всех сторон столькими рыцарями. Его тело с невероятной прытью внесли в церковь святого Павла, где собралось такое множество народа, чтобы послушать его, что знатым людям и рыцарям (народ позволял им это) было трудно пройти, и даже по этому случаю их уговорили ловко оттащить назад руками своего схоласта, чтобы он мог спастись от смерти, которую устроили ему многие епископы. Дьявол нашел способ, чтобы при возникновении разногласий между знатыми людьми и епископом, его ответ мог быть разным. Когда народ, собравшись вместе, остался, чтобы уступить место знатым людям, сир Генри Перси, злоупотребляя своим авторитетом, нещадно колот народ в церкви, на что епископ Лондонский сказал, что запрещает ему пользоваться такой властью в церкви, сказав, что если бы он знал, что тот мог бы так использовать его самого, то не должен был бы входить в церковь, если бы мог позволить ему это, на что герцог оскорбился и заявил, что он будет пользоваться такой властью независимо от того, хочет он этого или нет. Когда они пришли в замок нашей дамы, герцог и бароны с

архиепископом и епископами спустились вниз, то сир Генрих Перси прислал сюда и предсказанного Джона, чтобы тот спустился вниз, потому что, сказал он, ему нужно много отвечать, и он не имеет права на лучшее место. С другой стороны, лондонская лавка отрицала это, утверждая, что это против причины, по которой он должен был там сидеть, а также против закона, по которому он должен был сидеть, и кто был приведен для ответа до его обычного дня: и поэтому время его ответа или до тех пор, пока любой человек не будет представлен против него, или его причина не будет рассмотрена, он должен стоять. После этого между сиром Генрихом Перси и епископом прозвучали весьма презрительные слова, и вся толпа пришла в смятение. И тогда герцог начал порицать епископа, а епископ повернулся к герцогу лицом. Герцог устыдился того, что он не одержал верх в этой борьбе, и затем начал с ожесточением угрожать епископу, клянясь, что он снесет и его, и всех епископов в Англии, и И еще, добавил он, доверься своим родителям, которые смогут защитить тебя, ибо у них будет достаточно средств, чтобы защитить себя, ибо его родители, то есть отец и мать, были знатного рода, Эрлы и графы Девонширские. С другой стороны, епископ сказал: защищая истину, я уповаю не на своих родителей, не на жизнь кого бы то ни было, а на Бога, на которого мне следует уповать. Тогда герцог, застыв в своем гневе, сказал, что лучше бы он утащил его из церкви за шиворот, чем терпеть такие выходки. Лондонцы, услышав эти слова, в гневе и с низким голосом закричали, клянясь, что не потерпят, чтобы их епископа обижали, и что они скорее потеряют свою жизнь, чем епископ будет опозорен в церкви или вытащен оттуда с такой жестокостью. Ярость их еще более усилилась, потому что в тот же день перед этим ни в одном из парламентов в Вестминстере, где герцог был президентом и т. д. Именем короля было предложено, чтобы с этого дня в Лондоне не было больше ни одного мэра в соответствии с действующим уставом, кроме капитана, и чтобы маршал Англии как в самом городе, так и в других местах мог арестовывать тех, кто оскорбляет, и многие другие приказы, которые многократно противоречили либерти кити и предвещали страдания и обиды для них, и, будучи однажды твердыми, Джон Филпотт, китезинец особого имени, встал и заявил, что таких дел никогда не было, и что мэр и комоны не потерпят такого ареста, и так ни перед кем совет не распался. Герцог и байшопцы оглядывались друг на друга, народ дивился и негодовал, враг манкиндов, как я уже говорил, процитировал этот совет, и этими окказионами тот лживый варлет и убеждал, чтобы он не смущался в своих изобретениях, ибо он видел, что во всех делах он будет наперсником Гима, и поэтому был осторожен, чтобы такой защитник его части не погиб тайно или так легкомысленно."-Archæologia, xxii. 256.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЛОНДОНСКИЕ ТОРГИ

- Адвокат
- Алеваиф
- Амальер
- Аптекарь
- Арбалетчик
- Оруженосец
- Адвокат
- Аунсремейкер
- Аурибатур

- Пристав
- Пекарь (белый)
- Пекарь (коричневый)
- Бакстер
- Балер
- Парикмахер
- Парикмахер-хирург
- Батур
- Бедмейкер
- Белитер
- Колокольный мастер
- Кузнец
- Кузнец
- Кузнец
- Бокбиндэр
- Боксер
- Бокселлер
- Буше
- Изготовитель бутылок
- Изготовитель тетивы
- Луковщик
- Брекер
- Брейсгирдлер
- Брайлер
- Брасье
- Бредемейкер
- Бредемонгстере
- Пивовар
- Брюстер
- Пивовар
- Каменщик
- Brochere
- Брошюра
- Бродереф
- Брокер
- Buckeler
- Bokelsmith
- Баклмейкер
- Бугирдлер
- Бурлер
- Буреллер
- Бурсер

- Бирсер
- Бушер
- Мясник
- Календер
- Каландр
- Камизер
- Свечной мастер
- Капельмейстер
- Изготовитель колпачков
- Укупорщик
- Картонщик
- Карман
- Плотник или столяр
- Картер
- Цилер
- Цейнтюр или Цейнтюр
- Шалисер
- Чалонер
- Чандлер или Чаунделер
- Капеллан
- Капеллан
- Капеллан
- Чосер
- Сыромоноед
- Шевалье
- Шеверельмонгер
- Цирюльник
- Клерк
- Часовщик
- Суконщик
- Суконщик
- Учетчик угля
- Сапожник
- Кофр
- Коллер
- Расческа
- Повар
- Купер
- Медный кузнец
- Кордер
- Кордуайнер
- Продавец кордов

- Корнметчик
- Кордмонгер
- Cossoun
- Коссоур
- Cotiler
- Счетчик
- Coupere
- Coureour
- Coureter
- Курсант (конный дилер)
- Придворный писатель
- Придворный
- Cower
- Craneman
- Карриер
- Катлер
- Кювер
- Dauber
- Дигер (красильщик)
- Динантер
- Disshere
- Дистиллятор
- Дрейпер
- Рисовальщик
- Вышивальщица
- Эссойнер
- Эссорнер
- Фактор
- Сокольник
- Фаннер
- Кузнец
- Фоконер
- Фелмонгер
- Изготовитель войлока
- Ferrour
- Фетермонгер
- Фейнер
- Файльхьюер
- Файлмейкер
- Рыбак
- (свежий или запасной)
- Пессонер

- Флаонер
- Флаунер
- Флаксвайф
- Флетчер
- Флурман
- Форсер
- Основатель
- Форбор
- Фрамекниттер
- Фриппер или филиппер
- Frobour
- Фрутер или фруктовик
- Фуллер
- Фурбишер
- Меховщик
- Меховщик
- Фустер
- Фьюстер
- Файнер
- Садовник
- Продавец чеснока
- Гюнтер
- Гельдер
- Гилдер
- Гильдштер
- Гилтстере
- Гирдлер
- Стекловар
- Стекловар
- Глазироващик
- Гловер или гантер
- Голдбистер
- Орбатур
- Голдсмит
- Голдвин
- Горгиарий или Горгиариус(?)
- Groceriesman
- Гроссер
- Гроссариус
- Оружейник
- Галантерейщик
- Хакенщик

- Хакенщик
- Хагемакер
- Хальтерер
- Изготовитель ханаперов
- Изготовитель шляп
- Шляпник
- Сенокосчик
- Неаитиг
- Целитель
- Гербергер
- Хорнер
- Хорсмонгер
- Продавец лошадей
- Hosier
- Хостелер
- Охотник
- Huger
- Imagour
- Инхолдер
- Железный мастер
- Ювелир
- Столяр
- Качепол
- Каландрер
- Кемпстер
- Ключник
- Киссер
- Кнаифсмит
- Лэйсер
- Лейнер
- Латонер
- Латер
- Латер
- Лаванда
- Кожевник
- Кожевник
- Ле Лентер
- Лимнер
- Слесарь
- Локьер
- Лодер
- Лоример

- Лоринер
- Линвевер
- Мацелер
- Мацерер
- Мадерман (продавец мадеры)
- Макмейкер
- Мужчина-изготовитель
- Мансипл
- Марбилер
- Марбилер
- Маринер
- Маршал
- Мейсон
- Мастертауэр
- Матритавр
- Мазелинер
- Мазелер
- Мазелер
- Меринер или Мазелинер
- Мегузер
- Мелькер
- Мельмакер
- Мельмонгер
- Мельтер
- Менагер
- Ментер, минтер или монер
- Мерсер
- Торговец
- Миддесман
- Миллер
- Мельник
- Менестрель
- Минтер
- Мировер
- Мировер
- Монетчик или минтер
- Горчичник
- Гвоздодер
- Нейлер
- Изготовитель игл
- Нетмейкер
- Нотариус

- Маслобойщик
- Орбатур или орбаттер
- Отемонгер
- Ойлер
- Oynter
- Устричник
- Художник
- Панетер
- Паньер
- Паршеминер
- Приходской клерк
- Парментер
- Пастимейкер
- Патернострер
- Изготовитель патентов
- Паумер
- Павиур или Павур
- Педлар
- Пеинтур
- Пиллипер или пелипер
- Пельтерер
- Пепперер
- Перлер
- Resour
- Пессонер (см. рыболов)
- Пестур
- Певерер
- Оловянщик
- Врач
- Пиллипер
- Пиннер
- Прощелыга
- Плакальщик
- Плакальщик
- Водопроводчик
- Плавильщик или плавильщик
- Портье
- Портье
- Поттер
- Потье
- Упаковщик
- Поультер

- Кассир
- Пекарь
- Пипер
- Питекантроп, т.е. могильщик
- Quiltere
- Стегальщик
- Рейкер
- Рив
- Ретандер
- Roper
- Садлер
- Сакер или саккер
- Солевар
- Саунер (торговец солью)
- Sauser
- Саутреур (игрок на псалтири)
- Сойер
- Падальщик
- Скривенер
- Изготовитель печатей
- Селер, продавец
- Сельмастер
- Сержант или сержант
- Сеттер
- Шеарман
- Шерсть
- Корабельщик
- Сапожник
- Силкмен
- Шелкограф
- Метатель шелка
- Скиннер
- Скимзор (мастер фехтования)
- Слейтер
- Кузнец
- Изготовитель мыла
- Сопер
- Изготовитель очков
- Спайсер
- Спирьер
- Эспероннер
- Спирьер

- Спирриер
- Спитмейкер
- Сквайлер
- Станционер
- Рыботорговец
- Уборщик улиц
- Стрингер
- Стрингер
- Суменур
- Хирург
- Симфанур
- Таблер
- Табулятор
- Табуреточник
- Портной, Тейлор, Таиллур
- Кожевник (тальг)
- Кожевник
- Кожевник
- Тавернщик
- Тавуер
- Составитель текстовых писем
- Тейнтур
- Нитевдеватель
- Тиллер
- Плиточник
- Лесоруб
- Жестянщик
- Рабочий по производству жести
- Толысура
- Пекарь тортов
- Тринкерман
- Тромпур
- Трамбовщик
- Коффер
- Тернер
- Tyghelere
- Тюлер
- Плиточник
- Тиртейнер
- Обивальщик
- Обивщик
- Венера

- Виноградарь
- Скрипач
- Уокер
- Водолаз
- Водник
- Уэйдер
- Вайт
- Ваксхандлер
- Уивер, Вебб
- Вебстер
- Колесник
- Изготовитель камней
- Вайтавер
- Деревообработчик
- Шерстяник
- Шерстяник
- Шерстяник
- Уимплер
- Уиндер
- Виндравере
- Мастер по изготовлению имажинов
- Имайор или Имайор

Некоторые из этих профессий малоизвестны. Возможно, следующие заметки будут полезны.

- Ancermaker = изготовитель весов
- Арбалетчик = "балестерий", арбалетчик
- Батур = выбивальщик ткани
- Блетер = блейдер, т. е. торговец кормом
- Бокелер, букелер = изготовитель пряжек
- Braeler = изготовитель скоб или брекето
- Брасур = пивовар
- Бригирдлер = браслетовщик
- Brochere = изготовитель спиц
- Bureller = рабочий по изготовлению *бюрелей*, грубых тканей
- Calenderer = тот, кто "каландрирует" или прессует ткань
- Callere = мастер по изготовлению косых волос
- Ceinturer = парикмахер
- Чалонер = изготовитель чалонов для покрывал и одеял
- Чапелер = изготовитель шапок
- Чосер = сапожник
- Cirger = wax chandler
- Cossun = corsour, horsedealer

- Курьер = вероятно = corretarius, correctarius, маклер
 - Курьер = курьер
 - Dinanter = изготовитель латунных сосудов, известных как dinanterie, из Динана
 - Flauner = изготовитель легких пирожных flauns
 - Форбур = мастер по отделке доспехов
 - Фустер = мастер по изготовлению седел из дерева
 - Хурер = изготовитель хуресов, мохнатых меховых шапок
 - Киссир = кюссир, изготовитель набедренной повязки или доспехов для бедер
 - Орбатур = золотых дел мастер
 - Пастельщик = кондитер
 - Пелетер = щипальщик или скорняк
 - Песур = весовщик
 - Пессонер = рыботорговец
 - Певерер = пепперер
 - Фелепер = фриппер
 - Полетер = пастух
 - Ретундер = стригаль или стригальщик сукна
 - Саккер = мешочник
 - Селлер = садовник
 - Seltere = изготовитель стрел, O.F. sete = стрела
 - Sporier = изготовитель шпор
 - Tableter = изготовитель табличек или резчик мраморных столов
 - Табурер = изготовитель табуров или маленьких барабанов
 - Тулер = плитка
 - Violer = играющий на виоле.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ИНОСТРАННЫЕ КУПЦЫ

"В течение многих веков предприимчивым иностранцам, которые осмеливались посещать эту страну с целью торговли, приходилось бороться с многочисленными препятствиями и тяжкими ограничениями, проистекавшими отчасти из скупости английских государей, наглости и алчности их чиновников и, в еще большей степени, из зависти, которую питало к ним английское население, в особенности свободные жители городов и поселков. Однако уже во времена Этельреда II (около 1000 г. н. э.) к ним стали относиться с завистью. (около 1000 г. н.э.) были разработаны некоторые краткие правила, если не для их поощрения, то, по крайней мере, для их защиты.

Существующий текст этого документа, который разрешает купцам некоторых иностранных государств торговать в Хайте, известном в то время как "Биллингсгейт", очевидно, находится в несовершенном и искаженном состоянии; настолько, что, несмотря на краткость,

некоторые его фрагменты практически не поддаются пониманию. Однако в списке торговцев, которым была оказана такая милость, мы можем обнаружить имена людей из Франции и Нормандии, жителей Руана, купцов Фландрии, жителей Льежа и Льера (в Брабанте), а также "людей императора", в ранний период известных как "истерлинги", а во второй половине XIII века, если не раньше, под общим названием "купцы Ганзы Альмейна".

Любопытный документ под названием "Правила для лотарингских купцов", вероятно, в какой-то степени основан на кодексе Этельреда, с которым он действительно имеет сильное сходство в одном или двух своих положениях; насколько, то есть насколько неудовлетворительное состояние рукописей, содержащих тариф Этельреда, позволяет понять его положения. Несмотря на менее отдаленную древность, свод правил, приведенный в *Liber Custumarum*, представляет гораздо больший интерес, чем его предшественник: он относится, вероятно, к первой половине XIII века, если, конечно, не к более раннему времени, и, насколько удалось выяснить редактору, не существует ни одной другой его копии. При каких особых обстоятельствах были составлены эти правила в пользу лотарингцев, сказать, вероятно, невозможно; народ, который, хотя и был подданным или находился в вассальной зависимости от императоров Альмайна или Германии, в этот период, похоже, не подпадал под более общее название "люди императора".

Из этого документа мы можем узнать, что в ранние времена Плантагенетов, если не в более отдаленный период, винный флот, грузом которого, вероятно, были продукты с берегов Мозеля, имел привычку посещать эту страну каждый год. Как только эта флотилия авантюристов, избежав опасностей Немецкого океана, достигала Нового Уара в Темзе, восточной границы юрисдикции Сити, их долгом, в соответствии с фискальными и гражданскими правилами, было выстроиться в должном порядке и поднять свой мичман; экипажи могли свободно, если они того желали, петь свою *кириелу*, или песнь хвалы и благодарения, "по старому закону", пока не достигали Лондонского моста. Прибыв сюда и должным образом подняв разводной мост, они должны были на определенное время ошвартоваться у пристани (*Rive*), которая, несомненно, была *Queen-Hythe*, самой важной в те времена из всех пристаней или мест высадки, расположенных к западу от Лондонского моста. Здесь они должны были оставаться у причалов два прилива и один разлив; в течение этого периода купцы не должны были продавать часть своего груза; в это время один из шерифов и королевский камергер должны были подняться на борт каждого судна и отобрать для королевского использования такие драгоценные камни, массивные пластины из золота или серебра (называемые "работой Соломона"), гобелены из Константинополя или другие ценные предметы, какие они сочтут нужными; цена на них была должным образом оценена законными купцами Лондона, и кредит был предоставлен до конца двух недель.

По истечении двух приливов и отливов, когда чиновники должным образом сделали свои покупки или отказались от них, винному кораблю было разрешено стоять у пристани, а тунны с вином были переданы по определенным правилам, очевидно, в качестве меры предосторожности от выбора, тем купцам, которые могли представиться в качестве клиентов, причем первоочередными были купцы из Лондона, а следующими - из Винчестера. В первую ночь после прибытия в Сити ни одному лотарингцу не разрешалось отправляться "на рынок или на ярмарку" с любой целью передвижения за пределы четырех определенных пунктов, которыми, по-видимому, были Стратфорд-ле-Боу, Стэмфорд-Хилл, Найтсбридж и Блэкхит. Причиной этого необычного ограничения, возможно, было желание, чтобы иностранец хотя бы имел возможность потратить свои недавно заработанные деньги в Сити или его окрестностях; и, вероятно, именно в таком же духе предлагалась премия тем

лотарингцам, которые вообще не высаживались на берег или не проходили пределы пристани или Темз-стрит, в крайнем случае, в виде снижения пошлин на их вина.

Если же лотарингцу вздумалось вывезти свои товары и багаж за эти пределы и "устроиться на ночлег" в Сити, шериф обязан был навестить его в его жилище и взыскать с его товаров пададь; купец был обязан ждать прихода шерифа три дня и в течение этого времени не имел права даже распаковывать свои товары. Если этому не препятствовали встречные ветры, болезнь или долги, лотарингский купец, как и большинство других иностранцев в те времена, должен был покинуть Лондон по истечении сорока дней; во время его пребывания в городе существовали определенные товары, шерстяные, бараньи шкуры, свежая кожа и нестриженная шерсть, которые ему категорически запрещалось покупать под страхом конфискации в пользу шерифа. Три живых свиньи - вот все, что ему разрешалось купить для собственного потребления, возможно, в море; и если он осмеливался нарушить столь важное постановление, то после поднятого по этому поводу крика он должен был немедленно предстать перед судом по обыскам. Постановлением, вероятно, от той же даты, "людям императора Алмейна" разрешалось селиться в стенах города, где им заблагорассудится, - в те времена такая возможность оставалась лишь у немногих иностранных купцов. Однако жители Тизле (Тиль в Гельдерланде) и Бруне (или Брюне, возможно, Брууррен в Гельдерланде) были исключены; какой проступок послужил причиной их исключения, сейчас, пожалуй, невозможно сказать. Антверпенцам также не разрешалось выходить за пределы Лондонского моста, если они возражали против того, чтобы ими управляли по лондонским законам; в этом они, несомненно, были виновны в недавнее время, и, возможно, торговцы из Тизле и Брюне дошли до еще более непростительной степени. Розничная торговля вообще была полностью запрещена для иностранных купцов, но "люди императора" имели привилегию продавать такие небольшие партии, как четверть куминного семени и дюжину, а то и полдюжины полотнищ фустиана.

Уроженцы Дании, похоже, в эти времена пользовались особым благосостоянием, что, вероятно, объясняется их более тесной связью с этой страной в более ранний период. Они пользовались привилегией проживать в Лондоне в течение всего года; кроме того, они имели право на все преимущества "закона Лондонского Сити" - другими словами, право прибегать к ярмарке или рынку в любом месте по всей Англии. Норвежцы, с другой стороны, были наравне с датчанами в праве проживать в Лондоне в течение всего года, но не пользовались "законом Сити", поскольку им было запрещено покидать его для целей дорожного движения.

В 1237 году между жителями Лондона и купцами Амьена, Корби и Несле в Пикардии была заключена конвенция, или договор; привилегии, предоставленные этим договором, могут наглядно показать, в каких условиях приходилось работать их менее удачливым собратьям по ремеслу. Отныне они имели право загружать и разгружать, а также складировать в пределах города свои грузы ковыля, чеснока и лука и продавать их в городе как горожанам, так и чужеземцам; они также имели право вывозить их из города по суше или по воде в те районы страны, которые сочтут наиболее выгодными. Все остальные товары, за исключением вина и кукурузы, они также имели право грузить и разгружать, а также складировать в пределах города, но только для продажи горожанам, а не чужестранцам, если они продаются в пределах города; хотя в то же время им было разрешено перевозить их в любую другую часть Англии, "сохраняя законные и надлежащие обычаи города". В обмен на эти уступки купцы должны были ежегодно выплачивать шерифам Лондона по пятьдесят марок стерлингов в три периода, обозначенные тремя великими ярмарками Англии: в Сент-

Айвсе (в Хантингдоншире), Винчестере и городе Святого Ботольфа, или Бостоне, в Линкольншире.

В дополнение к этим привилегиям было разрешено, что если какой-либо "компаньон" таких купцов пожелает содержать общежитие для развлечения своих соотечественников, он будет иметь на это право, при условии, что он не будет оставаться в Лондоне дольше одного года. Если по причине войны или по приказу короля Англии купцы не смогут оставаться в Лондоне, они должны были быть освобождены от уплаты годового ферма в соразмерном размере. Провиант и оружие они ни в коем случае не должны были вывозить из королевства; в то же время они должны были исправно платить шерифам Лондона "за все свои товары и изделия, по праву и обычаю приходящие в город, останавливающиеся в городе, выходящие из города в английские земли, возвращающиеся в город из английских земель и уходящие из города в заморские земли". В подтверждение этого договора купцы трех упомянутых городов очень щедро внесли сумму в сто фунтов стерлингов на строительство канала, который в то время строился для подачи воды в город из источника Тайберн.

В ранний период торговля города Кельна с Англией, по-видимому, была значительной. Ричард I, в пятый год своего правления (1194), хартией, подписанной в Лувене, предоставил своим гражданам, после уплаты ежегодной суммы в два шиллинга, свой Гильдхолл в Лондоне, "и все другие обычаи и требования"; и король Иоанн, как говорят, даровал им несколько важных привилегий. В четвертый год правления Генриха III мы видим, что они заплатили в казначейство тридцать марок "за право владения своим Гилдхоллом в Лондоне". Тот же король в двадцатый год своего правления, согласно хартии, пожалованной "его благосклонности, гражданам Кельна", отказался не только от вышеупомянутой ежегодной ренты в два шиллинга, но и от "всех других обычаев и требований, которые относятся к нам в Лондоне и на всех наших территориях в Англии". Они также получили разрешение безопасно уходить и безопасно приходить по всей своей территории, свободно посещать все ярмарки, продавать и покупать, как в "лондонском квартале", так и в других местах, "сохраняя франшизу лондонского Сити". Эта хартия была подтверждена Эдуардом I в восемнадцатом году его правления.

Хотя, строго говоря, кельнцы относятся к "императорским людям", они до конца XIII века продолжали составлять общество, отличное от "ганзы Альмайна". В этот период у каждого из них был свой собственный Гилдхолл, расположенный в Даугейте в лондонском Сити; но к концу, вероятно, того же века они объединились, хотя дата и подробности этого события, по-видимому, не установлены. Шкуры и шерсть, судя по всему, активно импортировались торговцами из Кельна.

Ордонансы для регулирования деятельности торговцев шерстью, по-видимому, датируются до Конвенции, заключенной (1237 г. н.э.) с купцами Амьена, Корби и Несле, поскольку они явно составлены в духе, совершенно несовместимом с положениями этого документа, а именно купцы Пикардии, совместно с купцами Нормандии, были в те времена основными импортерами шерсти. В самом совершенстве духа корпоративной ревности в древние времена авторитетно установлено, что все иностранные купцы, и особенно торговцы шерстью, когда они однажды вошли в пределы, известные как *La Neue Were*, "не могут, и не должны, согласно древним обычаям и франшизам города и королевства, приходить или становиться на якорь в любом другом месте, кроме Лондона". По прибытии туда купцам напоминают, что их обязанность - выставлять свою шерсть на набережную, они могут обнести ее засовами и люками, если сочтут нужным, но ни в коем случае не должны складывать ее в домах или в подвалах. Здесь они должны были продавать его или отдавать в обмен на другие товары, "но только людям города, и никому другому, и то по разумной и

древней мерке города". Они также не должны и не могут покупать что-либо у иностранцев, но только у людей города, для вывоза за море; они не могут покидать город для посещения ярмарки или для поездки в любое другое место для целей торговли. Если их уличали в том, что они находятся на пути к такому месту и направляются к ярмарке, все их имущество должно было быть конфисковано, "поскольку все их покупки и продажи должны происходить в пределах города, и только с людьми города".

Даже более того. Купцы "не могли и не должны были оставаться в городе более сорока дней"; по истечении этого срока они должны были вернуться в свою страну или "в какое-нибудь другое место за морем, на таком же большом расстоянии, как и то, откуда они прибыли". Чтобы восполнить трудности торговца шерстью, "иностранец" (*foraneus*) должен был также позаботиться о том, чтобы в течение этих сорока дней продать или обменять весь свой товар, не удерживая ни одной его части, "поскольку, когда этот срок истечет, и он должен будет уехать, он не может передать часть своего товара своему хозяину или другому лицу, и не может унести его с собой. Но пусть он проследит, чтобы в течение отведенного времени он продал все это, как только сможет; ибо если какая-нибудь часть будет найдена после отведенного ему времени, то она будет полностью потеряна". В торговлю краской для тканей эти купцы ни в коем случае не должны были вмешиваться.

Читая эти поразительные постановления, можно подумать, что городские власти питали лютую ненависть ко всем иностранным торговцам шерстью, желая полностью покончить с импортом этого товара. Как бы то ни было, мы можем с уверенностью заключить, что прибыль от импорта этого товара была значительной; иначе, несомненно, благодаря своим недалёковидным правителям, лондонцы должны были бы ходить со своими бюрелями, руссами и алебардами некрашеными, по крайней мере, до тех пор, пока речь шла о широких акрах Пикардии и Нормандии.

Позднее (1300 г. н. э.) мы читаем о том, как несколько купцов попали в неприятности с властями, некоторые из сравнительно благополучных тевтонских, или ганзейских, купцов, за то, что они намеревались содержать в Сити общежития для ночлега и питания, что "было разрешено только для общежитий свободных людей". Однако мэр и олдермены с нежданной предусмотрительностью дали им время избавиться от неприятных заведений, "конфисковав все их движимое имущество". Другие же представляли перед мэром и олдерменами и покорно давали клятву, что продлили свое пребывание в городе по неосторожности, "так как обычай оставаться в городе только сорок дней был им совершенно неизвестен". Несколько раньше (н.э. 1293 г.) некоторые купцы из Прованса, после того как староста и олдермены подвергли их жесткому допросу относительно их претензий на право пребывания и освобождения от обычаев, признали, что у них нет никаких привилегий, дарованных им королем Англии, и что они не имеют никаких прав или привилегий в пределах города, ни на суше, ни на воде, за исключением того, что, помимо свободных горожан, они могут продавать свои товары оптом "великим людям земли", но только для своего личного пользования, заботясь о том, чтобы не иметь никаких дел с другими "чужаками". Их бывшие покровители, Элеонора Прованская, архиепископ Бонифаций и Петр Савойский, сейчас лежат в могилах, иначе мы, вероятно, не застали бы достойных провансальцев за признаниями, столь чуждыми духу, проявленному в этой стране их жаждущими денег внуками за полвека до этого.

В тридцать третьем году правления Эдуарда I (1305 г. н. э.) мэры, олдермены и шерифы Лондона постановили и разрешили освободить купцов из ганзы Альмейн от уплаты двух шиллингов за проезд и проход со своими товарами через Бишопсгейтские ворота, поскольку на них уже возложена обязанность по содержанию и ремонту этих ворот".

В двадцать седьмом году того же царствования мы находим несколько серьезное обвинение, выдвинутое против этих "купцов из Алмейна"; насколько оно было обоснованным, мы не можем судить. Недавно король своим указом повелел шерифам Лондона, чтобы они не позволяли вывозить из королевства ни хорошие деньги, ни серебро в слитках, ни ввозить в город поддельную монету. Однако, несмотря на это запрещение, до королевских ушей дошли сведения, что некие купцы из Альмейна, проживающие в Сити и обитающие в домах на берегу воды и в других местах, "под прикрытием определенных вольностей и привилегий", дарованных им королем и его предками, укрывают неких чужих купцов с фарделями и различными пакетами товаров, как ночью, так и тайно, днем. Более того, тевтонцы имели привычку (*sæpius*) выдавать такие товары за свои и, пользуясь своими привилегиями, вскрывать их и продавать без всякой проверки со стороны шерифов; тем самым они не только обманывали таможенные доходы, но и давали возможность утаивать и пускать в оборот дурные деньги. Поэтому купцам строго предписывается в будущем не показывать (или окрашивать) никаких товаров, кроме своих собственных; и ни в коем случае не принимать в свое владение никаких и не открывать никаких фарделей без надлежащего осмотра и проверки шерифами.

Положение иностранных купцов в целом, несомненно, было значительно улучшено статутом *De Novâ Custumâ* от 31-го Эдуарда I (1303 г. н.э.). Из него мы узнаем, помимо множества других интересных фактов, что ни один торговец не имел права разорвать или отказаться от контракта, если однажды "божий пенни", или залоговые деньги, были даны и получены договаривающимися сторонами. Все судебные исполнители и должностные лица ярмарок, городов, округов и рыночных городов должны были быстро вершить правосудие над всеми торговцами-страдальцами и должным образом проводить суд изо дня в день, согласно положениям "Закона купеческого", для этой цели. В каждом рыночном городе и на ярмарке по всему королевству королевская балка, или весы, должна была быть установлена в каком-нибудь фиксированном месте; перед взвешиванием весы должны были осматриваться как продавцом, так и покупателем, чтобы убедиться, что они пусты; руки весов должны были быть точно равны перед взвешиванием, а при взвешивании он должен был убирать руки, как только находил их на одном уровне" - *Liber Custumarum*, vol. ii. pt. i. pp. xxxiv.-xlvi.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV НАЗВАНИЯ УЛИЦ

Приведенный ниже список улиц Средневековья составлен на основе мемориалов Райли, календаря завещаний Шарпа, *Liber Custumarum* и девятого отчета комиссаров. Другие улицы могут быть найдены в других документах, но этот список, безусловно, дает очень полный указатель улиц средневекового Лондона. Здесь они представлены в алфавитном порядке.

Используются следующие сокращения: "A." - аллея, "L." - переулок, "R." - ряд, "S." - улица.

- Abbechurch L.
- Addle S.
- Adlynge S.

- Alden's L. (Warwick L.)
- Aldermanberie
- Олдьюич (дополнительный Темпл-Бар)
- Олдерсгейт, Олдричгейт, Олредесгейт
- Олдерсгейт С.
- Олфричбери (поместье Портпул)
- Олдгейт
- Алмес Л.
- Алсиз Л. (напротив собора Святого Павла)
- Амен Корнер
- Анкор А. (Темз-стрит)
- Арменерс-лейн
- Арнхилл
- Арунс Л. или Киндж Л. (Св. Петра Меньшего)
- Арундел Л. (Всех Святых Великих)
- Аве Мария Л.
- Айелин С. (около Олдерсгейта)
- Бейли, Старый
- Барбикан
- Бареман Л.
- Бармондси С.
- Больница Варфоломея
- Бейсинг Л.
- Бейсингхолл С., Бэссишоу Ст.
- Батхестерес Л. (All Hallows the Gt.)
- Баттес Л. или Хейварф Л.
- Бир Корт
- Бече Л., Бече С. (Сент-Джайлс, Крипплгейт)
- Белл А.
- Колокольня
- Беллитерс Л. (Биллитер С.)
- Бербиндерс Л.
- Bercheveres L., Berchever L., Berewardes L., Bergeres L.
- Бервардес Л. (Бирчин Л.)
- Бевис Маркс (Бьюрис М.)
- Биллингсгейт
- Епископский двор
- Бишопсгейт С., Бископписгейт С.
- Черные монахи
- Блэк Рейвен А.
- Боклерсбери, Боклерсбери
- Болиот Л. (Святая Троица)

- Бордхоу Л., Бартау Л., Берделл Л. (Св. Марии Колеч)
- Ботулфс Л.
- Боу Л.
- Боуиер Р. (Св. Мартин, Ладгейт)
- Брейд С.
- Брэндри Л.
- Бреде С.
- Бретаске Л.
- Бреттон С., Маленькая Британия
- Бридж С., Бридж С., Бридж С., Брюгге С.
- Броде Л. (Сент-Мартинс-ин-Винтри)
- Сломанная пристань
- Бадж Роу (Боджероу)
- Бантинг А. (Сент-Альфеж П.)
- Кэндлвик С., Кэндлвик, Кэнвайк
- Кэннон Р. (Ченнел Р.)
- Карме С.
- Картерес Л., Картерес С., Картер С.
- Замок Байнард
- Кэтт С., Кейтон С., Кейт Л.
- Каттене С.
- Сесилия Л., Ла Тур
- Cescile L.
- Чонселерс Л., Чансери Л.
- Checker A. (St. Botolph's, Bishopsgate)
- Чепе, Дешели, Чипсайд
- Чиген Л., Чикен Л., Чикене Л.
- Chimney Alley
- Кристофер Л.
- Черч А.
- Чисел С. (Без, Крипплгейт)
- Клементс-лейн
- Клеркенвелл
- Cnihtebrigge
- Кокер Л., Коккер Л., Кок Л.
- Колхирхе Л. (Коулчерч Л.)
- Аббатство Коул
- Коулмен С.
- Конохоп Л., Конихоп Л., Конинхоп Л. (Grocers' Hall С.)
- Конверс Л. (церковь Святого Дунстана в Вико Конверсорум)
- Конинс Л.
- Кордвейнер С.

- Корнхилл
- Cornesheppung
- Корвейзерстрат (Корнер С.)
- Косинес Л., Косинес Л.
- Коубрюгге С., Коубрегге С., Коубридж С. (Смитфилд)
- Каунтер А.
- Крессингем Л.
- Крю Л.
- Крипплгейт
- Croked L. (Crooked L.)
- Cruched Friars, Crutched Friars
- Curriers' A.
- Debillane
- Деркес Л., Дарк Л. (Св. Михаил Квинхит)
- Дибблс Л.
- Diceret L. (St. Nich. Shambles)
- Дистафф Л.
- Долиттл Л., Долител Л. (Картер Л.)
- Donston's L. (St. Dunstan's L.)
- Доркингес Л.
- Даугейт
- Дакетс Л.
- Дайерс Л. (Св. Н. Фл.)
- Эалд Фиш С. (Олд Фиш С.)
- Восточные Водные Ворота
- Easchere
- Эббегейт
- Эдуардес велл С., Эверардес велл С. (Сент-Джайлс)
- Элде Боу Л.
- Элде Чондж
- Элдедейн Л. (Олд Динс Л.), Элдедонская Л.
- Эльмы в Смитфилде
- Эбер Л.
- Экшекер, суд
- Файтерес Л., Файтюр Л., Файторес Л., Файтур Л.
- Фэнчерч С. (Фенч. С.)
- Фастер Л. (Фостер Л., Сент-Ведаст Л.)
- Фастес Л. (St.)
- Фастольф А.
- Fattes L.
- Felipes L., Philip's L.
- Фиш С.

- Фиш С. Новый
- Фиш С. Старый
- Рыбная пристань
- Флит Бр.
- Флит Л., Флит С.
- Фолькмарес Л.
- Fore S.
- Пятница С.
- Фернивалс Инн
- Финамурес Л. (Св. Ник. Олаф)
- Файнсбири, Финсбери
- Фингис Л., Финкс Л., Финч Л.
- Гаршерч С., Гершерч С., Грейси С., Грейсч С., Грейсч Св.
- Гейспор Л.
- Аллея Джорджа
- Джермейнс Л.
- Гервелл С.
- Годерес Л., Годерон Л., Годрен Л., Годеран Л., Годрун Л., Гудрен Л.
- Годфайр Л., Годфайр Л., Говайр Л. (Сент-Свитинс)
- Голден Л.
- Голдинг Л.
- Golding Welle S.
- Гоуз Л., Гус Л.
- Goswell S.
- Готер Л. (Гаттер Л.)
- Гоф А.
- Говерес Л.
- Грейс Инн Л., Портпул Л.
- Грейт Уиндмилл С.
- Грeneuve Л., Гринвич С.
- Гроббе Л., Груббе С., Гроббе С.
- Харп А.
- Харт С.
- Хэй Л.
- Сенная пристань
- Хейворд Л. (Всех святых великий)
- Хербьер Л.
- Хай Холборн
- Хай-стрит (Св. Марии Матфелон)
- Хог Л.
- Хогген Л., Хаггин Л.
- Холборн Барс

- Холеборн Кросс
- Холеберн С.
- Пристань Святого Руда
- Хони Л.
- Аллея Хорсхед
- Хозиер Л. (1) Сент-Сепулчр; (2) Кордвейнер С., Хозиер С., Боу С.
- Хаундсдитч
- Инджин Л., Инггелен Л., Энгейн Л. (Девичья Л.)
- Айронмонгер Л.
- Изелдон
- Айви Л.
- Jewry
- Джури, Старый
- Джон С.
- Катоне С.
- Кеннингтон
- Королевская скамья
- Королевское шоссе, от Крипплгейта до Бишопсгейта
- Кнингтридерс С.
- Kyrone L. (St. James' , Garlick Hythe)
- Лэд-Лейн
- Ламбет
- Лэнгборн С.
- Langbourne
- Лавендон Б.
- Лиденхолл Маркет
- Ле Барбикан
- Ледерес Л.
- Ле Кыныгес Л.
- Ли С.
- Ле Мир Л., Кожа Л.
- Ле Нью А. (Сент-Майклс, Корнхилл)
- Lennesaleye
- Ле Олде С.
- Le Peynted A. (All Hallows, Staining)
- Ле Риоль
- Аббатство Леснес
- Леветан Л. (All Hallows, Barking)
- Литлбири
- Литтл Л.
- Литтл Вуд С.
- Лодебери, Лодбери, Лотбери

- Лоллсворт
- Ломбард С.
- Лондонский мост
- Лонг Л.
- Лотбери
- Луэронелейн, Лонерон Л., Линерун Л.
- Лав Л.
- Ладгейт
- Ладгейт С.
- Лайм С., Лайм С.
- Лимбарнерес Л., Лимбурнерес Л., Лимбриннерес Л.
- Maiones L., Manchon L., Mengone L., Maione L., Menione L., Monechene L., Munchen L., Mynioun L., Mynchen L. (Mincing L.)
- Манимане Л.
- Марк Л.
- Мартель Л. (около башни Л.)
- Меделайн, Лд.
- Мелк С., Милк С., Мелк С.
- Миддлтон А., Маундевайл А. (Св. Михаил, Бассишоу)
- Милле А. (упоминается в книге Шарпа).
- Монквелл С., Магвелл С.
- Мавр из Финсбери
- Мор Л., Мор С., Мур Л.
- Морегейт
- Маунтенаут Л.
- Мьюквелл С.
- Маттон Л.
- Ньюгейт
- Нью Фиш С.
- Нортон Фолгейт
- Олд Бейли
- Старая перемена
- Олд Л.
- Олде Сванн А.
- Палмерс Л.
- Пэмиер Аллея
- Пардон Ч. Яд.
- Pater noster Cherche L.
- Pater noster R.
- Paul's A.
- Цепь Пола
- Паульс Ч. Хоу.

- Пристань Павла
- Павлин А.
- Пенткост Л.
- Буревестник
- Петти Франс
- Филиппс Л., Фелиппс Л.
- Филпот Л.
- Место святого Отелберта К.
- Папский л.
- Портес Л.
- Портпул С., Пуртепул С. (Грейс Инн Л.)
- Птицеводство
- Паулс пивоварня
- Primrose S. (S. Botolph's, Bishopsgate)
- Пудинг Л., Поддинг Л.
- Puppekirt L., Puppekirtil L. (St. Pancras)
- Queenhithe
- Raton S.
- Редекроучстрет, Редекроучстрет, Ред Кросс Стрит
- Ред Роуз Л. (приход Сент-Марг. Бридж С.)
- Редерсгейт, Редерсгейт Л., Редерслейн, Ретреслейн, Ротергейт Л. (ныне Пудинг Л.)
- Реннер Стрейт (приход Св. Гроба Господня)
- Ридере С.
- Роперелейн (впоследствии Ловелейн), Ропереслейн, Роперстрат
- Розмари Л.
- Ратленд К.
- Rylandes A.
- Саколлеин, Секоллеин и т. д. (Seacoal L.)
- Святой Варфоломей Меньшой Л.
- Святой Бенедикт
- Святой Ботольф Л.
- Святой Брайдслейн
- Святой Клемент Л. и С.
- Госпиталь Святого Джеймса
- Сент-Джонс С.
- Святая Катерина де Белитерслейн (Биллитер С.)
- Святой Лоранс Л. или С.
- Святая Маргарита у Патинес Л. или С.
- Святая Маргарита Л.
- Святой Мартин Оргар Л.
- Святая Мария Топор

- Святая Мария Матфелон
- Св. Матфея А.
- Святой Михаил Л.
- Святой Николай Л.
- Церковный двор Святого Павла
- Св. Петра Л.
- Св. Ситха Л.
- Св. Свитина Л.
- Св. Ведаст Л. или Фостер Л.
- Сакфрерлейн (назван так от Фратрии де Сакка, близ Коулмана С.)
- Солсберийский двор
- Сармонереслейн (переулок Проповеди)
- Скальдинговая аллея, Скальдинглайн
- Шоланд. См. также Шолан, Шоу Л.
- Секолейн, Сиколейн Л.
- Сельвернстрат, Сельверстрат (Серебряная улица), Сильверстрет, Сильверстрет
- Проповедь Л.
- Seuenhodeslane, Sofhodlane (приход св. Лаврентия Юрия)
- Аллея Шеппардов
- Шитебуруэлейн, Шиттебуруэлейн, или Шитебурнелейн, Шетебуруэлейн, Шетеборуэлейн (Шерберн-лейн)
- Шордич, Соресдитч, Сордидж, Съоресдич, Соресдич, Шордич
- Сиуденлейн, Сиветенлейн, Сивендестрет (Ситинг-Л.)
- Сильвер С.
- Sixe L.
- Слейперслейн (приход св. Барта Меньшего)
- Сметхелейн (приход Всех святых, Баркинг)
- Соперлейн, Сопереслейн
- Саутэм-Лейн
- Спитал С.
- Споренлейн, Споронеслейн (ныне Хаггин Л.)
- Спориерслейн, Спириерслейн, Спориерстрет, Уотерлейн (приход Олл-Хэллоуз, Баркинг)
- Станинглейн, Стейнинг Лейн
- Стивенеслейн (приход Святой Маргариты), Стивенеслейн
- Стилиард, или Стилиард
- Стодиеслейн (приход Святого Мартина в Винтри)
- Стокфишмонгер Р.
- Саффолк Л.
- Сван А.
- Синехен С.
- Сайвенлейн, Сайведенлейн, Сайвидлейн, Ситинг-Лейн

- Талбут А., Уайтчепел
 - Темз С.
 - Аллея Трех Наннов
 - Threeneedle S.
 - Торнебастонлейн, Тернебастлейн или Тернебастонлейн
 - Турестрет, Турстрат, Тауэр-стрит
 - Тауэр-Хилл
 - Троицкий переулок
 - Тимбрехитлейн, Тимбер Хите (приход Святой Марии, Сомерсет)
 - Вайн-корт
 - Винтри
 - Вандейенеслейн (приход Святого Гроба Господня; Виндагейн, или Тернагейн-лейн)
 - Вандегоселейн (приход Всех Святых Великих)
 - Уорвик Л.
 - Уотер Л.
 - Уотлингстрат, Уоттлингстрет
 - Уэст Чепе
 - Уэст Фиш С.
 - Wetelane
 - Уайткросс С., Уайткроучстрейт, Уайткроучстрейт
 - Уайт Фрайерс
 - Уитстоунстрит
 - Уиндмилл С.
 - Уайрхейл Л.
 - Водероулейн, или Водеровелейн
 - Водестрат (лес С.)
 - Вулсиейн, Волдислейн (приход Всех Святых Меньших)
 - Вайтек С.
 - Уайвенелейн (приход Святой Марии, Сомерсет)
 - Исмонгерелейн
 - Ивилейн. См. также Фукемерлейн, Ивилейн.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Ниже приводится список главных жителей и домовладельцев Лондона 12 года правления Эдуарда II, составленный для целей оценки: он показывает, сколько великих людей того времени имели городские дома в XIV веке.

- Аббат де Тауэр-Хилл
- " Уолтем
- " Беркинг

- " Ившем
- " Уинчкомб
- " Малмсбери
- " Бертон
- " Нетли
- " Коггешолл
- " Картузианцы
- " Элсинг Шпиталь
- " Эли
- " Бретешем
- " Крайчерч
- " Сент-Барт
- " Святая Мария
- " Святой Мих. де Кентербери
- " Святой Иаков
- " Святой Джайлс
- " Храм
- " Колл. де Дерби
- " Коббем
- " Сент-Мич. Кривой Л.
- " Бэйли Холл (Балиол)
- " Мертон
- " Сент-Мэри
- " Кингстон-он-Тх.
- " Понтефракт
- " Чаддендон
- " Реджис Вест
- " Садбери
- " Шоттерсбрук
- " Стэнфорд
- " Сент-Лоуренс
- " Бедлем
- " Domus Conversorum
- " Св. Тос. Саутварк
- " Св. Кат. у Тауэра
- " Minoresses
- " Бернхем
- " Клеркенвелл
- " Халиуэлл
- " Сент-Элим
- " Килберн
- " Чешант

- " Дертфорд
- " Стратфорд
- " Authwyke
- " Годстоун
- Принц Уэльский
- Томас Фиц Регис
- Иоганнес "
- Е. Герцог Йоркский
- Граф Арундел
- " Уэстморленд
- " Оксфорд
- " Маршалл
- " Уорр
- " Саффолк
- Лорд де Клиффорд
- " Ffererers
- " Чертли
- " Лестрейндж
- " Ffurnyvall
- " Ле Скроп
- " Бомонт
- " Баргавенни
- " Ловалл
- " Фицвальтер
- " Беркли
- " Харингтон
- " Де Грей де Рифсин
- " Грей де Соднор
- " Ле Суш
- " Кобхэм
- " Фитц Саймонд
- Сэр Х. С. Майлз
- " Дж. Акорт
- " Дж. Чембер
- " Хьюго Дальтор
- " Джон Бремер
- " Эд. Сэндсфорд
- " Корикорел, Дж.
- " Рд. Уолдегрейв
- " У. Мэнни
- " Дж. Частелион
- " В. Аргентин

- " Ж. Дабричекурте
 - " Дж. Донтесей
 - " Р. Крамвелл
 - " У. Пекл
 - " Дж. Эймсфред
 - " Тос Грен
 - " Т. Ффиц Никол
 - " Чрайк, Джон
 - " Ламли, Дж.
 - " Роджер Страундж
 - " Адам Ффраунсис
 - " Р. Денни
 - " Дж. Стэнли
 - " Грэнтэм
 - " Дж. Кроссби
 - Мэр и корпус Лондона
 - Леди Ма Кверн
 - Графиня Солсбери
 - " Хартфорд
 - Леди Клайнтон
 - " Кениетт
 - " Пайетт
 - " Roos
 - " Бардольф
 - " Ffartolf
 - " Де Ботан
 - " Филипот
 - " Норфорд и др.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

МАГАЗИН

В Лондоне продавались следующие ткани, грубые шерстяные товары, производимые в Сити: мерсери; "вад мал", шерстяная ткань; "озеро" или тонкий лен; холст, тканый лен, фристиан, войлок, "лаймер" или "лормери", материал, используемый для изготовления седел и амуниции для лошадей, ворс, керси, галантерея, *т.е. всевозможные "гаперты"*. *Т.е.* всевозможные "гаперты", толстая шерстяная ткань, лиможское сырье, кваллурн "Парментри", шелковая ткань и ткань из Реймса. Полосатую ткань под названием "рей" привозили из Брабанта и Фландрии. Иностранные ткачи приезжали в страну в большом количестве. Во избежание столкновений ткачам Фландрии, работавшим по найму, было

приказано отправиться на церковный двор святого Лаврентия Померойского, а ткачам Брабанта - на церковный двор святой Марии Моунтхау.

Приведенная ниже опись галантерейной лавки 1378 года показывает, что в ней хранился самый разнообразный ассортимент товаров. Галантерейщик XIV века был и канцеляристом, и мерсером, и драпировщиком, и шляпником, и изготовителем сапог и обуви, и торговцем кожей, и еще пятьюдесятью профессиями. Одним словом, он продавал все мелкие изделия.

"2 дюжины шнурков из красной кожи, стоимостью 8d.; один брутто пуантов из красной кожи, 18d.; одна дюжина колыбелей из шерсти и льна, 18d.; 3 колыбели из шерсти и льна, 3d.; одна дюжина шапок, одна половина из которых красного цвета, а другая половина зеленого, 2s. 8 d.; дюжина белых чепчиков, называемых "ночными", 2 с. 3 d.; 2 дюжины шерстяных шапочек разных цветов, 16 с.; 6 шапочек из черной шерсти, 4 с.; 5 шапочек синего цвета и одна шапочка цвета руссет, 2 с. 6d.; 5 детских шапочек, красных и синих, 2s. 1d.; одна дюжина черных хур, 4s.; один черный хур, 4d.; два волосяных камиза, 12d.; одна красная шапочка, 7d.; другая шапочка русая, 7d.; одна шапочка русая, 6d.; одна белая шапочка, 3d.; 2 бумаги, обтянутые красной кожей, 12d.; две другие бумаги, одна из них обтянута черной кожей, а другая красной, 8d.; один кошелек, называемый "хамондей", морского зеленого цвета, 6d.; 4 пары шпор, 2s.; одна двойная железная цепь, 10d.; и одна другая железная цепь, 6d.; 2 *пермиса*, 2s.; одна ткань, расписанная распятым Христом и другими фигурами, 2s. 4 d.; 8 белых железных цепочек для *папоротников*, 8 d.; один *флекаж* из дерева, 3 d.; один набор бус из *геита*, 6 d.; другой набор бус из черного алебаstra, 4 d.; три набора бус из дерева, 3 d.; две пары пеналов с рожками, 8 d.; одна пара детских сапог из белой шерстяной ткани, 2 d.; один оскулярий, называемый *пакс-хлеб*, 3 d.; 2 набора деревянных бус, называемых "узлами", 4 d.; 4 изделия, называемые "комбезами", из дерева, 4 d.; 2 деревянные шкатулки, 3 d.; 2 деревянные *керенки*, 3 d.; 2 фунта льняных ниток, зеленых и синих, 2 с.; 2 деревянные *косынки*, 2 d.; 6 кошельков из красной кожи, 4 d.; 4 очкарика, 2 d.; 18 рогов, называемых "*инкехорнами*", 18 d.; 2 пенала, 6 d.; один черный кушак из шерстяной нити, 2 d.; 13 квилов бумаги, 6 с. 8 d.; другая бумага, поврежденная, 6 d.; одна шляпа русого цвета, 6 d.; 2 деревянных гроба, 8 d.; 2 игровых стола, с людьми, 16 d.; один деревянный блок для формирования шапок, 2 d.; 6 шкур пергамента, называемых *soylepeles*, 6 d.; один деревянный свисток, 2 d.; 7 листов бумаги, 1 d.; и 3 куска виппекорда, 3 d." (Riley's Memorials, p. 422.)

Ниже приводится список товаров, украденных из лавки ювелира в 1382 году: - "Два серебряных кушака.

"Два серебряных кушака с красными *корсетами* из шелка, стоимостью 46 с.; один серебряный кушак с синим *корсетом*, 30 с.; еще один маленький серебряный кушак с зеленым *корсетом*, 16 с.; одна цепь из позолоченного серебра, 40 с.; еще одна маленькая серебряная цепь, 5 с.; один пояс из красного шелка, с *бокелем* и позолоченным серебром, 16 с.; один серебряный потир с патентом, 38 с.; 2 серебряные пиалы, позолоченные, 20 с.; один оскуляр из позолоченного серебра, 20 с.; две мазерные чаши, оправленные позолоченным серебром, 33 с. 4 d.; 6 серебряных ложек, 14 с.; 2 золотых кольца с двумя *диамаундами*, 15 фунтов; одно золотое кольцо с *бейлисом*, 26 с. 8 d.; 3 нитки жемчуга, 70 с.; 6 золотых ожерелий, 100 с.; и другие товары и имущество, такие как фермаилы и кольца из позолоченного серебра, сломанные серебряные кушаки, украшенные серебром,

пряжки и подвески для кушаков, и *патерностеры*, из серебра и жемчуга, на сумму 40 фунтов". (Riley's Memorials, p. 470.)

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

АССАМБЛЕЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Ниже приводится сокращение постановлений, изданных в 1189 году и приписываемых Джоном Карпентером Генри Фиц Эйлвину, первому мэру, "для смягчения споров, которые время от времени возникают по поводу границ и т. д."

Указанное "положение и постановление" называлось ассизой.

1. Мэру должен помогать комитет, или жюри, или двенадцать человек, избранных на полном собрании.

2. Если кто-либо требует ассизы, *то есть* обращается к мэру в случае спора, он должен сделать это на полном собрании. А если таковые не проводятся, то он может обратиться к мэру и олдерменам.

3. Толщина и высота каменной стены.

Она должна быть шириной три фута и высотой шестнадцать футов. Каждый из них или оба могут сделать водосток, чтобы отводить дождь на улицу.

В стене могут быть сделаны арки глубиной в один фут для амбразур или шкафов.

4. Если один из двух соседей желает построить каменную стену, а другой слишком беден, чтобы присоединиться к нему, то последний должен предоставить первому три фута своей земли для строительства. Но не для того, чтобы сузить или перекрыть какой-либо дверной проем, вход, выход или магазин.

5. Если человек построит за свой счет каменную стену высотой в шестнадцать футов, то его сосед должен сделать водосток под карнизом дома и таким образом отводить дождевую воду.

6. Запрещается сносить или уменьшать толщину стены без согласия обеих сторон.

7. Выгребные ямы и т.д. не должны строиться на расстоянии менее 2½ футов от стены, если они облицованы камнем. Если они не облицованы камнем, их нельзя строить ближе трех футов.

8. "Древние огни", как мы их теперь называем, не должны соблюдаться, если в письменном виде не было предусмотрено, чтобы они не мешали.

9. Колонны не должны сниматься иначе как с общего согласия.

10. Если кто-либо строит в ущерб соседнему дому, последний может прекратить строительство до решения мэра после посещения места.

11. Решение должно быть приведено в исполнение в течение 40 дней.

Существуют и другие постановления, в основном касающиеся строительства водостоков для дождевой воды.

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

ПРАВИЛА, КАСАЮЩИЕСЯ АДВОКАТОВ

"Во времена Грегори, мэра Лондона, в восьмой год правления короля Эдуарда, из-за того, что часто находились некоторые, которые делали себя графами, не понимая своей профессии и не обучаясь ей; что касается этих людей, то знатные люди города хорошо понимали, что из-за их невежества подставные и подставные лица теряли свои прошения и свои иски, на слушаниях и в домах шерифов, и что некоторые были лишены наследства из-за их глупого поведения; видя, что каждый по своей воле сделался графом, иногда таким, что не умел говорить на нормальном языке, к великому несчастью вышеупомянутых судов, которые позволяли им быть таковыми, а также соискателями, и адвокатами, и эссойнерами, а иногда в суде шерифа - заседателями, и [таким образом] каждый из них был судьей других, тайно или открыто; через что право было ими перехвачено: -упомянутый выше мэр со своими олдерменами и другими значительными людьми города, по просьбе сержантов и графов, понимающих свою профессию, и которые при этом чувствовали себя сильно ущемленными, установил, что отныне не будут рассматриваться дела таких лиц, которые не понимают разумно свою профессию, и как правильно управлять делами и исками значительных людей; и что впредь такие лица будут допускаться мэром и вышеупомянутыми солидными людьми; сохраняя, однако, за каждым солидным человеком право иметь такого адвоката, какого он пожелает, будь то незнакомец или житель [и] такого, какого он сочтет нужным искать для своего дела. Но это постановление и установление должно действовать в отношении наших сержантов, адвокатов и эссойнеров, которые обычно часто посещают наши суды и постоянно проживают среди нас. И их воля состоит в том, чтобы каждый держал свое собственное имущество, то есть чтобы ни один причетник не был поверенным или эссойнером, и ни один эссойнер не был причетником или поверенным.

Обязанность графа состоит в следующем: он должен выступать в суде, вести дела и подсчеты, а также делать предложения в суде, без подлости, без упреков и нецензурных слов и без клеветы на кого-либо, пока длится суд. Ни сержанты, ни адвокаты не должны выходить вперед за пределы барной стойки или места, где они сидят; никто не должен быть ассессором или сидеть рядом с судебным приставом для подачи заявлений или вынесения решений, если только главный судебный пристав, который ведет суд, не призовет его к себе; и в этом случае он должен дать клятву, что не будет поддерживать ни одну из сторон.

Ни один присяжный или любой другой человек не должен оспаривать протоколы или приговоры; но если им покажется, что в них есть какая-то ошибка, согласно закону и обычаям города, пусть они подадут жалобу или представление мэру, который исправит ошибку, если таковая имеется в этом деле. Ни один причетник не должен браться за дело, чтобы быть партнером в этом деле, или брать плату с обеих сторон в любом иске; но он должен хорошо и законно осуществлять свою профессию. Ни один причетник или другой не должен оспаривать решения суда или заниматься поисками того, как можно было бы опровергнуть действия и решения общины. И в том, что они это сделают, присягающие должны дать клятву.

Тот, кто окажется рядом с судьей без приглашения, или будет выступать против протоколов и решений, или будет клеветать на другого, если это будет в суде шерифа, будет отстранен на восемь дней, чтобы он не считался ни с кем, или же он будет наказан шерифом в полмарки. Если это произойдет на слушаниях, он будет отстранен на три слушания или более, в зависимости от проступка. Тот, кто берет у обеих сторон и задерживается при этом, должен быть отстранен на три года: если кто берет [деньги], а затем оставляет своего клиента и переходит к другой стороне, и если кто берет [деньги] и бросает своего клиента, пусть такой человек вернет вдвое и не будет слушаться против клиента по этому иску. Тот, кто занимается поисками того, как бы победить решения или приговоры общества, и будет в этом уличен, должен быть навечно отстранен от дела и считаться лжесвидетелем навечно. И противник, который берет на себя обязательство участвовать в требовании, должен быть навечно отстранен, если он в этом уличен. Адвокаты должны подвергаться такому же наказанию, если они нарушат это постановление и будут в нем уличены. Если поверенные по своему неисполнению или небрежности лишат действий тех, чьими поверенными они являются, то они должны быть подвергнуты тюремному заключению, в соответствии со статутом короля. И никто из поверенных не должен быть эссойнером, и ни один эссойнер не должен быть поверенным, под страхом вышеупомянутого" -Liber Custumarum, vol. ii. pt. ii. pp. 595-597.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

ПРИЛАГАЮ СПИСОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФАМИЛИЙ, СОСТАВЛЕННЫЙ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ОБЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ.

- Авраам
- Абиндон
- Адриан
- Акатур
- Олбани
- Албон
- Алейн
- Андреу
- Эндрю
- Аппельтон
- Араз
- Арундел
- Эшби
- Асхем
- Асхерст
- Асви или Эсви
- Атте Ватр
- Обри
- Остин
- Овернь

- Бабуц
- Бакун
- Баккель
- Бакун
- Баддеби
- Балансер
- Балдок
- Бамме
- Банкель
- Барентин
- Бартоломью
- Бартлот
- Бартоне
- Бейсинг
- Бассе
- Бат
- Бат
- Бошампе
- Бофлур
- Бофлур
- Беше
- Бедорд
- Бекеринг
- Belhomme
- Бенингтон
- Берефорд
- Беркинг
- Бернард
- Бернардстоун
- Бернес
- Берней
- Бертевиль
- Бесте
- Бетойн, или Бетоинь
- Бетойн
- Бевер
- Блакамур
- Блакторн
- Бланкпайн
- Блом
- Бломвиль
- Блаунд, Блаунт или Бланд

- Бокбиндэр
- Бокбиндэр
- Боле
- Болфинч
- Бонер
- Бонер
- Роузхем
- Ботелер
- Ботильд
- Бун
- Бурсье
- Буртон
- Ложа
- Брабазон
- Бредемор
- Брамптон
- Брандоне
- Брансби
- Брейлер
- Брэйнфорд
- Брегерделер
- Брембре
- Брет
- Бретун
- Бриклсворт
- Бриггуотер
- Брайт
- Браун
- Букингем
- Бук
- Букерель
- Букке
- Букскин
- Букстоун
- Бурельман
- Бёрфорд
- Бури
- Бындо
- Быше
- Кейд
- Каллере
- Камервель

- Каунтбригге
- Каунтбригге
- Карбонелле
- Карлель, или Карлель
- Плотник
- Каумпес
- Костоун
- Кавендише
- Кэкстоун
- Чезарио
- Шарни
- Чосер
- Чонтеклер
- Челси
- Честхунт
- Чейн
- Чичеле
- Чичестер
- Читесмит
- Чигвелле
- Чигвелле
- Чиршман
- Чопинс
- Клэверинг
- Клейдоун
- Клионгр
- Кленхонд
- Кокайн
- Кокков
- Колброк
- Коламберс
- Комбемартын
- Кондуит
- Константын
- Cornewaleys
- Корнуолл
- Корп
- Козин
- Косин
- Костантин
- Котильер
- Коттон

- Coulee
- Кортени
- Ковентр
- Кокси
- Крепин
- Крессевич
- Кресси
- Крос
- Кройдон
- Кроумир
- Кертейс
- Кусин
- Дейлингрюгге
- Дарси
- Де ла Поль
- Денекомб
- Депхам
- Дерлинг
- Дернефорд
- Деспенсер
- Деспенсер
- Деверос
- Диссард
- Диссер
- Доблере
- Дод
- Дод
- Догет
- Дольсели
- Донестапл
- Донн
- Дорсет
- Дрейтон
- Друри
- Дринкуотер
- Дюшоман
- Дакет
- Дюфус
- Герцог
- Дукет
- Дантон
- Дарем

- Дайс
- Дайн
- Эдит
- Элиас
- Элсинг
- Эльтэм
- Элис
- Энефельд
- Энглис
- Эссекс
- Эстанес
- Эсви. См. Асви
- Эверард
- Эвот
- Эвен или Ивейн
- Экстоун
- Эйнешем
- Фанелор
- Фаннер
- Фарндон
- Фастольф
- Фелтон
- Ферон
- Февер
- Фифиде
- Фигге
- Филиол
- Фитиан
- Фиц-Питер
- Фиц-Уолтер
- Фламбард
- Флоунер
- Мука
- Флурман
- Форестер
- Фокс
- Фокстон
- Franke
- Франкелейн
- Fraunceys
- FREKE
- Фрере

- Фрешише
- Фресше
- Фрестлинг
- Фрестоун
- Фроуик
- Фрайдей
- Фулхэм
- Фуллер
- Фычет
- Фьюдлер
- Финче
- Фисшер
- Гейлис, или Уэйлис
- Гандре
- Гарендон
- Гарендон
- Гавестон
- Гейтон
- Геденей
- Гест
- Гейт
- Гидихьюд
- Гилдер
- Гизорс
- Гизорс
- Гласврит
- Глостер
- Глостер
- По ветру
- Годчеп
- Годчайлд
- Годфрей
- Годссон
- Годгром
- Годрич
- Грэнтэм
- Грантоун
- Гренекоббе
- Грей
- Гроббелейн
- Гростест
- Гидишон

- Гидишон
- Гингивер
- Гынгывер
- Гизорц. См. Гизорц
- Хадесток
- Хадли
- Хагемакере
- Хакенее
- Халдене
- Хейлс
- Халлингбири
- Халлокстоун
- Хамонд
- Хапенее
- Харди
- Хардингем
- Хармер
- Хаселшоу
- Хастевиллейн
- Хастингес
- Хатфельд
- Хаунсард
- Хаутейн
- Хаверинг
- Хаутын
- Хайн
- Хоумер
- Хечем
- Хенде
- Хендон
- Хенгхем
- Херефорд
- Херле
- Херемит
- Херт
- Хертполь
- Херви
- Херинг
- Хете
- Хейлесдон
- Хилле
- Хилтофт

- Хокинг
- Хокли
- Хольбеке
- Холборн
- Хорн
- Хорводе
- Хосиер
- Хоттере
- Хаундесдиче
- Хью
- Хьюлот
- Хантингдон
- Хиндсток
- Хинстоук
- Хинкстон
- Ифорд
- Илфорд
- Ингхэм
- Исмонгер (железный мастер)
- Ивейн. См. Ивен
-
- Джейкоб
- Джардевил
- Джобер
- Джос (или Джозеф)
- Йохансон
- Жоиньур
- Джолиф
- Джордан
- Жордан
- Жюльерс
- Журдон
- Ювенал
- Канынгес
- Кайхо
- Келесейе
- Келесейе
- Келесейе
- Кене
- Кересвелле
- Кеу
- Киссере

- Кнапет
- Кноллес
- Knyghtcote
- Кинге
- Кингесбрюгге
- Кингескот
- Кайнстоун
- Кыслингбери
- Лакер
- Ласир
- Ламбин
- Ланкастер
- Лейн
- Лангетон
- Лэнгфорд
- Лэнгли
- Лэпвотер
- Латимер
- Лаунд
- Лаванда
- Лече
- Ледред (Лезерхед)
- Ледред (Лезерхед)
- Лег
- Легге, или Легги
- Лескроп
- Леснес
- Лестранж
- Льюшем
- Лейкенор
- Лейр
- Лилло
- Линкольн
- Лайонс
- Лисл
- Литл
- Литл
- Лобенхем
- Лоделоу
- Лоделоу
- Лок, или Локс
- Локиер

- Ломелин
- Лондон
- Лонг
- Лонге
- Лонгли
- Loseye
- Louthe
- Любовь
- Лавкын
- Лавье
- Лукас
- Люси
- Ладгейт
- Лю
- Лумбард
- Лидгейт
- Лигтефорт
- Линдевод
- Лион
- Макелер
- Магфельд
- Майот
- Март
- Мартлшем, или Мартешем
- Мэринс
- Маундевилль
- Маундевар
- Мэйн
- Мейнард
- Мазелинер, или Мазерер
- Меде
- Мелдон
- Мереворт
- Меривейл
- Мерлау
- Меримут
- Мессаджер
- Метингем
- Мишель
- Мишель
- Мильтон
- Миривале

- Мирурер
- Митера
- Митфорде
- Насмешка
- Mokkinge
- Моккинг
- Молинс
- Монтакут
- Мордон
- Больше
- Морленд
- Морли
- Мотун
- Мотун
- Мункени
- Мустардер
- Науфретон
- Найлере
- Нойпорт
- Норейс
- Норфолк
- Нортгемптон
- Нортхалле
- Нортумберленд
- Нортон
- Примечание
- Ноттингем
- Нотынгем
- Найп
- Одихам
- Оккеле
- Олней
- Орган
- Ормонд
- Отемонгер
- Ундл
- Оутлау
- Оверхи
- Оксенфорд
- Ойнтер
- Панкрегге
- Париж

- Паркер
- Пастемакер
- Патернострер
- Пиче
- Пек
- Пинтур
- Пекхам
- Пелам
- Пемброк
- Пенне
- PETERS
- Перлер
- Первейс
- Петевардын
- Петтели
- Пейто
- Фалез
- Фелипот
- Фиппе
- Пластрер
- Поденхале
- Подифат
- Polehulle
- Полетри
- Поле
- Папа
- Поппе, или щенок
- Портланд
- Пот
- Потерел
- Поумфрейт
- Паунтфрейт
- Pourte
- Пойнтел
- Прест
- Престон
- Приур
- Proffyt
- Пултенее
- Purtreour
- Рускард
- Пикот

- Пайел
- Пайк, или Пайк
- Пайкмен
- Пинчон
- Пинчон
- Пири
- Квелдрик
- Квелхогге
- Кверделион
- Рам
- Рамесей
- Рэндольф
- Реше
- Реде
- Редере
- Редхеде
- Рефхэм
- Рейнхем
- Рейнольд
- Рейнвелл
- Ричер
- Ричмонд
- Ридер
- Роанди
- Робире
- Робин
- Роксел
- Роксель
- Роксель
- Рольф
- Ромейн
- Ру
- Роос
- Rote
- Ротинг
- Ротинг
- Rous
- Рассел
- Рассел
- Ryghtwys
- Сент-Албанс
- Сент-Айвс

- Сент-Омер
- Сент-Пол
- Сандейл
- Сэндвич
- Сакстоун
- Сай
- Скардебург
- Шельд
- Шипвайсше
- Шот
- Скривейн
- Секешфорд
- Сели
- Серват
- Сеттер
- Севеноке
- Сьюэйл
- Шэдворт
- Шарнефельд
- Шедуотер
- Шене
- Шепай
- Шерингам
- Ширборн
- Ширлок
- Шорн
- Шорт
- Шримпельмерше
- Сибилла
- Скеймс
- Скирмисур
- Sloghtre
- Смел
- Смел
- Смайт
- Соменур
- Сопер
- Судан
- Спайн
- Спайсер
- Sporigere
- Шпрот

- Спрот
- Сприг
- Спинола
- Конюшня
- Стендольф
- Стендुльф
- Станнове
- Стаундон
- Стодее
- Стоквелле
- Стомпкост
- Стонор
- Стоу
- Стоу
- Стратфорд
- Строуд
- Стурми
- Саффолк
- Суригиен
- Сурмин
- Саттоун
- Свалклив
- Сванлонд
- Свифт
- Сивард
- Симс
- Талбот
- Талворт
- Тейм
- Тедмар
- Тандерле
- Тилни
- Титинджекомб
- Тоденхэм, или Туденхэм
- Тонге
- Торнеголд
- Тур
- Трейси
- Тремейн
- Тренте
- Тресилиан
- Триг, или Трайг

- Триг
- Тромпур
- Тругге
- Трампингтон
- Трумпель
- Тёрка
- Турка
- Твайфорд
- Тылней
- Уггеле
- Уптоун
- Ушер
- Ваче
- Ван Тэн
- Ванагте
- Ваннере
- Вантеброк
- Воторт
- Венур
- Вуденай
- Выгеронс
- Вейд
- Уэйк
- Уолкот
- Уолден
- Уолдерн
- Вальдешеш
- Вальдешеш
- Вальдешеш
- Уэйлис
- Уолфорд
- Уоллес
- Уолк
- Уолпол
- Уолрейн
- Уолшмен
- Уолсингем
- Уолтер
- Уолтем
- Уолворт
- Уорд
- Уорнер

- Уорвик
- Уотлингтон
- Уэйлихс
- Уэйт
- Уэлбургхэм
- Уэлд
- Уэлсби
- Уэлфорд
- Уэлфорд
- Уэлингтон
- Венгрейв
- Венлок
- Вентбридж
- Вестерхэм
- Уэстоун
- Уитби
- Уитлок
- Уайтингем
- Уайт
- Виге
- Уайт
- Уилфорд
- Уильям
- Уилман
- Уиндесор
- Винтоне
- Вирчестер
- Вирдравере
- Водекок
- Водехус
- Вольси
- Вудсток
- Уорселе
- Ворстед
- Вортин
- Воттон
- Врестелингворт
- Врот
- Уайчингем
- Вайдингтон
- Уайкхем
- Уайкс

- Уайлсдон
- Уимбиш
- Уимбиш
- Уимплер
- Уиндж
- Виндзор
- Вайсман
- Яксли
- Йевеле, или Йевеле
- Йонкере
- Юнгелин
- Ивингху

КОНЕЦ ТОМА. I.

Отпечатано в издательстве "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.

ССЫЛКИ:

- 1 "Старый", т.е. "Сенекс". Было высказано предположение, что это латинская транскрипция имени Vuel.
- 2 Сей = разновидность саржи.
- 3 Гейрднер, Введение к письмам Пастона.
- 4 В 1462 году граф Уорик стал лордом-адмиралом, в следующем году его сменил брат граф Кент, в том же году он был смещен в пользу герцога Глостера; в 1470 году Уорик снова стал адмиралом, в 1471 году его сменил Ричард.
- 5 Londina Illustrata, vol. i.
- 6 Бай (фламандский).
- 7 Кэндлвик-стрит, ныне Кэннон-стрит.
- 8 Кельн.
- 9 Knightes Tale, p. 177, цитата из Sloan MS.
- 10 Joseph Strutt, Sports and Pastimes of the English People.
- 11 Издание Стивена "Монастикона" Дагдейла - прим. ред.
- 12 Разновидность ножа, носимого у пояса.